

ОЛЕГ БОРИСЕНКО

ЗВЕЗДЫ
НАД
УРМАНОМ

*Санкт-Петербург
Издательство «Моя Строка»
2018*

УДК 82-4
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Б 82

Корректор: А. Бачурина
Оригинал-макет: Т. Иванова
Обложка: Т. Иванова
Иллюстрация для обложки: Ю. Т. Тухтачев

Борисенко Олег
Б 82 Звёзды над Урманом, историческо-приключенческий роман / О. Борисенко
— Санкт-Петербург: Издательство “Моя Строка”, 2018. — 870 стр.

Олег Анатольевич Борисенко родился в 1963 году, город Петропавловск Казахской ССР.

По окончании Орджоникидзевогo военного училища в 1985 г. был распределен в управление войск по Средней Азии и Казахстану, где и проходил службу до 1993 года. В 1993 году перевелся в Ханты-Мансийский автономный округ. Участник ликвидации межнациональных конфликтов. Ветеран боевых действий. Имеет государственные и ведомственные награды. Полковник запаса.

В 2016 году, выпущенный издательством «Моя Строка», увидел свет сборник его стихов «Отпустите меня на войну».

В данной книге Олег Борисенко представляет на суд читателя роман «Звезды над урманом». Приключенческое произведение в стиле доброй сказки для взрослого и юного читателя, основанное на исторических событиях эпохи Ивана Грозного, освоения Сибири, Смутного времени...

Автор будет признателен читателю за критику и выраженное мнение. Связь с автором по электронному адресу borisenko-63@mail.ru.

<http://www.moyastroka.ru/>

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

ISBN 978-5-907040-11-3

© Олег Борисенко, 2018
© Издательство “Моя Строка”, 2018

ОТ АВТОРА

Опираясь на платформу исторических событий, я попытался преподать данные веги нашего прошлого в более мягком приключенческом, мистическом и фантастическом стиле, рассчитывая на аудиторию юного читателя.

Мой роман не историческая догма. Он предназначен зажечь искорку заинтересованности у старшекласников для последующего изучения одной из славных страничек истории нашей Родины.

Из рабства, убив хозяина, бая Узун Бека, бегут четыре раба. Надежду на спасение от преследования вселяет товарищам неунывающий вогул Угор, обещаая Рай на земле без бояр и князей, если, конечно, они уйдут от погони и доберутся до урмана, что находится в неведомой стране под названием Шыбыр.

*Юбилею Ханты-Мансийского
Автономного Округа -Югра*

*Моему прадеду Михаилу Санину, предки которого
пришли в Сибирь с охочими людьми боярина-воеводы
Афанасия Пашкова, я посвятил этот роман*

**ЗВЕЗДЫ
НАД
УРМАНОМ**

ПРОЛОГ

Старый шаман подбросил хвороста в чувал. Отблески огня осветили его глубокие морщины. Вытащив уголек и перебросив его с ладони на ладонь, шаман раскурил трубку.

– Совсем прогорела, однако, – посетовал он.

– Дедушка, я шиповник с толстым стволом на берегу Атлымки присмотрел, могу из него тебе новую люльку вырезать, – предложил мальчик лет двенадцати, сидевший на корточках неподалеку.

– Нет, не нужна мне новая трубка. Это, Угорка, память о предках наших, что великими шаманами пребывали, кои испокон веков хранили тайну Золотой Бабы. Придет время, и я уйду в страну духов, а тебе предстоит хранить эту тайну далее. Я научу тебя ведать будущее и возвращаться в прошлое. Ты найдешь верных попутчиков и проживешь долгую трудную, но прекрасную жизнь.

– Расскажи, дедушка, мне еще о ведуне Никите, о Ванюшке, маленьком лекаре, о князе Гостомысле, о прапрадеде моем шамане Угоре. Ты так хорошо рассказываешь, и я верю, что и на самом деле живут многие из них да здравствуют доселе.

Дед, с любовью глянув на подростка внука, улыбнулся.

– А то как же. Жительствоуют и ныне ведуны. Ибо должен же кто-то наставлять народец на путь истинный. Ведь если не будет у нас умного вожака, то превратимся мы в стадо безмозглых оленей. Ну а ежели вожак зазнается, то и его поставить на место надобно,

ибо поведет он народ на погибель верную. Вожак-то – от слова «вожжи», а вожжами управлять тоже кто-то должен.

Старый шаман выпустил несколько колечек дыма и продолжил:

– Много-много лет прошло и еще пройдет, сколько воды утечет, никто не ведает. Солнце взойдет и снова зайдет множество раз. Хорошие времена пройдут и наступят тяжелые. Но появляются в самую трудную годину ведуны и пестуют народ наш, направляя на путь истинный. Слушай, внук, сказ про пращуров наших.

ГЛАВА I

БЕГЛЕЦЫ

В олхв бесшумно вошел в опочивальню Узун Бека. Шелковые занавески слегка качнул теплый южный ветерок.

– Как ты прошел сюда? Стража, ко мне!

– Не кричи, не услышат. Ты спишь и зришь меня во сне.

Помнишь меня, Узун Бек?

– Да, помню, ты приходил ко мне во сне, когда я был еще маленьким мальчиком.

– Что я тебе сказал в ту ночь?

– Не прыгай через арык¹ и не играй вблизи него.

– Ты послушался меня, Узун Бек?

– Нет. Я прыгнул и сломал ногу.

– Ты остался хромым на всю жизнь. Завтра, Узун Бек, ты прикажешь поставить себе охотничью юрту в степи. Отзовешь всю стражу, оставишь охранять твой покой только двух пастухов. И к тебе снизойдет благодать Всевышнего. Ты станешь вновь здоровым.

– Я сделаю, как ты сказал, уважаемый. Но как тебя звать? И кто ты?

– Имя мое – Гостомысл. Я ведун с Жаман Тау. Хранитель Славянской веры. Князь, дед князя Рюрика.

¹ Арык – искусственный ручей для орошения садов и других нужд.

- Зачем же беспокоишься обо мне?
- Не о тебе гребта моя. Ты мне нужен для славы моей Руси.
- А если я вновь ослушаюсь?
- Ты не поступишь иначе. Это твоя доля, – произнес старец и, сделав два шага назад, растворился.

Узун Бек проснулся. Сидя на шелковых подушках, пытаюсь успокоиться, он долго и глубоко вдыхал свежий предгорный воздух, который заходил через террасу дворца в его покои.

* * *

Исатай привстал в стременах. Угасал закат. Посреди реки вдоль гладкой водной поверхности стелился вечерний туман. Именно здесь находилось самое мелкое место, пригодное для переправы. Тут издавна переправлялись многочисленные купцы и путники. Здесь гнали полон², перегоняли скот и отары овец. Тут, в излучине, крутой правый берег реки отступал от береговой черты, образуя пологий подъем с песчаным плесом, что позволяло без особого труда подняться путникам, тяжело нагруженным арбам, волокушам и повозкам. Но переправа обычно существовала с середины лета до середины осени. Сейчас же, когда весеннее половодье наполнило русло реки по самую кромку правого берега и затопило до горизонта левобережье, только безумец мог отважиться перейти с берега на берег.

Безумцев же и разыскивал со своим десятком нукеров³ Исатай.

Ослушники ушли с предгорья горы Эйргимень, от невысокого горного массива Нияз Тау. Исатай вздохнул. И как только посмели эти четыре безмозглых русских раба поднять руку на своего хозяина, его достойного дядю? Чего им не хватало? Питались они не хуже собак, которые охраняли стада благородного Узун Бека. Прикормили неверные псов пастушьих, ой прикормили. Потому и не подняла лай стая, когда беглецы прошли ночью мимо отар и скрылись на севере бескрайней Киргийс-Кайсайской степи.

Неделю назад, утром, родные нашли в летней охотничьей юрте удушенного Узун Бека, а в поле – зарезанных двух его слуг-пастухов. Пропало и оружие. Два коротких копыя, четыре сабли и один лук. Пастушьи копыя особой ценности практически не представляли,

² Полон – плен.

³ Нукеры – воины.

сабли же, наоборот, были сработаны Самаркандскими мастерами и стоили немало, а лук, изготовленный джунгарским умельцем из слоеного дерева, был особенно дорог. Не каждый степняк мог позволить себе такую роскошь. Он отличался от охотничьих луков особой гибкостью, упругостью и дальностью стрельбы, к нему прилагался и колчан с тяжелыми стрелами, способными пробить доспехи врага на большом расстоянии, что давало большое преимущество хозяину орудия в бою.

За такой лук не жалко было отдать и сотню рабов, которых толпами гнали в плен по степным дорогам. Гнали без пищи и воды. Гнали, надев колодки на шею или просто накинув петли волосяных веревок. Немногие выдерживали такой путь без воды и пищи, без сна и отдыха. Особенно страдали женщины, которых тащили весь световой день на веревке, привязанной к седлу лошади стражника. А ночью использовали для развлечений. Тех, кого оставляли силы, бросали в степи на съедение корсакам⁴ или продавали местным степнякам за бесценок.

Лет пятнадцать назад в степь пришла плохая весть о падении Казанского ханства. Царь Иван, пользуясь ослабленным влиянием Польши, в третьем походе покорил Казань – вечную угрозу с востока государству Российскому, чем прекратил систематические набеги на пограничные земли, разорение поселений, грабежи и угон русских людей в рабство. Пленников и рабов на степных дорогах становилось все меньше и меньше. И они заметно подорожали. Хозяева, которые раньше относились к своим рабам хуже, чем к блохам в кошме их юрт, были вынуждены улучшить условия содержания невольников. Если раньше первый встречный нукер мог отрубить голову любому невольнику за любую мелкую провинность, то сейчас пошли в ход чаще телесные наказания. Теперь покалечить чужого раба каралось материальным наказанием. А многие мастеровые рабы вообще пользовались льготами и привилегиями. Им разрешали заводить семьи и жить в своих лачугах, только дети их продолжали считаться собственностью хозяина.

Рабы стали вести себя дерзко и иногда поднимали восстания, которые жестоко подавлялись. Побег стали не редкостью, а обыденным делом. Баи вынуждены были держать поисковые конные разъезды для выслеживания и отлавливания беглецов.

⁴ Корсак – степная лиса.

Убив Узун Бека, ушли в степь четверо мастеровых. Один – мастер железа и оружия, огромный двухметровый казак, плененный под Царицыно-волоком, а с ним – два каменотеса, крепкие и жилистые мужчины сорокалетнего возраста, пленники из средней Руси. Да прибился еще к ним вогул-самоед, в пуп им дышащий, проданный недавно в рабство своими угорскими князьками. Он занимался изготовлением украшений из серебра и золота для многочисленных жен и невольниц в гареме Узун Бека.

Беглых рабов, поднявших руку на хозяина, ждала самая ужасная смерть, которую могли только выдумать азиаты, так что сдаваться живыми для них не было смысла. Исатай со своими нукерами упорно шел по пятам беглецов, следы которых периодически терялись, но вновь и вновь отыскивались его опытными воинами, разведчиками-хабарчи.

Беглецы использовали неведомую доселе степнякам тактику запутывания следа. След то терялся в маловодных заводях Акан Бурлука⁵ и других мелких притоках да озерцах, то вновь возвращался к Исил Озен⁶. С поворотом реки на запад русло становилось все шире и шире, по берегам появилась мелкая растительность. Это давало шанс беглецам уйти от погони, на что они и надеялись. Вода в Исиле еще была довольно холодна для того чтобы спастись от преследования вплавь, да и подручных средств для сооружения плота в степи не было.

Именно это место, где остановил коня Исатай, и являлось переправой на левый берег, где простирались заросли камыша и тала, местами по пояс залитые весенним паводком, что исключало конное преследование беглых рабов. Исатай решил организовать засаду именно здесь.

Вогул упрямо ночами вел беглецов вдоль русла, каким-то чудом обходя стойбища кочевников и конные разъезды нукеров, рыскавших вдоль берегов Исилея. К утру же все четверо, намазав тела жиром, перебирались на левую сторону реки, забивались в сухой овражек и там пережидали световой день. Идти же ночью левым низким берегом было опасно, можно запросто сбиться с пути,

⁵ Акан Бурлук – приток Ишима.

⁶ Исил Озен (Исиль) – река в Казахстане, впадающая в нижнем течении в Иртыш.

попасть в трясину или выйти в открытую степь, где их легко мог заметить первый встречный.

Вести хабар в степи разносятся быстро. Несмотря на то что беглецы, совершив недельный переход, были уже далеко, это не давало им возможности уйти от погони. Но все-таки была надежда на последний шанс, пусть небольшой – один к ста.

В начале первых дней пути беглых рабов пугало и смущало присутствие рядом небольшой стайки степных волков, которые упорно сопровождали спутников на расстоянии видимости. Но Угор, или Игорь, как все путники величали вогула, при приближении стаи к месту дневки, сложив руки ладошкой, тихо издавал звуки, похожие на сопение и чавканье какого-то зверя, и стая, испугавшись, отбегала на безопасное расстояние.

Впрочем, волки нынешней весной и не были голодны. Уже вышли из гнезд утята и прочая водоплавающая живность. Иногда днем, пока путники отдыхали, стая с шумом кидалась в воду Исиля, преследуя птенцов, не вставших еще на крыло. Вечером она рыскала справа от идущих, вынюхивая лежки зайчат и норки сурков. Но Угор внимательно следил за их поведением, ведь при приближении любой опасности волки становились пугливыми и скрывались в степи. А при удалении опасности вновь занимали место в походном строю.

В северной части степи правобережья Исиля в последнее время появились многочисленные чужие вооруженные разъезды. Это были зюнгарты, дербетты. Иногда появлялись и более южные племена – хошуты и торгуты. Кочевники Киргийс-Кайсацкой степи называли их «ойраты», «джунгарты». Это была уже их территория, и Исатай, преследуя беглецов, осторожничал, не желая встречи с джунгартами. Дома же, если он не найдет убийц своего дяди, его ждали позор и презрение соплеменников. И десять нукеров шли упорно по следам беглых рабов. Их объединяла одна цель.

Догнать. Догнать. Догнать.

Река теперь шла ровно на закат, а значит – на запад. В степи начали чаще попадаться березовые околки⁷, заросшие низкорослыми кустами боярышника и шиповника. Днем можно было в них укрыться, ну а ночью напороться на засаду.

⁷ Околки – небольшие лесные массивы.

Стая волков, внезапно остановившись, настороженно сбилась в полукруг. Волчица, идущая вслед за вожаком, нырнула к песчаному плесу на переправе и тут же помчалась назад, уводя стаю в правобережную ночную степь.

Впереди на высоком берегу испуганно фыркнула лошадь. Затапала копытами другая. У переправы послышалось еле уловимое бряцание железа о железо.

– Ну, вот и засада басурманская, – одними губами прошептал Никита-каменотес, опускаясь на землю и вынимая из-за пояса саблю.

Но Угор, положив ему руку на спину, кивнул вправо, откуда неслась обратно стайка волков. Она с шумом и плеском кинулась в воду и клином поплыла на ту сторону реки. Послышалось движение, звон сбруи, негромкие вскрики и вскоре – удаляющийся топот копыт. Отряд Исатая, спешно оставив место засады, растворился в темноте степной ночи. А через несколько минут к переправе прибыл разъезд из сотни вооруженных людей. Их хабарчи, спрыгнув с коней, принялись изучать следы. Незнакомая речь резанула уши беглецов. Джунгары?!

ГЛАВА 2

— **Х**рен редьки не слаще, – лежа в ивняке, прошептал Никита Угору.

– Она степь пойдет, погоню наша ловить станет, – ответил сын тайги.

– Кто – она? – не понял Никита.

– Ну, она, джунгара, однако.

И действительно, вскоре прозвучала звонкая властная команда, и сотня всадников, поднявшись на крутой берег, поскакала вслед десятку Исатая.

Топот конских копыт стих. Вновь послышался стрекот сверчков, тьяканье степных корсаков, и тысячелетняя степь постепенно зажила тихой ночной жизнью.

– Айда. Ушла джунгара, – поднявшись с земли, прошептал Угор.

– А почай воротятся? – засомневался второй каменотес по имени Аника.

– Поди нет. Куды там. Им теперича другое надобно. Одним споймать тех, кто на ихню землю незвано лукнул, а другим – унести ноги, – рассмеялся в бороду мастер по железу кузнец Архип.

– А пошто, Архип, волки-то за нами увязались, нешто задумали неладное, серые разбойники? – поинтересовался Аника.

– А ты вон у нашего лешака спроси! Он эту бестию лучше меня знает, – улыбнулся Архип, дружелюбно кивнув на Угору.

– На степь ныне много басурмана пришло, с отарой много собак ходит. Тама-ка костер палят и тута-ка палят, дым волки чувуют, нету-ка жизни в степи коскырам, вот и идут за нами новую землю искать, – спускаясь к кромке воды, пояснил Угор.

– Значимо, совсем невмочь жить тут стало, раз даже зверина от этих нехристей бежит, – согласился Архип, следуя за вогулом.

– От басурмана пойдём до урманна, – глядя на сияющую полярную звезду, мечтательно пошутил Угор.

– Басурманна знаю, а про урман покамест не слыхивал, – поинтересовался Архип.

– Урманна – это лес дремучая, совсем непроходимая. Там даже зверь жить не хочет. Там токмо ворон старый живёт, сторожит оберег предков наших, Бабу Золотую. А округ урманна озеро без дна, в нём Сорт Лунг плавает. Злой дух, который вселился в большую щуку. Сорт Лунг арбу может проглотить с человеком. Вот такой он большой, Сорт Лунг, – разведя руки в стороны, показал Угорка.

– А Баба Златая большая? – спросил Аника-каменотес.

– Все вместе еле поднимем, однако, – важно ответил внук шамана, – тяжела она шибко, много золота в ней, очень много.

– А урман – это чаща што ль? – поинтересовался Архип.

– Нет, хуже, очень густо, совсем непроходимая чаща.

– А басурман кто же тогда буде?

– Голова мохнатая, нечесаная башка, однако, – разъяснил вогул и для правдоподобности поднял свои седые мохны пальцами обеих рук кверху.

– Поди прав ты нынче, Игореша! Бас – голова, урман – чаща непроходимая, вот те и басурман нечесанный получился. А я ведь в полоне почитай осемнадцать весен пробыл и не догадался, недотепа, по какому случаю их басурманнами кличут, – почесав бороду, усмехнулся Архип.

– Скидовай, браты, портки, на ту сторону реки подадимся от греха подальше. Раз серые разбойники не воротились, то и нам тута, на правом берегу, нече засиживаться, – дал команду Архип, снимая одежду и заворачивая её в узелок...

Вскоре ватага, намазав свои тела жиром, нарубив хворосту и связав его в снопы, пустилась вплавь через речку. Перед ними стояла задача не только переправиться, но и не утопить оружие, не намочить лук и тетиву, торбу с куртом и сушеной кониной, прихваченной у убитых пастухов Узун Бека. Вода спала хорошо, и только

на середине пришлось проплыть метров пятнадцать, остальное прошли по воде не выше груди.

Беглецы и не догадывались, каким образом степняк Исатай находил их место очередной водной переправы. Утром, вернувшись к переправе и еле-еле уйдя от погони, главный хабарча⁸ Исатая, Мурзабек, разыскал замаскированные старой листвой срубленные стебли тальника и, показав пальцем на левый берег реки, доложил:

– Там они, собаки!

– Рахмат⁹, Мурзабек, – похвалил своего верного хабарчу Исатай, засыпая.

⁸ Хабарча – опытный разведчик, следопыт.

⁹ Рахмат – спасибо, благодарю.

ГЛАВА 3

БОТАГОЗ

А нем, лежа на песчаной отмели левого берега, заросшего ивняком, и наблюдая за небольшим стойбищем из двух юрт, беглецы вполголоса вели разговор.

– Это степняк кочевой стоит. От него вреда не будет, токмо ежели кому не выдаст, что мы проходили. Нам денный переход нужно сделать, братья, чтоб оторваться от наших врагов. На пяты наступают, нехристи; ежели не уйдем, споймают и на арканах поволокут на смерть лютую, – грызя камышинку, рассуждал вслух Архип.

– Я живым не дамся, лучше пусть тут зарубят, чем там в яму со змеями кинут али по кускам резать и жарить станут, – перевернувшись на спину, проговорил Аника.

– А мне куды, сиволапому, податься? Выйдем с басурман-поля – царева дыба ждет, а не выйдем – пятки подрежут, ироды. Я ведь с Ливонской войны утек, а царь Иван такое не прощает, – горько усмехнулся Никита.

– Урман ходить надо, там ни царя, ни боярина, ни татарина нету-ка. Там рыба есть, зверь есть, ягода есть. Женщина тоже есть, жена покупать буду, – оскалился в улыбке вогул.

Хитро улыбнувшись, он снял через свою косматую голову висевший на шелковой нити кожаный мешочек и, развязав, показал

содержимое. В нем находились пар семь серебряных сережек, два золотых колечка и еще несколько игл и булавок.

– Ты дом свой урманый найди сначала, лешак нечесаный, сколь ден уж идем, а степи конца и края не видать. Хоть покажь, куды иди-то, – хмыкнул Архип, выплюнув камышину.

Вогул вытащил стрелу из колчана, ловко привязал к ней шелковую нить, выровнял так, чтоб стрела висела параллельно земле, а острие не перевешивало конец с оперением. Довольно долго и усердно тер наконечник о свои волосы и поднял стрелу за нить. Стрела завертелась на нитке, а через минуту вращение прекратилось.

– Там мой урман! – улыбнулся вогул, кивая на кованный наконечник, который показывал на север.

– Там ляга¹⁰ живет, которая за Иван-Царевича замуж вышла, да Кощей Бессмертный. А ты в задницу татарину не попадешь стрелой энтой, вычуру¹¹ нам всякую кажешь, скоморох нечесаный, – не поверил Никита.

– На, спытай-ка, – протянул ему нить со стрелой вогул.

– Давай, но коли стрела покажет в другую сторону, не пойду за тобой!

Друзья расселись вокруг Никиты, который уже поднял стрелу за нитку. И опять стрела, повертевшись, показала в сторону севера, в том же направлении, что остановилась у вогула.

– Ну-ка, ну-ка, подай-ка, бес лесной, свою забаву, – протянул руку Архип.

– Ишь ты, чудо чудное, – воскликнул он, разглядывая наконечник, который вновь показал на север.

Вдоволь натешившись игрушкой вогула, четверо беглецов вспомнили про две юрты на зеленой поляне у кромки левого берега. Там мирно паслись бараны. Щипала траву стреноженная лошадь. Женщина в безрукавке, разукрашенной медными и серебряными кружками, периодически выходила к большому котлу, снимала крышку и, помешав варево, вновь ныряла в юрту.

– Это не джунгары, братья. Это кочевник – колыбыт. Он платит ясак и мирно живет в степи, имея охранную тамгу. Джунгары – это те же мэнголы, токмо стройней поди будут. Обычно они берут ясак оружием да сбруей разной. Но продовольствие войску тоже

¹⁰ Ляга – лягушка (в данном случае – Царевна-лягушка).

¹¹ Вычуры – фокусы.

надобно, вот и пасет такой кочевник своих и чужих баранов. Иногда сыновей могут забрать служить или дочь забрать. А куды ему деваться-то, у него такой стрелы нету, чтоб к твоему урману податься, – внезапно закончил шуткой Архип.

– А колыбыты, Архипушка, кто таки, пошто их так кличут? – поинтересовался Аника.

– Так они куды кол вобьют, там у них и родина. Помню, до Волги придут, набьют колов где попало, а в зиму в степь уходят. Казачки наши с волока повыдергивают колы да пожгут в печах. А весной опять они колы биты начинают по всему степу, и все по-старому начинается. Они бьют, мы выдергиваем да жжем. Вот така басен. А про джунгаров я слыхивал, когда еще ковалем у басурман робыл, народу-то в кузню много приходит, да со сторон разных, земля-то слухами живет, – закончил речь Архип.

– Наведаться што ль к степняку, уж больно скусно тянет шурпой, братья, – сглотнув слюну, предложил Аника.

– Ныне кони басурманские в воду не полезут, степные они. До холодной воды не охотны. Джунгарская сотня в броню одета, да и не к чему им плавать туды-сюды. Ежели прикинуть, то смекаю, что можно и наведаться. Да токмо лаской нужно аль украшением каким взять. А то подымет хай, заголосит нехристь на всю степь. Тогды уж точно не лицезреть нам сказочной стороны урманной, да рыбы и зверя, да ягод и жен дивных, – почесав бороду, рассудил Архип.

* * *

– Да подь ты, шельма татарская, – замахнулся черенком копья на нечесаную собачонку Никита.

Собачка, взвизгнув, забежала за юрту, из которой вышла женщина в безрукавке. Она испуганно осмотрела незваное войско. С оружием, в длинных грязных серых рубахах, шелковых и цветастых шароварах, бородатые и босые, они вызвали бы смех, появившись в наше время на улице. Но в то лихое время апашке было явно не до смеха. Эти вурдалаки могли запросто вырезать кочевье и, наевшись вареной баранины, уйти на все четыре стороны.

– Аман сыз¹², – улыбаясь, подбирая слова, поздоровался с женщиной Архип.

¹² Аман сыз – добрый день.

Он напрягал свою память, чтоб хоть что-то вспомнить с языка степняков. Женщина кивнула головой, но по-прежнему стояла как каменный идол в степи.

Вперед вышел Угор. Он снял мешочек, вытащив его из-под рубахи, развязал, протянул хозяйке пару серебряных сережек.

– Кумыс¹³, ет¹⁴, шорпа¹⁵ давай, баба старая, – протягивая ей сережки, улыбаясь, попросил вогул.

– Еркен, – громко позвала хозяйка.

– Козыр, козыр¹⁶, – ответил мужской голос, и из соседней юрты, кряхтя, вышел старик с белой бородой.

Опираясь на посох, он вопросительно взглянул на жену. Та, показав сережки, зашептала что-то ему на ухо.

– Жаксы¹⁷, – кивнул ей дед и позвал: – Ботагоз!

Из женской юрты несмело вышла девчушка лет четырнадцати. Увидев в руках матери сережки, радостно подбежала и, схватив их, забежала в юрту.

Через несколько минут, смотрясь в дно серебряного подноса, она вновь предстала перед родителями.

– Якши, оман, клади на карман! – рассмеялся доселе молчавший Никита, блеснув глубоким познанием тюрского наречия.

Наевшись досыта мяса и напившись кумыса, путники засобирались. Вогул выторговал у деда четыре безрукавки из овчины, курдюк с кумысом и торбу с сушеными кусочками весенней конины. Не забыл он и про младших братьев своих, собрав кости в тряпицу.

Ботагоз носилась по траве с подносом и любовалась серьгами.

– Носи на здоровье, курногая, – отходя от стойбища, крикнул Никита девчушке, помахав на прощание рукой, и добавил: – Аж, гляди, нехристь вроде, а все понимает, стрекоза. Не все басурмане богато-то живут, есть и голытьба как мы. И радости, и горести переживают. Поди, и голодают так же, как мы. И баи их тоже забирают и неволят, как бояре наши.

¹³ Кумыс – кобылье молоко.

¹⁴ Ет – мясо.

¹⁵ Шорпа – мясной бульон.

¹⁶ Козыр – сейчас.

¹⁷ Жаксы – хорошо.

* * *

Исатай проснулся от легкого прикосновения. Перед ним на корточках сидел Мурзабек.

– Я на тот берег пойду, погляжу урусов.

– Возьми с собой Аманжолу, в бой не вступать, живыми собак неверных брать будем, – кивнул Исатай.

Заехав верхом в воду, осторожно пошли вброд. Кони, фыркающая и выпучив глаза, испуганно смотрели на водную гладь. Но Мурзабек и Аманжол были опытными сильными всадниками. В бою они не раз разворачивали коней коленями, умели вовремя заставить их преодолеть чувство страха и подчиниться воле седоков.

Лошади, тихо фыркающая, шли к середине. Джигиты направляли их к торчащим вешкам с тряпицами на том берегу. Течение на середине Исиль¹⁸ было сильней, и всадников чуть сносило в сторону, но тут лошади начали выходить на возвышенность и остальное расстояние прошли без осложнений. Всадники замочили только шаровары. Сапоги же воины, предварительно сняв, провезли через шею на бечеве.

– Здесь они спали, – показав кнутом на примятую в ивняке траву, сказал Аманжол.

Мурзабек спрыгнул с коня и тщательно осмотрел следы на месте дневки беглецов.

– Там надо искать, – показал он на две юрты и запрыгнул в седло, – поехали.

Из юрты к ним навстречу вышла женщина в безрукавке. Она налила в пиалу кумыса и подала Мурзабеку. Тот выпил содержимое пиалы и протянул ее женщине. Вторым испил кумыс Аманжол.

– Здравствуй, женщина. Чье это стойбище?

– Еркен, муж мой, и сын Отар его хозяева. У них есть тамга охранная.

– Кто сейчас в юрте?

– Еркен, муж мой. Больной совсем.

– Урус¹⁹ проходил?

– Нет, орыса не было, да и откуда орысу тут быть?

– Бежало четыре раба, ищем их. Если придут, сына пошли за реку. А там кто во второй юрте подглядывает? Ну?

¹⁸ Исиль – река Ишим.

¹⁹ Урус (орыс) – русский.

– Дочь моя Ботагоз.

– Ну-ка выйди.

Девушка вышла и остановилась у входа юрты, чтоб при малейшей опасности нырнуть обратно.

– Так не было урусов, женщина? – еще раз переспросил Мурзабек.

– Нет.

– Хорошо, – и, развернув коней, всадники рысью удалились в левобережную степь.

Отъехав от стойбища, Мурзабек повернулся к Аманжолу и, улыбаясь желтыми зубами, смеясь, как счастливый ребенок, сказал:

– Ай, Ботагоз, ай, сережки хороши! Сам мастер вэгул делал! Хороший мастер, молодец, и я его убью без мучений. Были, собаки, тут, но ушли днем. Ночью на том берегу их ждать будем. Берегом пойдут. Степь для них – смерть.

ГЛАВА 4

Когда стало смеркаться, вогул повел за собой беглецов. Он поступил иначе, нежели рассчитывали их преследователи. Вновь нарубив хворосту, беглые рабы переправились на правый берег реки чуть ниже по течению.

Отойдя в степь от поймы метров на пятьсот, присели передохнуть. Угор вновь достал стрелу из колчана, потер наконечник о волосы, привязал нить и, сбалансировав центр тяжести, определил стороны света.

Взглянув на звезды, сын урмана в уме просчитал понятные только ему расчеты.

– Айда за мной, – вставая, приказал он.

– Ну, смотри, на тебя ведь вся надежда, – согласился Архип, поднимаясь.

Остальные беглецы, собрав пожитки и оружие, пошли вслед за вогулом и кузнецом.

Вскоре река осталась позади, начали появляться березовые околки и лесные продолжительные участки. Они выплывали из темноты как огромные черные горы. Вогул входил туда смело и ловко обходя в кромешной темноте деревья, упрямо шел в понятном только ему направлении.

– Ну и куда ведешь-то, поясни нам, ведь не видно ни зги, – строго спросил Угора Архип, когда они расположились на привал посередине маленькой лесной полянки.

– К холодному морю, куды река течет, однако. Два ден, и опять речку встретим. Она петляет, мы прямо пойдём.

– Вот как утечет твоя река в другую сторону, и подохнем мы в степи, а то и нехристи догонят, – развалившись на сухих прошлогодних листьях, изрек Никита.

– Звезды-то какие, прям усыпано все. Токмо вот облака красоту портят, да месяц неполный, – рассматривая звездное небо и любясь им, выдохнул Архип.

– Над урманом лучше, небо низко-низко, стрелой достать можно, – вздохнул Вогул.

Так и лежали эти уставшие люди. Бывшие рабы, а сегодня вольные, даже если и ненадолго, но свободные и счастливые. Лежали, закутав от ночной прохлады босые истертые пораненные ноги в овчинные безрукавки.

В темноте раздалось легкое повизгивание.

– Вот шельмы, догнали же, сучьи дети, – приподнявшись на локте, ища в темноте волчью стайку, усмехнулся Архип.

– Это не наша волка! Злой волка! Спина спиной вставай! – крикнул внезапно Угор и, схватив копьё, выставил его перед собой.

Четверо беглецов, став спина к спине, выхватили сабли и копьё, приготовившись к нападению.

Матерый вожак, оскалившись, обошел стоящих на поляне беглецов. Это был уже не мелкий степной волк, а крупный сибирский зверь. Следом, показывая клыки, проследовала и его стая, которая насчитывала особей двенадцать. Кольцо замкнулось.

Вожак повернулся к людям и замер. Замерла и вся стая.

По ночному небу плыли редкие облака. Поляну тускло освещал лунный свет, бросая зловещие тени от берез и осин.

– Как месяц закроет туча, волк нападать будет. Руби лапа, голова руби, спина, куда попадать будешь! Тока руби! А сейчас на луну не смотри, привыкай к темноте! – громко объявил Вогул.

Услышав человеческий голос, заметив, что тучка закрыла ночное светило, вожак вдруг громко зарычал и в три прыжка достиг группы людей. Но на лету напорившись грудью на острие копьё, которое проткнуло его и вошло вовнутрь, упал, обняв лапами древко копьё, грызя его огромными клыками. Остальная стая последовала примеру вожака, кинулась с разных сторон на беглецов, но, попав под удары сабель Никиты и Аники и потеряв трех своих собратьев, временно отступила назад.

Архип успел нанести колющие удары копьём паре молодых волков, которые с визгом отбежали. Вогул никак не мог вытащить из груди подыхающего вожака застрявшее копьё. Никита, видя, в какое положение попал Угор, сделал глубокий выпад и полоснул саблей промеж ушей вожака, который в конвульсиях продолжал грызть древко копьё.

Туча ушла, и месяц вновь осветил небольшую полянку, где происходило побоище. Вогул наконец-то освободил свое оружие, и, вновь встав спиной к спине, беглецы приготовились к отражению нападения.

Сызнова, когда туча закрыла месяц, с визгом и рычанием волки бросились вперед. Никита, рубанув по ногам одному зверю, отрубил тому лапу, тут же ударил по уху другого волка, разрубив хищнику челюсть.

Аника полоснул сверху вниз своего врага. Вогул и Архип успели нанести несколько колющих ударов копьёми.

Стая отошла, отползли и раненые волки. Вой, скуление и рычание наполнили лес, прокатились эхом по степи. Супротив людей осталось пять невредимых, но молодых волков, которые еще способны были нападать. Но прыть уже была не та, годовалые волки последнего помета осторожно ходили вокруг людей, опасаясь блестящих во тьме клинков.

Это противоборство шло часа два. Звери выматывали свою жертву. Они ждали, когда люди обессилят, устанут стоять, и в плотном строю возникнет брешь, которой можно будет воспользоваться.

– Матерь Божья! – вдруг взвыл Аника, увидев новую стаю волков.

Перепрыгивая кусты, со свирепым рычанием на поляну влетели, оскалив клыки, семь хищников. Вогул первым опустил копьё, увидев, как вцепились в смертельной схватке меж собой звери.

– А это наша волка, – рассмеялся он.

Чужаки, с позором покинув поле боя, бежали, а раненых лесных собратьев, не способных спастись бегством, принялись догрызать степняки.

Не обращая внимания на осwirепевших зверей, рвущих бездыханные тела, вогул отогнал черенком копьё двух хищников и осмотрел труп вожака.

– Саблю дай, – попросил он Никиту.

– Да я до самой смертушки ее не выпущу из рук после такой жути, – отказался Никита.

– Копье мое возьми, саблю мне давай, однако! – потребовал Угор.

Взяв саблю, он отрубил жожаку лапы по самое брюхо, а после, кинув их на землю, рубанул в коленном изгибе. Отложив саблю, пальцами быстро залез между шкурой и мясом и сорвал чулком шкуру. То же самое он проделал и со второй лапой. Вывернув чулки наизнанку, Вогул натянул их на свои босые ноги.

– Кисы²⁰, однако! – громко рассмеявшись, заявил сын тайги.

Архип, осмотрев обувь Угора, молча поднял отрубленные задние ноги.

– Надевай, пока шкура теплая, они по ноге станут, когда сохнуть начнут. Завтра мохнатый лапоть носить будешь, меня хвалить станешь, – шаркая пучком травы по свежему мясу на вывернутой коже и отделяя его до мездры, посоветовал Угор.

– Смотри-ка, и прям сапожки княжичи, – натягивая на ноги шкурой вовнутрь чулок, довольно крякнул кузнец.

Вогул достал шелковую нить, извлек из мешочка серебряную заколку и зашил носок своего сапога.

– Ну-ка, ну-ка, покажи, Игореша, как сробить это диво, – бросив отрубленные у другого волка ноги на траву, попросил Никита.

Пока стая волков-победителей догрызала трупы побежденных, друзья мастерили нехитрую обувь и отдыхали, ведь им придется пройти следующей ночью не менее сорока или пятидесяти верст.

²⁰ Кисы – обувь народов Севера.

ГЛАВА 5

Проснувшись к обеду, путники заметили вогула, сидящего со скрещенными ногами и бормочущего на неведомом языке какую-то молитву. В ногах у него лежала старая волчица, а чуть далее – стая степных волков.

Закончив бормотать, Угор развязал тряпицу и раскидал кости, оставшиеся еще от трапезы у степняка-скотовода. Волки, вскочив с места, принялись расхватывать и грызть объедки, местами завязывая небольшие стычки между собой. И только волчица, положив голову на лапы, лежала, не шевелясь, глядя своими серо-зелеными глазами на Угора.

Вогул поднялся и, повернувшись к своим попутчикам, пояснил:

– Дальше волка с нами не пойдет. Она нашла своя земля. Волчица ушел от старого вожака и увел молодого мужа. Остальные дети их. Завтра все они будут одна стая. Чужая кровь мешать нужно, иначе плохой потомство будет. Слабая стая. Без нас она бы не захватила земли. Теперь мы ей вороги будем, если не уйдем с их угодья. Я просил ее разрешить нам уйти ночью. Она согласилась. Коскыры проводят нас до реки и вернуться домой. Это хорошее место, много пищи, дичи много, лес мал, мал есть.

Архип усмехнулся, подвязывая лыком самодельные сапоги.

– Глядь-ка, баба мужа бросила ради мальчишки сопливого! Ну все как у людей!

Подошел Аника и, закатав рукав рубахи, показал место укуса. Рука в предплечье посинела и чуть припухла.

– Подол от рубахи оторви и помочись на тряпицу, опосля перевяжи, – посоветовал ему кузнец.

* * *

– Ты почему не зарубил пастуха и старуху? Ведь эта старая карга солгала тебе! – спросил Аманжол у Мурзабека.

– Это не простой пастух, он охраняет территорию конского базара, он человек местного бая. Ты же видел множество конских привязей на поляне у кромки реки и много лежащих разобранных юрт. Когда трава станет высокая, сюда приведут лошадей на продажу. Вон и юрты гостевые для торговцев лежат. Это очень хорошее место. Широкое поле по эту сторону реки. Тут проходят караванные пути с Юга на Север и с Востока на Запад. Старуха сказала, что это место так и зовут – Ат-Базар. Конским базаром, в общем, называется. Простому человеку такой лакомный кусочек никогда не достанется, а значит, он человек сильного бая этой земли. Нам же засаду устроить здесь хорошо. Не пойдут урусы левым, болотистым берегом, а по правому берегу в Исиль всего две речки впадают. Тут-то между рек мы их и подкараулим, – стегнув камчой коня, закончил Мурзабек, и всадники поскакали к переправе. Кони перешли в галоп, с фырканьем влетев в прохладную июньскую воду.

* * *

Джунгарские воины не смогли догнать и разыскать десяток Исатая в ночной степи. Степняки умели уходить от погони. В настоящее время сотня Тэмуужина остановилась отдохнуть и напоить коней у мелководной речушки Керегетас.

– Я иду по пятам этих диких кыргысов уже восемь лун. Мои разведчики напали на след их коней у Таи-Табе, у белых могил, и от Караоткеля мы преследуем их до Ат-Базара. Нужно кончать их. Есть у ойратов закон: если ты с оружием на нашу землю ступил, то обязан иметь охранную грамоту для передвижения. Если вооруженный человек ее не имеет, он должен быть предан смерти. Поэтому, Доржхуу, возьми сорок воинов и устрой засаду ниже по течению у слияния двух речек. Ты же, Туменэнбаатор, возьми

три десятка и затаись на берегу Исиля за слиянием этих двух рек. Остальные останутся со мной тут, – закончив свою речь, командир сотни поднялся с тюфяка. – Я все сказал.

Поднялись и его подчиненные. Почтительно поклонившись, ушли к своим воинам.

ГЛАВА 6

Отряд Исатая медленно двигался вдоль правого берега. Впереди на расстоянии видимости шли, держа коней в поводу, два разведчика-хабарчи. Они высматривали следы беглецов, разглядывая каждую травинку, каждый куст, любую вмятину на земле. Мимо их пристального взгляда не проходила никакая мелочь.

Иногда попадались следы. Это стадо сайгаков прошло на водопой и с водопоя. Их переплетали следы корсаков – степных лисичек, волков-коскыров, сурков и тушканчиков. Отпечатки босых ног беглых рабов не попадались уже сутки.

Исатай нервничал и злился. Ведь они уже шли по чужой территории. А по джунгарским законам степняк не мог иметь при себе боевого оружия и доспехов, при встрече с ойратом обязан был сойти с коня и идти, ведя его в поводу, уйти с тропинки и пропустить джунгарина. Невыполнение закона поработителей влекло одно – смерть.

Когда Исатай бросился в погоню за беглецами, он и не мог предположить, что поиск затянется на месяц. Испокон веков степь беглецов выдавала сразу. Сам шайтан помогает этим орысам. Исатай вздохнул. Постоянно они уходят от преследования и путают следы.

Но вот один из разведчиков заметил сломанную ветку. Далее обнаружил примятую траву и еле-еле заметный след человека перед овражком, внизу которого бурлил узкий ручей.

Это была удача. Теперь уж орысы далеко не уйдут. Световой день только начался, и хабарчи Исатая обязательно отыщут лежку этих собак. Исен поднял руку с камчой вверх, что означало «внимание!», и посмотрел на ту сторону оврага. Второй хабарчи вскочил в седло и повернул коня, чтобы доложить Исатаю о результатах поиска.

Раздался свист оперения, и между лопаток хабарчи, пробив доспехи из толстой кожи, вонзились стрелы, выйдя с другой стороны, из груди. Всадник захрипел и начал валиться из седла. Исен было бросился к своей лошади, но петля аркана уже охватила его гибкое тело, прижав руки к бокам в локтях, а неведомая сила понесла его через кусты, через бурлящий поток на другую сторону оврага. Он опомнился уже связанным, лежа у ног богато одетого джунгарского воина. Тот, пнув его, заговорил на незнакомом языке. Толмач, сидя на корточках, переводил слова начальника.

– Кто такой? Говори!

– Я Исен, слуга Исатая. Мы ищем беглых орысов, которые убили уважаемого Узун Бека и скрылись в степи.

– Сколько вас?

– Нас десять и почтенный Исатай.

– Заводные кони есть?

– Нет, мы не брали с собой вторых лошадей, господин, думая, что быстро поймаем неверных.

– Это хорошо, что не брали, – перевел толмач Исену слова улыбающегося знатного воина. – Развяжите несчастного и приготовьте к суду, – приказал воин подчиненным.

Два огромных джунгарина поставили Исена на ноги. Третий же, взяв копьё, подошел сзади и приставил древко к вытянутым в стороны рукам. Двое других, в локтях перевязав древко веревкой, опустили разведчика на колени.

– Наш тысячелетний закон никто не имеет права нарушать, – приступил к суду Туменэнбаатор. – Если его нарушить даже один раз, то это уже не закон. Все, кто его нарушит, будут преданы смерти. Умри достойно. Суд окончен. Я все сказал!

Туменэнбаатор, взяв в руки другое копьё, вставил его древко между древком копьё, привязанного к рукам и лопаткам Исена.

– Ты был хорошим воином. Там тебя встретят женщины и сад цветущих деревьев, – с этими словами сотник с силой надавил копьё вниз, спина обреченного выгнулась назад, раздался хруст

позвоночника, и тело хабарчи Исена, дрожа от предсмертных судорог, завалилось набок.

Воины срезали веревки, разобрали доспехи и оружие.

– По коням! Остальные далеко не уйдут! Гоним их на засаду Доржхуу! Пошлите гонца к почтенному Тэмуужину, скажите, что один убит, другой допрошен.

ГЛАВА 7

Аника плелся позади всех. Рука невероятно распухла, пальцы онемели и отекли, резкая боль пронзала до плеча. Пот градом катился по лицу и спине. Голова кружилась, и ноги практически не слушались.

– У тебя жар. Волк слюна пустил и клыком вену проткнул. Совсем нехорошо, очень плохо, – суетился вокруг Аники вогул, промывая рану и выдавливая нагноение.

Днем, остановившись в березовом молодняке, беглецы расположились на отдых. Вогул, бормоча под нос себе то ли песню, то ли заклинание, взяв саблю у Никиты, пошел осматривать лесочек. Он ползал на четвереньках, поднимая старую листву. Срывал кору со старых деревьев, повторяя, как сумасшедший, одно и то же:

– Ёхарья-ёхарья, йохарья-йохарья.

Анику знобило, его укрыли безрукавками.

Угор, вернувшись, принес несколько комков плесени разных цветов и оттенков. Усевшись на корточки, стал их перебирать. Сорвав листочек с молодой березки и проткнув его булавкой посередине, принялся внимательно разглядывать через дырочку куски коры, грибы и листья, принесенные из леса.

– Ты чего такое деешь? – поинтересовался Никита, забирая саблю.

– Плесень-кисточку отыскать нужно, очень нужно, очень.

– А листик зачем?

– Лучше видно, – пробормотал вогул, занимаясь своим делом. Он бесцеремонно откинул от себя принесенный кусок коры и стал рассматривать поверхность грибов.

– Нашел! Как ушки белки! Кисточки! – рассмеялся внук шамана.

Вогул собрал со шляпок и ножек грибов всю плесень на древко своего копья. Принес из котомки несколько кусков сушеного курда, размочил чуть-чуть остатками кумыса, оставшегося на доньшке курдюка, и растолок кусочки сыра, перемешав с плесенью. Третью часть полученного снадобья он нанес на рану Аники, перевязал ее, вторую дал ему съесть, а первую замотал в тряпицу.

– Завтра опять вырастет, пусть плесень пока сыр кушает, – объявил он, убирая узелок в котомку.

Никита поднял оброненный Вогулом березовый листик и, лежа на боку, запустив себе на обнаженную руку муравья, посмотрел на него в дырочку.

– О! – воскликнул он, дернув рукой, скидывая муравья. – Ну прям как баран курдючный! В жизнь бы не смекнул, что дырочка увеличить может!

– Ложись, сосни, Аника, пот прошибет, жить будешь, – приказал Угор, укрывая друга всем, что было в наличии. – Дед-шаман научил, умный мой дед был, много знал, великий шаман он, одно-ко, был, – пояснил он, укладываясь спать.

* * *

Ботагоз была от счастья на седьмом небе. Серебряные серьги, да еще какие! Таких даже нет у почтенной Гулзар, жены их бая Валихана. Девушка время от времени смотрелась в поднос. Трогала украшения пальчиками. Бегала к берегу реки, глядясь в воду и любуясь ими, весело хлопала ладошками, разгоняя волнами отражение. Она покажет их брату Отару, когда он придет с выпаса. Ему тоже понравятся! Ведь старший брат любит ее и всегда балует, привозя из степи сладости и подарки, которые выменивает у проезжих людей. В прошлый раз брат привез ей шелковый платок, выманный у купца-уйгура, ехавшего на север в район озера Шелкар, что у предместья Кокшетау – синих гор, которых Ботагоз никогда не видела.

Схватив кувшин, девчужка вприпрыжку побежала к речке, напевая песню о весенней бабочке:

– Кобылек, кобылек...

Но допеть весеннюю песенку девчужка не успела. Она внезапно остановилась, разглядев у кромки воды тело человека, голова и плечи которого находились на берегу. Незнакомец лежал вниз лицом. В правой лопатке торчала стрела. Стрелы так же впились в левое плечо, пробив его насквозь, и в левую ногу чуть выше колена.

Девчужка тихонько попятилась и, уронив кувшин, начала было отходить от берега, но вдруг услышала слабый стон...

Исатай, теряя сознание, вместо девчужки пригрезил сидящего на корточках у кромки воды незнакомого старца в белой до пят рубахе.

– Руку давай, племянник Узун Бека, не пришло еще время твое, – скомандовал ведун.

Подтащив воина к берегу, убедившись, что речная волна не заликает ему лицо, Гостомысл, мельком глянув на не видящую его девчужку, отошел на два шага и растворился.

Ботагоз присела на корточки и с опаской тронула плечо раненого воина.

– Эй, ё?

ГЛАВА 8

Внеполные тридцать девять лет своим мужеством и отвагой Исатай успел добиться уважения соплеменников. В войне против Бухары он командовал большим отрядом. И его тысяча отличилась в боях, правда, не все воины вернулись из-за Сырдарьи, многие навеки остались лежать за рекой. Но нукеры, оставшиеся в живых, готовы были отдать жизнь за своего начальника. Его слово было для них законом.

Командир практически не применял наказание к своим подчиненным, личным примером мужества и отваги вел в бой своих людей. Многие военные начальники, выходцы из богатых родов, завидовали его авторитету. Старались всячески унижить и оскорбить. Но благодаря дяде Узун Беку Исатай в войске занимал высокое положение. И вот теперь, когда дяди не стало, его ждет опала, как, впрочем, и всех полководцев, не имеющих богатых корней. И если он не поймает, не приведет на арканах этих урусов, то его воинской карьере и благополучию настанет конец. Все его недоброжелатели обязательно воспользуются этим случаем. Исатаю останется только найти жену и окунуться в семейные заботы. Да вот только подходящих невест нет. Он сын небогатой женщины, и жениться на богатой и родовитой девушке ему никто не позволит. Хотя по материнской линии он является чингизидом. Исатай – дальний потомок хана Мира.

Но времена изменились, сейчас все решают деньги, а не родословная.

Из раздумий Исатая вывел громкий крик Мурзабека:

– Джунгары! Засада!

Вражеские всадники галопом поднимались из оврага, их было не меньше сорока.

– Уходим! – скомандовал Исатай, поворачивая коня.

Он не испытывал чувство страха, просто боялся за своих людей. И не напрасно, джунгарская разведка не оставляла шансов на выживание.

Мурзабек и Аманжол, стараясь прикрывать по бокам Исатая, пустились вскачь. Остальные воины, понимая, что от свежих джунгарских лошадей не уйти, развернувшись в редкую шеренгу, остались прикрывать отход своего господина.

Сорок тяжеловооруженных всадников буквально смяли воинов Исатая. Но и на земле, кроме павших нукеров, оказались четверо убитых и трое раненых джунгар.

– Беги, Исатай! – показав саблей на другой берег реки, крикнул Мурзабек и, развернув коня, встал у кромки правого берега переправы.

Аманжол достал лук и вложил стрелу. Подъехавшие джунгарские всадники остановились, опустив копыя. Вперед выехал на арабском скакуне богато одетый джунгарин. Рядом гарцевал конь толмача.

– Бросайте оружие!

– Я умру как воин, – крикнул Мурзабек и, держа в обеих руках сабли, подгоняя коня коленями, поскакал на Туменэнбаатора.

Воины, окружившие полукольцом Мурзабека, подняли его на копыя.

– Господин, ты уже на середине реки, – прохрипел, умирая, его верный нукер, потухающим взглядом глядя на водную поверхность.

Исатай плыл рядом с конем, держась с левой стороны за седло. Но их снесло с переправы на глубину, поэтому жеребец развернулся мордой против течения, невольно оголив всю левую сторону, за которой и укрывался Исатай.

Рой стрел, выпущенных с правого берега, буквально накрыл плывущих. Конь захрипел, забил передними ногами и начал уходить под воду, увлекая за собой хозяина. В это время вторая партия

стрел накрыла седока. Исатай, два или три раза махнув рукой, пропал в пучине.

Джунгары кольцом окружив Аманжолу, ждали приезда своего господина. К полудню послышался топот копыт. Со свитой подъехал Тэмуужин.

– Брось оружие, – перевел приказ господина толмач.

Аманжол бросил лук наземь.

– Спешься!

Последний слуга Исатая слез с коня.

– Ты не ослушался и будешь за это награжден! – объявил Тэмуужин, усаживаясь на положенный подле него тюфяк.

Молодой воин стоял со связанными руками. Он за свои девятнадцать лет ничего не успел сделать. Он не успел жениться, сходить в поход. Зато зверски убил четырех рабов. А вот теперь Аманжол сам оказался в роли жертвы. Что приготовили ему джунгары, про какую награду они говорили?

– Я дам тебе столько серебра, сколько ты сможешь выпить! – рассмеялся Тэмуужин и махнул рукой.

Один из воинов принес от костра железный ковш, в котором дымилось и играло на солнце расплавленное серебро. Двое заломили голову Аманжолу, насильно разжав саблей рот обреченному.

Крик отчаяния захлебнулся в бульканьи и шипении плоти.

– Ты войдешь в цветочный сад богатым и счастливым, – устало вздохнул Тэмуужин, поднимаясь с тюфяка и отряхивая халат от песчинок.

ГЛАВА 9

Местный бай Валихан полулежал, облокотившись на подушки и рассуждая вслух:

– Племянник сибирского хана Едигера, Сейдяк, просит отдать ему имеющихся у нас рабов для возврата на Московию. Сибирское ханство просится под опеку русского царя Ивана, так как опасается притеснения со стороны Кучум-хана и продвижения джунгаров на север Сибири. Если раньше джунгары хозяйничали только на юге, то теперь нам и нашему Киши джузу приходится на севере терпеть их присутствие. Эти пришельцы устанавливают свои законы. Мои люди донесли о появившейся неделю назад в нашей степи сотне конных разведчиков джунгар. Они преследовали малый конный отряд от святых могил и, организовав западню у Ат-Базара, вырезали всех. Но главная их задача – собрать сведения о численности наших вооруженных отрядов, установить места их сосредоточения. Я полагаю, что джунгары готовятся к масштабному набегу. Отошлите плененных москвитян хану Аблаю, он решит, как переправить их Сейдяку. Собирайте воинов, закупайте оружие. Джунгары нападут ранней осенью, когда трава в степи будет еще зеленая и кормить своих лошадей можно будет выпасом. Если продержимся до снега, то они в зиму без кормов не пойдут в поход. И мы выиграем время до новой травы. А там уже и подготовимся к главной битве.

Присутствующие в юрте знатные степняки в знак согласия закивали головами.

– Дочь моего соглядатая за Ат-Базаром Еркена нашла раненого воина. Он очень тяжел. Но за ним ухаживают хорошо, жар почти прошел, и пробитое легкое заживает, – отпив кумыс из пиалы, Валихан продолжил: – Я передал Еркену сурковый жир, смешанный с тибетским корнем. Он хорошо заживляет раны и восстанавливает дыхание. А как батыр начнет выздоравливать, нужно с ним поговорить. Нам ведь нужны опытные воины. Через нового правителя Казанского, князя Шуйского-Горбатого, и его помощника Василия Серебряного будет подписан договор о мире Сибирского ханства с Московией, а нам с ханом Сейдяком ссориться незачем, значит, и с орысами тоже. Смотреть нужно на юг, в сторону Бухары, – вот где опасность.

Степная знать, собравшаяся у Валихана, наевшись поданным бешбармаком, напившись кумыса, разъехалась по своим владениям.

* * *

Анику лихорадило, опухоль хоть и спала, но синева и гноение раны не проходили, начался жар. Угор колдовал над его раной днем и ночью.

– Плоха дела, плоха. Сыр кончился совсем.

– Арба догоняет, – показывая на юг, предупредил Архип.

– Сейчас моя басурману глаз попадет, как векше²¹, – беря лук в руки, спокойно, как на охоте, прошептал Угор.

– Погодь, Угор, убить мы его всегда поспеем, а допросить не помешает. Это не воин, у него нет оружия и доспехов, окромя кнута, – остановил вогула Архип.

Отар, сын Еркена, третьи сутки ехал по следу беглецов. У его бая Валихана не было рабов. Но вспомнив о беглецах, они решили нагнать их и рассказать, что орысов забирает русский царь.

Он и не сообразил, как оказался на земле. Связать его было нечем. Поэтому держали под саблями. Да и Отар не сопротивлялся. Трое учинили допрос, а вогул, подойдя к старой кляче, снял хомут. Положив его на землю, стал внимательно рассматривать его внутреннюю сторону, которая соприкасалась с кожей животного.

– Есть зелень! – радостно воскликнул он.

²¹ Векша - белка.

Ножом Отара вогул принялся соскрести ее себе на ладошку. Хомут был старым, потертым, видимо, перешедшим в наследство от отца сыну и пережившим за свой век не одну клячу. На внутренней стороне вместе со столетним конским потом была найдена и нужная Угору плесень.

– Я ему не верю, – покачав головой, заявил Никита.

– Сестра послал, – продолжал уверять Отар, показывая сережки, подаренные вогулом.

ГЛАВА Ю

Тэмуужин взглянул на серое небо. Нежданный обложной дождь рушил все его планы. Нужно было перейти Исиль и разведать обстановку вплоть до земель, населенных в основном пятью-семью племенами башкир, ведущими кочевой образ жизни. После падения Казанского ханства эти земли оставались свободными, и люди не платили ясак ни русскому царю, ни сибирскому хану. Расширить влияние на западных рубежах и захватить как можно больше северных земель как раз и входило в планы их повелителя Голдана Бошокту, который решил обложить ясаком земли, богатые мехами и рыбой, вплоть до владений хана Кучума. Ведь чуть промедли, и сюда придут орысы. А вытеснить уже осевших и построивших укрепления людей всегда трудней, чем не допустить их расселения.

Московский же царь заявил послам Сейдяка, что он должен вернуть из полона своих людей до трех тысяч душ, и только после выполнения этого условия боярская дума будет решать вопрос о взятии Сибирского ханства под царскую опеку и об оказании помощи в войне с Кучумом и Бухарой.

Вести в степи распространяются со скоростью ветра. И слухи о возвращении рабов уже дошли до южных каганатов. Вот и побежали невольники с юга в надежде добраться до северных ханств, где их уже начали собирать для возврата. Воины Тэмуужина выследили, догнали и уже убили более десятка беглецов. Ведь чем дольше будет собирать рабов Сейдяк, тем дольше не состоятся переговоры

с царем Иваном. Если же Иван возьмет под крыло Сибирское ханство раньше джунгар, то о захвате земель и обложении их данью не сможет быть и речи.

Дождь рушил все планы. Степь превратилась в сплошную непроходимую глиняную массу. Ноги у коней увязали, и лошади не могли идти. Одежда воинов намокла, а кожаные доспехи, впитав в себя воду, становились с каждым часом тяжелей и тяжелей. Старая прошлогодняя трава вперемешку с глиной прилипали к копытам лошадей, отрывая подковы.

Разведчики-хабарчи, посланные в степь, вернулись. Они доложили Тэмуужину о скупке оружия местными баями, что означало подготовку к вооруженному сопротивлению. А русский царь одерживает одну победу за другой. Не успела пасть Казань, а уже Астраханское ханство начало разваливаться, как созревший халат. Хан Дервиш-Али бежал в Азов вместе со всем своим войском, сдав Астрахань без единого выстрела небольшому отряду казаков. Ускоренным темпом провел царь российский и военную, и судебную реформы.

О результатах разведки необходимо было быстро доложить.

– В первый сухой день уходим домой, – объявил Тэмуужин своим подчиненным.

* * *

– Нет, братья, не пойду я на Русь, туды путь мне заказан. Прямая дорога на цареву дыбу. Я уж лучше звезды над урманом смотреть до конца света стану, чем с вывернутыми руками качаться, – почесав бороду, заявил Никита.

– Я тоже как-то не шибко желаю в приказе изгннуть, – согласился Архип.

– А я, братцы, поеду со степняком. Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Плохи мои дела – рука болит и озноб бьет. Не дойду я, токмо обузой вам буду, – глядя под ноги, принял решение Аника.

– Я проведу вас через Сибирское ханство, много вогулов на татарках поженились. Много татар в жены вогульских женщин брали. Я последний из племени шыбыр, мне нужно идти домой. Только один я знаю тайну, которую мне дед доверил. Кондинские князья продали меня в рабство, думая, что сгинет Угорка в рабстве. Я один знаю, где хранится каменная стрела, что укажет, где

сыскать Золотую Бабу, которая приносит людям счастье и свободу, – сказал вогул и затянул заунывную песню.

Пел он довольно долго, раскачиваясь в такт музыке.

– Ты вот што, милай, давай-ка растолкуй нам, про што поешь. Ведь от твоего воя-то волки и те проснулись да на луну завыли, токмо мы ничего не понимаем, – подойдя к сидящему вогулу и положив ему на плечо руку, потребовал Архип.

– Пою я о богатырях Эмдера. Между богатырями Эмдера и Карипоспад-Воша началась битва. Она продолжалась так долго, что пришли в негодность кольчуги, были выпущены все стрелы. Тогда стали они драться еловыми и листовными дубинами. Старший эмдерский муж схватился со старшим из трех кондинских братьев. Упав в реку, они продолжали поединок. И тут кондинский богатырь принял облик ерша, а эмдерский – щуки. Только щука хочет схватить ерша, он становится к ней хвостом и выпускает колючки. А когда снова они вышли на сушу, кондинские богатыри вымолили у божества-покровителя металлическую плоть. Однако младший не успел обрасти этой плотью и был повержен мечом. На месте, где он стоял, осталась только кочка. Тогда оба оставшихся в живых брата вознеслись к небу и, заручившись поддержкой божества-покровителя, обрушили на эмдерских богатырей громовые каменные стрелы. И поразили их. И кто имеет громовые каменные стрелы, того ждет удача. И будет он счастлив всю жизнь, и принесет счастье своему народу, – окончив рассказ, вогул замолчал.

– Так это же ядра пушечные, – догадался Архип.

– Нет. Стрелы это. Куда гром ударит, там через семь лет они и вырастают, – не согласился с ним вогул.

Вечером, усадив совсем уже ослабевшего Анику на арбу Отара, друзья расстались. Он уже еле-еле сидел...

Сын Еркена повернул лошадь в обратную сторону. За время проживания у Ат-Базара он привык и к джунгарам, и к орысам. Ведь купцы, ночевавшие в юртах старого Еркена, стекались сюда со всего мира.

На стойбище Валихана в загоне для овец уже собрали нескольких рабов, привезенных из степных поселений. Они ждали отправки к сибирскому хану, откуда их потом доставят в Казань. Вскоре там появится одорукий звонарь. Будет ли это наш Аника или другой совсем человек, мы никогда не узнаем.

А под проливным степным дождем, меся глину, шли трое беглецов навстречу поджидающим их опасностям.

ГЛАВА II

— От нашего рода шыбыр пошло и название Сибири. Большое племя было, от великой черной реки Эртиса до холодной Сосьвы простирались владения племени. Хорошими воинами, хорошими охотниками были наши прашуры. Но пришли злые люди с юга и выгнали они мой народ в великий урман. Ушли шыбыры в лес, в топь до реки Воды – Об, – на ходу рассказывал Угор своим попутчикам. – Поселились они в лесу дремучем, город Эмдэр на реке Ендыр построили. Не один год жили, рыбу ловили, зверя добывали. Но добрались и сюда воины князей кондинских, побили людей, разрушили город и увели женщин.

– А ты-то как в живых остался? – поинтересовался Архип.

– Меня нельзя убить, я внук великого шамана. Горе будет великое тому, кто посмеет поднять на мужа нашего рода руку. Вот и продали Угора в рабство Бухарскому Хану. Думали, сгину. А я кольца, сережки лил, пряжки мастерил, вот и выжил. А после, как кыргысы на Бухарское царство пошли войной, меня и во второй раз заполонили, да убег я с вами, – и тут вогул в первый раз за всю дорогу от души рассмеялся.

Рассмеялись и его попутчики беспечно и весело, может быть, впервые за все время пребывания в рабстве.

* * *

ДВОРЕЦ КУЧУМ-ХАНА. ДВАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД

– Мы будем пока дружить с русским царем, – развалившись на подушках, попивая ароматный чай, молвил Кучум, – сын хана Муртаза Едигер поднесет царю еще тысячу шкур и другие дары, которые он, минуя наш запрет, получил с остяков и вогулов. Но не уйдет от кары Аллаха Всемогущего и Милостивого Едигер. Его брат Бекбулат уже подумывает поступить к царю Ивану на службу. А сам Едигер хочет лечь под урусов, принять вассальскую участь и платить им ясак, что нельзя назвать дружбой. Придет время, я захвачу власть и стану великим ханом Сибири. Я убью Едигера и Бекбулата лично. Мы готовим поход и выйдем против Едигера, как только подойдут ногайцы и узбеки, – окончил говорить Кучум, посмотрев на своего племянника Маметкула.

Тот почтительно кивнул в знак согласия и уважения.

– Дядя, а может, пока отправить царю Ивану грамоты о дружбе? – заискивающе спросил Маметкул, заранее зная намерения Кучум-хана.

– Я уже подумал об этом. Нужно убедить Ивана, что злых намерений у нас нет, – и Кучум хитро улыбнулся.

– Да, дядя, пока мы не покорим Едигера и не захватим его столицу Искер, с русскими ссориться нам незачем. Я позабочусь, чтоб грамоты и дары были посланы Ивану.

– И собери рабов тумен да тоже пошли в знак примирения. Царь Иван любит, когда возвращают его подданных, и даже платит деньги за бояр и князей, – расхохотался Кучум.

* * *

Исатай медленно приходил в сознание. Ботагоз не отлучалась от раненого ни на минуту. Всегда свежая вода из притока Исilea находилась в медном тазу под рукой. И девушка тряпицей периодически обтирала тело воина, спасая его от июньской жары и духоты в юрте.

– Где я? – одними губами спросил Исатай.

– Дома у Еркена, а я дочь его. Тебя, раненного тремя стрелами, нашли на берегу. Джунгары ушли после дождей к святым могилам²². Мы очень боялись, что они придут на этот берег и убьют нас всех. Но Всевышний помог нам, и ойраты ушли в глубь степи. Они сейчас у белой могилы на стоянке Ак Мола. Уйдут к себе, так как в августе не будет корма лошадям, потому что трава высохнет от жары. А у нас же через три луны начнется конский базар, и приедут купцы с украшениями.

– А чем кормить лошадей, если трава засохнет? – пошутил Исатай.

– Не засохнет, у нас Исиль разлился весной, и только сейчас вода упала, так что травы хватит не на один табун...

– Выйди, дочка, – попросил Еркен, войдя в юрту, усевшись рядом с выздоравливающим. – Воин, а к тебе разговор есть.

²² Святые могилы – район, где ныне находится Астана (Акмола, Целиноград).

ГЛАВА 12

Проснувшись раньше всех, Угор взобрался на яр и исчез в лесочке. Вскоре, нарубив тальника, он спустился с охапкой веток к месту стоянки и сел мастерить морду²³. Когда его товарищи встали, вогул уже доплетал ее, мурлыкая заунывную песенку.

– Опять поешь про щуку и ерша, лешак? Соснуть не даешь, неугомонный ты наш! – проворчал, просыпаясь, Архип.

– Нет, мать-реку прошу рыбу дать, говорю ей, что коли бы кушать мы не хотели, то не брали бы ее дары, – доплетая снасть, загадочно улыбнулся вогул.

– А ветки когда рубил, тожа у леса позволения просил?

– Да. Я сказал дереву, что нам морда нужна, поэтому и рублю.

– Странные вы люди. А просто ветки рубить нельзя?

– Нет, нельзя! Мать-природа обидится и помогать нам не станет, – уверенно заявил Угор, вставая с песка.

– А волков ты тоже просил с нами до речки идти?

– Да, волчица согласилась. Но они ушли уже назад в степь. Дальше не их угодья. Дальше пойдем одни. Айда рыбу ловить. Хватит спать, – предложил Угор.

Раздевшись донага, он полез в ручей к завесе и, выдернув пару колышков, установил морду горловиной в образовавшуюся брешь.

– А нам что робить? – спросили его Никита с Архипом.

²³ Морда – мордушка (ловушка для рыбы).

– Ступайте вверх и от поворота идите по ручью ко мне. Топайте, плещите. Гоните рыбу.

Так и сделали. Вогул остался у колышков, а они ушли по берегу ручья за поворот. И, войдя в воду, с шумом и плеском ринулись вниз по течению.

Когда Никита и Архип подбежали к запруде, вогул уже вытаскивал мордушку на берег. В ней, блестя чешуей на солнце, плескалась и билась рыба.

– Доставай огненный камень, Архип, жарить рыбу будем, – обрадованно закричал Никита, спешно собирая хворост для костерка.

– Сухой собирай, – подсказал ему Угор и добавил: – дым меньше будет.

Кузнец снял веревочку с деревянным крестиком на нитке, вместе с которым висел кремень размером с голубиное яйцо. Осмотрев свою саблю, он нашел место у рукоятки с мелкой насечкой и, приложив кусок трута, принялся высекать искры. Вскоре трут дал дымок, и Архип, раздув огонек, подклат сухие листья.

Развели маленький костерок. Большой разжигать остерегались, дабы дымом не привлечь внимание непрошенных гостей. Вскоре все трое, насадив на веточки двух щучек и несколько десятков окуньков, принялись жарить на огне рыбу.

Вдоволь наевшись, Никита с Архипом развалились на берегу. Вогул же вытащил колышки и посадил черенки по берегу ручья.

– Пусть сызнова растут. Спасибо тебе, мать-природа! Спасибо вам, река и лес, за пищу поданную! – обратился он к облакам, плывущим в небе, и омыл руки в воде.

Архип присыпал мокрым песком костерок.

– Пойду в лес, на изрекающий гриб гляну. Он скажет, какой дорогой идти спокойнее будет, – сказал Угор и, взяв лук с колчаном, поднялся по склону на крутой берег, вдоль которого раскинулся березово-осиновый лесочек.

– Совсем зашаманился наш леший, кабы разумом не пустился со своими грибами. Гляди-ка, Никита, он уже говорить по-людски стал. А то все «я пошла», «она пошел», – улыбнувшись вслед другу, усмехнулся кузнец.

– Ну, с кем поведешься, от того и наберешься. Пока доберемся до его урманна, так лучше нас гутарить будет, – согласился каменотес.

* * *

– Кенжеболат, я вижу дым! Это, наверно, пастухи, – показав нагайкой на далекий берег реки, синющей на горизонте, доложил дозорный Зайнулла.

– Бери двух нукеров и убей всех. Никто не должен видеть нас и знать, куда мы идем. Но поначалу допроси, дабы не упустить свидетеля, – приказал Кенжеболат своему подчиненному.

Отряд ногайцев численностью в триста человек тайно двигался на встречу с другими отрядами, которые шли на север к хану Кучуму для оказания помощи в войне с ханом Сейдяком. А случайные свидетели его передвижения по югу Сибирского ханства могли осложнить ситуацию.

– Скорее всего, это действительно пастухи. Если на пути стоял бы аул или находилось стойбище, дымов было бы больше, – решил Кенжеболат и послал на разведку всего трех воинов.

Всадники, перейдя с места в галоп, повернули влево к реке. Остальной отряд размеренной рысью двинулся далее.

– Вставай, урус, собака! – ткнув тупым концом копыя спящего Никиту и не слезая с коня, приказал Зайнулла. – Где твой хозяин? Где его стойбище?

– Зайнулла, погляди! Тут сабли! – показал ему, приподняв одежду копьём, спрятанное оружие второй нукер.

Третий всадник, спрыгнув с коня, взяв сабли в руки, стал производить незамысловатые движения, развивая скорость и усложняя упражнения. Остальные, рассмеявшись, сидя верхом, начали хлопать в ладоши, причмокивая и щелкая языками.

А спешившийся всадник, радуясь находке самаркандских сабель, крутя ими в воздухе, сверкая клинками, пошел на Архипа с Никитой.

– Ас! Ис! Ас! Ос! – издавая звуки, приближаясь к обреченным в танце, похожем на брачный танец журавлей, он готов был с ходу срубить головы неверным.

«Фить!» – прозвучало в воздухе, и один весельчак, забывший про осторожность, выпучив глаза, захрипел, завалившись на лучку седла. Архип, смекнув, что это стрела вогула попала в цель, с силой толкнул коня Зайнуллы, и конь, фыркнув от неожиданности, завалился вместе с седоком на землю.

– Аааа! – в бешенстве заорал танцор и кинулся на Никиту, размахивая саблями.

Последний пируэт журавлиного танца, чем-то напоминающего современную лезгинку, закончился падением на спину со стрелой в груди.

Зайнулла попытался выбраться из-под коня, но мощный удар копыа намертво пригвоздил его к прибрежному песку.

– Уходить надо, – собирая вещи и обшаривая убитых, сказал Никита.

ГЛАВА 13

Архип остановил вогула, когда тот попытался вытащить стрелы из тел убитых ногойцев.

– Оставь, Угореша, пусть ногойцы думают, что их людей убили богатые воины. Коней тожа не трогай! Оружия никакого, окромя ножей, не брать, пуцай полагают, что это джунгары их побили. Лук-то со стрелами ойратские. Да следы своих ног заметите, демоны! Мордушку в реку! Чего встали? Мертвяков не видали!? По колено в воде идти! Чтоб и следа не оставить!

И беглецы бросились вниз по течению.

Кенжеболат, не дождавшись лазутчиков, послал в сторону реки десяток воинов с напутствием в бой не вступать, а разведать, куда пропал Зайнулла с двумя нукерами. Через час воины нагнали отряд, приведя в поводу трех лошадей с перекинутыми через седла телами убитых.

Кенжеболат, подъехав к телу Зайнуллы, с силой выдернул стрелу.

– Джунгарская, – осмотрев ее, объявил он.

– Две луны назад, благородный, сотня джунгар прошла к белым могилам, они не ушли далеко, – склонив голову, напомнил ему его правая рука Кылышгерей.

– Смерть! Смерть монголам, нарушившим обет пропустить нас через степь и убившим наших братьев! – подняв копыя, вскричали воины.

Кенжеболат дождался тишины:

– Нас не простит великий предок Эмир Эдиге, если не отомстим за кровь наших сородичей! Похороним с честью павших воинов и через час выступаем! А хан Кучум подождет! Мы настигнем ойратов и вырежем всех до одного! Их сотня, нас три сотни! Я все сказал!

И гром восторженных криков заглушил последние слова его.

* * *

Исатай вопросительно посмотрел на Еркена.

– Ты воин. Твоих нукеров убили джунгары. Наш бай Валихан интересуется, не вожделеешь ли ты выступить в восстании против них? Оно будет весной, когда вновь монголоиды вернутся на наши земли.

– Я согласен, отец. Нет мне дороги домой, пока не пролью кровь хоть одного ойрата, – прошептал Исатай.

– Валихан желает тебе выздоровления и передает тебе сурковый жир, настоящий с тибетским алтын-корнем. Это поможет пробитому легкому, которое у тебя медленно заживает.

– А что за девушка ухаживает за мной?

– Моя дочь Ботагоз!

– Я женюсь на ней, – просто и чистосердечно молвил Исатай, как будто вся степь уже была согласна с его решением.

– Мы бедные люди, не спешите принимать решение.

– Я тоже небогат.

– Давай поговорим об этом, когда ты вернешься с победой. А пока обещаю, что не выдам ее замуж до твоего приезда. Сам потом примешь решение, – закончил разговор Еркен, вставая.

– Жаксы, отец, – прошептал Исатай и стал погружаться в сон. Он был еще слишком слаб, чтоб разговаривать так долго.

* * *

Когда пыль в степи, поднятая удаляющимся отрядом Кенжеболата, осела наземь, вогул поднялся с травы и, хитро прищурившись, сказал:

– Ты, однако, Архипка, великий шаман! Большая хитрая лиса и умный муж, как росомаха. Ты победил Астраханских татар, потеряв всего две стрелы.

– Злоба затмила их разум. Я ведь коваль и знаю, сколь стоит кованный с нанесенным орнаментом наконечник. Ни один воин даже в мыслях себе не допустит, что в нищей степи найдется скомоорох, который, выпустив такую дорогую стрелу, не заберет ее назад. Да и стрел-то таких в степи не сыскать днем с огнем.

– Пойдем, братья, далее, а то совсем мы тут засиделись, – предложил Никита.

– Нет, мне нужно пообщаться с духами предков и увидеть будущее, чтобы определить наш путь, – отрицательно кивая головой, возразил вогул, доставая из мешочка порошок сушеного изрекающего гриба, который приготовил еще днем.

– А мне можно узнать наперед, что со мною станется? – поинтересовался Никита.

– Тебе не нужно это знать. Ежели со мной не пойдешь, то дыба царева будет, а пойдешь – я сам смотреть дорогу буду, – ответил вогул, беря двумя пальцами малюсенький, с булавочную головку, камушек изрекающего гриба.

– Дай попробовать, бес ты шаманский. Жуть как на дыбу свою одним глазком глянуть хочется.

– Хошь, пробуй. Вогулу не жалко. Вогул добрый. Тока шибко много не бери, а то не на ту дыбу попадешь ненароком, – пожал плечами, согласился вогул и проглотил свой комочек.

Глаза его закатились, и он, сидя на траве, закачался в такт какой-то заунывной песне, которую загудел в трансе.

– Архипушка, уж дюже хочется. Можно и я взгляну на дыбу царскую? – взмолился Никитка.

– Да пес с тобой. Грызи свои грибы. А я покараулю вас, покуда подметки у волчих сапог правлю. Уж раз тебя совсем Господь ума-разума лишил, то поступай как знаешь, – неожиданно согласился Архип, разглядывая грязный палец правой ноги, торчавший из протертой волчьей шкуры.

Никита схватил мешочек, лежавший подле вогула, и зачерпнул из него целую осьмушку.

– Э! Э! Э! Ты так много не ешь! – закричал Архип, но каменотес уже проглотил порошок, облизав ладонь.

Глотнул, икнул и, закатив глаза, плюхнулся на спину, раскинув ноги и руки в разные стороны.

Солнце катилось к закату. Ветерок игрался с листвою. Архип ивовою корой мастерил и чинил обувку. Вогул качался из стороны в

сторону. А Никитушка стонал, охал, корчился и дергался, как будто и впрямь висел на царской дыбе.

Угор вышел из транса первым. Сходив к речке, умылся, подошел к Архипу.

– Вон, глядь на него. Твоего гриба испробовал, дурень, – кивнул Архип на Никиту, продолжая как ни в чем не бывало точить обувку.

– Тошно там ему. Ой, тошно! Куды ж ты попал-то, Никитушко? Неужто хуже есть на земле место, чем изба приказная? – присев на корточки и разглядывая мучительные судороги каменотеса, запримечтал Угор, качая нечесаной головой.

Никита вскоре начал приходить в себя.

– Подпишусь! Подпишусь! Ей-Богу! Как на духу! – кричал он в бреду, извиваясь на земле. – Во всем каюсь! Токмо снимите меня с дыбы, опричники дражайшие...

Каменотес очнулся. Сел. Вытер холодный пот со лба. Осмотрелся по сторонам.

– Ух, робяты, ну и ну. Такого и ворогу не восхочешь. Оказался я в стороне неслыханной, в подвале каменном. Лампады горят, а дым от них не идет. Музыка играет, а дударей не видать. И кабы-то сия музыка со стены из коробочки доносится. А пытал меня боярин-опричник. Холеный такой, важный. Шаровары синие с лампасами. Кафтан зеленый. В ремнях скрипучих весь да в сапожищах заморских. Усов, бороды нетути, скобленный, стало быть. Ну прям как ливонский пан. Подвесил меня на дыбу и рвет за бороду: «Признавайся,мышь старообрядная, как супротив народной власти игитировал!».

– Говорил я тебе, дурень, не ешь гриба много! – расхохотался Архип, надевая починенную обувку. – Придумал тоже! Боярин и без бороды!

Через час начало темнеть, и беглецы двинулись в путь...

ГЛАВА 14

Дозор доложил о стоянке джунгар, разбиших бивак в ложбине между двух небольших сопок вблизи белых могил. Это место степняки называли Ак Мола. Оно всегда притягивало путников тем, что тут можно хорошо передохнуть и попить чистой воды из реки и колодца.

– Кенжеболат, наши люди и кони устали. То, что воины рвутся в бой, – это лишь душевный порыв. Монголы все-таки опытнее наших воинов. И не стоит с ходу ввязываться в драку, – обратился к нему Кымышгерей.

– Я сам знаю, что мне делать, – рявкнул Кенжеболат и, повернувшись к отряду, крикнул: – Накажем джунгар за дерзость и кровь наших сородичей!

Рев трехсот глоток заглушил его слова, и лавина всадников, обнажив сабли, ринулась в ложбину.

Тяжелые стрелы монголоидов тучей накрыли скачущих нагайцев. В итоге человек тридцать людей и десяток коней в предсмертных судорогах забились на земле.

Их ждали. Разведка у джунгар была образцовой. Следующий боковой залп со стороны сопки выбил еще большее количество всадников.

Проскочив засаду лучников, уж менее трехсот нагайцев оказались в полукольце джунгар. В отличие от астраханцев, ойратские

воины были экипированы лучше. Веками, собирая дань, они предпочитали брать ясак оружием или снаряжением.

Битва длилась минут сорок. После того, как степная пыль осела, взору предстала страшная картина. На поле боя лежали порубленные, проколотые тела. Многие из них бились в предсмертных судорогах, иные громко стонали. А между ними ходили победившие джунгарские воины, снимая доспехи, добывая копьями умирающих и раненых людей. Порой еще живой повергнутый воин чувствовал, как обшаривал его победитель, а после ударом ножа хладнокровно избавлял его от мук.

Кенжеболат на коленях со связанными сзади руками предстал перед Тэмуужином.

– Зачем ты напал на нас?

– Вы убили моих людей.

– Мы не убивали людей из Астраханского ханства. Между нашими повелителями заключен мир. Вы должны пройти через Калмыкское ханство и Киргизское поле. Вы же идете на помощь Хану Кучуму, а он тоже пока наш друг. Почему вместо того, чтоб идти на север, вы повернули на восток и напали на нас?

– Это была ошибка, господин. Разум затмила злоба, – пролепетал Кенжеболат.

– В битве я потерял девятнадцать воинов. Это очень большая потеря для сотни.

– Это было ошибка. Разум затмила злоба, – осознав свою вину и почтительно поклонившись, вновь повторил Кенжеболат.

– Хорошо. Я верю тебе, – кивнул головой Тэмуужин и, обращаясь к своим подчиненным, приказал: – Развяжите его. Подайте нам самой жирной баранины! – хлопнув в ладоши, улыбнулся джунгарин и ласково продолжил: – Кушай, айналайн²⁴. Ты мой гость! Пока не отведаешь моих угощений, я не могу отпустить тебя.

На большом блюде принесли свежееотваренное мясо.

– Кушай, кушай, а то обидишь хозяина, – показав на блюдо, попросил Тэмуужин.

Кенжеболат ел, ел, а ему подавали еще и еще. Когда же он не смог больше проглотить и маленького кусочка, Тэмуужин ему лично преподнес большую пиалу родниковой холодной воды.

– Пей до дна и уезжай. Я тебя отпускаю.

²⁴

Айналайн – дорогой.

Ногаец залпом выпил полтора литра студеной воды. Ему налили еще.

– Пей.

После пяти поднесенных чашей, поклонившись, он отошел к своему коню. Доржхуу вопросительно посмотрел на своего командира.

– Я бы убил его.

– Я тоже. Но лишать жизни данного человека не имею права. Иначе нарушу закон и договор. Он умрет сам, не проехав и полверсты. Скоро мясо застынет у него в брюхе. Это будет мучительная смерть, – усмехнулся Тэмуужин, откидываясь на подушки.

Действительно, сев на коня и проехав полверсты, Кенжеболат почувствовал сильную резь в желудке. Холодная вода сделала свое дело, заморозив баранину и остановив желудок. Застонав, он выпал из седла и, извиваясь на земле, забился от болевых судорог.

Полуживой Кенжеболат почувствовал, как с него снимают доспехи два подъехавших джунгарских воина, потом они столкнули его в овраг. Но он уже не испытывал боли.

ГЛАВА IS

Река теперь текла строго на северо-восток и достигала порой ширины до сорока-пятидесяти косых сажений. Все выше и выше становился правый берег. А пойма, наоборот, раскидывалась на несколько верст, порой до горизонта.

Если левый берег был покрыт в основном тальником, то по правому расстилались березовые леса. Путники пару раз чуть-чуть не нарвались на татарские разъезды. Но вовремя вогул останавливал группу, и они пережидали опасность, лежа в траве или кустах. Днем в основном спали. Шли ночью.

В один из переходов на берегу реки Угор заметил следы волочения лодки. Осмотрев прибрежные кусты, он там ее и обнаружил. Лодка вполне могла выдержать двоих человек.

– Подмогнуть?

Все от неожиданности вздрогнули. До чего тихо и бесшумно подошел хозяин челночка. Одет человек был в белую до пят рубаху. Такая же белая борода с усами украшала его лицо.

– Куды путь-дорогу держим?

– На север.

– Вижу, что не на юг.

– В городище Искер, там полоненных собирают для возврата домой.

– Степь изменилась нынче. Два хана зачали войну между собой. Конные разъезды рыщут везде. Непокойное время настало.

– А ты, отец, как тут оказался? С виду-то русич, а говор старый.
– Ушли мы из Руси. Давно ушли. Как веру греческую вводить стали, так и ушли. Перевалили камень²⁵ и подались куды очи глядят.

– Татары-то вас не трогают?

– А что нас трогать. Татары своих чад к нам носят. То грыжу заговорить, то еще чего. Хворь снимаем, а они нам еду за это приносят. Но изменились времена. Кучум-хан силу набирает. Жестокие времена наступают. Набеги на Русь чинит. Хочет один Сибирским ханством управлять. Недавно два отряда прошло на помощь Кучуму. А по прошлому месяцу узбеки шли, около пятисот душ. Война завязывается между ханом Сейдяком и Кучум-ханом. Так что возвращать вас на Русь скоро некому станет.

– Так что ж, нам век скитаться?

– Найдете вы свое царство в лесу дремучем, где зверя немечно и рыбы полным-полно, ягод да грибов через край. Это тебя Никитой кличут? – спросил старец, глянув на каменотеса.

– Так и нарекли, – удивился Никита.

– Вот что, Никитушка, дар в тебе есть. Видения видеть разные. Место твое здесь. Далее тебе дыба царская, а тут жизнь тихая. Смена нам, старикам, нужна, ветхие мы стали. А обучать некого. Оставайся, тут твоя судьба.

– Так как же я от веры-то истинной откажусь? Хрещенный я ведь.

– Царю изменил? С войны ушел? Крест боярину целовал? Ты ужо ей изменил. А вера наша испокон веков идет. Деды и прадеды верили в Перуна.

– Погодь, погодь! – было вступился за товарища кузнец.

Но ведун его перебил:

– А ты, Архип, сотника сын, ступай себе с миром. Тебе другое на роду писано.

– Отец, откель и мое имя ведаешь?

– Я все знаю, Архип. И как ты в рабство попал, и как Узун Бека порешили сотоварищи. Иди, дойдете вы вдвоем до урмана. И предназначение в мире этом ты выполнишь.

²⁵ Камень – Уральские горы.

Старцы дали Угору и Архипу теплую одежду. Уже начинался сентябрь, и ночевать в лесу становилось холоднее и холоднее. Наскоро обнявшись, путники расстались с Никитой.

– Сквозь сибирское ханство пройдем – и дома, – говорил на ходу вогул, мерно шагая на север.

Утром вышли к устью Ишима.

– Эртыс, однако, – проговорил вогул, остановившись.

Перед ними расстилалась картина слияния двух рек. Исиль впадал в Эртыс, и далее уже широкая река уходила за горизонт.

ГЛАВА 16

Исатай медленно выздоравливал. Слишком большая была кровопотеря. Он уже мог выходить и сидеть подле юрты. Иногда прибегала Ботагоз. Занятая делами по стойбищу, она нет-нет да и уделяла время для Исатая. То гостинец принесет, то просто придет и посидит рядышком. Исатай любовался девушкой, ее гибкостью и жизнерадостностью. Много ли нужно воину, чтоб хоть чуть-чуть почувствовать себя счастливым?

Наступил сентябрь-месяц. Трава выгорела, и теперь степь стояла рыжая. Дождей тоже давно не было. Спасала только прохлада внутри юрты, войлок которой не пропускал жару вовнутрь и согревал ночью. Джунгары ушли на юго-восток. В такое время года трудно прокормить лошадей, и они двинулись к горам, где есть зеленая и сочная трава. Несколько раз приезжал Валихан и справлялся о здоровье Исатая. Привозил ему сурковый жир, перемешанный с тибетским корнем.

Конский базар закончился, и купцы разъехались по своим улусам. А в память о нем остались только вытоптанное поле, привязи и, естественно, юрты Еркена. Впереди была зима. Чем порадует она воинов? Что принесет следующая весна, когда в степи опять объявятся джунгары?

* * *

Вогул присмотрел пару деревьев. Они свисали над берегом и еле держались на корневищах. День ушел на разделявание бревен и сборку плота.

– Дальше рекой пойдем, левым берегом. Тут топко, и верховые татары нас не достанут, – заявил Угор.

– Ночью, конечно, сподручней сплавиться. А днем спать, как и раньше, – согласился с ним Архип.

Кузнец проснулся еще до заката. Вогула рядом не было. Не было и лука. «Значит, промышлять подался», – решил Архип.

И действительно, через несколько минут зашуршали под ногами листья, и Угор показался из-за кустов. Он нес на плече заячью тушку.

– Плохой охота. Совсем зверя нет, – бросив около ног Архипа тушку, присел вогул. – Если так пойдет, то от голода пухнуть начнем.

– Не плохой, а плохая, – поправил друга кузнец.

– Вот и я говорю: плохая, худая ныне зверя.

Вогул принес корешки камыша, которые положил рядом с зайцем.

– Разводи огонь, Архипушка, будем мясо жарить. Хлеб кушать.

– Какой хлеб? Я окромя лепешек бусурманских уже годов двадцать хлеббушка не видал, – вздохнул, раздувая костерок, кузнец.

– Сейчас пожарю.

И Угор принялся жарить корешки камыша.

– Гляди ты, вкусно! – изумился Архип. – А мы в отрочестве только кидались рогозником да шишки раздували по ветру. Оказывается, его и кушать можно.

– Ешь, Архип, зубы не будут выпадать. Как бобер будешь! – рассмеялся Угор.

ГЛАВА 17

Вечером, оттолкнув плот от берега, они двинулись дальше. Левый берег почти весь был покрыт ивняком, и, отойдя метров на десять, беглецы пустили самодельное плавсредство по течению.

Вогул изредка направлял движение плота вырубленной длинной ветвью. Архип сидел на корточках и смотрел вперед. Река становилась шире и шире. Порой мимо проплывали острова, которые возникали из темноты как огромные айсберги, а потом вновь исчезали в ночи. Да и правый берег становился все выше и выше.

Архип заметил, что чем дальше они двигаются на север, тем раньше наступает утро и позже темнеет.

– Светлые ночи уже прошли, но еще рассвет наступает рано. Когда же выпадет снег, наступят темные ночи, солнце станет вставать позже, а садиться раньше, – разъяснял Угор своему другу.

С продвижением на Север все чаще и чаще стали попадаться стойбища и поселения. Костры пастухов были видны издалека, поэтому путники замолкали, ложась на бревна, и тихо проплывали мимо левым берегом реки. Для надежности Угор клал на плот ветку, которой управлял, и издалека плот становился похожим на оторванное от берега дерево, плывущее по течению.

– Это татарская вотчина. Нужно идти тихо. Скоро городище Искер будет, а там уже и урман близко, – пояснял вогул.

И впрямь, по левую сторону реки к утру показалась широкая река Тобол. На высоком берегу виднелись стены городища.

– Лежи тихо, нас выносит на середину. Слева сильное течение впадает, – прошептал Угор, ложась и прикрываясь веткой.

Так их и несло серединой реки. Плотик крутился на стремнине, поворачиваясь к городищу то одним боком, то другим.

Со стен окликнули. Но было не понять, кто кому кричит. То ли перекликается стража, то ли пастухи на берегу общаются друг с другом. А может, кричали и им. Они проплывали мимо стен, и река уносила беглецов дальше на Север.

– Утром плот надо бросать. Будет погоня, – решил за двоих Угор.

– Ну, бросать так бросать, нам не привыкать, нам бы токмо поясок подтянуть, – согласился Архип.

И действительно, отпустив плот дальше и разместившись на дневу, вскоре беглые рабы приметили большую лодку, которая спускалась по течению. В ней находилось около восьми гребцов и человек пять воинов.

– Они думают, что мы китайские купцы, провозим железо. Железо и оружие запрещено возить остякам и вогулам. Это после восстания, которое было пятнадцать лет назад. Тогда татары победили и запретили нам иметь оружие даже для охоты. Запретили и купцам привозить его нам, – прошептал Угор, наблюдая за лодкой из кустов.

– А почто они возят, ежели запрещено?

– А пушнину где китайца возьмет? Токмо на стойбище охотников. Там даром. В Искере дорого. Купец хитрый. Если не заберут татары, то он наменяет много. Вот и плывут воины отобрать оружие, а мы тоже хитрый, пойдем берегом ночью.

– Не хитрый, а хитрые, – поправил друга Архип.

Дозорная лодка возвращалась уже под вечер. Воины всматривались в левый берег в надежде найти тех, кто, бросив плот, сошли на сушу. Они все еще надеялись разжиться на купцах. Но беглецы в этот день огонь не разжигали.

ГЛАВА 18

Исатай первый раз после болезни поднялся в седло. Необходимо было встретиться с баем Аблаем, который проживал на севере степи у синих гор. Исатаю предложили командовать тысячей конных воинов, так как уже все знали, что он в этой должности ходил в Бухарский поход. Нужно было приступить к обучению своего отряда. Весной предстояла решающая битва за судьбу этой земли, которую топтали много веков чужие кони. И Исатай дал согласие выступить в поход. Теперь он уже не принадлежит самому себе. Люди выходили его полумертвого, приютили, сохранили его доспехи и оружие. А самое главное – он обожал Ботагоз. И эта степная роза все чаще и чаще одаривала его вниманием.

– Я привезу тебе платок, какой не носит жена хана, – погладив по руке девушку, которая, держась за подпругу коня, стояла, провожая воина, пообещал Исатай.

Кони его и Отара двинулись крупной рысью на север.

У Исатая сохранились золотые монеты и кое-что из драгоценностей, украшающих пояс и его доспехи. А далее Аблай возьмет его и Отара на службу.

Бай Аблай принял его радушно, пригласив отужинать с ним в его жилище. Поданный гостю бешбармак с обилением мяса говорил, что встречают Исатая как дорогого гостя. Богатство бая Аблая позволяло держаться на равных с чингизидами, Исатаем и Валиханом. Законы степей, выработанные столетиями, постепенно

оставались в прошлом. Нынешние времена любили богатых и состоятельных баев, перебегавших из стана в стан при первой же опасности.

Отар отделился ужином в гостевой юрте. Он привык к своему жизненному статусу и скромно покушал с другими воинами, прибывающими из степи в стан Аблая.

– Я бился с джунгарами в урочище Каркыра-Санташ, что переводится «Камни Тамерлана». Их было триста, нас полтысячи. Ойраты прекрасно вооружены и защищены железными доспехами. Джунгары – опытные воины и с детства дружат с оружием, не расставаясь с ним даже ночью, – поклонившись, произнес Исатай, глядя в глаза Аблаю.

– Наши джигиты не хуже и не трусливей монголов. Они будут сражаться не хуже их.

– Чтобы сражаться, почтенный Аблай, нужна не только храбрость, но и умение.

– Поэтому ты здесь, – кивнул, отпив кумыса, Аблай.

– Я готов.

– Через три дня соберутся остальные воины. Их приведут баи и вверят тебе. Ты назначишь сотниками сыновей уважаемых людей. Десятников можешь назначать сам.

– А если сотник не способен командовать? Или Аллах не дал ему ума для этого?

– Это закон степи. Сын бая не может подчиняться безродному воину, а безродный воин не может командовать сыном почтенного человека. А теперь иди и отдохни после долгой дороги...

ГЛАВА 19

Нет, это был медведь не такой, какого водят по ярмарке на цепи. Это был огромный зверюга, который встал на пути беглецов. Роня из пасти на траву капли слюны, хозяин тайги остановился, перекрыв дорогу. Понюхав воздух, он уставился на Угора и Архипа.

– Медведь – это покровитель нашего рода, и его нельзя убивать без нужды, – шепнул вогул и, подняв руки вверх, разведя их чуть в стороны, смело пошел на зверя.

Косолапый отошел в сторону и рыкнул.

– Поднимай руки и иди мимо, – крикнул вогул Архипу.

Кузнец поднял руки вверх и пошел за Угором. Зверь, пропустив путников и еще раз обнюхав воздух, пошел своей дорогой.

– Ты зачем руки поднимал, Игореша? – вытерев со лба холодный пот, поинтересовался Архип.

– Хозяин не нападет на того, кто выше его, я поднял руки и стал выше.

Архип расхохотался:

– Ты бы еще подпрыгнул.

– Медведь не голодный нынче. Ягода есть, грибы есть, рыба в реке есть. Он идет своей дорогой, мы идем своей, – говорил на ходу вогул, уходя от места встречи со зверем. – Наши предки были медведями, мне дедушка рассказывал, и бояться их не нужно. Он не зря здесь: рядом стойбище остяков, а они рыбу ему в дары приносят, чтоб скот не трогал. Видел же, что морда в чешуе была.

– Какая морда!? Тут маманю родную забудешь, не то что морду у мишки разглядывать, – догнав вогула, все еще с опаской оглядываясь назад, усмехнулся Архип.

Действительно, к полудню выйдя из осинника, они наткнулись на стойбище из пяти юрт. То были остяки – рыболовы. На столбиках загона для скота висела нехитрая рыболовная снасть, в основном это были плетенные из тальника мордушки. Тут же сушилась и рыба. Лайки, выскочившие навстречу, пару раз тявкнув, убежали по своим делам.

– У нас собаки на человека не бросаются, мы убиваем тех, кто человека не любит. В тайге только на зверя, белку, птицу можно лаять.

– Там, в рабстве, бусурманские собаки дурные, за пятки кусают, – вспомнив неволю, вздохнул Архип, – и поди пни какую, так плетей огребешь, хуже, чем у собак, наша жизнь была.

Навстречу им из ближайшей юрты вышел человек непонятных лет. Опираясь на посох с костяным наконечником, он вопросительно посмотрел на пришельцев.

– Мы идем мимо, на реку Эндра, в городище Эдем, – пояснил вогул хозяину.

– Вы одеты, как татары, – произнес остяк, рассматривая их шаровары.

– Мы идем с юга степи, были в полоне татарском, теперь уже почти дома. Хан Сейдяк объявил, что хочет отдать рабов русскому царю.

– Хану Сейдяку ныне не до вас, на него пошел войной Кучумхан. И кто победит, не известно. Заходите в юрту и отдохните. Одного-то признаю как русича, а вот ты с какого племени и роду?

– Я из племени шыбыр, я правнук сотника Пама, который, потерпев поражение от Стефана Пермского, ушел за камень и поселился в районе Атлымских юрт. Еще я праправнук Шамана Пынжи, – усаживаясь в юрте на сосновый чурбак перед растопленным чувалом, объяснил Угор.

– Я верю тебе, – кивнул хозяин юрты. – В отрочестве слышал я об этой битве. Знаю и Атлымские юрты, куда ушли ваши сородичи, оно в десяти днях пути по реке и двадцати по суше. Но чем могу помочь вам я? Разве что накормить и дать обувь? – показывая на рваные чулки кузнеца, спросил остяк.

– Я дам тебе золото для твоей жены. И один нож для сына, если он у тебя есть.

– Что ты хочешь взамен? – разглядывая гладь острия ножа, поинтересовался хозяин стойбища.

– Нам нужен обласок²⁶, тот, который сушится на берегу, и еще два весла. И, конечно, сапоги и одежда. Скоро заморозки, а путь долог.

– Я не могу отдать тебе обласок. На днях ведь пойдет Муксун, а после и Нельма, и если я останусь без челнока, то останусь без рыбы и не смогу заплатить ясак.

– У тебя два обласка. А на это ты можешь купить еще и бударку, – протягивая еще одну брошь, продолжил торговаться Угор.

– Хорошо. Я дам вам обласок, но обувь у меня одна.

– Ладно, посмотри вот это, – протянул вогул еще один нож и золотые украшения.

– Я дам вам сушеной рыбы, мяса и две старых малицы, – обрадовался удачному мену остяк.

– Шубы – это хорошо, – рассматривая и трясая малицы, обрадовался Архип.

В ночь, по яркому лунному мареву на воде, работая двумя веслами, беглецы заскользили по водной глади. Архип быстро привык к неустойчивому верткому суденышку. И уже после первого поворота ловко загребал со своей стороны веслом. Долбенка ходко пошла по течению, все дальше и дальше унося беглецов от Сибирского города Искера, последнего заслона хана Кучума. Теперь, кроме китайских купцов, промысляющих пушниной, и остяков-рыболовов вряд ли кто им встретится. Да и со стороны, одетые в малицы, друзья выглядели местными жителями и не привлекали особого внимания.

²⁶ Обласок – небольшая лодочка.

ГЛАВА 20

Исатай неустанно тренировал воинов. Каждый день с утра, пока утренняя прохлада не спала, он заставлял их разбиться по парам в конном или пешем строю и рубиться саблями с надетыми на них полосками из конской кожи. Опасное занятие давалось сразу не всем. Но опытный воин был упрям. Ведь в настоящей сече никто не спросит, умеешь ты биться на саблях или нет. Он шаг за шагом учил рубить сверху, сбоку, колоть прямо, разворачивать коня с помощью ног, если руки будут заняты, и за полтора месяца обучения его занятия дали свои результаты.

Командиров сотен ему помог подобрать Аблай. Десятников Исатай подбирали сам, учитывая силу, ловкость, а не происхождение. Отар был рядом. Передавал его поручения на тактических занятиях по охвату, свертыванию тысячи в боевой и походный порядок, обходе условного противника. Две сотни отобранных лучников тренировал сам Валихан. Учебная стрельба с места постепенно заменила стрельбу на скаку.

Единственной проблемой была экипировка небогатых воинов. Баи не сильно-то и желали раскошелиться на дорогое снаряжение. Местные богачи считали, что им достаточно поставить людей для отряда, а покупать им доспехи необязательно.

К середине осени прибыла еще и сотня батыров – профессиональных воинов. Она тоже формально вошла в тысячу Исатая. А к весне ожидали подход других тысяч из среднего и старшего

джузов, которые должны были встретиться с Исатаем у Ат-Базара перед выступлением навстречу джунгарам. На зиму Аблай отпустил обученных воинов домой...

Первая заметила приближение к стойбищу двух всадников Ботагоз.

* * *

СИБИРЬ

– Дядя, разведка донесла, что южнее Сибирского ханства зреет восстание и неповиновение. Этим может воспользоваться Сейдяк, приобретя себе союзников. А три сотни ногайцев, пройдя Калмыкское ханство, бесследно исчезли в степях, – почтенно поклонившись Кучуму, доложил Маметкул.

– Знаю, Маметкул. Этот Аблай – настоящий баран, он никак не может определиться, кому ему служить. После падения Казани многие, как трусливые шакалы, стали вилять своими погаными хвостами перед царем Иваном. После того, как я лично зарезал Едигера, мы ходили походом на Пермский край, поднимали восстание чувашей, которые были недовольны порядками, учиненными царскими слугами. Сейдяк же постоянно нападал на наши окраины, мстя за отца и дядю. Я думаю, что мы можем пришедших к нам ногайцев послать потрепать Сейдяка и склонить на свою сторону Аблая, – рассуждая вслух, проговорил хан Кучум, принимая у слуги пиалу с чаем. – Найди свидетеля, Маметкул, и пусть слух, что их сородичей перебили люди Аблая и Сейдяка. Пусть мстят, – улыбнувшись гениальности своего коварного плана, поставив недопитую пиалу на достархан и откинувшись на подушки, закончил разговор Кучум.

Племянник, поклонившись, вышел из юрты.

ГЛАВА 21

— **Б**ыл ты, Никитушко, в стороне дальней. Ой, и далеко, соколик, слетал. Хорошо, что нить жизни не оборвалась, да не остался тама-ка на веки вечные. Унесло тебя в дали дальние, времена студеные. Но многое и нам, старцам, ясно стало чрез тебя, сиротинушку. И про веру славянскую, и про веру греческую, и про русское царство от моря до моря, и про дальние странствия вплоть до звезд дальних. Да про мытарство народа русского, победы да поражения сынов земли нашей, — помешивая варево в котле, говорил вышедшему из гипнотического сна Никите старец Гостомysl.

Каменотес осмотрел своды шалаша, в котором находились четыре волхва. Он немного потряс головой и, почесав бороду, справился:

— Иж много ли я спал, люди непорочные?

— Да, почитай, три дня и три ночи, отрок, кричал во сне, бился с силами темными. Все порывался со товарищами уйтить. Токмо ушли они уже далече. Нагнать их трудно теперь. Да и не по пути с ними тебе покамест. Тобе Велесом силы дадены в будущее зреть. И наше окончание подхватить, когда не сдюжим мы нести на земле слово прежнее, — поднимаясь с корточек, наливши ушицы Никите в деревянную миску, отозвался Гостомysl.

Остальные старцы, слегка кивнув головами в знак согласия, по очереди начали наливать себе трапезу.

— Это Стоян, — показав на крепкого старца лет восьмидесяти, продолжал толк Гостомysl, — он у нас за младшего. Выучит тебя

Стоян грамоте нашей. Научит разбирать и скифские вязи, и руны ариев. Ты, отрок, каменотес, тебе и письма наносить на веки вечные. Чтобы те письма попали к внукам и правнукам нашим. Дабы знания пращуров, собранные по крупицам многими веками, перешли к последующим поколениям. А когда возродится вера истинная и прекратится гонение последователей веры нашей, выйдут волхвы к людям и понесут они, ако огонь, истину в люд наш, согревая сердца славянские.

– Так как же я от веры-то отрекусь, отче? Душу язычеству отдам? – перестав хлебать, спросил Никита.

– Ты уже от нее, от веры своей, отступился, когда с Ливонской войны утек на хлеба вольные. Пошто, не помнишь? Как боярину своему крест целовал? Как божился живот свой отдать в ратном поприще? Нет тебе назад туда ходу, – шевеля под котлом огонь веточкой, изрек Гостомысл, – токмо здесь тебе и пристанище. А не по душе твоей христианской станет жизнь с нами, уйдешь весной. В аккурат, на праздник пробуждения Велеса-медведя и уйдешь, держать тебя силой не станем.

– Что за праздник такой, отче? Не ведаю.

– Это, по-новому, день святого Власия будет. Нарядятся люди в тулупы и радуются весне-красавице да пробуждению Велеса-медведя. Блины пекут, как сейчас на масленицу. Греки-то хитрые, они не ломают через колено веру старую, а перекраивают на свой ляд обычаи наши. Вот токмо волхвов изводят повсеместно. Поэтому и не на Руси мы ныне, а в степях кыргызских жительствоуем. Тут нет гонений нам. С местными под одним небом уживаемся, знахорствуем и скот лечим. То грыжу чаду какому зашепчем, то скотины падеж остановим.

– Так вы что, тут и живете в шалаше?

– Нет, живем мы на сопке каменной, в пещере Жаман Тау, Жаман сопкой степняки ее окрестили. Плохой, стало быть, сопкой, колдовской. Поверье у них наличествует: кто с мечом или с другим оружием на сопку взойдет, тот каменным идолом враз станет и на века им и останется. Два дня пути пешком ходом до нее и до пещеры нашей. А здесь мы рыбу на зиму в Исиле ловили и вялили да грибы, ягоды сушили всю весну. Коренья всякие от хвори да от напастей собирали. Веревки конопляные плели и лык на лапти резали. Вечером приедет на арбе дальний родственник Аблая и отвезет всю поклажу нашу к сопке. И мы пойдем с ним. Благодарен Аблай нам,

все сына не могла жена ему принести. Так помучился, поколдовал с ней Истислав, и родился у Аблая бала, то есть мальчонка.

Старец по имени Истяслав, лет под девяносто с виду, кивнул головой в знак согласия.

– Ну, а это наш Вторак, – показав на старца, сидевшего в глущине шалаша, пояснил Гостомысл. – Ему одному дадено прошлое помнить и будущее зреть. Он-то тебя и усыпил травами настоянными, да три ночи летал ты на нити богов, куда ему потребно было, для познания мира насущного.

Гостомысл, посмотрев на горизонт, вдруг стал собирать пожитки в узелки и корзинки. Появился легкий ветерок. Зашелестела листва на деревьях. В воздухе повеяло свежестью.

– Вот и Перун радуется тебе, Никита, что ублаготворил нас своим присутствием. Коли дождь да молнии к вечеру будут, то знать, Перун знак дал, что благоволит тебе и велит оставаться.

Степняк появился после полудни. На арбу с огромными колесами сложили пожитки и заготовки. Сами же пошли следом...

Вечером их нагнала гроза. Проливной дождь шел всю ночь, небо громыhalo, освещая сопку, появившуюся из темноты как изваяние страшных сил. Не зря степняки называли ее Жаман сопкой, не зря...

* * *

СИБИРЬ

– Слышь, Угор, а ты что зрел, когда грибы давеча ел? – спросил Архип, укладываясь спать у костра на охалку нарубленного лапника.

– Никиту в белых одеждах видел, старого совсем, с бородой до пояса и усами длинными. Видел городище свой, разрушенный и заброшенный. Тебя в кузне, сабли изготавливающего, и мальчонку рядом дуже смышленного. Много видел. Войну видел. Златую Бабу в пещере каменной зрел. Спать ложись. К рассвету пробужу, ты опосля стеречь сон и огонь будешь. Росомаха вокруг ходит, поганый она зверь, подлый зверь. Если стая, то и напасть могут на сонных, – ответил вогул, подкидывая в костер хворост.

В небе горели звезды, и были они низко-низко. Звезды над урманом. Впереди путников ждало обустройство на зиму и промысел.

Архип и не предполагал, что через несколько лет сюда придут люди Ермака.

ГЛАВА 22

Когда рассвело, Архип легонько толкнул древком копыя Угора.
– Разбудить просил, как солнце встанет, – напомнил он вогулу.

– Сегодня переплывем на высокую сторону. Пора к зиме готовиться, – поднимаясь с постели из еловых веток, объявил Угор.

– А что, дальше-то не пойдём?

– К зиме готовиться надобно, – вновь повторил вогул, – лабаз строить станем. Землянку копать будем. Юрту ставить. Морды плести на зиму, чтоб в загар рыбу заготавливать.

– Какой такой еще загар?

– Ну, это когда вода тухнет, горит, значит, подо льдом. Рыба на родники идет дышать, тут ее и ловить надобно. Прозвевашь загар, голодным останешься. А далее, коль не понравится место, на север мы с тобой весной тронемся. Нынче уж вода малая, да и снег скоро выпадет. Не пройдем сейчас, сгнуть можно. Весной много воды придет, и мы пройдем. А пока зиму тут зимовать станем да заготавливать снедь начнем. Скоро китайцы приспеют, шкурки менять примутся на посуду разную да вещи всякие. На больших ладьях приплывут. Они всегда приходят поздно осенью, когда шкура крепкая у зверя станет.

– А назад как же они супротив течения по холоду и воде малой?

– Вода, перед тем как лед станет, поднимется. Вот они где на греблях, где под парусиной и возвращаются к себе.

– А татары что? Не трогают разве купцов их?

– Грамоты охранные от хана джунгарского у них. Ясак платят, вот и ездят по всему свету.

Собрав свои немногочисленные пожитки в обласок, беглецы погребли к правой, горной стороне реки. Дружно работая веслами, они, перескакивая небольшие гребешки волн, направили челнок поперек течения. Вогул, когда вышли на стремнину, вновь заголосил песню:

– Лодка мой, весла мой, я иду к себе домой!

– Ой, и веселый ты, Угорка, человечина! Что видишь, то и поешь, – усмехаясь в бороду, крикнул кузнец, стараясь перекричать шум ветра.

Но вогул его не слышал, так как уже подбирал новый куплет к своей песне...

В одном из логов с небольшим журчащим ручьем они и решили обосноваться, чтобы перезимовать. Вогул быстро нашел четыре сосны, растущие правильным четырехугольником.

– Лабаз будем ладить на столбах, чтоб зверь запасы не растащил. Высоко поднимем. Не достанут, – сказал вогул и сделал копьём отметку на стволе одной из сосен.

– А сами как туды лазить будем?

– Бревно приставим с зарубками, когда нужно туда попасть, а опосля класть его на землю будем, чтоб зверь не зашел.

– А сами-то как? Где жить станем?

– Юрту поставим, землянку выкопаем, не пропадем. Камень есть на берегу, глина в ручье для чувала. Такой изба из шкуры сделаем, боярин позавидует! – улыбнулся вогул, затачивая ножом очередную палочку. – Я за шкурами в юрты Атлымские схожу, тут недалече.

– А палочки на кой ляд тебе сдались?

– Гвозди это будут. Нижний ряд лабаза держать станут.

– На Беломоре их нагелями называют, ладьи и струги с их помощью собирают, нужная вещица, – рассматривая деревянное изделие, согласился Архип.

До настоящей зимы оставалось месяца два. Архип с Угором рассчитывали успеть обжиться на берегу реки. Работа кипела. Хоть и не хватало топора, но самаркандское сабельное железо рубило сосенки не хуже. Очищали бревна от коры ножом и острием сабли.

– Под корой личинка жить будет, бревно съест к весне совсем, – пояснил Архипу вогул, когда тот заупрямился и наотрез отказался обдирать кору на бревнах.

Лабаз собрали за две недели, макушки деревьев срубили, чтоб ветер не раскачивал столбы, на которых он стоял. Вогул правильно выбрал место. В логу было довольно тихо. Холодный северный ветер практически не попадал в ложбину. Зато весь северный склон, на котором обосновались путники, практически целый световой день обогревало солнце.

С обустройством юрты хлопот было поменьше. В ход пошли макушки срубленных сосен и березок. Установив их шалашом и связав верхушки, друзья получили в подарок крышу над головой. Архип так вошел в ритм стройки, что останавливаться на достигнутом и не собирался. Натаскав от берега камней, он принялся мастерить печь. Да не простую, а кузнечного дела. Срубил навес над ней и взялся за стены.

– Ты, Архип, смотри, ночуй в лабазе, пока я хожу к остякам на стойбище. Не то, гляди, зверь какой придет. Одному не справиться тебе. Особенно росомахи если придут, то станут они тебя караулить, пока не устанешь и не уснешь. А опосля загрызут, – наставлял перед дорогой вогул кузнеца.

Необходимо было выменять шкуры для юрты. А в верховьях ручья через гору находились юрты остяков, туда и собрался Угор.

– Купцов к лабазу не води. Если плыть будут, меняйся и торгуйся на берегу. Хотя и торговать-то у нас нечем пока. Разве что саблю одну выменяешь на вещи, какие нужные в хозяйстве. Да про соль не забудь. Ее с верховья Тобола возят на Обдоры, на меха меняют, но и саблей не побрезгуют. Только смотри цену ломи. Торгуйся долго. А лучше меня дождись, а то не ровен час и на татар нарвешься.

Вогул ушел на рассвете, взяв с собой лук и копье.

ГЛАВА 23

Пройдя за старцами в пещеру и помаленьку привыкнув к полумраку, Никита осмотрелся. В каменных стенах были высечены ниши для спальных мест. Уложенные шкуры в несколько слоев служили ведунам и перинами, и покрывалами. Посередине жилища из бутового камня имелся искусно сложенный длинный стол и лавки. Наличествовал и очаг, также выложенный из плоских камней, с пятьюколоточным дымоходом, выходящим сверху через вход в пещеру. В одной из ниш лежали каменные и глиняные дощечки, на которых виднелись какие-то надписи. Никита аккуратно взял одну из них. Рукавом смахнул пыль и по слогам вслух прочел:

У ора-тая ко-бы-ла со-ло-вая,
Гу-жики у него шелко-вые,
Со-шка у ора-тая кле-но-вая,
Оме-ши-ки на со-шке бу-ла-ные,
При-со-шек у со-шки се-ре-бря-ный,
А ро-га-чик-то у со-шки крас-на зо-ло-та,
А ора-тая куд-ри ка-ча-ю-тся,
Что не ска-чен ли жем-чуг рас-сы-па-ется,
У ора-тая гла-за ясна со-кола,
А бро-ви у не-го да черна со-боля,
У ора-тая са-пож-ки зе-лен са-фьян,
Вот ши-лом вост-ры, но-сы вост-ры,

Вот под пята во-ро-бей про-ле-тит,
Око-ло но-са хоть яй-цо про-кати;
У ора-тая шля-па пу-хо-вая,
А каф-тан-чик у не-го черно бар-ха-та.

Никита повернулся к стоящему позади его Гостомыслу и рассмеялся:

– Уж иде, отче, такого пахаря найтить-то? Чтоб соха золотом да серебром подбитая была, да сапожки княжечи, да ашо гужики шелковыя? Обычно у пахаря портки дырявые да лапотки дедовы... Сказка это, ложь несусветная...

– Былины – это сказания наши древние. А Микула-пахарь, стало быть, герой опричный. Особенный, сказочный. Ведь знамо – сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок. В сих сказаниях история и уклад Руси нашей, и мы призваны сберечь сие наследство. А люд, который не помнит и не чтит корней своих, обречен на исчезновение, – растолковал мудрый старец каменотесу.

Никита бережно положил табличку на место.

– Тут много чего схоронено от попов греческих да от слуг царских, кои рыщут аки волки в поисках сих записей и колотят таблицы прилюдно, не думая о сохранении наследия бесценного, – хрипло проговорил Стоян, незаметно подойдя к Гостомыслу и Никите. – Тут и про Святослава Храброго и про Игоря, сына Сокола. А вот это про Солнечного царя Даждьбога и Громовержца Перуна, – перекладывая таблицы, рассказывал Никите старец. – Есть и скифские письмена, но неведомо нам, что писано в них, хотя храним и их, может, кто и разыщется, способный прочесть письмена давнишние.

– Я тюркскому и фарси немного обучен, – разглядывая таблички, проговорил Никита. – Видел и китайские, и джунгарские вязи. Ведь каменотесил, почитай, два десятка лет в полоне. Надписи на каменья могильные наносил да на стенах резал фрески всякие. Учителей много среди старых мастеровых было. Царь Тимур Хромой в свое время довольно умельцев в Самарканде собрал. Кого полонил, кого купил или заманил хитростью. Вот только вход туды – полушка, а выход – рубль серебряный. Многие в неволе так и сгнули на работах тяжких да от ласки басурманской, – тяжело вздохнув, присел на край лавки каменотес.

– Ничего, малой, поучим и мы тебя трохи, – ласково похлопав Никиту по плечу, заверил Гостомысл, – от нас выход тоже не прост.

– Так какой же я малой, почитай, сорок пять годин справил нынешней весной, – попытался возразить каменотес.

– Кха-кха-кха, – раздался хриплый кашельный смех из дальней ниши. – Кха-кха-кха, напужал ты нас годами своими!

Это столетний Вторак, ласково улыбаясь и склонив седую голову чуть набок, как мальчишка, веселился над словами Никиты.

* * *

Архип с досадой бросил взгляд на сабельку, так опрометчиво повешенную им на ветку сосны. Оставалась надежда на копьё, которое стояло кверху острием, прислоненное к столбу лабаза. Ведь наказывал же вогул, чтоб был осторожен без него! Нет, увлекся он строительством кузни своей.

Кузнец взял по большому камню в каждую руку и тихонько двинулся в сторону лабаза, единственному месту, где можно было укрыться от зверя. Росомахи, окружив в полукольцо добычу, медленно надвигались, стараясь оттеснить человека вглубь тайги и не допустить его к своему убежищу. Самая ретивая из них, пытавшаяся подобраться ближе всех к жертве, получила голышом в голову и, заскулив, отскочила.

Этим и воспользовался Архип, в два прыжка оказавшись у бревна, служившего лестницей. Но подставлять хищникам спину он не мог и, схватив копьё, стал медленно взбираться по бревну задом. Такое восхождение было неудобным, но более безопасным. Вторая хищница, получив легкий укол копьём, визгнув, отскочила.

Кузнец наконец-то окончил подъем и, открыв наощупь дверь лабаза, закатился задом в него, на ходу заперев за собой дверку. Тут же снаружи дверь царапнули когти третьей росомахи.

В малюсенькое оконце пробивался лучик света. Архип осмотрелся.

– Плохи дела, – горько усмехнулся коваль, вспомнив, что он впопыхах не скинул бревно-лестницу на землю. Чем и открыл доступ тварям на крышу лабаза.

И действительно, в подтверждении его опасений по крыше мягкой поступью прошла одна хищница, обнюхивая щели и ища место для проникновения вовнутрь. Вскоре уже все три хищника принялись бродить по крыше, обнюхивать щели и лапами царапать бревна перекрытия.

Архип подтянул к себе копые и тут же ужаснулся. Копье-то длинное, и размахнуться он в маленьком лабазе им не сможет.

Сверху на голову кузнецу посыпалась свежая стружка. Это один из хищников, разыскав маленькую щель между бревнами, принялся когтями и клыками ее расширять. Архип попытался о колено сломать древко копья, но буковая древесина не поддавалась. В щели между бревнами показался мокрый нос росомахи. Кузнец вспомнил про кремень, висевший на шнурке рядом с крестиком, и, быстро сняв его через голову, ткнул в пятак острием.

Наверху, взвизгнув, фыркнули и, опасаясь очередного укола в нос, отчаянно заработали лапами.

– Да уж, попал как кур во щи, – присев на корточки, невесело усмехнулся кузнец, посматривая на входную дверь лабаза, нижний угол которой грызла другая росомаха...

Понимая, что долго он без воды и пищи тут не протянет, кузнец приготовился к худшему...

ГЛАВА 24

Вогул, напевая себе под нос очередную песенку, которую сочинил на ходу под такт шага, возвращаясь домой, спустился в лог. Встречей на стойбище с земляками Угор был доволен. Кое-что выменял, а что-то и в долг взял, пообещав рассчитаться к весеннему ледоходу. Товар, нужный для зимовки, он отправил по речке с остяками, которые спускались на Обь для заготовки рыбы. Сам же двинулся через сопки напрямик.

За ним увязались две лайки. Вогул и не противился новым спутникам. Прокормить он их прокормит, а в охоте это незаменимые помощники. И зверя облают, и лабаз постерегут, пока рыбу ловить будет на реке. Да и незваных гостей заранее встретят. За боевой лук наменял Угорка товару немеряно, в две лодки кое-как скраб поместился.

«Не нужны в тайге мне боевые тяжелые стрелы. Если доспехи у воина насквозь пробивают, значит и глухаря да птицу насквозь прошьют, а с белкой и вовсе улетят в дали дальние. Не сыскать мне потом стрелу. А их-то всего двенадцать и осталось, стрел-то, – думал вогул, бодро шагая к своему жилищу. – Зато шкуры для юрты выменял. Котел добыл медный, лук охотничий, топорик, да мелочь всякую для жизни необходимую. Как раз на Атлымских юртах купцы-менялы были, они-то и похватили, почитай, все, что у меня на обмен было приготовлено», – продолжал рассуждать Угор.

Вогул остановился.

– Ветер с реки дует, а дымом не тянет. Огонь прозевал Архипка? Или случилось что? – насторожился Угор.

Лайки тоже, перестав путаться под ногами, с визгом ринулись вниз по логу в направлении лабаза.

Архип уже находился шестые сутки без воды и пищи. Без еды еще можно было бы потерпеть, но вода уже начинала мерещиться. То дождь вроде как пойдет, то речка зашумит под лабазом. Прислушается Архип, а это сосны шумят, да росомахи по лабазу рыщут. Он уже и кору-то всю, какую не сняли при зачистке бревен, ободрал да изжевал. И березовые лаги ковырять кремнем принялся. А эти твари лазят да лазят по перекрытию. И знай себе грызут бревна в надежде добраться до добычи.

– Хоть бы, стервы, наземь спрыгнули. То уже полегче бы было. А то сидят на крыше и ждут, когда человек из двери покажется, чтоб на спину прыгнуть. Да здоровые две какие, как медведи маленькие. А с ними малая, видать, помет их, везде, зараза, нос свой засунет, как ключник боярский. И под дверь норовит, и в оконце заглянет, – рассуждал в полузабытьи Архип.

Услышав визг и лай собак, кузнец даже не удивился, а просто прошептал пересохшими губами:

– Ну, токмо звон колоколов и осталось услышать. А так уже все пригрезилось. И где этого лешего носит? Может, зазимовал Угорка с рыбоедами да бросил своего сотоварища на погибель жуткую. Эх, сабельку-то я проворонил. Так бы порубил в капусту этих шавок вонючих.

Архип в бреду, лежа на бревенчатом полу, слышал, что снаружи шла какая-то борьба. Визг и рычание переходили порой в скулеж и вой. Сквозь щели бревен двери появилась огромная мохнатая тень.

Кто-то с силой нажал на дверь. Архип попытался удержать ее своим телом, прижавшись к ней спиной. Но дверка лабаза медленно открывалась вовнутрь все шире и шире. Кузнец из последних сил развернулся и, теряя сознание, уколол кремнем в нос мохнато-му чудищу.

Пересохшие губы ощутили благословенную влагу. Он судорожно начал хватать струйку воды, текущую ему откуда-то с небес.

– Сейчас еще принесу, – услышал он голос вогула.

– Угорка, ты что ль? – прохрипел кузнец не своим голосом.

– Ты зачем мне камнем нос разбил? – не отвечая на вопрос, спросил вогул, приложив отжатую в рот коваля мокрую тряпицу к своему распухшему носу.

– Это я со зверем невиданным сражался и, видать, тебя с ним попутал.

– Нет зверя больше. Одного я из лука снял. Другого, маленького, собаки на дерево загнали. А один ушел.

– Ух и взяла же они меня в оборот. Ну, чайл, сожрут, ироды.

– Наглый зверь росомаха. Совсем безобразница. Продукты ворует. С дерева на спину прыгнуть может. А вот чтоб кидаться на человека открыто, не слышал. Видать голодная шибко. Или свой удел защищала.

– Вот живи и бойся. Вдруг вернутся, – пробурчал, приподнимаясь и присаживаясь, Архип.

– Не вернутся. Теперича у нас две собаки есть. Почуют сразу. Одну вон росомаху уже таскают по поляне, грызут. Другую сторожить будут, пока она с дерева не упадет. А третья не придет. Вот и стаи нет. Теперь это наше угодье. Мы хозяева здесь.

Лайки, бросив растерзанную росомаху, прислушались. И с визгом кинулись к берегу, где были слышны голоса и шлепанье весел о воду. Это пришли лодки с товаром, который выменял вогул у купцов и остяков.

Молодая росомаха, пользуясь случаем, спрыгнула с дерева и опрометью метнулась в тайгу. Прочь от людей и собак. Лог теперь принадлежал не ей.

К Архипу подошел остяк, протянув острогу, показав на зазубрины и погнутый край.

– Ну-ка, погодь, – рассматривая наконечник, прикинул кузнец, подходя к своей самодельной печи.

Развел в ней огонь. Подождал, когда поленья разгорятся, и пошел по кладке из камней ниже по логу.

– Горна нет, силы пламени не будет. А ежели наподобие дымохода подвод воздуха из камней соорудить да тягу в печь пустить, может, что и выйдет, – рассуждал Архип сам с собой.

Росомахи ему не дали испробовать свое изобретение. Теперь же кузнец, подойдя к началу каменного колодца, отвалил заслонку из круглого камня. Тут же на другом конце из чрева печи пыхнули фейерверком искры. Кинутое перышко улетело с потоком всасываемого воздуха.

Печь была готова.

Нагрев на огне до нужной температуры железный наконечник остроги, Архип отковал обухом топорика острие, используя в роли наковальни огромный речной валун. Вогнав раскаленный наконечник в грязь, закалил сталь.

– Жир нужен или масло, а грязь слабый закал дает, – попробовав ногом наконечник, пояснил остякам кузнец и подал острогу хозяину.

Вокруг собрались остальные рыбоеды. Принялись по очереди пробовать пальцами острие и, кивая на Архипа, довольно закивали головами.

– Медвежий жир опосля привезем, еще ковать мал-мал нужно, – заверил его остяк.

– Что за древко такое дивное на остроге? Совсем не горит, – подойдя к Угору, поинтересовался коваль.

– Это кость слона северного. Когда-то жили они тут. Но ушли в Индию. Я видел в детстве рисунки в пещере у большого камня. Совсем как слон, какого я в Бухаре видел, только нос маленький и шерсть как на буйволе. Эти кости река нам отдает, вымывает на берег. Иногда огромные клыки вымывает, мы из них полозья для нарт мастерим. Богатый человек будет тот, кто найдет эти клыки. Из мелких же костей наконечники для стрел мастерят, древко к острогам или копьям ладят. А эта острога, кою ты ковал давеча, с железным наконечником, двадцать оленей стоит. Ей царь-рыбу бьют, когда она в завесу попадет.

– Осетра что ль? – смекнул Архип.

– Ну да, царь-рыбу, в которой икры много, а шкура толстая, на обувку и ремешки идет.

– Да уж, шершавого костяной острогой не возьмешь, тут железная пешня надобна, – согласился Архип, вспоминая былую вольницу на Волге и икру осетровую в бочонках, которую отбирали разбойным промыслом у купцов армянских.

ГЛАВА 25

Отар тихонечко тронул за плечо спящего Исатая.

– Вставай, айнайлайн. Плохой хабар пришел, со стороны Искера идут три сотни ногайцев. Их видели восемь лун назад на слиянии Исиля с Эртысом. Ныне они встали лагерем у Жаман Тау. Нужно поднимать джигитов, посылать гонцов по всей степи, собирать всех, кто может носить оружие. Они уже сожгли большой аил, побили дозорный отряд на слиянии Исиля с Эртисом.

– Какая цель у астраханских татар? Мы не вступали с ними в войну? – разгоняя остатки сна, поинтересовался Исатай.

– Аблай говорит, что их послал Кучум-хан наказать наш народ за преданность племяннику Едигер-хана.

– Но Сейдяк является единственным наследником на престол хана Сибири. Его назначение на ханство определено потомственными чингизидами. А Кучум – узбек, стоит ниже по сословию покойного Едигера. Его и в Бухаре мало кто празднует, хотя он и сын хана, – возразил Отару Исатай, окончательно проснувшись.

– Кучум постепенно захватывает власть. После падения Казани и Астрахани ослабло влияние Крыма на наши земли. А Бухара отдать русскому царю Сибирское ханство с его богатствами не желает, – подавая пиалу кумыса Исатаю, рассудил Отар.

– И что ты еще мыслишь, Отар, по этому поводу?

– Я маленький человек, и голос мой будет услышан только тобой, но считаю, что только один русский царь может ограбить нас

от набегов монголоидов. Ни Сейдяк, ни Кучум не станут отдавать жизни своих нукеров за наш маленький народ. Так было и сто, и триста лет назад, так будет и впредь, – поднимаясь с кошмы, рассудил Отар.

– Твой глас – глас народа. Отар, ты мне как брат. И я не хочу, чтоб ты погиб в стычке с взбесившимися ногайцами. Поэтому со мной не поедешь. Подготовь мне заводного коня. Заверни джунгарские стрелы, которые извлекли из меня. Я поеду навстречу этим недоумкам. Я думаю, что их натравил Кучум в связи с гибелью отряда у святых могил. Меня же они не тронут, так как я племянник достойного Узун Бека, а он прямой потомок шибанидов²⁷. Мой дядя является родственником ногайских чингизидов по материнской линии, – рассказывал Отару Исатай, надевая доспехи. – И еще, брат, береги мою невесту Ботагоз, я оставляю ее на тебя, потому что только ты можешь до последней капли крови защищать ее жизнь и достоинство. Я вернусь и весной стану тебе зятем.

Названные братья вышли из юрты. Огромное небо североказахстанской степи украшали миллионы звезд, бисером рассыпавшиеся по небосводу. На траве уже лежал редкий первый хрустальный снежок.

– Ботагоз не буди, не люблю смотреть на девичьи слезы, – попросил Исатай.

Отар пошел за заводной лошадьё, которую вскоре привел в поводу. К седлу были приторочены курдюк с кумысом и сума с продуктами. Сбоку от лошади семенила Ботагоз.

– Я не буду плакать, Исатай. Я просто потрусь щекой о твою ногу, – проговорила она, прижимаясь к ноге воина, уже сидевшего в седле.

Исатай укоризненно глянул Отару в глаза.

– Я ее не будил. Она сама поднялась и собрала тебе в дорогу еду. Ведь топот коня вестового поднял всех на стойбище, – виновато пожав плечами, оправдался названный брат.

Исатай наклонился, погладил девушку по распущенным волосам и, слегка коснувшись камчой крупа своего коня, размеренным шагом направил его на север. За ним последовал вестовой.

Батыр не оглянулся. Нельзя. Плохая примета. Ботагоз это знала.

²⁷ Шибаниды – одна из ветвей рода Чингисхана.

Девушка долго еще стояла, глядя вслед своему возлюбленному, пока тьма не поглотила очертания всадника.

* * *

Гостомысл снял рубище, переодеваясь в чистую, отороченную старославянской вышивкой понизу и вороту, рубаху. Никита, глянув на спину старца, невольно ужаснулся:

– Так кто ж тебя, отче, так изувечил? У кого рука-то поднялась?

– Есть сердечные люди на белом свете. Постарались на совесть от всей души государевы прихвостни-опричники, – натягивая через голову рубаху и прикрывая исполосованную глубокими рубцами спину, вздохнул ведун.

– За что ж такие муки стерпел? За какие грехи земные?

– За душевность свою, отрок, за добросердечие. За заботу о людях нашем. А было это так. Нашел мор под Суздалью. Косила, как косой, смертушка народишко. По всем избам прошлась. Почитай каждого третьего прибрать поспела. На улицах пусто стало. Избы нетопленные стоят. Замерший скот по проулкам да по стайкам лежит. В церкви и звонить-то уж некому, все звонари преставились. Решил последний дьякон молебен отслужить, да народ, какой остался, созвать. А я просил людей, в ноги кланялся, чтоб не ходили. Не лобызали образов. Не омывались водицей общей. Кто не пошел, тот жив и остался. Ну а кто не расслышал меня из-за уверования своего темного, тот заразу поймал, да и ушел из жизни со своими чадами и родителями немощными. Ведь недаром пословица гласит: «Заставь дурака Богу молиться, он лоб и разобьет». Так и тут получилось. И дьякон преставился Господу, и народ за ним на тот свет потянулся. Опосля же мора, весной, слуги государевы понаехали да принялись бить кнутами, ересь выгоняя из тех, кто икон не лобызал и в живых остался. Меня принародно перед церковью и заporоли. Думали насмерть, да отходили Гостомысла люди добрые и после тайно вывезли с купцами в Пермские края. А далее я с Новгородским отрядом через камень перешел. По пути с братьями моими повстречался. Туточки мы вместе и оказались. Ранее ведь здесь пращуров наши в сих пещерах обитали, веру берегли, укрывшись от князей Киевских. Как говорится, подальше от ласки да плетей княжеских. Хотя и сам я не простого сословия

и выше нынешних по вельможности, опосля как-нибудь поведаю, кто я такой.

– А куда, отче, сейчас прихорашиваешься? Вознамерился ли кудой? Али так в пещере погарцевать собрался? – улыбаясь, спросился Никита.

– Татары астраханские войском встали у озера. На сопку они, конечно, не полезут ночью. Тут для них у нас сторожок приготовлен. А вот днем, поднявшись по тропе, могут и заглянуть. Вот тогда белая рубаха и сгодится. Боятся они пророков и людей непорочных трогать. Мы ведь для них колдуны. Стало быть, неприкасаемые люди. Да и дурная слава о нашей сопке ходит. Покрыта сия гора густым вековым лесом. А для степняков лес всегда страшен был. Ну-ка, возьми, Никитушко, в углу тыкву сушеную на черенке да подай мне.

Никита сходил за тыквой. Разглядев ее, рассмеялся как ребенок.

– Чучело! Так мы же в детстве на масленицу баб пужали. Глаза да рот зубастый вырежем и свечу вовнутрь поставим. Старую рубаху наденем. Визжат, коль наткнутся на тропке ночью! Умора, да и только!

– Вот и мы спужаем вояк диких, коль ночью сунутся их хабарчи на тропинку, – отозвался Вторак со своего ложа.

* * *

Два ногайских разведчика бесшумно продвигались по тропе. Обнажив сабли, они с опаской шли, озираясь по сторонам. Темная стена хвойного леса зловеще дышала по бокам тропы. Ветви, как костлявые руки злых колдунов, дрожа, тянулись к лицам джигитов. Но вековое послушание приказам и повиновение командирам, привитое с молоком матери, было выше животного страха. И разведчики бесстрашно продвигались вперед.

Где-то заскрипело дерево. Пронзительно закричала птица, оглушительно захлопав крыльями. Ноги воинов пригнулись в коленях. Но оправившись от приступа минутного страха, бесстрашные разведчики двинулись дальше.

Лунный свет хорошо освещал тропу. Были видны следы на примятой траве от арбы, которая совсем недавно проезжала наверх и спускалась обратно. Оба разведчика считались старыми и

мужественными воинами. Не один поход за их плечами, не одна битва. Вот только лес, скрипящий стволами да ухающий птичьими криками, вызывал у выросших в степи нукеров небольшое опасение.

Внезапно идущий спереди воин остановился, почувствовав, как у него окаменели ноги. Тропу медленно перешел призрак в белом одеянии. В рубахе до пят, белой бородой до пояса, он бесшумно исчез между сосновыми лапами на другой стороне тропы.

Озноб пробил мужественных воинов, но, поборов страх, они сошли с тропы и осторожно раздвинули хвойные лапы.

И тут нос к носу столкнулись с чудищем, у которого светились глаза, а из клыкастой пасти вырывалось пламя.

– Ааа! – взревел первый хабарчи. – Это огненный Самурхан!

Но его напарник уже не слышал товарища по оружию, так как на зависть всем беговым скакунам ногайской степи мчался вниз по тропе доложить о результатах разведки своему начальнику. Он упал у шатра и, изрыгая хлопья пены, выпучив безумные глаза, нес ахинею не менее перепуганному командиру.

– Огненный Самурхан! Огненный Самурхан! Он живет там! Он совсем злой, Самурхан проглотил нашего Нурмета вместе с доспехами! О, мой господин!

Нурмет в виде побитого пса приплелся позже. Без шлема и сабли, с расцарапанным лицом и изодранными доспехами. Он долго дрожащими руками пытался испить кумыса из поднесенной ему пиалы. Отважный хабарча, обливаясь и плескаясь напитком, перед тем, как упасть в обморок, стуча зубами, выдавил из себя:

– Жаман сопка! Ходить нельзя! Огненный Самурхан очень, очень сердился...

ГЛАВА 26

Исатай встретил рассвет вблизи озера Челкар, воды которого были настолько чисты, что на глубине десяти саженей были видны камни и валуны. Выбрав пологий спуск, он напоил лошадей. Отвел их на полянку под деревья, где не дул холодный осенний ветер. Ему оставался один переход до Жаман Тау. Там встали лагерем ногайцы. Валихан должен был прислать к озеру проводников.

– После падения Астрахани ногайцы в основном ушли на Каспий и Крым. Но, будучи прирожденными воинами, участвовали и в вооруженных конфликтах. Выступив против остатков войск Едигер-хана на стороне Кучума, они невольно вступили в конфликт с русским государством. А ведь совсем недавно ногайские всадники принимали участие в Ливонском походе и были на стороне урусов, – рассуждал Исатай, сидя между береговых валунов напротив разгорающегося костерка, шевеля прутиком хворост. – Отряды под начальством мурз Тахтара, Темира, Бухата, Бебезяке, Уразлы, оказавшие немалую помощь русскому государю в той войне, теперь идут против урусов. Хоть Кучум и имеет меньше прав на ханство, зато союзников он собрал много. К нему пришли и подходят все новые и новые воины. Действительно, старый мир переворачивается с ног на голову. Если раньше право на ханство было только у потомков Чингисхана, то теперь власть может захватить любой, стоит только объявить, что этого желает Всевышний, да собрать побольше сил и союзников для поддержки, – подбросив хворост в костер,

вновь вздохнул Исатай. – О Боже, царь царей! Ты даруешь власть, кому пожелаешь, и отнимаешь власть у кого пожелаешь, – вспомнил он строки из Корана. – Бай Аблай, безродный жирный сурок, разбогатевший на своих соплеменниках, тоже ведет себя странно. Будто мечется он между огнями, выискивая выгоду.

На полянке фыркнули лошади. Вдалеке раздалось ржание. Исатай поднялся с коврика и, обходя береговые камни, прошел к лошадям.

На дым костра двигались два всадника. Одеты они были в лисы малахай и овчинные полушубки – тоны.

– Свои, – обрадовался Исатай.

То были люди Валихана, чей улус находился в полудне пути. Перед встречей с ногайцами Исатаю необходимо было отдохнуть и посоветоваться со старшими. Оба проводника уважительно поклонились, приложив плети к груди.

– Аман сыз таксыр, – поздоровался старший.

Исатай кивнул головой в ответ и направился к лошадям. Пора было ехать.

Он не боялся встречи с ногайцами, на него не смел поднять руку ни один кара-сук, то есть простой человек, у которого не текла в венах кровь чингизида. При встрече с равным существовал неписанный пароль, который произносили исключительно аркары, потомки Хана Мира. Встретившись в степи, один из воинов произносил слово «Уран» – это означало, что перед путником не простой человек. Черный человек не имел права называть аркара по имени, обязан был подчиниться и выполнить любое его распоряжение, обращаясь к нему «таксыр», то есть «господин».

Исатай закрыл глаза и, сидя в седле, вспомнил себя ребенком, который наизусть мог назвать всех прямых наследников великого хана. Эти знания прививались ему с рождения путем зубрежки и хворостяной ветки бабушки, которая ей огуливала спины нерадивых учеников-внуков.

– У Тэмуужина и его первой жены Бортэ было четыре сына: Джучи, Чагатай, Угэдей, Толуй. Только они и их потомки наследовали высшую власть в государстве. У Тэмуужина и Бортэ также были дочери: Ходжин-бэги, жена Буту-гургэна из рода икирес, Чичиган, супруга Иналчи, младшего сына главы ойратов Худухабеки, Алангаа, вышедшая замуж за нойона онгутов Буянбалд. Когда Чингисхан выехал на войну с Хорезмом, он поручил ей

государственные дела в свое отсутствие, поэтому ее называли также Тору дзасагчи гунджи – принцесса-правительница. Тэмүлэн, жена Шику-гургэна, сына Алчи-нойона из унгиратов, племени ее матери Бортэ, Алталун, вышедшая замуж за Завтар-сэцэна, нойона хонгирадов. У Тэмүджина и его второй жены меркитки Хулан-хатун, дочери Дайр-усуна, были сыновья Хулугэн, Кулкан и Харачар; а от татарки Есугэн, дочери Чару-нойона...

– ...Сыновья Чахур и Хархад, – хором кричали маленькие ученики, опасаясь бабкиной хворостины.

Исатай улыбнулся. Почесал рукояткой камчи спину, по которой когда-то гуляла бабушкина хворостина. Все-таки бабка сумела ему вдолбить всю родословную, теперь знание которой было так необходимо в переговорах и важных встречах.

– Все ханы раньше являлись потомками великого хана, и даже говорят, что русский царь Иван по бабкиной линии тоже чингизид. Но рушится старый мир. По всему свету безродная чернь рвется и захватывает власть, упиваясь кровью знатных людей с вековыми родословными. И не только мусульманский мир постигло это, но и Европу захватила полоса прихода к власти безродных. Вон у Ивана тоже опричники без рода и племени всю знать к ногтю прижали. Ему, военному человеку, конечно, лучше, чтобы приказы отдавали начальники, которые пришли к должности путем военных заслуг и побед, а не глупые, но родовитые самцы, – рассуждал Исатай по дороге к Валихану.

* * *

– Смотри, Угорка, какие я шишки с нашего кедрового сбил! – похвалился Архип, поставив у лестницы лабаза полную корзину полуспелых шишек.

– Вот теперь и долби скорее остальные! А то ронжа²⁸ их до утра все перетаскает.

– Почему? – удивился кузнец.

– Она только приметит, что человек шишку начал бить, так сразу и летит долбить. Ронжа – птица жадная и глупая. Прячет шишку, а потом забывает, где ее схоронила. Находит чужую шишку, а другая кедровка ее запасы отыскивает. Так зиму и живут,

²⁸ Ронжа – кедровка.

– добавил Угор, спускаясь с лабаза, где развешивал вялиться чебака и сорожку.

Архип взглянул на кедрач и ахнул:

– Ух, шельмы! Кыш, разбойники!

На ветках кедра прыгало около семи птичек, которые, схватив очередную шишку, скрывались в лесу, а после возвращались за следующей.

Угор не терял драгоценного времени. Нужно было запастись едой на зиму. И пока Архип занимался заготовкой сушняка, вогул успел сходить на болото, где набрал клюквы. Сбегал с лукошками в лес, набрал переспелой черники и брусники. Уже штук семь плетенков стояли в лабазе, доверху наполненные ягодой. Архип же, занимаясь заготовкой дров на зиму, попутно собирал грибы, резал их и сушил. А вечерами поселенцы дружно плели лукошки и морды.

Зима приближалась. Пару раз пролетал легкий снежок, иногда утром блестел на траве иней. Упавшая летом в Оби вода вновь поднялась. Китайские купцы не появлялись. Зато северяне ждали по зимнику новгородские обозы, которые проходили через Уральский хребет и Пелым на Северную Сосьву, а далее – на реку Таз к торговому городищу Мангазея. Обозы приходили и к Котскому городищу да к стойбищам, находившимся по берегам Оби.

Архип заказал через остяков, которые подались на Урал сдавать и менять пушнину, инструмент для кузнечного дела. Водными путями можно было пройти до рек Лозьвы и Тагила и, перейдя пешком, иногда и волоком, спуститься на Чусовую. Это уже был край, обжитый русскими, богатый железными изделиями и украшениями, а главное – оружием, чего практически не привозили китайские купцы.

О ремесле кузнеца уже распространились слухи. То один, то другой вогул или остяк приезжал отковать наконечник остроги или нож смастерить. А чтоб не обидеть мастера, несли железа побольше, с лихвой, так что на черный день у Архипа в мастерской уже были припрятаны заготовки и запасы. Вогул повертел поднятое с лавки незнакомое изделие из изогнутых дугой двух пластин, разжал их в разные стороны, отпустил.

– Западня что ли какая или кулемка²⁹ железная?

²⁹ Кулемка – деревянная ловушка, капкан.

– Капкан пытаюсь отковать. Вроде, получился. Ну-ка, пруток принеси, а я взведу его.

Вогул сбегал за хворостиной. Осторожно пошевелил ею капкан и от неожиданности отскочил. Дуги со звоном захлопнулись, прищевив ветку.

Архип взял в руки свое изделие, потянул веточку и покачал головой:

– Нет, пружина слабовата, перекалить нужно. Вари кишки рыбы на костре, Угор. Надобно хоть рыбий жир натопить, коль медвежьего нет. А без жира не закалить мне пружину.

ГЛАВА 27

Гостомысл шел впереди, а за ним, словно мальчишка, приплясывал Никита, неся на плече шест с чучелом-тыквой. Поперечная ветка, изображавшая руки чудовища, за спиной каменотеса игралась рукавами белой рубахи, которые свисали чуть ли не до земли. Опаленная тыквенная морда Огненного Самурхана, улыбаясь, смотрела в предрассветное небо.

Они поднялись практически на самую вершину сопки, поросшую хвойным и лиственным лесом. Никита был удивлен, что посередине бескрайних степей имеются участки с вековыми лесами, с высокими возвышенностями и огромными озерами.

Когда рассвело, каменотес влез на большую березу и оглядел прилегающую степь.

– Вон они, татарушки! У озера встали лагерь. Лошади пасутся без седел. Походных юрт три десятка будет. Поди, надолго пришли, раз так вольно ведут себя, – докладывал он волхву, сидя на ветви.

– А от костров куды дым тянется?

– От нас ветерок, отче. Но не шибко дует. Не стелется оземь, а вверх идет.

– Ну и ладно. А коли они думают, что великан тута-ки живет, то мы им еще одну потешку устроим. Айда-ка, слезай, милой. Будем Самурхана Огненного им казать. Собирай пока хворост да наруби лапнику поболее. Вот глянь, тама-ка камни с валунами очагом сложены, сноси ветки туды. А я пока могилу безгрешного

человека приберу да траву выполю на ней, крест поправлю, ведь скопился весь.

– Ты же ведун, отче? Пошто за христианскими могилками-то ухаживаешь?

– Так ведь люди-то, отрок, токмо одни на земле существа разумные. Кто на восток крестится, кто на запад молится, а все одно, все мы под одними богами ходим. А этот святой человек дюже памятный делами своими. Токмо вот сказ про него долгий, – поправляя крест из лиственницы, отозвался каменотесу Гостомysl.

– Так сказывай, отче, а я пока хворост пособираю да тебя послушаю.

– Ну, тоды слухай, может, опосля потомкам мой сказ передашь о святом человеке из Царьграда.

Гостомysl присел возле древней могилы, выложенной бутовым камнем, и, пропалывая траву в расщелинах между могильных камней, начал свое повествование:

– Издавна в сих местах народы жительствоваали. И было у них государство дюже сильное. И расстилались границы энной державы от Байкала синего до реки Ра, от моря студеного до моря Хвалисского. Жили дружно, на вы не ходили. Последнюю рубаху другу отдавали. Орали³⁰ и сеяли, жали и скот держали, рыбу удили да зверем и пушниной промышляли. Была послана на тот народ благодать Богов наших. Но пришла напасть великая. Колыхнулось море студеное, опустилась земля плодородная. Озлел муж к ближнему своему, деля сушу и плодородные земли. И чем поганее становилось, тем злоба возрастала. А как до самого Египиту пришла стужа великая и потопы страшные, так и рассорилась подбожная челядь наша, да и подались Арии куды глаза глядят. Кто на Запад со своими родами двинулся, а кто в иудейские земли ушел. Многие в Китай Тибетский и Дравению³¹ подались. Токмо пророчество волхвов было, что вернутся арии когда-то, ласки не познавши в землях чужих, и образуют вновь великое царствие на землях здешних. А наступит сия пора, когдой на востоке звезда опричная ярким вспыхнет пламенем. То бишь знак это Боги подадут люду плутающему. Тогды и сын Богов должен народиться, который объединит род людской. Да сызнова заживут люди в благодати, как и ранее в

³⁰ Орать – пахать землю.

³¹ Дравения – Индия.

согласии жили, и будет это до конца веков. Вот и следили волхвы за ее, стало быть, звезды, появлением тысячу лет, а может статья, и более. Со всех мест земных наблюдали, дабы не проглядеть знамение энтю. И на тутошних сопках, где мы с тобою, Никитушко, сейчас находимся, блюли так же волхвы стражу бессонную. Но коротко слово сказывается, да не скоро дело ладится.

Шли годы, века менялись. Многое чего в миру изменилось, и только старцы непорочные все на небо глядели, передавая свои знания пестунам другим. Сколь лет минуло, неведомо мне. Сколь воды утекло, никто не помнит. Токмо позже явился на Жаман сопку святой человек из Царьграда во времена, когды турки позарились на город сей. Дары ведунам подал. Молвил, что шел он многие лета исполнить апостола Матфея давний завет. Одарить дарами братию здешнюю за великую услугу люду христианскому. И поведал он волхвам тутошным историю про золото волхвов, которое с ладаном и мирой три волхва принесли в место, где Иисус родился. А шли они долго на звезду яркую, которая катилась по небу и токмо остановилась там, где младенец в колыбели должен лежать. Обратились они к царю Ироду, мол, укажи, где Царь наш родился. А Ирод жук еще тот был. Отослал он волхвов, а сам всех младенцев и побил, чтоб власть свою не упустить. Алчен да жесток шибко был тот царь иудейский. А потому с тех времен давних всех нелюдей иродами и кличут. Ну как теперича на Руси Иванушку Коломенского* величают. Ведь ирод – он и есть завсегда ирод. Волхвов всех побил. Богу сам молится, лбом бьется, аж пол в евоных палатах трещит, а старца Филиппа удавил со своей верной собакой Скуратовым. Челобитную же к царю, которую старец Божий отписал, что он кровью Русь заливаает, обозвал филькиной грамотой, – горько усмехнулся Гостомысл, подымаясь с колен, отряхивая рубаху от травинки и сосновых иголок, и продолжил: – Так вот тут как раз, говорят, проживал энтот волхв, который первым нарождение сей звезды заветной на небесах усмотрел. Передали волхвы нам по наследству знания давнешние да премудрость вековую, а вот дары-то те не сохранились. Зато вот могилка того святого ходока осталась, теперича мы с тобой, Никитка, присматриваем за ней. Да вот еще очаг каменный сохранился, куды ты хворост сносил давеча. Сказывали мудрецы, что дымом с горы нашей и обозначили волхвы заветной звезды появление. Увидали дым другие волхвы и жрецы, принялись дымы с сопки и курганов скифских пущать. Вот

так и дошла до Персии и Аравии весть благая. А оттуда уж вышли вослед за звездой волхвы с дарами искать младенца.

Старый ведун обозрел натасканный каменотесом хвост и хвойные лапы. Снял курдюк с тесьмы, которая подпоясывала его рубаху, полил хвост какой-то тягучей зеленой жидкостью. Остальную жидкость оставил в курдюке. Открыл маленький пузырек, всыпал в горловину курдюка серебристый порошок. Положив свое колдовское зелье на еловый лапник, уложенный по верху хвоста, старец отошел в сторонку.

– Отче! Всадники направляются к стану татар. По виду местные, – вдруг шепнул Никита, показывая на восток.

Трое верховых выехали из ложбины, которая разделяла северное подножие сопки с другой маленькой возвышенностью длинным каменистым хребтом, полого спускающимся к берегу озера.

– Ну-ка, погода, отрок. Давай-ка обождем да глянem, с чем пожаловали к астраханским татарам наши кыпчаки, – решил Гостомысл, откладывая в сторону огниво.

* * *

Исатай утром встретился с Валиханом, который проживал у сопки Сырымбет. К полудню, объехав огромное озеро Сауманкол по западному берегу и преодолев до рассвета расстояние до Жаман сопки, наконец-то прибыл на место. Проехав по дороге, которая вела через ложбину между сопками, он выехал на широкое степное пространство. Справа появились очертания озера, и на берегу показались несколько десятков юрт. Рядом паслись сотни четыре лошадей. Дымилась костры.

Навстречу всадникам выдвинулись галопом два десятка воинов. Рассыпавшись полукольцом, ногайские аскеры приближались. Исатай и его сопровождающие с достоинством двигались навстречу размеренным шагом. Когда всадники, окружив непрошенных гостей, остановились, Исатай натянул поводья.

– Я, аркар Исатай, приехал говорить с вашим господином, – важно произнес племянник Узун Бека.

Воины, приложив правые руки ладонями к груди, поклонились и, развернув коней, окружив путников, поехали в сторону лагеря.

ГЛАВА 28

— Отче, много неведомого ты мне сказывал давече, да мало чего уразумел я.

– Спрашивай, Никита, а я отвечу тебе, коли что неясно. Ведь порой лучше лишний раз спросить, чем невеждой прослыть, скорморохом или шутком пред людьми себя выставить, – согласился старец, внимательно рассматривая происходящее действие у ногайских юрт.

– Вот про Байкал синий ты поутру сказывал.

– Озеро есть такое в стороне восточной. Вода в нем чистая и светлая, прям как очи голубые у красной девицы. Шибко большое и широкое оно. Такое огромное, что с одного берега только полосочку другого берега и видно. Глубину его измерить не хватит воздуха, коль нырять, но дно видно сквозь его воды, как на ладони горошину. А нарекли его люди байским, то бишь богатым. Бай – это, стало быть, богач. А слово «коль» – «озеро» переводится. Вот и нарекли сие озеро Бай-коль. По-нашему, Богатое Озеро будет. Большое и главное, так я разумею.

– А про реку Ра что растолкуешь? – не унимался Никита.

– Да энто проче пареной репы, отрок. То и есть река великая Волга наша. А Ра – ее исконное название, только нынче на татарский ляд перелажено. Ведь у нас изъясняются как? «Направо», «налево» глаголят. А у них талдычат: «солга», «волга». То бишь отмежевали татары с ливонцами границы Руси нашей от реки Салка на

Балтии до реки Волги. И не смей, русич, далее границ сих соваться. Вот вам граница слева, а вот вам граница справа. Обложили ироды Русь Великую. Но пала ныне Орда да Казань с правой сторонущи. По другую, левую руку Ливонский орден развалился. Вот вам и солга-волга. И дойдем мы теперича, ариев правнук, до озера синего, до самого Байкала. Как и предрекали нам волхвы, прашуры наши, которые звезду опричную в древнем небе разглядели и предсказали возрождение царствия великого.

– Ответь, дядя Гостомysl, и на последний вопрос. А что это за море такое – Хва, Хвал, Хвалское? Али как его? Будь оно неладно! Язык поломаешь, покуда вымолвишь название моря неведомого.

– Да Каспий это, недотепа! Куды наша Ра воды несет, – поучительно похлопал по плечу каменотеса Гостомysl, вглядываясь вдаль. – Кажись, заварушка в стане астраханцев какая-то начинается. Ну-ка, подай-ка огниво, отрок, пора, видно, нам Самурхана Огненного запускать да наших кипчаков из беды выручать, если, конечно, получится вычур задуманный нам сотворить, – распорядился Гостомysl.

Никита сбегал за огнивом к могилке, где лежала сума, и подал старцу.

– Так везде, куды ни глянь, названия татарские-то, отче? А русское где начало?

– Русская речь – она и есть колыбель языков земных. С нее и черпнули воду все народы тутошные.

– А вода тут с какого боку?

– Так она, вода, и есть начало начал жизни бренной. По ней три кита плавают, что землю нашу на спинах носят. Дожди водицей урожай поливают. Реки, моря и озера нам пропитание шлют. И все вечное вокруг ее течет, как водица с ключа студеного. Вода и время точит, камни шлифует. Пожары тушит, хлебушек перемалывает. Да и Иисуса Христа, в которого ты веруешь, Никита, тоже ведь не песком крестили, а водой Иорданской, – передавая вспыхнувший трут каменотесу, закончил старец.

– Ох, и задал ты мне, отче, урок, как будто полжизни грамоте учился, – улыбнулся каменотес.

– Ничего-ничего. Ученье – свет, а неученье – чуть свет, и на бахчу, – пошутил Гостомysl.

– Нароботался я в рабстве на бахчах да в каменоломнях, на весь свой век хватит, – вздохнул Никита и, вглядываясь в сторону

озера, без сожаления и волнения заявил: – Кажись, кончают кипчаков наших.

– Поджигай хворост немедля! – завопил Гостомысл на каменотеса.

* * *

– Я аркар Исатай. Привез тебе наказ из Сары Арки. От благородного Хак Назар Хана, того, кто покончил с междоусобицами в ханстве и стал единым правителем земель наших, в которые ты не с добром пришел. Вот стрелы джунгарские, ими убиты сородичи твои. Остуди пыл свой и уходи. Не прав ты, и покарает тебя Всевышний за деяния, тобой сотворенные, – не слезая с лошади, глядя в глаза одетому в дорогой халат воину, вышедшему из юрты, проговорил Исатай.

– Больно дерзок говор твой, аркар Исатай. Не поплатиться бы тебе головой своей за слова надменные, – схватившись за рукоять сабли, сквозь зубы прошипел ногаец.

– Я только передал слова благородного Хак Назар Хана, который в малолетстве жил как сын у вашего ногайского мурзы. А если хочешь услышать слова мои, то готовься еще и к худшим речениям, которые ты, собака безродная, заслужил за разорение улусов и пролитую кровь моих сородичей. Там Всевышний наблюдает за нашим разговором, он не простит грехов, и гореть тебе вечно в огне адском! – отвернув руку с камчой в сторону, бесстрашно вскричал Исатай.

Окружившие всадников ногайцы взглянули на Жаман сопку, куда случайно указал Исатай плеткой. Астраханцы все еще находились под воздействием животного страха прошлой ночи.

– О Аллах! – разнесся вопль трехсот глоток.

У самого Исатая от увиденного чуда застучали от страха зубы. Над вершиной сопки поднялось огромное оранжевое облако. Оно подобно ядовитому грибу клубилось шляпой в сером осеннем небе и зловеще раскачивалось на тонкой ножке. Постепенно ужасное облако обрело лик чудища невиданного. А минуту спустя начавшее было развеиваться ветром чудовище вдруг снизу обросло огромными дымовыми кольцами и шарами, которые, как щупальца осьминога, одно за другим вздымались в серое небо.

Перепуганные воины сразу же увидели в них знамение. Кому-то из них мерещилась страшная рожа Самурхана, кому-то – купола мечети, а некоторым – скачущая на них конница с огненными колесницами. Все они один за другим упали на колени и уткнулись лбами в каменистую землю.

Не стали исключением и Исатай со своими проводниками.

– О! Огненный Самурхан, не гневайся! О, просим тебя! – взревели триста три глотки.

Облако дыма внезапно переменялось на серо-белый цвет, и все увидели руку, которая потянулась в сторону ослушников, как бы пытаясь схватить каждого из них и утащить в огонь адский.

Через секунду все бесстрашные воины были уже в юртах. Исатай, прижавшись к ногойскому начальнику, как к родному брату, дрожа всем телом, прошептал

– Не гневи небеса кара-суек более...

– Уходим! Уходим! С восходом нас тут не будет, клянусь, так-сыр Исатай!

И только невинные божии создания, лошади, мирно паслись на поле, не обращая внимания на всеобщую панику. В отличие от глупых людей, они не верили в суеверия...

ГЛАВА 29

Вогул вернулся из тайги, весь покусанный дикими пчелами, но довольный и счастливый. Поставив на пол берестяной бочонок и улыбаясь, взглянул на кузнеца, который отбивал косу. Рядом с камнем, служившим наковальней, лежало еще штук двадцать ржавых литовок без черенков.

– О-хо-хо! Вот это рожа! Где ж тебя так угораздило?

– Мед собирал.

– А мозгов-то нетути? Дымом нужно было их курнуть из дупла. Шаманом прикидываешься, свой народ дуришь, а бортничать не можешь.

– Думал, на мороз не вылетят. Вон и лед уже в ручье встал. Снег лежит, а они не спят еще, бесы, – растирая распухший нос, оправдывался вогул.

Архип отложил косу в сторону и присел на чурбан, вытирая руки о тряпицу.

– Медовуху что ли задумал поставить? Так в кузне ночью холодно, я же огонь тушу опосля работы, не успеет, – улыбнулся кузнец, все еще разглядывая покусанное лицо шамана.

– Снадобье сотворю чародейское, что женам бая варил для поднятия утешного духа. Оленину и рыбу опосля поменяю на стойбище в Атлымских юртах.

– Шаман ты, Угорка, багдадский! Всех тебе надобно вокруг перста обвести! Давай-ка лучше браги поставим на меду. Не зря

же тебе морду покусали мухи полосатые. Почитай четверть веку не веселился раб божий Архип. Попляшем да побузим малость. А я тебе любовный дух кулаками подниму, ох, и люблю я драться по этому делу! По молодости, помню, супротив троих выходил с дубинами. Только дубины и трещали о хребты тощие, – слизывая мед с пальца, усмехнулся кузнец.

Вогул отобрал у кузнеца бочонок с медом и спрятал его за спину, с опаской посмотрев на кулачищи Архипа, вспоминая, как тот завалил лошадь вместе с ногойским воином. Содрогнулся, представив коваля, сворачивающего, как курице, холеную шею толстого Узун Бека, и, прищурившись, тихо заявил:

– Архип, когда моя тайга пойдет, пляши и бузи. Мне охоты нет на хмельной мед да на тумачи твои напрашиваться. Я не твой баба. А будешь задираться, в медведя превращу.

– Жаль, Угорка, что добром мед не желаешь отдать. Придется силой забирать, – направился Архип к шаману, стараясь преградить ему путь к двери.

– Мне мало надо, остальной мед тебе отдам, – наконец-то сдался вогул.

– Ну, тогда лады. Смотри, не надуй дружка. А то разобижусь. А пошто в медведя меня хотел превратить, а не в зайца или кедровку какую? – вставая, спросил Архип.

– Зайца кормить нужно, проку от него никакого. А косолапого кормить не надобно. Ты зиму всю проспичь, лапу пососеешь, а весной я тебе прикажу мед собирать для меня, – потрогав свой распухший нос, рассмеялся вогул.

Кузнец усмехнулся:

– Шутник ты, однако, – и, представив себя спящим в берлоге, поднеся свой огромный кулак со скрученной дулей к распухшему носу друга, добавил: – Нельзя меня в медведя. У меня лапа в рот не влезет.

– Это ты где железяк-то столько сыскал? – разглядывая ржавые литовки, поинтересовался вогул.

– Так это твои родичи, остяки, приволокли. Они, оказывается, у купцов новгородских меняют пушнину на косы. А неведомо им, остолопам, что косы-то отбивать надобно да оселком править. Помашут по бурьяну да бросят за чум, как затупленную, вроде как за ненадобность. А потом ждут зимы, когда новгородские надувалы приедут. А тем это и надобно. Литовки-то легкие, в обозе место

мало занимают, а цена велика. Вот на мех и меняют, разбойники. Царь Иоанн запретил им шабриться по Перми, так они сюда обходным путем приладились нырять. Новгород-то вообще Москву не празднует. Все на запад поглядывает да перечит супротив власти первостепенной. А то и католический крест лобызнуть норовит. И под Литву, и под шведов лечь.

– Что означает шабриться?

– Шкуру без пользы тереть. Промыслом черным заниматься, как они поступают. Ну, ничего, пусть сунутся со своим протухшим товаром, враз охладят пыл свой барыжный.

– Опять чудными словами бросаешься?

– Таки тебе прозвище «барыга» не понятно?

– Ага.

– Это от татарского слова «бар», то бишь «есть». Слово «га», как я уразумею, стало быть, «товар», в наличии имеется, но дохлый и никчемный. «Бар», «болгыр» – есть, но не ладен. Вот в сборе «барыга» и слепился, – пояснил Архип.

Внизу лога затаивкали собаки и сразу же, радостно заскулив, примолкли.

– Человек, однако, – насторожился вогул, выглядывая из кузни.

– Кого-то на ночь глядя нелегкая принесла на собачьей упряжке, – проворчал Архип, выходя вослед за Угором.

* * *

Исатай натянул поводья. Перед ним, словно из-под земли, выросли два волхва. Дорога проходила через ложбину, по низине которой еще стелились остатки желтого дыма. Появившиеся люди в длинных белых рубахах были так загадочно страшны, что если бы у Исатая не текла в жилах кровь великого Чингис Хана, то он бы уже мчался обратно к юртам ногайцев.

Переборов в себе страх, Исатай поздоровался первым:

– Селеметиз бэ физзатты адамзат³².

– Добрый день, храбрый воин, – отозвался из желтого тумана старец.

³² Селеметиз бэ физзатты адамзат – Здравствуйте, уважаемые люди.

Гостомысл подошел к Исатаю и подал свиток, перевязанный тонким шнурком.

– Отдай Валихану. Это важно.

– Хорошо, отец, я сделаю, как ты сказал.

– Он не должен попасть в чужие руки.

– Не попадет, – заверил Исатай, внимательно вглядываясь в лицо второго волхва, который, словно камень, стоял за спиной старца.

– Похож ты на моего раба беглого, – произнес, обращаясь к Никите, воин.

– Все мы друг на друга похожи. Сегодня он спас тебе жизнь, пуская дым. Вчера я протянул тебе руку, когда ты тонул в Исиле. Небеса указывают тебе навсегда отказаться от забот своих насущных и заняться более важными делами, – загородив собой Никиту, ответил Гостомысл, показывая пальцем на небо.

– Кажется, истину ты изрекаешь, аксакал, – легонько ударив камчой по крупу коня, согласился Исатай. – Керискенше хош болыныз эулие адам. Сау бол³³.

– И тебе не хворать, мил человек, – кивнул Гостомысл, пропуская всадников.

Проезжая мимо второго волхва, Исатай еще раз взгляделся в его лицо. Никита, окаменев от страха, смотрел, не мигая, в глаза своей смерти, которая, проезжая мимо и разглядывая беглого раба с головы до пят, наверное, навсегда оставляла его в покое...

³³ Керискенше хош болыныз эулие адам. Сау бол. – До свидания, святой человек. Будь здоров.

ГЛАВА 30

На собачьей упряжке приехал остяк. Вогула как подменили. Он в один миг из веселого босяка превратился в надменного важного шамана.

Остяк привез мешок и, поклонившись, поставил его перед Угором. Кузнец с интересом смотрел за этой клоунадой. Вогул, стоя с покусанной опухшей рожей, словно бай, важно кивал головой, слушая приезжего рыбаеда. Потом что-то ему сказал на своем языке, тот, поклонившись, радостно подбежал к упряжке и, прыгнув на ходу в нарты, погнал собак обратно.

А Угорешка, довольно потеряв руки, схватил мешок и вприпрыжку побежал в кузню. И куда делась надменность и чванство? Он вновь был самим собой. Хитро подмигнув Архипу, вогул присел на чурбак. Развязал мешок и достал оттуда рыбину.

– Нельма, однако. Четыре рыбы. Я сказал, что мало, давай еще четыре.

– А за какие щи тебе рыбу возят?

– За снадобье чародейское, – пояснил вогул и тут же расхохотался, да так звонко, что в кузне ему в унисон зазвенели колокольчиками висящие на стенах железяки.

– Ну ты и плут, Угорешка. Выведут тебя на чистую воду вскоре. Разденут, обмажут дегтем, в пуху вывалят, да погонят оглоблями назад до Багдада.

– Остяк старый, глупый. Молодую бабу взял. Думал, она ему токмо блох чесать будет. А она за ним ходит и просит: «Еще хочу, еще хочу. Ночью хочу, днем хочу». Вот и приехал за помощью ко мне, да мало рыбы привез.

– Неуж отравить задумал свою бабу? – перекрестившись на красный угол, испуганно спросил Архип.

– Глупый ты человек, Архипка. Баба не собака, ее завсегда выгнать можно. Я силы мужу увеличу сим снадобьем, – доставая деревянную ложку из-за голенища кисов, гордо заявил вогул.

Он набрал полную ложку меда и положил ее на верстак. Развязав маленький мешочек, высыпал серый порошок в мед.

– Опять грибы свои достал, шаман хренов. Отведает рыбоед зелья твоего да и съест свою любушку, с олениной попутав, – усмехнулся Архип, наблюдая за манипуляциями Угора.

– Не грибы это. Я давеча у китайцев корень мужской, имбирь, выменял. Его и сыплю в мед.

– И что, неужто поможет старому хрыщу эта забава?

– Теперича он за ней бегать будет и голосить: «Хочу, хочу, ночью хочу, днем хочу!» – вновь расхохотавшись, заверил шаман. – Китайцы сказывали, что имбирь так и переводится с языка ихнего – «мужская сила»!

– Вот я сейчас и проверю, правду ли глаголешь. А коли ничего не почую, то по лбу ложкой этой и получишь, колдун-пердун нечесаный, – с этими словами кузнец схватил ложку и засунул ее себе в рот.

Угор даже глазом не успел моргнуть. Облизав ложку, Архип поморщился:

– Горькая, стерва.

– Воду пей быстрее, не то живот лопнет! Сие снадобье водой разводить нужно, оно на семь лун замешано.

Кузнец принял поданное ведро и с перепугу выпил чуть ли не более половины.

Весь день Архип промучился вздутием живота. Все угли в печке поел, всю водицу выпил. И только к полуночи отпустило. Вогул уже сладко спал, наевшись строганины, когда в чум из кузни пришел кузнец.

– Ну-ка двигайся, черт мохнатый, разлегся тут на шкурах, как боярский сын на полатях!

* * *

Исатай подал Валихану письмо.

– Мудрецы тебе послали. У Жаман Тау встретил их. Наказали лично в руки отдать.

– Хорошо. Спасибо, Исатай.

Валихан вышел из юрты на солнечный свет и, подслеповато прищурившись, отведя послание на расстояние вытянутых рук, прочел его.

Вернувшись в юрту, обратился к воину:

– Поедешь к Аблаю, он найдет способ передать письмо благородному Хак Назар хану. Отдашь ему письмо лично. Оно на арабском, его не каждый может прочесть. Но кому нужно, найдет способ разобрать через толмача, поэтому, Исатай, при опасности его уничтожь, а на словах запомни содержание: «Кучум-хан, убив Едигер-хана, стал ханом Сибири. Джунгары до весны отложат задуманный поход. Так сказали звезды. Гостомысл».

– Слушаюсь, Валихан. Я исполню твою волю. Только разреши захватить на обратном пути к старому Еркену, а тебя пригласить почетным гостем на мою свадьбу.

– Я рад, что ты пускаешь корни на нашей земле. И обязательно буду у тебя почетным гостем. Ты берешь замуж невесту небогатую, но дочь лучшего батыра в прошлом. Еркен ходил в походы с моим дедом Уалиханом и не раз спасал его от смерти, – обняв Исатая, проговорил Валихан.

* * *

– Ты почто, дурень, меня гладишь?! – заорал среди ночи вогул, испуганно откидывая лапы кузнеца.

Кузнец сел и, прогоняя остатки сна, огляделся:

– Тьфу ты, черт окаянный! Да пошел бы ты в баню со своим снадобьем лешачим! Баба голая пригрезилась. Лезет ко мне. «Хочу, хочу», – ласково шепчет. Вот и лапанул я тебя за задницу, Василиса ты моя Прекрасная.

Кузнец поднялся, накинул на плечи овчинный кожушок:

– Пойду-ка я в кузню дурь молотом выколачивать.

ГЛАВА 31

Великая река Обь гнала шугу. Ледяные торосы напоздали друг на друга и под воздействием холодов застывали по руслу в самом изощренном виде. Малые речки уже давно закрылись. Обские могучие воды, устремившиеся к Серверным морям, казалось, были непобедимы. Но любоваться этим величием у Угора и Архипа не было времени. Пока лед на притоке еще был не очень толстым, они долбили его пешнями, устраивали завесы-запруды, ставили морды.

Архипу в капкан уже попало пара соболей и несколько колонков. Только вот с зайцами не ладилось. Следы были повсюду, а собаки нагнать не могли, да и кузнец набегался до седьмого пота.

– А ты не ухлестывай за зайцем, он сам к тебе прибежит, – качая головой, наставлял его вогул, разглядывая мокрую спину друга.

– Да уж больно проворен, черт, коль в петлю не залезет, не угнаться за ним.

– А собаки тебе на что? Пусть они гонят его, покамест на круг не встанет и опять мимо тебя пробегать будет. Он ведь по своему следу бежит. И собака, и лиса не помогут понять, далеко от них заяц или нет. А коль не могут определить, бегают, пока не надоест, да бросают охоту. Ты сиди себе под березкой, пока он мимо вновь не побежит. Потом палкой кидай по лапам, а там собаки его уже в оборот возьмут.

Утром проснулись от странного шипения.

– Зайка серенькай, зайка беленькай! Под березу скок, меж осинок прыг. А за нем волчок за ушаном шась, не к нему, ко мне должен в щи попасть! – запрыгал впрысядку Архип, хлопая в ладоши. – Медовуха поспела, Угорка! Ух, и повеселимся мы ныне! Долго играла, весь сухостой извел, пока день и ночь чувал топил. Но выспела. Помнится, летом поставишь в муравейник. Так мураши колоду нагреют, что и печка с чувалом не нужны. Давай-ка ковш неси из кузни, сейчас пенку сдувать будем.

* * *

Исатай вручил послание мудрецов хану Аблаю.

– Тяжелые времена, батыр Исатай, наступили. В степь пришло известие, что потерпел поражение крымский хан. Пошел он на Московию летом, уверенный в ее слабости и немощи. Семь тысяч янычар получил у османского халифа Селима, ногайцев во главе с Тебердеем Мурзой на свою сторону склонил. Да двенадцать туменов своих крымчаков повел, сам повел, лично. А царь Иван в Новгород еще ранней весной убер с десятью тысячами своих опричников да ждал там, как оно выйдет. Побили урусы крымское войско несметное малым числом. Только один тумен домой и вернулся. Вырезали урусы всех янычар османских. Побили обозы и воинов Дивлет Гирея. Сам хан бежал в Крым без оглядки. В каждой семье теперь горе. Не народить воинов в Крыму лет двадцать и более. А победили войско Гирея опальный воевода Воротынский, воевода Хворостинин да казак Черканишин. Нам же сейчас нужно сделать свой выбор, батыр Исатай. Идти ли к Кучуму служить или нет. Непростая и ответственная это задача – народ за собой вести. А вдруг мы ошибемся? Кучум одерживает одну победу за другой. Он уже подошел к границам Руси, занял столицу Искер. В отместку за смерть своего деда зарезал Едигер-хана. Поддержал Черемисский бунт. Пошел на разрыв в отношениях с царем Иваном. И после поражения крымского хана Дивлет Гирея окончательно сблизился с Бухарой. Он сила. Езжай с добром, батыр Исатай, я знаю, что у тебя скоро свадьба. И велю пригнать тебе сорок лошадей. Это будет моим подарком. Ведь тебе нечем оплатить калым.

– Спасибо, уважаемый Аблай. Доброта твоя не знает границ, – поблагодарил Исатай, прощаясь, и подумал: «Ох, и лиса ты, Аблай, куда ветер, туда дым».

ГЛАВА 32

Река, наконец-то, стала. За одну ночь сковало льдом, так как ударили сильные морозы, и только живуны вдоль берега да полыньи посередине Оби продолжали парить в морозном воздухе.

Принесенная осенью глина постепенно превращалась в кирпичи для печи, которую задумал справить Архип. После окончания кузнечных работ он закладывал сырые заготовки, а утром выбирал их кочережкой, уже обожженные.

– Глина не ахти, песчаная, не нашел я тут еще шамота, – ворчал кузнец себе в бороду, откидывая в сторону лопнувшие кирпичины.

– И так дров мало заготовлено, а ты вторую печь задумал, – ворчал на него вогул.

– Тебе хорошо, вона уже две малицы себе наколдовал! Вышаманил у рыбоедов, а мне на своих железяках и одной шубы не заработать. Вот и хожу в дырявом зипуне, как смерд Серпуховский.

– Ничего, скоро новгородцы пожалуют, мы им пушнину сдадим, а там и товар какой выменяем, – заверял Угор товарища.

– Я ловушку давеча для белок сладил, ну-ка глянь, – подавая коробок из тоненьких железных прутьев, похвалился коваль.

– Белка, кедровка попадет, а соболю и колонок – нет, мала ловушка больно, – рассматривая изделие кузнеца, изучая ее устройство, заявил вогул. – А ты для соболя другую сделай. Возьми бревно, чрез него дырку насквозь с полкулака твоих пробей. По обеим

сторонам скобки сверху посправь. Через них петлю на пружинке приспособь. А входы двумя нитками перекрой снизу вверх, – подавая моток ниток, выменянный еще осенью у китайских купцов, почуал вогул. – Соболь приманку почует, да залезть в дырку не сможет. Станет он нитки грызть. А когда лопнет одна, так пружина и затянет через скобу петлей на шею.

– А сквозная зачем?

– Так другой подойдет, глянет, что перший уже в дырке, и он скорее же свою морду с другой стороны сунет, а там вторая пружина и петля. Так по два соболя всегда и ловить будешь.

Архип внимательно изучал чертеж на полу, прикидывая, как лучше смастерить ловушку, рассуждая вслух:

– Ну, в бревне я, пожалуй, без труда выберу сквозной проход. Скобы тоже не вопрос. А пружинку я все же одну сделаю, с петлей в аккурат посерединке на оба конца. А дырочки для нитей, которые сверху вниз пойдут, чуть глубже к середке засверлю, чтоб петля наверняка зверька за шею придушила, а за конец пружинки привяжу. Как нитку перегрызет зверек, так она и потянет петлю под скобу. Хорошая затея, как княжья удавка для вурдалака. Завтра и займусь, – сообразив устройство ловушки, пообещал Архип.

Через неделю у кузнеца уже было изготовлено дюжина поленьев-ловушек. Он усовершенствовал их, выковав и закалив продольную пластину, оба конца которой, вздымаясь вверх, тянули петли, когда зверьки, пытаясь попасть к закладке, перегрызали веревочки. Дело пошло веселее.

Вогул днями промышлял рыбой, а вечерами, при свете лучин, когда кузнец, уставши, отходил от наковальни, мастерил безделушки для местных красавиц на стойбище. Он уже разжился олениной, ощипал и наморозил тушки куропаток.

– Сруб нам бы для бани заготовить. Да топора и инструмента тут днем с огнем не сыскать. В Искер-то никто со стойбища не поедет? – поинтересовался как-то кузнец.

– Пойдет вскоре обоз с ясаком. Мясо, рыбу, шкуры повезут, когда снег на лед ляжет. Пока еще олени не идут по льду, скользко шибко.

– Ну, знамо, они не лошади, а то смотри, коли обоз прозеваем, я и оленей, и тебя подкую, – улыбнулся Архип, – и блохе в раз на все лапы подковы поставлю. А баню нужно рубить, завшивеем до

весны. В ушате-то больно не помоешься, только грязь размажешь. Я и веничков навязал березовых.

– А я и смотрю, в лабазе висят, думал, что ты их от тли повесил.

– От тли табак крымский помогает да полынь. Но табак не найти тут, а полыни не заготовили. Помню, Узун Бек табак нюхал. Придет в кузню, сядет, огнем любитесь и работой нашей, а с табакерки в нос подкидывает. Чих да чих. Вот и дочихался, злыдень, свернул я ему башку за женушку свою с дитячком. Продал он мою красавицу вместе с сыночком. Пока к Самарканду шел обоз, ребенка стражник зарубил, плакал дюже громко. Вот так меня и оставил Узун Бек вдовцом. Токмо не простил я ему ничего, – вздохнул кузнец и попросил вогула: – Ну-ка, братец, полей водицы мне на руки. Лицо сполосну, воспоминания более тяжки. Не заросла еще на сердце моем рана, потому и боюсь сам в Искер ехать. На первом же татарине злость свою сорву.

ГЛАВА 33

На улейну тойы по случаю создания семьи Исатая и Ботагоз собралась молодежь со всех соседних стойбищ и аулов. Взрослые воины приехали поздравить молодоженов и посмотреть на соревнования желторотых юнцов.

В первый вечер была объявлена игра Алтыбакан – игра-развлечение молодежи, прибывшей на той (праздник). Вечером джигиты и девушки в степи за юртой невесты соорудили алтыбакан (качели: «алты» – шесть, «бакан» – шест). Здесь они пели песни, играли в различные игры, и это веселье продолжалось до полуночи. Ботагоз подносила угощения.

Исатай же сидел за праздничным достарханом с джигитами и почетными гостями в юрте, установленной ему как жениху отдельно в полуверсте от стойбища Еркена. Гости-друзья Исатая готовились к утрешнему сватовству.

У них вечером также состоялось состязание на выявление самого сильного джигита. Оно заключалось в том, чтоб одним ударом руки сломать толстую кость поднесенного вареного барана. Гости по очереди били ребром руки по кости, но она была как заколдованная. И только Валихан, резко ударив, сломал ее с первого раза.

– О! – радостно вскричали все. – Будь сватом нашему батыру!

– Я согласен. Быть сватом у нас означает постоянно поддерживать родственные отношения. Ведь женятся на сто лет, а сватаются на тысячу! Так гласит народное предание, – сказал Валихан.

Валихану в знак уважения Отар поднес вареную голову барана.

До поздней ночи шел пир. Достархан ломился от угощений, ведь от его изобилия зависело счастливое будущее молодоженов.

Утром верхом на конях Исатай с джигитами и почетными гостями двинулись к стойбищу Еркена. Там и засватали Ботагоз, назначив свадьбу на третий день. А пока объявили игры, пир и состязания.

В первый день провели национальную конную игру кыз-куу (догони девушку). В ней участвовали юноши и девушки, которые состязались парами на лошадях полукровных пород. Сначала девушку преследовал юноша, и если догонял, то ее целовал. Потом они менялись местами. Девушка догоняла своего партнера и в случае удачи била его камчой.

Отар подъехал к Исатаю, сидевшему с гостями. Он был довольный и счастливый. Девушка из аула Валихана, подруга Ботагоз, огрела Отара камчой, разорвав при этом на спине безрукавку. Превозмогая боль, он, громко рассмеявшись, пообещал:

– Следующая свадьба моя!!! Ох, как любит! Ой, как любит!!! И губы как цветок!!! И рука крепкая!!!

После обеда объявили соревнования кокпар, в которых приняли участие джигиты постарше. Данное состязание было проверкой на силу, ловкость, меткость, умение держаться в седле. На расстоянии 50-60 шагов от соревнующихся бросили тушу козла. Так и началась борьба за кокпар, которая продлилась до самого вечера. Исатай на взмыленном жеребце, подъехав к юрте невесты, закинул тушу вовнутрь. Он оказался в этой игре самым сильным и проворным.

Наутро был аударыспак – один из видов состязаний всадников на лошадях (жеки – жек ойыны). По правилам этой конной борьбы разрешалось вести за собой соперника только вперед и к себе, также обгонять его, тем самым мешая ему продвигаться. При этом запрещалось применять друг против друга нагайку. Победу тут одержал Отар.

Так и пролетело время на празднике за играми и состязаниями... Пришло время ехать за невестой. Ботагоз с подругами сидела за занавесками в своей юрте, а Исатай с друзьями верхом на лошадях находился снаружи. Девушка пела о своей родной земле, о любви к родителям, о любимых подругах, о счастливом детстве и печалилась, что покидает все это. Батыр утешал ее, пел о том,

что ее место займут другие люди, а она обретет новых подруг и родственников.

Исполнять бешатар (песню знакомства) не было смысла, у Исатая не было родственников. Он был счастлив, светилося под белым покрывалом и лицо невесты.

ГЛАВА 34

— На-кось, испей отвар, – протянул вогул черпак с варевом другу.

– Что это?

– Я хвойник тебе запарил. Вона как у тебя десны кровоточат. Архип тихонечко пошпал пальцем зуб.

– Мы когда в Беломорье ходили на стругах, с собой капусту квашеную брали, и никто скорбутом не хворал. Глянешь, бывало, на мореходов заморских, а они все как один без зубов, все цинга съела. Видать, яблочки, которые они с собой в море берут, не шибко им помогают, – отхлебывая из черпака варево, вспоминал Архип. – Да подь ты, леший, гадость-то какая! – отдавая черпак с недопитым отваром, поморщился кузнец.

– Все допей. У кедра игла силу дает. Чага кровь меняет. Багульник дыхание лечит. Шиповник желчь гонит, лист брусники воду выводит, – перебирал в памяти вогул лечебные свойства различных растений, которые были основой его целебного снадобья.

– Ага, как имбирь твой китайский, – принимая черпак, рассмеялся кузнец, вспомнив про ночной случай. – Погодь, хоть остынет пушай.

– Пей жгучий, студеный не пособит. Я много ведаю кореньев полезных. Заговорам разным обучен с малых лет. Внук шамана я. Все ханты меня знают и верят мне.

– Кто это – ханты? Не слыхивал про таких.

– Дурень ты, Архип, «ханта» – это так остяки любого человека кличут. Поэтому и ты хант, и я хант. А не хочешь быть человеком, так мигом тебя в зверя превращу или рыбу какую.

– Человек, говоришь? А ведь токмо человек душой и одарен Творцом нашим. И токмо он один может выводить из душ других людей бесов да одержимых лечить. Вот ты, скажем, воском отливать умеешь?

– Нет. А как это? – поинтересовался Угор.

– Ну, это когда сглаз али испуг какой напустился. Так бабка меня в младенчестве отливала, когда гусь меня напужал. Плошку с водой студеной сзади над головою держала, меня на порог садила. Да расплавленный воск от свечей церковных лила в воду и молитву шептала: «Господи Исуся Христия Божий. Спаси и сохрани раба божия Архипа. Спаси от сглаза, от испуга, от людской злобы, от соблазна. Пусть вся нечисть и зло растворятся в воде, како свеча. Аминь».

– И что? Помогает? – заинтересовался вогул.

– А то как! Я тогда ночами и орать перестал, и тьмы прекратил бояться. А как воск-то остыл, так и образ гусиный привиделся, того, от кого я боязнь принял. Я его иголочкой-то бабкиной потыкал, воск поломал на кусочки мелкие, а на утро испуг и сошел.

– Ну-ка, – попросил вогул, – давай-ка испытай на мне. Мож, и я узнаю, кто худо Угорке вождедеет.

– Тащи сюды соты из лабаза. Я медком побалуюсь, как будто ты меня в медведя превратил, а тебя опосля воском и отолью, – радостно согласился кузнец, давно мечтавший медком полакомиться.

Кузнец посадил шамана на порог кузни и, став позади его, принялся, читая молитву, выливать над головой друга расплавленный воск в ковш с ледяной водой.

Вскоре оба склонились над ковшом. Под воздействием холодной воды воск начал остывать. Края его светлели, а внутри образовалось темное пятно. В центре постепенно проявилось видение всадника, который ехал в противоположную сторону от двух беглецов.

– Батыр Исатай, – охнул кузнец, – тычь его в горб иглой скорее!

* * *

Гостомысл, усевшись рядом с лежащим Вторакон, нежно гладил его высохшую руку, приговаривая:

– Совсем занемог ты, брат Вторак. Четвертый день не ешь. Токмо водицу и цедишь, да все на свод каменный смотришь.

– Видимо, пришла пора мне в путь-дорогу собираться, брат Гостомysl.

– Может, поправишься еще, отлежишься. А я тебе на ночь поженьки разотру жиром барсучьим с красным корнем. Медка с редькой тертой намешаю.

– Нет, князь, видимо, не дожидаться мне весны нынешней. А коли Никита соизволит остаться и весной не уйдет, пушай носит мое имя, как я когда-то принял его от старца Вторака. Да и негоже ему имя носить нищее. Ни кита, ни двора вроде у него нету. Есть у него отныне обиталище, и мы ему семейством доводимся. А забор из китов есть не что иное, как крепость знаний, им обретаемых. Зови его сюда, побеседую я с ним, а ты, Гостомysl, ступай, ступай, занимайся делами насущными.

– Звал, отче? – присаживаясь на лоно возле старца, спросил Никита.

– Поговорить напоследок желаю с тобой, отрок. Все отсрочивал на потом наш толк, да, видать, пора наступила. Ведунами нас кличут люди, потому как ведаем мы разумом мира сего. «ВЕ» – ведать, «РА» – разум всемирный. Сложивши, обретается смысл – Верить в Разум, отрок. Вера же человеческая единая, из дальних времен исходит. А от нее, как дитятки малые, остальные росточки пошли, как корешки от корня вечного, который дуб жизни питает. Живительную же влагу корни доставляют к листочкам зеленым и веточкам. Не будет корня – не будет водицы, засохнет дерево. Поэтому любой корешок люб дубу, каков бы он ни был. Зря князь Иоанн на нас собак спустил. Не вороги мы вере христианской. Со злого навету попов, корней своих не помнящих, гонения на нас затеяли. Ведь ведают они о том, где и когда библейские заповеди и першее слово зародились.

– И где же они зародились, старче? – подвинувшись ближе к Втораку, полюбопытствовал Никита.

– Да тута и зародилось. У русичей и предков их ариев. Вот скажи мне, какой ныне год на земле русской?

– Семь тысяч осемьсот третий окончился.

– Вот-вот, от сотворения мира. И сотворил Господь землю. И летал над водой Дух Святой. Твердь создал, разделив воды. А сколь

лет ныне от сотворения мира по Ветхому завету, по которому сейчас иудеи живут?

– Пять тысяч триста тридцать пятый идет.

– Где же тогда земля, Творцом Небесным сотворенная, полторы тысячи лет была? Коли Разум Великий землю сотворил семь тысяч лет назад, а не пять? Значимо, тут она и была! Токмо присвоили себе славу иудеи и гнушаются теперича над резонами предков ариев. Не вожделеют даже и слышать о месте зарождения веры на земле, корня дуба вечного. Коль останешься с братьями моими, возьми имя мое, не гоже бродяжье имя иметь волхву.

– Так имя Никита, люди говаривали, с греческого победителем пересказывается, – не поняв, спросил старца каменотес.

– Ни кита – это ничего. Это отрицание разума, отсутствие знаний, по моему размышлению. Не нищий ты боле духом, сынок. Ведь кит – это кол, вбитый в землю. Из китов состоит стена прочная, град наших знаний ограждающая. Как Китайская великая стена на юге. Как Китай-город в Москве на севере. Эх ты, Ни-ки-та. Сколь жил, даже и не задумывался, про что значение имя своего, – чуть дотронувшись до ноги Никиты, хрипло рассмеялся старец.

* * *

Исатай, проснувшись, присел на постели. Ботагоз тихо посапывала, закутавшись, как ребенок, в верблюжье одеяло, из-под которого выглядывали только курносый носик, розовая щечка и ухо. Ее серебряная сережка, зловеще мерцающая в темноте, светилась зелеными глазами ювелира-вогула.

Вся спина у Исатая горела огнем и словно была истыкана мелкими иглами. Взяв сосуд с кумысом, он, не наливая напиток в пиалу, прямо из горлышка жадно сделал пару больших глотков. Холодный кисломолочный напиток прогнал дурной сон. Ему пригрезилось, что беглые рабы Архип и Угор тычат ему в спину копьями. Страхнув остатки наваждения и обняв молодую жену, он вновь заснул богатырским сном.

* * *

Вогул вернулся со стойбища довольный и жизнерадостный.

– Купцы новгородские с обозом из Обдора пришли к Шеркалке-речке. Да три десятка казаков верховых с ними. До нас им всего один день перехода остался. Провожатого до реки Тагил они ищут, чтоб на Чусовую идти. Я один знаю дорогу. Иного поводыря тут купцы более не сыщут. А я их за шесть переходов доведу, – грея руки у огня, затараторил Угор.

– Казачки – это добре. Новостями поделятся. Может, пицаль выменяю, свинцом да порохом разживусь, – закаливая заготовку ножа, согласился Архип.

– Не уйдешь с ними ненароком, а, Архип?

– Нет, Угорешка, тут мне воля, а там кнут княжеский. Да и некуда идтить-то. Тут стану избу ставить. А назову сие место Изба Сотникова, – пробуя ногтем острие остывшего клинка, проговорил кузнец.

– Коли с купцами в цене сговорюсь, то вернусь токмо с большой водой. Не сгинешь без меня?

– Сам не пропади. Тут ни один день без гостей не проходит. То острогу откуй, то нож поправь, а то крюк для поясного топора смастери. Скучать шибко не приходится. Вот и инструмент рыбаедам в Ескере наказал поискать. Весной собираюсь избу ставить с баней. Найму в помощники остяков. Когда вернешься, лог наш не узнаешь. А ты семенами разживись. Они веса не имеют и место мало в поклаже занимают. Редьки, репы, капусты да ржи привези, – загибая пальцы, наставлял Архип вогула.

ГЛАВА 35

Вторак помер тихо. Поутру первым обнаружил кончину старца Никита, который принес ему водицы. Каменотес со вздохом присел на ложе рядом с телом старого волхва. За свои сорок лет много лиха повидал Никита, но эта беда потрясла его, сроднился он со столетним ведуном, как с отцом родимым. Лицо старца было покойно, он улыбался, глядя выцветшими от старости глазами в каменный свод пещеры.

Подошли Гостомысл, Истяслав и Стоян. Истяслав, проведя ладонью по лицу усопшего, закрыл ему веки.

– Тебе, Никита, бѣдынѣ нести сегодня ночью. Будешь бодрствовать рядом с покойным. Сказывать ему про жизнь свою горемычную, просить, чтоб наставлял тебя на путь истинный да оберегал в жизни бренной. Кутью с киселем варить да блины печь станет Истяслав. Мы же со Стояном дрова будем готовить к обряду погребения, – положив руку на плечо Никиты, тихо произнес Гостомысл. – Готов ли ты принять имя усопшего и продолжить растить и охранять Древо Жизни? Остаешься ли с нами?

– Да, готов, отче Гостомысл. Клянусь богами, что не подведу вас и не опозорю непорочное имя.

Истяслав и Гостомысл принесли воды. Омыли ноги старца. Мокрыми тряпичами отерли его сухое жилистое тело. Воду слили в большой глиняный сосуд. Переодели усопшего в чистое белое одеяние, положив аккуратно старую одежду в ноги. Там же сложили и

немногочисленные личные вещи, деревянную ложку, пиалу, служившую старцу миской, нож и глиняную кружку. Сложив на груди руки, вложили в них посох.

Утром, разобрав камни запасного выхода, вынесли старца из пещеры, положив тело на березовые колья, служившие носилками. Заложили камнями разобранный выход. На месте, где недавно пускали дым Гостомысл с Никитой, уже был за ночь сложен штабель дров. Возложив тело Вторака посредине и сложив его пожитки, которые должны были пригодиться старцу в другой жизни, подожгли дровяник факелами с четырех углов, и, отойдя в сторонку от вспыхнувшего огня, встали.

Истяслав раздал всем кутью и налил киселя.

– Трапезничайте, братья. Пусть брат Вторак сытым в дальний путь ступает.

* * *

– Ну-кась, ну-кась, иде тут русским духом веет? – распахивая обитую шкурами дверь, громким баритоном произнес казак с серебряной серьгой в ухе, вошедший к Архипу в кузню.

Кузнец от неожиданности аж молоток выронил.

– Добротно ты тут устроился. И стены в шкурах, и снаружи бревна глиной помазаны. Да и печь вроде русская посередине. Не кузня, а хата боярская, – осмотревшись, усмехнулся второй казак, вошедший следом.

– На этой печи сплю я, братья, когда мороз давит или спину ломит. Проходите, гости дорогие, да за стол садитесь, попотчую вас малосолом колодочным да медком игристым. Уж не побрезгуйте, земляки милые, – радостно предложил Архип.

– Ты как тут очутился, горемычный?

– С рабства убег. Да как по воде спускался до ледостава, так и обжился тут. Меня Архипом кличут.

– Меня Семеном, а его Алешкой, – показав на молодого казачка, представился гость.

– Ну, будем знакомы тогда, – пожимая руки приезжим, улыбнулся кузнец.

– Где же тебя заплотили поганые?

– Под волоком у крепости Царицовой. Сонным сцапали ироды, на аркане и потащили в Астраханское ханство. Тяжко было, день

бегу за лошадью, связанный по рукам на аркане, а ночью ноженьки вверх к телеге, чтобы отек сошел. Хорошо молодой был, выдюжил. Четверть века в рабстве провел. Поначалу в Самарканде, куды меня в Астрахани на базаре продали, после – в Бухаре, а потом Узун Бек меня купил да к себе забрал к горе Эйргимень. Там у него владения были, – расставляя миски на стол, рассказывал Архип.

– Почему были?

– Теперь он в загробном царствии гаремом владеет. Кончил я его и убог. Благо с собой во товарищи вогула взял, он-то и довел меня до мест урманых. Я слыхивал, братцы, будто мой Угор в проводники вознамерился к вам?

– Цену ломит, шельмец немалую.

– Угорка таков. Не скинет. Другого-то вам не сыскать.

– Не за тем мы пришли к тебе, Архип. Дело у нас тайное, да дюже полезное.

– Говорите, помогу, чем смогу.

– Разведать нужно, шибко ли крепки стены Искера-города, столицы Сибирского Ханства. Имеются ли на угловых башнях пушки. С какой стороны лучше подступиться к крепости. Сколь высота китов стеновых, высота яра прибрежного какова. Ну и сколь там басурманов Кучумских эту крепость охраняют. Одолели татары, не хотят в мире с Русью жить, набеги устраивают, людей в рабство угоняют. Есть у нас задумка такая – по ушам надавать колченогим. Тока ты более ни с кем не гутарь о просьбе нашей. Купцы не ведают про замысел казачий. На расходы тебе дадим серебра малость. Трать куда потребно, все одно поддельное оно, братьями Строгановыми отлито. В Московии ежели с ним поймают, так руки-то по локти и отрубят, а тут сойдет за чистую деньгу, – выставляя на стол мешочек, усмехнулся Семен.

Архип, пока слушал, успел почистить парочку увесистых муксунов. Разрезав на ломти, подал Семену и Алеше:

– Угощайтесь, малосол добрый нынче вышел. Токмо хлебушка нету. Я вместо его лепешки из икры щучьей пеку.

– Благодарствуем, Архип, – перекрестившись, поблагодарил Семен.

– Ну-ка, Олеша, сбегай к саням, икона у меня подорожная в поклаже. Принеси ее, а то лик Спасителя уж больно на проводника нашего похоже, – показав пальцем на самодельную иконку, рассмеялся Семен.

– Так вогул ее и писал по своему образу и подобию, – в ответ улыбнулся кузнец.

– А пока Лексея нет, скажу. Придет к тебе человек весной, татарин. Ты ему план крепости и нарисуй, да на словах передай, что разведаль, чего видел. Настроения какие у угорских князей. Поддержат ли Кучума силою. А для верности подаст он тебе половинку рубля серебряного, ты со своей половинкой и сверь, – подавая Архипу половину монеты, наказал Семен, – коль сойдется деньга, то это и есть наш посланец.

– Как обоз пойдет остяцкий, с ним и отправлюсь в Искер. Малицу вогула напялю, да жиром с сажей вымажусь. Сойду за местного, поди, – пообещал Архип и, достав из-за голенища бухарский нож и отвинтив колпачек на рукояти, положил половину монеты в тайничек.

– Бороду да усы побрей, а то уж больно ты с Ильей Муромцем схож, – усмехнулся Семен.

– Ваш-то обоз купеческий где остановился?

– Прошли мы тебя ночью и свернули по речке Атлымке вверх, к стойбищу. Остяки нам и поведали, что русский коваль в логу жительствует. Нам обратной дорогой до Печеры-реки больно долго идти. Вот и решили напрямик к реке Тагил выйти, а там по Чусовой домой вернуться. Поэтому про проводника спрашиваю, надежен ли он?

– Можно верить.

– Через два дня мы выходим. Лошадь возьмешь? У нас казак преставился в пути. Его кобыла.

– Возьму, токмо сено не заготовлено. Не загублю ли ее?

– Она чувашская, сама корм найдет. Да еще, кажись, и жеребая. В дороге гуляла с Алешкиным жеребцом.

В кузню ввалился с облаком пара Алеша, подал икону и отряхнулся от снега. Кузнец поцеловал ее, трижды перекрестился и аккуратно поставил в красный угол рядом со своей самописной иконкой.

– Пренняя тоже пушай стоит. Почитай всю осень и ползимы на нее молился. А на ночлег у меня оставайтесь. Вы от саней да от чумов отдохнете, а я послушаю про Русь Святую.

ГЛАВА 36

Бережно собрав среди остывших углей обгорелые остатки костей, волхвы сложили их в глиняный горшок, закупорив пробкой. Поднявшись на вершину сопки, где Истяслав заранее выбрал отдельно стоящее дерево на поляне, ведуну остановились. Дерево было старое, дуплистое от корня, раскинувшее свои огромные ветви шатром. Никита выбрал старую листву из дупла, расчистил его от моха.

– Забери, Перун, в мир свой моего наставника Вторака. А ты, Древо Жизни, сохрани мощи его нетленные и позволь носить имя его, – с такими словами он поставил сосуд в дупло.

Гостомысл оросил корни дерева водой, которой омывали тело усопшего, и, обращаясь к Никите, посоветовал:

– Отломи ветку малую от древа сего и поставь в водицу до весны. Когда же ветвь коренья даст да листья проклюнуться, вблизи старого древа посади новое, чтобы продолжалась жизнь вечная.

Так и стал каменотес Вторак Малым зваться, хотя и само-му-то было сорок годков, но робел он от седин белых и мудрости ведунов старых, как ребенок мелкотрачатый.

* * *

Ксения давно уже свыклась с холодом и голодом. Может, и преставилась бы она Господу от мук непосильных, так дитяtko на

руках, Ванюшка семилетний. Как его покинуть на свете этом постылом? Не наложишь же руки на кровинушку свою.

Прошлой осенью кучумцы ночью налетели из-за камня. Ограбив избы, поколов копьями и постреляв из луков взрослых мужчин, собрали они обоз с добычей и молодых женщин с детьми угнали в рабство. Гнали полон поздней осенью, уже и листва опала с осин да берез. В чем застала беда русских людей, в том и гнали. В ночных рубахах исподних да на босу ногу.

Благо, еще загодя в дорогу собиралась Ксения с Ванюшкой до матери в гости, что проживала у места слияния речек Устья и Вильвы. Одежда под рукой была, успела Ванечку одеть, пока два татарина по избе шарили. Разрешили, поганые, и ей одеться, только шаль пуховую отобрали. За волосы перетащили через тело убитого на пороге мужа, выволокли из избы, привязали к телеге, запряженной хозяйской лошастью. Так и двинулись в сторону неизвестную.

Девочек-то сразу расхватили, раскупили, не прошло и четырех привалов. Хлопцев постарше увели в городище князя Епанчи, и больше Ксения их не видела. Остальных же гнали вдоль Тагила до Чиги Туры³⁴. Там и продали всех. Ксению с сыном да еще нескольких баб и их ребятишек выкупил за бесценок бухарский купец, который привез их водным путем в Искер с целью продажи. Никому они не нужны-то, сорокалетняя баба да ребенок несмышленный. Разве что на пушнину сменять.

Вот и сегодня у стен города появились остяцкие и вогульские обозы. Торговля шла рыбой, мехом, мясом. Любопытные остяки рассматривали на телегах рабов, которые от холода жались друг к дружке.

Богатый татарин-полукровка, пригнавший к стенам Искера лошадей на продажу, подошел к телеге. Купец юлой завертелся вокруг покупателя.

– Балалар якши. Якши балалар, – показывая детишек, поднимая каждого из телеги и тряся перед татаринном, расхваливал бухарский торгаш.

– Этот! – показал камчой татарин на Ванюшку.

– Еки танге (две монеты).

– Дорого.

– Сколько дашь?

³⁴ Чига Тура – крепость близ современной Тюмени.

– Половину.

– Якши! Аман! Кидай таньга моя карман! – рассмеялся бухарец, довольный состоявшейся сделкой.

Но тут неожиданно заголосила женщина и, схватив ребенка, прижала к себе. Бухарский купец со всего маха стеганул камчой бабу вдоль спины, а она и не думала выпускать дитя. Он замахнулся вновь, но почувствовал, что кто-то перехватил его руку. Кисть руки, сжатая железной хваткой, захрустела.

– Ай! Вай! – взревел от боли торгаш.

Перед ним стоял огромный остяк в расписной богатой малице, украшенной вороньими перьями по кромке капюшона, обутый в кисы, расшитые бисером.

– Канча турады екиме ба (какая цена обоих)? – спросил, коверкая язык, огромный рыбоед, не выпуская опухшую руку купца.

– Уч таньге.

Остяк отсчитал три монеты, взял под локоть женщину и повел к оленьим упряжкам.

– Э! Э! Тохта! – возмутился уже было купивший мальчика татарин.

Остяк повернулся и, схватив его за кадык, сжал своими клещами так, что любитель мальчиков захрипел, выпучив глаза.

Огромный, как медведь, двухметровый рыбоед рявкнул:

– Шаман я, зараз в чошка оборочу, заколю и сожру, гнида басурманская!

Слово шаман и чошка (свинья) подействовали. Шаманов татарин остерегался и побаивался. Тем более, его мать, чистокровная вогулка, в детстве ночами рассказывала сыну легенды и сказки народов севера. Превратиться в свинью не входило в планы татарина, и он, хрипя и ругаясь, подался прочь...

– Возьми малицу, горемычная, и мальчонку под подол быстро ховай. Да сиди и не пикай тута на нартах, покуда не ворочусь из крепости, – наказал Ксении Архип, протягивая кусочек сахара мальчугану.

ГЛАВА 37

Архип вернулся в сумерках. За вторую крепостную стену его не пустили. Все-таки там была резиденция хана. А между первой и второй стенами шла бойкая торговля пушниной. Там вдоволь натолкавшись и запомнив количество башен, высоту стен, число бойниц да кучу других мелочей, кузнец поспешил к своей упряжке.

Женщина с ребенком, укрывшись шкурами, спали на нартах. Тихонько, чтобы их не разбудить, он отвязал оленей от ствола дерева и повел упряжку к речке.

Оставаться у крепости до утра кузнец не решился, путь домой по петляющей реке был неблизок, да и ночевать было опасно. При разведке крепостных стен, проходя вдоль укрепления, он раза два встретился с пристальными взглядами ханских соглядатаев.

При свете луны отчетливо была видна натопанная сотнями нарт стежка. Да и олени знали дорогу к дому, где их ждал ягель. Тут же, у крепости, животным пришлось довольствоваться только мхом на еловых ветках, которые загодя положил на нарты в дорогу Архип.

Махнув шестом и разогнав упряжку, Архип сходу запрыгнул на нарты. Вскоре топот копыт и хруст снега стих, и вновь февральская ночь погрузилась в тишину, только редкая переключка стражников на башнях крепости изредка нарушала покой.

* * *

– Дядя, большой поход на Русь подготовлен. Наши разведчики докладывают, что в настоящее время на реках Каме и Офэ нет

царской рати. Два тумена твоих конников стоят у Чиги Туры и готовы выйти по первому сигналу, – почтенно поклонившись, доложил Маметкул.

Кучум набрал в горсть сладости из поданного слугой серебряного блюда, попробовал и, чуть подумав, ответил:

– Нашему Сибирскому ханству в данный момент ничто не угрожает. Если пойдут с востока джунгары, то они завязнут сражениями в Исильской степи. А царь Иоанн уж который год зализывает раны после битвы под Молодью. Он хоть и одержал победу над Гиреем, но потерял пять тысяч немецких наемников и три четверти своего войска. Новым же походом на Русь мы обречем земли чувашей и мордвин, а далее овладеем Казанью, вернем Астрахань. Никто и ничто теперь не может противостоять нашему могуществу, и данным случаем мы просто обязаны воспользоваться, Маметкул. Хан Бухары посвящен в мои планы и подает руку помощи, посылая в подмогу полтумена своих отборных джигитов.

– Но, дядя, мы ослабим охрану Искера, если отправим в поход ногайцев и узбеков, пришедших на помощь для повержения остатков отрядов Едигер-хана. Это ослабит оборону крепости. Среди остяцких и вогульских князей зреет недовольство, – посмел возразить Маметкул.

– Эти дикари никогда не поднимут восстание. Они сами-то меж собой не могут найти согласие, куда им до смуты. Но для верности, мой дорогой племянник, я прикажу вогульским князьям встать летом своим войском на слиянии Туры и Тагила, чтобы быть уверенными в надежной охране западных границ. А ногайцев и узбеков мы кормим и содержим за счет казны, так уж пусть лучше сами ищут добычу в походе.

– Дядя, – продолжал докладывать Маметкул, – вчера днем наши хабарчи заметили подозрительного шамана на торжище, где торгуют пушниной. Он, разглядывая стены и башни, загибал пальцы, скорей всего, считая бойницы. Но с темнотой пропал. Среди приезжих остяков его не нашли. Лазутчики из остяков и вогулов доложили, что вниз по реке ночью ушла одна упряжка из четырех оленей, впряженная в большие нарты для перевозки рыбы и мяса. Я на всякий случай послал троих воинов на ее розыск. Думаю, с тяжелыми нартами далеко шаман не уйдет, а встанет на дневку у Уватских гор.

– Хорошо, дорогой Маметкул. Какой еще хабар поведаете?

– Тысячник Аманжол уличил свою младшую жену в неверности. Как прикажешь с ней поступить, великий хан? Он просит твоего суда.

– Пусть посадят ее в мешок, кинут туда гюрзу и кошку. Когда все будет кончено, скинут в прорубь.

– Хорошо, я передам твою волю, дядя.

Кучум расхохотался:

– А ведь предупреждали толстого Аманжоло, что, если тысячник не будет ходить к своей жене, к ней будет ходить сотник. Пускай в походе на Русь муж и любовник померяются силой. Во время войны наш закон запрещает поединки, тем более из-за женщин. А Аманжолу передай, я оплачу калым за новую жену, когда он вернется с победой и добычей, – хлопнув в ладоши, закончил Кучум.

Из-за занавеси вышел слуга и почтенно поставил перед Маметкулом закупоренный сосуд с ядовитой змеей.

– Кошку пусть поймает сам Аманжол. На конюшне много крыс и бродячих котов. Я приду на казнь. Давно я не зрел таких потех.

* * *

Первым проснулся Ванюшка. Он высунул нос из-под шкур, фыркнув на морозе, как маленький ежик.

– Что, пострел, проснулся?

– По нужде хочу, остановиться бы, дядька.

Светало. Олени встали. Архип прошел к животным. И пока малец справлялся по малой, поменял среднего оленя, заменив его пристяжным.

– Кинь веток олешкам, пусть пощиплют мох, подкрепятся, – попросил он мальчика.

Мальчуган, вытащив охапку веток из-под шкур, поднес ее к оленям.

– Шустрый ты, однако, – улыбнулся Архип, – у меня тоже сыночек был, Ванечка, да убили его басурмане поганые, – вздохнул кузнец, вытаскивая пицаль из-под спящей женщины.

Та заворочалась.

– Что, и тебя разбудил, красавица?

– Не спала я, боялась сыночка разбудить. Да и как тут шубу откинуть-то? Ведь шаман ты. Чудодей страшный. Говорят, что самоеды вы.

– Ну, коль ты не признала во мне душу русскую, то татары тем более не углядели, – рассмеялся Архип, скидывая балахон малицы.

– Углядели, углядели. Вчерась, как токо ты ушел, двое туды-сюды шастали. Все пальцем на упряжку показывали да спрашивали остяков про тебя.

– Ну, значит, не зря я пищаль в дорогу взял. Правда, недавно мне показали, как ей пользоваться. У купцов новгородских на шкуры поменял. Ну, пару раз я, конечно, пальнул по осине для сноровки.

– Сейчас покажу, у меня же мужик промыслом занимался, знакомо мне огненное дело, и заряжать могу, и сама пару раз по утям пуляла, – похвасталась Ксения. – Ты пока отвернись да заряд достань, а я туды, куды Ванюшка ноне бегал, сбегаю.

Со стороны Искера подъехала упряжка из двух оленей.

– Слушай, белый шаман. Три татаря погоня идет. Я другим берегом их обогнал, – затараторил подъехавший знакомый остяк из обоза, с которым пришел Архип к крепости.

– Олени устали, не уйти мне.

– Пошли на Туртас, дальше будет три гора и большое болото. А там Салым-река и Об-река. До Алтымских юрт дойдем, никакой татаря не нагонит. На болоте кочка, их лошадь не пойдет, нога ломает.

– А до болота далече?

– День ехать надо, однако.

– Давай, показывай дорогу. А я тебе нож откую, коли от погони уйдем, – согласился кузнец.

Проехав рекой, к полудню обе упряжки свернули направо в притоку. По руслу Тобола к тому времени разыгралась поземка. Здесь же ветра почти не было. Первая легкая упряжка прокладывала дорогу, вторая уже по проторенному следу легко шла сзади.

К вечеру встретился встречный обоз из двадцати упряжек. Остяк, переговорив со старшим, подошел к Архипу.

– Я сказал, что ты есть белый шаман, который гнет огненное железо руками. А татары мыслят убить шамана. Совсем погоня рядом. Мне сказали, что они слышали про тебя и что они пошлют татар на ложный след.

– Погодь, я с мальцом пошепчусь, а ты пока пристяжного оленя забери, – попросил кузнец попутчика. – Ты, Ванюша, возьми у меня тряпицу, на ней рисунок есть. И деньгу поломанную за ланиту

(щеку) убери. Да садись в первую упряжку. Ежели что с нами худое приключится, остяк тебя до моей кузни довезет. А там и дядька Угор весной вернется. В конце же зимы придет татарин и подаст тебе половину деньги. Сверишь, отдашь ему сию тряпицу, – шепнул мальчугану Архип. – А теперь беги до остяцкой упряжки, я ему заплатил, чтоб ты с голоду не помер до весны.

– А матушка?

– Не потянут два оленя троих. Дай Бог, не пропадем и мы с твоей маменькой. Ну-ка, давай, Ксения, раба Божия, напоминай, как заряжать эту штуковину, – разогнав упряжку, попросил кузнец. – Чую, нагонят нас твои мучители.

ГЛАВА 38

Архип неожиданно развернул упряжку.
– Поедем им навстречу, пусть думают, что мы тожа остяки, от обоза отстали и нагоняем. У нас теперь три оленя, пристяжного нет, сразу не сообразят и подпустят на выстрел, а может, и мимо проедут. Так я им в спину и пальну. Хоть одного да выбью. А уж с двумя, Бог даст, управлюсь. Ну а коль не справлюсь, разворачивай упряжку и гони за остяком по их следу. Я попробую лошадей напоследок им из строя вывести, чтоб не погнались, – объяснил свой план женщине кузнец.

– Пищаль свинцовой сечкой заряжена. Целься так, чтоб хоть двоих зацепило, так мы утей с мужем стреляли. Прицелишься и ожидаешь, покуда в кучу не соберутся, а потом – бах, и штуки три зацепило, – подсказывала Ксения, передавая пищаль Архипу. – Я на полку свежего пороха положила, смотри осторожно, снег чтобы не попал, а то отсыреет.

– Может, сама пальнешь? А мне с сабелькой-то попроторней будет.

– Смогу. Почто не пальнуть. За всех убиенных не грех.

– Вот и стрельни. Тогда у меня руки свободны будут. Шест погонный возьму, он длиннее копья, может, и вышибу из седла одного-другого. Пехом-то басурмане не шибко верткие, они только верхом brave. Только вот следопыты они добрые и вскоре наблюдают место, где наша упряжка развернулась, да воротятся. Поэтому

надобно неожиданно встретить и бить их тут в спину, – приговаривал Архип, погоняя упряжку навстречу татарским верховым.

Впереди показался хвост обоза. Три встречных татарина, внимательно всматриваясь в лица сидящих на нартах остяков, медленно проезжали мимо. Батыржан, старший разведчик, мельком взглянул на догоняющую обоз упряжку. Действительно, как и предполагал кузнец, увидев трех, а не четырех оленей, он не придал ей значения. Мало ли по каким причинам могла отстать от обоза упряжка.

Оглядев ворох шкур и двух остяков, одного спящего и одного сидящего с шестом, Батыржан легонько стегнул камчой по крупу своего коня, выезжая на протоптанную дорогу. Но проехав метров десять, он внезапно разглядел след от знакомой левой полозьи, у которой была выщерблена льдом еле заметная ямка. Рисунок соответствовал следу разыскиваемой упряжки. Натянув резко поводья коню, так что он встал на дыбы, Батыржан повернул обратно. Его примеру последовали подчиненные, поняв, что разыскиваемый ими шаман обвел их вокруг носа, только что проехав навстречу.

Конь, поднявшись на дыбы, принял на себя прилетевший свинец. Жеребец, захрипев, начал заваливаться набок. Резанул уши грохот выстрела, который эхом покатился по пойме реки. Третий всадник, ехавший замыкающим, был мертв. Заряд свинцовой сечки, впившийся ему в спину, не оставил шансов на выживание. Раненная в круп лошадь, выбив седока из седла, помчалась по снежной целине, таща за собой тело мертвого хозяина, зацепившегося одной ногой в стремя. За ней внимательно наблюдали глаза четырнадцати полярных волков, которые уже пятые сутки скрытно и неслышно ступали за обозом.

Батыржан, высвободив ногу из-под упавшего коня и выхватив саблю, побежал в сторону Архипа. Всадника, ехавшего посредине, ударило в правое плечо, рука беспомощно обвисла, но он, ловко перехватив копьё в левую руку, разгоняя коня, ринулся в атаку на пороховое облако, клубившееся там, где должна была находиться упряжка шамана.

Олени, испугавшись грохота выстрела, рванули так, что Ксения и Архип кубарем слетели с нарт в снег. Женщина барахталась на снегу, запутавшись в длиннополой малице. Архип же, скинув шубу вогула через голову и оставшись в одной безрукавке, выхватив из ножен саблю, приготовился к бою. Острие копьё,

удерживаемое левой рукой всадника и направленное в грудь кузнеца, стремительно приближалось.

– Левша, будь ты неладен, – с досадой подумал Архип, который рассчитывал, отбив копьё, нырнуть под коня.

Держа саблю в правой руке, кузнец на доли секунды растерялся, теперь он был открыт для врага всем корпусом.

В следующее мгновение налетел всадник. Отбив копьё, Архип изловчился и со всего маху рубанул татарина по левой ноге, разрубив бедренную кость чуть выше колена тяжелой самаркандской саблей. Нога всадника, выворачиваясь в стремени, закрутилась на внутренних сухожилиях и шкуре, а из огромной раны фонтаном хлынула кровь.

Оставляя широкий кровавый след на снегу, татарин, преодолевая адскую боль, вновь развернув коня, ринулся в атаку. В этот раз он умудрился попасть в левое плечо кузнеца, но и сам вывалился из седла, теряя последние капли крови из перерубленной артерии.

В это время и подбежал Батыржан, прыгнув на своего врага всем телом, навалился на раненого Архипа. Наконечник копья глубоко застрял в плече кузнеца, и он, теряя сознание от боли, почувствовал, как его перевернул татарин и вяжет за спиной руки. Далее наступила темнота...

Батыржан, связав кузнеца камчой, поднялся, перевернул на спину и, наступив ему ногой на грудь, вырвал копьё из плоти.

Архип лежал без сознания. Его жилетка распахнулась, на груди оказался увесистый мешочек на шнурке. Татарин опустил на колени и саблей срезал шнурок. Развязав мешочек, он высыпал на грудь бездыханного белого шамана серебряные монеты.

– Бир, еке, уч, – быстро стал пересчитывать Батыржан добычу, – торт, бес, алты, жаттэ...

Но пересчитать деньги до конца ему помешал страшный удар по голове. Батыржан охнул и с расколотым черепом завалился на снег. Ксения, дрожа всем телом от нервного озноба, стояла возле татарина, держа за ствол пицаль с разбитым вдребезги прикладом.

ГЛАВА 39

Обоз остановился. Остяки с ужасом наблюдали за бойней, развязавшейся по обоим берегам реки. Их поразил грохот грома зимой и то, что после этого произошло.

Из облака дыма выскочила перепуганная лошадь, таща в стремени мертвого седока. Когда же она достигла левого берега, из прибрежных кустов к ней ринулась стая полярных волков. Вожак с ходу вцепился в горло животного, заваливая лошадь на снег. А через минуту голодные волки уже рвали еще живую лошадь и мертвого татарина.

По правому берегу дымовое облако разошлось, и показалась картина еще ужаснее. Лежавшая поперек санного следа лошадь дергалась в судорогах, периодически пытаясь подняться. На снегу в луже крови лежал мертвый всадник с перерубленной ногой. Другой хабарчи покоился подле белого шамана. А посередине этого месива стояла ведьма в малице с откиннутым капюшоном и распушенными волосами.

Олени кузнеца, напуганные выстрелом, пробежав сажень триста и добежав до остановившегося обоза, встали, нервно дрожа. Перепуганных животных успокоил подошедший остяк – старший обоза. Развернув оленей и прыгнув в нарты, он погнал упряжку обратно. Остальные обозники наотрез отказались даже приблизиться к месту боя.

Ксения дрожащими руками собрала в мешочек монеты и присела подле Архипа. Только сейчас она осознала, что кузнец тяжело ранен и ему необходимо перевязать рану. Аккуратно повернув Архипа на бок, женщина развязала ему руки. Вспорол подобранной из снега татарской саблей безрукавку, осмотрела рану.

Рана была сквозная, но наконечник копья каким-то чудом не задел кость, а прошел через огромную дельтовидную мышцу кузнеца.

Оторвав от своего подола куски ткани и скомкав их в тампоны, Ксения приложила их с обеих сторон, перевязав поверх полоской ткани. Архип пришел в себя и застонал от боли.

– Терпи, казак, атаманом будешь, – улыбнулась женщина.

– Это чем ты его так приложила? – кивнув на мертвого татарина, спросил Архип.

– Пищалью твоей, только вот приклад размозжила ненароком, уж не обессудь.

– Эко меня угораздило-то, не поспел увернуться. Ну да ладно, пальцы шевелятся, знамо, поправимся. Добро, что копье у него не боевое, с широким наконечником, а легкое метательное арабское. Может, и затянется рана. Токмо вот голова кружится малехо, да озноб бьет.

– Крови с тебя много вышло, а озноб бьет, потому что вся рубаха на спине от кровушки мокрая. Давай-ка снимай рубаху, все одно выкидывать.

– С тобою по миру пойдешь, хозяйюшка, – пошутил Архип, снимая рубаху, – отстираю да заштопаю, как домой доберемся. Ну-ка, помоги мне малицу надеть да подняться.

Подъехала упряжка.

– О, ак (белый) шаман! Син улы (ты великий) шаман! Тарсыл и жай (гром и молнии) можешь пускать! – окинув поле боя, коверкая тюркское наречие, восторженно воскликнул остяк.

– Что же могу и гром, и молнии пуцать. Так в Искере и расскажи. Ежели кто сунется ловить белого шамана, того молния и зашибет да волки догрызут, – опираясь на плечо Ксении и усаживаясь на нарты, подтвердил Архип.

– Ну-ка, горемычная, собери оружие да сбрую всю сними с коня убитого. А второго-то споймай, в хозяйстве пригодится. Да по одежке пошарь: у татар, может, что ценностное есть, не оставлять же волкам добро.

– Боюсь я мертвяков, – испуганно возразила Ксения.

– Живых бойся. А у меня от мертвяков заговор есть, опосля научу.

Остяк помог Архипу прилечь правым боком на нарты. Пока Ксения собирала сбрую и оружие, он осмотрел рану. Достал из своей котомки кожаный мешочек, палочкой зачерпнул из него массу желто-коричневого цвета и, намазав ее на тряпицу, приложил к ране. То же самое проделал и с выходной раной.

– Живица и кедровый масло. Заживет как на олене, – улыбнулся он.

– Откель русский язык знаешь? – морщась от боли, поинтересовался кузнец.

– К черемисам ходил, шкуры менял. Река Чусовой тоже ходил. Возьми живица, в пути мазать баба будет. Я пойду, обоз ждет. Поправляйся, белый шаман. Весной с Саматлор Озера к тебе приду. Будешь мне острога делать?

– Ладно! – согласился, усмехаясь, Архип, разгадав истинную причину заботы о его здоровье. – Я тебе даром два наконечника откую, только в Искере Расскажи, что я в Атлымские юрты не пошел.

– Латна, ак шаман, – пообещал остяк, – скажу, что ты на Сор Кут подался. Там поверят, все остяки видели, что ты в сторону Обьеган и Сор Кута ехал. Остякам с обоза я скажу, чтоб тебе живицы давал раны лечить и что белый шаман за это не убьет их громом и молнией. А они мне по три шкуры с каждой упряжки отдадут за то, что я с тобой договорился, – рассмеялся хитрый остяк, показывая Архипу три пальца.

– Ладно, ступай, плут. Коль не помру, то приходи по весне, гостем будешь.

– Латна! – крикнул хитрец и побежал к обозу, как баба, приподнимая руками полы длинной малицы.

– Ну, попадья попадье при набате, ей-Богу, – усмехнулся Архип, посмотрев ему вслед.

Упряжка бежала ходко. Архип, морщась от боли, возникающей при периодических наездах на кочки и ледяные торосы, приговаривал:

– Ничего, ничего, голубушка, погоняй. Бог терпел и нам велел.

Татарская лошадь под седлом мирно бежала сзади на арканной веревке.

Вожак стаи, насытившись, лежал на снегу, облизывая окровавленные лапы. Молодые волки еще рвали и таскали по насту останки лошади и всадника. Обоз ушел, а нагнать его утром и идти за ним далее у сытого и матерого вожака отпало желание. Тем более, вторая лошадь лежала на том берегу. Это еще один день сытной жизни. Наступал конец февраля. Скоро молодые самки будут готовы к спариванию. Далее придется выхаживать волчат. Инстинктивно старый волк понимал, что нужно вести стаю назад в тундру. Раньше он побаивался двуногих крикливых существ в длинных шубах, блестящих железом, пахнущих горелым деревом. Сегодня же, отведав человеческого мяса, вожак понял, что эти двуногие твари не такие уж сильные и огромные, как ему казалось раньше. Страх перед людьми, всосанный с молоком матери, пропал. Волк понимал, что через день-два они нагонят две упряжки, ушедшие на север. Так что по дороге в тундру его стая не останется с пустыми брюхами.

Старый волк, посмотрев на месяц, серебром освещающий замерзшее русло реки, задрал окровавленную морду к звездам и завыл. И вся волчья стая, приостановив кровавый пир, последовала его примеру...

ГЛАВА 40

Истяслав подошел к Никите, который с любовью протирал пропитанной в хлопковом масле ветошью глиняные таблички с изображениями дворцов и храмов, аллей и каналов.

– Град какой-то античный что ли, отче? – подавая гравюру старцу, справился Никита.

– Да, это самый древний град на севере. Юпитер-град назывался. Ему много тысяч веков, отрок. Эти древние фрески я принес с собой от берега моря Варяжского, где род мой обитал, оберегая сию святыню. Жил древний град когда-то. Люди строили его на века. Берега каналов и рек в гранит облекли. Площади выложили, храмы воздвигли. Опосля по его образу и Афины, и Рим воздвигнуты были. Но пришла напасть великая, поднялись воды морские студеные и затопили сей град. Люди ушли в страны дальние. А град затянуло тиной морскою. Но волхвы тысячу лет ждали и верили, что сойдет вода великая и снова Юпитер-град заблестает своим величием. Десять веков назад послали жрецы Египетские волхов разведать, не сошла ли вода. Долго шли волхвы. Степями, пустынями шли по одной только им изведанной дороге. Дошли до Ильмень-озера, реками добрались до Нево-озера, а далее и до моря студеного. Остановились на берегу, где из Нево-озера река впадает в море Варяжское. Там волхвы и поселились. Море-то ушло, да болото осталось уж дюже топкое.

Но наказ богов и жрецов исполняли волхвы. И в лютый мороз, и в летний зной неустанно рыли они каналы осушающие, спускали торф и грязь вековую в реку. Нашли они строения каменные, колонны античные. Токмо вот одним волхвам не под силу было одолеть силу естества. Как весна, так поглощала грязь и плывун старания их. Постепенно обрастал сие место маленькими городищами, что поверх земляного слоя строились и возникали. Тогда и послали волхвы челобитную к царю-батюшке. Ушли ходоки в Коломну да так и сгнули. Грамоты их с чертежами улиц и каналов, аллей и парков пропали. Видать, набожный царь побоялся Юпитер-град отрывать и под страхом казни запретил даже говорить о тайне великой. А волхвов, что обитали близ озера Нево, извести повелел. Вдвоем токмо мы и уцелели, сохранив фрески бесценные. Да вот старший Вторак нынче помер. Теперь тебе, отрок Вторак, хранить память о Юпитер-граде...

Гостомysl, слушая беседу, подошел к Никите.

– Ну-ка присядь да фреску к груди прижми покрепче.

И достав серебряный шар на цепочке, качнув его перед глазами Никиты, погрузил его в гипнотический сон.

– Что созерцаешь, Вторак Малой?

– Зрю, град стоит при море. Храмы и колонны, фонтаны и скульптуры каменные, великими каменотесами произведенные. Невиданным доселе искусством отшлифованные плиты. Лестницы из красного мрамора выложены способом невиданным. Колонны высокие чредой к небу возвышаются. Статуи нимф и атлетов крыши сих храмов поддерживают.

– Зри сквозь лета, отрок.

– Потоп библейский всемирный вижу. Много воды.

– Далее.

– Много веков вода кругом.

– Далее сказывай.

– Лед и снег вижу по всему берегу моря и далее к землям южным. Облака летят, свет да темень чередом меняются. Сходит лед, рушит храмы. Колонны кои падают, кои остаются. Ушел лед, вода осталась. Травой порастает, болото зачинается. Грязь да мох все выше и выше. Деревца прорастают по верху мха и превращаются в лес дремучий. А река все несет да несет ил да грязь, при половодье весеннем вновь покрывает сие место новыми слоями почвы. Лицезрю волхвов, медом попотчеванных и в бане запертых. Мужичи в

шубах песцовых да шапках бобровых свиткиразглядывают. Кладут в сундук кованый. Баня, в которой ведуны заперты, горит. А бояре, что давеча грамоты зрели, уж отравлены лежат.

– Сказывай, что далее сотворится.

– Царь Иоанн долго жить приказал. Смута великая идет. Брат на брата, отец на сына. Чадо малое на воротах кремля удушено. Вижу Настю, покойную дочь боярина Романова, жену благоверную царя нашего с младенцем желанным, коего народ лобзает и на руках носит.

Тучи проносятся, свет с тьмой сменяя. Два царских дитятка в сундуках шарят, играясь в подвалах Тайницкой башни. Чертежи волхвов разглядывают. Да немощен один, преставится вскоре. Второй растет, а как вечер, так найденные грамоты все рассматривает да изучает. Тучи проносятся, свет с тьмой сменяя.

– Далее, отрок, далее.

– Много народу мастерового гонят в места болотные. Копают каналы, болото осушают. Лес пилят. Избы на зиму рубят. Сваи колотят, чтоб пльвун сдерживать. Весной паводок смывает строения и затягивает каналы. Опять люд дополнительный согнан. Мор стоит безмерный. Осушенный торф какой сжигают, а какой в реку сплавляют течением. Зрю, каменный град с колоннами и арками, фонтанами и каналами из болота растет. Юпитер-град вновь блистает на севере средь болот и лесов... Восстановивший сию красоту себя императором объявляет, а град нарекает Питерградом. А тем, кто посмеет назвать град старым именем, велит языки резать.

Тут Никита неожиданно захрипел и, задыхаясь от удушья, завалился на бок. Гостомысл подхватил каменотеса и вывел его из гипнотического сна.

– Увлекся я, отрок, чуть нить жизни твоей не упустил. Ты уж прости старца неразумного. Далее аккуратен буду.

* * *

Кучум выехал верхом со свитой за вторую крепостную стену. Взревели поднятые к небу медные трубы-карнаи, дробью отозвались бубны. Любопытная пестрая толпа замерла в ожидании зрелища.

Из ворот вывели ишака, на котором сидела задом наперед полураздетая девушка. Четырнадцатилетний ребенок с

распущенными волосами дрожал от страха. Палач, ведя ишака за веревку, подошел к месту казни. Поклонился хану. И, увидав одобрительный кивок, приступил к своему грязному делу.

– Жена изменила мужу, и, по нашим законам, она умрет страшной смертью! – объявил глашатай.

Вновь завывали карнаи. Обреченную на смерть подвели под руки к палачу и поставили на лежащий мешок. Палач поднял края мешковины. Подошедшие помощники бросили в мешок кота и открытый сосуд с гюрзой. Завязав мешок, палач отошел в сторону. Раздался оглушительный женский визг и рев обезумевшего кота.

Сорок минут длилось ханское развлечение. Кучум, сидя на подушках, вкушал поднесенные ему сладости. Толпа орала от восторга, заглушая слабеющие крики жертвы правосудия. Хан махнул рукой, и подъехавшие два всадника, подхватив концы веревок, направили своих коней к реке. Доскакав до полыньи, они отпустили веревки тогда, когда мешок упал в воду.

ГЛАВА ЧІ

Конный разъезд численностью в пятьдесят всадников пять дней назад наконец-то обнаружил следы новгородского обоза, про который давно ходили слухи. Санний след, оставленный им на снегу, вначале шел вверх по руслу реки, но позже повернул к горному массиву Уральского хребта. Разведчики князя Епанчи, упорно преследуя непрошенных гостей, забыв про элементарную осторожность, нагоняли обоз, и с каждой минутой расстояние сокращалось. Да и почему татарам было осторожничать? Они на своей земле. Какой вред им могут нанести купцы? Достаточно и маленького дозора впереди основного отряда. А жажда легкой наживы совсем им затмила ум.

Вогул вел караван с пушниной только ему известными дорогами. Он то спускался в замершие русла рек, то вновь вводил обоз болотами, а потом снова спускался в русло.

Пропустив последние сани и казаков на берег, Угор остался на речке один. Расчистив ногами от снега лед, вытащил из сумы рог сайгака, который подобрал еще в Исильской степи, вычистил его изнутри, проделал сквозное отверстие и приспособил для поиска пчел. Приставляя рог к стволам сухих деревьев и прикладывая тонкий конец к уху, он мог разыскать рой и дупло, которые находились на высоте и скрывались в листве других деревьев. Вогул, опустившись на колени, приложил свой первобытный фонендоскоп ко

льду. Немного послушав, он встал, криво усмехнулся, отряхнулся от снега и побежал за удаляющимся обозом.

– Погоня идет за нами, однако. Много всадников, совсем рядом, – догнав сани, в которых ехал Семен, объявил он.

– Работа наша, кажись, началась, – потеряв руки, улыбнулся казак, – ну-ка, Олеша, свистай казачков.

* * *

Впереди двигался дозор из семи всадников. Татары, внимательно изучив следы, медленно прошли засаду, не заметив укрывшихся в береговых кустах казаков. Но, проехав сажень сто, вдруг остановились. Санний след уходил далее, а следы верховых потянулись в левую сторону.

Старший дозора отдал распоряжение одному из воинов, и он, развернув коня, галопом поскакал навстречу основному отряду. Но неожиданно накинутый волосяной аркан вырвал его из седла, как пушинку. Посыльный, не успев опомниться, оказался в хватких руках казаков. Лошадь же, потеряв наездника, перешла на рысь, а потом и вовсе остановилась. Потоптавшись на месте, она развернулась в сторону головного дозора и, испуганно фыркнув от удара прилетевшего в ее круп снежка, поскакала обратно.

Старший из вогульских воинов, догнавший командира полусотни, заявил:

– Скоро земля вогульского княжества закончится. Дальше каменный лес и угожья Чуди белоглавой. Вогулы дальше не пойдут. Плохой чужд народ, проклятое место. Они проживают в подземном царстве. Стерегут серебро и золото. А ежели какое золото реки водой наверх вымоет, то Дивьи собирают его и назад в землю уносят. А поднявший же с их земли что-нибудь или пришедший сюда незвано обязательно наказан будет. Или гром убьет его, или болото проглотит.

– Всевышний поможет нам, – усмехнулся наивному суеверию вогулов татарский баскарма.

– Боятся люди входить в их каменный лес, – покачав отрицательно головой, не сдавался вогул.

– Еще немного, и мы нагоним обоз, а там домой вернемся с добычей и пленными урусами, – успокоил его командир полусотни.

* * *

– Так, казачки, слухай сюда. Встанем в три рядка за березами. Перший ряд как пальнет, сразу пищали назад передает. Второй ряд подает заряженные первому. Третий заряжает. А коль после третьего залпа татарин все же попреет, берите в руки бердыши и бейтесь ими, покамест третий ряд вновь не зарядит пищали, – скомандовал Семен.

Отряд воинов мурзы Епанчи медленно втягивался в березняк, поднявшись по санному следу на берег. Вогулы перестроились и теперь двигались сзади татар. Озираясь по сторонам, они, преодолевая животный страх, ехали молча, глядя руками висячие на груди под одеждой амулеты.

Но амулеты не помогли, грянул гром, и пятеро верховых татар рухнули на снег. Одна лошадь забила в предсмертных судорогах, вторая, пытаясь подняться, волочила задние ноги, жалобно издавая ржание. Не успели хабарчи опомниться, грянул второй залп. И вновь, как горох, посыпались на снег верховые. Вогулы третий раскат грома слышали уже на реке, так как, стегая лошадей и выпучив от ужаса глаза, мчались к своим улусам.

– Земляные люди! Дивьи! Чуди! – кричали они. – Простите нас! Мы не пойдем больше в ваши угожья!

Третий шквал свинцовой сечки выкосил еще больше людей, так как в панике воины Епанчи сбились в кучу. На оставшихся в живых конников из лесу ринулись казаки. Да и организованного сопротивления татары уже не оказывали. Первый и последний раз в своей жизни столкнувшись с мощью огнестрельного оружия, они попросту потеряли силу воли.

Головной дозор из шести всадников, вернувшись на выстрелы, увидал кровавую картину. Двадцать четыре их соотечественника лежали на поле битвы. Там же валялись убитые и раненые лошади. Между ними бродили казаки, добывая бердышами раненных татар и лошадей, снимая сбрую с животных и обшаривая одежду убитых врагов.

Пока казаки занимались мародерством, оставшиеся в живых татары вихрем пошли на прорыв через поле боя, рубя саблями направо и налево.

* * *

Семен сидел рядом с трупом Алеши.

– Да как же тебя угораздило, Олеша. Ведь говорил тебе не отходить от коней ни на шаг. Что же скажу я твоей матушке? Как же я запомнил про дозор их? Видать, разум отняла жадность моя.

С этими словами Семен поднялся, посмотрел на горсть золотых перстней, снятых с убитых, и, размахнувшись, швырнул их в снег.

– Положите убиенных на сани. Тут недалече осталось. Домой повезем, – приказал Семен подчиненным.

Из девяти казаков четверо были убиты, пятеро ранены. Кого спасла меховая казачья шапка, кого доспехи под одеждой.

ГЛАВА 42

— С басурманами чего робить, Семен? – спросил подошедший казак, показывая на трупы воинов Епанчи.

– С дороги уберите, да и станется им. Пусть их соболя грызут. Все больше пушнины будет. Бояр-то в думе да сынов боярских по Москве и Новгороду все более и более нарождается. Каждому шубу меховую подавай да шапку бобровую. Кичатся мехом серебряным, в летнюю жару не снимают, важность свою показывая. Выбили ради них, кровососов, зверя по всей Руси, токмо вот в Сибири и осталось промышлять пушной. Да только, братцы, нынче наш промысел дюже хлопотный вышел, – вновь взглянув на труп Алешки, вздохнул Семен. – Коней, что живые, споймайте, а убитых лошадей, что помоложе, на мясо. Да сбруи, седла поснимайте, черти неразумные! Шашки, луки, копыя, броню – все в обоз несите. За камнем продадим и семьям погибших поможем.

– Семен, а с этим как поступить? – поинтересовался десятник, держа за шиворот татарина, которого заарканили и повязали еще перед битвой.

Атаман посмотрел в глаза пленному. В них не было ни страха, ни смятения.

– Урус собак! Секир башка! Шошканын Эркэге, – вырываясь и плюнув под ноги Семену, взвизгнул плененный воин.

– Что он сказал?

– Собака ты, Семен, и голову рубить тебе он будет, а дальше что-то про свинью, – перевел казак, удерживающий связанного воина Епанчи.

– Кабан ты выложенный, хряк бесплодный – вот что он тебе сказал, – перевел подошедший купец, пригнавший двое саней из обоза.

– Вот паскудь, а я же его отпустить хотел, – почесав бороду, усмехнулся Семен. – Ну, коли я кабан выложенный, то и ты более балашат не наплодишь. Ну-ка, братки, суй его вниз головой в бочку, что под солониной была. Сейчас мы Кучуму еще одного евнуха изготовим!

Связанный пленник, сунутый в бочку вниз головой, беспомощно задрыгал ногами.

– Шошканын Эркэге. Урус собак!

На снег, паря, шлепнулось семя басурманское. Визг татарина заглушили хохот и свист казаков. Утирая окровавленные руки о снег, казачина расплылся в беззубой улыбке.

– Я бы всю их породу выложил³⁵, дай мне право!

Купец, перекрестившись, зашептал:

– Господи, помилуй! Господи, помилуй! Тати, мазурики, разбойники с большой дороги. Ну и стражу мы наняли. Зарежут и оком не моргнут. Господи, помилуй!

* * *

Упряжку, в которой ехали остяк с Ванюшкой, Архип с Ксенией нагнали только под утро. Благо, что протоптанный в снегу обозный след для оленей был верным ориентиром в пути.

С рассветом остановились. Пока отдыхали и кормились олени, Ксения, порвав чистую Ванюшкину рубашку, перевязала кропившуюся кровью рану Архипа, предварительно смазав живицей.

– Пищаль заряди, она хоть и без приклада, но может еще сгодиться.

– А я в нее ползаряда заложу, как на утей. Тогда она не шибко взад отдаст, – согласилась женщина.

– Волки за нами пойдут. Им не взять большой обоз. А у нас две упряжки. Сейчас не пойдут, через день догонят, – уверенно заявил остяк попутчикам.

³⁵ Выложить – кастрировать.

– Вот свинцом их и встретим. Жаль, рука не работает, я с лука бы помог.

Разомлев на солнышке, перекусив вяленой рыбой, чуть подремали. На отдохнувших оленях к полудню тронулись в путь. Всю ночь шли размеренным шагом, чтоб не загнать животных. Все чаще и чаще начала спотыкаться лошадь, не привыкшая ходить по болотному кочкарнику. Вечером на небольшой остановке, хоть и жаль было, Архип попросил Ксению расседлать пристяжную кобылу, снять седло и сбрую.

– Хорошая порода, грудь широкая, под плугом бы пошла, сеяться весной надобно, да, видать, не моя это добыча, – вздохнул Архип, глядя, как растворяется в темноте силуэт отставшего животного.

Вожак поднял стаю в полночь и, заняв впереди свое законное место, побежал по натопанному обозами следу. Волки, выстроившись в змейку, двинулись за ним.

С рассветом обнаружилась стоянка людей. На снегу кое-где валялась чешуя, остатки вяленой рыбы, окровавленные тряпки и олений помет, которые выдавали недавнее присутствие людей и упряжек. Обнюхав и изучив место остановки, стая побежала веселей.

* * *

Вогул остановил обоз. Прошел к каменной гряде. Достал бубен и, ударяя в него, начал исполнять какой-то загадочный танец.

Исполнив его, Угор поклонился и поставил глиняный горшок с овсом на огромный пень. Вытащив из сумы берестяную шкатулку с серебряной деньгой, положил ее рядом. Отошел от пня, присел на снег и вновь забил в бубен.

Через час он вернулся к саням, в которых сидел Семен.

– Дивьи разрешили проехать по их угодыям. Обещали, ежели за нами снарядится погоня, запутать следы.

– Так ты же с пнем гуторил! – улыбнулся атаман.

– Вам не дано видеть людей подземного царства. Их голоса и то слышат не все. У меня родные корни по деду. Опосля расскажу, нужно ехать. Татары не простят твоих потех. Догонят, идя по следу.

– Трогай! – крикнул Семен, пододвинувшись, освобождая в санях место для проводника.

Обоз медленно меж камней и деревьев начал входить в Чудьское княжество. Проезжая, атаман мельком глянул на пень и вдруг похолодел от ужаса: горшок валялся рядом с пнем пустой, овса уже в нем не было, шкатулка без серебра лежала на боку. Даже следы вогула на снегу к черному пню исчезли.

– Чур меня! – трижды осенив себя крестным знаменем, шепнул в бороду отважный казак.

ГЛАВА 43

— Салым-река, – объявил утром остяк, остановивший упряжки на берегу узкой речки с высокими берегами. – Дальше татар нет, пойдем рекой.

Обе упряжки, свернув с санного следа и спустившись в русло, двинулись дальше. Олени ходко пошли по покрытому настом льду.

Река петляла из стороны в сторону. Солнце светило то в глаза, то сбоку, а иногда и в спину. Порой попадалась, выдавленная на лед из береговых живунов, наледь. Олени спотыкались на ней и скользили. Но другого варианта не было: сквозь лес с его буреломами не пройти, а болото закончилось.

– Краса-то какая, – любясь природой, восхищался Архип.

Он, выросший в волжских степях и проведенный в полоне почти четверть века, никак не мог налюбоваться природой Сибири. Архип залез здоровой рукой в суму и, пошарив в ней, достал кусок вяленой конины, которую выторговал на базаре в Искере. Подал Ксении.

– На-ка, пупок завяжи, красавица. Ведь нынче мясостие началось, вслед за тем пост наступит, потом токмо шишки и будешь щелкать, да мне отрежь кусочек, что-то в животе засосало, знамо, на поправку пойду, – пошутил кузнец, подавая угощение.

– Ванюшке оставлю, – положив отрезанный кусок за пазуху, ответила женщина.

– Твой Ванька впереди на возу не дремлет. Вон, вся дорога в чешуе, только знай себе лузгает да лузгает, – показав на огрызки чебака на снегу, улыбнулся Архип.

– Как бы с животом потом не маялся, наголодался на татарских харчах сынок, хуже собак кормили. Кинут детишкам кости обглоданные, они в драку. Кто поспел, тот и съел, остальные ревут, душа раздирается, а нехристям забава. Ты-то пошто нас выкупил?

– Жалко вас стало, вот и выкупил, своих вспомянул, что узбеки порешили. Да ты не бойся, я до баб не падкий. Самой решать, что далее делать будешь. До весны доживешь, а там с Ванькой с новгородцами уйдете за камень. Они частые гости в наших краях. Тут по воде дорог много, хоть в Китай плыви, хоть на Мангазею гребь. От нас по Оби до Сосьвы-реки через зырян да коми пройти можно, а там и до Камы недалече.

– Я и не из боязливых. Мой, когда замуж меня взял, бить прихотелся. Как загуляет, так и кулаками махать норовит. Терпела, терпела, а потом взяла ковш дубовый и на голове его поломала.

– И что?

– Как бабка отшептала.

– Станный вы, бабы, народ. Бьет мужик – голосите, не бьет – значит, не любит, вы вновь в слезы.

Нарты, наскочив на ледяной торос, подпрыгнули. Архип поморщился от боли.

– Болит?

– Терпимо, только рука плохо слушается.

– А что за мазь тебе дал остяк?

– То живица, смола кедровая. Ее они собирают для того, чтобы раны оленям и собакам лечить. Теперича я заместо оленя, – горько усмехнулся Архип.

* * *

Вожак стаи остановил свой мерный бег и повел носом. Ветерок принес слегка уловимый запах конского пота. При свете луны, освещающей мерзлое болото, виднелся силуэт лошади, мирно щиплющей траву меж кочкарника. Сглотнув набежавшую слюну, он бросился вперед. Остальная стая, взяв бедное животное в полукольцо, не оставила ему шансов на выживание.

Но повысило шансы оленьим упряжкам, давая еще одни сутки им на спасение.

* * *

Мурза Епанчи, узнав о гибели дозора, пришел в ярость.

– Догнать! На куски порезать собак! Немедля выслать погоню! Все, что обрежете ниже пояса, собрать и скормить собакам на площади в Чиге Туре!

И уже через час отборная сотня в ночь ушла по Тагилу на север. Взяв по две пристяжных, они практически за ночь и световой день должны были нагнать новгородский обоз. Отряд состоял из Кучумских узбеков, приданных Епанчи для содержания в страхе и повиновении местных вогулов.

И действительно, проскакав ночь и световой день, они нашли место сражения. Запорошенные трупы с лицами, обгрызенными куницами и колонками, лежали по обеим сторонам санного следа.

– Алга! – взревел командир сотни, выхватив саблю, и сотня, перейдя на галоп, двинулась дальше.

Следы обоза, петляя меж берез и осин, валунов и сваленных деревьев, уходили на запад. Головной разведчик, увидав конский помет, спрыгнул с коня и, воткнув в него палец, громко доложил: «Теплый! Рядом, собаки неверные!»

Но неожиданно, подойдя к каменной стене, след уперся в отвесную скалу. Командир сотни не поверил своим глазам: обоз вошел в камень. Разослав в разные стороны воинов для поиска следов, командир спешился. Он подошел к каменной скале, потрогал ее руками, взглянул вверх, осмотрел каждый выступ. За период службы баскарма никогда не встречался с таким чудом.

– Следов нет нигде, – развели руками приехавшие из поиска хабарчи, – шайтан их поглотил.

ГЛАВА 44

Не разыскав следов обоза и приняв решение идти в обратный путь, Разимурад ехал в раздумьях. Множество рассказов слышал он про людей, живущих в каменных скалах. Дивьи – люди, которых никто никогда не видел, слыли злыми колдунами, сбивающими путников с пути, путавшими следы. Они были ранее частью угорских народов, но, скрываясь от преследования могольских орд, ушли под землю и в камни Уральских гор. Вогулы рассказывали, что сумевшие вырваться из их чар навсегда забывали то, что с ними случилось во время нахождения в плену чар Чудьского княжества.

Разимурад внезапно остановил коня, присмотрелся. Свежие следы обоза проходили уже через заметенные следы и, пересекая путь конной сотне, шли на юг. Проехав по ним несколько часов, узбекские воины вновь уперлись в знакомую уже каменную скалу. Развернув коня, командир сотни стегнул в панике коня камчой и ринулся обратно. За ним поскакали остальные. И вновь впереди показалась та же самая каменная скала.

– Мы ходим по кругу. Темные силы водят нас от камня к камню. Я не могу найти выход из этой западни, – объявил Разимурад своим десятникам.

– Выход есть, таксыр, нужно принести в жертву коня, напоить кровью каменных людей, дать им свежего мяса, овса, и тогда они смогут отпустить нас, – предложил один из десятников, показав

камчой в сторону черного пня, на котором лежал пустой глиняный сосуд.

Так и поступили. Прочитав молитву, принесли в жертву молодую не жеребую кобылку. Наполнили горшок кровью, а нарезанное мясо разложили вокруг пня. Рядом поставили полную торбу ячменя. Разведя костры, остановились до утра отдохнуть.

Ночью разразилась метель, которая напрочь замела все следы. Утром же Разимурад, взглянув на черный пень, обомлел. Перевернутый горшок и пустая торба лежали у пня, от мяса ничего не осталось. Следов никаких не было, зато четкий санный след проходил через место бивака и терялся в заснеженном редколесье, указывая направление пути.

– Поднимайте воинов, седлайте коней, нам пора в дорогу, – дал команду десятникам Разимурад.

Ночью узбеку приснился странный и вещей сон. Будто лежит кайбаша* на поле боя мертвый. К нему подходит человек с седой бородой, в белом одеянии, и, посмотрев на Разимурада, старец, опершись на посох, изрекает:

– Воин, ты семь лет не был дома. Твои дети уже выросли, а три жены твоих ослепли от горя, выплакав глаза. Отца забрал Аллах, а мать была вынуждена отдать твоему младшему брату отцовские сады и пастбища. Я направляю тебя и твоих воинов домой. Весной сюда придет белый хан, и, если ты не уйдешь, вот твоя и твоих нукеров участь, – показав рукой на поле боя, объявил ведун.

Разимурад осмотрелся. На берегу Туры догорала крепость Чиги Тура. Все поле было устлано трупами воинов Сибирского ханства.

Старец исчез так же внезапно, как и появился.

– Но ты не станешь изменником, если уйдешь, так как сразишься с передовым отрядом джунгар, которые идут скрытно на Искер. Тем самым спасешь Сибирское ханство от нападения, – все еще звенел в ушах голос старца.

Отряд прошел по обозному следу два световых дня. Лес не заканчивался. Впереди открывался сказочный тоннель из заснеженных деревьев, которые огромными арками нависали над дорогой, а пропустив отряд, колдовской лес выпрямлялся и вставал мертвой стеной.

Разимурад вел сотню по следу, все чаще и чаще вспоминая сон, приснившийся ему в первую ночь. На четвертые сутки след вывел

в степь. Замершее русло незнакомой реки, петляя, вело его сотню в неизвестность.

На пятый день, проехав очередной поворот, воины увидели перед собой двух всадников.

– Уран! – громко произнес встречный джигит.

– Салам аскаар. Мое имя – Разимурад, мой род идет от внука хана Мира Хубилая, что правил Китаем. Да будет свята его память.

– Я аскаар Исатай, приветствую тебя на нашей земле. Если с миром идешь, будь моим гостем, – показал всадник на берег, где стояли юрты.

– Благодарю тебя, Исатай, мне и моим людям не помешает отдых.

* * *

Упряжки остановились при выходе на Обь. Ксения с сыном, взяв топор, пошли рубить хвойные ветки оленям, на которых был ягель. Остяк перевезал рану Архипа, наложив свежую повязку.

– Если волки догонят, возьми это, – подавая кузнецу семь кусков замершего жира, распорядился остяк, – и кидай им под ноги.

– Травленное?

– Нет, там внутри китовый ус. Он скручен в теплом барсучьем жире и заморожен. Когда волк его проглотит, то жир в брюхе растает, ус распрямится и проткнет кишки. Волк подохнет. Мы так оленей в тундре бережем от них.

– А больше нет?

– Нет. Дальше рубить саблями будем, стрелять из лука.

– Ага, особенно я одной рукой.

– Поэтому я тебе жир дал. Старые волки бросятся на нас, а молодые отстанут. Я отдам им оленя, а ты жир кидай на дорогу. Пока взрослые оленя грызут, молодых не подпустят. Они и сожрут китовый ус. Все меньше волков останется.

Действительно, к вечеру их нагнала стая волков. Но упряжки уже вышли на просторы Оби. Вожак, поджав уши, неся первый. За ним летела доминирующая самка, а далее – вся стая.

Обойти упряжки сбоку не давали ледяные торосы, пришлось волкам нападать сзади. Но неожиданный свинцовый заряд, прилежавший от нарт, скосил жоака и самку, покалечив лапы еще трем зверям. Остальная стая, перепрыгнув через раненых и убитых

сородичей, продолжала преследование. Остяк отпустил пристяжного оленя, сходу ударив его по ногам погонным шестом. Олень захромал и начал отставать от упряжек. Стая, догнав его, вцепилась в животное мертвой хваткой.

Архип, держа саблю здоровой рукой, приготовился к нападению. Он совершенно забыл про куски замершего жира. Стая, направляясь с оленем, вновь отстала, давая путникам передышку.

ГЛАВА 48

Гостомысл, сидя на своем ложе, выстрегивал заготовку для деревянной ложки. Истяслав со Стояном перебирали сушеные ягоды. Никита же пошел проверить петли, поставленные им на зайцев.

Погода уже устанавливалась весенняя. Снег местами почернел и осел. Появились небольшие проталинки. Кое-где на солнечной стороне сопки принялись набухать на ветках деревьев почки. В это время как раз начинается гон у зайцев. Бегая друг за дружкой и набивая тропы в рыхлом снегу, ушастые зверьки носятся по ним, совсем не обращая внимания на опасность.

Этим-то и воспользовался каменотес. Расставив петли на тропках, он каждое утро после трапезы уходил проверять ловушки. На смастеренных коротких лыжах Никита шагал вдоль тропы. Он уже снял двух удушенных косых и, поправив ловушки, собрался домой, как вдруг раздалось карканье ворон вблизи дороги.

– И с чего это всполошились, разбойницы? – пробурчал в бороду каменотес.

Но топот лошадиных копыт, ржание, фыркание, ляг доспехов и оружия заставили его присесть и скрытно наблюдать за происходящим.

По дороге двигался вооруженный конный отряд. Всадники, мерно раскачиваясь в седлах, выглядели как-то неестественно в утреннем тумане. И если бы не открытые глаза воинов, то Никита принял бы их за спящих или покойников. Отряд, похожий на тень, проехав походным шагом между сопками, вскоре исчез в пелене

снежной степи, а Никита, подхватив двух пойманных русаков, быстро побежал на лыжах к своему жилищу.

– Надобно Валихану отписать, что пришла сотня узбеков, – выслушав Никиту, принял решение Истяслав.

И уже через час над отрядом-призраком пролетел голубь с маленьким свитком на одной из лап. Опережая конников и разнося хабар по необъятной степи, почтовая птица устремилась к юртам Валихана.

– Отче, а зачем узбеки тут? – поинтересовался каменотес.

– Силы татарские мы оттянули от Чиги Туры. Весной там битва затеется. А джунгарские разведчики уже снова у святых могил встали. Ежели кипчаки с узбеками объединятся, то не пройдут джунгары на север, а повернут на Бухару и Самарканд. Вот, стало быть, мы людям русским и поможем энтим. Не будет нынешней весной подмоги Кучуму из Бухары.

– Каким русским? Нет тут душ русских покамест, отче.

– Нет, так будут. поход затевается супротив Кучума. Пока он к Казани югом двинется, Русь с севера и ударит. Хватит набегу устраивать да людей русских бить.

– Да ведь, отче, с воинами попы и опричники придут. Куды потом нам идтить-то?

– На кудыкину гору, отрок. Мы для того и живем, чтоб русскому люду помогать. Чтоб расцвела красою сторона словен и ариев. А что с нами опосля станется, то это неважно, боги наши за нас определили участь каждому.

– А откель ведаешь про все это?

– Дар мне даден ведать про настоящее, а про будущее ты мне подсобляешь, отрок Вторак.

* * *

Ксения озорно улыбнулась.

– Слушай, Архип, а почто ты без усов да бороды? Словно и впрямь шаман белый.

– Сбрил я их, чтобы в Искере татары не приметили.

– Трунишь? Я ведь в тебе русского еще на базаре признала.

– И как это ты сподобилась, матушка? – усмехнулся кузнец.

– Зрю, идешь ты, как гора, плечами татар толкаешь. Руку левую прижал к боку, словно саблю придерживаешь. Так что и бритый ты не похож на остяка или татарина косолапого.

– А с какого лешего я косолапиться-то должен? Я же три века кряду, как они, на шее русского Ивана не сиживал, – рассмеялся от своей же шутки Архип.

Рассмеялась и Ксения, рассмеялась, забыв про горе и невзгоды.

Упряжки шли Обью. С левой стороны прошли виднеющееся русло Иртыша. Русло тут расходилось широко. Правый высокий берег возвышался над великой рекой, а левый, низкий берег, покрытый снегами, маячил в тумане. Яркий свет луны освещал огромную пойму реки.

– Действительно, Об! – оглядывая просторы, воскликнул Архип.

– Ты про что?

– Об. У таджиков так вода зовется. А тут весьма много об. И свобода! Ни князей, ни бояр тебе. Юнцом на Волге жительствовавал, думал, там воля, а теперь понимаю, что здесь она, милая.

– Так какая же это воля, коли нехристей кругом, как дерьма за баней? – поежившись от мороза, подала голос женщина.

– Остяки да вогулы мне не помеха, а узбек Кучум без Казани рано или поздно скатится в степь, где его раздерут, как шелудивого кота, джунгары. Да приспеет сюда люд вольный и будет жить без царской милости и кнута опричного.

– Ох, и песнь поешь, будто мед пьешь. Да где же оно видано, чтобы без кнута людишки жили? Не вериться мне чтой-то. Свято место пусто не бывает, заживете вы вольно, а тут царевы холопы за оброком и наведаются.

– А вот и паскудники нагоняют. Явились, не запылились, – показав пальцем на черные точки в конце убегающей колеи, объявил кузнец, вытаскивая куски жира.

Волки, расправившись с оленем и потеряв вожака, бежали уже не дружной стаей, а голодной сворой, постоянно завязывая меж собой стычки в борьбе за первенство. На ходу проглотив брошенные на дорогу куски жира, они ринулись дальше.

Но уже минут через пять самые сильные и проворные, которым досталась наживка, стали отставать от стаи. Китовые усы, свернутые в спираль, развернулись в их желудках, проткнув насквозь внутренности зверей. Осталось в живых всего четыре волка. И, понимая, что дружной стаи уже нет, волки, пробежав немного за упряжками, остановились и, развернувшись, потрусили к умиравшим сородичам.

Их они съедят завтра.

ГЛАВА 46

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Семен, отряхнувшись от снега в сенях, открыл дверь в избу.
– Мое почтение честному люду, – поздоровался казак, поднося ладони к теплой печке.

– Семен вернулся! Ай, молодец! Ай, вовремя! – поднявшись из-за стола и раскрыв объятия, кинулся к нему казачий атаман Богдан Брязга. – Ну, сказывай, что разведал в краю сибирском? Как Кучум-хан? Крепко ли сидит на ханстве своем?

Семен прошел к столу, присел на лавку, бросив шапку на столешницу.

– Обошел я, братья, почитай, усе Сибирское ханство. Городище Искер, или, как его сейчас нарекли, Кашлык, не бачил, каюсь. Да и опасно открыто явиться опосля того, как Маметкул посла царева Чебукова убил. Но разведать наказал я надежному человеку. Более того скажу, настроения средь остяков и вогулов разные. Коим не нравится хан Кучум, кои ему чуни лобзают. Имеется и поверье у многих народов, что раньше у них был белый князь на правлении. Справедлив был, людишек своих не забижал. Вольности давал всякие. Кучум-хан его убить хотел, да утек князь за камень. Но должен возвратиться с войском огромным и освободить народ угорский от ясака непосильного, Кучумом наложенного.

– Вот и хорошо. Нам бы человечка из рыбоедов подговорить, чтоб этот сказ про белого князя да про каменные стрелы невиданные, которые гром и молнии извергают, крепости громят, разнес по стойбищам. Да вселить надежу, будто князь этот на Кучума скоро пойдет, чтоб люд сибирский освободить от его ханства.

– Есть один вогул-шаман, дюже смышленный, как раз он пушнину выменял да назад собирается. У нас проводником был. Ох, и хитер, шельма! Но проверенный, в полоне был узбекском, бежал, да не один, вывел товарища казака, который и должен разведать крепость Кашлык. А пойдет он назад с моим крещеным татаринном, который, вернувшись, принесет к лету план острога Кучумского.

Атаман Иван Кольцов, до сих пор сидевший молча, развернув свиток, обратился к присутствующим:

– Я вот так разумею, братья. У Гришки и Якова Строгановых жалованная грамота, государем дадена. На двадцать лет им льготы жалованы. И разрешает сия грамота завоевание Сибири на Тоболе, Иртыше и Оби. Послушайте, что им Иван пишет: «Где пригодитца для бережения и охочим на опочив крепости делати. Как отойдут урочные лета по жалованным грамотам лгото, и чем наши писцы опишут и оброк наш на вас писцы положат, и вы б те ваши оброки возили к нам на Москву».

Голос подал до сих пор молчавший атаман Никита Пан:

– Им сия грамота на семь лет дадена. И если поход не снарядят нынче, то отберет государь ее да другому охочему отдаст. Потому и спешают снаряжать Максим и Семен Строгановы нас для похода. А Никита, сын Григория Строганова, не желает похода, владения-то его далече и набегам не подвергаются.

– Думаю, что к лету соберемся для дела желанного, как раз на Семенов день и выступим. Это в честь нашего отважного лазутчика, – рассмеявшись, хлопнул по плечу Семена Иван Кольцов. – А теперь, братья, тащите сюды плененного Кутатаба, дворецкого Кучумовского. Дадим ему дары для хана, уняв этим бдень их. Вскоре должны вернуться атаманы Ермак и Гроза от Максима Строганова. Максим уж и струги наказал нам к лету выделить для похода.

* * *

К середине весны пошел слух среди вогуличей и остяков о белом князе, собравшем войско для того, чтобы освободить их

землю от узбека Кучума. Нес эту весть шаман, который на каждом стойбище рассказывал о великом князе, несущем вольность народу своему. С шаманом шел в Сибирь татарин из местных, он тоже подтверждал сказанное, заверял, что сибирские татары не пойдут служить узбеку и встретят белого князя как повелителя.

По снегу и замершим рекам успели шаман с татаринком пройти до Сосьвы-реки, с половодьем двинулись на Обь.

* * *

Архип, раскидав ногами снег на крыльце, толкнул и открыл дверь в кузню.

– Ну, проходите, гости дорогие, – предложил кузнец Ксении и Ванюшке, – токмо вот не топлено, простыла насквозь кузня моя. Сейчас я поленья принесу да огонь высеку.

Хлопнув легонько по затылку Ивашку, он попросил сбегать и надрать с поленьев коры на растопку.

Вскоре печь загудела. По кузне разошлось тепло.

– Давайте все на печь! – приказал кузнец. – Отогреемся опосля долгой дороги.

Ванюшка первый сиганул наверх и, укрывшись шкурами, вскоре уже сопел своим курносым носом.

– Баньку я еще не поставил. Но ежели воды нагреть в казане, то можно в углу за печью купель княжью изготовить. Самим помыться, да и вещи кой-какие постирать.

– А вода где?

– Утром снега наносим. А опосля ходим с Ванюшей майну пешней на речке продолбим, там и будем брать. Сейчас я до лабаза сбегаю, принесу запасов, пир устроим по случаю прибытия нашего.

Пока кузнец выбирал, что взять на пир, Ксения веником и тряпкой убрала тенета, пыль по лавкам вытерла.

Осмотрелась. Кузня была рублена из березы. Русская печь мазана глиной. Верстак выструган умело, печь для нагрева железа около него. Самодельные восковые свечи освещали все убранство. Единственно не было в избе-кузне окошка. Были и сени небольшие. А входная дверь открывалась вовнутрь, не так, как у пермяков – наружу.

Она, осматривая устройство запоров двери, не заметила, как подошел Архип.

– Это чтоб выйти опосля бурана. Откапывать дверь тут некому, так и просидишь до весны, покуда снег не растает, – пояснил кузнец, заноса припасы.

– А коль зверь какой носом пхнет, да дверь и откроется?

– На зверя собаки есть, да запор лиственный любой натиск выдюжит.

– Ты завтра куды-то собрался? – разглядывая занесенные лыжи, поинтересовалась женщина.

За собаками и лошадью днем пойду. Отдал я остякам на кормление их, пока в городище ездил. Ты без меня не робей. Я на следующее утро вернусь.

– Так как же тут не робеть среди леса столетнего? Вдруг медведь придет или еще кто.

– Медведь еще спит. А для еще кого пищаль у нас имеется. Я за ночь приклад смастерю да прилажу. Ружье мне не к чему, уж больно хлопотно с ним, мне и остроги да сабли хватит. Я на лыжах туды-сюды быстро обернусь.

Ксения, пока Архип, морщась от беспокоившей его боли в плече, выстругивал заготовку для приклада, нарезала оленины, растопила кусок льда, лежавший в снях, и вскипятила воду.

– Возьми на полке мешочек, там шиповник сушеный, завари, – кивнув головой в сторону печи, посоветовал Архип.

ГЛАВА 47

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Ермак и Иван Гроза прибыли от Максима Строганова за полночь. Собрав атаманов, Ермак рассказал о своей поездке и о сговоре с Максимом.

– Я, братья, сторговался на восемьдесят стругов, какие они соберут по Каме и Волге, кои построят к лету. Скажу еще. Семь лет назад тайно встречался я с боярином опальным в Иосифо-Волоколамском монастыре, Федором Ивановичем Колычевым, по прозвищу Умной. Но это дюже таинское дело, братья. Потому попрошу тебя, Семен, выйди в сени, обойди избу да не пущай никого, пока мы тут пошепчемся. А опосля тебе Богдан перескажет, что мы порешили.

Семен кивнул, накинул полушубок и вышел на улицу. Обойдя избу, встал на страже у дверей так, чтобы было видно и оконце.

– Подымал вопрос пред думой государь наш, чтоб прекратить набеги из-за камня. Да не поддержали думские толстосумы сие желание. Кто испужался с Кучумом отношения испортить, кто ослабить границы с западом, а кто еще со времен Казани долговыми обязательствами повязан с татарами. Те-то не дремали – и на подарки, и подношения были весьма щедры. Токмо щедрость эта вот чем обернулась. Долг-то платежом красен, вот и идут на измену ради мощны своей бояре наши. Решают они в думе не о помощи

государю, а как волю татарскую исполнить. Как говорится, по государеву указу бояре приговорили не ходить за камень.

– А Земский собор на что? Собрать да порешить. Сколь русский люд будет терпеть набеги вогульские да татарские? – перебил Ермак Богдан.

– Земский собор последний раз созывали, когда решался вопрос о Ливонской войне. Нынче же поход на Кучума требует тайны. И нужно исполнить волю так, чтоб наш государь якобы не ведал и не слыхивал сей дерзости.

– Ну, как тогда, на Астрахань собрались и пошли, а государь не причем как бы, – вставил свое слово Иван Гроза.

– Потому, если сгинем мы в Сибири, – продолжал Ермак, – не сдюжим свершить задуманное, вроде и Иоанн в стороне останется. А коли выйдет ладно задуманное, то государь нам милость свою дарует. Встретился я тогда в монастыре тайно по этому поводу с боярином Колычевым. Передал он тайный наказ государя. Ему вера есть, он перший советник государя по делам был негласным. Сказал, чтоб выглядел сей поход разбойным образом. Для подмоги нам к нынешнему лету придет государь сотню немецких наемников. Немцам жалование не плачено, вот они и затеяли бузу поднять. В первый ряд их при битве ставить государь повелел, чтобы, значит, поболее их извести. Да велено еще охочий люд собирать пять сотен.

– Про немцев государь зело грамотно измыслил. И бунта нет, и жалованья платить некому, – расхохотался Иван Кольцов.

Ермак распорядился:

– А пока, братья, выступить нужно под городок на Чусовой. Вновь князь пелымский Кихек с вогуличами набег совершил. Ныне поведет дружину Иван Кольцов, а с ним Богдан и еще четыре выборных есаула, каждый с тремя сотнями. И чтоб ни один самоед не ушел, всех под нож.

* * *

Утром, уходя на стойбище, Архип давал последние советы Ксении.

– В лабазе подвешен мешок с маккиеронами.

– С чем?

– Тесто сушеное. Я когда в рабстве был, то жил со мной коваль из Риму. Вот он и научил меня хлеб до весны хранить, чтоб не испортился. Насушил я нынешней осенью цельный мешок их. Висит себе да висит, а когда нужно, то варю с оленьей.

– А мы с мужем в начале зимы тельяни лепили и морозили. «Хлебное ухо» переводится с языка коми, мясо в тесте, – тяжело вздохнув, вспомнила Ксения.

– Вот вернусь – и налепим. Я как раз свежего мяса выторгую у остяков. У меня муки ржаной малость осталось. Новгородцы мне дали. Под лабазом снег пущай Ванюшка разгребет, там крышку найдет. Ледник у нас там. Яйца гусиные лежат на льду, пусть пока оттают. А к завтрашнему полудню тесто замеси. Вот и налепим твоих тельяней. Да, еще, Ванюшку не пущай никуда одного, не приведи Господь, рысь али росомаха забредет. Пока собак не приведу, осторожничать надо. Ведь урман кругом еще необжитый.

– Боязно как-то, одной-то, – пожаловалась женщина.

– Мужик Ивашка у тебя вона какой юркий. На ночь запирайся на засов. Да пищаль заряди, с ней спокойней будет.

Сидя на лавке и обувая тисы, кузнец лукаво подмигнул:

– Я все тебя спросить хотел. Вроде баба ты в годах, а мальцу только осьмой годок? В девках долго ходила что ли?

– Нет, Ванюшка последыш наш. Два сына в казаках у атамана Ивана Грозы служат, да дочь уж замужем в городище на Чусовой реке жительствоует.

ГЛАВА 48

Весной потянулись к реке Чусовой охочие люди, тоже изъявившие желание идти в поход с казаками. Семену было поручено распределить их по десяткам и сотням, организовать обучение и снарядить их оружием.

– Ты почто собрался? – выпытывал Семен у каждого.

– Вогулы семью побили, мстить иду, – отвечал собеседник.

– А ты зачем?

– Указ государь издал об отмене временных лет. Теперь на Юрьев день не будет воли, как ранее, буду искать ее в Сибири.

– Так сей указ только сроком на один год вышел.

– Где один годок, там и сорок зим, – вздыхал беглый смерд.

– А ты что забыл в Сибири? – вопрошал Ермак следующего.

– А я – где сыр-бор, там и Егор, – улыбался в ответ мордвин, убежавший из городка на Саранке.

Народ прибывал и прибывал. К середине лета дружина уже насчитывала за тысячу воинов.

Семеном со всего Сибирского ханства собирались по крупницам сведения о Кучумских разъездах и городках. Главным препятствием на пути первопроходцев была крепость Чиги Тура, о богатстве которой ходили легенды. В Чиге Туре сходились со всего света караванные пути. Там и планировали казаки закрепиться, выбив из городища татар.

* * *

СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН

– Угощайся еще, уважаемый гость Разимурад, – протянул на-
полненную кумысом пиалу хозяин юрты.

– Благодарю тебя, аскар Исатай, – принимая пиалу, кивнул
Разимурад.

– Твоя сотня прибыла вовремя. Сибирское ханство под угро-
зой. Уже какую весну хан Хара-Хула из Ойратского ханства засы-
ляет в нашу степь разведчиков. Благочестивый Кучум-хан глядит
только на запад и не ведает об опасности, зреющей на востоке.
Джунгары прошлым летом у святых могил разгромили отряд но-
гайских воинов, шедший для подмоги хану Кучуму. Монголоиды
приходят в степь маленькими отрядами, которые разведывают до-
роги, городища и стойбища. Нападают на маленькие поселения и
безнаказанно вырезают всех поголовно. Ведут себя, как волки в ов-
чарне. Наши воины готовы выступить навстречу ойратам. Пойдешь
ли с нами, уважаемый Разимурад?

– Границы Сибирского ханства мы и призваны охранять, я по-
веду своих воинов с вами, но и слова благодарности, переданные от
вас хану Кучуму, мне не помешают.

– Непременно, Кучум-хану будут переданы слова благодарно-
сти от его мурзы Аблая. Он уже знает, что ты пришел нам на по-
мощь. Завтра сюда придут отряды наших батыров. С твоей сотней,
Разимурад, мы доведем численность до тысячи человек. Если ра-
зобьем разведчиков, то обезопасим от джунгар Сибирское ханство
до следующей весны. Ойратский хан Хура-Хула не пошлет большое
войско, пока не вернутся его хабарчи. А мы постараемся сделать
так, чтобы никто из его лазутчиков не ушел. Прошлым летом отряд
Тэмуужина убил десять моих воинов, меня раненного выходили
Еркен и Ботагоз, теперь Еркен мой тесть, а Ботагоз жена моя.

– У тебя всего одна жена? – искренне удивился Разимурад.

– Мне некогда было искать жен, я служил тысячником у бла-
городного Узун Бека.

– Ты был в Бухарском походе?

– Да.

– Значит, мы были врагами.

– Времена меняются, почтенный Разимурад. Как гласит народная мудрость, чтобы двум собакам подружиться, им необходимо подраться.

– Совершенно верно, уважаемый Исатай, собаки одного аула всегда грызутся между собой, но когда к аулу подходит волк, они объединяются и побеждают, – согласился Разимурад, – но скажи, уважаемый Исатай, не встречал ли ты когда седого аксакала в белых одеждах? Мне он приснился и предсказал нашу с тобой встречу. Разве может быть такое?

– Может, может, уважаемый Разимурад. Это ведуны, они знают все, что будет, и помнят все, что было. Старцы могут приходиться во снах, лечить больных. Аблай очень уважает их за то, что помогли жене родить ему наследника. Подсказали, к кому идти служить, кому верить. Это старцы развернули твой отряд и спасли от гибели в каменных скалах. Твои люди устали после пятидневного перехода. Я приказал поставить десять гостевых юрт, ты же, уважаемый Разимурад, располагайся у меня. Чувствуй себя как дома.

– Где будем давать битву джунгарам?

– Я думаю, что нападать нужно внезапно, когда они со своей территории будут обходить Синее море. Думаю загнать их на каменную косу Сарыесик, которая делит море напополам, и вырезать всех до одного. В степи справиться с джунгарами будет сложнее.

– Что за Синее море? Не слышал.

– Это китайцы его так называли. Жил в давние годы чародей Балхаш и была у него дочь, которую звали Или, неписаная красавица. Сватались к ней сыновья китайского императора и монгольского хана. Но все получили отказ. А выбрала она простого пастуха Каратала и сбежала с ним. Тогда разозлился чародей Балхаш на дочь непослушную и превратил их в реки, а чтобы никогда любимые друг с дружкой не встретились, лег между ними озером, перегородив его посредине мысом каменным. Плакала невеста, и стала вода в одной части озера соленой. А еще жил там старец, который спас от джунгар большое племя, а звали старца Бектау-Ата, – лежа на подушках, рассказывал Исатай, но, заметив, что Разимурад уже спит, зевнув, замолчал.

ГЛАВА 49

РАЙОН СЕВЕРНОЙ СОСЬВЫ

— Хулимсунт юрты, — показав пальцем на поворот реки, объявил вогул, — еще два дня пути — и выйдем на большую воду. А там, коли ветер попутный, до Атлымских юрт дойдем за пять дней.

Ибрагим, сидевший спиной, подняв весла, обернулся, рассматривая высокий мыс, на котором находилось десятка два чумов.

Они добирались домой уже целый месяц, иногда ночуя в лесу, а иногда и на стойбищах. Там вогул исполнял танцы шамана, показывал свой знахарский опыт, заговаривал луки и копьа на зверя урманного. И еще рассказывал про белого князя, который должен вернуться и освободить народ северный от узбекского хана Кучума. Татарин же доставал пищаль и демонстрировал гром и молнии, которые будет пускать белый князь в тех, кто его не встретит добром и любовью. Кстати, последнее больше заинтересовало охотников, чем разговоры вогула. Многие при выстреле падали ничком. С ужасом рассматривали расщепленные стволы деревьев, пораженные свинцовой сечкой.

В Хулимсунтских юртах им предложили принять участие в охоте и показать на живом примере колдовскую силу пищали.

— По веткам да по пенькам почто не стрелять! А ты убей зверя, тогда мы и поверим в силу белого князя, — заявил подошедший знатный вогул в окружении свиты.

– Ибрашка, завтра стреляй точнее, – попросил Угор, когда попутчики остались наедине, – охотники все видят. Коли промахнешься, грош цена моим танцам и твоим потешкам огненным. А ежели завалишь завтра лося, то, когда Кучум позовет вогулов на помощь, не пойдут они к нему. Ну а ежели и пойдут, то разбегутся, не приняв бой. Я ведь и сам твоей палки железной боюсь, возьмет да сама и стрельнет ненароком.

Татарин, улыбнувшись, отодвинул пицаль в сторону.

– Не бойся, не пальнет, – и помолчав, вдруг согласился: – хотя, впрочем, и кочерга раз в год пальнуть может.

Наутро, окружив осинник, загонщики, застучав колотушками, начали загон.

По сухой весенней траве, мелкому кустарнику и вечнозеленому мху стелился утренний туман.

Ибрагим выбрал березу, которая могла служить опорой для массивного ствола пицали, подсыпал сухой порох. Теперь судьба Сибири была в руках крещеного татарина. Если попадет он единственной пулей в лося, то посеет страх великий в племенах вогулов и остяков, а промажет – то не поверят вогулы в могущество белого князя и встанут супротив дружины Ермака на стороне Кучума.

Ибрагим вспомнил далекое детство. Улус на берегу реки Яман, впадающая в могучий Эргыс. Нападение кучумцев на их улус. Отца, который его, семилетнего мальчика, бросил в лодку и отпихнул ее ногой от берега.

Припомнил, как, вернувшись, увидел вырезанных людьми хана Кучума жителей улуса и как, добравшись до уже павшего Казанского ханства, оказался в русском стане стрельцов и боярских дружин. Как боярин Пашков подобрал его, объявил сыном боярским. Вспомнил, как при целовании креста на крещении Ибрагима он тихо шептал: «Будь здрав, Кучум, живи долго, не болей, смотри не помри, пока Ибрашка не вырастет и не найдет тебя».

Из раздумий его вывел легкий толчок в спину. Это Угор его предупредил о приближении стада. Приняв от вогула дымящийся фитиль, Ибрагим приготовился к выстрелу.

Макушки тоненьких берез и осин закачались в разные стороны, и на поляну вылетело стадо лосей. Впереди несся самец с огромными рогами.

Грянул выстрел. Облако порохового дыма заволокло обзор. Послышались приближаемые звуки дубинок и бубнов.

Дым рассеялся, и Ибрагим, тяжело вздохнув, присел на корягу. Убитого лося на поляне не было.

– Кажись, промахнулся, – разочарованно промямлил он.

Прибравшие загонщики, покачав головами, остановились.

Но опытные следопыты вместе с Угором быстро осмотрели кусты и тропу.

– Кровь! – крикнул Угор.

И все, собравшись вокруг татарина, присели на корточках.

– Коли кровь, догонять нужно! – воскликнул Ибрагим.

– Догонять будешь, пугать будешь, долго идти будешь, однако.

А догонять не станешь, мало идти будешь, он сам ляжет, поэтому собак мы не берем, когда на лося ходим. Угонят его, а тащить назад нам, – тронув его за плечо, пояснил старый вогул.

Отдохнув около часа, охотники поднялись и пошли по следу. Крови на тропе становилось все больше и больше.

После двухчасового преследования охотники наткнулись на самца, который лежал в мелком осиннике без признаков жизни. Пуля калибром с яйцо горлицы пробила сбоку животному грудь, сломала ребро, прошла сквозь легкие и, перебив множество кровеносных сосудов, вышла навывлет, образовав огромную рваную рану.

Измучению и восторгу вогулов не было границ. Охота стрелами и копьями давала, конечно, результат, но раненого зверя приходилось искать сутками, пока он не изойдет кровью и не ляжет.

– Слава белому князю! – заревел Угор. – Кто будет ему другом, тот получит в подарок огненное копьё! А супротив него пойдет, копьё его убьет, как лося!

– Слава! Слава! – подхватили вогулы.

ГЛАВА 50

ДВОРЕЦ КУЧУМА

— **Г**осподин, тебя срочно вызывает великий хан, – поклонившись, доложил начальник стражи.

Маметкул кивнул головой:

– Передай великому хану: я иду.

– Вчера ночью мне привиделся сон, Маметкул, – дождавшись, когда племянник сядет напротив и слуга нальет ему чай в пиалу, сообщил Кучум, – в мои покои ныне вошел старец в белых одеждах, с седыми усами и бородой. Он присел на подушки и произнес: “Здрав будь, великий хан. Завтра придет к тебе твой соглядатай и расскажет, что урусы строят корабли и собирают дружину супротив тебя. Но не верь словам обманутого хабарчи. Царь Иван затеял великую хитрость. Хочет рать казачью пустить в поход по Каме-реке до крепости, в честь царицы названной, на Волге. Да волоком переправив челны на Дон, покорить крепость Азов. А чтобы ранее никто не проведал замысел сей, велел слухи разносить, что идут казаки за камень тебя бить.

– Я дергал шнурок, – продолжал Кучум-хан, – но стража спала. Спала и ученая гюрза, которая стережет мой сон. Я не мог произнести ни единого слова. Язык мой окаменел.

Старец отпил чай из своей пиалы и продолжал:

– После моего ухода ты увидишь вещий сон про Китайскую стену, и тебе потом принимать решение. Но прежде чем на что-либо решиться, подумай, посоветуйся с мудрецами и звездочетами. Можешь и про меня рассказать, и сон вещий поведай своим толмачам, из него они узнают истину. А в подтверждение моих слов завтра ночью пойдет лед на Эртысе. Не опасайся нападения со стороны Руси, зри на восток.

Маметкул посмотрел на пиалу, которая стояла на ковре, и подумал: не тронулся ли умом великий хан?

– После старец исчез, – продолжал великий хан, – и я увидел Великую Китайскую стену, которую видел, когда я еще маленьким мальчиком с дедушкой был в Китае. И я не узнал сию стену. Она была без бойниц, и не стена это была вовсе, а дорога, по которой тащили корабли волоком к морю множество рабов. Когда же пригляделся я, то не было у рабов надсмотрщиков, и не стегал их бичом никто. Распевая песни, тащили они, улыбаясь, корабли по дороге каменной. И одежды были на них урусов.

Когда же проснулся я, мне доложили, что вернулся Кутатай из-за камня и желает доложить о разведанных им сведениях. Доложил он, что в русском стане готовят восемьдесят кораблей и собирают войско в поход на Сибирь.

– Что это было? Растолкуй нам с Маметкулом, достопочтенный звездочет Салим! Какое решение принять мне? – обратился к увещателю снов Кучум.

– О Великий хан! Лед тронулся! – доложил вошедший визирь, которому было поручено проверить слова старца.

* * *

СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН

Никита подошел к старцу.

– Ты чаво это, отче? Не помри, как Вторак.

Гостомысл очнулся, обвел взглядом своды пещеры и произнес:

– Не хотел я тебя, молодого, посылать к Кучуму, не поверил бы он тебе. Пришлось мне самому идтить на риск. Ходил. Нить жизненную по дороге рубили мою, изворачивался я. Аблай меч тот поднял, предатель он. Валихану потребно передать сие. А Кучум, кажись, поверил мне. Пойдет походом на Русь, уведет часть войска.

И тогда будет русской рати легче в боях. Да и пока летал я по нити жизни, увидел предвидение: зарежет его дальний родственник Ибрагим, один оставшийся от рода Исенбая. Шагает Ибрагим нынче по стороне урманной, несет на груди крест греческий. Убьет он Кучума, знаю. Но на это нужны долгие годы.

А теперича постели мне, Никитушко, спать хочу, устал я, еле мольбу, – прошептал Гостомысл, заваливаясь на бок.

Никита, оглянувшись, вытащил из-под своей рубахи крестик.

Трижды поцеловав его, прошептал:

– Боже, спаси и сохрани, аж и сам я боюсь предвещения си, но уж не свернуть мне. Поди, точно нужон я для решения судьбы земли русской, а то бы как я из плену убег бы? Чародейство это.

ГЛАВА SI

Угор с Ибрагимом по протокам добрались до русла Оби. По великой сибирской реке шел ледоход. Огромные льдины, напозая друг на друга, с шумом и треском двигались к Северному Ледовитому океану.

– Руби ивняк, Ибрашка, шалаш будем строить. Пока лед не пройдет, не сможем мы плыть далее, – распорядился вогул.

Путники вытащили лодку на берег, развели костер и принялись строить временное жилище. Солнце припекало, разогретые работой, они сняли верхнюю одежду.

Вечером вогул, раздевшись, залез в ледяную воду и из ивовых прутьев в заводи смастерил завесу.

Он, сидя на берегу, дожидался, когда за нее войдет щука, и ловил ее в западне. Дальше выдавливал икру и выпускал рыбу обратно. Надоив с десятков рыбин, Угор палочкой принялся взбивать икру в деревянной миске, изредка ее подсаливая.

– Лепех в дорогу напечем и тут поедим, – пояснил он Ибрагиму, – тащи свою ложку.

– Скусно, – попробовав икру, похвалил друга татарин, – а мы жили на реке, но рыбу не кушали.

– Почему, знаешь?

– Нет.

– А я знаю. В голове у щуки крест из хрящей, а вам хрящевое лакомство никак нельзя пробовать, – рассмеялся Угор, и уже

серьезно добавил: – у щуки икра вкусная, только сухая она рыба, а нельма жирная, но ее сейчас не словить. Ты покушай, покушай, сил набирай. Грести нам с тобой, Ибрашка, супротив течения дней десять. Все руки измочалим. Пойдем низким берегом, тута течение слабее, а коли ветер подует попутный, то и парусок поставим, но при попутном ветре опять-таки будет волна шибко большая.

– Почему? – поинтересовался Ибрагим.

– Потому что ветер с севера, и течение на север. Вот и задирает волну, как на море-окияне. У нас же борта невысокие, вымокнем али челнок потопим.

– Ничего, я привычный. Почитай, на Волге семь годков в ярыгах³⁶ хаживал, покуда меня боярин Пашков не усыновил.

– А как он тебя приметил-то?

– Под Казань насад³⁷ с солью из Астрахани притащили и встали кабалу наедать³⁸, ожидаючи, чем штурм крепости завершится. Купец-то наш персом был, ему что на Русь, что до Казанского ханства идтить, все едино, всюду вхож, как ужака скользкий, да и соль везде в цене.

– А далее-то что? Как боярин тебя приветил?

– Пришел я на парамойню³⁹ – портки да рубаху постирать. А тут вопли прачек на весь берег: “Вьюноша тонет! Сын боярский, Истома, погибает!” – ну я и сиганул с мостков в воду. Вытащил тогда его. Мне рубь дал боярин и к себе в конюхи определил. А когды Истома подрос, стал я ему братом названным, так как второй раз его спас, собой закрыв в походе, стрелу его помал.

– Как – помал?

Ибрагим, расстегнув ворот рубахи, показал шрам на груди:

– Так и помал.

Понюхав воздух и посмотрев на летающих в небе птиц, вогул наказал:

– Я спать пойду, а ты не дремай, костер жги. Хозяин рядом шастает. Оголодал он после спячки. Я ему рыбы накидал на берегу в проточке, на солнце она запахнет, он ее и найдет, зато нас не тронет.

³⁶ Ярыги – кличка бурлаков.

³⁷ Насад – судно повышенной грузоподъемности.

³⁸ Кабалу наедать – кормиться в долг судовладельцу.

³⁹ Парамойня – мостки для стирки белья.

– А почто медведь падаль-то ест?

– Так он на зиму брюхо травой набивает, а весной орет на весь урман – просрать не может, вот падаль-то и жрет для поносу, – рассмеялся Угор, влезая в шалаш, и, высунувшись, добавил: – правду сказать, сколь я из берлоги их не брал, у всех пузо пустое было. Просто, поди, орет да орет. Кто его, косолапого, знает. Коль подойдет, сам спреси, – хихикнул вогул и скрылся в шалаше.

И действительно, словно бы в подтверждение слов вогула вдалеке раздался рев косолапого. Ибрагим пододвинул поближе пишаль, вытащил саблю из ножен и, подбросив хворосту в костер, принялся сторожить сон товарища.

Приполярная ночь уже отступила, и световой день становился все продолжительней и продолжительней.

Медведь появился к полуночи.

Он долго бродил по сору⁴⁰, постепенно приближаясь к шалашу на берегу. Ветерок дул от воды, и косолапый, чувствуя запах дыма, не решался подойти к людям.

Ибрагим, взяв из костра головешку, поджег сухую траву. Прошлогодня трава вспыхнула, и огонь, раздуваемый ветром, пошел в сторону хозяина тайги. Медведь, встав на задние лапы, глянул на приближающийся пал и дал деру. Переплыв проточку, он скрылся в кустарнике. Пал же, дойдя до берега ручья, остановившись, постепенно затух.

Ибрагим, приметив место, откуда вспорхнула утка, пошел к нему. Разыскав гнездо, он собрал в шапку яйца и вернулся к костру. Положив яйцо на дно миски и крутанув его, он улыбнулся: крутое, спеклось.

Очистив от скорлупы и подсолив, Ибрашка с наслаждением впился желтыми зубами в яйцо.

Стемнело. Татарин успел уже натаскать хвороста, которого до рассвета должно было хватить. Медведь не появлялся.

Чтобы не задремать, Ибрагим вставал и периодически обходил шалаш.

Грохот идущего по Оби льда заглушал все иные звуки ночи, поэтому и крутил Ибрашка головой на все четыре стороны.

Вскоре начало светать, и он, взяв котелок, спустился к ручью. Зачерпнув в заводи водицы, осмотрел берег. Рыбы, разбросанной

⁴⁰ Сор – заливной луг.

вчера по берегу ручья, не было. Зато на суглинке отчетливо виднелись огромные следы хозяина тайги.

Ибрагим, стараясь не шуметь, озираясь по сторонам, засеял к шалашу.

Когда Угорка проснулся, они пошли посмотреть следы медведя. Стало ясно, как шел обратно Ибрашка. Вогул с разбега не смог попасть из следа в след татарина – так широко тот шагал.

Вогул в котелке поджарил икру, и вприкуску с утиными яйцами друзья-попутчики, запивая кипятком, заваренным на листьях, собранными татаринном, перекусили.

– Ты что за листья в кипятком кидал? – спросил в полдень Ибрагима вогул.

– На болотце собрал, когда за яйцами ходил. У меня еще остались, – достав из-за пазухи мешочек и высыпав листочки на ладонь, показал он их вогулу.

– Ты, когда что собираешь, мне показывай. Можно что-либо заварить да не проснуться вовсе. Вот я и думаю, пошто это я за утро раз семь за шалаш до ветра по-легкому сбегал. А ты брусничный лист заварил! Он же ведь до ветра гонный, – и, похлопав друга по плечу, вогул вновь зашел за шалаш. Туда же вскоре прибежал и татарин.

– Давай-ка, Угор, посиди ты около костра, моя теперича очередь отдыхать.

* * *

Архип, присев на корягу, наблюдал за ледоходом. Основной лед уже прошел, и река несла отдельные льдины. Уровень воды медленно начал подниматься, затопляя прибрежную сторону. Вода в мелких водоемах, нагреваясь на солнце, манила рыбу на нерест.

Он отковал Ванюшке маленькую острогу, и шустрый пацан уже натаскал пол-ледника рыбы.

Сидя на берегу, Архип наблюдал, как мальчишка, высунув от азарта язык, караулит очередную щуку.

Подошла Ксения, присела рядом.

– Ты, Архип, не сердчай. Но хочу задать вопрос тебе каверзный.

– Задавай.

– Мож, я баба кривая, коли ты на меня взгляд не ложишь?

– Не в этом дело, Ксения. Дал зарок я, убив Узун Бека за жену и сына своего, цельный год не касаться вашего брата. Но лед прошел, а значит и год тоже.

Архип игриво ущипнул Ксению за место, на котором она сидела. Та же, взвизгнув от неожиданности, глянула на Ванюшку, который, увлекшись ловлей рыбы, ничего вокруг не замечая, замер с поднятой острогой.

Отвесив легкий подзатыльник кузнецу, она, словно молодая девка, смеясь, побежала к избе.

Архип же, усмехнувшись в усы и медленно поднявшись, пошел следом.

Через час в избу ввалился Ванюшка и, поставив на пол корзину с рыбой, подозрительно взглянув на Архипа с Ксенией, сидевших за столом, спросил:

– А чего это вы такие румяные и разомлевшие, будто дрова весь день рубили?

Кузнец подмигнул Ксении, и взрослые дружно рассмеялись...

ГЛАВА 52

ДВОРЕЦ КУЧУМА

— **М**ожет, все-таки готовят поход на нас урусы? Вдруг царь Иван хитрость задумал? Ведь не зря же шептались в монастыре казаки с царским опальным советником Федором Колычевым, ой не зря, – покачав головой, еще раз усомнился Кучум-хан.

– Царь Иван объявил казаков ослушниками за уход с Ливонской войны. Приказано атаманов ловить сих, казни с пытками применять к ним. А станицы и хутора их на Волге да на Дону повелел пожечь. Так что не будет им подмоги от Москвы. А такую маленькую дружину мы и конями князя Пелымского Кихека перетопчем, коли сунутся. Боярин же, по прозвищу Умной, о котором ты, великий хан, сейчас вспомнил, преставился года два назад по воле Аллаха Всемогущего, – поклонившись, молвил Кататай.

– Ну что ж, тогда выступаем к Волге. Отобьем Казань, спустимся к Астрахани и создадим великий Сибирский каганат, – наконец-то решился Кучум.

– Ты будешь править миром, о великий хан! – поклонившись, произнес один из звездочетов.

– Мы загоним русского медведя в его берлогу и будем туда кидать кости, а он станет танцевать для нас на праздниках, – воскликнули еще двое мудрецов.

Лишь один племянник хана Маметкул оставался в раздумьях. Отважный воин молчал. Он знал хитрость и коварство русского

царя, которому сжечь пару деревень на Волге, замучить на дыбах сотни три казаков ради достижения более великой цели было обычным делом.

– А ты что молчишь, мой дорогой племянник? – обратился хан к Маметкулу. – Или не разделяешь наших помыслов?

– Разделяю, великий хан, но считаю, что гарнизоны Чиги Туры и Кашира нельзя трогать. Время нынче беспокойное. Ляхи не могут угрожать нынче Руси, денег нет на поход. Хан Гирей обескровлен. Ливония развалилась на мелкие княжества, так что царь и без казаков там обойдется. На восток смотрит хитрый Иван, на восток.

– Я смею считать, великий хан, – подал голос один из звездочетов, – русский царь знает положение в Османской империи. Двенадцатый султан Мурад Третий, вместо того чтобы управлять империей, предпочитает развлекаться с наложницами. Избавился он от пятерых братьев, обезопасив свой престол, и теперь увяз в грязи и разврате. Каждое назначение решается у него золотом, мздой и подлостью. Царь урусов видит это. Я думаю, что он строит и собирает корабли на Каме для похода на Азов. Тем более казаки девять лет назад уже грабили предместья Азова, взяли много пленных и даже захватили шурина султана.

Кучум медленно проговорил: - Если не выйдем на Казань этой осенью, не видать нам Сибирского ханства от Северного моря до южной Астрахани. С нами пойдут ногайцы, узбеки, вогулы. За нами поднимутся покоренные Московией народы Поволжья и Прикамья. Отобьем Казань, и перестанет Иоанн смотреть на восток. Потеряв свое могущество, потеряет он и Новгород с Тверью, которые уже давно мыслят, как уйти из-под гнета Московии.

Маметкул молчал.

– Я пошлю на Казань сына Алея и тебя, Маметкул. Сам останусь охранять покой моего ханства. А за верность твою и бескорыщность выделю десятую часть добычи.

– Слушаюсь, великий хан, – приложив ладонь к груди, поклонился племянник.

* * *

Вогул опустил весла только тогда, когда челнок уткнулся между небольшими береговыми валунами. На берег, тьякая, выбежали две лайки, но, узнав Угора, завияляли хвостами.

– Все, вставай, Ибрашка, добрались, – толкнул он спящего Ибрагима.

Вытащив на берег лодку, путники, собрав пожитки, двинулись наверх по логу к избе-кузне. Уже практически не темнело, приполярная белая ночь вступила в свои права.

Подойдя к избе, вогул дернул за ручку двери. Дверь в сени оказалась запертой. Он достал нож и, просунув лезвие в щель, отодвинул засов.

Тихонько пройдя в избу, шаман решил напугать спящего на печи Архипа.

– Ам! – прокричал он, схватив за ногу спящего на печке товарища.

– Бам! – раздалось в избе.

Это деревянное ведро-колода прилетело в лоб шутнику. Угор, распластав руки, рухнул на спину.

Татарин, топчась перед крыльцом, услышав шум, ринулся было в дом, но тут же отскочил прочь. На крыльце стояла разъяренная ведьма в белой до пят рубахе, с распущенными волосами, с откованной косой в руках

Не чувствуя ног, он быстро побежал к лодке, как бегал недавно от медвежьих следов.

Собаки ринулись за ним, хватая его за сверкающие пятки.

– Стой, дурень, Архип на охоте! Он наказал, чтобы я вас приветила, коли без него вернетесь, – закричала Ксения вдогонку Ибрагиму.

– Хорош привет, – сидя на полу, трогая растущую шишку на лбу, проворчал вогул. – Ты откуда тут взялась, злая ведьма?

– Ванюшка, сбегай в ледник, набери снега, пусть приложит, – разжигая лучину, улыбаясь, попросила Ксения сына. – Нечего под одеялом руками шастать нехристи всякой.

Вогул поднялся и, показав крестик, висящий вместе с амулетами, гордо заявил:

– Крещеный я теперича, тока никому не сказывай. Вовка я, Володимир, стало быть.

– А как теперича с шаманскими обрядами?

– Отец Иннокентий, который меня крестил, сказал, что одному не мешает. Сам разберешься. И татарин, который ушел на берег, тоже крещеный, – добавил Володимир и, выходя из избы, сказал: – Пойду позову, а то ненароком уплывет. Уж больно ты была на смертушку похожа в рубахе да с косой.

ГЛАВА 53

— Ты, Угорка, гляжу, говорить научился по-нашенски, будто дьякон чешешь! — улыбнувшись, положив огромные руки на столешницу, похвалил друга Архип, — а то все одно у тебя ранее было. Лодка мой, весла мой, я гребу себе домой. Глаз как белка попаду, на охоту я пойду.

— Так сколь мне скитаться по свету-то? Свою родную речь забудешь, а чужую выучишь. Вон, давеча, на стойбище Лорба воша, мужскую силу лечил вогулу, а как новый отросток у рогов оленя называется, запомятовал. И кажу на него пальцем.

— Так это проще пареной репы, Угорка, — улыбнулся Архип, — пантами си отростки называются. Из них снадобья китайские знахари готовят. Когда в полоне был, много рогов оленьих да сайгачьих через нас купцы китайские к себе везли. Большую деньгу за них давали. Потому и промышляли местные охотники сайгаками. Вот и брали на понт, стало быть. А нас, рабов, басурмане диким мяском частенько баловали. Сами-то они до конины да до баранины охочи более.

Архип поднялся и, вытащив из-за иконы тряпицу с рисунком, разложил ее на столе.

— Вот Кашир, Ибрагим. Тут главные ворота. Это первая стена, — водя пальцем, растолковывал он Ибрагиму план крепости, — тута вторая стена, башня с бойницами. Во внутри стан хана. Туды дорога для меня заказана. Оружье — луки да копья. Но каждый воин в

доспехах и кольчуге. Стража на стенах днем и ночью бдит. Парно дежурят на всех башнях. У первых ворот три десятка воинов службу несет. У вторых – два десятка. Вместе полусотня будет. Переключка у них все дежурство. К другим же сторонам крепости трудный доступ, так как обрыв крутой к речке спускается, и сама крепость на мысу стоит высоким.

– Благодарю тебя, Архип. Дюже ценное и полезное дело ты сделал, – пожав руку кузнецу, поблагодарил его Ибрагим, – я далее на Чиги Туру пойду, там еще кое-что разведваю. Родственников своих ногайских кровей разыщу. На службу наймусь к ним, вдруг Кучум рядом будет ненароком.

– Ты что, порешить его задумал? Порезут же на куски! – удивился решительности татарина Архип.

– Отца и братьев моих зарезал Кучум-хан за то, что служили они верно сыну Бекбулата Сейдяку, племяннику хана Сибири Едигера. Я один уцелел и теперь отомстить должен. Вот и найду я своего дядю в Чиги Туре, чтоб ближе быть к хану Кучуму. Дай Аллах Кучуму здоровья, чтоб не заболел ненароком он, не упал с лошади и не зашибся. Говорят, болен он глазами шибко. Стареет. Боюсь, не успею в глаза ему плюнуть, когда смерть его настигнет от кинжала моего. Поэтому, Архип, не задержусь я тут. Отдохну малость да в путь.

– Я тебя до Тобола доставлю, – заверил друга вогул, – а там к купцам пересядешь. Все равно изба занята, на печь не пускают, – потрогав шишку на лбу, пошутил Угор, – вдвоем грести легче, а обратно по течению и один вернусь. – И, взглянув на Ксению, которая расставляла миски на стол, добавил: – Может, и не один. Возьму да две жены куплю в Искере, что я, хуже Архипки, что ли?

Все разом засмеялись и, взявши ложки, принялись хлебать ущицу.

– Нельзя тебе теперича две жены, – вытирая руки о тряпицу, заявила Ксения.

– Это почему же?

– Крещеный ты нынче.

Вогул поперхнулся. Кузнец постучал кулаком ему по спине. Когда Угор наконец-то прокашлялся, то, вздохнув, заявил:

– Обманул меня отец Иннокентий, сказал, что все можно. Сказал, что одно другому не мешает.

И вся компания вновь залилась безудержным смехом.

* * *

Абла́й вызвал к себе в юрту своего тайного советника Нуржана.

– Испей кумыс, дорогой Нуржан. Разговор у меня к тебе есть. Перехватил я голубя с посланием к Валихану от старцев, что живут на Орлиной горе, прозванной в народе Плохой Сопкой. Замыслили они хану Кучуму препоны чинить, – подавая пиалу, продолжал Абла́й, – думаю, без волхвов в степи спокойнее станет.

– Я понял тебя, господин. Но не пойдут на сопку мои слуги, боятся. Туда с оружием ведь нельзя идти.

– Ведуны вновь собираются на заготовки к берегу Исиля. Там шалаш у старцев, и все лето они будут собирать травы и заготавливать рыбу.

Наступило минутное молчание.

Абла́й умел ждать ответа.

– Господин, осенью они на Жаман Тау не вернуться, – поклонившись, подавая Аблаю пустую пиалу, пообещал тайный советник.

ГЛАВА 54

— Что это ты там в сени притащил? – поведя носом, поинтересовался кузнец.

– Я шкуру лосиную приготовил на сбруи. Выделаю ее, нарежу лентами, а ты подсоби мне серебро наклепать на сбруи. Я их в Кашире продам да домой что-нибудь привезу. Не с пустыми же руками плыть туда. Это тебе не пруды царские, чтоб порожними по воде шастать. Здесь Обь-река, без дела по ней не плавают. Соглядатаи у Кучума не дремлют, зараз выявят нас среди путников и купцов.

Вогул набрал из печи золы, расстелил куски шкур на полу, смочил волосяную сторону водицей и высыпал на них золу.

Растерев сырую золу по шерсти, он свернул кусочки шкур трубочкой.

– Дядька Угор, а что это ты тут колядуешь? – стоя за спиной вогула, поинтересовался Ванюшка.

– Шкуру травлю. Завтра вся шерсть слезет, и будет кожа гладкая. Уздечки смастерю из нее.

– Научишь меня уздечки мастерить?

– А пошто не научить? Зрей да запоминай. Коли вождедеешь мне помочь, возьми скрутки, в глину сырую зарой на берегу и накрой чем-нибудь, чтоб собаки не вырыли.

– Я камнями закидаю, в жизнь не отроют! – обрадовался Ванюшка, принимая у вогула свертки.

– Тяжелые они! Куды все сразу-то? – попытался остановить мальчишку Угор.

– Ничего, я жилистый, – похвастался Ванюшка и, пыхтя, понес шкуры на берег.

– Добрый помощник растет у тебя, Архип, – похвалил мальчишка Ибрагим.

– Да, гляжу и не нарадуюсь. Когда меня копьем зимой ранили, совсем руку не мог поднять. Так он везде мне помогал. Дюже способный и хваткий малец, – смотря вослед Ванюшке, согласился Архип и добавил: – книжек выменял у купцов на шкурки, бубнит по ночам за столом с лучиной.

Товарищи вышли из кузни.

– Завтра огород собираюсь на склоне выкорчевывать и пахать. Поможете? – спросил у вогула и татарина кузнец.

– Раз надо, значит надо, – согласились они, – что садить-то будешь?

– Репу да рожь. Более и семян-то нету.

Угор хлопнул себя по лбу ладошкой:

– Вот голова садовая! Совсем запамятовал. Я же тебе тоже привез семян, которые ты давеча заказывал.

– А я в Кашире семена оугороса купил, может на склоне и не померзнут. Вон как там припекает, – взглянул на северный склон лога Архип и, улыбнувшись и кивнув в сторону Ксении, намекнул: – ей к осени соленькие оугоросы как раз пригодятся.

Северный склон, в отличие от южного, уже очистился от снега. На южный склон лучи солнца почти не попадали.

Не думал Архип, что на выкорчевку участка уйдет пять дней. На шестой же, впрягши лошадь, поднял сохой кузнец первую борозду.

* * *

ВОСТОЧНЫЙ КАЗАХСТАН

Исатай остановил коня. Он внимательно осмотрел берег Балхаша. Как предполагал воин, так и вышло. Джунгары, уходя от преследования, были вынуждены перебраться на полуостров Сарыесик. Капкан захлопнулся.

Переправиться через трехкилометровый пролив на другой берег они не могли, оставалось только принять бой. Полтысячи воинов спешили в ожидании прихода пятисот джигитов, которые обходили озеро с севера. Объединившись, они должны напасть на разведчиков монголоидов.

Оказавшись заблокированным на полуострове, Тэмуужин понял свою ошибку. Но он был отважным воином, и принимать неравный бой ему было не впервой.

В этот раз ему было приказано провести разведку до предместий Чиги Туры. Пользуясь неразберихой в стане кочевников, он изучил обстановку, подготовил почву для вторжения, выведаль виды Кучум-хана на бесхозные Ногайские степи.

С наступлением рассвета джунгарин увидел приближающуюся тысячу Исатая.

Лошади шли шагом. Экономя силы перед боем, всадники придерживали их стремление перейти в карьер. Боевые лошади всегда отличаются нравом от остальных. Сливаясь воедино с воином, они понимают команды всадников при малейшем прикосновении колена или обуви. Сражаясь с врагом, всадники нередко наносят своим и чужим животным раны, поэтому узнать боевую лошадь по шрамам и рубцам нетрудно. Вот и у Разимурада, ехавшего плечо к плечу с Исатаем, жеребец был тоже помечен битвами. На лбу и шее виднелись рубцы от сабель. А правое ухо было срублено наполовину.

Многочисленные оводы, поднятые утренним солнцем, роем носились вокруг лошадей. Один из них залетел жеребцу в отрубленное ухо, тот дернулся влево и замотал головой, что и спасло Разимурада. Выпущенная джунгарская стрела вместо груди воина вонзилась в опущенный щит.

– Алга! – рывкнул Исатай и погнал своего коня в карьер.

– Алга! – взревели воины, следуя примеру командира.

Лучники же, спрыгнув с коней, принялись поливать стрелами противника.

ГЛАВА SS

Гостомысл, сидя у костра, рассуждал:
– Валихан отправил воинов на поиски джунгар. Аблай полностью занял сторону Кучум-хана, и, ведая, что Валихан поддерживает сына Бекбулата, Сейдяка, он непременно воспользуется этим случаем. Я постараюсь укрепить свое влияние на степняков. Последнее послание к Валихану не дошло. Голубь пропал. Возможно, почтовая птица погибла в когтях степного беркута, а может быть, и сбита чьей-то стрелой. Ежели казаки побьют Кучума и овладеют Сибирским ханством, то Кучум со своим войском уйдет в Исильские и Вагайские степи. Это понимает Аблай и заранее готовит себе почву. Но Кучум обязательно попытается объединить все племена Исиля и Вагая, уничтожить Сейдяка и его войско. И если ему это ему удастся, то ответный поход хана на казаков будет разрушителен. И тогда не удержать Сибирь русским, сгинут они или уйдут назад за камень, и все старания да жертвы станут напрасны. Один у нас сейчас попутчик – это Сейдяк, племянник Идигер хана. Сейдяк устраивает набеги на людей Кучума внезапно, так же внезапно и исчезает. Не в силах узбеку Кучуму, сыну бухарского хана Муртазы, покорить все народы земли Сибирской. Отвернулись от него степняки и татары. Вогулы перестали ясак добрым мехом платить, все норовят гнилье подсунуть, а добрую пушнину за камень тащат, русским продают. Давно жаждет Кучум северный народец под магометанство подвести, да никак не осилит задуманное. Как

резали идолов, так и режут их рыбоеды. Как поклонялись чучелам самоеды, так и поклоняются.

Из раздумий Гостомысла вывел Никита, который подошел с охапкой травы и разложил ее на мешковине.

– На солнце не клади траву, отрок. А то все силы целебные выгорят, – посоветовал старец, присев подле Никиты, – я стану тебе пояснять, а ты запоминай да связывай в пучки травы.

– Рассказывай, отче. Давно о лечебной мураве поведать хотел.

– Ну, тогда запоминай, – отделяя первый стебелек, начал пестовать Никиту Гостомysl. – Вот это листья мяты, она волнения успокаивает, детишек от крика во сне отучает. А это лист земляники, он соль гонит, когда кости и суставы ноют.

Никита, отбирая листики в пучки и перевязывая нитью, слушал внимательно ведуна, запоминая названия и свойство трав.

– Девясил сия трава называется, – показывая лист, продолжал наставлять ученика старец, – он силу в походе и битве придает. Это крапива, она кровь чистит при ранениях гнойных и жаре сильном. А подорожник раны, язвы и почетуй лечит. Иссоп от одышки шибко подсобляет. Шалфей от зубной хвори помогает.

Никита перевязал пучками все принесенные травы и попросил:

– Расскажи, отче, какие еще ведаешь снадобья? Многому желаю научиться.

– А почто не поведать, слухай. Свекла заменяет кровопускание при потемнении в глазах и гуле в ушах, ковун кушают от болезни почек, морковь – для зрения, рябиной печень пользуют, редька кашель убирает.

Так и сидели они до заката. Старец все сказывал да сказывал про травы лечебные. А Никита слушал.

– Мне три жизни не хватит, чтоб запомнить все, что ты мне за один вечер поведал, – улыбнулся каменотес, укладываясь спать в кустах рядом с шалашом.

Гостомysl усмехнулся и произнес в бороду:

– А тебе и не нужно запоминать. Будет вскоре у тебя малец-помощник, и не нарадуешься ты ему. Но это позже, Никитушка, ждут тебя испытания во славу Руси моей, исковерканной сумасбродцами.

Ведун прикрыл глаза, отблески пламени костра освещали его чело.

И понеслись пред его очами, словно табун диких лошадей, прожитые годы.

Он, князь и старейшина Новгорода, проводит вече.

А вот – скорбит над павшими в битве сыновьями.

Он стар, и с гибелью сыновей заканчивается родовая нить по мужской линии, а с ней и право княжения.

Вновь в памяти вихрем проносятся годы.

Гостомысл зрит старого волхва, который, наставляя, вручает ему шар серебряный:

– Не уйти тебе, княже, в мир отцов и дедов, покуда не сыщешь замену себе.

– Есть у меня замена. Внук мой, Вадим Хоробрый.

– Не примут его волхвы и князья Новгородские на княжение, так как крещен он в веру греческую.

– А Рюрик, сын моей дочери Умилы?

– Будет его род править долго, но тебя, княже, в миру они не заменят. Потому как нарушит слово княжее один из них, и лишится сей род власти, а тебе вновь придется искать замену себе. И до той поры, покуда не наладишь ты власть пращуров наших, истинную и непорочную, быть тебе, Гостомысл, смотрителем земли Словенов и Русов. Будут меняться князья, появляться самозванцы и лжепророки, но все они, придя к власти, отойдут от истины, которая обязует любить народ свой, как дитя боготворимое.

– Так что же мне, отче Веденей, сто веков по свету скитаться?

– Будет надобно – и более по земле ради земли нашей побродишь. В шаре, врученном тебе, сила богов наших. Береги его, это шар жрецов солнца. Его принесли из второго похода в Дравению. Особо его храни от волхва по имени Гаджи, ибо скитается он по свету, и, зная, что внутри шара капельки смолы каменной, кои жизнь продлевают, вожделеет овладеть им. А вот кто убьет меня, может узнать только отрок, коего найти тебе надобно чрез Никиту каменотеса.

Гостомысл дремал у костра.

Под утро от реки нашел туман. Чистый воздух передавал все звуки с особенной четкостью. Вон на реке плеснулась рыбка. Где-то захлопала крыльями проснувшаяся птичка. Вдалеке треснула ветка. Донесся чуть слышный хруст раздавленного грибка-поганки.

Никита вздрогнул. Приподнялся на локте, прислушиваясь. Тихонечко разбудил Гостомысла и старцев, спящих в шалаше:

– Вставайте, отцы непорочные, крадется кто-то. Железо сабельное на опушке брякнуло, конь всхрапнул, удилами звякнул, да ветки хрустнули под ногами не босыми.

* * *

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Ермак, сидя за столом, объявил атаманам и выборным есаулам:

– Значится, братья, уходим в Сибирь на Семен день, как и договаривались. Как колосья поспеют, уберут селяне урожай, и мы с провизией в путь-дорогу двинемся. Повелите своим людям талдычить, что идем разбойным делом на Азов, чтоб сбить с толку кучумовских соглядатаев. А пока струги готовьте, канаты плести казаков своих поставьте. Осенью поднимемся супротив течения по Чусовой для перехода на другую сторону хребта. Дело это зело тайное. Ведает проход меж гор один человек на ту сторону камня. Тут на Каме горы высокие, не протащить челны нам, а восточней же горы ниже будут. Там давно новгородцы пути пронюхали. А еще князь Пелымский Кихек нынешней весною нам шибко помог. Напал он на городки внезапно, будто из-под земли выскочил, да побив его и преследуя, взяли след мы и дошли до незнакомой малой речки, которая не течет на Русь, а бежит в сторону сибирскую. Вогул, что давеча с Семеном приходил, молвил, что Кугуй-ручьем это место называется. Там и зазимует до ледохода. Челноки у нас в основном плоскодонные, и посему по первому снежку до Кугуй-места, как саночки, пойдут. Где лошадьми, а где бурлацкой тягой в Кугуй-городок все челны и перетащим да припасы заготовим. А городок будем ставить для того, чтоб Пелымский князь думал, будто от него собираемся защищаться и для этого крепость закладываем.

* * *

СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН

Из тумана показались три крадущихся пеших воина. Они шепотом стали совещаться, показывая руками своему начальнику виднеющийся в прибрежных кустах шалаш.

– Их нужно резать спящими, тогда они не успеют проявить колдовские чары, – напутствовал Нуржан своих головорезов.

И двое его верных нукеров, подняв копыя, бросились к шалашу. Нанося колющие удары сквозь ветки шалаша, они буквально изрешетили внутреннее пространство жилища волхвов, не оставляя шанса на выживание.

Один из убийц, встав на четвереньки, вполз в шалаш. Второй же нагнулся, чтоб последовать за ним.

И тут же острога Никиты воткнулась ему между лопаток. Громко захрипев, убийца завалился на бок. Каменотес перевернул его, наступил на еще трепещущее в предсмертных судорогах тело ногой и с хрустом выдернул острогу. Обежав шалаш, он ударил в лоб острием пещни первому головорезу, который пытался вылезти с другой стороны шалаша.

Нуржан выхватил саблю, чтобы ринуться на помощь, но внезапно обернулся на чей-то волевой голос:

– Зри на шар и считай! – проговорил откуда-то появившийся за его спиной старец, держащий серебряный шарик на цепочке, который, как маятник, раскачивался перед глазами Нуржана.

– Бир, еке, уч, – поддаваясь гипнозу, безвольно опустив саблю, принялся считать вслух тайный советник Аблая.

– Ты созерцаешь крепость Сузгун?

– Да. Это крепость любимой жены хана Кучума. Я узнаю это место.

– Что ты сейчас зришь?

– Любимая жена великого хана сидит в саду. Благородная Сузге занимается рукоделием.

– Иди к шатру и войди в него.

Нуржан, войдя в шатер, упал на колени.

Перед ним на троне сидел великий хан.

– Здравствуй, мой верный слуга Нуржан. За твою преданность я назначаю тебя начальником охраны этой крепости. Твое жалование будет немереным.

– О! Благодарю тебя, великий! – ткнулся лбом в ковер тайный советник Аблая.

– Скажи, мой верный слуга, кто послал тебя убить волхвов?

– Мой господин Аблай, великий хан! – кланяясь, признался Нуржан.

– Я твой господин! Собака! – пнув по голове сапогом, в гневе вскричал Кучум.

– Ты! Ты! Великий хан! Не вели казнить! – задрожав от страха, взмолился Нуржан.

– Ступай и убей Аблая! Сау бол!

– Слушаюсь и повинуюсь! – выползая задом из шатра, кланяясь, забормотал новый начальник охраны.

* * *

Исатай вернулся домой с победой. Радости Ботагоз не было границ. Достархан в юрте ломился от яств. Были приглашены все уважаемые люди Исильской степи, организованы скачки и игры.

На праздничный той не приехал только Аблай. Его по неизвестным причинам зарезал его тайный советник Нуржан.

Когда убийце учинили допрос, он твердил одно:

– Меня послал великий хан Кучум. Я начальник стражи крепости Сузгун.

Только в последний момент, когда петля аркана, привязанного к седлу его жеребца, затянула ему горло, Нуржан вспомнил старца в белых одеждах. Жеребец от удара плетью поволок его на веревке в степь. И его душа отделилась от тела, которое, подпрыгивая на кочках, тащилось за скачущим жеребцом по земле, поднимая клубы степной пыли.

ГЛАВА 56

— Эко у тебя, отче, получилось с шаром на цепке. Как истукан басурманин стоял. Пал на колени душегуб, да лбом о землю биться принялся, а опосля задом, задом от тебя. Да прыг на коня – и след простыл, – удивился каменотес искусству колдовства Гостомысла.

– Это древнейший способ приковать внимание маятником, подчинить рассудок одного разуму другого. Издавна люди маятником врачевали умы гуманные и изуверские, – пояснил волхв, убирая свой шар под одежды.

– Поведай про это, отче, – попросил Никита.

– Давай-ка мы с тобой пока мертвяками займемся, а как следы в воду сгинут, так вечером и расскажу про силу камня и шара с маятником, – предложил Гостомysl.

Истяслав и Стоян уже сняли одежду с убитых и бросили в костер. Никита, взяв за окоченевшие руки, оттащил одного к берегу. После то же самое проделал с другим.

– Животы вспори, а то всплывут раньше времени. Степняки найдут их и на нас выйдут, – посоветовал Гостомysl.

– А ежели камень на шею? – предложил Никита.

– Всплывут и с камнем, коли газам деваться некуда. Животы, говорю, пори.

Каменотес, брезгливо морщась, исполнил указание старца и ногой столкнул трупы в воду. Мутные воды Исиля навеки поглотили следы происшествия.

– А лошади их? – поинтересовался Никита. – Что с ними делать?

– Стегни плетью, пусть в аул возвращаются. Там не до них уже. Горе в Аблаевом стане, большое горе, – усмехнулся в усы старец.

Вечером у костра Никита попросил Гостомысла поведать историю о маятниковом деле.

Стоян и Истяслав полезли в шалаш спать.

Оставшись вдвоем, учитель с учеником завели у костра разговор.

– Было это во времена давние. Жили на земле люди каменные.

– Почему каменные, отче?

– Средь камней они жили. Так как деревьев еще на земле было мало. А если и был лес, то далече, на высоких горах. Пропитание слало им синее море, по берегу которого они проживали. С земли нашей только что сошла вода. Вот и обжили людишки гряду каменную.

– А доселе, стало быть, и тут море было? – перебил Гостомысла каменотес.

– Было кругом одно море-окиян. И земля под водой лежала. Мать-кит родила трех китят. Токмо были оне уж шибко любознательными чадами да послушниками. Рассерчал на них отец-кит, хлопнул хвостом. В страхе забились отроки непутевые в щели да и застряли под землей. Отец уплыл, а матушка приносила им еды. Стало быть, подкармливала трохи. Вот и росли они. А по мере роста землю нашу и поднимали. Так вода и сошла с суши. Где раньше сошла, там уже лес вырос, где позже, там голый камень еще был. Вот каменные люди и грелись на камнях, которые красное солнышко за день нагревало, а в ночь заползали в расщелины, укрываясь водорослями сушеными. Не счесть, сколь веков прошло. Управляясь с камнем, многому научились эти люди, но особенно приновились проверять честность и непорочность испытуемого. Поэтому не было среди них вражеских соглядатаев, доносчиков, изменников и завистников. Раз в год, завязав глаза платком, проходили они сквозь качающиеся на канатах камни-маятники. И коли человек был непорочный, не замышлял скверное, то под ритм барабанов проходил он сквозь раскачивающиеся на канатах камня, и вреда

они ему не причиняли. А коли помыслом подлый был человек, то не мог он пройти – сбивали его камни.

Гостомысл подкинул хворост в костер, и сноп искр взметнулся в звездное небо.

– Где же теперича эти люди каменные, отче?

– Разошлись они по свету, от алчности и злобы людской уходя. Много тайн унесли они собой, чтоб их знания не попали в черные руки.

– А какие знания у них были, дядько Гостомысл?

– Да всевозможные, Никита, всякие. Вот и тайну обработки камня унесли они с собой. До сей поры люди не ведают, как каменные глыбы они обрабатывали до глади, стены воздвигали, пирамиды и храмы сооружали.

– А ты, отче, ведаешь?

– Что ты, милай! Я тоже легендами жительствоваю. Но многое про тех людей передается из уст в уста волхвами и поныне.

– Сказывай, отче. Все одно всю ночь бдить. А до рассвета далече, – попросил каменотес.

– Жили они, как я уж давеча глаголал, по берегу моря-окияна. Промышляли дарами моря. А чтоб выходить в море, нужны были челны морские. А лес-то добрый токмо в горах высоких рос. Его надобно было к морю доставить. Бревна на доски распустить. Челны построить. И не получалась у них сия затея. Трудно было сквозь заросли да по горам бревна нести. В горах трудно, а ближе к морю еще трудней. Бамбука заросли на сотни верст. Прорубят просеку, а дня два пройдет, глядишь, опять заросла. Вот и решили они корабли свои строить в лесу да волоком к морю тащить. Рассчитали их мудрецы, покумекали и приняли решение дорогу из камня вглубь возвести.

– Как волок с Волги на Дон? – догадался Никита.

– Ну, стало быть, волок и есть. Камень резали способом невиданным. Волна морская крутит колесо мельничное при приливе в одну сторону, при отливе в другую. Вода с песком плоскость зачищает, будто лед на озере. Каменотесы скалу размечают да заготовки ломают. Лихо и складно у них дело выходит. Просверлят дырочки алмазом и колышки сухие вбивают. Поливают водицей, колышки размокают – камень и лопается, да ровно так, как и задумали мастеровые. Опосля на шлифовку к морю. Вот и строили широкий да высокий волок, чтоб челны и струги катить по бамбуковым кольям

к морю. Лес убывал, и приходилось волок постоянно достраивать. А где шла лесная добыча, городища образовывались. Корабли тогда в цене были, за моря продавались другим племенам, у которых леса не было. Богатели каменные люди. По морю в разные стороны ходили, товар меняли, свой предлагали. Другие племена поглядывали на них с вождедением. И все больше и больше становилось племен враждебных. То на волок нападут, то городище сожгут да людей в рабство угонят. С моря тоже начались набеги. Опасно стало дарами моря промышлять. Собрались вожди на совет и решили они увести свои племена в каменный мир. Поклялись вожди, что унесут с собой тайны работы с камнями.

– А какие тайны-то, отче? Теши себе да теши, – пожал плечами каменотес.

– Не скажи, Никитушка. Разве способен сегодня человек глыбу гранитную, весом в сорок быков, переместить с места на место? А они могли! Разве способен нынешний человек резать камень, как масло? А они резали.

Рассветало.

Никита сходил за хворостом. Подбросил его в огонь. Присел вновь и, задумавшись, с любопытством разглядывал свой лапоть, по которому проснувшийся муравей тащил соломинку.

Гостомысл с любовью посмотрел на своего ученика:

– В корень зришь, отрок. В корень. В отрочестве мне сказывали волхвы про племя каменных людей, которое жило по соседству с царством шестиногих. Мураши тогда больших размеров были. Понимали люди и муравьи друг друга, ладили между собой.

Ведь те большими любителями сладкого оказались. А тля, переваривая сок растений, выращенных человеком, давала сахар. Да еще мураши эти личинок шелкопряда и грибочки обожали, добыть которых им было не под силу. Вот и ладили двуногие с шестиногими. Мураши под землей себе строили дворцы и города, а люди – наверху. Даже на войну супротив неприятеля вместе ходили.

– Это как слоны в Индии? – переспросил Никита, аккуратно пересаживая муравья на землю.

– Ну, почитай, так. Только муравьи в пять раз сильнее слонов. Слоны-то что? Он бревно подымает. А муравей больше своего веса ношу тащит. Слюна у них особая и навоз. Песок, как раствором, крепит. Кирпич с того замеса, словно каменный, стает. Ни огонь ему не страшен, ни вода.

– Видал я си дома мурашине на юге, когда в рабстве был, – вспомнил Никита, – термитами их туркменские племена кличут, то есть концом света. Коли заведутся, то всю глиняную хату им сточат насквозь. Чихнет басурманин, а на него потолок и рухнет, – рассмеялся каменотес.

– Ну, пора нам братьев поднимать да почивать самим уже идти, – поднимаясь, изрек старец.

– Так куда же люди каменные делись?

– Да под землю и ушли, в города, мурашами-термитами построенные. Наверху опосля те земли другие племена заняли, а людям досталась от них в наследство только голая кожа, так как тысячу лет человеки кислицей муравьиной мазались, чтобы мураши их за своих принимали, вот весьм волос-то и вышел, – зевнув, ответил Гостомысл, располагаясь на сене в шалаше.

– Это как ребеночка кумысом натирают и кобыла его кормит, ежели у бабы молоко кончилось? – догадавшись, переспросил Никита.

Но старец уже спал богатырским сном.

ГЛАВА 57

Архип, Ксения и Ванюшка стояли на берегу, глядя вослед челноку, в котором уплывали в дальние края татарин с вогулом.

Дождавшись северного ветерка и подняв парус, разведчики уверенно двинулись супротив течения, выбрав левый берег, где оно было не очень сильным.

Великая сибирская река гнала талые воды от Алтая, по пути впитывая в себя ручейки из болот, малые речки и, конечно же, обильные воды Иртыша.

Наверное, произошла историческая ошибка. После слияния двух могучих водных потоков люди поспешили дать название продолжению реки. И справедливости ради в Карское море должен впасть Иртыш. Но, видать, судьба была у Оби счастливее. Ведь слово «об» с фарси – это вода, а воды нынче действительно было много. Иртыш с китайского языка переводится Черная река, а какая же она черная, коль красота такая?!

Солнце теперь практически не садилось. Наступили северные светлые ночи.

Тем и отличается земледелие севера от южных широт. Если на юге период посадки и прогревания пахоты – ранняя весна, то на севере эта пора выпадает на середину лета. Но поздно посеянный будущий урожай успевает созревать за счет увеличенного северного дня. Синтез белка. Наши герои, конечно, не знали этот научный

термин. И понимая, что семя в мерзлую землю бросать нельзя, ждали и проверяли прогрев почвы по старинке.

В один из июньских дней Архип решил проверить дедовским методом, прогрелась ли земля. Сняв портки, уселся на пашню голым задом, раскурил трубку – подарок казаков.

Казаки давно переняли у турецких янычар курение, однако на Руси данная ересь преследовалась и считалась великим грехом. Курильщики били кнутами, могли даже отлучить от церкви при повторном доносе.

Но государь далеко, а Бог высоко.

Выкурив трубку, он убедился, что сидеть ему было не холодно, значит, пора сеять, и кузнец, натянув портки да обстучав трубку о колышек, пошел к лабазу за семенами.

Вечером, как улегся зной, они втроем посадили три гряды репы, рожь и овес. Остальное решили досадить завтра.

Две лайки – Стрелка и Челнок – лежали в траве, наблюдая за работой хозяев. А когда усталые люди ушли отдыхать, они остались охранять огород от непрошенных гостей – двух кедровок. Птички-воровки, прыгая на ветках, дожидались своего часа.

Утром Архип, выйдя из избы, ахнул:

– Вот шельмы!

Все гряды были истоптаны лапами собак, которые ночью, охраняя хозяйское добро, гоняли кедровок по огороду.

– Давай-ка мы плетнем огородим да чучела поставим. Иначе перетопчут все собаки. Они же, кроме оленей, ничего в жизни не видали, вот и ругать их нечего, – заступилась за собак Ксения, увидев, как Архип снимает с крюка вожжи.

Три дня они дружно рубили молодняк для плетня, вкапывали сосновые колышки. Ванюшка же смастерил четыре чучела. Нарядив их в старое тряпье, на руки прикрепил палочки, которые при ветре, качаясь и ударяясь друг о дружку, издавали стук, отпугивающий кедровок и ворон.

– Огород ведь поливать нужно, а от реки в гору не набегаешь-ся, – сидя вечером на крылечке, вздохнула Ксения.

– Завтра поищем. Может, ручей какой под землей идет. Тут слои шамотной глины пластами лежат, а между ними вода к реке живунит. Вот ежели сыщем водицу, то мы и колодец в логу выкопаем, и баньку рядом поставим. А еще глины для кирпича на печь

парную заготовим, что от рытья колодца останется, – заверил глава семейства.

Утром Архипа разбудил визгливый лай собак. Выйдя из избы, он увидел большую бударку у берега и поднимающихся по логу людей в остяцких малицах.

– Жара на дворе, а вы, как бояре, в шубах ходите, – улыбнувшись, пошутил кузнец, признав знакомого остяка, с которым зимой еле ушли от волков.

Но людям было не до шуток. Наперебой кланяясь и выставляя впереди себя корзинки с дарами, они затараторили что-то на своем языке.

Подойдя к знакомому остяку, Архип, обняв его, предложил:

– Проходи, Пайза, гостем будешь. И родичей своих зови. Хочешь, в кузню пойдем, а не хочешь, так юрта Угоркина свободна.

– Пойдем юрта, там хорошо. Там говорить будем, – кивнув, согласился остяк.

Когда расселись в яранге, остяк без предисловий обратился к Архипу:

– Эти люди проделали долгий путь по воде, чтобы задать тебе, белый шаман, вопросы. Остяки знают, что ты можешь громом и молнией убивать людей и зверей. Ты умеешь гнуть железо. И ты один ведаешь, когда вернется белый князь, которого три жизни назад выгнали узбеки и татары. Хан Кучум призывает наших людей идти в войско к нему. Но ежели белый князь – наш родич, мы не дадим ему воинов.

– Вернется ваш белый князь следующей водой, когда пройдет зима и река унесет лед. На знаменьях будет его облик. Тогда вы и узнаете, что это ваш князь вернулся, – подав икону, прихваченную собой из кузни, пояснил Архип.

Остяки, бережно передавая икону друг другу, рассматривали ее, общаясь между собой на финно-угорском наречии. Они верили, что произошли от белого оленя, а значит, и князь их должен быть белым.

– Ты покажешь им чудо, окромя грома и молнии? – поинтересовался Пайза.

– А пошто не показать? Пойдем. Я как раз воду искать на склоне собрался, – согласился Архип.

– Не может на горе вода быть, она наверх не течет, – не поверили приезжие.

– Поживем, познаем, – улыбнулся коваль.

Когда выходили из юрты, хитрый остяк напомнил:

– Ты мне нож обещал, когда от волков отбились. Пайза не забыл.

– Помню, помню. Отковал я его тебе еще зимой, как только рука зажила.

Ванюшка сбегал за двумя ивовыми веточками, срезанными в виде уголков.

Архип взял веточки в вытянутые руки и пошел по ложбине лога. В одном месте веточки, как живые, скрестились друг с дружкой. Ванюшка тут же вбил колышек. Кузнец зашел с противоположной стороны, и вновь выпрямленные веточки, качнувшись, сошлись вовнутрь на том же месте.

– Тут и будем копать.

Остяки, рассевшись на косогоре, недоверчиво поглядывали за работой Архипа, поедая куски отваренной нельмы, принесенной Ксенией на подносе.

Ванюшка, принимая деревянные ведра, наполненные глиной, высыпал шамот в кучу и пустые ведра снова подавал кузнецу.

Архип вылез по бревну наверх.

Он выкопал яму уже выше своего роста. Воды все еще не было. Прилег отдохнуть. Лежа на спине, грызя стебелек травинки, он, закрыв глаза, рассуждал:

– Вроде, как и в пустыне у степняков, все сделал как надо. И лоза показала место. Этих еще, ходоков, принесло на мою голову. Чудо им покажи и шамана белого! Не будет воды – поколочу всех семерых, чтоб, как еноты, домой возвратились с кругами синими под глазами. Вот и будет им чудо!

Разморившись на солнышке, Архип задремал.

Пригрезился ему луг дивный. И по цветам полевым приближается к нему человек в белых одеждах. Пригляделся Архип. Так это ж Никита! Улыбается, видно, рад встрече с другом: «Почто, Архипушка, невесел, почто головушку повесил? Копни вбок в своем колодце по локоть на восход, и пойдет водица. Нельзя отступить, великое дело за нами. Опустись руки – дадут Кучуму воинов остяки, больше врагов будет супротив казаков. Найдешь воду – поверят в белого князя самоеды».

Кузнец очнулся.

Солнце уже сошло к реке.

Остяки собирались в обратную дорогу.

– Давай нож, мы уходим, – потребовал Пайза, присев на корточки около кузнеца.

– Сейчас схожу за ним. Только в колодец спущусь за лопатой и пешней, – пообещал Архип.

Ткнув два раза пешней на восход, он почувствовал, что попал в мокрую глину. В пробойну хлынула струйка воды.

Белый шаман еле успел выкинуть инструмент и подняться по лабазной лестнице. Вода, наступая ему на пятки, мигом наполнила колодец до половины.

Остяки, увидав такое чудо, принялись торопливо кланяться, восторженно заголосив на своем языке.

ГЛАВА 58

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

— Ну-ка, Семен, поведай нам про битву при Молоди. Как там крымчаков наголову вы разбили. Да про хитрости их военные растолкуй атаманам и есаулам, – попросил Иван Кольцов.

Семен хитро прищурился, взял сахарок из миски, повертел его в руках и, бросив в рот, начал рассказ:

– Нелегкая доля выпала воинам. Многие сложили буйные головы. Десять лет назад задумал крымчак Девлет Гирей покорить Московию и объявить себя государем всея Руси, а князя великого, Иоанна, к клятве на верность ему привести, как когда-то было при хане Батые. Но для этого надобно Кремль захватить, который он год назад не смог взять. Тогда отстояли мы Кремль и монастыри под началом воеводы Ивана Бельского. Спалил в тот год Девлет Гирей Москву, набрал полона более десяти тыщ душ и ушел себе восвояси.

– Да как же он засечную линию-то без боя прошел? – удивился Никита Пан.

– Про хитрость татарскую речь и веду. Обманул тогда Гирей царя нашего, прислав гонца с грамотой, что якобы идет он на Русь помочь царю в войне Ливонской. Вот и крался к Москве, пока его хитрость не распознали, а когда разгадали его коварство, то поздно было, – разъяснил Семен и продолжил: – На этот год собрал султан

войско бесчисленное. Двенадцать туменов только своих крымчаков да ногайцев. Османский халиф Селим ему тоже помощь оказал, прислав семь тыщ отборных янычар, которых в Европе, как чумы, боятся. Вот все полчище этой саранчи и двинулось на Русь, да растянулось, как змея, на многие версты. Подойдя к Оке, расплозлось по берегу, чтобы запутать, значит, где переплавляться бродом станут. Но куды оне ни сунутся, а все там наши пушки их сечкой встречают. Осерчал Гирей и послал на прорыв двадцатитысячный отряд вброд через Оку во главе с ногайским ханом Тебердеем Мурзой.

Семен озорно подмигнул и переставил один кусочек сахара через щель в столешнице, обозначающую реку, а другой, поменьше, незаметно положил в рот:

– Ивана Шуйского полк да двести детей боярских погибли под копытами конницы Тебердея Мурзы. Разметали ногайцы заслон. Сам же Гирей переправился западней у речки Протвы и принял бой с полком Никиты Одоевского. Полегли и там тысяча двести воинов русских, но дали время нам засадой стать войску татарскому, – вздохнул Семен и, проглотив следующий кусочек сахара, продолжил: – Воевода опальный, Михайло Воротынский, что был начальником пограничной стражи, приказал своему другу, опричному воеводе Дмитрию Хворостинскому, бить татарский обоз из засад, жечь телеги с порохом, вьючную скотину выбивать, чтоб, дойдя до Москвы, нечем было стрелять Гирею.

А Гирей, опосля переправы через Оку, совсем обнаглел. Двинулся он к Москве без опаски. Растянулась его рать аж на пятнадцать верст. Совсем нюх потеряли татары, даже про охранение походное забыли.

Семен разложил в ряд кусков девять сахара, изображая обоз. Но его рассказ неожиданно прервал Ермак. Выставив на стол миску с кедровым орехом, он предложил:

– Показывай на орехе, а то ты так весь сахар у меня сожрешь.

– Жалко что ли? – ухмыльнулся Семен, смекнув, что его разоблачили.

– Не жалко, а убывает, – собирая сахар в миску, рассмеялся Иван Кольцов и добавил: – показывай на орехах, плут сладкоежкин.

– Сели мы в засаду. Идут мимо татары на Москву лентой нескончаемой, как тараканы после пожара до другой хаты. Растянулись они от речки Пахры до села Молоди. Мы уж и выспаться успели, покуда обоз появился. Волы и быки арбы тащат, на

которых бочонки с порохом да ядрами, рогожею укрытые, лежат. Пушек штук двести на возах. Два василикса стенобитных упряжка из шести быков тянет.

Изготовились мы, да как пальнем разом с пищалей и пушек. Ибрашка со своими татарами стрелами зажженными засыпали обоз. Тут и началось. Порох рвется, волны орут, крымчаки в панике мечутся. Рабы в разные стороны ринулись. А мы поливаем этот кишмиш гаремский из пищалей, – грохнув по столу кулаком и собрав со столешницы рассыпавшиеся орешки в ладошку, положил их в карман своих шароваров Степан, – а как султан понял, что остался без пороха и не взять ему без пушек Москву белокаменную, так совсем озверел. Развернул он все свое войско поганое на нашу засаду. Мы только и успели уйти за два холма. Тама-ка и окружили нас Гирея всадники. Вот это холм, – перевернув миску из-под орешков и ткнув в нее пальцем, пояснил Семен, – а вокруг крымчаки, – рассыпал по столу оставшиеся орехи казак, – токмо вот не учли одно нехристи. Гуляй – город успели мы возвести. Поставили бревенчатые щиты к телегам и встали за ними. В чистом поле раздавили бы они нас, как клопов. А за укрытием – не тут-то было. Пищали у нас новые, запалы кремневые, пушки для боя сечкой заряжены. Ну и вот, как дали мы по коннице этим дробом, так первые двести конников в дырки от бубликов и превратились. Далее стрельцы, высунувшись из-за бревен, да вторую атаку отбили. Ринулись крымчаки вновь, а их ждал второй залп стрельцов, которые к бойницам подошли опосля первых. Далее третьи стрельцы у бойниц поменялись. А опосля казаки вновь залп дали.

– А пушки-то почему не били? – спросил атамана Никита Пан.

– Так пушкам остыть треба. Пока не прогорят искры и остатки в стволе, нельзя заряжать вновь. Спешка, Никита, нужна только при ловле блох да при поносе. А тут дело пушкарное. Разорвет всех, кто рядом стоит.

– Нам всем учесть это тоже нужно при походе за камень. У нас пушки и пищали с Нарвы доставлены, английские, многих ратников обучать нужно, прежде чем доверить им орудие, – рассудил Ермак.

Иван Кольцов, подперев голову кулаком, хитро улыбнувшись, вставил свое слово:

– За что ты и люб мне, Ермолай Тимофеич, так за смекалку твою и познания. Недаром тебя Ермаком кличут, то бишь котлом чугунным. Варит у тебя котелок, ой как варит!

– Сам ты Кольцо – дырявое ухо, – беззлобно парировал атаман и пояснил: – Не за ум прозвали меня котлом чугунным – ермаком, а за то, что выдержал я однажды удар палицей, шапка казачья удар притупила. Я потом, осерчав, этого шляхича до седла разрубил. Он так на две половинки и развалился. Тогда атаманы и пошутили, что голова у меня, как котел, чугунная. Так и прилипла кличка.

Сидящие за столом атаманы и есаулы громко рассмеялись.

Когда смех утих, Семен продолжил:

– Татары прут и прут. Ужо и наших много от стрел их погибло да ранено. Поглядел Гирей, что не может конница его к стенам Гуляй-города подойти из-за множества трупов лошадей и татар. Тогда послал он на приступ пеших янычар. Хан давно мог бы, забросав горящими стрелами, устроить пожар и разнести нашу крепость в щепки, так как бочонки с порохом кругом стояли. Но не мы ему были нужны, а наши припасы огненные. Не в Крым же ему посылать обоз за зельем этим.

Потерял Гирей и Тебердея Мурзу, его подстрелили в одной из конных атак. Янычар мы отбили. А ночью пришел к нам на подмогу атаман Черкашенин.

Но прорвались утром янычары за укрепления. Как саранча в плохой год, лезли они по трупам своих сородичей. Завязалась драка внутри. И Гирей бросил всех на крепость, радуясь победе. Но Михайло Михайлович хитер был и засадным полком ударил им в спину. Побежали татары до Оки. Ох и нарубался я тогда, две недели сабельку не мог держать в руке, до того ладонь набил мозолью и в кровь разодрал, – завершая рассказ, Семен показал ладонь с зарубцевавшимися шрамами. – Гирей домой убег, и от ста двадцати тыщ всего десять с ним в Крым вернулось. Михайло Воротынский героем народным стал, в честь его все церкви молебны отслужили. А через год вновь в опалу попал по доносу завистников.

Атаман Никита Пан встал, разжег новую лучину.

– Да уж и не нужна она, лучина-то, рассвет на дворе. Пошли по хатам, братья. Выходим через два дня, отдохнуть надо, – предложил Ермак.

ГЛАВА 59

СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН

Никита кисточкой аккуратно отмыл в речной воде табличку. Разглядывая ее на солнце, рассмотрел очертания воинов, которые вели битву с черепахами.

Подойдя к Гостомыслу, показал ее и спросил:

– Дивная таблица. Неуж люди когда-то с черепахами биться могли?

Волхв, аккуратно взяв глиняную фреску, пояснил:

– Александр Великий ведет битву с черепашьюм племенем. Аллегорично это, отрок. То бишь иносказательно. Но суть в том, что дыма без огня не бывает. Жрецы древние их резали, дабы славу его увековечить. Показывая, что победа над персами и другими народами великое значение имела для рода человеческого. Такое же великое, как в древности противостояние живородящих с яйцекладущими, выживание рода человеческого в том диком мире.

– А разве было такое, отче?

Гостомысл, поставив котелок с водой на угли для ухи, продолжил:

– Было это в давние, давние времена, когда поднятая суша земли только зарождалась. Киты – те, которые нашу землю держат, живородные и молоком своим деток вскармливающие. Вот и надобно было отстоять сию сушу, на которую подались твари

яйцекладущие. Боги, создав человека, послали его на землю. Но трудно пришлось роду людскому, поскольку земля кишела тварями. Особо донимали огромные черепахи, которые каждое лето выползали из морских вод тьмою на берег, клали яйца, уничтожали посевы и нападали даже на людей. Вот и получалось, что в термитных домах, брошенных мурашами, да на каменных стенах – волоках – только и можно было укрыться от напасти такой. В заросли же горные тоже не сунешься, там ящеры да аспиды кишат. Но нашли способ каменные люди, как прожить в том страшном мире. Обратились жрецы и волхвы к богам. И сказали боги:

– Как сойдут в море после кладки чудовища, выкапывайте яйца и бейте их. А вылупившихся не успевши побить, ждите через две луны обратно. Приплывут они на кормежку, малые, только что народившиеся, на берег. Они-то и есть самые опасные, голодные, не то что взрослые особи. Тут и битву с ними чините. Мясо их, в морской воде вымоченное, впрок сушите. Скорлупу мельчите на пыль для строительных плит. А содержимым яиц мурашей потчуйте. Те же вам сляну да навоз отдадут для замеса. Вот и получатся прочные плиты, с камнем равные.

Старец, увидав, что вода в котелке закипела, спустил в нее рыбу. Достав из котомки щепотку соли, подсолил. Взбитую в миске икру медленно вылил туда же и, помешав варево, продолжил:

– Говорят, что даже приручил человек черепах, как лошадей и коров, чтоб пользу приносили.

– Какую пользу могут принести эти твари, отче? – спросил, усмехнувшись, Никита.

– Хоть тяговую. Прицепят на веревках камень точеный, да и тащит ее черепаха к месту строительства, только корыто с сеном успевай передвигать у нее перед носом. У нас и таблички с рисунками где-то были такие. Но жили рядом и твари летающие, и ползающие по земле. Победил их род человеческий. А вот себя победить не смог. Разделились народы на царства. И каждый правитель норовил побить другого царя да завладеть землей и добром его. И только каменные люди жили в мире и согласии.

Когда же они под землю уходить стали, многие из мастеров славных, которые пожелали остаться на земле, подались в разные стороны, унося с собою тайну камнеукладывания. Встречали их фараоны и цари с радостью. Умельцев, возводящих пирамиды да храмы, ставили порфиноносцы на опричное кормление. А тех, кто

им пищу нес, от налогов и податей освобождали. Хоронили с почетом у подножья пирамид, ими воздвигнутых. Такое рабам тогда не позволялось. Каждый день пригоняли крестьяне две дюжины быков да четыре дюжины овец, дабы прокормить армаду строителей, чтоб ни в чем они не нуждались. Строились пирамиды по образу термитника: с продувными коридорами, оконцами, водотоками да тайными комнатами, чтоб и в зной прохладно было, и в стужу тепло, а врага встретить ловушками да лабиринтами. Но велика подлость мира сего. Из вольных людей превратились они в рабов бесправных. Волхвов же жрецы местные изводить стали. Обратились оставшиеся к богам и услышали их повеление:

“Через восемь лун поссорятся два ветра, не поделив море, и в гнев погонят воды в разные стороны. Идите туда и пройдите на другую сторону земли, а как коснутся той тропы копыта конницы фараоновой, посланной в погоню, так ветра и перестанут делить море, потому что бесполезная затея – дуть на воду”.

Вот и ушли последние зодчие каменного дела, унеся тайну свою на другую сторону земли. Память же о давней жизни хранят волхвы до сих пор. А когда Александр Великий покорил половину варварского мира, изготовили они фрески с изображением битвы Александра Великого с черепахами, с трехногими драконами, с летающими химерами и с дикими людьми – людоедами, чтобы возвеличить подвиги его. По четыре таблички в разные концы света разнесли. Каждая такая табличка огромных денег стоит. Продав ее, можно два тумена наемников пять лет содержать. Поэтому люди алчные по свету рыщут в поиске их. Ведунов, хранящих наследие предков, под нож изводят, а чтоб скрыть черные деяние свои, обвиняют нас в ереси. Вот почему мы в степи кыргызской и обитаем – весьма разорили бы бояре да князья наш клад.

Волхв подал миску Никите:

– Отведай, отрок, пока не остыла ущица.

– А почему степняки рыбу не кушают? – спросил каменотес, отхлебнув варево.

– Так у них ложек нет, – пошутил Гостомысл, слегка стукнув по лбу ложкой своего ученика.

* * *

Иван Кольцо, лежа на печи, шептался с Никитой Паном:

– Если одолеем Кучума, объявим царство самостийное. Будем жить по нашим законам вольным. Пошлем послов к государю с подарками и грамотой о мире и соседстве.

– И встретят послов твоих кнутами царскими. Сдерут шкуру, а дары поделят меж боярами, – усмехнулся Никита Пан.

– Не посмеют на посла другого государства руку поднять. Я сам с обозом пойду.

– Ты сначала Кучума одолей, вольнодумец, впереди обоза забегаешь.

– И одолею. Вот уж и до истока речки добрались, до последней деревни русской. Ледостава дождемся, и по ледку да снежку наши челны до Кугуй-реки через камни перетащим, ровно как сачки на масленице.

– Твоими устами да мед хлебать. Все-то у тебя, Иван, гладко получается. И царство зачнешь, и Кучума одолеешь, и вольницу казацкую создашь в Сибири. Смотри, чтоб губа не треснула. Спать давай, скоро петухи запоют, – укрываясь тулупом и отворачиваясь от товарища, пробурчал Пан.

– И царство вольное создам, и к царю послом поеду, – не унился Кольцо, но в ответ раздался богатырский храп Никиты.

* * *

К осени Архип, наняв в помощники двух остяков, поставил баню.

Угор сдержал свое слово и вернулся к первому снегопаду с женой, которую выменял в Искере у богатого вогула за седло и уздечку. Женщина была его возраста, с ребенком – с шестилетней девочкой.

– Ванька, я тебе забаву привез, – крикнул вогул из лодки, разглядев на берегу удившего рыбу мальчика.

– Пошто тетка на греблях, а не ты?

– А я что, виноват? Коли она на тумране играть не умеет, – ответил Угор и, вставив в рот губо-язычный инструмент, купленный на базаре, ударил пальцем по медному билу.

– Бяуу, бяуу, бяуу, – зазвучала заунывная мелодия.

Ванюшка помог затащить лодку на берег. Подал руку женщине, потом помог сойти на берег девочке.

– Айда наверх, качелю покажу около избы, – предложил он.

– Айша, – согласилась девочка.

Подбежав к избе, дети остановились около смастеренной качели.

– Садись, качну тебя, – предложил Ванюшка.

– Айша, – согласилась девочка, садясь на дощечку.

– Что? Нравится? – раскачав новую подружку, спросил мальчик.

– Айша.

– Э, да ты по-нашенски не хрюкаешь! – догадался Ванюшка.

– Айша, – громко рассмеявшись, повторила девочка.

– Имя у нее Айша, мальчик. А меня тетя Рамиля звать, – погладив Ванюшку по косматым волосам, пояснила женщина, приехавшая с вогулом.

Архип с Угором перенесли вещи из лодки.

– Холодает уже. С рассветом иней выпадет. Скоро река встанет. Давай-ка избу строить, покуда помощники не ушли к себе на стойбище. Они в твоём чуме живут, – предложил Архип.

– А успеем? – недоверчиво спросил вогул.

– Успеем. Бревна есть, скатаем за пять ден. Для печи кирпичи мы с Ванюшкой еще летом обожгли. Коли нужно, еще помощников покличем. Эти двое за десять наконечников для стрел вона какой сруб скатали, – рассмеялся кузнец, показывая на новенькую баню, и добавил: – да и жить нам эту зиму придется, как я гляжу, по-хански: бабий дом, мужицкий дом. Ксения рожать собралась к ледоставу. Им на зиму новая изба и пригодится, а мы уж с тобой да с Ванюшкой и в кузне перезимуем, – Архип дружески хлопнул Угора ладонью по спине.

– Девочка у вас народится, – взглянув на прошедшую мимо Ксению, заявил вогул.

– С чего это ты взял? – удивился кузнец.

– Когда мальчика носят, лица у баб сухие, носы как сучки острые, ну, вроде пня елового. А она, наоборот, румяная, круглощечкая. Точно кызымка⁴¹ родится, – уверенно заявил шаман.

⁴¹ Кызымка – девочка.

ГЛАВА 60

МОСКВА

Находившиеся в царской палате бояре потупили головы. Послы Кучум-хана, не выпрямляясь, задом поползли к дверям.

Иоанн рвал и метал. Он, вскочив с трона и не обращая внимания на жуткую боль в ногах, раз пять прошелся по палате, трясушимися руками вбивая в пол посох.

– Разбой устраивать, сучьи дети! Супротив моего соизволения идтить! Задирать и баловать за мою спиною? Как курам, головы порублю! Шкуру спущу с этого выводка казачьего! А у Строгановых все привилегии и жалования, ранее даденные мной, отниму! Вона что послы татарские мне принесли! Не оне виновные в набегах вогуличей на грады наши! А казаки задиром своим накликали сию беду! А хан Сибири дружбу желает с нами водить да дары шлет! Меха только три тысячи штук передал! – тыча в лица думных бояр ханской грамотой, кричал в гневе государь.

Государь тяжело опустился на престол из красного дерева.

Немного помолчав и глянув на татарских послов, скорчившихся у входа, Иоанн промолвил:

– Ждите, отпишу я Строгановым, сами и завезете. А второй список с сей грамоты себе оставите, дабы не было у меня тайн от любезного Кучума!

Государь Всея Руси, махнув рукой князьям и боярам, дал знать, что они свободны.

– Писца ко мне призовите из тайного приказа, и немедля! – устало распорядился правитель, разминая в коленях больные ноги.

Вот уж который год кряду изводили заморские лекари со света белого великого князя, растирая ртутью его конечности. Боль после проведенных процедур, конечно же, притуплялась, и государь верил, что лечение идет на пользу. Он гнал прочь от себя народных целителей и ведунов, обвиняя последних в ереси. Гнал прочь тех, кто действительно всем сердцем желали Ивану здоровья. Здоровье государя таяло, но умом он был еще здрав.

Писцу он сказал:

– Записывать станешь, сломай перо на третьей букве, Феофанушка!

Писец понял, что послание к Строгановым носит тайный характер. Мудрый Государь всея Руси повелевал казакам продолжать задуманное им самим великое дело. На карте лежало огромное Сибирское ханство и не только.

Великий государь своими ослабленными от бессонных ночей глазами зрел в будущее, видя просторы Руси, распростертые до вод океана восточного.

– Зови послов басурманских! Пусть присутствуют при писании грамоты опальной! – приказал Иоанн.

Феофан, пригласив послов, уселся рядом с царем, приготовив чернила и перья. Татары, низко кланяясь, вошли в палату.

– Пиши! – принялся диктовать самодержец.

Феофан начал писать и как бы нечаянно сломал перо на третьей букве. Нагнувшись за вторым, почувствовал сильный тычок царским посохом меж лопаток.

– Эко ты неловок, дьяк! Государеву грамоту пишешь, а кляксы ставишь!

– Заменяю лист немедля, государь, не вели казнить, вели миловать!

– Да пиши уж далее, не великие людишки эти Строгановы, чтоб на них изводить пергамент великокняжий, – вдруг подобрел Иоанн.

Посол Кутатай, склонившись, ужаснулся.

«В кучумовском дворце писарю немедля отрубили бы руку. Видать, правду говорят: добр и милостив государь на Руси», – подумал ханский разведчик, не разгадав подвоха.

* * *

ВЛАДЕНИЯ СТРОГАНОВЫХ. ПЕРМСКИЙ КРАЙ

На дворе раздался звон удил, ржание и храп лошадей. Послышались голоса.

– Хозяин дома? Что гостей дорогих на крыльцо не выходит встречать? Чарки не подаст? Каравай не поднесет? Может, захворал он?

Максим и Никита Строгановы сидели в горнице, понуриив головы.

Заехавшие две недели назад кучумовские послы, насмехаясь, передали им опальную грамоту от государя. Отказавшись отобеждать, тем самым унизив братьев, двинулись в сопровождении сотни нукеров домой, в Сибирское ханство.

Прочитав грамоту государя, Строгановы впали в отчаянье.

Атаман Ермак, приехавший по просьбе братьев из Кугуй-городка, прошел в сени, отряхнул шубу и шапку от снега, зашел в избу и, сняв головной убор, трижды перекрестился.

За ним зашли Иван Кольцо и Никита Пан.

– Ну, и что невеселы? К чему печаль такая? – присаживаясь на лавку за стол, поинтересовался Ермак.

– Отзывай свое войско и уходи на Волгу. Опала на нас царская нагрязнула. В измене мы обвиняемся, а все за то, что призвали вас, казаков, на службу к себе отцы наши. Не ждать милости от государя теперича, – вздохнул Максим, подавая грамоту.

– Ну-ка, Никита, почитай, что там государь пишет, – попросил Ермак.

Никита пододвинул лучину, медленно стал разбирать Феофановскую вязь:

– «...послали вы из острогов своих волжских атаманов и казаков Ермака с товарищи воевать вотяки, и вогуличей, и пелымския, и сибирския места сентября в один день, а в тот же день пелымский князь с сибирскими людьми и вогуличи приходил войной на наши Пермския места, и к городу Чердыни к острогу приступал, и

наших людей побили, и многие убытки нашим людям причинили, и то сделалось вашею изменою: вы вогуличей, и вотяков, и пелымцов от нашего жалования отвели, и их задирали, и войной на них приходили, да тем задором с сибирским султаном ссорили нас, а волжских атаманов к себе призвав, воров наняли к себе в остроги без нашего указа, а те атаманы и казаки преж того ссорили нас нагайскою ордою, послов нагайских на Волге на перевозах побивали, и ардобазарцов грабили и побивали, и нашим людям многие грабежи и убытки чинили; и им было вины свои покрыты тем, что было нашу Пермскую землю оберегать, и они сделали с вами вместе потому ж, как на Волге чинили и воровали, в который день в Перми, к Чердыни приходили Вогуличи сентября в один день, а в тот же день от тебя из острогов Ермака с товарищи пошли воевать вогуличи, а в Перми ничем не пособили, и то все осталось вашим воровством и изменою»⁴².

– Ну как вам, дружи, государева воля? – вздохнул Максим, сворачивая грамоту.

– Дай сюды, – вырвал у него свиток Ермак и, развернув на столешнице, принялся пальцем водить по первым строкам: – Разговор я вспомнил в святой обители с покойным ныне боярином по прозвищу Умой. Третья буква порчена. Грамота для Кучума писана, а не для нас. Ох, и хитер государь наш Иоанн Васильевич! Ой, да мудр! Давай за нашего благодетеля, да помазанника божия, тащи из сусеков браги! – хлопнул кулачищем по столу Ермак.

Братьев Строгановых как подменили. По горничной забежали девки. На стол начали подавать яства невиданные.

– Струги и кочи уже на той стороне, при ледоходе двинемся в сторону Сибири. Показывайте сию грамоту всем. Изъясняйтесь с теми, кто нами будет интересоваться, якобы по указу государя прогнали вы нас на Волгу, – попросил братьев Ермак, жадно отхлебнул из ковша браги и передал Ивану.

– Ох, и ядрена! – крикнув и отхлебнув, подал свой ковш Кольцо Никите Пану.

– Так на березовом соке настояна! – похвалился Максим Строганов.

⁴² Особо благодарен Владимиру Рысинову, который на сайте proza.ru предоставил в современном печатном виде текст опальной грамоты в своем произведении «Анти-Ермак. Сибирская апассионата».

* * *

СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН

Гостомысл вошел в пещеру с облаком пара и, бросив к очагу четыре тушки куропаток, грея замершие руки у огня, сказал:

– Ох, и студена ныне зима, куропатки на лету мерзнут. Четыре подобрал на тропе.

– Хитер ты, отче, знамо, как собираешь их. Крынка у тебя греческая, узкогорлая. В нее кипяток льешь и пробкой затыкаешь. Потом в снегу лунки ею оставляешь ледяные да кидаешь туды шиповника семя. Вот они и лезут головой, а крылышки распусть не могут от тесноты, так и остывают кверху лапками. И коли лиса али корсак не найдет ранее тебя твоих на лету замерзших птичек, то будем мы с шурпою ныне, – рассмеялся Никита и, взяв тушку, принялся щипать ее.

– Погодь, братец Вторак, пусть отойдут от мороза, – предложил подошедший к Никите Стоян.

– Да не лень мне, отче. Пока я крылышки ощиплю, тушки и отойдут, – пожав плечами, ответил Никита Стояну.

Старец, подсев рядом и взяв другую куропатку, принялся помогать каменотесу.

– А знаешь ли ты, братец, что человеку лениться сами боги повелели?

– Да как же так? Все боги, наоборот, труду учат.

– Тогда слухай сказку таку. Жил среди богов молодой бог Неосил. Лень даже чесаться ему было. Не праздновали его остальные. Трудились все, окромя его. А он токо лежал себе на солнышке.

Надоел всем лежебока. Отправили его на землю, присмотреть за людьми. Лежит себе лентяй, наблюдает, как люди на деревья лазют за плодами.

«И не лень вам за каждым плодом лазить? Потрясли бы дерево, да и все, – зевнув, предложил Неосил, – а что не упадет, то палкой сбейте».

Послушались люди, взяли палки в руки, давай себе сбивать да трясти деревья. Проснулся Неосил, а перед ним в дар за подсказку плодов разных наложено.

В другой раз увидел Неосил уставшего охотника, который бежал весь день за зайцем и не догнал его.

«Тебе не лень бегать за зайцем? Хижину самому ночью охранять? Приручи собаку, пусть за тебя она все делает».

Вот так и приручил собаку человек, – откладывая на дощечку ошипанную куропатку, продолжал Стоян. – Приручил человек и лошадь землю пахать – лень стало ему бегать да в орало самому впрягаться. Но ее кормить же нужно, руками лень траву рвать – придумал он косу.

Лень стало ловить руками рыбу – придумал невод. А после и мельницу изобрел, чтоб жернова не крутить самому. Поблагодарили боги Неосила за то, что через лень свою он человека думать научил, и более на него не обижались, – закончил рассказ Стоян.

– Вот бы придумать такое, чтоб щипать перо легче было, – мечтательно произнес Никита.

– А ты в кипяток тушку макни, легче будет перо драть, – рассмеялся Гостомысл, – в каждом из нас ученики Неосила живут, потому и придумываем с лени всячину всякую, чтоб самому не трудиться. А коли не придумает человек, то плачет, вспоминая бога: «Не осилю я, не осилю!», и радуется Неосил работе своей.

ГЛАВА 61

ЮЖНЫЙ УРАЛ

Весеннее солнце прогрело землю на перевале Сим. Войску, разбившему тут лагерь для отдыха, осталось только спуститься в долину к речке Аша, переправиться через реку Офэ, и южный путь на Казань для них был бы открыт.

Развалившись на подушках, старший сын Кучума, царевич Алей, отдыхал. Он уже представлял себя наследным правителем Казанского и Астраханского ханств, ханом Сибири, а в дальнейшем – и правителем восстановленного Булгарского каганата. Никто не помешает планам его отца. Никто.

Сам великий султан Османский признает Кучума правителем Поволжья и Сибири. Отец с Алеем вернут земли Золотой Орды.

Маметкул, растолкав охрану, буквально влетел в походную юрту Алея. Тяжело дыша, он выпалил:

– Поднимайся, достопочтенный царевич Алей. Урусы идут!

Сын хана Сибири недовольно поморщился от дерзости дяди:

– Ты что, Маметкул? Урусов никогда не видел? Иди, я не звал тебя!

– Они не здесь. Урусы плывут на ладьях по реке Туре с севера. Они перетаскивали челны через камень. Много челнов. Чига Тура в опасности. А при ее падении дорога на Искер будет открыта!

– Иди, – раздраженно вскрикнул Алей писклявым юношеским голосом. – Когда я приму решение, то позову тебя!

Маметкул в бессильной злобе на надменного венценосного мальчишку выскочил из юрты. Не касаясь стремени, он влетел в седло и, стегнув камчой коня, помчался вдоль лагеря:

– Один – щенок молодой! А другой – дурень слепой и старый! – стегая коня, кричал Маметкул, – сказывал я вам, что не на Азов казаки собираются! Булгарский каганат захотели?! Сибирь потеряете, глупцы!

Проскакав версты три, он остановил взмыленного коня. Посидел молча в седле, успокоился и, развернув скакуна, пустил его обратно шагом.

Может, придремал Маметкул, а может, сознание чуть помутилось от перенапряжения. Но увидел он старца, сидевшего на пеньке.

– Здравствуй, храбрый воин Маметкул, – обратился волхв к нему, поднимаясь с пня.

– Здравствуй, старый человек. Откуда знаешь меня?

– Слава о твоих подвигах по свету впереди тебя идет.

– Ты хотел мне что-то сообщить, аксакал?

– Хотел сказать тебе, что ждет тебя служба у государя Иоанна, почет и уважение. А дядю твоего – слепота, нищета и расправа родичей его.

– Уйди прочь, собака! – вскричал всадник, замахнувшись камчой.

Но старик исчез, будто растворился в вечернем воздухе.

Конь же, увидав плеть, рванул так, что Маметкул едва удержался в седле.

– Сопливый мальчишка командует батыром! – услышал он за спиной ехидный хохот старца.

Утром, не заходя в юрту царевича, Маметкул поднял и повел передовые конные отряды навстречу урусам, нарушившим все планы его дяди.

Встречные гонцы докладывали Маметкулу новости о продвижении казаков.

– На берег выходят редко. А ежели и выйдут, сразу рвы копают и частокол сооружают. Челны под высокий берег ставят. Никак не подобраться к ним. Большой урон чинят пальбой из пушек и пищалей, – читал, не слезая с коня, послания своих военных начальников Маметкул, устремившись на помощь заслонам и отрядам.

Племянник хана не был вовсе отсталым степняком. Бывал он и в Бухаре, и в Польше. А про Русь и говорить не стоит, почитай, раз в три года хаживал, уму-разуму набирался, пушкарное и огненное дело постигал. Владел Маметкул языками многими. Знал тактику сражения стрельцов и ополченцев. Встречался в стычках и с вольными людьми, зовущими себя на татарский лад – казаками. Отличались они лихостью и стойкостью. Рубились до последнего. В плен их не брали, потому что после битвы брать было некого.

* * *

Баня дышала жаром.

– Куды на пол, ну-ка давай назад на полку! – крикнул на вогула Архип, зачерпывая второй ковш, чтоб плеснуть на каменья.

– Не могу я терпеть ад такой! – взмолился Угорка, сидя на корточках у входной двери.

– Залазь, залазь, я тебя сейчас веничками березовыми попотчую, – приказал кузнец, размахивая вениками.

Вогул нехотя полез на полок.

Архип, не касаясь спины товарища, раз семь прошелся двумя вениками от головы до пят. Шаман, закрыв глаза и дыша как загнанный енок, лежа на животе, терпел причуды друга. Уже более полугода ходил он мыться с этим русским великаном, а все привыкнуть не мог к жару бани.

– Парить тожа умеючи надобно. С дури-то палец в носу сломать можно. А тут легкость нужна, чтоб усталость и хворь вытянуло, да силы березовый дух придал, – смочив веники в шайке с холодной водой, пояснил кузнец, – ну-ка ноги загни в коленях, я по ступням пройдуся.

– Ты чаще мочи, ирод! Когда веники холодные, лучше париться! – взмолился вогул.

– Можя тебе еще льда на задницу не принести?

– Да лучше уж в прорубь головой.

– Вот поддам, и к проруби сбегает, – пообещал банщик.

Архип, набрав разбавленного кваса в ковш, плеснул на каменья.

– Э, э, куды раком пятишься? Терпи, казак – атаманом станешь! – придавил он к полоку своей огромной лапищей друга.

– Душой и телом чист будь, так и в Писании сказано, – прилаживая веники двумя руками вдоль спины, приговаривал кузнец, – вспомни, лыцарь в рабстве с нами был, что фехтованию учил сынов Узун Бековских. Так он совсем мыться не любил. Бывало, сидит, воняет в саманной избе нашей да блох ловит. Пока по лбу от меня не получит, так и не пойдет купаться. Они, лыцари, говорят, два раза моются. Когда родятся, и когда их хоронят. А я на печи с тобой сплю, не хочу твоих баранов давить по ночам, – шлепая по спине Угора вениками, рассмеялся Архип.

Но Угору уже было не до смеха. И он пошел на хитрость.

– Да поддай ты сильнее! Замерзнешь с тобой!

– Сказано, сделано! – согласился его товарищ и повернулся к кадке с водой.

Дверь хлопнула, и мимо шедшей с квасом Ксении пробежал дымящийся голый вогул.

– Ты пошто нагишом? Дети ж тут!

– С дурнем твоим без шкуры останешься, – огрызнулся беззлобно Угор, падая в снег.

– Я квас студень поставила в предбаннике, – крикнула она через дверь мужу.

– Ксюш, заходи! Попарю! – откликнулся кузнец.

– Нельзя мне, Архипушка, молоко скиснет. Я уж потом, когда жар спадет, с детьми и Рамилей пойду, а Ванюшку счас пришлю. Полинка проснется, ее тоже искупну, – услышал Архип удаляющийся голос.

Как и предсказал шаман, так и вышло. Родилась зимой у Архипа с Ксенией дочка.

– Мало я тебя сегодня отодрал вениками, язык шершавый, – присев на лавку в предбаннике и отпив кваса, пробурчал кузнец, который все-таки надеялся на рождение сына.

* * *

ЮЖНЫЙ УРАЛ

К обеду, проснувшись, Алей вышел из юрты и заскрипел от злости зубами.

Стан был пуст, и только догорающие костры говорили о том, что недавно тут стояло войско. Всех увел Маметкул, оставив Алею сотню всадников для охраны.

– Ты ответишь, собака, за дерзость! В первый же день моего правления будешь повешен кверху ногами на воротах Искера! – взвизгнул наследник престола.

ГЛАВА 62

СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН

Ботагоз вбежала в юрту. Лицо ее сияло.
– Наш сын пошел!

Исатай вышел из жилища и, прищурившись от яркого солнечного света, осмотрел степь.

По ковыльному полю топал маленький человечек. Косолапя и останавливаясь, он, набираясь уверенности, шел навстречу своему будущему.

– Я объявляю той⁴³! Мой сын сделал первые шаги! Зовите гостей! Готовьте дастархан⁴⁴!

Через три дня начали собраться почетные гости необъятной степи. Днем Ботагоз разбирала подарки. Исатай встречал званых гостей. Отар и Еркен занимались разделкой и подготовкой мяса. Женщины стойбища хлопотали у костров.

Молодежь, как всегда, днем забавляла себя играми и скачками. Вечером же, раскачивая девушек на качелях, молодые люди пели песни и читали стихи.

⁴³ Той – праздник.

⁴⁴ Дастархан – праздничный стол (стол для гостей).

Взрослые с наступлением прохладных сумерек слушали Еркена, который, играя на кобызе⁴⁵, рассказывал легенды и старинные сказания о своей земле.

– А кто из уважаемых гостей знает, почему у кобыза отверстие под струнами в виде сердца? – отложив инструмент, спросил гостей Еркен.

– Расскажи нам, дорогой Еркен, – попросил Валихан, подавая пустую пиалу Ботагоз.

– Это было в давние времена, когда миром правил Чингисхан. Велики были его владения, и управлять ими поставил он своих сыновей.

Быть повелителем нашего улуса Дешти-кипчак выпала честь любимому младшему сыну Чингисхана, Жоши. И однажды во время охоты споткнулся конь под правителем. И упал Жоши с горы.

Собрал визирь своих подданных. Весть о смерти сына должен был доставить черный гонец, участь которого была одна – смерть от руки Чингисхана.

– Я поеду, – встал жыршы Кетбуг.

И поехал Кетбуг, взяв собой только кобыз. Подъехав же к стану Чингисхана, он снял седло, положил его наземь и сел на него, – продолжал свой рассказ старый Еркен, – день играл кобыз, и звучала такая грустная мелодия, что сжалось у хана сердце. На второй день вновь зазвучал кобыз, и рыдал Чингисхан.

На третий день вышел он из юрты и подошел к Кетбуку, который вновь с рассветом стал играть на кобызе.

– Черный гонец! Ты принес мне весть о гибели моего сына Жоши? А ведь кто произнесет его имя, должен погибнуть! – вскричал хан, выхватывая меч.

– Я не назвал его имя. Ты сам, великий хан, назвал его. А поведал тебе плохую весть музыкальный инструмент. В чем вина моя, повелитель?

Опустил беспомощно меч Чингисхан и повелел вылить ковш расплавленного серебра на кобыз. Так и образовалось отверстие под струнами в виде сердца – уж сильно любил великий хан сына своего, – окончил рассказ Еркен.

Исатай встал:

⁴⁵ Кобыз – музыкальный инструмент (схож с домброй).

– Уважаемые, я благодарю вас за то, что уделили мне честь прибыть на праздничный той. У меня нет ни отца, ни матери, меня воспитывал дядя. Поэтому называю сына именем Ваулихан, в честь деда уважаемого Валихана, жизнь которого однажды спас мой тесть Еркен.

Гости радостно и одобрительно вскричали.

И вновь зазвучали звуки кобыза, но теперь они были веселые и жизнерадостные.

* * *

– Скажи, отче, почему рубцы на твоём теле разные? На спине, знаю, то рубцы от розг княжских, а на плече и груди – будто от меча? – спросил Никита старца, когда купались они в Есиле.

– Не всегда я был волхвом. Поведаю я тебе, отрок, историю свою и предков наших.

Гостомысл прополоскал рубаху, повесил ее на ветки тальника и, присев возле костерка, начал свой рассказ:

– Жили пращуры наши у берегов Скифского моря. И звали вороги это море черным, северным, негостеприимным. Потому как покорить не могли жителей, брега его населявших. Всячески получал отпор завоеватель, когда нога его ступала на нашу землю.

Но в три тысячи девяносто девятом году от сотворения мира ушли князья со своими родами и подданными в поисках земель новых. И четырнадцать лет искали они, где им поселиться. Наконец-то вышли к огромному озеру и назвали они озеро Илмеры, по имени сестры своей. И были два князя – Словен и Рус, сыновья князя Скифа.

Словен со своим родом поселился у реки Мутной, поставив град Словенск, что сейчас называется Великим Новгородом. С этого времени и стали называться скифы-скалоты словенами. Река же, выпадающая в Ильмень-озеро, названа Шелонью, по имени жены Словена.

А князь Рус основал град Рус. Теперича это Старые Русы.

Наследовавшие за ними князья стали зваться словенами и русами. Управляли они огромными землями от океана студеного на севере до реки Обь на востоке. Ходили походами на Египет, Грецию и другие страны.

Один из потомков Словена был князь Вандал, и именно при нем зародилось Русское государство. Жили в мире и согласии в нем словено-русские племена и другие народы, такие как весь, меря, чудь, мурова и мордва.

У Вандала народилось трое сыновей: Избор, Владимир и Столпосвят. Каждый имел свой град. Потомок князя Вандала в девятом колене, князь Буривой, был моим отцом, – подбросив хвост в костер и тяжело вздохнув, пояснил Гостомысл.

– Это как же, отче? Ведь Буривой, почитай, тыщу лет назад правил? А ты сын его? – подавая рубаху старцу, удивился Никита.

– Наказ богов наших – не умереть мне, покуда Русь в начальные границы не верну. А наказание такое дадено за то, что род прямой на мне прервался, поэтому мне и бдеть над всем, что происходит на Руси, – надевая рубаху, разъяснил Гостомысл.

– А я и гляжу, пошто у тебя борода далее не растет. Почитай, год вместе, а не меняешься никак и волосы не срежешь.

– Тебя, Никита, дальнего потомка князя Столпосвята, я разыскивал долго. Потерял я вас с отцом в Коломне, когда вы кремль строили. Да нашел в рабстве басурманском. И побег из плена не обычный случай. Готовлю я тебя к миссии важной, но рано еще об этом говорить, не пришло время.

– Так про себя расскажи, отче. Уж дюже интересен твой рассказ о жизни давней.

– Ну, слухай, коли интерес имеешь, отрок. Княжил я после отца своего. Смог порядок восстановить на Севере, разбил варягов и изгнал их. Мой-то отец от них поражение терпел и был вынужден отступить в град Бярмы на реке Кама, где народ коми жительствоует и поныне. А чтобы мир хранить, выдал я замуж дочь свою Умилу за ободрийского князя Годлава. Был в моей жизни и варяжский плен, и побег из рабства, и дальние морские походы с дружинами славянских викингов, и борьба с норманнами, захватившими Новгород, беспощадная война против саксов и великая победа над хазарами, которая обошлась мне слишком дорого. В этой сече пали сыновья мои, и я, старый князь, остался последним в роду, правившим Новгородом не одно столетие. Но моя дочь родила мне внука Рюрика, которому суждено было продолжить дело своего деда, объединив Русскую землю и подарив ей великое будущее.

– Хорошо же потчуют тебя рюриковичи, чуть до смерти не забили розгами, – вспомнив исполосованную спину Гостомысла, усмехнулся Никита.

– Боги уже наказали Иоанна бесплодием своим да болезнями всякими. А Анастасию, дочь боярина Романова, жену его, я пожалую царским тронном.

– Так преставилась она?

– Род ее награжу за то, что мази присылала мне, когда спину лечили. Душа у нее безгрешная, ручка – добро дающая.

– Но говорят, отче, Рюриковичи из варягов-то призваны были?

Гостомысл подбросил хвороста в костер и, вспоминая давние годы, поведал Никите:

– Приснился тогда мне вещей сон. Выросло из живота моей дочери дерево, под корнями которого весь мир уместился. Волхвы разгадали сон. И чтоб смуты не было, решили призвать внуков моих на княжение. Среди них троих и Рюрик был. А родила она их от князя ободрийского.

Вот и называли за глаза поначалу варягами их.

А шрамы от мечей получил в битве с немецким королем Людовиком Вторым, там я был тяжело ранен.

* * *

РЕКА ТАГИЛ

Маметкул ходил среди трупов. Победа не радовала его.

За частоколом, куда, неся огромные потери, ворвался его отряд, оказались тела только немецких наемников. Казаки же ушли водой к Чиге Туре.

Оставив на убой наемный отряд, Ермак без боя по течению продвигался дальше.

– Дадим бой у слияния Тавды и Туры, – решил Маметкул и отдал приказ коннице выдвигаться на слияние двух рек: – Не послушал меня Алей, щенок! – горько вздыхал полководец.

Летя впереди войска на арабском скакуне, в свисте встречного потока воздуха слышал Маметкул и ехидные слова пригрезившего ему наемни старца:

– Мальчишка командует Батыром! Ха-ха!

ГЛАВА 63

Изгнанный царевич Сейдяк, сын Бекбулата и племянник сибирского хана Едегера, после трех зимних набегов на Кучумовские поселения находился на летнем отдыхе в районе впадения речки Ом в Эртыс. Обосновал он на высоком берегу улус, который находился в девяти днях пути от Кашира (Искера), его родины, столицы ханства, так жестоко отобранного узбеком Кучумом.

Прибывший человек из Чиги Туры был знаком Сейдяку.

Он был сыном одного из влиятельных подданных Едигерхана, погибшего от руки Кучумовских воинов, и даже дальним родственником самого Сейдяка.

– Присаживайся, дорогой Ибрагим. Угощайся. Ты ведь голоден и только с дальней дороги. Я видел твоего коня – он весь мокрый – и велел накинуть на него плед с моего жеребца, пока ты спал в гостевой юрте.

– Благодарю тебя, почтенный Сейдяк. Быть тебе ханом на нашей земле.

– Силен Кучум. Я только и могу нападать на его людей из засад, – возразил Сейдяк.

– Терпит нынче слепой узбек поражение за поражением. Недолго ему осталось корпеть на престоле наших предков.

– От кого терпит? Говори, – чуть не пролив чай из пиалы, удивился царевич, – если хорошая новость, то награжу тебя двадцатью лошадьми и бухарской саблей.

– Русичи скатились по Тагилу в Туру, бьют Кучума. В последнюю битву сам Кучум повел войска, но перебили его всадников уруссы из-за земляного вала и окопа, который выкопали ночью, английские и испанские пищали у них теперь бьют далеко. От злобы своей, а нам на радость, хан не внемлет советам мудрого воеводы Маметкула, предложившего окружить урусов и взять голодом. Повел упрямый узбек конницу да и положил ее на поле перед рвом. Самого ранили, сына Алея, наследника своего, чуть к Аллаху не отправил. Теперь Кучум готовит новое, большое сражение у самого Кашира. Зазывает гонцов в степь с посланиями помочь ему в борьбе с урусами. Слышал я, почтенный Сейдяк, и тебе грамоту Кучум присылал?

– Прислал. Предложил мир и согласие. Просил забыть прошлое и выступить супротив урусов. Но я ответил, что смерть моего отца и дяди может только сгладить смерть Кучума и его выводка.

Ибрагим протянул пустую пиалу слуге:

– Налей еще, уж очень вкусен чай у твоего хозяина.

Слуга, поклонившись, подлил половину пиалы.

– Да лей больше, – попросил Ибрашка.

Слуга поклонился и отошел, недолив и капли.

– Одичал ты, на Руси проживая, – улыбнулся Сейдяк, – у нас полная чаша означает – выпил и уходи прочь. Когда же половину наливают, значит, что беседа не кончилась и тебя не гонят из юрты.

– Так столь лет на Руси жил. Там коли ковш поднесенный не выпьешь, то обидишь хозяина, – рассмеялся Ибрагим.

– Просьба к тебе, Ибрагим, есть. Нужно съездить к почтенному Валихану и склонить его не идти на помощь Кучуму.

– Я готов.

– Писать ничего не буду. Напомни ему, что десять лет назад посещали наши владения послы Мальцев Семен и Третьяк Чебуков. После того Иоанн разрешил нам торговать без пошлины на землях княжих, вести торговлю всякую, свободно пребывать в городах на Руси. Это было золотое время. Но Кучум порвал отношения с урусами, набег принял за вершину. С Русью нужно торговать, а не воевать, потому как ойраты с востока на нас глазами волчьими глядят. То, что Валихан победил малый отряд, спасибо ему и Исатаю, но, если пойдут на нас тумены джунгар, не выдержим мы натиска и все под монголоидами в гнете окажемся на веки вечные. А уж как вырезали под корень они роды наши, знает Валихан по легендам

предков. Были тогда времена, когда всех мужчин, кто выше оси колеса арбы, резали, а кто ниже, уводили в рабство.

– Моя жизнь и так в опасности, уважаемый Сейдяк, так как моя стрела в бою ранила Кучума, а она подписана моим именем. Знает, слепой осел, что смерть его рядом ходит и ищет меня, – протянув взятую из своего колчана стрелу, улыбнулся Ибрагим.

Сейдяк осмотрел стрелу, на деревянной поверхности мелко было выведено по-арабски: «Ибрагим мстит Кучуму».

* * *

– Рукодельница ты наша, – рассматривая сеть-поставуху, похвалил Архип Ксению.

Ванюшка, вставив пальцы в ячею, важно добавил свое слово:

– Почитай, трехперстная выходит. На чебака аккурат сойдет.

– А мы ее на стерлядь поставим в протоке. Стерлядка как раз по затопленному тальнику сейчас ходит, личинок и жучков со стволов собирает. Вот мы сетеху и притопим вдоль течения под кустами. А для начала, Вань, кишки оленьи кинь на солнцепек, а как вороны налетят, так мы и жахнем по ним из пищали, – предложил Архип.

Вогул недоверчиво взглянул на друга:

– А вороны тебе на что?

– Опарышей дождемся, рядом с сетью ворон с пригрузами и притопим. Стерлядь найдет приманку и начнет там кружить, вот в сеть и залетит. Мы так на Волге ставили по большой воде. Она зимой сколько стерлядок в морды попадало. Значит, и летом она есть. Китайские купцы придут, нужно у них еще ниток шелковых наменять.

– Не придут нынче купцы китайские. Хан Кучум грамоты за-слал, чтоб воинов к нему посылали князя остяцкие и вогульские, так как казаки уже вблизи Кашира стоят. Много челнов пришло с Туры на Эртыс и Тобол.

Архип схватил друга своими огромными лапами и, как ребенка, подбросил вверх, да так подросл, что шаман врезался головой в потолок кузни.

– Пошто молчал?! Сучий кот!!!

– Так ведь только же с Атлымских юрт пришел. Ты своею сетью мне голову заморочил, не успел и рассказать, – вырываясь из рук кузнеца, оправдался Угор.

ГЛАВА 64

СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН

Гостомысл разбудил Никиту, когда ярко-красный диск солнца чуть показался над краем степи.

– Накидку возьми, утро прохладным будет.

Еще вчера они решили, что пойдут на сопку, проверят свое жилище.

От шалаша на Исиле до Жаман сопки было верст тридцать, и нужно было пройти половину пути до полудня, чтоб летняя жара застала путников уже в березовых околках.

Так и шли, не торопясь, в маленьких перелесках, собирая грибы.

– Вот ты, отрок, глаголил нынче про веру православную, а она ведь еще до крещения Руси была православной, – рассуждал старец, перебирая собранные грибы.

– Это как же, отче?

– Правь – это мир словенских и арийских богов. Истина миром правит, а она на небесах, сынок. Вот и славили пращуры наши правь небесную. А доказательством моих рассуждений есть запись, оставленная греком Велизарием, который еще задолго до крещения в девятом столетии побывал на Руси и написал: «Православные словене и русины – дикие люди. И дико и безбожно девки и мужи запираются в топленой избе и истязавши тела своя прутьями

древесными до изнеможения, а опосля прыгавши в прорубь холодившись, вновь идяще во избу истязати телеса своя».

– Так то же про баню сказано! – рассмеявшись, сказал Никита.

– И не только, Никитушко, про баню. А то, что он православными их называл в своей летописи, ты мимо ушей пропустил?

– Ой, и точно! – стукнув себя ладошкой по лбу, сознался каменотес.

– Будь внимателен. Зри истину в сказанном и мудр будешь. Прославляй правие, и истина тебя не покинет. Вот идем мы сейчас по земле предков наших. Земля это называлась Скифия, то бишь поселения с храмами. Но во время семилетней засухи часть племен переселилось на запад, и стали называться они скифы-колоты. Это были потомки боярина Скотия. Они не только хлебушек выращивали, а и скот содержали. И был у них бог-покровитель – Велес. У каждого племени был покровитель свой, но над всеми правили общие боги. Я тебе давеча об этом сказывал, – посмотрев на горизонт, старец внезапно прервал повествование.

Никита глянул в сторону, куда глядел Гостомysl. Еле различимое облачко пыли показалось на горизонте. Упав на землю, каменотес приложил ухо к земле:

– Кони, отче. Не менее десяти. Галопом идут.

– Кого там нелегкая несет?! – недовольно поморщился волхв, оглядывая местность в поисках укрытия. Но скрыться не было возможности: вокруг путников расстилалась степь, и только на горизонте синели голубой полоской желанные лесные массивы. Перелески же остались далеко позади, оставалось только надеяться на счастливый случай, что нежданные гости проедут мимо.

Всадники вынырнули из овражка и, заметив двух путников, направили своих коней в их сторону.

– Кайрыла тан, ата, – прижав плетку к груди и слегка поклонившись, вежливо поздоровался старший воин.

– И тебе доброе утро, Ибрагим, – ответил ведун.

– Ты знаешь мое имя?

– Я знаю все, дитя мое. Ты мурза Ибрагим, дальний родственник Едигер-хана и держишь путь к Валихану. Передай ему поклон от старца Гостомysла.

– Не тебя ли поминали мои друзья Архип и Угорка? – поинтересовался всадник.

– Меня.

Никита вышел из-за спины старца, и радостно затараторил:

– Так, значит, живы мои сотоварищи? Дошли они до урмана?

– Живы они да здоровы, чего и тебе желают. Ты ведь никак каменотес Никита, что в степи со старцами остался?

– Да, это я. Но теперича Вторакон меня кличут. При случае привет моим товарищам передавай.

Старец подал Ибрагиму курдюк с козьим молоком:

– Отведай, оно вечерошнее, прохладное.

– Благодарю, отец.

– Передай Валихану, что из Бухары идет кайбаша Батыржан, он ведет на помощь Кучуму триста воинов. Бухарцы пройдут правым берегом Исиля, поэтому вы с ними в степи не встретитесь. Батыржан с Исатаем друзьями стали после битвы с джунгарами. И он готов тоже созывать воинов для выхода в поход к Кучуму. Ты знаешь, для чего тебя послали. Валихан мудр, он не пошлет подмогу Кучуму. Доброго пути тебе, воин.

– Онынызга аса рахмет, – стегнув камчой коня, благодарно крикнул напоследок Ибрагим.

– Не нужно меня благодарить, это твоя судьбина, мурза Ибрагим, – изрек старец, провожая взглядом всадников.

Когда пыль от конного десятка Ибрагима осела, путники двинулись далее.

– Откель ты его по имени знаешь, отче?

– Это Ибрагим, который зарежет Кучума. Но случится сие еще не скоро. Ему предстоит пройти много испытаний, прежде чем он осуществит свою месть.

Пыль осела, и путники двинулись далее.

– Про западных скифов, от которых наш род идет, я тебе, отрок, поведал. Теперь слухай про северных наших родичей.

– Сказывай, сказывай, отче, уж больно у тебя умно получается, – шагая рядом, кивнул каменотес.

– Во времена второго Харийского похода в Драведию или, как сейчас называется, Индию, поход возглавлял Сканд. Было это в три тысячи пятьсот третьем году. Шли они научить народ с цветом кожи мрака синего не приносить кровавые жертвы Черной Матери и Змеям-драконам из мира Нави. Несли они веды им и веру. И назначили верховным жрецом богини Тары над всеми людьми Дравении хана Умана. Перестали приносить они жертвы кровавые, осознали дравении, что люди они, а не звери лесные. Ведь Перун,

когда победил темные силы, воткнув меч в землю, запретил жертвоприношения кровью. Внемли они ведам нашим, поэтому и почитают до сих пор Сканд и людей белых, принесших им веру.

Делились тогда люди на племена харийцев, дарийцев, словенов и русов. Но были одним общим народом и жили в согласии, – окончил Гостомысл, присев на придорожный камень, – передохнем, давай, отрок, чтой-то слабоват я стал на ноги последние сто лет.

Никита растянулся на спине подле старца:

– А что далее было?

– Сканд вернулся в Асгард Ирийский. Его благославил на переселение великий Один. И повел наш народ бог Моксий.

– Моисей, что ли? – лежа на спине и грызя травинку, попытался уточнить Никита, но тут же почувствовал тычок посоха в бедро.

– Не путай меня, Вторак. Моисей там рядом не ступал. Шел с Моксием волхв из Асгарда.

– А где он находился-то, град Асгард? – вновь перебил старца Никита.

– На впадении речки Омь в Эртыс. Монголы его разрушили полвека назад. Искали богатства великие, про которые ходили легенды по всему свету. Но не нашли ничего, так как богатством были вера и знания.

Дошли племена до реки Мутной и повстречались с князем Словеном и его народом. Пошел Сканд дальше. Только реку Мутную именем волхва опосля назвали, так как помер он именно в этом месте. Привел Сканд племена на север. А когда помирал князь, то повелел народам не уходить с этих мест, потому как душа у него тут остается. Вот и назвали страну Душою Сканды. А душа перевод имеет со скифского и Навией зовется. Вот и вышло название Скандинавия. И теперича эта земля охраняется душой князя Сканды.

На большой стороне жили потомки скифов, и языком словены пользовались общим, друг дружку понимая. Ты вот сейчас что лицезришь? – спросил Никиту старец.

– Вол пасется. Юрта стоит. Бешбармаком пахнет, – облизнулся каменотес.

– Ну, пойдем тогда к юрте. Водицы поьем. Может, полечить кого потребуется, так и на бешбармак выслужим, – согласился Гостомысл, сворачивая с тропинки к стойбищу.

Проходя мимо вола, старец произнес:

– Вол пасется на лугу.

– Ты чего это, отче?

– На русском так будет. А на древнеиндийской сакди как будет это звучать?

– Не ведаю, – косясь на вола, ответил Никита.

– Так же: «вол пасется на лугу»!

– Ух ты, как по-нашенски.

– На древнешотландском, и на древнеисландском, и на древнеирландском: «вол пасется на лугу». Потому един язык был. А кто по-нашему не говорил, тех немыми обзывали. Немецами, однако. То были и римляне, и индусы южные, и северяне-самоеды, и джунгары.

– Глянь, отче! А вол-то за идола привязан, не грех ли это? – показав рукой на вырезанный из камня и покосившийся со временем памятник старины, возмутился Никита.

– Не ищите Бога в каменном строении или деревянном подобии его. Бог внутри вас и вне вас. Поднимите камень – и там найдете Бога, загляните в ручей, и Бог улыбнется вам оттуда. Посмотрите на небо, и все боги дадут вам силу, – процитировал Гостомысл строфы евангелия от Фомы. Подходя к юрте степняка-кочевника и обернувшись к Никите, старец довершил рассуждения: – Никакого греха не вижу.

Поздоровавшись и отпив водицы, Гостомысл поинтересовался, не нужна ли какая помощь.

Хозяин стойбища пожаловался на то, что его сын Какен уж короткую ночь плачет и жалуется на боли возле пупка.

Гостомысл зашел в юрту и подошел к двухгодовалому ребенку, который, увидев незнакомого старца, вновь истошно заголосил. Но увидев раскачивающийся маятником шар, замолчал.

Гостомысл положил ребенка на колени и, вода пальцем округ пупка, зашептал:

– Мать тебя, Какен, носила, мать тебя выносила, мать за тебя болела. А теперь мать грыжу черную заедает, с младенца Какена снимает. Грыжу черную, грыжу красную, грыжу желтую, грыжу белую, грыжу родимую. Загрызай буду грыжу любую, подъяичную грыжу, подколенную, ясную. Закусывать буду грыжу ревучую, грыжу тянучую, грыжу едучую. Все грыжи я заем, от всех заговорю, Какена здоровьем крепким наделю. Чтоб не было у него никакой грыжи в новом месяце и новом году, ни в новом месте, ни на старом месте, ни сейчас и никогда. И утром, и ночью, и вечером, и днем будь спокоен, Какен,

спокоен и утомлен. Спи крепко, расти быстро. Слова мои верны, слова мои сильны, острее ножа они, острее меча они, копьа сильнее они. Заговор ключом своим закрываю да в море ключ тот бросаю. Никому не отговорить, никому слова не изменить. Да будет так.

Волхв бережно положил уснувшего мальчика в люльку.

– Будет спать до ночи глубокой. Завтра кушать попросит, курысы и шубат не давай, они живот пучат. Чаем напои, шурпы дай.

Закусив поданным бешбармаком, путники тронулись в путь. Им оставалось пройти всего верст семь. Жаман сопка уже была видна. Но тут старца и каменотеса нагнал отряд в пятьдесят сабель.

– Кто утром проезжал этой дорогой? Говори, старый осел! – крикнул богато одетый воин, размахивая саблей.

– Не ведаю, почтенный.

– Следы показывают, что всадники останавливались и говорили с тобой.

– Они спрашивали, как найти реку Есиль, вдоль которой на север идет отряд Батыржана.

– Батыржана? Это тот, что ушел самовольно в Бухару, оголив проход на Туре?

– Да.

– Хан Кучум объявил его изменником.

– Да, иудой, и к нему присоединится десяток Ибрагима, который ранил стрелой твоего хана, Самед.

– Что-то много ты знаешь, старик. Откуда имя мое тебе известно? – замахнувшись саблей, не своим голосом закричал воин. – И прекрати качать шаром! Он меня раздража...

Далее, как в тумане, все джигиты полусотни услышали громовой глас с неба:

– Кто вытащил саблю из ножен или стрелу из колчана, увидит в руке ядовитую змею!

Глаза Самеда поползли на лоб: вместо сабли он держал в руках за хвост кобру. Змея извивалась, норовя укусить его за лицо. Самед испуганно отбросил ее на землю. За его спиной зазвенели падающие сабли, луки и колчаны, раздались испуганные вопли. Змеи ползали под ногами коней, извивались в колчанах, выползали из ножен.

Когда Самед пришел в себя от гипнотического сна, уже смеркалось. Отряд на конях гарцевал вокруг него. А на земле валялось брошенное оружие.

Волхвов же и след простыл.

ГЛАВА 65

Навстречу двигался отряд в пятьдесят всадников.

Батыржан обрадовался, узнав воина, ехавшего впереди. Это был ногаец Самед. Батыржан с тремя воинами выехал для встречи. Но полусотня ногайцев, вдруг опустив копыя, помчалась на Батыржана. Его триста воинов не ожидали такой развязки. Безумные всадники неслись в атаку на своих!

– Стой! Опомнись, Самед! – крикнул Батыржан, но наконецник копыя Самеда, блестя на солнце, неумолимо приближался.

Воины, скачущие позади Самеда, подняли копыя и приостановили коней, узнав союзников. Но их начальника как заколдовали: он гнал коня прямо на Батыржана.

Узбек отбил копыя и рубанул обезумевшего ногайца по шлему. Самед слетел с лошади и на время потерял сознание.

– Ну, очнулся? Зачем налетел на нас? Что, насвая объелся?

– Ты, Батыржан, изменник! Смерть тебе!

– Я так не думаю. Мы сражались с джунгарами, чтоб они не напали на ханство с востока.

– Зато на нас напали урусы, – возразил ногаец.

– Я иду на помощь хану Кучуму. И ему решать, как со мной поступить. Ты задержал меня на полдня. Возможно, уважаемый Кучум-хан спросит с тебя за это.

Самеду из реки принесли ведро воды. Он вылил холодную воду себе на голову и отбросил в сторону ведро из кожи:

– Во всем виноваты колдуны-урусы. Сначала они превратили наши сабли в змей, а потом послали помутнение в мой рассудок. С ними нельзя разговаривать, иначе они напустят колдовские чары.

– Тебе повезло, Самед, что никто из наших людей не убит. Мы идем на север. Ты с нами?

– Ибрагим сам попадет к нам в руки. Узнав о моем отряде, он поспешит оповестить Сейдака, а наши дозоры его обнаружат.

– Пошлите дозоры в степь и вперед по Исилю. Всех, кого обнаружите, ведите сюда! – распорядился Батыржан.

– Если встретите двух колдунов-урусов, убейте их! – дополнил Самед.

* * *

– Вот это улов! – собирая со дна челнока стерлядь в мешок, похвалил вогул Ванюшку.

– Меня дядька Архип этому научил, подсказав, как правильно поставухи ставить. Сам бы ни в жизнь не додумался. А рыба вся тут в кустах и собралась. Она ил роет, с веточек жучков и улиток собирает под водой. Вона, дядька Угор, смотри, какие носы! Как у хряков! – радуясь большому улову, рассмеялся мальчик, показывая остроносую рыбу.

– Ну-ка, ну-ка, погода. Что там по течению спускается? – глядя вдаль, перебил Ванюшку вогул.

– Ладья пустая боком плывет. Ловить ее надобно. Сидай, дядя Угор, в мой челнок, сейчас мы ее споймаем! – предложил мальчик.

– Давай, выгребай, – прыгнув с берега в челн, согласился вогул.

Посередине Оби, мерно качаясь на волнах, плыла по течению большая ладья с опущенным парусом, а к ней наперерез загребали на челночке наши друзья.

Челнок, стукнувшись о борт ладьи, замер. Вогул подтянул борт и заглянул вовнутрь.

– Вот я зараз как дам палицей в лоб! Не шалить! – со дна ладьи поднялся Семен и, полупьяными глазами оглядев вогула с Ванюшкой, пробормотал:

– Вот так бухарское вино! Веселит шибко да и на сон пришибает. За Каширом начали пить его, а токмо тут и очнулись! Хорошо, мимо избы не прошли!

– И не страшно вам, дядя Семен? Татар кругом туча, а вы спите крепко, нападут ведь ненароком и кончат сонных, – покачав головой, проворчал мальчик.

– Нет ныне татар, сынку! Наш теперь град Кашир! Кучум побит и в степь улег, а рыбаеды вовсе разбежались, – погладив Ваню по голове, объявил Семен и поинтересовался: – Как там мой друже Архип? Я ему два бочонка вина везу. Награда, значит, от атамана Ермака за пособе в деле нашем.

– Ну-ка, подымайтесь! Да беритесь за весла, лентяи! – растолкал ногами своих попутчиков Семен.

Два купца и два казака зашевелились под парусом.

Архип, вышедший на берег, поджидал челнок и ладью.

– Сильней загребай! А то снесет вниз по течению, – крикнул он.

Ладья причалила там, где и хотели гребцы. Ванюшка же на своем челноке отделился ранее и теперь греб к месту, где лежала в траве пойманная стерлядь.

Обнявшись, Семен и Архип присели на береговые камни.

– Давай сказывай, как вы Кучума одолели, да поподробнее. А то намедни были тута остяки, которые с битвы от казаков убежали. Так они наперебой говорили о белом князе, что на Чувашском мысу побил хана. Да толком ничего я и не понял. Только кланялись они и просили, чтоб я за них слово молвил.

– Пошли в избу, там и расскажет Семен про поход их, – предложил вогул.

– Ты, Архип, не серчай, один бочонок, что Ерема в награду тебе дал, мы по дороге выпили, – виновато признался казак.

– Ничего, ничего, у меня медовуха стоит в леднике, на меду да соку березовом, – подмигнув, успокоил друга кузнец.

Архип был на небесах от счастья. Наконец-то в этот глухой край прибыли соплеменники! Но надолго ли? А вдруг скатятся казачки? Не удержат столицу Сибири? Не приживутся?..

* * *

ТОБОЛ-РЕКА

Кучум-хан совсем замучился с глазами. Зрение у него упало. Теперь грамоты составлял и прочитывал его сын Алей, которого великий хан готовил на престол.

– Сейчас уходим в Исильскую степь. А когда под конец зимы продукты у урусов закончатся, мы окружим Кашлык, заморим их голодом и отобьем у урусов все, что они захватили, – объявил подчиненным свое решение великий хан и распорядился: – Как выпадет снег и встанет лед, обозы с рыбой и олениной перехватывать, а остяков, обозы ведущих, смертно бить. Аулы татар, платящих русским ясак, вырезать. Мой отец из Бухары уже выслал отряды батыров нам на помощь. Под Чиги Турой встали ногайцы, они на нашей стороне. Только единственный сопляк Сейдяк оказывает сопротивление, но он далеко.

– Великий хан, не послать ли нам заслон на слияние Исиля с Эртысом? Ведь у Сейдяка тысяча сабель, – предложил Маметкул.

– Он не будет помогать урусам, так как они все равно не отдадут ему трон его дяди.

Маметкул, вежливо поклонившись Кучуму, про себя гневно подумал: «Самонадеянный слепец, ведь удар в спину очень опасен!».

ГЛАВА 66

СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН

Гостомысл, уронив котомку наземь, опустился на колени перед лежащим подле шалаша телом. Трясущиеся руки старца гладили окровавленную рубаху Истяслава. Волхв плакал, не обращая внимание на рой огромных зеленых степных мух, которые, слетевшись невзвезд отсюда, ползали по рукам, спине, облепили труп убитого собрата.

В нескольких метрах от шалаша Никита нашел окоченелое тело Стояна.

Старец, видимо, пытался защищаться, потому как посох его был перерублен сабельным ударом.

– Что это, отче? Как же так? Кому перешли дорогу невинные старцы? И у кого поднялась рука на седых людей? – хрипло прошептал каменотес, положив руку на плечо своего учителя.

Гостомысл поднял голову, вытер рукавом рубахи слезы и, опираясь на посох, встал.

– Ступай, Никитушка, на стойбище, где я давеча мальцу грыжу заговорил, попроси арбу и лошадь. А я тут пока приберусь, – попросил он и, вновь заплакав, прошептал: – Опосля разговоры вести будем. Горюшко-то какое!

Каменотес налегке быстрым шагом пошел в степь, к юрте, где четыре дня назад они кушали бешбармак и лечили ребенка.

Когда Никита исчез из виду, старец нарубил ивовых веток и прикрыл ими тела убитых Стояна и Истяслава, потом посыпал ветки остывшей золой из костра, чтобы разогнать скопившихся мух.

Спустившись к реке и набрав глины, он принялся лепить из нее воина, шепча себе под нос:

– Уродись сходственный, уродись подобный. Как одно лико с луной и дыханьем степи знойной. Опознай след на земле и воде. По следу иди, ако зверь лютый, ползи, ако аспид хитрый. Разведай и прouchи, кого след держишь от сего места и кого опосля признаешь.

Старец посмотрел напоследок в глаза слепленному им исполину, дыхнул ему в глиняные уста и бросил в котел с водой.

Размешав прутиком воду и превратив идола в глиняную массу, он зачерпнул в пиалу смесь и, осторожно обойдя вокруг места убийства, остановился около найденного им ранее еле заметного следа узбекского сапога, сапога знатного человека, с подковками на каблуке и деревянными чопами, пробитыми по подошве.

– Ступай и сокруши, – с этими словами Гостомысл вылил на отпечаток ноги воду из пиалы.

Заговоренная водица, постояв в отпечатке, просочилась в почву, и лишь несколько еле заметных капелек, скользнув по стебелькам примятой травы, блеснув в солнечных лучах, отпрыгнули в сторону, куда ушел отряд убийц.

Волхв присел на корягу, служившую скамьей, и, обратившись к убитым, произнес:

– Ступайте спокойно в мир наших предков, братья. Вы есть убиенные безвинно, за это вас боги одарят цветущими садами и вечной жизнью. Если встретите моего отца Буривого, поведайте ему, что я устал, желаю встретиться с женой и сыновьями. Этот мир стал безумен и жесток. Я не в силах его изменить. Устал я.

И старец вновь безутешно заплакал.

* * *

– Ну, сказывай, как крепость Кучума взяли, – попросил Архип, когда гости расселись за столом.

Ксения и Рамиля быстро собрали на стол.

Хлопнула дверь, в которую ввалился Ванюшка, держа в руке полмешка только что пойманной стерляди.

– А что сказывать? Провели два штурма города, но с хитрецей, постоянно откатываясь, делая вид, что робеем. Вот и не выдержали нервы у командира конницы Маметкула. Разобрали нехристи засеки в трех местах, да и ринулись в чисто поле. Тут мы из пищалей залпом и вдарили. Крутится конница вокруг нас, вязнет в береговой няше⁴⁶, а мы в тесном кругу залп за залпом даем. Так все они и полегли бестолково. Там и Маметкула ранили. Бежал Кучум ночью, а мы вошли в крепость да закрепились в ней. Как только увидели остяки и вогулы, что столица пала, сами и разбежались кто куды, – беря лепешку и пододвигая миску с ухой, окончил рассказ Семен.

– Патанки испробуйте, гости дорогие. Ванюшка наш нынче приноровился ловить стерлядку. Уж, почитай, осень, а он все ее в тальнике ловит, – предложила Ксения, поставив на стол большое блюдо с нарезанными кружками стерляди, посыпанными солью и перцем.

– Ага, всех ворон перестрелял в округе на опарыша. Скоро остякам на день вороны молиться некому станет, – одобрительно похлопав по плечу Ваню и улыбаясь, пошутил Угор.

Архип выкрутил пробку из бочонка, и по избе расплылся сладко-кислый запах виноградного вина:

– Ой, купцы, да казачки-сотоварищи! Подставляйте крынки. Сидели долго. Пожгли лучин немало.

Женщины с детьми ушли спать в новую избу, оставив мужчин наедине.

– А как баба-то Кучума? Чего казакам-то не сдалася? – расспрашивал друга Архип.

– Так она же любимая жена, верность сохранила мужу, – трясся серебряной серьгой в ухе, кивал подвыпивший Семен. – Когда крепость Сузгун мы осадили, что Кучум своей бабе подарил, она раздала все свои украшения воинам и попросила не трогать ее охрану, коли крепость без боя сдастся. Ну, так и поступили. Отпустили татар при оружии. А когда вошли в сад, то увидели его жинку мертвой. Зарезала она себя.

– Гляди ж ты, вона какая верность лебединая-то бывает, – разливая остатки вина, удивился Архип. – А я-то думал, что в гареме всех насильно держат.

⁴⁶ Няша – тина.

* * *

Батыржан полулежал на боку. Вокруг его развалились его начальники сотен и десятники.

– Эй! Подавай мясо! – поторопил он слугу.

– Оно еще не готово, господин, – поклонившись, ответил его оруженосец.

– Горячее сырым не бывает! Подавай, говорю! Испробуем мяско козочки колдунов русских, может, мудрость их познаем! – расхохотался Батыржан от своей же черной шутки.

Слуга подал большое серебряное блюдо с недоваренным козьим мясом:

– Ас дэмде болсын, кожа, – пожелав приятного аппетита, поклонился воин. И при свете луны его лицо показалось Батыржану вылепленным из глины.

Узбек взял руками кусок горячего мяско и, перекидывая его из ладошки в ладошку, стал дуть, остужая.

Приглашенные на званый ужин, тоже весело тараторя, похватили куски поменьше.

Вдруг все обернулись. Батыржан, хрипя, сидел с выпученными глазами. Кусок мяско застрял у него в глотке. Узбек попробовал достать его пальцами, но не смог. Лицо Батыржана начало синеть от удушья. Прибежавший отрядный знахарь усиленно стучал ему кулаком по спине.

– Э, э, э, э, – хрипел Батыржан, уже смутно различая воинов, окруживших его.

В тумане он увидел лицо старца.

– Ну как моя козочка, Батыржан? Ты убил моих братьев, я убиваю тебя, хотя ты был мне еще нужен.

– Э, э, э, э, – заваливаясь наземь, прохрипел убийца.

Ноги его скрутила судорога, и душа несостоявшегося великого воина, обмочившись в шелковые шаровары, улетела в цветущие сады, где его ждали гурии и поднос с восточными сладостями...

Остальные джигиты в ужасе побросали на землю куски мяско.

– Это коза урусов! Она заколдована!

ГЛАВА 67

Деревья сбросили листву, и лишь елочки да сосенки зеленели по берегу реки. Уровень воды в Оби упал. Оголились острова и песчаные плесы. Самое время настало неводить темными ночами.

Архип, Угор, Семен и двое его попутчиков-казаков занимались заготовкой рыбы. Они неводом, привезенным Семеном из крепости, каждую ночь заводили вдоль берега. Иногда за заход черпали полную мотню. В основном – щуку.

Купцы же, приехавшие с казаками, ушли по стойбищам менять свои товары.

В леднике, построенном Семеном, еще хранился лед, но его было маловато для таких больших заготовок. Приходилось вялить рыбу, которая не входила в помещение ледника, оставляя место только для муксуна и осетра.

Уже прошли первые морозцы. Холодными утрами начали появляться ледовые забереги. Семен ждал ледостава, чтоб, снарядив обоз, двинуться к крепости на Тоболе. Задумав заготовку рыбы и оленины именно здесь, Семен обезопасил себя от татарских разъездов.

Кучумовские отряды рыскали везде, убивая заготовщиков и разоряя обозы. Тут же, на севере, их не было. Оставалось добраться обозу по молодому льду до крепости, а там, по уговору с Ермаком, обоз должна была встретить сотня казаков.

Купцы наменяли у остяков мехов и упаковали их в тюки. Каждый день приходили местные со шкурами, но уже и менять было нечего.

Семен даже нож свой выменял, взяв у Архипа небольшой тесак.

– Ты еще крест нательный сменяй, – улыбаясь, подтрунивал над другом кузнец.

– Надо станет, сменяю. К государю собираемся зимой нынешней. Шкуры нужны.

– Смотрите, чтоб с вас самих шкуры не сняли, – покачал головой Архип, – ишь удумали государство вольное объявить и под ровен с Русью стать. Как бы дыбой сия забава не окончилось для вас.

– Победили мы Сибирское ханство, и теперича это наша вотчина. Крути не верти, а придется Иоанну признать нашу самостийность.

– На кол он вас посадит. Так же, как на Поволжской степи, вольности вам даст избами горелыми.

– Ну, мы тожа с усами, коле что, и огрызнуться можем, – не сдавался Семен.

– Ну, допустим, с харчами вы дело наладите. А порох у татар брать будете? Пищали с пушками из снега лепить станете? Все одно, окромя Руси, подмоги ни от кого не дождетесь. Угомонились бы да челом государю били, может, и прожили бы свой век на окраине сибирской под его крылом, – качая головой, отговаривал упертого друга кузнец.

Утром пошел обильный снег.

Сказочные хлопья, ложась на еще не промерзшую землю, таяли. Но на их место падали новые и новые снежинки. В итоге к обеду снежок покрыл весь берег у Избы Сотниковой, как называл свое поселение Архип.

Ванюшка и Айша ловили снежинки руками и веселились.

– Лови, Айша! – кричал мальчик, кидая в подружку слепленный снежок.

– Ай-я, – визжала, уворачиваясь, девочка, когда снежный ком разбивался у нее между лопаток.

До ледостава осталось совсем немного.

Кузнец протянул откованное оружие Семену:

– Вон, глянь, Семен, что я тут смастерил.

Казак осмотрел оружие и довольно крикнул:

– Ух ты! Два ствола в паре? А приклад один! Добряче, добряче!

– Я про то и говорю. Один раз пальнешь, а тут еще один ствол заряжен, – довольный похвалой, присел рядом Архип. – Ксения с Рамилей щитков вам из ивы наплели. Они легкие, на нартах места много не займут. А от стрел на излете, гляди, и спасут, коли нападут басурмане из засады.

– Благодарю тебя, братка, чую, нелегким путь будет. Пробриться к крепости сложно.

– Угорку возьми с собой, тот прошмыгнет в крепость незаметно перед подходом вашим, навстречу казаки и придут да сопровождают вас. Шибко уж большой обоз получается, обязательно татары пронюхают и попытаются отбить. Серединой реки еще не пойдешь, полыньи встречаются. Высоким берегом же опасно, из логов и оврагов неожиданно напасть могут. Но снег-то чем и хорош – следов много на нем. Потому и вогула предлагаю взять. Пусть на упряжке впереди едет да следы смотрит. А коль опасность какая наметится, то знак подаст.

– Какой знак?

– Да тот же шест погонный вверх поднимет, вот и будет вашему дозору знак, что опасность впереди. Дозор упряжку развернет – и к вам. Пока татары сообразят, что почем, пока до вас ринутся, вы уже оборону займете кругом. А вогул ходом к крепости упряжку погонит за подмогой.

– Дело говоришь, Архип.

– А ты построй обоз так: першими пусти упряжки с олениной и рыбой, а позади уж с пушниной и другим легким товаром. Коли конница нагрянет, то в два круга вставайте. Внутренний круг – нарты с мясом, они вас защитят. А второй круг кони кучумские не перепрыгнут. Да оленей распрягите и гоните прочь, чтоб от пальбы олешки с испуга не растащили ваш гуляй-город. Вот и будет вам защита, – поучал Архип.

– Рук маловато. Нас, казачков, со мной трое, купчишки нам не подспорье, а остяки возьмут да разбегутся при виде татар.

– Ну, раз такое дело, я с вами пойду, мне наковальню нужно приглядеть. Там после татар в крепости наверняка что осталось. Да и в дороге лишним не буду. Хоть парочку басурман, но пришибу, – принял решение Архип.

– Что? Не отпускает тебя рабство?

– Оно не отпустит. Узун Бек грамоту ханскую получил, потому что придумал, как виноградники от жучков и паучков избавить.

– И как?

– Очень просто. Приказал рабов, работающих на виноградниках, не кормить, чтобы они улиток и жуков поедали, – передернувшись лицом, сказал Архип, со злостью сломав ветку, которую держал в руках. – Мерли люди десятками с голоду, зато урожай славный. По дороге на виноградники и сынка мово убили. Так за что мне в узбеках души не чайть? Пока жив, давить буду эту нехристь, где ни споймаю.

Через неделю наступили долгожданные морозы. По реке погнало шугу. Появились забереги – лед вдоль берега. Обоз уже был собран. В Сотниковском логу было как на Кокандском базаре. Всюду, где ни попадя, ютились люди из обоза. Архип достал с чердака малицу, выбил из нее золу, которой присыпал от моли, и приготовил остяцкую шубу в дорогу. Подобрал упряжку из трех крупных оленей. Ксения собрала ему в дорогу продуктов.

Положил и три пищали-утятницы, которые он отлил из медной утвари. Это были и не ружья, и не пушки, что-то между ними. Архип с Ванюшкой их приспособили для стрельбы по сидящим стаям уток и гусей. Когда начинался перелет, уставшие птицы садились на ночлег, и установленные заранее утятницы били по глади озера. Таким образом, за одну охоту можно было заготовить тушки на суровую сибирскую зиму.

Убитых птиц собирали на берестяном челночке, подранков же доставали из камыша лайки.

Собираясь в опасный путь, кузнец прихватил утятницы с собой. Чем черт не шутит, а вдруг разъезд татарский нападет? Вот и пригодятся. Своя ноша не тянет. Тем более, кроме легких шкур да вязаных изделий из собачьего пуха, Архип в Искер ничего не вез.

По первому льду обоз тронулся в путь. Помимо своей поклажи, везли и дары Ермаку от остяцкого князя Лугуя. Обоз шел длинной лентой и насчитывал сорок с лишним, а то и более оленьих упряжек, растянувшихся на две версты.

Остяцкие воины сопровождали его до владений князя Бояра на реке Нимьянка (Демьянка), который первым принял подданство Ермака. Там князь Бояр должен был выделить своих воинов для сопровождения, отпустив людей князя Лугуя.

Угор по заданию Семена, погоняя оленей, вырвался вперед и, проехав владения князя Бояра, появился в татарской деревне. Легенда его была проста. Шаман едет за солью и волшебной грязью на озеро Эбейты, и ведать не ведает о появлении русских в Искере.

ГЛАВА 68

СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН

Никита с Гостомыслом, сидя темными осенними ночами в своей каменной обители, часто беседовали о мироздании. Каменотес впитывал знания в себя, как губка, порой до рассвета слушая своего наставника.

Вот и сегодня, подбросив в очаг хвороста, старец, сидя у огня, сказывал очередную быль.

– Давно я искал тебя, Никитушко, чтоб передать тебе в наследство веру и силу наших пращуров. Оберегал в пути и жизни дедов и прадедов твоих. Твой дальний прапрадед Афанасий по отцовской линии был чудным мужем. Больно уж много хлопот он мне принес. Всё тосковал, неугомонный, по морям заморским да странам невиданным. Подтрунивали его родственники, считая хворым на голову. Да и как не тешиться над одержимым? Не нужен был ему трон брата двоюродного князя Юрия Малого, а токмо странствия подавай. И к языкам заморским склонный он был. Тута и появился у него старец-наставник, коего Гостомыслом величали, – подкинув охапку веток в огонь, улыбнулся волхв.

– Поди, ты это, отче? – догадался Никита.

– Я, конечно. Кому же еще быть. Вот и стал я его учить языку древнему, на котором ранее все люди на земле между собою знали. В то время, когда жил Афоня, весь честной мир ополоумел от

рассказов о несметных богатствах Индии. С каждой стороны шли лазутчики, разыскивая дорогу до страны дивной. Вот я и поведал Афанасию сказание о князе Сканде, который походом ходил из земель наших в Индию, чем пользу принес сим людишкам, образумив их от жертвоприношений. И загорелся наш Афанасий мечтою в Индии побывать, за три моря сходить, а я в писцы к нему напросился. Знал я, что опасная дорога предстоит твоему прапрадеду, а если сгинет он, то и ты, Никитушко, не народишься. А знамо не выполнишь миссию свою. Вот и поплелся твой пестун Гостомysl за три моря. В лето шесть тысяча девятьсот семьдесят третьье, нарядившись купцом тверским, Афанасий вышел по Волге на челнах, князем Юрием ему даденных. Спустились мы по Волге, а на устье нас татары с берега стрелами обстреляли.

Гребца одного убили. Ну и мы не промах, сняли двоих в ответ. Так бы и прошли, да на мель сели и, потерявши товар и два челна, на оставшихся двух кораблях в море вышли. До Дербента потеряли еще один корабль. Большой волной его снесло на берег.

– И стоило бы ради блуда праздного по свету белому болтаться, старче? – удивленно пожав плечами, поинтересовался Никита.

– Нет, отрок, это не праздный интерес был. Спасали мы Русь от разорения и от ордынской повинности тогда. Ведь разменная монета, как и теперича, серебро было. И выход ордынский должны были платить князья наши до десяти тыщ рублей в год. Да и торговлю вести, войско снаряжать, княжества содержать – немало денег требовалось. А могущество Руси нашей невыгодно было странам западным: им надобно, чтоб из-под орды мы не вылезли, чтобы задарма наши богатства скупать, диктуя волю свою на торжище. Да где ж это видано, чтоб вес деньги на Руси был одинаковым с ордынской деньгой? Загрызла жаба у западных стран. Издал тогда Ганзейский союз указ на запрет ввоза серебра на Русь. Тевтонский орден вроде бы подал прошение на торговлю с Новгородом и обмен серебром, но запрет получил от Ганзы строгий. А князья и бояре новгородские с обиды такой в отместку взяли и закрыли торговую избу Ганзейскую у себя, прекратив всяческую торговлю с готами и немцами. Вот и остался у Руси токмо один путь пополнения казны – Восток. Поэтому полагали и вождедели мы на торговлю с Индией, Китаем и другими восточными странами, дабы не разорить государство наше, не дать его растащить росомахам западным на части. Дед нашего

государя Иоанна Васильевича уж больно умен был, предвидел опасность назревающую, вот и рассылал посольства с дарами в страны востока. С таким вот посольством и мы шли под видом купцов тверских. Дары везли обильные. Хасан Бек вез девяносто кречетов в дар ширваншаху Фаруху Ясару от московского князя Ивана. Орде же и Астрахани выгоды не было в укреплении Руси, и султан Касим, выставляя заслоны, грабил и разорял караваны. Каждый охотничий сокол серебром стоил дорого, вот и позарился злыдень на добычу легкую. Девяносто кречетов – это деньга великая, прибыль славная. Пограбил он корабли наши дюже сильно под Астраханью. Токмо мы одне на двух кораблях проскочили в Дербентское море, а остальных захватили. Да волна огромная встретила нас на море. Глядели мы на корабль малый, как его к берегу потащило, но ничем ему помочь не могли. А когда выкинуло малое судно на берег под Таркуном, так на него и накинулись людишки местные. По побережному праву? весь товар, кой на берег море выбросило, считался их достоянием. В Дербенте повстречали посла Василия Папина, наказали ему передать, что идем далее в Баке. Первый велик день (Пасха) встретили мы в Мазедеране. Второй велик день – в Наине. Третий же – в Ормузе. Вывели за это время свинцовые рудники и серные добычи, вручив верительные грамоты на торговлю и мен на Руси. Прознали мы, что в Индии в большой цене кони, и купил Афанасий жеребца аж за сто рублей, покупал ему фуники в дороге – один батман по четыре алтыну. Вот и пошли в путь по градам, где эти фуники дешевле будут. Так мы дошли в град Гурмыз, из коего была дорога морем на заветную Индию. Брали тут с нас ясак десятину с товара, кто не мусульман, а местные жирели без подати. С нашего же жеребца взяли две десятины за провоз, так как был он красы невиданной.

Старец встал, подбросил веток в огонь, пламя осветило его лицо. Каменотес нетерпеливо попросил:

– Сказывай, сказывай, отче, далее. Шибко уж интересно.

– На Фомина неделю отбыли на Индию. А корабли у них без гвоздей собраны, на веревках из ореха индийского скручены, с одним парусом и веслом. Наложат товара, покроют кожами, а поверх лошадей ставят. Дюже много гибнет таких хлипких судов в пучине окияна Индийского. А гвозди да болты для сборки стругов все едино не используют, а если и используют, то чисто из дерева точеные, так как есть поверье у басурман, будто скалы в заливе Персидском

железо, как магнитной рудой, притягивают, потому и корабли о железных болтах и скрепах бьются о них. Так и ходят по морям кораблями, на ладан дышащими.

– Вот умора-то, отче! – рассмеялся Никита.

– Умора-то умора, токмо нам не до веселья было. Да и воды я столько не видывал отродясь. Около шести ден брега не созерцали. Но на наше счастье, был окиян спокоен, как младенец накормленный, да ветерок попутный весь путь дул. Двоих арабов, что по дороге околели, за борт спустили, так их тут же рыбы-вакулы в оборот взяли, что плыли по бортам слева и справа, ни на миг нас не отпуская, видя в нас наживу. Одна даже борт кусала, выпрыгнув из пучины, но я ее копьём ткнул, поранив рыбу глыбоко. Кровь пошла, и тут же ее, как волки, остальные собратья разорвали на кусочки. Судно наше было одним из последних, которое вышло перед сезоном дождей, и на помощь в случае беды рассчитывать было не на кого. И сошли мы на брег опосля наших мытарств в Чауле. Люди там нагие все, волоса свои в косы плетут сзади, и их жены наги и черны, как сажей мазаны. Удивился тогда Афанасий, да и как зачал причитать: «На кой ляд я сюды добирался! Ведь сказывали, что в Индии все богаты, в златах и серебре ходят! А тут гольтьба почище наших смердов будет!». – Я тоже, отче, считал, что в Индии все равновелики да зажиточны, – удивился услышанному Никита.

– Нет в мире места, Никитушко, чтоб все справно жили. Даже в стае зверей и то есть и сытые, и голодные. Так уж мир наш устроен. Даже у пчел есть трутни и смерды. Одни на солнцепеке пузо греют, другие хребет надрывают, – вздохнул старец, шевеля прутиком угли в очаге.

– Так ты ж тоже, отче, князем был, смердов да холопов имел. Поди и кнутом охаживал, коли не по тебе что сделают?

– Охаживал. Только ранее, чтоб человека тронуть, суд назначался. А коль загубишь кого, то спрос строгий с тебя, будь ты боярин или князь.

Гостомысл поднялся с лавки, прошел, шаркая лаптями, к ложе и, обратившись к каменотесу, распорядился:

– Прищепи свечи, отрок. Рассвет уже, пора и на покой, заболтались мы с тобой ныне. Опосля я тебе далее поведаю про пращура твоего непоседливого.

Татарская сотня, высланная разъездом царевичем Алеем в район Уватских гор, укрылась на день в овраге, который выходил на Иртыш, давая возможность соглядатаям наблюдать за поймой реки. До крепости оставалось порядка сотни верст рекой, и все обозы обычно выходили на речной лед, двигаясь по руслу.

На одиноко ехавшего вогула никто не обратил внимания. Но он сам повернул упряжку к разведчикам, наблюдавшим за рекой из оврага.

– Эй! Балык бар! – закричал он, подняв шест.

– Пошел прочь! Не нужна нам твоя рыба! – крикнул старший. И вогул, подняв шест, погнал оленей дальше вверх по реке.

Сигнал был замечен дозорной упряжкой, которая, развернувшись, помчалась к идущему за поворотом реки обозу.

Когда же кучумская разведка разглядела голову обоза, то казаки и остяки уже стаскивали нарты в два кольца, сооружая легкую крепость, а погонщики оленей, распрягнув животных, погнали их от места предстоящей битвы.

Обоз встал удачно. По левую руку возвышался высокий правый берег Иртыша с каменистой грядой у берега, где татарские кони не могли разогнаться, рискуя переломать ноги о береговые валуны и камни. По правую же руку парила огромная полынья протяженностью полверсты руслом. Конникам царевича Алея, выстроившимся во фронт до пятнадцати всадников в ряд, оставался вариант только для лобовой атаки.

– Ну, молитесь, казачки. А коли Господь внемлет вашим мольбам, то отобьемся от колченогих, – крикнул Архип, расставляя заряженные утятницы по трем нартам, перегородившим дорогу коннице.

Остяки князя Бояра, достав луки и стрелы и укрывшись за тюками, также приготовились к бою. Сдаваться им не было резона: после того, как они вышли из боя у Искера, тем самым предав Кучума, на татарское милосердие остякам рассчитывать не приходилось.

Бывший тысячник Аманжол, ведя на обоз сотню джигитов, уже предвкушал легкую добычу. По закону десятая часть захваченной добычи была его. Захват же обоза в сорок упряжек сулил немалую наживу.

Пищальный залп был полной неожиданностью для скачущих всадников. Семь лошадей, упав на лед, забились в судорогах, подминая под себя раненых и убитых седоков. Лавина конников прыснула вправо и влево. Попав на каменную гряду, прикрытую снегом, кони топтались на месте, а одна лошадь, сломавши ногу, упала. Левая же часть конников, развернувшись по руслу, уходила на исходное. И только один конь, видимо, раненный свинцовой сечкой, угодил вместе со своим толстым всадником в полынью.

Доспехи тащили Аманжолу в пучину, и он изо всех сил цеплялся за кромку льда своими толстыми пальцами.

– Бектас, дай руку! – взмолился он.

Стоящий на коленях перед полыней десятник Бектас медлил.

– Дай руку! – взмолился сотник.

– Ты помнишь Фариду? Каково ей было в мешке со змеей и котом? Это по твоему навету казнили бедную женщину.

– Дай руку! – молил Аманжол.

– Ты не джигит, коль не мог сразиться со мной в поединке, ты джальяп, и сгинешь в полынье, как блошистая кошка.

– Дай руку! Прости...

– Иди к Фариде, она ждет тебя, чтоб плюнуть в твою толстую морду.

Бектас, посмотрев на пузыри, поднялся. Взяв своего коня в повод, пошел к стоящим невдалеке всадникам.

– Я не смог ему помочь. Аманжол не дотянулся до моей руки.

– На все воля Аллаха! – согласились воины.

– Алга! – взревел Бектас, и всадники ринулись в атаку.

Но новый ружейный залп сшиб около восьми нукеров и четырех лошадей. Теперь конница не могла подойти к обозу уже из-за трупов коней, лежавших грудой перед нартами.

Бектас приказал спешиться. И его воины ринулись в новую атаку.

Татарин, заскочив на нарты, замахнулся на Семена, но Архип, вовремя узрев опасность, нависшую над другом, полоснул татарина по колену саблей. Взвыв от боли, воин рухнул на лед. Архип пнул ногой от него саблю и ринулся на следующего, рубанул его по плечу, практически перерубив кость руки.

– Потом добыю раненых, сейчас главное – вывести из строя как можно больше, – нанося удары саблей по рукам и ногам, бубнил под нос Архип.

Семен, схватив две сабли, одну свою, другую татарскую, рубился рядом.

Внезапно грянул выстрел утятниц. Это купцы, перезарядив в суматохе оружие, грянули залпом по татарам. И побежали бесстрашные кучумцы. А вдогонку жажнул выстрел третьей утятницы, положив еще четверых.

– Заряжайте пищали, братья, опять ринутся нехристи, – распорядился Семен.

– Погодь, погодь, ранен ты, – испугался кузнец.

– Пустяк, до свадьбы заживет, – улыбнулся казак Архипу, прикладывая шапку к ране на предплечье.

Два других казака, взявши копыя, добивали раненых татар.

– Ты им все руки и ноги порубал, – брезгливо усмехнулся Семен.

– Так в броне они, ни голову, ни грудь не возьмешь, вот и раню, чтоб из боя вывести, – ответил кузнец, присаживаясь на нарты.

– Тоже умно. Когда они от боли воют, такой ужас тогда наводят на сотоварищей, что волоса шевелятся, – расхохотался Семен.

Остяки верхом на оленях, выставив вперед копыя, ринулись за пешими татарами, нанося колющие удары в спины.

Только два десятка нукеров успели добраться до лошадей и, вскочив в седла, ввязались в сабельный бой с остяками.

Но отсутствие копий, которые были брошены в рукопашной битве при обозе, сыграло роковую роль. Защититься короткими саблями от копий и стрел остяков кучумцы уже не могли.

– Ты почему руки не подал, когда начальник тонул? – сидя на нартах перед стоящим на коленях связанным Бектасом, спросил Семен.

– Собаке – собачья смерть.

– Я отпускаю тебя, – принял решение есаул.

– Убей меня. Нет мне дороги к хану.

– Государю служить будешь московскому?

– Пошлешь – буду, – понутив голову, согласился Бектас.

– С моим обозом пойдешь на Московию. Там много татар государь к службе приставил.

– Я узбек.

– Да хоть перс, великий князь всех жалует, коли ему верой и правдой служат.

Угор, добравшись до крепости, известил Ермака об обозе.

На следующее утро пришел казацкий разъезд, посланный атаманом.

ГЛАВА 69

К середине зимы Кучум ушел в сторону Зайсана в надежде собрать войско и летом отвоевать Сибирское ханство. Хакасы и другие племена не были вмешаны в междоусобицу, которая, как плесень, поразила бывших вассалов хана Сибири. На это и ставил надежды хан.

Оставив царевича Алея для нанесения ударов по обозам и отдельным отрядам казаков, он как мог перекрыл основные зимние дороги, хотя хорошо вооруженные обозники все чаще и чаще давали отпор конным разъездам Алея.

Преимуществом казаков, сопровождающих обозы, служило наличие огнестрельного оружия. И не каждый Кучумовский сотник своим приказом мог заставить подчиненных нукеров идти в атаку на извергающие смерть пищали и пушки.

Проводив обоз с дарами и письмом к государю, Ермак ждал ответа от самодержца.

Повели упряжки Иван Кольцо с Семеном. Сколь ни образумливал буйного атамана Ермак, так и не смог он выбить из его головы мечту о казацкой вольнице в Сибири.

Владения Строгановых прошли удачно, обойдя заставы и разъезды братьев. Обоз, выйдя на Волгу, санным путем двинулся на Москву.

Прибыв в столицу, упрямый Иван Кольцо гордо зашел в посольский приказ как посол иностранного государства и, не снимая песцовой шапки, рявкнул:

– Послы от государя Сибири Ермака Тимофеева к государю всея Руси с дарами и грамотами.

Боярин, сидевший за столом, опешил. Проведя в посольском приказе половину жизни, боярин видывал разных послов из государств заморских. Знал, как привечать и встречать каждого. Но ряженого в соболью шубу казака, обвешенного оружием, с огромной серьгой в ухе он видал впервые. Как доложить государю? Не вызовет ли гнев его доклад?

Боярин, как никто другой, знал государя в гневе. Лет пяток назад Иоанн повелел пригвоздить шляпу к голове французского посла, не успевшего вовремя снять ее перед государем. За измену царю бояре, уличенные в сей дерзости, сажались на кол и под пляс скоморохов умирали в мучениях страшной смертью. Князь Дмитрий Шевырев просидел на колу целый день, а князь Борька Телепнев вовсе умирал около пятнадцати часов кряду, наблюдая, как его старуху-мать насиловали опричники. Епископа Новгородского Леонида государь приказал зашить в медвежью шкуру и затравить псами.

Да что и говорить, коль, уличив в измене свою жену Василису Мелентьевну, царь повелел заткнуть ее рот кляпом и закопать в гробу живьем. Шуту своему, которому позволено лепетать что попало, государь в гневе миску со щами горячими на голову надел.

Боярин почувствовал дрожь в коленках: а поди-ка доложи, так и язык отрежут да собакам выкинут. Тут нужно с умом подойти.

И посольский боярин, усмехнувшись в бороду, вышел из избы, велел обождать.

А уже к полудню связанные стрельцами по рукам и ногам послы Сибирского государя Ермака оказались в приказной избе и были любезно подвешены за руки к потолочной балке.

Мастера пыток, уставшие в последнее время от безделья, принялись раскладывать на верстаке свои страшные инструменты.

Мудрец же иностранных дел велел пока разгрузить содержимое обоза у себя в амбаре, дабы добро царское не пропало.

* * *

– Ну, здрав будь, государь мой Ивашка Московский! – присевший подле ложа Иоанна шут весело рассмеялся, трясся колпаком.

– Поди прочь, шут гороховый! Сгинь, сатана! Зарезан ты мной еще десять лет назад! – перекрестившись, воскликнул государь.

– Не убил ты, Ивашка, шута своего Осю Гвоздева. Век теперь приходиться я буду и пестовать тебя, полоумного, потому как князя да бояре великую измену затеяли супротив государства твоего, шутом ты выставляя на весь мир. Я обиды на тебя не держу за миску супа, вылитую мне на голову, да за удар ножом в спину, когда я убежал от тебя. Послал меня с того свету к тебе в сон, князь Гостомысл, дед князя Рюрика, поскольку никто более тебе не скажет правду, опасаясь гнева твоего безудержного. Велел передать он, что Сибирь атаман Ермак сотоварищи в ноги тебе стелет. Токмо вот его послов уж на дыбу вздернули да дары сибирские растащили по амбарам бояре посольские. Обвиняют посланцев в измене. Вождедеют воры-бояре присвоить дары, присланные государю всея Руси от атамана, потому и утаили они их в своих амбарах. Почитай две тысячи соболей, двадцать бобров, двадцать черно-бурых лис, шапки да наряды Кучума, золото самородное, камни лучшие по сусекам растащили бояре пакостные. А чтоб проверить слова мои, запроси пошту у писца своего, которая наемни ему вручена есаулом Семеном, что от стрельцов ушел, к дверям твоим пробился с грамотой.

– Ты гредишься мне, князь Остап Гвоздев?

– Да. Но что я поведал, проверь, как проснешься, ибо тут решается судьба Руси. Забьют казачков в приказной избе – потеряешь Сибирь. Не будет Руси от моря до моря, – с этими словами шут Иоанна растворился.

Иван, проснувшись, сидя на ложе и стряхивая остатки сна, дернул шнур колокольчика:

– Писца ко мне с поштой вечерошной!

ГЛАВА 70

ДВОРЕЦ КУЧУМА

Ермак, взглянув на вошедшего Архипа, поднялся и, подойдя, обнял его.

– Благодарствую от всего нашего казачьего войска за помощь в разведке крепости. Уж больно твой план нам помог при взятии Кашлыка. Что пожелаешь в награду за пользу оказанную?

– Не нужна мне награда. Я от души и по совести, чем мог, помогал. А коли взаправду одарить хочешь, помоги сыскать наковальню, а то я уж все камни перекрошил за три версты в округе, – улыбнулся Архип.

– Присаживайся, казак, за стол, хлебни-ка бухарского вина, а я накажу есаулам, чтоб к утру сыскали тебе плиту дляковки, да еще и инструмент посмотрели. После бегства татар из Кашлыка тут много чего осталось. Вон и сам Кучум без портков удрал через задний ход. Слепой, слепой, а, как филин, ночью тропинку нашел, ни на один наш заслон не нарвался.

Архип присел за стол. Никита Пан налил ему чарку розового напитка.

– Дело тайное есть до тебя, Архип, – обратился к нему атаман Сибири, – уж больно годишься ты для него. И язык за зубами держать можешь, и не алчен ты до грошей. Удержимся ли мы нынешней зимой в крепости али нет, один Господь токмо и знает. Обоз

твой-то успел проскочить. Да вот Маметкул под Кашлыком вновь объявился. Пока барчук Алей шлялся округ, мало беды было, а теперича бьют ироды обозы наши по дороге. Мы уж и коней резать начали на шурпу, а время-то – только конец месяца груденя. Так что до весны ашо дожить треба. Твой обоз уж больно нас выручил.

– Так мы еще обоз вам справим, коль порохом да свинцом поделитесь, – пообещал кузнец атаману.

– Не поделимся мы, у самих полки пусты. Ну-ка пойдут кучумцы на приступ? Полезут на стены, а нам на десять залпов припасов осталось. Только мы это в тайне держим от татар. А Маметкулу уже доложили, что пороха у нас со свинцом полны подвалы. Вот и не суются, нехристи, опасаясь отпора, – подливая вино, усмехнулся Ермак.

– Это как же вы их так обвели? – усмехнулся кузнец.

– Да мы тут по осени Кутатая пленили. Показали пустые пороховые бочонки в подвалах. Опосля во двор вывели, к стене амбарной поставили, будто на распыл, и как жажнули поверх головы с десяти стволов – так его опилом да щепой по колени и засыпало. Пал Кутатай от страха, да ашо для пушного смеху в шаровары наложил. Поставили мы его в ворота, да и пнул Ерема под мокрый зад советника Кучума, а тот и тикать до своих узбечат. Вот страху-то и нагнали. Коль бесстрашный разведчик хана с шамотом в штанах прибег до его стана, то уж куды простым смертным с нами тягаться, – завершил Никита Пан рассказ под громкий смех Архипа и Ермака.

Окончив смеяться и отпив винца, кузнец справился:

– Так дело-то у вас какое? Говорите, пока я при памяти, уж больно вино бухарское голову мутит. Давненько я не куражился, кулаками не махал. Пленного какого татарина нема у вас, чтобы кулачным боем с ним поразмяться?

– Тащи сюды с ямы батыра Самеда, что нынче дозорные полонили! –весело крикнул Ермак казаку, стоявшему у порога на часах. – Сейчас глянем, кто кулаками добр! А покуда никого нет, слухай, – перейдя на шепот, молвил атаман, – дадим мы тебе семь бочонков пороху.

– Вот это дело! – обрадовался кузнец.

– Ты слухай, один бочонок тебе. А шесть – наши, с серебряной да золотой утварью кучумской, под порох закрытые, ты сховай покуда их у себя в урмане. Коль не сможем выдержать осаду, то по

реке к тебе скатимся, чтоб на Печеру или Мангазею идтить. А коль перезимуем, то приедут люди за ними. Вот тебе монетка, отлони сам половину. А какой человек вторую половину до тебя принесет, тому бочонки и возвернешь, – с этими словами Ермак подал Архипу монету.

Кузнец взял ее в руку, подбросил, поймал и потом своими могучими пальцами порвал пополам, как тряпицу.

– Бухарская деньга. Не жаль ее портить?

– А у нас их куры не клюют, – усмехнулся Никита Пан.

– Потому что с голоду всех курей поели, вот и не клюют, – рассмеялся Архип, отпивая из чарки хмельной напиток. – Ну, подавайте мне вашего татарина! Я его как гуся порву. Уж больно люблю я по хмельному делу силой померяться.

Вышли на двор. Там уж собрались казаки со стрельцами. Рассевшись на бревнах и на крылечке дворца, предчувствуя развлечение, они свистели и голосили.

Вывели и пленного. Огромный ногаец разминал затекшие после пут руки.

Кузнец снял овчинную безрукавку, бросил ее на снег и, обращаясь к зрителям, заявил:

– Ну, честной народ, подрачься мне трохи захотелось. Коли побьет меня басурманин, прошу отпустить его на все четыре стороны. Только для азарту прошу дать помощника ему, так как не с руки мне одного бить.

Толпа рывкнула от удовольствия.

– Приведите из ямы желающего, – распорядился Ермак Тимофеевич.

Вывели еще одного тощего татарина. Присмотревшись, Архип признал в нем Ибрашку, но не подал виду.

Самед ринулся на кузнеца, не дожидаясь удара в бубен. Трое казаков, подняв кверху трофейные корнаи, дунули разом, изображая звуки труб, зовущих в атаку.

Удар пришелся Архипу в грудь. Кузнец, отступив на шаг, отдышался и врезал со всего маху Самеду в ухо. Ногаец покачнулся, но устоял.

В этот момент на Архипа прыгнул Ибрагим. Стараясь не изувечить, ударом кулака кузнец положил его на снег. Самед, обвиняя руками кузнеца и оторвав его от земли, бросил его через себя.

– У, ты, сучий потрох! – взревел Архип, поднимаясь и выплевывая снег.

Самед и не понял, как оказался на земле – свинцовый удар кулачищем в лоб оглушил, его как ботало осетра.

Кузнец, осмотрев поверженных противников, зачерпнул левой рукой снега, приложив к кулаку правой руки.

– Кажисть, два перста сломал, – рассматривая опухающую кисть, проворчал он.

– Ну, казачки? Честный бой был? – обратился к народу Ермак.

– Честный!

– Куды побитых басурманов девать?

– В яму их! В яму!

– Отпустите их, братья. Нехай идут восвосяи, – предложил Архип и добавил: – Я душу отвел и теперича на них не зол.

* * *

– А ведь я хотел тебя убить. Прости меня, Ибрагим. Ты один вызвался на бой. Ты настоящий джигит. Будь моим братом, – проговорил Самед, когда за пленниками захлопнулись ворота крепости.

– Мы свободны, Самед, я рад, что нашел брата, – ответил Ибрагим.

Ермак хитро прищурился, глядя с крепостной стены на удаляющихся бывших пленников.

– Ибрагим убьет Кучума, а кайбаша Самед поможет ввести его в свой круг, – шепнул он Никите Пану.

Архип, улыбнувшись, сделал вид, что не понял замысла атамана Сибири.

ГЛАВА 71

МОСКВА

Государь, прикрыв веки, внимательно слушал дьяка, читающего вслух письмо от Ермака.

– Изволением Бога, и пречистой его Богородицы матери, и великих чудотворцев молитвами, и государя царя, великого князя всея Руси Иоанна Васильевича ко всемогущему Богу молитвою, государевы люди, атаман Ермак Тимофеев и его сотоварищи, царство сибирское взяли.

– Так пошто энти шельмы не в челобитный, а в посольский приказ явились? – не открывая век, молвил Иван. – Важность свою показать? Ах, разбойники! Ах, сучьи дети!

– Видится мне, государь, что затерялось бы послание в челобитной избе, покуда в твои царские руки попало. Кучум упредил бы да свое посольство прислал, а ты, как самый добрейший, вновь бы простил ослушника. Потому-то и пошли казаки в посольский приказ.

– Именем Божьим начало сие писано, знать, не лукавят, – пожав плечами и вставив свое слово, тихо молвил князь Семен Волховский.

– А что там нам Кучум отписал намедни? – подняв веки, обратился к дьяку государь.

– Писал, что, взявши Чиги Туру и Кашлык, разбойники восемь пудов злата да серебра присвоили да утаили от государя, растащив по себе. Жен его обобрали да снасильничали.

Иван усмехнулся:

– Год назад хан мне дерзко писал, что дурень я и он на меня войной идет, дотла Москву спалит. А тут вона как запел, ровно соловей-соловушка. Но проверить его слова надобно. Не верю я, что разбойный люд всё добро взятое в казну сдал. Да и негоже огромной Сибирью управлять казаку безродному, – взглянув на Волховского, продолжил: – Так что пойдешь, Семен, с посольством моим наместником. Будешь великим ханом Сибири, – Иоанн улыбнулся, – возьми с собой три сотни стрельцов казанской рати и жалование им на год. А коль казачки темнить станут, то именем моим с ними разберешься. Да про восемь пудов злата поразузнай. Такое за ланиту⁴⁷ не спрячешь. Слухи-то, они как трава сеются, не выполоть, коль росточки дадут. С мурзами, на нашу сторону что перешли, веди себя покладисто, они тоже много чего ведают, да доносить некому. Племянника хана Едигера, благородного Сейдяка, призови к себе, он супротив Кучума выступает. А чтоб достоверность была, грамоту ему передашь, что оставляю я его на ханстве, коль поможет в борьбе с послушником Кучумом. Он и разомлеет от счастья. Воеводу же, Маметкула, постарайся на свою сторону призвать, Кучум без него как кутенок слепой. Через год подмогу тебе вышлю – семьсот стрельцов во главе с воеводой Мансуровым.

* * *

СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН

– Отче, а далее с Афанасием вы куды шли? – спросил Никита, рассматривая древнюю табличку с изображением стран заморских.

– В Индии посетили мы грады Бидар, Парвар и Дабул. Афанасий считал дни ходьбы до каждого града. Я разыскал потомков белых людей, что с князем Скандом пришли. В монастырях их постиг знания, которые мне дюже далее пригодились. Стал я способным во сны приходить к нужным людям, подчинять волю любого. Обратной дорогой через Тавриз в Крым возвратились. Крымский хан встретил любезно. Передал дары и серебро князю

⁴⁷

Ланита – щека.

Тверскому, брату Ивана. Вот и не смог Ганзейский союз побороть Русь, никакие его пакости не помогли. Развалился он вскорости, а Русь еще более окрепла, единым государством ставши, – окончил рассказ старец.

Гостомысл, кряхтя, подкинул хвороста в очаг, расстелил рогожу на ложе, намереваясь лечь отдохнуть.

– А что далее пребывало, отче?

– Далее в Смоленске от лихоманки помер Афанасий, но успел деда твоего зачать. Вот и не прервался род ваш, Никитушко. Токмо, когда вы с отцом Коломенскую крепость строили, потерял я вас, занимаясь иными делами. Да вот разыскал тебя в краях басурманских.

Никита тяжело вздохнул, вспомнив рабство. Хотел еще спросить старца, но услышал мирное сопение. Гостомысл спал.

– Совсем ты, отче, ослаб в последнюю пору, – бережно накрывая наставника верблюжьим одеялом, вздохнул каменотес.

* * *

В одну из морозных ночей петли, смазанные рыбьим жиром, даже не скрипнули. Крепостные ворота, открывшись, выпустили из осажденного острога две упряжки оленей, которые, спустившись на лед Иртыша, взяли курс на север.

Первую упряжку вел Угор, управляя оленями. Он прокладывал путь вдоль правого берега, каким-то врожденным чутьем объезжая полыньи и наледи.

Во второй, развалившись на нартах и закутавшись в малицу, полулежал Архип.

Кучумцы сторожевого поста с высокого берега их приметили, но запрягать лошадей в морозную ночь и гнаться за двумя шальными упряжками поленились.

Золото и серебро Ермака бесследно растворилось в темной ночи Западной Сибири.

ГЛАВА 72

Весна выдалась ранняя. Вода в Оби от начинающегося весеннего паводка поднялась, оторвала от берега вспучившийся лед, который вскоре превратился в отдельные льдины и двинулся к водам Карского моря.

Рамиля с Ксенией пекли лепехи в дорогу, подшивали и латали одежду. Кузнец с вогулом конопатили и смолили лодку. Путь предстоял неблизкий.

И пока большая вода прибывала, необходимо было обернуться туда и обратно, иначе пришлось бы путникам волоком тащить лодку по мелям.

– День вороны давно прошел, намедни выходить нужно, позже никак нельзя. Остяки сказывали, что в Нарыкар Ваш стрельцов видели. Шастают по стойбищам. Только лед пройдет, и сюды заявятся, а мы с тобой бочонки атаманов еще не припрятали, – глядя на распускающиеся листочки березы, заявил Архип.

– Вода в Атлымке долго большая будет, пока на Оби не начнет падать. А назад вниз по течению быстро скатимся, – заверил Угор.

– Ванюшку возьмем с собой. Все мы под единым Богом ходим, и всякое случиться может с нами. Так хоть он место запомнит.

– Не боишься, Архип? А вдруг пытать начнут мальца, так и выдаст.

– Этот не выдаст, – покачав головой, заверил кузнец, – его на куски режь, не выдаст место. Да и кто подумает, что мальчонке такую тайну доверили.

Вогул выпустил через нос дым и, помолчав, проговорил:

– Путь долгий. Пять ден токмо по руслу пробираться, а там ручьями урманом еще две луны. Выйдем к озеру, где Сорт Лунг живет.

– Это еще кто? – насторожился кузнец.

– Сорт Лунг – злой дух, который в щуку переселился. На это озеро ни птица не садится, ни зверь воду из него не пьет. Сказывали, что нашелся смелый юноша, отправился на челноке по озеру проплыть. Так тут же огромная щука появилась и напала на челнок. Звал юноша на помощь народ, но никто к воде не подошел, так как Сорт Лунга все боялись.

– Скажешь тож, щука человека проглотила! – не поверил Архип. – Байки это всё.

Вогул расстегнул рубаху и показал огромный зуб, висевший на шнурке рядом с нательным крестиком:

– Смотри, коли не веришь.

– Так то ж медвежий клык! – расхохотался его товарищ.

– Знамо, что медвежий. Его Сорт Лунг на берег выплюнул, когда медведя, пришедшего на водопой, проглотил, – обиделся Угорка на кузнеца, который не хотел ему верить.

– Так и нами не побрезгует твоя щука?

– Я заговор знаю от глаза оборотня. Мы проплывем на остров и обратно. Плот срубим и под ветер проплывем. Сорт Лунг плот не тронет, плот большой и не похож на рыбу.

Уже практически установился приполярный день. Солнце заходило только на час-полтора. Комары и мошки еще не появились. Пришла пора отправляться в путь.

Рано утром Архип, проверив припасы и снаряжение, оттолкнул веслом лодку от берега. Обогнув берег Оби, путники вошли в реку Атлым. Встречное течение сдерживало ход, но Архип будто и не чувствовал его, уверенно гребя супротив пучины.

– Лодка мой, весла мой, я гребу к себе домой... – запел песню Угорка, а в такт ему ладошкой по борту принялся постукивать Ванюшка.

– Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела, – буркнул себе под нос Архип.

На отдых становились, прибившись к берегу. Развели костер.

На вторые сутки заметили идущую по берегу медведицу с двумя шкодными медвежатами, которые, играючи, периодически

завязывали потасовки между собой. Мамаша же ждала, когда кто-нибудь из трех путников отобьется от компании.

Ванюшке было немного страшновато такое соседство, но он не подавал виду, стараясь всем видом показать, что он тоже уже взрослый. Архип держал наготове заряженную пицаль, но стрелять в мамку не решался, наверное, боялся оставить сиротами медвежат.

– Она не подойдет. Мы шибко дымом пахнем. Но это ее угодня, и она не отстанет, пока мы их не пройдем, – вглядываясь в береговые кусты, пояснил вогул.

Русло реки то сходилась берегами, то, наоборот, расширялось. Иногда в нее впадали малые речки.

– Торнынг соим, – показывая пальцем на очередную речку, объяснял вогул.

– Откуда ты, дядька Угор, все знаешь? – удивлялся Ванюшка

– Я шаман, я все знаю, – гордо отвечал вогул.

– Садись на весла, плут. Уж, почитай, лишний час гребу за тебя, зубы нам тут заговариваешь, – проворчал Архип, переходя на корму.

Угорка послушно пересел за гребни, и вновь по руслу реки зазвучала песня:

– Лодка мой, весла мой, я гребу себе домой...

На пятый день вечером пристали к низкому болотистому берегу, где небольшой ручеек впадал в речку. Угор, разведя ветки тальника, ловко завел лодку в маленькое русло. Грести тут было невозможно, поэтому Архип встал на ноги и, отталкиваясь черенком весла от берега, повел лодку дальше.

– Лыгопхоть-ёган, однако, – объявил вогул.

– Баба-Яга, костяная нога, – пошутил мальчик, – у вас все речки Ёган да Ёга.

– Ёшь вашу Матрену! Я, кажись, осиное гнездо головой сбил! – вдруг закричал Архип, шаря руками по дну лодки.

Схватив гнездо руками, кузнец отшвырнул его по течению вниз. Но несколько десятков рассерженных насекомых уже ринулись в атаку на людей. Минут через десять осы отстали, а Архип с Угором, разглядывая свои покусанные лица, расхохотались.

– Ну что, вылезать мне из-под малицы? – спросил Ванюшка, опасаясь осинового роя. Ему повезло больше всех. Он первым упал на дно лодки и уберегся от укусов.

Угорка достал кусок старой рыболовной сети, обильно смоченной дегтем, и надел ее себе на голову, закрыв лицо от укусов мошкары, которая уже вилась черным роем над путниками.

– Скоро озеро, где живет Сорт Лунг. Это его угодыя, – шепотом объявил вогул, показав на ствол дерева, на котором висели разноцветные тряпицы, а на сучке был кем-то установлен щучий череп с огромной пастью.

– Ты пошто на шепот перешел? – так же тихо спросил Архип, пододвигая ближе к себе пицаль и трижды перекрестившись.

– Ты, Архип, в воду не гляди, а то дух блеск глаз увидит и проглотит тебя, – не отвечая на вопрос, предупредил Угор.

Ванюшка от страха боялся высунуть нос из малицы.

Ручей стал совершенно узким. Пришлось оставить лодку, переложить поклажу на небольшие нарты, взятые с собой, и тянуть их по болоту. Полозья, словно по снегу, скользили по мху. Зато ноги путников проваливались в болотную жижу чуть не по колено.

К утру, добравшись до берега озера, все трое без сил повалились на землю.

Два дня понадобилось им, чтоб нарубить деревья и собрать плот. Закатив на него бочонки и припасы, друзья оттолкнулись от берега. Ветер был попутный, и их сносило к небольшому острову, который находился посередине Чудо-Озера.

Архип, любуясь величием природы, совершенно забыл наказ Угора не смотреть в воду. Прозрачная вода позволяла разглядеть на дне каждый камешек и каждое бревно. Кузнец увидел даже блеск каких-то двух предметов на одном из бревен. Не осознавая, что делает, он, опустившись на колени, не отрываясь, вглядывался вглубь. Предметы приближались.

– Так это же глаза! – очнулся Архип, отстраняясь от края плота.

В этот же момент огромная пасть вынырнула из воды, но, промахнувшись, ушла под воду без добычи.

– Не смотри на воду! Это Сорт Лунг! – испуганно крикнул вогул, отбегая на середину плота.

Огромная столетняя щука, сделав несколько кругов вокруг плота, бесшумно ушла в пучину.

Ванюшку трясло от страха, он безвольно повис на руках своего отчима, которого также была нервная дрожь.

– Впереди лабзы, мы их обойдем по чистой воде.

– Плавни, что ли? – уточнил кузнец, разглядывая заросшую травой площадь озера.

– Ага, лабзы. По ним ходить можно, но коли провалишься, то пиши пропало.

Плот прибился к острову. Угор спрыгнув на берег, подтянул его и привязал за кривую березку, торчащую из-под валуна.

ГЛАВА 73

Сойдя на песчаный берег острова, Архип огляделся. Что-то было не так. Вроде сосны и осины, как везде. Ветерок так же гуляет по их макушкам. Мошка с комаром гудит в воздухе. А все не так.

– Дядька Архип, – дернул за рукав отчима Ванюшка, – а пошто тут птицы не поют и дятлы не стучат? Чтой-то боязно мне.

И действительно, прислушавшись, кузнец наконец-то понял причину своего беспокойства. Лес на острове был настоящим урманом, где не водились ни зверь, ни птица. Перед путниками стеной стояли деревья с темными стволами, покрытые мхом и плесенью, торчащими корневищами и сучьями, похожими на костлявые руки. Над водной гладью озера, окружающей остров, не летали птицы. И вдруг, как гром среди ясного неба, раздалось громкое и хриплое:

– Кар, кар!

Ванюшка присел от неожиданности. Архип вздрогнул, а вогул радостно улыбнулся.

На ветке ближайшей сосны сидел огромный седой ворон.

– Кар?! – повторил он, внимательно разглядывая людей.

Угор развязал походный мешок и, достав сушеного мяса, кинул его пред собой на траву.

– Отведай, мудрая птица. С миром пришли мы сюда. Не нанесем вреда ни тебе, ни священным местам, – произнес он.

Ворон слетел на землю.

Переваливаясь, подошел и клюнул подношение.

– Кар?! – вновь издала звук птица, как будто спрашивая у людей: «Что вам надобно в моих владениях?!».

Угор достал из-за пазухи маленькие стеклянные бусы и потряс ими перед вороном.

– Кар! – обрадованно вскрикнула птица и безбоязненно подошла к вогулу.

Тот, отдав ей украшение, отошел в сторону. Ворон, держа в клюве бусы, вспорхнул на ветку сосны.

– Ждите меня тут. А куда груз на берег перенесите. Я пойду за ним, нужно место надежное приметить, где все схоронить. А надежней места, где спрячет бусы мудрый ворон, не сыскать нам, – объявил Угорка, наблюдая, как старый ворон тяжело с ветки на ветку начал свой полет вглубь острова.

К закату вогул вернулся. Присел подле костра. Молча отведал варева из котелка. Глянул на спящего Ванюшку и спросил у кузнеца:

– Помнишь, когда бежали мы из рабства, я сказывал, что найду каменную стрелу, которая укажет, где хранится Золотая Баба?

– Припоминаю, – отозвался Архип, прикрывая от комаров Ванюшку своей малицей.

– Нашел я.

– Сейчас, что ли?

– Ага. Раньше, еще мальчонкой, меня мой дед-шаман привозил сюды. Тогда я не ведал, зачем он брал меня с собой. Теперь понимаю: чтоб дорогу запомнил. Про каменную стрелу сказывал, что счастье принесет народу нашему. Да бусы велел хранить и отдать, когда священную птицу повстречаю, которая покажет дорогу к той самой стреле каменной.

– Ну, нашел ты ее, а что далее? Я, хоть убей, на себе твою стрелу обратно не поволоку. И так с бочонками чуть пупок не надорвал.

– Ты ее не поднимешь, Архип. Стрела – это скала, которая в полдень тенью своей, похожей на стрелу, показывает вход в пещеру. В той пещере Золотая Баба находится, которую много веков укрывают наши народы от глаза человеческого, от людей, до наживы падких. Туда ворон бусы и понес. А я за ним следом. Лет ему много, тяжело летать. С ветки на ветку, с сосны на осину, где посидит, отдышится, вот он и привел меня на это место. Место сие священное и охраняется духами. Плохой человек не пройдет сюда. Простой

забоится. Шальной заблудится. Оно как раз подходит для нашего тайника. С рассветом перекатим бочонки да домой двинем.

– Не робеешь, что пристукну тебя тут, Бабу Златую под мышку, и был таков? – усмехнулся Архип, подбрасывая ветки в костер.

– Тебя? Нет, не опасаясь, Архипушка. Если бы среди нас человек с черным сердцем был, не подошел бы ворон. Ни в жизнь не подошел. А бусы я Ванюшке потом отдам на сохранение. Коли Рамиля родит мне сына летом, то пусть братьями будут, тайну великую хранят, – с этими словами вогул вытащил из-за пазухи стелюшечные бусы.

– Ты пошто птицу обокрал?

– Она к другим бусам не подойдет. Пришлось забрать.

– Кар! – раздалось с вершины осины.

Архип вздрогнул и перекрестился:

– Подь ты, нечистая.

* * *

СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН

Гостомысл совсем занемог. Уже почти не вставал со своего ложа. Никита поил и кормил его, бережно приподнимая голову старца.

– Видимо, отец мой Буриной внял моим мольбам. Пора мне в путь далекий собираться. Ждут меня там жена и сыновья мои, Никитушко. А тебе дело нелегкое продолжать, как потомку князей Словена и Руса. Вода ныне большая на Исиле. Челнок у нас добрый. Забирай таблицы древние, свитки и спускайся вниз по речкам.

– Не брошу я тебя, отче! – воскликнул Никита.

– Не смей перечить князю великому Гостомыслу! – воскликнул старец и, прокашлявшись, продолжил:

– Завтра, когда встанешь, не пужайся шибко. Я в дороге уже буду. А тело мое брренное укрой холстиной. Заложь вход добротнo. Траву присей по щелям. Что не унесешь с собой, в пещере оставь. Опосля, может, лет через сто вернешься да заберешь остальное.

– Скажешь тоже, отче. Через сто, – усмехнулся Никита, глядя бороду, – мне уже сорок с гаком, а через сто полтора ста будет.

– Не усмехайся, отрок, время покажет, сколь дадено тебе по свету хаживать. Царь Иван скоро преставится. Сын Федор,

наследник его, тоже долго не проживет, чахлый он, рассудком не шибко наделен. Смута великая на Русь идет. Сибирь никому не нужна станет. Уйдут следующей весной через Печеры и Холмогоры на Русь последние казаки, что после голода зимнего живыми останутся. Токмо ты, когда спустишься водой до Кашира, коли не застанешь там уже русских, спускайся далее, там своего любезного кузнеца да вогула и найдешь. По Оби не промахнешься, держись правого берега, а у Атлымских юрт поспрошай, где белый шаман живет. Остяки покажут. Шар ведунов береги как зеницу ока. Да, еще, о самом заветном. Найдешь ты в урмане мальчика дюже смышленного, береги его пуще живота своего. Ибо токмо он может узнать кто убил моего пестуна, старца Веденя, и токмо этот отрок способен зрить во снах прошлое и расправиться с убийцей в настоящем. Я буду наставлять вас, являясь вам в грезах. Бубенец без била...

Старец, не договорив, устало закрыл глаза.

Никита, сидя подле его, про себя рассуждал: «Коли помрет отче, придется уходить из Исильской степи. Уходить только водой надобно, в диком поле могут повстречаться татарские разъезды. Хоть и обучился у старца искусству усыплять людей и навязывать им свою волю, но лучше не рисковать. Да и заблудиться в степи можно. А вода она все одно на север течет. Челнок большой, все таблицы, свитки да пожитки в нем уместятся.

Гостомысл ушел тихо. Никита даже и не заметил, как ведун дышать перестал. Сложив старцу руки на груди, он бережно укрыл его верблюжьим одеялом. Вынес из пещеры вещи, аккуратно заложил камнями вход, засыпав щели землицей, присадил траву.

Открыв клетку, плетенную из ивовых веток, выпустил голубя с запиской, что продиктовал ему два дня загодя старец, и отправился в путь.

А путь-то был не близок. От Жаман сопки до реки был дневной переход без поклажи. С вещами же Никита рассчитывал дойти за два дня. Благо, что у старцев была в пользовании маленькая одноносная арба, в которую и впрягся каменотес.

* * *

Валихан развернул письмо, доставленное голубем. Исатай ждал, что скажет его покровитель.

– Кашир следующей весной оставят русские. Сейдяк может сесть на трон, если опередит Кучума, – прочитал вслух Валихан и, посмотрев на Исатая, распорядился: – Езжай, уважаемый Исатай, к царевичу Сейдяку и передай ему, что поведали нам старцы. Возьми с собой сотню воинов, времена ныне беспокойные. Кучум-хан, как шакал, рыщет в степи. Он опустился до конокрадства, вырезает аулы, которые встали на сторону царевича Сейдяка.

– Слушаюсь. Дозволь только на несколько дней заехать на конский базар, повидать жену и сына.

– Хорошо. Но через семь дней ты должен выехать, – согласился Валихан.

* * *

Старый седой ворон сидел на ветке осины, наблюдая за удаляющимся плотом. Люди выгрузили бочонки в его пещере и, оставив вяленой оленины ему в дар, отплыли от острова. Лет сто назад тут жил последний великий шаман, но, когда его не стало, душа шамана, по поверью народов Севера, перешла в плоть птицы. Ворон постепенно привык к одиночеству. Память о тех временах сохранила, пожалуй, только стеклянные бусы, принадлежавшие ранее старому шаману. Когда и откуда была на остров привезена золотая статуя женщины, и вовсе никто не знал. Поговаривают, что до сей поры хранят бережно Золотую Бабу народы Севера. Не может ее отыскать человек с черным сердцем и гадкой душой.

А огромная щука, в которую вселился злой дух Сорт Лунг, стережет водную гладь озера.

ГЛАВА 74

Хан Кучум скитался по Исильской степи, и всюду, где бы он ни объявился, по пятам за ним шел Ибрагим.

Самед еще прошлым летом ввел его в свой родовой круг, представив названным братом, с которым делил тягости плена у урусов. Это позволило Ибрашке раствориться в массе других воинов.

Никому он не поведал цель своего появления в степи, никто не знал священную тайну и план отмщения.

Его селение было полностью вырезано людьми Кучума более тридцати лет назад. Свидетелей, кто бы знал в лицо Ибрагима, не осталось. Жажда мести за гибель отца и братьев гнала его по пятам хана. За годы скитаний, службы у русского царя, участия в битвах и походах, жизнь научила его быть терпеливым. Ибрагим умел ожидать и терпеливо ждал случая, когда судьба его наградит возможностью приблизиться к бывшему хану Сибири на расстояние, дающее возможность зарезать его, как барана.

К середине осени до него дошла страшная весть, что пал в битве Никита Пан, а следом и Ермак с дружиной попал в засаду царевича Алея.

Ибрагим был вынужден прекратить выслеживание своего кровника и уйти в сторону стана Сейдяка, на устье речки Омь, понимая, что взятие Кашира Кучумом станет концом его плана мести. Ведь добраться до холеного горла хана во дворце будет уже невозможно.

Но ежели Сейдяк возьмет столицу Сибири, то ненавистный хан останется в степи и рано или поздно до него дотянется рука Ибрагима.

А значит, нужно помочь племяннику Едигера скорее идти на Кашир и занять трон дяди, отобранный Кучумом.

Оставшиеся в живых русские осенью, погрузившись в струги, ушли водой вниз по Иртышу на Обь в надежде до ледостава добраться до Печер и оттуда уж санным путем вернуться в Московию.

Конь Ибрагима шел шагом вдоль берега Исиля, воин дремал. Но неожиданно жеребец раздул ноздри и всхрапнул, давая понять своему хозяину о неизвестной опасности впереди.

Оглядевшись, всадник заметил на месте слияния Исиля с Иртышом еле заметный легкий дымок на берегу. В этом месте не было переправы, и путнику незачем было останавливаться на ночлег. А значит, путник, так же, как и Ибрагим, скрывался от посторонних глаз. Воин решительно повернул коня к костру.

Когда же его конь спустился по глиняному берегу к кромке воды, в зарослях ивняка Ибрагим разглядел сидящего у костерка старца в белых одеждах.

– Здрав будь, Ибрагим, – не оборачиваясь, произнес волхв и добавил: – Отведай ушицы с дороги, воин, не побрезгуй.

– Откель знаешь мое имя, уважаемый человек?

– Знаю, знаю, сын боярский. Про всю твою жизнь знаю, и про будущее, и про прошлое ведаю. Что ты Кучума стережешь, чтоб месть свою осуществить. И про сотоварищей Архипа да Угора ведаю. Слыхивал я и как бились вы в подстроеной Ермаком драке с кузнецом.

Ибрагим слез с коня, подвел его в поводу к кромке воды, напил, привязал к коряге и, присев у костра, спросил старца:

– А звать-величать тебя как?

– Вторак меня кличут. В миру Никитой величали. Как хочешь, так и зови. Мы встречались с тобой в степи. Помнишь?

– Вспомнил.

Запомни, наши дороги еще пересекутся, но позже. Поджидаю я тебя уже третий ден. Ведал, что не пройдешь мимо. Не стоит тебе идтить к Сейдяку, он сам Кашир без твоей помощи возьмет. А ты этим себя раскроешь и не осуществишь задуманное. Коли меня послушаешь, все у тебя сладится, но не скоро. Еще много лет тебе скитаться по белому свету, пока не придет оборванный и голодный хан Кучум сам в твою юрту.

– Куда же путь держишь? – отхлебывая из поднесенного котелка ухи, спросил крещеный татарин.

– В Избу Сотниковую, Ибрагим.

– Где кузнец Архип проживает?

– В ту самую.

– А что ж с Сибирью-то теперича станется?

– Верь мне, Ибрагим. Вернутся русские обратно и приживутся в Сибири на веки вечные, смешавшись с тутошним народом. А ты, Ибрагимушка, хана Кучума все-таки зарежешь, – похлопав по плечу джигита, заверил Никита.

– Твои слова да Богу в уши, – горько усмехнулся Ибрагим.

– Все станется, как я тебе поведал, – уверенно произнес камелотес. Поднявшись и собрав пожитки, он ловко запрыгнул в челн.

– Ну, прощевай, Ибрагим, названный сын боярина Пашкова. Удачи тебе в делах твоих праведных, – отталкивая челнок веслом от берега, молвил волхв.

– И тебе легкого пути, Никита, – ответил Ибрагим, отвязывая коня.

Челнок подхватило течение, и он вскоре скрылся в темноте.

А воин, развернув жеребца в обратную сторону, в задумчивости двинулся от реки.

* * *

Стрельцы в проплывающем струге прошли бы мимо Избы Сотниковой, да вот собаки окаянные, которые со звонким лаем выбежали на берег, выдали, что в логу проживают люди.

– Загребай к берегу! Живо! – дал команду старший.

Струг с разгона врезался в береговую гальку. Двое стрельцов, прыгнув на землю, вытащили его чуть ли не до середины.

– Айда, робяты, кажись, нашли мы коваля, – взяв в руки пищаль, скомандовал огромный стрелец со шрамом во всю щеку.

– Надобно не токмо кузнеца споймать, а еще бы и золотишко сыскать, – криво усмехнувшись, возгласил другой.

– Ничаго, ноги углями поджарим Архипу, все расскажет, касатик. Теперича у него защитников нетути. Все сгнули, токмо их золотишко да серебро осталось. А за камнем поделим добычу да разойдемся кто куды.

Ксения, разглядев поднимающихся по дну оврага от берега людей в грязных рваных кафтанах, сразу заподозрила что-то неладное.

– Уходи в лес, Рамиля, и детей забирай, – тихо распорядилась она, забежав в избу.

Сама же, схватив утятницу и установив ее на треногу, встала за поленницей перед избой.

– А ну, стой! Кого там нелегкая принесла?! – услышали звонкий голос поднимающиеся по логу тяжело дышащие стрельцы.

– Свои, свои, сударушка! От татар уходим. Из Кашира мы. Последние остались, остальных татарва покончала. Дай передохнуть, водицы испить да поклон твоему Архипу передать от Ермака Тимофеевича, царствие ему небесное, – крикнул в ответ старшой, перекрестившись.

– Водицы и в Оби полно, чай не по пустыне плыли. А Архип в тайге, на промысле. Стой, говорю! А то пальну часом, – не веря в благие намерения оборванцев, ответила Ксения.

Стрельцы остановились.

– И впрямь пальнет ненароком, баба-то у Архипа бешеная. Сказывали остяки, как она позапрошлой зимой татар постреляла, оком не повела, – шепнул второй. – Нас-то всего семеро. Кто потом бочонки катать будет, коли эта стерва двух-трех человек подранит? Погодь, Клешня. Давай обманом заговорим ее. Живьем бабу брать надобно. На кусочки ее резать начнем – коваль сам золотишко атаманово и выдаст.

Пока беглые стрельцы совещались, женщина, убедившись, что Рамиля с детьми уже далеко, схватила утятницу, шмыгнула в хату, закрыв дверь на засов.

– Будете ломать, сквозь двери пальну, ироды! – раздалось из сруба.

– Ладно, робяты, никуда энта шельма не денется до рассвета. Располагайтесь на травке, перекусим, тачки смажем, – предложил старший, – токмо с обратной стороны стеречь по очереди будем. На всякий случай. Вдруг лаз сробит да убежит бабенка.

Трое стрельцов ушли за припасами к стругу. Двое полезли в лабаз Архипа в поисках съестных запасов. Остальные расположились недалеко от крыльца и, набрав дров из поленницы, принялись разводять костер.

А незамеченная стрельцами Рамиля, прижав к груди Полинку и держа за руку Айшу, побежала лесом в сторону Атлымских юрт в надежде там встретить вогула с Архипом, которые по срокам уже

должны были возвращаться рекою мимо стойбища остяков, и предупредить их об опасности

Ксения в полутьме открыла погреб, который находился прямо перед порогом. Поставила между порогом и погребом деревянное корыто для стирки, после влезла на печь и тихонько головой откинула дверцу на чердак, где висели заготовленные веники для бани. Прикрыв за собой дверцу, заклала ее упором, который предусмотрительный кузнец смастерил на особый случай. Разложив подле себя две заряженные утятницы, женщина принялась ждать вторжения в избу.

Постепенно компания стрельцов захмелела.

Проснувшись утром, они решили взломать дверь.

Ксения понимала, что стрелять через дощатую дверь в три перста – это значило погасить силу заряда, а щепками особого вреда она разбойникам не нанесет. Поэтому и укрылась на чердаке.

Дверь выбивали до полудня, уж больно крепко была сбита она кузнецом. Кованые петли не поддавались, а запор из листовки, вложенный в скобы, крепко держал полотно двери, которая, как и у всех северных изб, открывалась вовнутрь избы. Кузнец ее так и выставил, чтоб снегом не задуло. Откапывать вход-то в тайге зимой некому. Порой так заметет снегом, что и до весны не выйти, коли наружу бы дверца открывалась. Не ведал коваль, что это поможет и при нападении.

Три бревна расщепили стрельцы о дверь, и, наконец, доска за доской она поддалась.

Клешня, встав сбоку, опасаясь выстрела, разобрал и откинул доски. Образовался маленький лаз.

– Ну-ка, Ефимушка, ступай в избу да сабельку вперед держи, – распорядился он, обращаясь к молодому стрельцу.

– А почай пальнет? Боязно мне, дядька Клещ, – попятился стрелец.

– Не пойдешь, я стрельну, – наводя пицаль на молодого стрельца, зарычал главарь.

Ефимка сунул нечесаную голову в пролом и зажмурил глаза, ожидая выстрела. Но, получив толчок между лопатками стволом от Клеща, прыгнул вовнутрь темной избы, держа перед собою саблю, и, наступив в деревянное корыто, споткнулся да вниз головой ухнул в раскрытое чрево семисаженного погреба на кадушки с солеными грибами.

– Подь сюды, – скомандовал Клешня следующему. – Кажись, в погреб угодил недотепа.

Стрелец вытащил из-за пазухи замусоленную церковную свечу и, сходя к костру, вернулся обратно, прикрывая огонек от ветерка.

– Пусть кто-нибудь еще со мной идет, – попросил он.

Разглядев в темноте избу, он склонился в проем погреба. Деревянная лестница уходила в темноту ямы. Стрелец нашел ногой ступень, встал и начал тихонько спускаться вниз.

– Богу душу отдал наш Ефимушка, – крикнул он из погреба, – шею свернул, горемычный.

– Зато грибов отведал напоследок, – выковыривая пальцем кусок соленого гриба изо рта мертвеца, горько усмехнулся второй стрелец, который спустился следом.

– Клешня, тут запасов на сотню служивых! Брага в кадушке, грибы да оленина вяленая, – раздалось из погреба.

– А баба где?

– А пес ее знает! Тут ее нет.

Клешня, осторожно обойдя лаз в погреб, прошелся по избе. Заглянул в печь, на печь, под столешницу, осмотрел полати, пошарил под лавками.

– Тьфу ты, нечистая. Испарилась она, что ли? – буркнул он, рассматривая бревенчатый потолок и периодически тыкая его острием бердыша.

Открыл ставню оконца, примерил. В окошко баба пролезть не могла, уж больно маленькое оно.

– Слышь, красавна. Ведаю, что ты на чердаке затаилась. Токмо не могу понять, как ты туды попала, – присев на лавку, громко произнес стрелец, – так мы всяко разно тебя возьмем, нам дымоход разобрать – раз плюнуть. Сейчас браги поьем и за дело.

– Вам что надо? Берите, что хотите, и уходите, пока мой Архип не возвернулся. Он же вам, как курам, головы пооткручивает. У меня тут две утятницы да заряды еще запасные к ним. Как кто башку на чердак сунет, так и отлетит она, – раздалось с чердака.

Клешня усмехнулся:

– А мож, я до баб соскучился.

– Что, руки отсохли, окаянный, не блудится? – раздался хохот сверху.

– Ты мне там не дерзи, сказывай по-хорошему, когда Архип твой воротится. Он нам нужен, а не ты. А пока в залоге посидишь, а как снестать захочешь, так сама дымоход разберешь да спустишься с голоду.

Вдруг Клешня от неожиданности вздрогнул, услышав незнакомый голос.

– Здравы будем, добры молодцы. Может, подсобить чем?

На пороге, опираясь на посох, стоял старец в белых одеждах.

ГЛАВА 75

Вогул, сидя на носу челнока, поучал Ванюшку:
– Вот бусы. Непростые они. Гляди-ка, куда сейчас пошел поворот речки?

– На правую руку, дядя Угор.

– Чуешь, бусинка ограненная? – давая мальцу потрогать руками, пестовал его шаман.

– Чую, дядька.

– А вот поворот пошел на левое плечо.

– Ой! Гладкая теперича бусинка! Потому как поворот влево, – догадался мальчуган.

– Вот, от узелка и идем. Куды речка, такая и бусинка, Ваня.

– А коль порвется нить нечаянно, да рассыплются бусы? Как быть? – испугался Ванюшка.

– Коль порвется нить, по величине определишь. Возьмешь мой бубен, в нем на коже отверстие посередине. Как просо, покатаешь бусинки, первая и выпадет. С нее насаживать и начинай. Остальных-то бус не дюже много, разберешься, какая следом должна идтить. От Оби пойдешь наверх по Атлым-реке, считай повороты в другую сторону. Уразумел?

– Уразумел, уразумел, дядька Угор.

– Вы что там шепчетесь? Утопить меня задумали? – сидя на корме, пошутил Архип.

– Нет, мы тебя, дядька Архип, скушать собрались, оленина-то седьмой день как кончилась, – ответил, улыбаясь, Ванюшка.

– Острослов ты, Ваня, тебе б в скоморохи, без куска хлеба не остался бы, – похвалил за находчивость его кузнец.

– Я в монахи пойду. Как Преподобный Сергей, буду добро сеять, – шмыгнув носом, серьезно заявил мальчик.

– Так вот почему у нас лучин и свечей до весны не хватило. Ты фолианты свои, стало быть, читал по ночам, что купцы тебе за трех соболей всучили, – догадался кузнец.

– То книги редкие, они-то поболее трех соболей стоят. Их писали монахи при князе Дмитриии, которого Сергей Преподобный на битву благословил. Он хана Мамаю побил, – по-взрослому ответил мальчик и, улыбнувшись, добавил: – Шкурки-то я купцам всучил подопревшие. Их дядя Угор вообще хотел собакам выбросить, только я подобрал да укусом вышаркал.

– Какой же ты монах, коль шельмуешь с отрочества? – рассмеялся Угор.

– Они книги святые продавали, а это грех великий. Их сам Господь велел наказать, – сняв шапку, перекрестился Ванюшка.

– Ну и что там писано? Расскажи. Путь неблизкий у нас. Ты сказывай, а мы погребем да послушаем, – предложил Архип.

– Ну, коли желаете, то слушайте, – обрадовался мальчонка, потому как давно он хотел поделиться своими познаниями, да подходящего случая не представлялось.

Ванюшка пересел на среднюю лавку так, чтобы находиться между вогулом и кузнецом, и с детской наивностью и рассуждениями начал рассказ:

– Книга писана Епифанием Премудрым. Родился как-то мальчик у боярина Кирилла и боярыни Марии. В достатке боярский двор жительствовавал. И мечтали родители сего мальчика, чтоб он их дело далее вел и боярский род продолжал. Нарекли малыша Варфоломеем, в честь святого Варфоломея. Но сызмальства их дитя не тянулось к богатству, а пытался Варфоломей Слово Божие уразуметь и прочесть книги священные. Но как ни бился отрок, не давалась ему грамота. Ну никак.

– Вот и хорошо, лучин меньше изведет, в доме прибыток, – отозвался с кормы Архип.

Но вогул на него цыкнул:

– Хорош балагурить, Архип, дай послушать!

Ванюшка, шмыгнув носом, продолжил:

– Как-то убег он на задворки к лесу, сидит, рыдает. Господу молится, чтоб грамота ему далась. А тут старец явился, ровно из-под земли вырос. «Пошто плачешь, отрок?» – «Грамоты не могу осилить, отче! Ну, никак она, окаянная, не дается. Видно, не прочесть мне Слово Божие никогда». – «А звать-то тебя как?» – «Варфоломей», – отвечает мальчик. «Стало быть, ты мне и нужен. Долго я тебя разыскивал, много сотен лет ждал твоего рождения и, однако, дождался», – присел подле мальчика старец. «А тебя, отче, как звать-величать?» – спросил Варфоломей. «Гостомыслом меня родители нарекли», – ответил старый человек. «А пошто именно я тебе нужен?» – «Не мне ты нужен, отрок, а Руси Великой, чтоб собрать духовно ее воедино. Труден и тернист будет путь твой, но добьешься ты славы и уважения не через богатство и родословную, а делами своими и твердостью духа».

С этими словами погладил старец по голове мальчика и молвил: «Ступай, чадо, с зарей встанешь, все буквы и слоги ведать будешь. Токмо не называй никому имени моего, так как с волхвами общаться не велено князьями нынешними. Неси, Варфоломей, в люд Слово Божие. И коли Русь наша пошла дорогой веры православной и народ наш желает этого, то так сему и быть. Воля народа, воля богов. Лишь бы Русь великая жила и процветала...».

Ванюшка посмотрел блестящими глазами на отчима и развел ручки:

– С этими словами исчез старец, ровно и не было его вовсе.

– Почитай, привидение? – удивленно воскликнул вогул.

– Сам ты приведение, дядька Угор. Тебе бы токмо остяков пужать в своей ряженой малице, да по бубну стучать, который, окромя дождя, после твоего боя ничего не вызывает.

– Сказывай, Ванюша, далее, уж шибко интересно у тебя получается, – переложив из руки в руку весло, попросил Архип.

– Поутру открыл писание мальчик и прочел першую страницу, – вскрикнул радостно Ваня, блестя глазенками, и продолжил: – Сбылись пророчества старца, далась отроку грамота. А батюшка мальчика совсем закручинился. Хотел он, чтоб дело сынок продолжал боярское, а не читал слово Божие. И братья его, Стефан и Петр, сию истину чрез Варфоломея почитать начали. Ни злата отцовского, ни сана не надобно им стало.

– Коли был бы я боярским сыном, то с печи бы не слазил да девок холопских щупал, – мечтательно произнес вогул, отталкивая своим веслом плывущую корягу.

– Потому ты и не боярский сын. Кому-то на свете и ладить дело нужно, чтоб всех кормить, а не спустя рукава жить. У нас на Руси так уж повелось, что один с плошкой, а семеро с ложкой, – отозвался с кормы Архип.

Ванюша в знак согласия кивнул отчиму головой и продолжил:

– Я шибко многого в сей книге не уразумел, уж больно мудро написано. Слов стародавних видимо-невидимо. Да еще зачеркнуто и перечеркнуто по полстраницы. А от сырости чернила расплылись местами. Токмо понял я, что опосля, как родители сего чада представились Господу нашему, ушел мальчик с братьями своими в лес дремучий. И строили они с братьями избу-молебну, там Богу молились, лес выкорчевывали для огорода, чтоб пропитание было.

А злые монахи, которые при каждой семье боярской обитали, на них смуту стали наводить, поносить словами непотребными.

– За что же? Ведь не трогали они никого, в лес от людей специально ушли, – удивился Архип.

– Вот за то и не любили они Варфоломея, что сам себе пропитание производил, а коли не было пищи, то голодом сидел, а не побирался, как оне, по дворам, амбарам и сусекам. Писано в книге, что монахи кормлением ранее содержались, последние крохи у смердов отбирали именем господина своего. Никто не смел им перечить. А Варфоломей сам работал и другим пример подавал.

– Значит, правильный был человек, раз трудом своим существовал, – согласился кузнец и с грустью добавил: – Ноне мало-вато таких будет. Можно сказать, днем с огнем не сыскать. Был я когда-то на Беломорье, монастыри там, а к ним смерды деревнями приписаны, чтоб кормили их. Монахам ведь некогда, за великого князя денно и ночью молятся. А кто посмеет ослушаться или оброк не принесет, того в монастырский острог садят, как вора какого. И нет им управы, во всем их правда. Знал я людишек, которые по семь и более годков отсидели в их подвалах.

– Про бусинки не забывай, Ванюша. Какая бусинка должна быть на этом повороте? – внезапно спросил ребенка вогул.

– Граненая, дядька Угор, – рассмеялся мальчик, довольный, что не застал его врасплох наставник.

Путники не были дома уже три месяца с гаком. Посетив таинственный остров и спускаясь обратно вниз по течению, срубили они по берегу таежной реки пять охотничьих изб для зимнего промысла. Приметили несколько берлог медвежьих. Пока избушки ставили да лес заготовливали, пролетело лето, и наступила осень. Дождавшись осеннего подъема уровня воды в русле, отправились они вниз к Оби на зимовку.

И теперь челнок гладко скользил по воде, а двое взрослых мужчин самозабвенно слушали не по годам начитанного мальчика.

– Сказывай, Ванюша, сказывай, – довольный своим учеником, попросил Угор.

– В лес люди стали приходиться молиться. И с каждым годом таковых было больше и больше. И величать его стали не иначе как отец Сергей, потому что вырос он уже и стал мужем. Слава о праведном человеке величала и, наконец, дошла до князя Дмитрия. А тут хан Мамай пошел несметным войском на Русь, будь он неладен, нехристь, – рассказывал Ванюшка. – Испужались князья. Кто откуп предлагает дать татарину, кто вовсе бежать собирается. А князь Дмитрий всем и говорит: «Поеду я к Сергию, пусть благословит на битву неравную. Никогда доселе татар мы не били. Как скажет отец Сергей, так сему и быть». Благословил Преподобный на битву войско русское, и воспрянули духом воины. А ашо Сергей послал двух монахов своих на помощь. Одного я подзабыл, как величали, а другого Пересветом звали, – шмыгнув носом, посетовал мальчик.

Ваня взял в руки весло и, изображая копьё, восхищенно продолжил:

– А когда войско русское пред Мамаевой ордой встало, выехал татарин огромный и ну звать на бой богатыря нашего. Вызвался тогда Пересвет, Сергием посланный, а татары потешаются, мол, шуплый какой, не одолеет их басурманина. Сошлись оне друг с дружкой, и упал Мамаев воин с коня, а наш Пересвет, хоть и мертв был, но с седла не выпал, и конь его до рати русской привез. Ринулись в бой воины русские да побили Мамаеву рать.

С этими словами, увлекшись, Ванюшка черенком весла ткнул вогула между лопаток.

– Ты пошто дерешься? – вскрикнул Угор.

– Ой, дядька, я не нарочно, – опомнился мальчик.

Проплыли еще один поворот, Ванюшка переложил бусинку.

– Совсем мало осталось бус, скоро на Обь выйдем, – посмотрев на бусы, заверил вогул.

– А далее что было, Ванюша? – спросил Архип. – Сказывали мне монахи, что Пересвет тожа из седла выпал.

– А далее в избе лучины и свечи закончились, не прочел я, – под хохот попутчиков развел руками мальчонка и, шмыгнув носом, возразил: – Не мог он выпасть из седла, ибо сам Сергей его прислал князю.

ГЛАВА 76

Клешня устави́лся на шар, висевший на серебряной цепочке, который держал в руках волхв. Он маятником раскачивался из стороны в сторону, парализуя волю людей, находящихся в избе.

Стрелец попытался поднять ствол пищали, но это не удалось. Ствол будто прирос к полу.

– Ну и чего вы тут потеряли? Какая нелегкая вас сюда занесла? – присаживаясь на лавку, поинтересовался старец.

– Пусть Архип отдаст то, что затаил у себя, и мы уйдем, – заявил стрелец, добавив: – Негоже царя-батюшку обманывать.

– То, что хранит у себя Архип, вам не принадлежит. Да и до царя-батюшки не дойдет. Ступайте себе с миром, вернитесь назад в Сибирь с войском. Дорогу ведь, окромя вас, никто не знает. Смута на Русь надвигается. Сибирь через два десятка лет никому не нужна станет. Скоро появится царь-самозванец и войском пойдет на Московию. Если же вы не приведете войско в Сибирь, то закрепятся у власти Сейдяк или Кучум, и не видать русским тогда города Кашира и Сибирского царства.

Стрельцы сидели по лавкам, как окаменелые.

– Вот монеты. На них можно купить пять деревень со смердами и холопами, – высыпав из холстяного мешочка на столешницу бухарские деньги, объявил старец, – берите и уходите, более я ничего предложить не могу.

* * *

Ванюшка, загородив солнечные лучи рукой, принялся разглядывать высокий берег речки, над которым появилось несколько дымок от чувалов.

– Однако, почти пришли. Стойбище впереди, юрты Атлымские, – объявил вогул и добавил: – К вечерне дома будем.

– Айша на берегу! Что она на стойбище-то делает? – удивленно вскрикнул Ваня, разглядев на берегу девочку.

– И впрямь она, – присмотревшись, согласился Архип.

Девочка, увидев их челнок, поднялась и убежала. Вернулась она с Рамилей, державшей на руках ребенка, что еще более настоярило путников.

– Кабы беда какая не вышла, – перестав грести, предположил вогул.

Расспросив у женщины про незваных гостей, мужчины, посоветавшись, решили.

– Ты, Ванюшка, гребь далее речкой. До Оби совсем мало осталось. А там к берегу пристань да затаись. А мы с дядькой Угором напрямки через сопку пехом пойдём, – забирая из лодки пищаль, распорядился Архип.

* * *

В это время в Избе Сотниковой события складывались не в пользу Никиты.

Неожиданно из погребца вынырнул стрелец по прозвищу Расстрига.

– Ну чаго своим кадиллом размахался, Никита? Неужто не признал приятеля свово? Сколько лет, сколько зим, а ты не изменился совсем, токмо бороду до пупа отрастил, совсем сурьезным стал. Как мы с Ливонской войны вместе бежали да татарам в руки попали, забыл?

– Не забыл. Это ты продал нас всех. Мы за снedyю тебя на хутор послали, а ты поганых привел. Жизнь свободную, стало быть, купил чрез нашу неволю, – с ненавистью произнес Никита.

Волхв отступил к порогу. Уроки Гостомысла он усвоил хорошо, но, отвлекшись, потерял ниточку гипнотического воздействия на остальных стрельцов.

– Вяжи его, робяты, – кинулся на каменотеса Рассрига, но, получив серебряным шаром в лоб, упал на спину без памяти.

Следующий стрелец, поддетый Никитой за ногу крючковатым концом посоха, опрокинулся назад, угодил вниз головой в раскрытый погреб, воткнулся в кадушку с солеными грибами и, подергав судорожно ногами, затих.

Никита спрыгнул с крыльца и, отбежав на полянку, приготовился к схватке.

Первым из избы выпрыгнул разъяренный Кашига, следом, толкая друг друга, вывалились в дверной проем остальные.

Обнажив сабли, они взяли каменотеса в полукольцо.

– Не стреляй, Кашига, так зарежем. Пороху совсем мало, а еще идтить да идтить до Руси, – крикнул один из стрельцов своему предводителю, который поднял ствол пищали.

Ксения потихоньку отодвинула доску на чердаке. Вся поляна была как на ладони. Но стрелять из утятницы, заряженной свинцовой сечкой, было опасно, так как разлетевшаяся картечная дробь наверняка задела бы и старца.

Стрельцы ринулись на волхва, но тот, увернувшись, изловчился, и серебряный шарик на цепочке хлопнул по лбу еще одного зазевавшегося вояку.

Один из нападавших ринулся к деревянной оглобле, лежавшей на другом краю поляны, поднял ее и бросился обратно к месту сражения.

Из-под крыши избы грянул выстрел, и изрешеченный сечкой стрелец завалился на лужайку.

Ксения поморщилась. Отдачей ей сильно отшибло плечо. Видать, впопыхах она не сильно прижала приклад. Здоровой рукой женщина подтянула к себе вторую утятницу и, приложив к левому здоровому плечу приклад, принялась поджидать случай, когда можно было стрельнуть, не причинив вреда своему незваному заступнику.

Архип, услышав грохот выстрела, эхом прокатившегося по верушкам сосен, на бегу скинул с себя малицу с рубахой и изо всех сил кинулся в сторону избы.

Ветви хлестали его по голой груди, плечам и рукам, но кузнец этого уже не замечал. Он, как лось на гону, летел сквозь кусты и мелкий ельник, огибая только взрослые деревья.

* * *

ДВОРЕЦ КУЧУМА

Хан Сейдяк, довольно покрутившись на дедовском троне и осмотрев своих военных начальников, самодовольно произнес:

– Таба болу Кучум ага. Злорадствуй, Кучум. Не успел ты взять Кашир, теперь как шакал по степи бегать станешь, покудова не подохнешь голодной смертью. А крепость Искер-Кашир я нарекаю теперь Таба болу. Назло Кучуму и его сподвижникам.

– Тобыл-гы переводится как глубокий овраг, дорога, которой ты, хан, шел к победе, – раздался голос Исатая.

– Благодарю, Исатай. Я не прошу тебя остаться. Знаю, что у тебя растет в степи сын и ждет мужа любящая красавица жена. Твои джигиты очень помогли мне. Они не щадили жизней в борьбе с кучумскими отрядами. Передай уважаемому Валихану мои благодарности. Скажи ему, что отныне он и его потомки – хозяева на земле от реки Ом до реки Есиль, и от слияния Ыртыса с Есилом до Кокшетау.

Чуть-чуть прищурившись, новый хан Сибири Сейдяк произнес:

– Урусы ушли, но вернуться. Шли они к победе над врагами, как по заросшему оврагу. Мы будем дружить с ними, чтобы удержать землю наших предков. И посему селение вблизи крепости и реку у него я нарекаю Тобыл.

* * *

Никита ощупал плечо. Сабельный удар пришел вскользь, но рана, видимо, была глубока, так как рукав рубахи был весь в крови и, намкнув, отяжелел.

– Откуда же ты на нашу голову свалился, – поднимая ствол пищали, прорычал Кашига.

Грянул выстрел. Никита зажмурил глаза, ожидая пули. Но, постояв, понял, что либо стрелец промахнулся, либо...

Облако дыма развеялось.

На краю лужайки, по пояс голый, с пищалью руках стоял Архип. Позади него, тяжело дыша, в шубе-малице застыл вогул.

Вдруг из чердака раздался громкий бабий вой.

– Ну, чего вопишь, всех ворон распугаешь. Слезай, дуреха, да на стол готовь. Вона кого к нам занесло! – рассмеялся кузнец.

Через час, подойдя к лодке, в которую снесли убитых стрельцов, показав на спящего мертвым сном молоденького разбойника, Архип наказал связанному Расстриге:

– Я твоего стрельца кукнаром напоил – спит, как мертвяк. Он очухается да развяжет тебя. Мертвяков опосля за борт бросите, а коль соизволите, то похороните на берегу. По течению к реке Конде подойдете. Далее луговым берегом идите, чтоб в левый рукав Оби угодить. А там и до Печеры недалече. К весне дома будете.

Накинув на голову связанного стрельца кусок рыболовной сетки, пропитанной дегтем, кузнец оттолкнул лодку от берега и рассмеялся:

– А это сетка, чтоб тебя мошка и овод не загрызли.

– Благодарствую, – буркнул связанный Расстрига, покорно заваливаясь на дно лодки.

Он понимал, что вернуться и отомстить не сможет. Против течения Оби выгрести назад двумя парами рук – бесполезная затея. И, пнув от досады ногой труп Кашиги, Расстрига прикрыл веки, пытаясь заснуть.

А на Московии уже зарождалась великая Смута.

ГЛАВА 77

Течение Оби подхватило челн и понесло на Север.

Стояла на редкость безветренная погода. Частые полосы и облака тумана, которые накрывают русло реки в осенний период, проплывали, цепляясь за береговые кусты, сопровождая связанного в лодке Расстригу.

Изредка плескалась рыба, пролетали с криком чайки. А молодой стрелец, которого напоили маковым отваром – кокнараром, мирно похрапывал, не обращая внимания на периодические пинки связанного товарища.

С каждой минутой челн уносило все дальше и дальше от Избы Сотниковой.

Архип правильно рассчитал, напоив дурманом молодого стрельца. Когда он после наркотического сна проснется и развяжет Расстригу, то подняться обратно против течения станет практически невозможно.

Постепенно, под плеск волны о борта лодки, связанный Расстрига задремал.

– Слушай, Расстрига, и запоминай, – услышал он старческий голос.

Перед ним на лавке сидел седой волхв.

– Ты кто?

– Я князь Гостомысл, дед Рюрика, пришел к тебе во сне для того, чтоб наставить на путь, по которому ты должен идти. Ты,

Расстрига, и так уже чуть было с него не свернул, позарившись на серебро и золото Ермака.

На Руси назревает смута. А ты один можешь указать в лицо того, который наречет себя царевичем Дмитрием. Вот и опознаешь его принародно. Этим поднимешь спящий народ, силы супротив поляков и самозванцев. В шапке Кашиги под подкладом карта, на ней дорога, как пройти на Русь через Обдоры и Печеры.

– А далее чего делать? – поинтересовался Гришка.

– Далее без тебя разберутся. Уходи обратно в Сибирь. Такие шельмы, как ты, раз в три века нарождаются, твою судьбу я не смогу изменить.

Старец растворился в тумане. Зато заворочался, просыпаясь, молодой стрелец.

– Вставай, пес! Развязывай меня скорее! – заорал на молодого товарища Расстрига.

Макарка чуть посидел, приходя в себя и оглядывая водную гладь вокруг, и вновь стал заваливаться на бок.

Но, получив очередной пинок от Расстриги, кинулся развязывать узлы. Освободившись от пут, стрелец принялся обшаривать кафтаны у убитых.

– Чаго уставился? Хватай за ноги да за борт! Пока ты дрых, я уже с ними наговорился.

Освободив челн от мертвых попутчиков, путники взялись за весла, чтоб как можно дальше отгрести от этого страшного места.

* * *

– А вы пошто не пожелали с Расстригой далее идти? – осматривая трех стрельцов, поинтересовался Архип у оставшихся.

– Мы возвернуться решили. У слияния Оби с Иртышом казаки осели, крепостешку срубили, городишко в трехдневном бою взяли у князя Самары. Туды и пойдем. Пока Кашига нами верховодил, боялись мы его гнева, вот и слушались. Теперича мы люди вольные, – пояснил рябой стрелец с огромной шишкой на лбу от удара серебряным шаром Никиты.

– Знаю это место. Давно хочу посетить его. Торговля там добрая, и ехать немного. По первому ледку и тронемся. А пока рыбу заготовим да шишку набьем. Не с пустыми же руками в Самарово ехать. Ну а коли шалить тут станете али зло какое задумаете, то я

быстро вас по течению пущу налимов кормить, – поднеся огромный кулак к носу рябого, пригрозил Архип.

* * *

Кучум-хан совсем замаялся с глазами. Он практически уже ничего не видел. Писал Кучум письмо русскому царю с просьбой прислать снадобье от слепоты да отдать Маметкула.

Воеводу ему не отдали, а снадобья царь Федор выслал, но алчные воеводы не отдали его бесплатно и потребовали выкуп.

Продав последних лошадей, Кучум все же собрал требуемую сумму.

Оставшись практически один на один со своей старостью и болезнями, бывший хан Сибири жалел об измене, непокорности и себялюбии. Ведь на правах вассала русского царя он бы мог быть ханом Сибири до глубокой старости. Но время назад не повернуть, а за свои поступки и дела приходилось расплачиваться.

И где бы ни ступала нога хана, вослед через некоторое время ложился отпечаток сапога Ибрагима. Слуги Кучума произвели попытку угона коней у астраханских татар, чем вызвали гнев и негодование местных вождей. Оставались только ногайские кочевые племена, которые пока предоставляли хану ночлег и дастархан.

Сейдяк же послал в Московию посольство и клятвенно заверил, что не пойдет супротив воли великого князя и будет слугой и подданным его навеки.

Посольство не поспело, царь скончался, и России стало не до Сибири.

Но дары хана приняли и обменялись грамотами с уже новым государем – Борисом Годуновым.

* * *

Расстрига оглядел вещи и снаряжение. Кузнец оказался человеком слова.

Он бросил в лодку две пищали. К ним были даны заряды по десять выстрелов на каждый ствол, половина из которых была из свинцовой сечки, а вторая часть – картечинами. В торбе стопкой лежали испеченные лепешки, курт и сушеная оленина. В другом

мешке была связка вяленого чебака. Архип положил в челнок еще топорик и один охотничий лук со стрелами.

Разглядев карту, Расстрига понял, что на ней обозначены все стойбища, по которым придется идти путникам до Руси. Вначале по реке на Север, позже до народов Коми на восток. Челнок был добрый, и стрельцы вполне его могли поменять у вогуличей на оленью упряжку после того, как река покроется ледовым одеялом.

Утром, проснувшись, стрельцы увидели в вышине стаи гусей, летящих на юг.

– На Обдорах снег выпал. Гляди, как птица прет, стая за стаяй, – поднимая воротник, уверенно заявил Расстрига.

– Надо бы малицы и кисы выменять, в драном кафтане далеко не уйдешь, – кивая на берег, согласился Макарка.

Григорий достал карту и, оглядевшись, приказал:

– Выгребай к левому берегу, к вечеру стойбище Шурушкары Ваша будет. Там дождемся морозов и двинем далее на оленях. Перейдем камень и уже с той стороны попадем на Каму.

– А не заплутаем, Расстрига?

– Все дороги ведут в Рим, – назидательно произнес бывший монах и добавил, улыбаясь: – А все реки за камнем – к Волге-матушке.

ГЛАВА 78

Ванюшка сидел на берегу у костра, глядя на варево, булькающее в котелке. Он вчера провозился с ним до вечера и вновь занялся делом с рассветом.

К речке спустился стрелец и, наморщив свой рябой нос, поинтересовался у юнца:

– Ты что там задумал? Воняет, как на шкуродерне.

– Рыбий жир варю, клей готовлю, – не оборачиваясь, ответил мальчуган.

Рябой присел рядом на корточки:

– А пошто не костный, он же крепче держит?

– Костным токмо лавки клеить хорошо. А для луков клей из рыбих пузырьков надобен, тогда слоеный лук гибкий будет, с него и медведя насквозь прошибешь. То меня дядька Архип научил, а рыбий жир вогул подсказал, как готовить. Потроха отвариваю и ставлю на ночь остужать. Утром же собираю сверху застывший жир, а чтоб горечь лучше вышла, можно его по новой, в чистой воде переварить. Он для лечения от хвори, я его дядьке Угору отдаю. А пузыри оставляю, не варю, токмо верхний слой обдираю. С внутреннего слоя же пластинки скалкой катаю и сушу. Вот и весь сказ, – улыбнулся мальчик.

– А клеить как? Коли пузырьки сухие будут?

– Так потом развариваю и клею. Но есть один секрет, который мне остяки поведали. Меда трохи нужно добавить для вязкости и гибкости.

– Ну вот, все тайны мне и проболтал, – погладив мальчишку по голове, рассмеялся стрелец.

Ванюшка тоже хихикнул, но про себя подумал: «Ага, сейчас все и поведал тебе, дурень конопатый. Про то, что пузыри солят цельный день, ты не ведаешь. Протухнет твой клей через неделю, а лук тараканы под печь утащат».

Никита, перекинув рушник через плечо, спустился к ним. Он пришел умыться.

– Утро доброе, славяне. О чем речь держите?

– Да вот, сказываю дядьке, как клей приготовить, – подбросив хвороста в костер, отозвался мальчик.

Никита осмотрел заготовленные сушеные пластинки и похвалил отрока:

– Чисто сработано и ладно. Молодец. Смышленный ты, Ванюша. Все гляжу на тебя да восхищаюсь. И грамоту усвоил, и много историй ведаешь, и разным ремеслам обучен.

– Я, как Сергей Преподобный, хочу в отшелье жить, чтоб умным быть и вере служить.

Волхв умиленно улыбнулся:

– А знаешь ли ты, Ваня, что такое настоящая вера, доверие и надежда?

– Знаю, отче.

– Ну-ка, сказывай, – присев на валун, серьезно попросил Никита.

– Была сильная засуха, и весь люд пришел молить в поле за дождь. Даже быка в жертву принесли, – начал отвечать Ванюшка, – и токмо один отрок принес с собой накидку от дождя для матери, потому как верил, что дождь пойдет.

Рябой стрелец подскочил, как ужаленный:

– По-твоему, остальные не верили?

– Почему? Верили. Но не шибко, накидки-то не взяли, – перемешивая варево палочкой, улыбнулся мальчонка.

Стрелец, ополоснув лицо и утершись рукавом кафтана, поднялся с корточек:

– Ладно, гутарьте тут, пойду я к избе.

– Иди, иди, мил человек. А я с мальцом еще побуду. Уж больно интересно он рассуждает. Ну, а надежда, по-твоему, что такое?

– А это проще пареной репы, отче, – улыбнулся Ванюшка и не задумываясь ответил: – Каждую ночь помереть можешь?

– Могу.

– Петушка вечером кормишь, чтоб утром он тебя разбудил?

– Кормлю.

– Значит, надеешься проснуться.

Волхв от души рассмеялся:

– Ну, а доверие?

– А доверие – это то, что при Рябом ты со мной не заговорил о главном. Знать, не доверяешь ему.

– О каком таком главном?

– Слышал я ненароком вашу беседу с дядькой Архипом. Мыслит он дядьку Угора просить, чтоб провел тебя на Чудо-Озеро, а у него тетка Рамиля на сносях. Куды ж он подается? Ему, почитай, месяца два туды и обратно идтить, а то и более. А коли меня возьмешь, то поводырем твоим буду. Зиму перезимуем, а весной по большой воде сюда на побывку придем.

– А мамка?

– А мамка все одно в Самар-село⁴⁸ подается. Тама братку моего старшего разыскали. Раненый он был, у Никиты Пана служил, руку в сече отрубили, но выжил. Весточку с остяками прислал. Просит по первому льду приехать матушку и дядьку Архипа. И он не против, чтоб они у местного батюшки обвенчались. Да и Полинка, сестренка моя, до сей поры не крещеная, негоже это.

– Сколько тебе годков-то, коли как взрослый рассуждаешь? – удивленно поинтересовался Никита.

– Чертова дюжина по весне будет, – перекрестившись, сознался Ваня.

– Маловато для дальних странствий. Вдруг не выдержишь такого перехода. Зима ведь на носу, пешком идти надобно будет.

– Ничего, сдюжу. Для бешеного оленя и сто верст не круг, – снимая котелок с огня, серьезно проговорил не по годам мудреный мальчонка.

– Ладно, Ванюша, поговорю я завтра с Ксенией. Может, и верно, в тайге тебе действительно безопаснее со мной пока будет. Татары да остяки последнее время лютуют. Удержат ли казаки Самар-село, нам не ведомо. А коль вверит она тебя под мою опеку,

⁴⁸ Самар-село – Самарские Ямы, Самарово, Остяко-Вогульск, Ханты-Мансийск.

это и значит настоящее доверие, – поднимаясь с валуна, согласился ведун.

– Искупаться не желаешь, отче?

– Вода нынче уже холодная, захвораю поди, – неуверенно возразил Никита.

– Я тебя опосля рыбьим жиром попотчую. Да и баню будем топить после полудня, там и пропаришься. А пошли вместе? – скидывая портки, предложил мальчик и первым, разбежавшись, прыгнул в Обскую воду.

Холодная вода обожгла тело Никиты. Но было в этом что-то разухабистое и отчаянное. Он в два маха догнал мальчишку и хлопнул его ладошкой по спине:

– Ляпа!

Ванюшка в ответ развернулся, но волхв уже нырнул под воду.

Мальчик покрутился и увидел вынырнувшего Никиту саженьх в семи от себя:

– Ух ты, научишь меня так нырять? – спросил он и ринулся в сторону волхва.

Никита поддался, и мальчик шлепнул его по спине:

–Ляпа!

– Эй, полоумные! Ну-ка быстро вылезайте из студенной воды! Я вам так сейчас ляпну обоим, что задницы загорятся! Особенно у старого дурня! – раздалось с берега.

Архип наклонился над валуном, на котором были разложены осетровые пузыри. Осмотрел их и довольно крякнул.

Никита и Ваня, стуча зубами, присели у костра.

* * *

СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН

Осень. Огромный звездный небосвод. Хорошо кинуть одеяло в степи и спать под открытым безоблачным небом.

Исатай, раскинув руки, лежал на спине. Рядом приткнула в плечо ему щеку Ботагоз. Стрекот сверчков разливался мелодией вечной степи. Изредка мерцали падающие звездочки.

– Тебя так давно не было, Исатай. Наш сын уже держится в седле, правда, ему подобрали пока молодого стригунка. Он сильно скучал, пока ты был в походе.

– А ты, Ботагоз, томилась по мне?

– Я больше всех. Я каждый рассвет и закат выходила на курган и ждала, когда ты покажешься.

Ботагоз вздрогнула. Промелькнувшие над ними тени напугали женщину.

– Не бойся, любимая, это летучие мыши.

– Противные такие.

– Они сами себя наказали за двуличие, как и Аблай. Он тоже метался, выбирая хозяина, пока его не зарезал собственный слуга.

– А мыши что сделали?

– Мне когда-то сказывала моя бабушка, что давным-давно развязали войну между собой звери и птицы. Когда одерживали верх птицы, летучие мыши заявляли, что они птицы, так как умеют летать. А в случае победы зверей мыши голосили, что они звери, потому как у них имеются большие зубы и шерсть. Когда же птицы и звери заключили мир, то мышам стало стыдно выходить днем из жилища. Вот и летают теперь они ночью, чтобы кусать красивых женщин, – с этими словами Исатай шаловливо ущипнул жену за ногу.

– Ой, – простонала Ботагоз и отдалась в объятия своему любимому.

* * *

Никита сидел с Ванюшей на крылечке и разбирал таблицы, привезенные с собой.

– Это письма древних скифов. Их не читают, как у нас, по буквам. Гляди, на что похожа первая закорючка?

– На шею гусака, – хохотнул мальчик.

– Правильно. Это знак вопроса или предположения. А значит, по-нашему переводится как слова: «коли», «пошто», «зачем», «если». Далее гляди.

– Человечек вроде, отче.

– Умница, догадался. А я вот долго гадал, пока мой учитель Гостомysl не надомил.

– А далее у человечка рука к груди прижата, – расшифровал мальчонка.

– Правильно, заболело сердце внезапно, на ходу. Глянь, ведь он на ножках стоит.

К полудню Ванюшка перевел первую таблицу скифского лекаря:

– Коли у человека внезапно заболело сердце, не нужно сдерживать дыхание, а нужно сильно кашлять. Ибо когда человек кашляет, сердце от этого сжимается и лучше работает.

Никита был на седьмом небе.

– Такого способного мужа не сыскать даже среди ученых монахов, а тут двенадцатилетний отрок разбирает стародавнюю вязь, будто песенку щебечет про твоего зайку, – славословя Ванюшку, сказывал он вечером в бане Архипу.

А довольный за своего пасынка Архип, хлебнув ядреного квасу, затащил свою любимую плясовую:

– Зайка серенькай,
зайка беленькай,
за кусток скок,
под шесток шмыг...

ГЛАВА 79

— Русь на юг весь прошел, жди снега, — поглядев на небо, обрадовался Архип.

— Уж скорее бы. Может, морозы пораньше наступят, и по первому ледку на Самар-село двинем, — согласилась с ним Ксения, смахнув слезинку, плетя из лозы заплечную корзину для Ванюшки.

— Не реви, в урмане Ване спокойней будет. Оглядишься, что нынче в Сибири творится. Казаки из Искера ушли, последние после зимы из Самар-села, может, тоже по реке скатятся, коли подмога не придет. Как Ермак Тимофеев погиб, так Сибирь и в рыло не чесалась воеводам да царю-батюшке. Вона сколько народа осенью по реке сплавило да на Русь обратно подалось. А с Никитой Ванюшка будет под надежным призором. Грамоте подучится трохи.

— Да какая там грамота, он уж и так совсем заумный стал! — воскликнула Ксения, хлопнув ладошками себя по ногам, — в двенадцать-то годков! Всех собак да оленей на стойбище перелечил. А Мамару старому в позвонках покопался, куды-то надавил, так он пуще оленя теперича носится, а ранее и вставать со своей спиной не мог, во как перекосило. Да и нашей Полинке, когда она от грыжи мучилась да ночами дурниной орала, взял да и зашептал грыжу-то. Знахарь, а не малец.

Тут Ксения неожиданно вздрогнула оттого, что Архип внезапно расхохотался на всю округу.

– Ну, пошто ржешь, как жеребец? – отложив корзину в сторону, покачала головой женщина.

– Я тоже хотел в отрочестве привитухой быть! Ха-ха! И руки в тепле... Ха-ха... И чарка на столе... Ха-ха-ха!

– Ты на лапицы свои глянь, бесстыжий. Ими только у коров роды принимать! – и Ксения, посмотрев на огромные руки Архипа, вдруг сама расхохоталась еще пуще кузнеца.

Скрипнула входная дверь, из-за которой появилась голова Ванюшки:

– Что за шум, а свары нет?

– Да тут дядька Архип привитухой решил под старость стать, – вытирая концом платка слезы, давя в себе вспышки смеха, ответила Ксюша.

Ванюшка взглянул на лапы отчима и, прыснув, скрылся за дверью.

Никита, проснувшись, поднялся с лавки, потянулся.

– Что там родители на крыльце балагурят?

– Заняться нечем, – серьезно ответил мальчуган, вновь разбирая таблицы за столом.

– Что нового разобрал? – любовно погладив мальчика по голове, поинтересовался волхв.

Ванюша, довольно улыбнувшись, прочел:

– Коли человек упал, и лик его перекосило, а тело судороги мучают, надобно иглой наколоть все пальцы по очереди на руках. А опосля мочку уха от сердечной стороны проколоть в трех местах, чтоб кровь пошла из всех проколов. Токмо медлить нельзя.

– Молодец, – похвалил его ведун, – многих кондрашка хватила, но не ведали люди, как помочь. Волхвов-то попы поизвели на Руси, токмо привитухи и остались.

Ванюшка, услышав знакомое слово, вновь прыснул.

– Ты чего, отрок?

– Да так, о своем, отче, – отмахнулся мальчик.

* * *

Исатай занимался с Ваулиханом без отдыха. Отец и сын не расставались с утра до вечера. Ранним утром, карауля сайгаков, пришедших на водопой, маленький Ваулихан тщетно пытался попасть

из детского лука в одного из животных. То стрела не долетит, то тетива сорвется с неокрепших пальчиков.

Но отец был терпелив. Его самого когда-то так натаскивал дедушка, отец Узун Бека.

Исатай ежедневно подсаживал сына на стригунка, и они ездили рядом по необъятной осенней степи. Юный джигит уверенно держался на спине годовалого жеребенка. А вечером же, перед сном, в юрте он рассказывал Ваулихану сказки и былины. Мальчик, прижавшись к отцу, самозабвенно слушал его рассказы. Ботагоз, управившись с делами, также присаживалась рядом.

– Добр был к людям Зенги-баба, покровитель рогатого скота, – начинал очередную народную сказку Исатай. – Многие хитрецы в былые времена пользовались из корысти его простотой и щедростью. Ведь если Зенги-баба на кого взглянет, тот сразу делается богачом. Вот и лезли к нему на глаза толпами без всякой совести разные проходимцы. Зенги-баба рассердился, наконец, и стал отворачиваться при приближении людей.

Жил на свете бедняк. Только и было у него скота, что единственный верблюд. Захотелось бедняку хорошей жизни. Стал он думать, как заставить Зенги-баба хоть разок поглядеть на него. И придумал. Заколел он последнего верблюда, снял с него шкуру, набил ее сеном, взвалил чучело на спину и начал кружить по степи.

Увидели его люди и закричали: «Смотрите-ка, какое чудо: человек верблюда несет!». Услышал это Зенги-баба, и разобрало его любопытство: как так, неужто и вправду человек поднял верблюда? Не стерпел старик, глянул на бедняка. А тому того и надо.

Ушел он из дому с верблюжьим чучелом, а вернулся со стадом коров.

Айда-ка спать, сынок, завтра расскажу тебе еще одну сказку, – зевнув, распорядился Исатай, глядя, как сморило сына.

Ботагоз отнесла мальчика в постель.

– Ты никуда не поедешь, Исатай? Ты останешься с нами?

– Да, Ботагоз, до весны я буду дома. Нападения джунгар не предвидится. Сейдяк, племянник Едигер-хана, крепко сел на трон. Кучум-хан не сможет собрать войско. Так что до весны я буду с тобой и сыном.

* * *

Утром, открыв двери, Архип прищурился от яркого света, не сразу сообразив, что ночью выпал первый снежок.

Снега навалило по щиколотку. Но вышедшее солнце уже подтопило его на склоне.

– На непромерзлую землю выпал, – вздохнул кузнец, – тяжело Никите и Ванюшке берегом будет идтить, болотца-то не промерзли.

– Ничего, рекой пойдут, днем полыньи далеко видно. Вот только подождем, покуда на Атлымке ледок сильнее схватится, и в дорогу, – успокоил друга вогул, – мы избушки промысловые с тобой летом, Архип, на кой ляд поставили? Ванюшка помнит, где они, от одной до другой – день перехода. Нарты легкие, собаки без труда потащат. По льду, как по большаку, пустятся. Лыжи я Никите с Ванюшкой мехом обшил чтоб ворс взад лежал – так на подъемы хорошо идти, взад лыжи не скользят. Пока идут, то и снег ляжет. Ну а первое время придется по льду гольному идти.

Архип прошел в кузню и вынес накануне откованную вещицу. Протянул ее Угору:

– Вот, смотри, что я смастерил.

– Что за диво? – удивился вогул, рассматривая непонятный предмет с веревочками из кожи, дощечкой и круглой железной проволокой посредине.

– Скороходы. По льду скользишь, аки птица летишь.

– А. Уразумел. Токмо из берцовых костей-то лучше будет. Да и оставить весной в избушке не жалко, – предложил вогул.

Он сходил к лабазу и принес оттуда несколько костей.

– Вот тут-ка дырочки пробуравь. А тама-ка лямочки подвяжи из кожи, вот тебе и скороходы-ледоходы будут. А в руки палки дай с острыми кончиками из железа коваными. Мы в отрочестве на таких наперегонки по речке ездили.

Всю следующую ночь кузнец прокорпел над костяными ледоступами.

Утром вышел удовлетворенный своей работой. Архип и знать не мог, что задолго до поездки императора Петра Алексеевича в Голландию, дети народов Севера уже гоняли по льду на самодельных коньках из берцовых лошадиных и лосиных костей.

Ванюшка освоил их сразу. Мальчик, привязав кости к подошве тисов, быстро научился гонять от одного края замерзшей лужи до другого.

С Никитой оказалось сложнее. Первый выход на лед совпал с первым падением. Все бы ничего, но подвернул ногу волхв на последующей попытке и упал на лед, скорчившись от боли.

– Ну-ка снимай, отче, обувку. Посмотрю, что там, – приказал Ванюшка.

Архип помог стащить с ноги Никиты сапог из оленей шкуры. Мальчик, приподняв на ладонях пятку, осмотрел ногу каменотеса.

– Не сломана, – радостно объявил он, – токмо вывих. Через два дня прыгать, как кузнечик, начнешь, – и с этими словами юный костолом дернул ступню на себя и чуть в сторону. В глазах у волхва потемнело, и он взвыл от боли:

– Ты что, душегуб, творишь-то?

– Ногу тебе, отче, вправил, – несколько не обидевшись, пояснил мальчик, – я всегда так собакам делаю.

– Так я же не собака! – проворчал Никита, ощущая, что боль проходит. Сустав встал на место.

– Я тебе на ночь повязку наложу тугую с муравьями в меду, враз всё пройдет.

И действительно, на следующий день к полудню Никита смог уже наступать на ногу.

Морозы наступили только через полмесяца. Малые реки сковал лед, который с каждой ночью становился все толще и толще. По Оби еще гнало шугу – могучая река всегда сдавалась последней.

Никиту и Ванюшку провожали всем миром. Запрягши собак на нарты и уложив в них оружие, снасти, лыжи и пожитки с продуктами, путники тронулись вверх по льду Атлыма.

Никита встал на лыжи нарт сзади и ногой помог собакам разогнаться. Ванюшка же на костяных кониках весело пошел следом.

Ксения всплакнула. Айша, пробежав несколько десятков метров по берегу, остановилась, махая на прощание платочком.

Когда упряжка скрылась за поворотом реки, Архип объявил:

– Хорош слюни пускать, пора и нам собираться в дорогу. Через неделю и Обь встанет.

ГЛАВА 80

— **Т**ут у нас першая изба, – показал Ванюшка на берег. Никита придержал собак. Уставшие животные тут же, прямо на льду, улеглись, образовав клубок. Лайки, прижавшись друг к дружке, вопро­сительно глядели на путников.

Никита подошел и выпряг собак одну за другой.

Нарты они с Ванюшкой подтащили к береговым кустам и за веревку выволокли на берег. Пройдя по едва заметной тропинке, мальчик безошибочно подвел ведуна к избушке, срубленной в мелком березняке.

Сруб был собран из бревен толщиной в полторы пяди и длиной в две сажени. Первые три нижних венца сложены из лиственницы, остальные пять – из струганой сосны. Крыша, уложенная дерном, была плоская, в два наката. Маленькое окошечко прикрывалось ставенкой и имело запор изнутри. Мощная дверь отворялась вовнутрь помещения, имея наружные и внутренние запоры.

Никита зажег свечу и осмотрелся. Две лавки, стол и полочки создавали атмосферу уюта. Имелась печь, мастерски сложенная Архипом, чем-то напоминающая остяцкий чувал, но усовершенствованная кузнецом.

– Добре вы тут постарались, не ожидал таких палатей царских увидеть, – похвально воскликнул ведун.

– Так, почитай, все лето горбатились, покуда избы да землянки ладили, – отозвался маленький проводник, который уже стелил для сна шкуры на лавку.

– Пойду собакам еды кину, – расстелив себе шкуры на второй лавке и разведя огонь в печи, произнес Никита.

Ванюшка сонным голосом отозвался:

– Ты токмо, отче, собак в избу не пущай, а то заболеют, им тепло не нужно в дороге. Там щучка мороженная в корзине, ее им дай.

– Ладно, пусть на улице ночуют, я им только лапника тогда накидаю около нарт, – согласился волхв.

Он постоял, ожидая ответа, обернулся, но мальчик уже спал... Никита, укрыв мальчика верблюжьим одеялом, что привез еще с Жаман сопки, вышел upravlyatsya с лайками.

Собаки, увидав волхва, подбежали к нему, виляя хвостами.

– На-ка, сердешные, небось, умаялись за день-то. Все лапки об лед порезали, – кидая лайкам мороженую рыбу, пожалел собак каменотес, – ну, ничего, мы тут дней пяток проживем и далее двинем. Как раз снежок ляжет, земляца подмерзнет, и бережком пойдем до следующей избушки. Груза шибко много, тяжело вам, да и Ванюшке не сладко, хоть и крепится отрок, да виду не подает.

* * *

СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН

Ранняя зима в степь пришла неожиданно. Закружила метелями. Перемела степные дороги. Обрушилась на людей и скот промозглыми ветрами да колючей снежной пылью.

Исатай был готов к зиме. Всю осень он, забыв про свое происхождение, вместе с тремя нанятыми бедняками строил кошару.

Они рубили камыш и, замесив глину, лепили саман. Из высушенных блоков возводили стены. Рубили деревья по берегу Есиля, укладывая стволы стропилами. Крыли крышу связанными пучками камыша.

Скитаясь по свету, Исатай всегда интересовался, как живут оседлые люди и кочевники. Внимательно изучал он рубленные татарские избы на севере, дувалы и кошары на юге. Даже русский плетень не ускользнул от взгляда хозяйственного джигита. Но с плетнем вышла маленькая неувязка: через несколько дней

обезумевшие от счастья бараны, узрев забор из свежей лозы, сгрызли его до колышков.

К весне воин вообще решил строить усадьбу наподобие той, в какой проживал в изгнании царевич Сейдяк. Но планы его неожиданно порушились.

Маленький Ваулихан, вскарабкиваясь на своего стригунка, поскользнулся на мокрой промерзшей жердине и упал, ударившись спиной о колышек конской привязи.

Мальчик попытался встать, но ножки его не послушались, и он громко заплакал. Исатай, выбежав из юрты, схватил сына и отнес его на спальное место.

Приехавший знахарь, осмотрев ребенка, развел руками:

– Молитесь, может, Всевышний и снизойдет милостью. У твоего сына, Исатай, поврежден позвоночник.

* * *

Пробыв пять дней в избушке, дав собакам отдохнуть и зализать мелкие ранки на лапах, путники вновь тронулись в путь.

Река теперь была узкая, с крутыми берегами по обоим берегам. Зато выпавший свежий снежок покрыл ледовые торосы и трещины. То тут, то там выпархивали из-под берега куропатки, отвлекая собак, сбивая ровный ход упряжки. Чаще стали попадаться путаные лисьи и соболиные следы. Снег уже плотно окутал берега, да и морозец с каждым днем становился все крепче и крепче.

Уже поздней ночью упряжка остановилась у второй избушки. Ваня ее еле заметил – благо, стояло полнолуние.

Отвязав и накормив уставших собак, растопив печь, путники отказались от трапезы и без ног повалились на лавки.

ГРЕЗЫ НИКИТЫ

Ночью пригрезился Никите его учитель Гостомысл. Старец присел на лавку, где спал каменотес, и тихим душевным голосом спросил:

– Ну как живется тебе, брат Вторак?

– Без тебя худо, отче.

– У тебя помощник растет, дюже смышленный. Не скучай по мне. Я встретил в другом мире отца, жену и сыновей. Они очень рады нашей встрече.

– А что там, в другом мире?

– Тебе это не дано знать раньше времени, попадешь, познаешь.

– Ты с делом каким, отче, али просто приснился?

– Да, по делу. Я не уследил за сыном Исатая Ваулиханом. Покалечился отрок шибко. А он в будущем к русскому царю с посольством должен ехать и мир на века заключать. Коли не поставим мальчика на ноги, то и жизнь не так может повернуться для Руси нашей. Так что выручай, брат Вторак.

– А я-то чем помочь смогу, отче?

– Не ты, а Ванюшка. Найди вязи на трех египетских папирусах, пусть пока до весны разберет. Он упертый малый, одолеет. Там как раз узнает о том, как позвонки вставить выбитые, чтоб не навредить здоровью. Один позвонок он умеет вправлять, а у Ваулихана их три выбито, надобно подучиться.

– Так малец-то хворый у Жаман сопки проживает.

– Привезет его Исатай сюда, к избе Архипа.

Никита вздрогнул, но старец успокоил:

– Не пужайся, не тронет тебя Исатай. И Архипу слова не скажет. Что было, то прошло, а сын дороже убитого вами Узун Бека. Весной, после ледохода, спустится он по Оби. И вы туды по Атлыму спускайтесь. Ну ладно, пошел я. Уж рассвет брезжит. Не хворай. А коли нужон буду, колокольчик без била в своем скарбе найдешь. В него позвонишь, я и явлюсь тебе вновь, – и с этими словами старец растворился.

ГЛАВА 81

СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН

Конь Исатая шел медленным шагом. Всадник почти сутки находился в седле и дремал.

Бросив все дела, воин направлялся к Жаман сопке в надежде встретиться с волхвами, на которых возлагал последние надежды на выздоровление сына, так как все степные лекари, осмотрев его, беспомощно разводили руками.

Подъехав к ложбине, которая разделяла северную часть сопки на большую и малую, в густо заросшем осиной и ельником месте ему пригрезился знакомый старец.

– Аман сыз, Исатай.

– Здравствуй, отец. Я к тебе.

– Ведаю, ведаю про твою горе, воин, и помог бы тебе, коли был бы в этом мире. У твоего сына смещены три позвонка. Коли бы он был взрослым, его вылечить было бы невозможно. Но он еще ребенок с молочными костями. Чтобы вставить позвонки обратно и не навредить, нужны тонкие женские или детские пальцы. Женщин, умеющих пользоваться, я не знаю. А вот юнец, смысленный к сему делу, всего один, да и тот живет на краю земли в глухом урмане. Кличут его Жас Дэригером, то бишь маленьким лекарем.

– Назови место, уважаемый, я умру, но найду того отрока, про кого ты молвишь.

– Слушай внимательно меня, воин. Там проживают твои кровные враги, которые убили твоего дядю Узун Бека. Если дашь мне слово, что ради здоровья сына ты откажешься от возмездия и не причинишь им зла, я укажу, как туда попасть.

– Я клянусь. Если сын мой встанет на ноги, ни один волосок не упадет с их голов, – прижав руку к груди, поклялся Исатай.

– Верю и знаю, что ты умеешь держать слово. Я читал Книгу Судеб. Ваши жизни переплетены между собой. Вы родоначальники тех, кто потом плечом к плечу будут сражаться с джунгарами. Ваши внуки и правнуки станут побратимами и много столетий проживут в мире и согласии.

– Что мне делать, отец?

– Бери сына и санным путем отправляйся в Тобыл к хану Сейдяку. В сани шкур много постели, чтоб ребенка не растрясло. Там во дворце у хана дождись ледохода и большой воды. В ладье спустишься по течению до Самар-села. Далее будет слияние двух рек – Ыртыса и Оби. Плыви правым высоким берегом. Увидишь большую подгорную сторону, где протока остров омывает и в нее вновь же и вливается. Это и будет река Большой Атлым. Вода вновь на Обь вынесет твою ладью, а обогнув мыс, сразу же причаливай к берегу, потому как Изба Сотникова в логу стоит. Ботагоз сережки покажет мастеру вогулу. Это он их ей подарил. А потом дождись Никиту-каменотеса с отроком Ванюшкой, который и будет лечить твоего сына.

– Конечно, я возьму с собой Батагоз, она ведь не отойдет от сына и не отпустит его одного со мной.

Старец оперся на посох, сухо, с надрывом прокашлялся и добавил:

– Бери жену в дорогу. За отроком уход нужен, а руки матери лучшие в мире. Ступай, Исатай, да поможет тебе Всевышний.

– Благодарю тебя, уважаемый, позволь узнать имя твое, чтобы я мог, молясь, поминать тебя добрым словом.

– Я князь Гостомysl. Прощай. Удачи тебе, воин.

Конь вздрогнул, перебирая копытами мерзлую землю.

Исатай вышел из состояния полудремы и осмотрелся.

Вокруг него теснились деревья, а на дороге, замеченной снегом, не было ни единого следа.

– Пригрезилось, – разочарованно произнес джигит, но, вспомнив разговор со старцем, развернул коня, и подстегнутый камчой жеребец пошел рысью обратно в сторону стойбища.

* * *

– Далее к землянке, отче, пойдем, но токмо через два десятка дней, не раньше. Нынче покамест выступать рано. Да еще на пути к землянке имеются две медвежьи берлоги, хозяин еще толком не улегся на зиму. Коли его собаки подымут, зашатунит он, коли поспешим. А спешка нужна токмо при ловле блох да при поносе, – заявил Ванюшка, заметив, что волхв проснулся.

Никита глянул на не по годам смышленного мальчика и в знак согласия кивнул головой.

– Лады. А пока я тебя попестую, вскоре тюркский язык тебе пригодится. Весной привезут из степи малыша с больной спиной. Коли не овладеешь их языком, то как у него справляться о здоровье будешь?

– А что, в степи лекарей нет?

– Пальчиков тонких нет таких, как у тебя, – подбрасывая в печь дрова, ответил Никита.

Раздался звонкий лай собак. Мальчик выскочил за дверь, но через минуту возвратился.

– Вот пустолайки, белку увидали на сосне и тявкают. А она носится по стволу и их задирает, – сообщил он наставнику.

– А я уж пицаль заряжать вознамерился, вдруг косолапый пожаловал, – ставя оружие в угол, успокоился Никита.

– Летом, когда мы избушку ставили, дядька Угор на речке две ямы приметил. Сейчас рыба на зиму из Оби в малую реку поднялась, чтоб загар пережить. А весной с половодьем вновь скатится на икромет. Пока тут жить будем, можно заготовить припасы для себя и собак, – предложил мальчик.

– Этим завтра же и займемся, – согласился его наставник.

Морозы крепчали. Лед на речке с каждым днем нарастал. Вода начинала гореть, то есть наступил период кислородного голодания. Сбившись в стаи, рыбешки вставали в ямы, где на дне били свежие ключи. Попутчики, обнаружив скопление рыбы в ямах, били во льду майны и смастеренным сачком вытаскивали улов.

– Эх, жаль стерлядка в Оби токмо водится, сейчас бы полакомилась патанкой, – сокрушался Ванюшка.

– А давай-ка я тебе мороженого окуня на пороге топором разобью, помакаешь в соль – вот тебе и патанка, – предложил Никита.

– А пошто на пороге?

– Остяки говорят, что так вкуснее, – улыбнулся ведун.

– Так в юрте и чуме порогов нет, – погрозив пальчиком, смекнул Ванюшка.

– И то право. Значит, мы их уже научили, – рассудительно согласился Никита.

Жизнь ведуна и наставника текла мерным чередом. С утра они проверяли установленные мордушки. Днем латали одежду да собакам варили пойманную рыбу. Вечерами волхв и мальчик протирали таблицы, разбирали свитки и старинные грамоты.

– Вот давеча, перед тем как в путь отправиться, про веру с тобой говорили. С веры все и начинается. И исходит это из стародавних времен. Ве – ведать, разуметь. Ра – свет. От них и остальные слова исходят. Веды, ведать, вещей, великий, ведьма, вежа, радуга, радость, рано, гора, поря.

– Откуда столь знаешь, отче? – удивлялся малец, разбирая старые грамоты.

– Ведаю, Ванюша. Пестуны неплохие были у меня.

Вновь у избы затаивка собаки и с дружным лаем унеслись вглубь береговых кустов. Мальчик лениво встал, натянул кисы и нехотя пошел поглядеть на белку.

Но чере мгновение Ванюшка вбежал в избу, выпучив глаза:

– Бери пищаль, дядько! Лоси подошли к майне на реке. Одного теленка собаки в оборот взяли и не пускают к стаду.

Никита подсыпал на полку свежего пороха и выскочил вслед за мальчиком.

На речке, прижатый собаками к высокому берегу, годовалый теленок тщетно пытался вырваться из окружения.

Грянул выстрел.

– Не собаки у нас, а чисто волки. Не успел лось на колени упасть, а они уже в горло вцепились, – похвалил псов Никита, опуская ствол пищали.

Весь оставшийся день занимались разделкой туши. Никита рубил свеженину, мальчик на нартах увозил нарубленное мясо к избушке.

Потроха отдали собакам, которые, весело лая на слетевшихся сорок, принялись растаскивать кишки по речке.

– Ну, мяса мы на ползимы заготовили. Крупа, соль есть. До весны доживем. Обувь подправим, сухожилия на подшивку обуви хорошо идут, – радостно заявил Ванюшка.

– Вот нежданно-негаданно удача привалила, – согласился Никита. – Ты, Ваня, сушеные грибочки в миску поставь отмочить. Я такой плов сготовлю – за уши не оттащишь. Выменял я четверть пуда ныне у купцов китайских. Когда в полоне были, рис за счастье был, так хоть в урмане наемся.

– Плов – это каша рисовая, что ли?

– Ну, пусть по-твоему будет. Риса каша – бобрика мясо, – улыбнулся волхв, нарезая мясо для плова.

– А грибы зачем?

– Для вкуса, Ваня. Мы туда, к мясу, грибов да тыквы тертой положим – вкуснее Наманганского запарится.

ГЛАВА 82

ВАНЮШКИНЫ ГРЕЗЫ

На лавку подле спящего мальчика присел старец, нежно поглажив Ванюшку по голове.

– Кто ты, отче? – открыв глаза, справился отрок.

– Я князь Гостомysl.

– Не тот ли, кой приходил к Преподобному в отрочестве?

– Тот, Ванюша, тот, – улыбаясь, произнес волхв.

– Неужели и меня научишь разбирать египетские письмена, как Варфоломея – грамоте?

– За этим и пришел. У вас есть манускрипт египетского целителя, кой жительствовавал многие столетия назад.

– Имеется, отче. Токмо прочитатъ мне его пока не удастся.

– Не переживай, а теперича слухай, – нежно молвил старец.

– В те далекие времена, времена войн, сражений и огромных армий при фараоне Рамсесе Третьем, когда каждый десятый юнец становился воином, зародилась великая целительская эпоха. Быть целителем в стране, где каждый третий покалечен в битве, а каждый пятый страдает тем или иным недугом, было выгодным делом. Тогда же и зародились первые учебные избы для лекарей, а с ними и манускрипты по лечению. Изучать утробы мертвых не возбранялось, как сейчас, потому как из трупов делали мумии и бальзамировали тела ушедших. А значимо, и органы внутренние изучались,

и ученые мужи точно могли определить, от чего скончался тот или иной муж, как устроен человек внутри. Великие знания были достигнуты в те давние времена, Ваня. Но наступило время мракобесия, в которое все сии познания были утеряны и кинуты в пламень. Немногие труды уцелели. Береги их, отрок, как зеницу ока, ибо эти письма бесценны.

Старец поправил плед, которым был укрыт мальчик.

– Завтра проснешься и, взглянув на иероглифы, будешь читать их, как «Отче наш», – объявил Гостомысл и, нежно погладив мальчика по голове, добавил: – А пестуну твоему, Никитушке, поклон передай, не могу я в одну ночь явиться двоим сразу, а так бы и с ним обмолвился словечком, – вздохнул князь и, поднявшись с лавки, опираясь на посох, пошел прямо на бревенчатую стену, в коей растворился аки приведение.

Ванюша утром, вспомнив вещий сон, не умываясь, уселся над манускриптом. Иероглифы превращались в кириллицу сами собой.

Мальчик умел читать египетские письма.

* * *

СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН

Валихан принял Исатая как всегда радушно. Он знал о постигшем его сына несчастье.

– Езжай, Исатай, к хану Сейдяку. Бери с собой полсотни джигитов, они и в пути тебе помогут, и хану послужат. Возьми мои сани с кибиткой.

– Благодарю, уважаемый Валихан, нет границ твоей доброты.

– Ты, Исатай, заслужил мое уважение и признательность, поэтому я и расположен к тебе. Сейчас подадут бешбармак. Ты же не откажешься разделить со мной трапезу?

– Я с радостью, уважаемый Валихан, отведаю пищу с твоего устелдын⁴⁹.

– Давно я тебе хотел предложить обширные земли вблизи горы Сырынбет, это будет подарок для маленького Ваулихана. Я уже подготовил сауатты-хат, которое засвидетельствует право наследия.

⁴⁹ Устелдын – стол.

– Еще раз благодарю, уважаемый Валихан. Я буду служить тебе, пока смогу держаться в седле.

Через неделю Исатай и Ботагоз, уложив больного ребенка в кибитку, тронулись в путь. Опытный воин разместил все вещи и продукты во вторые сани. Прихватил и кобылицу с жеребенком, чтоб в дороге мальчик пил кумыс. В кибитку он поставил большой котел с раскаленной солью, чтоб согреть сына и жену в дороге, а на привалах вновь нагревать соль на костре. Обитое кошмой помещение кибитки надежно хранило тепло.

Сам же Исатай двинулся верхом во главе полусотни.

Всадники протаптывали в снегу путь для гужевых лошадей, идущих следом. Наездники периодически менялись между собой, тем самым давая возможность отдохнуть коням, бьющим целину.

Степняки знали закон птичьей стаи и всегда использовали такое походное построение в передвижении по снежной степи.

До Чиги Туры отряд добрался без происшествий. Делая ночные привалы и двигаясь днем равномерной рысью, Исатай не ошибся в расчетах и уже на шестые сутки прибыл на место первого длительного отдыха.

Разыскав подходящий постоялый двор около разрушенной казаками крепости, он разместил воинов на постой и только тогда выбрал себе и семье подходящее помещение.

Постоялый двор был довольно большим. Длинный навес со стойлами для лошадей служил с трех сторон забором. Несколько походных юрт для воинов, телохранителей и путников размещались при входе в постоялый двор.

Внутри двора располагались добротные рубленые дома с разноцветной слюдой в оконцах. Это были спальни знатных и богатых путников.

– Господин что-то пожелает? – поклонившись, спросил конак уйден иесы⁵⁰.

Уставший за долгую дорогу Исатай попросил хозяина постоялого двора подать баурсаков, чая и теплого молока для сына, но, не дождавшись ужина, заснул крепким богатырским сном.

– Мы едем далеко, туда, где живет Жас Дэригер – маленький лекарь. Этот мальчик должен поставить нашего сына на ноги. Его

⁵⁰ Конак уйден иесы – хозяин гостиницы.

нам посоветовали вершители судеб, проживающие на Жаман Тау, – поделилась своей тайной с хозяйкой постоянного двора Ботагоз.

И уже утром практически все жители Чиги Туры вели разговоры о маленьком мальчике, который творит чудеса.

– Жас Дэригер! Жас Дэригер! – восхищенно делились новостью люди, прибавляя все больше и больше чудес, которые якобы уже успел совершить маленький лекарь.

– Он слепую Асель сделал зрячей!

– Слышали? Хромой Булат выбросил костыли и бегаёт, как сайгак, по Чиге Туре!

* * *

А где-то в далеком урмане, в освещаемой яркими звездами охотничьей избе, сидя при свете восковой свечи, Ванюшка и не ведал, не гадал о пришедшей к нему неожиданной славе.

Шмыгая носом, он разбирал манускрипт египетского лекаря:

– Хворь эта опасна, ибо приводит к кончине зрелых мужей и жен, да и малых детищ забрала сия лихоманка немало. Ибо мочатся недужные дюже часто, да воду захлебом цедают, потому как сухие уста у них, и жажда даже в дождь мучает. Урина, ими испускаемая, сладка на вкус. Где помочатся, там мухи садятся, как на сладости, признаком тоже сие служит. Слепота ранняя наступает. Исцелить нельзя, но продлить век страдальцев возможно, коли применять следующее.

В теплых краях жрецы настой ореха Афинского⁵¹ да алый сок зерен плода карфагенского⁵² хворым дают.

В диких холодных краях волхвы потчуют немощных настоем липового цвета, листа черницы и земляной ягоды⁵³, крапивы да льняного семя.

В сухих же местах... – тут Ванюша, ткнув в папирус пальчиком, громко рассмеялся: – Глядь, отче, так то ж наш лук да чеснок нама- леваны, еще и пиписька нарисована с ножницами!

– Верно, Ваня, чеснок да лук – самое что ни на есть снадобье. Настой шелухи и цыпки выводит, и отеки снимает. И при чахотке

⁵¹ Орех Афинский – грецкий орех.

⁵² Карфагенский плод – гранат.

⁵³ Земляная ягода – земляника.

да проходнице⁵⁴, о которой ты сейчас рассказываешь, уменьшает страдания недужных. А пиписька нарисована правильно, – улыбнулся Никита, – потому как при сей хвори часто воспаление нижней плоти возникает. И человек дюже мучается опосля. Вот и пришли к выводу жрецы, что тем, у кого нет зелени к столу, потому как в пустыне и степи проживают, али в долгом походе будут пребывать, им с младенчества обрезание вершить, дабы в зрелости не настиг его сей недуг, – расстилая постель на лавке, отозвался Никита, пояснив: – Опосля это дело переняли иудеи и арабы да к вере своей приобщили.

– А остяки желчь щучью прям сырую с мешочком глотают да улыбаются. Говорят, червяки из печенки выходят, – вспомнил Ванюшка, расстилая свою постель, и добавил: – Но у спящего медведя она самая полезительная.

– А у оленей? – поинтересовался волхв.

– Нет, у оленей ее меньше, так как они ягелем и травами питаются. А хозяин тайги мясо с душиком обожает, потому у него и желчи много. Дядька Угор остяков ею лечит. И против проходницы, про кою тут писано, тоже, говорят, помогает, – ткнув пальчиком в иероглифы, молвил мальчик.

– Давай-ка почивать, Ванюша, а то так до рассвета и просидим. Засиделись мы с тобой, отрок, засиделись.

Никита подождал, покуда мальчик наведет порядок на столе и уляжется на лавку, и задул свечу.

В темноте раздался голос Ванюши:

– Нам надобно желчь добыть да с кедровым маслом смешать, коли кыргызенка лечить собираемся. Добрая мазь для растирания будет.

– Добудем, спи. Утро вечера мудренее.

– Ой, отче, совсем запамятовал. Ночью мне старец явился во снах. Гостомыслом он представился, князем. Тебе поклон передавал, – произнес мальчик, засыпая.

Никита подскочил к Ванюшке, но тот уже посапывал.

54

Проходница – сахарный диабет.

ГЛАВА 83

Огромный старый тридцатигодовалый медведь седьмые сутки шел в полуверсте сбоку от обоза. Оглядывая окрестности полуслепыми глазами, он вдыхал воздух в надежде учуять хоть какой-нибудь запах пищи. Из берлоги, куда он завалился на зиму, его выгнал более сильный и молодой топтыгин. Проиграв схватку, покусанный и злой, престарелый зверь бежал. В спячку он залечь уже не мог и стал шатуном, обреченным на голодную и холодную смерть. Обоз он заметил еще у Саматлорских озер и шел то следом, подбирая объедки, то сбоку. Собак в обозе не было, и это ему позволяло идти практически рядом.

В районе озера Сорг Кут остяки встали на длительную стоянку, и медведю достались потроха забитого оленя. Отгоняя налетевших сорок, он жадно грыз еще теплые кости и глотал кишки. Но через двое суток преследования его брюхо вновь прилипло к хребту.

Обоз из семи упряжек не пошел на юг в сторону Кашира (ныне Тобольск), а свернул в русло Атлым-реки на север и уже по заснеженному льду двинулся вниз на Обь. Пока упряжки петляли руслом, медведь напрямки вышел чуть вперед. Он уже был готов броситься на людей, чувство голода окончательно затмило его разум и осторожность.

Хозяин тайги в очередной раз втянул в себя морозный воздух и вдруг учуял едва различимый запах мороженой рыбы и печного дыма. Подняв морду, рассмотрел темное пятно у высокого берега.

Пятно шевелилось. Косолапый, прихрамывая на прокусанную лапу, прибавил ходу.

Ванюшка, накормив собак выловленной рыбой, принялся складывать улов на нарты. Сытые же лайки, играючи меж собой, побежали к избушке, беспечно оставив маленького хозяина у майны. Надетый капюшон малицы надежно прикрывал голову рыбака от холода, но он же мешал обзору и притуплял звуки.

Мальчик ощутил сильный толчок меж лопаток и, ойкнув от боли, упал лицом в снег. Огромная лапа придавила его, не давая дышать. В глазах у Ванюши помутилось, и он потерял сознание.

Медведь ткнул носом в спину и, схватив зубами за малицу, подтащил свою жертву к нартам, где лежала гора пойманной рыбы.

Давясь и чавкая, шатун принялся глотать одну рыбину за другой. Маленького человечка он унесет с собой, ноша невелика, ему не раз приходилось таскать на себе задранных оленей.

* * *

Хан Сибири Сейдяк принял с радостью Исатая в гостевом зале. Хлопнув в ладоши, приказал вбежавшему слуге принести восточные сладости и кальян.

– Великий хан, тебе кланяется уважаемый Валихан, которого ты одарил теплом своих забот. Он прислал на службу полусотню отборных рубах, которые до поздней весны будут исполнять волю твою, – прижав камчу к груди, поклонившись, произнес воин.

– Это очень хорошая подмога, аркар Исатай. Кучум-хан со своим сыном совершили набег на крепость Сузгун, разорили и сожгли ее дотла. Убили людей, которые не успели укрыться в лесу. Я ничем им не мог помочь, так как лед на реке был еще тонок, и мне оставалось лишь созерцать с высокого берега, как горит крепость.

– Он рушит то, что сам возводил!? – удивленно воскликнул Исатай.

– Кучум обезумел от злобы. Узбек мстит за утраченное ханство всем, кто принял мое подданство. Этот полуслепой безумец вырезает людей аулами, сеет смерть везде, где бы он ни появился. Я собрал четыре отряда, которые будут преследовать его всю зиму, и твои воины в этот час – добрая поддержка. Поэтому я и благодарен Валихану.

Хан Сибири отпил из пиалы чай и, ловко кинув в рот шарик халвы, продолжил:

– Я слышал про твое горе, Исатай. Весной по большой воде возьмешь ханскую ладью с гребцами и отправишься на поиски Жас Дэригера. Об этом маленьком лекаре ходят легенды, но слухи иногда превышают наши желания.

– Я должен его найти, великий хан. Это моя последняя надежда, – поклонившись, отозвался Исатай.

А в это самое время в далеком урмане Жас Дэригер лежал без сознания на снегу рядом с огромным чавкающим медведем...

ГЛАВА 84

Вожак собачьей стаи шевельнул ушами. Где-то вдали еле слышно бренчали колокольчики. Со звонким лаем стая бросилась к реке и напоролась на медведя.

Голодный шатун, брызгая слюной и не замечая вокруг себя ничего, поедал рыбу, периодически прижимая лапой спину мальчика, чтоб тот не вышел из состояния удушения. Своим звериным чутьем старый медведь понимал, что если он загрызет свою жертву здесь, то по следам крови его легко найдут голодные росомахи и утащат добычу из-под носа. Удавить же лапой – дело хлопотное, но надежное.

Лайки бросились на зверя всей стаей. Но собаки были ездовыми, а не зверовыми, и, бегая вокруг огромного медведя, они опасались подойти даже на две сажени.

Хозяин тайги спокойно доел рыбу, зубами схватил малицу и под лай собачьей стаи потащил беспамятного Ванюшку к противоположному низкому берегу, чтобы скрыться в тайге.

Из-за поворота показалась первая упряжка. Остяк привстал на нартах. Махнул шестом, заставив идущих шагом оленей перейти на бег и схватив копые, приготовился к нападению на шатуна.

Медведь, отвлеченный собаками, не сразу заметил приближающиеся упряжки. Кинутое копые вошло между ребер в глубину на полтора локтя. Медведь бросил ношу и повернулся в сторону пролетевшей мимо упряжки. Второе копые, выпущенное остяком

со вторых нарт, вошло топтыгину в холку, пробило насквозь, но не причинило смертельной раны. Так же поступили остяки на остальных пяти упряжках.

Шатун завалился на бок, сломав два древка копий, глаза его налились кровью. Он умудрился поймать лапой одну собаку, подтянул ее и, раскусив голову, как орех, отшвырнул прочь.

Старший остяк, скинув малицу и держа в руке кованный Архипом нож, зашел зверю со спины. Получив удар в сердце, медведь оцепенел.

Остяк был опытным охотником и знал, что если сразу вытащить нож из сердца, то зверь, кинувшись в последнюю атаку, может затоптать мальчика.

Постепенно глаза старого медведя помутнели, и он, изредка судорожно вздрагивая, начал затихать.

Другой остяк подбежал и за ноги оттащил Ванюшку от умирающего хозяина тайги. Мальчика раздели, положили на малицу, растерли снегом грудь. Вожатый обоза ощупал ребра ребенка, приложив к груди ухо.

– Треска нет, рёбир целий. Дышит, однако.

* * *

Хан Кучум с охраной в два десятка нукеров уходил от погони. Он уже третьи сутки практически не слезал с коня.

Полусотня Исатая уверенно держала след, не давая хану ни мига передышки.

– Река Исеть, господин. За березняком стойбище одинокого Ибрагима, у него четыре гостевых юрты, а в лесу конская привязь с плетеным забором и навесом. Надвигается сильный буран, необходимо укрыться, – показав камчой на горизонт, предложил подъехавший к Исатаю проводник, которого приставил к отряду хан Сейдяк.

– Хорошо, заворачиваем, – согласился воин, сам давно заметивший нарастающую серую тучу на горизонте, сулящую бурю.

Не успели воины расположиться в юртах, как задул сильный ветер. Солнце померкло от поднятого снега. Порывы снежного ветра бились в стены войлочной юрты, огонь в очаге мерцал и пригасал от очередного порыва.

– Был ли хан Кучум у тебя, уважаемый Ибрагим? – спросил Исатай, сгревая замерзшие руки о пиалу с горячим чаем.

– Нет, Кучума не было.

– Знаешь ли ты, где он?

– Знаю. Но и ты сам, аркар Исатай, идешь по верному следу, а значит, ведаешь больше, чем я, – ответил Ибрагим, подумав про себя: «Если бы и гостил у меня Кучум, то он давно бы лежал за юртой с перерезанным горлом. И где он, я тебе не скажу: он мой».

* * *

Ванюшка, придя в себя, открыл веки.

– Ванька, ты пошто здесь? А где белый шаман Архипка? Иде твой мамка Сюся? – услышал он знакомый голос.

– О, дядька Пайза! Ты как тута очутился? – удивился мальчик, приподнимаясь на локте.

– Ты иде, Ваня, такого шатуна споймал? – показав на тушу медведя, пошутил остяк.

– Кто еще кого споймал! Чую, помял он меня добре, к утру совсем худо станет. Сейчас бы на печку, да нет ее, на чувал же не залезешь, – морщась от боли и надевая малицу, посетовал мальчуган.

– Пошто ты тут? – вновь переспросил Пайза.

– Изба у нас тут с дядькой Архипом для охоты, вот и пришел проведать, – схитрил Ваня.

– Один? – удивился остяк.

– Нет, не один, а с дядькой Никитой. Он там, в избе сейчас. А ты куда?

– До Архипа. Железо собрали по стойбищам, везем ему ковать. У нашего князя дочь украл князь Часан, эвенк, что на реке Ионесси⁵⁵ правит. Нам копыя, стрелы, сабли нужны для войны. Архип торговаться не станет, когда узнает, что мы тебя от медведя спасли, – довольно потеряв руки, рассмеялся остяк.

– Хитер ты, дядька Пайза, – улыбнулся в ответ Ванюшка.

– Это ты хитер, когда от волков убежали, всего чебака моего съел, – парировал рыбаод.

– Вам поспешать треба. Архип в Самар-село хотел отбыть, как Обь встанет.

⁵⁵ Ионесси (эвенск.) – Енисей (русское название), Ким – хакасское, Улунг-Хем – тувинское.

– Сейчас зверя обдерем, за шкуру Архип два ножа даст.

– Оставь ее мне, дядька Пайза, отчиму скажешь, что шкура у меня, он на слово поверит и даст ножи.

Остяки, перекусив вяленой рыбой, попрыгали на нарты, двинулись дальше. Упряжки скрылись за поворотом, а песня погонщиков еще долго звучала в морозном воздухе.

– Йохарья-йохарья...

Ваня, преодолев боль в груди, поднялся и, пнув одну из собак, которая вцепилась в шкуру мертвого шатуна, поплелся в избушку, ворча:

– Так бы вы живого его драли, курвы трусливые.

Никита взглянул на вошедшего отрока:

– Что долго так?

– По медведя ходил, кое-как задушил, силен чересчур оказался. Иди, отче, обдирай, пока не застыл, – пошутил Ванюшка, присев на лавку, и неожиданно для себя навзрыд разревелся. Только сейчас к мальчику пришел испуг и страх. – Я более в лес даже по грибы не зайду! – всхлипывая, причитал ребенок, – не сажал я их!

ГЛАВА 88

Полусотня Исатая въезжала в ворота Искера.

Батыры три месяца гонялись за отрядами Кучума, разорвавшими татарские поселения на Туре, Тоболе и Исети. Бывший хан Сибири ушел от погони и укрылся в Исильских степях.

Наступала долгожданная весна.

Ваулихан мужественно переносил болезнь, как и подобало чингизиду. Он уже ходил по комнате, опираясь на самодельные костыли, лично заказанные ханом Сейдяком. Правда, ножки его почти не слушались, и он нередко падал на руки Ботагоз, не отходящей от сына ни на шаг.

Маленький батыр ждал весны, чтоб отправиться с отцом в путь и найти стойбище, где проживает Жас Дэригер, мальчик-лекарь.

Он его обязательно вылечит.

Возвратившись из похода, Исатай окружил сына добротой и вниманием.

– Папа, расскажи сказку о хитром Косе, который всегда всех обманывает, – просил его перед сном Ваулихан.

– Как-то едет Алдар Косе по степи, – начинал рассказ Исатай, – и видит бая верхом на добром коне. У Алдара шуба вся в дырках, и у коня ребра торчат. А у бая шуба лисья, малахай волчий, и конь лоснится. Мороз стоял сильный, и бай очень замерз. У Алдара тоже зуб на зуб не попадал, но хитрец выпрямил спину, шубу расстегнул, едет и песни поет.

Вот и спрашивает его глупый бай: «Ты что, не замерз?» – «Мне жарко, словно я в теплой юрте, – отвечает плут, – у тебя-то, бай, шуба без дырок, вот и мерзнешь. А у меня мороз в одну дырку залетает, в другую вылетает, а тепло мне остается». – «Давай меняться? Я тебе еще коня дам в придачу!» – «Давай».

Поменялись они шубами. Алдар Косе стегнул байского жеребца, да и был таков! А глупый бай еле до дому добрался, чуть было не околел в дырявой шубе, – погладив сына по голове, закончил свой рассказ Исатай.

– Я, когда вырасту, тоже буду Алдар Косе, – засыпая, прошептал ребенок.

– Нет, сынок, Алдар был простолюдин, а ты потомок Чингисхана, ты станешь воином, – укрывая мальчика одеялом, произнес отец.

* * *

Архип, услышав звон бубенцов, поправил на плече пищаль и, встав за извилистой березой, принялся поджидать незваных гостей.

Вскоре появились упряжки. Погонщик первой, видимо, хорошо зная местность, не останавливая оленей, со льда Оби ловко завернул в лог. За ним повернули и остальные.

Кузнец вышел из березняка и, встав на пути обоза, поднял над головой пищаль.

– Архипка, это я, Пайза! – услышал он радостный голос с первой упряжки.

– Мое почтение, купец! Каким ветром? – обнимая знакомого, поинтересовался Архип.

– К тебе пришли. Железа привезли, чтоб сабли да ножи делать. Скоро уходим на реку Ионесси биться с князем Часаном, что над тунгусами и эвенками княжит.

– Чем он вам занозил-то, что аж за тридевять земель воевать подадитесь?

– Дочь князя украл.

– Так у него дочерей пруд пруди. Одной меньше, одной больше, – пошутил Архип.

– Негоже так поступать! Мог бы на собак поменять или оленей, зачем красть, – возмутился Пайза.

– Смотрите, по ушам не отведайте. Князь Часан – родственник маньчжурского ампиатора династии Цин, а тот наверняка подсобит ему в войне.

– Мое дело оружие добыть, я купец, – улыбнулся, подмигнув одним глазом кузнецу, остяк, – воевать другие пойдут, однако.

– Ну, коли так, пойдём в кузню мен вершить, у меня кое-что наковано уже, – согласился Архип, усмехаясь в бороду.

Пайза вертелся вокруг кузнеца юлой. Рассматривал наконечники стрел, восхищался острием сабель, но при этом сразу же сбивал цену:

– Хоросё, ай хоросё, но более двух соболей в обмен не дам!

– Харасё, харасё, – передразнивал Архип, не уступая, – я в Искере с большей выгодой сторгуюсь.

– Там больше урусов нет. Татарка тебе быстро секир башка делает и заберет весь товар.

– Нет, менее чем за три соболя не отдам, – упирался кузнец.

Дольше всего торговались за слоеные луки, которые Архип сделал по джунгарскому образцу, склеив полоски древесины клеем из потрошков осетра.

Лук легко гнулся и так же легко пускал стрелу, которая при этом пробивала ствол осины толщиной в человеческую руку.

Ксения, охая и причитая, занималась приготовлением обеда для гостей.

– Ну вот утащил бы медведь Ванюшу, и остались бы лишь от сыночка белые косточки в урмане дремучем. Ой, Господи! И пошто я токмо согласилась отдать его в поводыри? Ой, кровинушка ты моя! Мальчонка горемычный! Обереги тебя Господь от смертушки лютой, – крестясь на красный угол, лопотала она.

* * *

А горемычный уже подводил Никиту к берегу Чудо-Озера, где проживал огромный Сорт Лунг – рыба-оборотень. В тумане виднелись очертания острова.

Мальчик остановил упряжку, привязал повод к осине и, взяв пешню, прошел на лед.

– Тащи, отче, медвежью ляжку, задобрим Сорт Лунга, чтоб нас не трогал и других не пуцал.

Лед уже был толщиной в три локтя, и Никита с Ванюшкой потратили битый час, чтоб пробить в нем майну, откуда фонтаном плеснула коричневая вода.

– Сгорела ужо водица-то, поди и рыба вся задохлась, – охнул Ванюшка, отпрыгнув от разливающейся по льду вонючей лужи.

Неожиданно вода в полынье забурлила, и на лед выпрыгнуло несколько мелких щурогаек, а вслед высунулась из нее огромная, покрытая бородавками и улитками щучья пасть.

– Сорт Лунг жив! Он приплыл на свежий воздух, который попал в воду через выдолбленную майну! – обрадованно вскрикнул мальчик и, схватив медвежью ляжку, потащил ее к проруби, приговаривая: – Отведай мяса, Сорт Лунг, не гневайся на нас, пропусти к острову.

Медвежья нога была чуть шире продолбленной майны и никак не проваливалась. Но тут с другой стороны потянули ее с такой силой, что затрещал лед, и ляжка ушла под воду.

Собак привязали на берегу, чтоб не напугали они своим тьяканьем мудрого ворона. Сами же налегке двинулись в сторону острова.

ГЛАВА 86

— Кар! — раздалось с верхушки прибрежной пихты. Ванюшка хоть и ожидал встречи с мудрой птицей, а все одно вздрогнул от неожиданности.

Он вынул из кармана рубахи тряпицу, развязал узелок и достал бусы.

— Кар?! — слетев на нижние ветви, повторил старый ворон, разглядывая бусы в руках мальчика.

— Поклон тебе от вогула — потомка великого шамана Пынжы. Возьми его бусы, мудрый ворон, — покачав ими, попросил Ваня.

Ворон, еще раз взглянув на бусы, слетел на снег и, переваливаясь с боку на бок, смело подошел к мальчику.

Взяв в клюв ожерелье, он тяжело взлетел на ветку дерева, огляделся и перелетел на осину, растущую в глубине леса.

— Ты, отче, ступай по моему следу чуть погодя. А то не дай Боже спугнем ворона. Я же за ним пойду следом. Он старый, с ветки на ветку еле-еле перелетает, так что успею. Мудрый ворон к пещере сейчас полетит, чтоб бусы унести туда, вот мы и сыщем его жилище, а то я, когда тут был в прошлый раз, до пещеры не ходил, кладь стерег тута, на берегу острова, — обратился отрок к волхву.

Не теряя времени, мальчик, скользя на лыжах, подбитых шкурой оленя, побежал вслед за улетающей птицей.

Отрок, пройдя густой ельник, уходящий вверх к середине острова, поднялся на поляну, заканчивающуюся отвесной скалой.

– Да куды ж ты подевался, окаянный! Не поспел я за тобой немало – вот и упустил из виду, – чуть не плача, вскрикнул Ванюша.

– Кар! – раздалось сверху.

Подняв голову, ребенок разглядел на фоне заснеженной скалы седого ворона, сидевшего на каменной стреле, выдолбленной неизвестным каменотесом у подножья. Острие стрелы указывало на начало тропы, ведущей наверх к малозаметному входу в пещеру, заросшего кустарником.

Сняв и воткнув в снег снегоступы, мальчик, цепляясь за стволы березок и шиповника, без труда по выложенным лестницей валунам поднялся на небольшой козырек у скального проема.

Никита, тяжело дыша ему в спину, карабкался следом. Волхв добыл огонь и зажег свечу. Оглядевшись, удивленно вздрогнул. Пещера была один в один с пещерой на Жаман сопке! Такие же каменные ложи для отдыха и сна, чувал с выведенным дымоходом из плоского камня. Вырезанные в каменных стенах ниши для продуктов и другой утвари.

Никита присел на каменную скамью перед столешницей.

– Неужели тут, на краю земли, когда-то жительствоваали одни и те же люди? – прошептал он, оглядывая потолок и стены. – Видать, жрецы да волхвы и впрямь тьму лет обитают на белом свете, раз в разных сторонах земли их быт и уклад одинаков. Токмо вот большое все какое-то. И лежаки в три раза супротив Жаманских поболее станут, и столешница высотой мне под подбородок в аккурат уложена. Как будто великаны сказочные населяли пещеру сию, – еще раз оглядев содержимое пещеры, удивился каменотес.

– Кар!

Из раздумий его вывел ворон, ходивший по каменному столу на правах хозяина.

– Кар! – потребовала пищу птица.

Ванюшка достал сушеной оленины и положил перед хозяином пещеры:

– Отведай мяска, мудрая птица. Не тронем мы тут ничего. Не возьмем с собой и камушка. Дай токмо лицезреть сие чудное место.

Пока ворон клевал поднесенные дары, мальчик, взяв свечу, прошел вглубь пещеры, рассматривая на скальные рисунки, сотворенные неизвестными авторами, когда-то проживающими в этой пещере. Никита сходил на берег озера за поклажей, хворостом и собаками.

Начинались бураны. Мартовский, еще холодный ветер поднимал слежавшийся за зиму снег, превращая его в колючий позём, и тот заметал напрочь санные следы и звериные тропы, мешая весне вступить в свои законные права.

Растопив чувал, путники разложили пожитки на ложе древних жрецов и, закрыв вход в каменное жилище медвежьей шкурой, расположились отдыхать, уставшие после двухдневного перехода от последней землянки.

– Как-то боязно тут, отче. Ну, прям как в былине о Ясном Соколе. Там тоже про вайтманы сказано, яки по небу с товаром плавают и купцов по всему миру возят. Писано в былине, когда Настенька, невеста Ясного Сокола, в путь снарядилась своего суженого разыскивать, то дошла она через степи и горы до местечка, где енти вайтманы стояли, и улетела с ними. Вон тут на стенах они везде намалеваны. А еще охотники с копьями да луками нацарапаны, кои на невиданных дивных зверей промышляют.

Никита укрыл мальчика пледом, поправил олени под ним шкуры и, ласково погладив своего ученика по голове, успокоил его, присаживаясь рядом:

– Не бойся, спи, отрок, собаки вовнутрь пещеры никого не пустят, а у нас огонь горит. Когда очаг разведен, ни один леший не страшен. Нас бог Земного Огня – Агуна, младший сын Сварога, бережет от всякой нечисти. Я бросил в огонь медвежатины, и Агуна принял жертву, поблагодарив нас веселыми искрами. Древние жрецы знали секрет, как сохранять тепло в лютые зимы. У чувального очага выложены девять каменных колодцев, обогревающих жилище. Камень-то он долго набирает жар, но и еще дольше отпускает его. В углу еще и жертвенный огонь разводили, вишь вся стена черна от копоти? А в охрану жрецы себе одних левшей брали. Глянь, как лестница и проем в пещеру вправо умно закручены. Вот и мог один левша биться мечом супротив десятка, а то и более ворогов, так как с правой руки несподручно им было сражаться, вся грудь нападавшего открыта была для удара. Воин жрецов с мечом в левой руке да копьем в правой на входе врагов встречал. Проход-то узок, токмо по одному и можно напасть, да и с копьем не пройти, древко в поворот не проходит, а левша тут как тут, тырк копьем, да мечом добивает.

А карниз на скале перед пещерой узок, много-то и не поместится воинов. Вот и не могли они взять жрецов. Многие зарились

на их богатства, да немногим счастье улыбнулось утром солнышко увидеть.

– Откуда ты все это знаешь, отче? – высунув нос из-под одеяла, справился Ванюшка.

– Так в рабстве каменотесом был, во многих султанских дворцах лестницы выкладывал в потаенных башнях, куда султан со своим гаремом и чадами мог укрыться в последний час. Вот они по этому сходству янычар и подбирали для личной стражи. Спи, отрок, а я покуда за огнем послежу. Растопить нужно хорошо, а то, поди, полвека очаг тут не топили.

ГЛАВА 87

ПРИПОЛЯРНЫЙ УРАЛ

Стояла морозная уральская ночь. Хотя днем на солнце уже пахло весной.

Небо было чистым, и многочисленные звезды, собравшись в хоровод млечного пути, как будто указывали путникам направление движения.

Но двигаться обессиленным людям с каждым днем становилось труднее и труднее. Чаше и чаще они, обессилив, падали в снег, жадно хватая обветренными губами наст, поедая торчащие из-под снежного покрова травинки.

Вскрыв ножами упавшую лесину, стрельцы, находя короедов, глотали их не пережевывая. Одно спасало путников – у них было огниво.

В эту ночь на стоянке Гришка и Макарка развели костер, нагрели в котелке растопленный снег, бросили в кипяток пару пригоршней шиповника. Напившись отвара и прислонившись спинами к стволам берез, впали в беспмятство. Выменянные у ненцев шубы-малицы надежно хранили тепло.

Расстриге вновь приснилась еда. Он с трудом открыл опухшие веки, сплюнул набежавшую слюну и повернулся в сторону спящего у костра напарника.

Заблудились стрельцы в многочисленных притоках, окончательно сбившись с дороги. Порох промок, и подстрелить дичь уже не представлялось возможным. Пищаль лежала на нартах бесполезным грузом.

Некормленные собаки, которых взяли на Печерах, давно сбегали от новых хозяев, и путники, впрягшись, по очереди тащили нарты сами.

Семь дней назад в пойме реки горемыки наткнулись на останки задранный лося. Волки поработали на славу. На снегу оставался только ворс и обглоданные до блеска кости.

Нарубив их топориком, наколов лед, Расстрига сварил шурпу, которую, обжигая губы, они выпили в мгновение ока.

Но горячая похлебка только усилила чувство голода.

«Еда, еда, еда», – звенело в голове с каждым шагом.

Стрелец прикрыл веки. Он уже принял страшное решение.

«Макарка хоть и молод, подчиняется мне безропотно, но он силен, зарезать себя, как барана, не даст», – рассуждал стрелец, шевеля обмороженными губами. Не открывая глаз, он потрогал пальцем острие ножа. Чувства жалости к своему напарнику он не испытывал, голод давно превратил его в лютого зверя. А может, и не был никогда Григорий Расстрига человеком? Он всегда жил для себя, никогда не протягивая ближнему руку, и теперь пришел черед превратиться из православного, снявшего сан монаха, в людоеда.

– Ашо малехо сосну и перережу тебе горло. Я тихонько, безболезненно. Прости, малой, но кто-то из нас должен выжить, – прошептал Расстрига, взглянув на спящего попутчика.

* * *

Никита, пройдя вглубь пещеры, обратил внимание на странную плиту солидных размеров, прислоненную к одной из стен и установленную на трех обработанных камнях из черного мрамора.

Проведя пальцем по поверхности камней, он восторженно прошептал:

– Это ж надо так отшлифовать, ну прям как сабля турецкая!

Переведя взгляд на поверхность плиты, он ковырнул ногтем, отломив маленький кусочек векового покрытия.

– Воск, – попробовав на зуб, определил каменотес.

Волхв прошел к очагу. Насыпал песок на нагретую каменную плиту и, перемешивая его прутиком, принялся сушить и нагревать песчинки.

– И кому это потребовалось плиту покрывать воском? Что от глаз укрыть желали люди давние? – рассуждал Никита, помешивая песок. – И плита-то слоеная. Нижний слой вроде доломитовый. Средний из кремния будет. А вот верхний слой, который воском покрыт, как бы из китайской белой глины сроблен. Видывал я в полоне чаши чудные династии Хань. И статуэтки на ремонт приносили династии Юань. Но плиту огромную форфорой залитую?! Не созерцал.

– Отче, так тут горы и реки налеплены, холмы и озера! – раздался из-за спины голос Ванюшки.

– Ваня, осторожней, не сломай творение! Погодь, песок нагреем да в варежку насыпем, – встрепенулся волхв.

– Для чего? – поинтересовался мальчик.

– Воск оплавим да потихоньку ототрем.

Через два дня кропотливой работы плита была очищена от воска, и взору Никиты с Ванюшкой предстала фарфоровая поверхность с зелеными холмами, синими озерами и коричневыми горными хребтами, кое-где покрытыми белыми снегами.

– Лепота! – внимательно всматриваясь в рельеф местности, восхитился волхв.

– Тут и Обь-река, и Ыртыс, да далее на восток реки до самого синего моря. И грады обозначены – Аркаим и Асгард. Вот, погодь, и наша Атлым- река уходит в тайгу, по которой мы с тобой, Ванюша, поднялись.

– Глянь, отче, а это наше озеро и пещера, – показав пальчиком на вставленную в фарфор ракушку, обрадовался мальчик.

Долго еще разглядывали плиту путники, а севши почивать, волхв задумчиво поведал отроку:

– Это узоры державы Шыбыров, Ваня. Великие мастера их произвели, по каждой реке, на каждом холме обозначив залежи золота, серебра и самоцветов. Пещеры жрецов ракушками отметили. Слышал я от своего пестуна отца Гостомысла, будто искали эту карту многие. Якобы нанесена на ней колыбель всех миров и народов.

Александр Великий, дойдя до Семиречья, не смог разыскать это сокровище. Чую, что владелец этой плиты – самый богатый муж на всем белом свете.

– А баба золотая, отче? – поинтересовался мальчик, разглядывая золотую статую в одной из ниш.

– Это не баба, Ваня. То, я мню, древнеиндийский бог разрушения Шива. Кто владеет этим изваянием, того никогда не победить.

– Откуда он тут? Индия-то далече?

– Не ведаю, Ваня, знаю, что было три Индии: Северная, Восточная да та, которая сейчас есть. Но пришла стужа великая, и ушли отсель люди.

– А вогулы с остяками пошто остались?

– Так они же в малицах ходят, что им будет, – пошутил, рассмеявшись, Никита.

* * *

ПРИПОЛЯРНЫЙ УРАЛ

Григорий открыл глаза. Макарка безмятежно спал.

– Пора, – прошептал стрелец и попробовал подняться.

– Не ладь этого. Малой спасет тебя от дыбы, – услышал Расстрига знакомый старческий голос.

Гришка повернул голову и увидел седого волхва, стоящего у березы. Волхв, опершись на посох, продолжил:

– Если пойдешь вверх по руслу, то до полудня наткнешься на собачий след. Ты его отличишь от волчьего сразу. У волка след лапы короной, у собаки же выуженный. Идите по нему, и вы выйдете к закату на стойбище коми. Там найдете приют и пищу.

Стрелец тряхнул головой, словно отгоняя от себя наваждение. Но Гостомысл не исчезал:

– Я не дам тебе убить твоего спутника, ты нужен в Китайском городе, куды придешь с Макаром. Он подтвердит, что вы пришли из Сибири. Без него тебе не сыскать оправдания, откуда ты объявился с деньгой бухарской на Руси в самое смутное время. Поднимай Макара и ступайте, а то засветло не успеете к стойбищу.

Образ волхва растворился в воздухе.

Гришка поднялся и, отряхнув от снега малицу, подошел к спящему Макарке.

– Вставай, горемыка, сегодня твой день, – пнул он попутчика ногой, – но коль к закату не выйдем к стойбищу, он будет для тебя последним, – пробубнил себе под нос Гришка.

ГЛАВА 88

СРЕДНЕЕ ТЕЧЕНИЕ ИШИМА

В далекой бескрайней степи наступала весна. Таявшие снега постепенно наполняли русла мелких ручьев и речушек. Снег потемнел и осел.

Старый Еркен уже выгнал из кошар овец, которые бродили в поисках свежей травы вокруг его стойбища. Тут же паслись стреноженные лошади. Мысли о больном внуке не давали бывшему воину покоя. Уже почти шесть месяцев не было известий от его дочери Ботагоз и зятя Исатая. Расспросы о них у путников не давали новых сведений.

Еркен разглядел силуэт всадника, гнавшего коня со стороны переправы. Старик насторожился: скакать по раскисшей глине мог только безумец или гонец со сторожевых застав, выставленных в районе Святых могил⁵⁶.

– Джунгары! – прохрипел гонец. – Воды, отец, и коня!

– Сейчас плохой лед на реке, они не перейдут на наш берег, – принимая повод, возразил Еркен.

– Я же переправился, правда, два раза провалился, еле коня спас, – отдавая пустую пиалу, продолжал гонец, – у нас есть время, чтоб собрать батыров. Джунгары идут отрядом в две сотни

⁵⁶ Святые (белые) могилы – Ак мола. (Акмолинск – Целиноград – Астана.)

сабель, без походных юрт и обоза. У каждого по две пристяжные лошади. А значит, у них цель совершить набег и быстро уйти от преследования.

– Еще не поднялась свежая трава, чем они думают кормить своих лошадей? – удивился Еркен.

– Ты бы ушел в степь, отец. Не отомстить ли пришли аркару Исатаю за поражение при Балхаше? Монголоиды никогда не идут вслепую – обязательно найдется проводник из местных, а он доложит, что ты тесть Исатая.

– Я уже стар, чтобы бегать, как чочкан⁵⁷, по степи и прятаться в норках. Да и отару мне со своей старухой не увести. Будь что будет. Возьми свежего коня и скачи к Валихану. Будем надеяться, что не перейдут джунгары реку до прихода наших батыров. Да и лед вот-вот должен пойти на Есиле, это надолго преградит путь вражеской коннице.

* * *

– Господин, кони не пройдут реку, – доложил, низко поклонившись, начальник джунгарских разведчиков.

– Рубите деревья, кидайте на лед и пешими ступайте к стойбищу. Всех, кто там есть, убить, – присаживаясь на пуфик, распорядился старший и добавил: – Это аул человека, который убил моего дядю. Никто не должен остаться в живых: ни женщины, ни дети. После этого уходим домой. Мы выполнили волю повелителя, разведав степь, – и, подумав, приказал: – проводника убейте, он нам больше не нужен. Собаке – собачья смерть. Он показал четыре аула, о которых мы и не знали. Этот шакал предал свой народ, он заслуживает только презрения.

– Пощадите, господин! – упав перед старшим, взмолился проводник.

– Человек, предавший один раз, предаст и другой! – оттолкнув ногой степняка, брезгливо поморщился Таймуджин.

Телохранитель Таймуджина подошел к обреченному и, задрвав ему голову за подбородок, перерезал горло.

Тело оттащили в овраг.

⁵⁷ Чочкан – суслик.

* * *

Никита с Ванюшкой усердно переносили с древней карты на выделанные куски коры все символы, нанесенные неизвестным мастером.

Волхв торопился.

Необходимо было успеть одолеть переход от озера до Атлым-реки, пока весеннее половодье не затопило тальными водами многочисленные болота и ручьи, сделав тайгу непроходимой.

Он уже разобрался с рельефом на карте и понимал, что ручей, истекающий из озера, уходит не в Обь, а течет к другой реке, Ионесси, в неизведанный край, куда не ступала нога русского человека. Озеро служило границей двух миров – двух водных бассейнов могучих сибирских рек.

Облив толстым слоем расплавленного воска каменную карту, путники принялись собираться в обратную дорогу.

– До землянки припасов хватит, главное, чтоб собаки сытыми были, – рассуждал возмужавший за зиму Ванюшка, – а там по льду до первой избы дойдем, чтоб плот смастерить и половодья дожждаться.

* * *

На обратном пути Пайза крутил головой на все четыре стороны, осматривая берега реки, в надежде найти хоть какие-нибудь следы.

Выменяв у Архипа оружие и доспехи, купец не унял своего любопытства, понимая, что Ванюшка не просто так объявился в глухомани. Охотиться можно было и поближе к дому. А значит, у маленького хитреца есть какая-то тайна, и не зря с ним пришлый ведун пошел.

«Неужто Златую Бабу ищут? А чай найдут? По рассказам старейшин, в ней цельный пуд золота! Несысканное богатство! Да и про сокровища атамана Ермака слухи ходили, что якобы внук шамана Угор с белым шаманом Архипом утаили его где-то. А Ванюшка хоть и приемный сын кузнеца, но кой-какие тайны ему доверены».

Погоняя оленей, хитрый остяк рассуждал: «А ну след какой разыщу? Да примечу, чтоб попутчики не догадались. А летом приду, осмотрю. Может, и разыщу несметные богатства, которые искали мой дед и отец. Уж давно все считали, что сгинул Угорка в

бухарской неволе, с ним и род их шаманский, вогульский, а он вона вновь объявился! Видимо, действительно бережет их Златая Баба от всех напастей!».

* * *

И все-таки чуть припозднились со сборами Никита с Ванюшкой. Апрельское солнышко растопило местами лед на озере.

– Я пойду первым на снегоступах, отче, ты же на нартах с собаками опосля по моему следу двигайся. Тут лабзы на середине, они быстрее ото льда отходят, провалиться под них можно, а я легкий, пройду, – предложил мальчик.

– Что за лабзы?

– Лабзы – это трава вековая. Она поверху плавает толстым слоем, а внизу глубина бездонная. Мы в отрочестве по ней бегали в догоняшки. Бежишь, а лабза под тобой ковром колыхается. Но коли провалился, то никто не поможет – лабза над тобой сомкнется мигом, и поминай как звали, – пояснил Ваня, надевая лыжи, и напомнил: – Полынья у этого берега уже чистая есть, кинь туды лапу медвежью, пусть Сорт Лунг в дар примет да нас пропустит.

Ванюшка широким шагом побежал по поверхности озера. Никита, кинув в полынья кусок медвежатины и обождав, чтоб отрок добежал до противоположного берега, погнал собак, прыгнув на ходу в нарты.

Разбрызгивая раскисшую наледь, упряжка понеслась по льду. На середине озера собаки потянули нарты тяжелей, полозья с трудом скользили по травяным лабзам, лапы лаек путались в растительности. Никита почувствовал, как нарты стали заваливаться набок, но тут первая лайка вырвалась на чистый лед и, увлекая за собой остальных, рванула к берегу.

Никита вывалился, намочив малицу, но, разглядев сквозь лед огромную тень Сорт Лунга, мелькнувшего в глубине, не помня себя от страха, рванул, обгоняя собак.

С берега раздался звонкий мальчишеский хохот:

– Собак не растопчи, отче!!!

ГЛАВА 89

К вечеру следующего дня добрались до первой землянки. Ванюшка растопил чувал, бросив в него заранее припасенные поленья.

– Вымерзла землянка, все ледяное кругом, – сметая иней с лавки, посетовал Никита.

– Ничего, за ночь протопится. А завтра полынью пробьем, воды нагреем да помоемся с дороги, – отозвался Ванюшка, возясь у печи.

– Нам тут пожить с десятков дней осталось. Лед сойдет, и мы по воде спустимся до избы, а пока, Ванюша, бревна для плота заготовим.

* * *

Пайза, ехавший в обозе первым, остановил упряжку и дождался, когда подъедут остальные.

– Там люди, – показал рукой он на идущий из-за деревьев печной дымок, – это сын Архипа с колдуном. Но заходить к ним не будем. Нужно спешить, скоро лед пойдет, и мы можем не успеть пройти домой.

Хитрый купец уже разглядел отпечатки собачьих лап и решил не затягивать время, а пройти по следам пришедших недавно Никиты и Ванюшки. Он должен выведать, куда и зачем ходили эти урусы, какие тайны скрывают они от людей.

– Езжайте домой, я догоню вас у Селяяровых чумов, – распорядился Пайза и, переложив часть поклажи в другие нарты, налегке погнал свою упряжку по обнаруженным следам.

* * *

В этот раз Никита впустил на ночь уставших собак в землянку. – Вместе теплее будет, – расстилая шкуры на лавке, решил ведун.

Ванюша достал из лабаза плетеную корзину с мороженой рыбой и бросил чебака лайкам. А в это самое время незамеченный обоз Пайзы прошел руслом мимо места ночевки Никиты и мальчика.

Как только остяки-обозники скрылись за поворотом, следом из темноты показалась еще одна собачья упряжка.

Угор, изучив следы на льду, хитро усмехнулся:

– Ай, Пайза, ай хитрый купец. Золотую Бабу решил поискать! Твой дед и отец всю жизнь ее разыскивали, но не нашли. Теперь и ты позарился на нашу святыню. Погубит тебя жадность несусветная. Свой обоз послал далее, а сам по обратному следу Никиты ринулся?!

И Угор погнал собак вослед одинокой упряжке Пайзы.

– Не время сейчас остановку делать. На обратном пути к Никите с Ванюшей заеду, а ноне поспешать надо, – решил вогул.

* * *

Поиски привели Пайзу к озеру. Далее следы уходили по заметному льду к одному из островов, еле виднеющемуся в утреннем тумане.

– А вот и убежище старого шамана, – привязывая оленей к дереву, догадался Пайза, – пока снег лежит и следы хорошо видеть, дорогу найду к сокровищам.

Вступив на лед, остяк осторожно сделал пару шагов. Лед еще был довольно крепок, несмотря на то, что от берега местами отошел, набух, местами подтаял.

Взяв погонный шест в обе руки, он, как канатоходец на ярмарке, тихонько двинулся к острову.

Посредине озера ноги Пайзы начали проваливаться по щиколотку, травяные лабзы, оттаявшие под весенним солнцем, ковром закачались у него под ногами. Остяк остановился, пытаясь сохранить равновесие.

Память невольно принялась рисовать забытые с возрастом страшные былины, услышанные в детстве, сказы старейшин про бездонное болото, в котором живет злой дух Сорт Лунг, поселившийся в образе огромной щуки. Про Золотую Бабу, которую никто никогда не видел, кроме шаманов и старого ворона.

– Кар! – раздалось неожиданно сверху.

Остяк пошатнулся, и один конец погонного шеста, опустившись, проткнул насквозь травяной настил.

В утреннем небе парил одинокий ворон:

– Кар!

Пайза опустил на одно колено, пытаясь вытащить из травы шест. Другая нога неожиданно провалилась в воду. Тут же купец почувствовал сильный подводный удар о щиколотку, будто огромное бревно скользнуло по его ноге.

Он упал на живот, стараясь вытащить ногу на поверхность, но вдруг почувствовал, что огромная неведомая сила потащила его в пучину.

– Кар! – рассматривая человека, прокричал ворон, присев рядом на кочку.

– Сорт Лунг, прости, не губи, у меня шестеро детей! – завыл обреченный. – Я даю слово забыть это место и никогда больше не приходить сюда!

Но острые зубы злого духа уже впились сквозь обувь в ногу чуть ниже колена.

– Кар! – подала голос мудрая птица и, взмыв, полетела в сторону острова прочь от утопающего человека.

Угор равнодушно присел на бревно возле привязанной Пайзой оленьей упряжки. Достал дедовскую трубку, которую, по рассказам стариков, курили еще шаманы из племени алиутов, что пришли от далеких морей, со стороны восходящего солнца. Набил ее сушеным ягелем с порошком гриба и, выбив огнивом искры, раскурил трубку.

– Сорт Лунг, пощади! – доносилось с середины озера.

Утренний туман разносил эхом последние вопли.

Выпустив через ноздри дым, вогул с наслаждением закрыл веки.

* * *

КАЗАХСТАН

Джунгарские разведчики и не думали, что вышедший из юрты дряхлый старик способен оказать какое-нибудь сопротивление. Чем и поплатились за свою беспечность.

Еркен, приблизившись к первым двум ойратам, сделал вид, что желает почтительно поклониться. Но вдруг выхватив из-под чапана две сабли, в развороте ударил по горлу одного и по предплечью другого.

Первый воин с перерезанной глоткой замертво рухнул наземь, второй завертелся волчком от боли, глядя на отрубленную руку.

Еркен участвовал во многих битвах и, принимая последний бой, с яростью ринулся на чужеземных захватчиков, давая время уйти подальше в ночную степь своей старухе и невестке с внуками – жене своего сына Отара.

«Это хорошо, что Исатай и Отар в походе. Не останутся сиротами их дети», – подумал он, рубя по ноге очередного джунгарина.

Бывший воин знал, что попасть в жизненно важное место противника ему ночью не удастся: мешала темень и доспехи врагов.

И поэтому он рубил по незащищенным конечностям. Сабли сверкали при свете звезд, словно молнии. Но силы были неравные; пропустив несколько ударов копий, старик упал на траву рядом с семьей истекающими кровью джунгарами.

– Внук мой Ваулихан! Прогони хворь! Встань на ноги! Освободи наш народ от монголов и других пришельцев, – прошептали его обескровленные губы.

* * *

БЕРЕГ ЧУДО-ОЗЕРА

Угорка, еще раз затянувшись, оперся спиной об осину.

– Накинь на него маут⁵⁸! Он пока нужен нам живым, – услышал старческий голос внук шамана, – коли утопнет Пайза, то князь Самара отомстит тебе и твоему сыну, родившемуся вчера вечером, пока ты был в дороге.

Угорка вздрогнул и обернулся, но никого рядом не было, только ко утренний туман доносил крики несчастного.

⁵⁸ Маут – аркан для ловли оленей, плетенный из кожаных ремешков.

Он нехотя взял маут, собрал его кольцами на руке, прошел по льду до плавающей травы и умеючи с первого раза накинул петлю тонущему остяку на шею.

Пайза, выпучив от удушья глаза, заскользил к тянущему его по наледи вогулу. Если бы не капюшон малицы, накинутый на голову, он бы наверняка удавился, а так только на несколько мгновений потерял сознание.

Угор стащил мокрую обувь с остяка и осмотрел раненую ногу.

– Кость задета, но цела, нога сильно поранена, будто тебя волки рвали. Если бы я не услышал голос духа, никогда бы тебе не помог. Ты знаешь наши обычаи, мы не спасаем тех, кто тонет. Если духи не захотят его забрать, то он выплывет сам.

Пайзу трясло от холода и страха. Он бросил мокрую меховую одежду сушиться на кусты и, укутавшись в сухую шкуру с головой, уселся на нарты.

– У тебя шибко идет кровь. Я помажу живицей раны и налеплю на них ягель. Собак мы распряжем, а мои нарты пристегнем маутом за твои. На оленях мы доберемся до землянки быстрее, тебе нужно зашить раны. А китайские нитки есть только у Ванюшки в землянке, – объявил вогул, освобождая собак от лямок. – Надень мою старую малицу и тисы, свои же мокрые вещи положи во вторые нарты, – добавил внук шамана, разворачивая оленей в обратный путь. Однако! У меня сын родился! – рассмеялся вогул, прыгая на ходу в нарты, наконец-то вспомнив последнюю фразу Гостомысла.

– Откуда узнал?

– Дух поведал!

– Как назовешь?

– Не скажу. Никто не должен знать имя нового шамана. Это не понравится духам.

При напоминании о духах раненый вздрогнул и в страхе посмотрел на удаляющийся берег зловещего озера.

В небе над урманом светили звезды. Луна зловеще мелькала меж верхушек деревьев, словно образ Золотой Бабы, пугая своим сиянием Пайзу.

Распряженные лайки с веселым визгом кинулись вслед за оленьей упряжкой.

– Я вогул, и ты вогул. Я большой, а ты малой! Расти большой! Совсем большой! – погоняя оленей, запел Угор только что сочиненную песенку про новорожденного сына.

ГЛАВА 90

ТОБОЛЬСК

Исатай взял с собой десяток воинов во главе с Отаром. Гребцов предоставил хан Сейдяк.

Огромная ханская ладья заскользила по водной глади Иртыша, как перышко. Слаженная команда гребцов под монотонные удары кормчего, который со знанием дела отбивал обеими руками ритмичный барабанный бой, опускала весла в воду и одним рывком ускоряла ход судна. После синхронно поднимала весла и переносила их вперед. Парус, наполненный весенним ветерком, ускорял движение, помогая гребцам.

На ханской ладье не держали невольников, все члены команды были потомственными янычарами, имевшими при себе доспехи и оружие.

Каждый загребной, сидя у своего борта, управлял одним веслом, периодически меняясь бортами с сидящим рядом товарищем.

Баскарма дал команду на крымском диалекте. Все разом подняли весла лопастями вверх, вытащили уключины и, положив их на борт рукоятками вниз к лавкам, перестали грести.

Только кормчий, стоя на корме у потеси⁵⁹, отложив барабан, продолжал умело править судном.

– Пойдем под парусами, пока ветер попутный, – объявил он.

Ладья, подгоняемая ветром, скользила по течению и легко шла руслом Иртыша. В передней части ушкуя находился вход в жилое помещение. Резная лестница вела вниз и оканчивалась у дверей в покои хана, где сейчас и разместились Ботагоз с Ваулиханом.

Исатай остался наверху, и были на это причины. Во-первых, он хотел побыть со своими воинами. Во-вторых, огромное количество воды, окружавшее шаткое судно, пугало степного воина, а журчащая о борта вода в трюме совсем приводила в панику.

⁵⁹ Потесь – рулевое весло.

– Уж лучше наверху со всеми, чем там, внизу, одному, – решил воин.

Потомок Чингисхана не умел плавать, поэтому, схватившись за высокий борт, с опаской поглядывал на далекий берег.

Изредка еще попадались несомые течением льдины, отставшие от своих сестер при ледоходе. Половодье несло всяческий мусор в виде кустарников и бревен.

Когда ладья столкнулась с одним из топляков, кормчий, стоящий рядом, успокоил Исатая своим мерным рассуждением:

– Такое бревно не страшно, господин. Оно плывет по течению легким концом вверх, а тяжелым вниз, и комель отстает от верхушки. Если на него наскочим, ничего страшного. А вот обратно супротив течения пойдем, тут надобно глядеть во все глаза, чтоб на такой топляк с ходу не налететь. Тогда беда будет. Бывало, и днище насквозь пробивало, как таранным бревном ворота. И я по молодости на таком бревнышке когда-то сиживал, как кочет на насесте.

– Ты что, урус? – догадался Исатай, внимательно разглядев баскарму.

– Русич. С Дону я. Слышал про такой, господин?

– Нет.

– В море впадает Азовское. Хаживал я и по нему, и по Русскому морю в молодые годы. Ходили мы тогда на чайках о три десятка штук брать крепость турецкую Ачи Кале⁶⁰. Да зазевался тогда и в рабство угодил. Далее на галерах хаживал гребцом, оттого и спина вся в рубцах, а опосля корабли крымчакам строил, бадамы арабские, драккары да джонки. Я ведь ранее занимался этим делом на Дону. Начинал с дедом и батюшкой с дуплянок да долбуш. Строил казацкие чайки, беляну одну на воду спустил. Вот и приметили меня, сняли с галеры да в мастеровые определили. Когда батейя, мною сделанный, в бурю попал, мой хозяин поклялся, коли выдюжит посудина и не потопнет, то отпустит меня. Так я свободу и заслужил. После получения вольной скопил калым, жену себе нашел. Далее под Азов перебрался. А там с ногайцами подался в Казань. По Волге струги водил. Казань пала, я к хану Едигеру и пришел. Баба-то татарка, куды мне на Русь с ней да с детишками-полукровками.

Исатай, улыбнувшись, перебил кормчего:

– Так у великого князя Ивана бабка тоже татаркой была.

⁶⁰ Ачи Кале – современный Очаков.

– Так то великий князь, а я кто? На Руси я казак битый, а тут – кормчий хана Сибири. Большой человек.

– Янычары не бузят, что над ними урус верховодит?

– Нет. Два передних, что впереди находятся за гребями, мои сыновья. У них самые тяжелые весла. Далее чуть покороче, а к корме вовсе маленькие и легкие, там уважаемые люди в гребцах, которые это заслужили возрастом и делами своими.

– Сколь дней до Атлым-реки ходу будет?

– Ден семь-восемь, господин.

– Легче месяц в седле отсидеть, чем на воде день качаться.

– Привыкнешь, господин. На-ка вот курта⁶¹ отведай соленого, он болезнь снимает морскую. Пока волна небольшая, привыкай, а коли встречный задует с Севера, тогда дуй на свечи – задирает пуще чем на море.

Исатай еще немного подышал свежим воздухом и спустился в каюту к жене и сыну.

* * *

Услышав звон бубенцов, собаки всполошились и ринулись всей стайкой на берег. Никита, надев безрукавку, вышел осмотреться.

Угорка издали помахал ему шапкой.

– Тебя какими судьбами сюда занесло?

– Да вот Пайзу из болота выкорчевывал, – кивнув на лежащего в нартах остяка, улыбнулся вогул. – Золотую Бабу искал, дурень, вот его Сорт Лунг чуть и не слопал. Озноб его бьет, нога подрана, да и искупался в студеной воде малость.

Пайзу внесли в землянку и уложили на лавку.

– У него жар, отче. Надобно бы малины сушеной заварить, – потрогав лоб остяка, предложил Ванюшка, – и ногу осмотреть.

Осмотрев рану, мальчик промыл ее чистой водицей, взял с полочки иглу с китайской нитью и принялся зашивать рану.

Пайза от боли выпучил глаза.

– Терпи, казак, атаманом будешь, – похлопав его по плечу, произнес Никита, осматривая рану. – Как бы ногу рубить не пришлось. Плохая рана, братец, очень плохая.

– Ничего, сейчас живицей помажем, авось зарастет, – не теряя надежды, успокоил всех вогул.

⁶¹ Курт – сыр.

– У меня осенью щука соскользнула, и палец сквозь жабры из пасти вышел. Так потом рука целый месяц ныла, а тут вся нога подрана, – покачав головой, не согласился Ваня, – слюна у щуки противная, если кости переваривает и растворяет, то уж бед человеку наделает непременно. Вот-вот лед пойдет, и дядя Пайза не успеет до Саматлорских озер вернуться.

– Ничего, ничего, этот и с китайскими купцами по Оби к себе поднимется, коли не успеет выздороветь до ледохода. Угор завтра оленей домой угонит. А мы, Ванюшка, на плоту спустимся. Нам еще с тобой остальные избы проверить надобно, – успокоил мальчика волхв.

– Дядьку Пайзу с упряжкой не нужно увозить, нога плоха слишком, с нами на плоту спустится опосля, – объявил мальчик, зная, что перечить ему никто не станет.

* * *

КАЗАХСТАН

Валихан слез с коня. Сожженная кошара смотрела на него черными провалами окон.

Труп Еркена лежал на спине, рядом голосила его старуха.

– Чуть-чуть не успели. Пошлите гонца к хану Сейдяку, пусть сообщает Исатаю о смерти тестя. Своих убитых джунгары забрали с собой. Старый Еркен дорого отдал свою жизнь, – изучив следы на месте битвы, распорядился Валихан.

Весенняя трава была вся вокруг залита спекшейся кровью.

– Судя по следам, джунгар было немного. Мы еще успеем нагнать их в степи, господин, – предложил Валихану командир сотни.

– Нынче не перейти нам верхом Исиль, лед сильно хрупок. А в степи без лошадей мы их не догоним. Они на это и рассчитывали, пройдя через реку пешком.

– Когда ж эти набегі закончатся? – вздохнул командир сотни батыров.

– Мы не в силах сейчас собрать войско. Многие баи враждуют между собой, междоусобица ослабила наши силы. Единственная сила, которая способна нам оказать поддержку, это Русь, но сейчас в Московии смута великая, не до нас им, – вздохнул Валихан,

разворачивая коня в обратную дорогу, напоследок отдав распоряжение: – Похороните старого Еркена с почестями, как воина.

* * *

КОМИ

Расстрига чувствовал, что силы его окончательно покинули. Макарка уже битый час тащил его, впрягшись в нарты. Собачьи следы он обнаружил давно, но следы плутали и петляли между деревьев. Видимо, собаки, убежав от стойбища, решили поохотиться. То тут, то там виднелись раскопанные в снегу ямки. Иногда следы пересекали утопанные заячьи тропы. Стояла поздняя весна, и у ушастых зверьков заканчивался брачный сезон. Самцы в поисках самок носились по тропам, забыв про осторожность.

Из крайнего бревенчатого дома в девятнадцать венцов с плоской крышей вышел зырянин и, окрикнув собак, пошел навстречу Макарке.

Молодой стрелец уже не чувствовал ног от усталости. Поднявшись по ступенькам, он буквально ввалился в чом⁶² перед входом в избу. Далее их с Расстригой затаскивали уже под руки.

Изба была мала, половину помещения занимала глинобитная печь, устьем направленная в противоположную от входных дверей сторону. Малюсенькие окна были обиты бычьим пузырем. Затащив путешественников, зырянин сходил в чом и принес чугунный горшок с вареной рыбой.

– Собакам варил налима. Остужать ставил, еще горячая еда, кушайте, – поставив на стол чугунок, предложил хозяин.

Оба попутчика набросились на еду.

– Осторожно, там кости попадают, – усмехнулся зырянин, глядя, как, давясь, глотают куски рыбы пришельцы.

– Нам на Каму нужно, долго еще идти? – вытирая руки о малицу, отозвался Расстрига.

– Нет, два дня на собаках.

– Мы заплатим, отвезешь?

– Сын отвезет. Сколько платите?

– Три монеты бухарские, – выложив на столешницу монеты, предложил Расстрига.

⁶² Чом – клеть для скота, пристройка к дому.

– Сегодня спите, завтра спите. Потом поедете.

– Хорошо по-русски разговариваешь, отец. Где научился? – поинтересовался Макарка.

– Работал на пристани, соль грузил, вот и обучился. Да и в тайгу к нам частенько купцы заглядывают.

Старик поднялся и, закрыв дверцу у печи, пробубнил:

– Ложитесь, люди добрые, утро вечера мудренее. Три бухарских деньги – шибко подозрительно за упряжку собак, на них две деревни купить можно. Или тати, или от голода Бог рассудка лишил.

ГЛАВА 91

Когда, утолив голод, путники повалились на лавки, из-за тряпичной шторки, которая закрывала от печи вторую половину жилища, вышел сын хозяина – тридцатилетний зырянин.

– Беги к старосте губы⁶³, пушай на второй день встречает беглых стрельцов. Да скажи, что Аким из Ясь-погоста кланяется ему. И его наказ сполняет по совести. А к весне просит за Акима заступиться, когда соль привезет, чтоб подать не завышали его приказные. Он сулил вступиться, коли кого чужого споймать подмогу. Эти же явные вурдалаки. Серебро бухарское, одёжа стрелецкая рваная, малицы ненецкие, шапки казаков, обувь остяцкая. Дюже темные людишки.

– Отец, а может, они отбились от отряда стрельцов головы Данилы Чулкова, что нынешней весной за камень ушел?

– Попадут на дыбу в губской избе – всё скажут. Наше дело маленькое, токмо старосту известить, – усмехнулся отец.

* * *

Архип с Ксенией и ее старшим сыном возвратились в Избу Сотникову только к весне. Казаки, ждавшие половодья в Самаровых

⁶³ Губа – уезд, старостой которого назначался боярский сын или дворянин, один из самых родовитых, обычно престарелого возраста. На него возлагались обязанности по разбойному делу и замещению воеводы, когда тот отсутствовал. (Слова губернатор и губерния, по мнению автора, произошли от этого исторического названия, упраздненного Петром I.)

ямах, собирались в дорогу. Но с приходом отряда из Московии под командованием воевод Василия Сукина и Ивана Мясного многие не пожелали идти назад, туда, где зарождалась смута, решив переждать это время в Сибири.

Казак от пришедших узнали, что четыре года назад, в 7092⁶⁴ году от сотворения мира, в Москве вспыхнул бунт в связи со снятием с престола и высылкой царевича Дмитрия, сына Иоанна Грозного от седьмой жены Марии Нагой.

Снятого царевича вместе с матерью услали в Углич на житие.

А на престол был возведен Федор Иванович, хворый и слабый царь, поэтому управлять делами государства принялся брат царицы Ирины Борис Годунов.

Русские заполняли Сибирь, и Архип уже подумывал двинуться дальше на восток к реке Ионесси, где не было воевод, бояр и их приспешников. Он ждал Ванюшку и Никиту, чтобы обсудить свой план, найти путь на реку Таз, чтоб по замершему руслу на собаках пройти по ней, перезимовать в Мангазее и попасть в реку Турухан, а из нее и в Ионесси.

А там у эвенков он со своими способностями коваля не пропадет. Кузнец и в Африке кузнец. О своих планах Архип уже говорил с Никитой до его ухода на чудное озеро.

Теперь каждый день, присев на корягу на берегу Оби, глядя на последние льдины ледохода, ожидал он пасынка и своего товарища.

В Сибирь вернулись воеводы со стрельцами, вернулись со своими порядками, обложив ясаком остяков, вогулов, татар и мастеровых людей других национальностей.

Половину выроченной у Пайзы пушнины пришлось сдать в казну воеводам. Это не устраивало Архипа.

Он вольный человек и податями себя и свою семью уморить с голоду не позволит. К эвенкам так к эвенкам, но только чтоб не ломать шапку перед каждой кочкой и квочкой. Да и в последний день в Самар-селе к нему подошел знакомый казак из Ермаковой дружины и предупредил, что воевода Василий Сукин учинил розыск сокровищ атамана Сибири. А коли началось, то плетей и дыбы не миновать. Рано или поздно воевода выйдет на того, кто вывез

⁶⁴ 7092 год по мартовскому календарю от сотворения мира – 1584 г. от Рождества Христова.

драгоценности из Искера, – рассуждал кузнец, сидя у кромки воды, – нужно рвать когти.

Вдруг он вздрогнул и присмотрелся к водной глади реки. По Оби под парусами шел ушкуй. Архип узнал ханский корабль – он ведь лично два лета назад продал кормчему откованные им уключины.

– Будьте неладны, леший бы вас побрал, – пробурчал он, поднимаясь с коряги, – может, мимо пройдет?

Но на ханской ладье спустили парус, и гребцы, опустив на воду весла, дружно взялись за дело. Кормчий завернул корабль к Сотниковскому логу.

* * *

Староста губы стянул со лба пот, отойдя от висящего на дыбе Расстриги.

– Сказывай, злыдень, откуда и куда путь держишь? Откель у тебя, оборванца, серебряные монеты?

– Я сын государева сотника Богдана Нелидова-Отрепьева, который брал в работу землю у Никиты Романовича Захарьина.

Староста, прищурившись, спросил:

– Ну, коли ты сын Богдана, коего я знал лично, сказывай, что случилось с сотником стрелецким?

– Зарезал папеньку в Немецкой слободе литвин по хмельному делу.

– Верно глаголешь, собака. Кто может подтвердить слова твои?

– Малец, что со мной был.

Привели Макарку уже с подбитым глазом.

– Говори, что знаешь. Коли солжешь, язык вырву и собакам выброшу, – приказал боярин.

– Григорий Расстрига это. В Сибири мы с ним были, оттуда и идем. Там всех татары побили, мало кто выжил.

– Откуда серебра столько? Кого ограбили, тати?

– Святой человек ему дал в Сибири, сказал, что для великой миссии.

– Что за миссия может быть у оборванцев? – усмехнулся староста губы.

– Пускай заплечных дел мастер выйдет, скажу я тебе, боярин, по секрету, как на духу скажу. И мальчонку выведи, – разбитыми губами прошепелявил Гришка.

Оставшись с ним один на один, боярин рявкнул:

– Ну, говори. Поверю – отпущу.

– Наставленный святыми старцами из Сибири и Мангазеи, держу путь я в Углич, где томится в монастыре законный царевич Дмитрий, чтоб стать его духовным наставником и посошком дорожным. Дабы помочь царевичу на престол наследный сести. Сам я состоял до похода в Сибирь на службе у Михаила Никитича Романова, к нему и иду за поддержкой. А деньга серебряная святым человеком дадена для выкупа царевича из неволи.

– На образах побожишься?

– Как токмо снимешь меня с дыбы, так и будет. Зла не держу, боярин, ибо не ведал ты про сие дее богоугодное. И тебе станется за участие, не забуду словечко замолвить за тебя Дмитрию Иоанновичу.

Боярин присел на лавку. Он давно находился в опале у Бориса Федоровича Годунова, пестуна немощного царя Федора, так как относился к одной из родовой ветви Андрея Ивановича Кобылы. Андрей Кобыла был родоначальником родов Кошкиных, Захарьевых, Романовых, которых ныне правдами и неправдами изводил государь Борис. А царевича Дмитрия на престоле и сам алкал.

* * *

Сложив пожитки на плот, Никита, Ванюшка и выздоравливающий Пайза оттолкнули его от берега. Весеннее половодье подхватило и понесло его к водам Оби.

Лайки, весело твякая, побежали по берегу, на ходу перепрыгивая ручьи и овраги. Через два дня, переночевав в избушке, путники вновь двинулись в дорогу. Уже местами встречались прилетевшие с южных краев утки. Разбившись по парам, они с громким кряканьем то тут, то там взлетали, увидев людей на плоту. До дома оставалось не более двух дней.

* * *

– Ты не причинишь никому зла и будешь вести себя не как господин, а как отец, привезший к лекарю больного ребенка. Все

в твоей власти, Исатай. Твой сын навсегда останется немощным, коли нарушишь данную тобой клятву, – услышал сквозь полудрему воин знакомый старческий голос, но, открыв глаза, никого не увидел.

В каюте было темно, мерно шуршала забортная вода. Он хотел было перевернуться на другой бок, но, услышав звонкую команду кормчего и удар весел об воду, поднялся, надевая рубаху.

– Подходим, господин, – объявил старший гребец, увидав Исатая, вышедшего из каюты.

ГЛАВА 92

Никита сошел на берег и за фал⁶⁵ привязал плот к прибрежным кустам.

– Что-то собаки надрываются, пойду гляну. Вы же пока ушицы сварите. Малость передохнем и далее двинем, – наказал он попутчикам.

Волхв пошел вглубь тайги на лай собак, а Пайза и Ванюшка тут же на плоту принялись чистить рыбу. Весеннее солнышко пригревало. Ванюшка снял безрукавку и, оставшись в вязаной поддевке, ловко порол почищенную от чешуи Пайзой рыбу.

Вчера на вечерней стоянке хитрый остяк установил сплетенную из ивовых веток мордушку в ручей, утром же ловушка оказалась полной чебака, который спускался из омутов таежных речек и ручьев на нерест в сора⁶⁶.

– Уха жирная будет, – довольно произнес остяк, удаляя ножом чешую.

– Икряной весь, – отозвался Ванюшка, прополаскивая в воде потрошеную рыбку.

Раздался треск кустов, и на яру показался Никита. Он нес что-то за пазухой, а вокруг него с визгом прыгали лайки. Волхв осторожно спустился по глиняному скату к воде и прыгнул на плот.

⁶⁵ Фал – крученая веревка.

⁶⁶ Сора – заливные луга.

– Что стянул? Пополам! – пошутил, интересуясь, мальчик, вытирая руки о ветошь.

– Медвежонка споймал, кое-как от собак отбил, совсем слабый. Матка его в яму попала да на колья угодила, а он рядом сидел, кушать-то еще толком не научился, чуть не околел с голодухи, бедолага, – доставая медвежонка, пояснил Никита.

– Ой, какой дивный! – принимая на руки пищащий комочек, обрадовался Ванюшка.

– Подохнет, коли молока не найдете, – отозвался с другого конца плота Пайза.

– Так где ж молоко взять-то?

– Сука давеча оценилась, щенков мы ее притопили, а молоко пока есть еще. Только не подпустит она к себе медвежонка, покуда молоком его не помажете сучьим.

Никита, поднявшись с чурбака, взял рыбку для собаки и прыгнул на берег:

– Пойду доить Стрелку. Корову доил, кобылу и оленицу доил, а вот суку не приходилось. Прости меня, Бог Волос, покровитель скотины, не для забавы иду собаку доить.

Вскоре он пришел с берега с мокрой тряпичей, пропитанной собачьим молоком. Взяв у Ванюшки медвежонка, Никита растер его от носа до пят и, поманив Стрелку на плот, осторожно дал собаке понюхать мальчика.

Лайка, обнюхав своего приемного сына, недоверчиво лизнула его в нос, а голодный медвежонок, учуяв запах молока, с писком нырнул ей под пах.

Собака легла на бок, предоставив свободу действий пасынку, который с чмоканием и урчанием жадно принялся сосать молоко у новой мамы.

* * *

Ушкуй, причалив, сходу вышел на берег саженой на семь. Двое гребцов прыгнули на песок, приняли конец каната, вбили кол и закрепили корабль на стоянке.

Кормчий опустил деревянный трап и ловко сошел на берег.

– Пойду, господин, узнаю, дома ли кузнец. На месте ли маленький лекарь. Скоро вернусь, – крикнул он Исатаю.

Он хотел было подняться в лог, но остановился, услышав лай собак, которые бежали по берегу.

Вслед за собаками из-за мыса показался плот.

Никита, увидев на берегу корабль, бросился к бревну, заменявшему рулевое весло. Но неуклюжее плавсредство на всем ходу врезалось в борт ханской ладьи. Кормчий побледнел:

– Куды прешь! Веки разуй, окаянный!

– А я что? Течение такое. Давай-ка подтяни к берегу, – кидая фал кормчему, откликнулся Никита.

– А мальчик с медвежонком это, стало быть, тот и есть лекарь, про которого все гутарят?

– Стало быть, стало быть. А тебе какой интерес до этого?

– Пусть на борт поднимется, там мальчонка хворый, ему показать привезли, – ответил кормчий и крикнул Исатаю, показывая на мальчика: – Сол Жас Дэригер, мырза⁶⁷.

– Жол ытедэ⁶⁸, – ответил обрадовано Исатай.

Ванюшка подал руку гребцу, и его, как пушинку, подняли на борт.

Спустившись в каюту, Ваня разглядел лежащего на тахте мальчика и сидящую рядом женщину. Он попросил женщину перевернуть больного на живот, чтоб осмотреть спину, но женщина только хлопала глазами – она не понимала русского языка. Тогда Ванюшка напряг память и попытался с помощью жестов и слов еще раз объяснить:

– Улды аудар⁶⁹.

Ботагоз, наконец-то поняв, что от нее требуется, аккуратно перевернула Ваулихана и сняла с него рубашку.

Проведя пальцем по позвоночнику сверху вниз, Ванюшка задумался. Вправить смещенные позвонки можно, но лучше бы разогреть мышцы спины вдоль позвонков.

Он поднялся и вышел на палубу.

– Дядька! – крикнул мальчик кормчему. – Насобирай камушков речных, которые с куриное яйцо будут и плоские, да чугунок вели поставить воду нагреть.

⁶⁷ Сол Жас Дэригер, мырза – это маленький доктор, господин.

⁶⁸ Жол ытедэ – Пусть пройдет.

⁶⁹ Улды аудар – Переверните сына.

Когда принесли чугунок с кипятком, Ванюшка сложил туда принесенную кормчим гальку. Подождав, пока голыш нагреется, вынул его ложкой и, расстелив утирку на спине Ваулихана, принялся раскладывать гальку вдоль позвоночника.

Сын Ботагоз тихонько застонал.

– Терпи, казак, атаманом будешь, – легонько похлопал его по спине Ваня, но, поняв, что малец его не понимает, он неожиданно для себя перевел: – Шыда казак – атаманмен боласы.

Ванюшка удивленно ойкнул: он свободно говорил на языке степняков! Где-то вдалеке раздался сухой кашель и ласковый смех Гостомысла, который услышал только Ванюшка.

* * *

Гришка с Макашкой, отмывшись в баньке старосты и надевши новые кафтаны, собирались в дорогу.

Боярин, клюнув на обещание Расстриги, что он замолвит словечко за него новому государю Дмитрию, выдал им охранную грамоту. В ней говорилось, что сии охочи люди, с честью Сибирь покоривши, следуют в Святую Обитель Угличевского монастыря, дабы молить о Царствии Небесном воинства Ермака Тимофеевича, положившего живот свой за дело святое.

ГЛАВА 93

Ночью при свете факелов команда гребцов, взяв у Архипа остроги и китайские фонарики, разошлась вдоль берега. Маленький лекарь попросил поймать десятка два крупных щук, которые при заходе солнца подходят к кромке воды и встают у берега на ночевку.

Ванюшка предупредил кормчего, что бить острогой нужно в голову, так как кожа нужна для пошивки стягивающего жилета, а желчь для снадобья.

Ванюшка, разглядев маленькие костыли, удивленно спросил Ботагоз:

– Твой сын пробовал ходить, госпожа?

Мать Ваулихана от неожиданности удивленно округлила глаза. Еще два часа назад этот маленький урус еле-еле выговаривал пару слов на татаро-узбекском сурже, а сейчас он ей задал вопрос на чистейшем языке ее предков. Может, действительно Жас Дэригер сотворит чудо, и ее сын встанет на ноги? – подумала с надеждой женщина.

– Сынок пробовал вставать раньше, но путешествие по воде потрясло на волнах Ваулихана так, что он и повернуться не в силах, – утирая накатившуюся слезу, всхлипнула она.

* * *

– Ты, Архип, долго тут не протянешь, о сокровищах Ермака уже болтает каждый нищий в Тобольском остроге. Воеводы тоже

талдычат меж собой про кузнеца – белого шамана, только пока не догадались, где тебя искать, – принимая у кузнеца поднесенную чарку, рассуждал кормчий Ефим.

– Знаю, нагрянут окаянные. Не за себя беспокоюсь – кабы Ванюшка не проболтался при допросе. Ведь когда на дыбу повесят, всех святых вспомнишь, а не токмо о злате атамана. Да и место насиженное бросать жалко. Это же все с первоначала приниматься пристанет. Стар я стал для таковых переселений.

В разговор вклинился Никита:

– Я рисунок снял со старинного камня. Земля на урмане не заканчивается, и далее места есть до моря восточного, откель наше солнышко поднимается. И живут там алеуты дикие.

– А разве диче вогулов еще кто-то есть? – подал голос Угор.

– Есть. Нагие ходют. Без штанов вообще.

– И бабы?

– И они тоже, сердешные, – улыбнулся, пошутив Никита, – как в бане. Так вот, наличествует таковая реченька, Таз именуется. По ней коли спуститься, верст двести острог Мангазея имеется. Его полвеку назад архангельские поморы поставили. А далее через тундру другая речка будет, Туруханка, вот она и впадает в Ионесси. А ежели по Туруханке спуститься, то дремучие края начинаются, где нет тебе бояр да воевод. А злато под ногами валяется цельными камнями. Но можно и студеным морем туда пройтить. Коли на скалы не попадешь, то в заливе, где Ионесси впадает, и окажешься.

– Знаю я Таз-реку, с дедом бывал мальчонкой. Через Кызым туда зимой дорога. Но можно и рекой, коли бы ушкой у нас был, – подал голос Угор.

– Ушкой я пригоню летом, – подумав, заявил Ефим, – собираются наши воеводы пленить хана Сейдяка да в Москву отправить к Борису Федоровичу, а без него и мне жизни тут не будет. Жинку, сыновей забираю и алга, не воеводам же ладью отдавать, – погладив бороду, улыбнулся Ефим.

– Тут гребцы щуку наловили, что с ней делать? – спросил сын Ефима, открыв дверь в кузню.

– Шкуру обдерите, а желчь в мешочках оставьте, рыбу сварите себе, – объяснил Угор вошедшему и похвастался: – ранее у кого жилетка была из щучьей шкуры, тот самым богатым считался, если же две жилетки, то совсем князь был, – и добавил: – а желчь – она Ванюшке сгодится для снадобья киргизенку. Она как отец за ним

ходит, и matka извелась совсем, ажно про нас, бегляков запамятствовал басурманин.

– Тьфу на тебя, леший! Накаркаешь беду на наши головы.

– Жалко, хоть и нехристи. А все одно, душа-то человеческая, – вставил свое слово Архип, – на берег совсем не сходит, со мной, видно, не желает повидаться. Да и я шибко не горю желанием. Надо же, как обернулось: нашли друг друга на конце земли, у берега моря Харе повстречались. Уходить нам надобно далее, везде мир полон боярами да воеводами. Угор, когда в урман шли, обещал волю, а тут вновь князья объявились. Нет на белом свете местечка, видать, без доли сиротской.

– Дядь Архип, прими чарку, – подал голос брат Ванюши, одорукий Максим.

– Давай, что ж, коли не жалко, – отвлекся кузнец от горьких дум, принимая чарку, – вроде все обсудили.

* * *

Двое всадников медленно двигались по проселку в сторону Казани. Лошадей прикупили да приоделись.

Макарка, чуть пришпорив жеребца, догнал своего попутчика:

– Дядька Григорий, а ты пошто чужим именем назвался-то?

– Кабы не назвался, болтаться бы нам на губских воротах, – усмехнулся Расстрига, – а теперича у нас и охранныя грамота имеется. Попробуй Расскажи кому, как боярина вокруг носа обвели, в жизнь не поверят. А имя я монаха знакомого младого присвоил. Девять лет назад с ним в монастыре в одной келье жил. Токмо моложе он меня на четверть века. Отрок сына боярского, зарезанного в слободе Немецкой. Вишь, и пригодилось знакомство. Он шельмец и плут отменный, с литовской стороны их родители в Москву пришли. Царь Иван Третий его отцу за разгильдяйство кличку дал – Отрепьев, как знал, что яблоко от яблони далеко не катится, весь род их баламутный. До Ярославля доберемся, а там разберем, что делать далее, может, воистину в Углич подадимся.

Раздался топот конских копыт. Навстречу выехал разъезд из десяти-двенадцати казаков.

– Куды путь держим, служивые?

– В Углич, до монастыря тамошнего, молиться за упокой атамана Ермака Тимофеева, – ответил за обоих Макар.

– Не вы ли к царевичу Дмитрию с Камских солей пробираетесь?
– А если мы? То что, не пропустишь? – оскалив желтые зубы, отозвался Григорий, берясь за рукоять сабли.

– Мы вас еще и проводим до Волги-матушки, коль перед царевичем Дмитрием слово о нуждах казачества замолвите. Мы ведь сами от Бориса самопосаженного вдоволь соленой ущицы нахлебались. Сколь можно ему да Федору полоумному кланяться? Вся Россея гудит, люди ждут, когда Дмитрий на трон вернется. Урочные лета думает по всея Руси вменить бесноватый Борис, вот и бегут смерды да холопы на Дон и Волгу. Юрьев День и тот все еще под запретом. Многие бояре, что недовольство высказывали на людях, ныне в опале. Шуйские на трон метят, посадская челядь избы жгет. Совсем тяжко стало.

– В Сибирь надо бы вам, соколики, там пока тишь да гладь да Божья благодать. Мы токмо оттуда. Коли бы не дела важные, не ушли бы с сих краев вольных.

– А Архипка-кузнец жив-здоров? С обозом у него три дня жили. Опосля нас вогул провел тайными тропами через камень, – поинтересовался рябой казак, гарцуя на своем жеребце.

– Вишь, земляца-то у нас вона какая узкая! Надо ж встретить знакомого, – улыбнулся Григорий, – мы с Архипом товарищи старые, расставались, всплакнули малость, – не моргнув, солгал Гришка, – так что милости просим в Сибирь, а сопровождать нас не надобно, нам по-тихому сподручнее.

– Нет, мы уж на Волге да Каме пока побудем под рукой Строгановых. А Дмитрий позовет, то явимся по первому зову, – ответил старший казак, прощаясь, – блаженной дороги, служилые!

– И вам не хворать, – отозвался Гришка, прищиприв коня.

* * *

Ванюшка возился с Ваулиханом целыми днями, уходил только вечером, чтоб разобрать с Никитой таблицы и древние манускрипты.

Сын Исатая уже свободно садился и иногда с помощью Ботагоз пытался вставать.

Нагревая гольши, Ваня раскладывал мальчику их по позвонкам, и, прогрев спину, пытался вправить последний позвонок, который никак не поддавался. Ваулихан терпел боль, сжав зубы.

Ванюшка не переставал удивляться: и откуда столько силы-воли у шестилетнего отпрыска?

– Поите снадобьем сына по ложке утром и вечером. Это щучья желчь, настоящая на аланской араке. Она удаляет соль из суставов, – протянув глиняный пузырек Исатаю, пояснил маленький лекарь, – а это медвежья желчь с выгнанным пихтовым маслом⁷⁰. Мазь согревает, ей надобно спину растирать. Токмо ядовитая она, мы ей мышей изводим, осторожней, чтоб малец не лизнул.

В кубрик спустился кормчий Ефим и, поздоровавшись с Исатаем, протянул ему предмет, завернутый в мешковину:

– Вам передали, господин.

Исатай развернул вретище и узнал саблю своего дяди Узун Бека. Рука самопроизвольно сжала рукоятку. Но вспомнив клятву, данную Гостомыслу, воин безвольно отложил саблю на столешницу.

Здоровье сына сейчас было на первом плане.

⁷⁰ Пихтовое масло – скипидар. Гонится как самогон, путем выпаривания.

ГЛАВА 94

ГРЕЗЫ ВАНЮШКИ

— Ничего у меня не выходит, отче. Ну никак не могу последний позвонок вправить, – грустно улыбувшись знакомому старцу, присевшему подле его на лавку, пожаловался Ваня.

– Какую ты причину видишь в этом, отрок? – ласково спросил спящего мальчика Гостомысл.

– Бойтся боли малец и, когда я его мну, напрягается.

– Правильно мыслишь, Ванюша, правильно. А придумай-ка ты игру, чтобы он выпустил из памяти ожидание боли.

– Ну не в тычки же играть с ним, отче?

– Нет, учи с ним меру славянскую.

– Так он же ни бельмеса, ни гугу.

– Это дело поправимое. Начинай говорить на русском, Ваулиханчик освоит нашу речь за два дня.

– Как я кыргызский? – догадался Ваня.

– Как ты кыргызский. Спи, отрок, утро вечера мудренее, а пользование знахарское в игру преврати. Начнет малец руками меры показывать играючи, на миг и забудет о боли, расслабится, позвонок и встанет на место.

Утром Ваня, умывшись, вспомнил вещий сон. И играючи развел руки в стороны:

– Сажень маховая!⁷¹ – рассмеялся он и, подняв левую руку, отставив правую ногу в сторону, продолжил: – Сажень косяя!⁷² – Глянув на вытянутую параллельно земле руку, Ванюшка взвизгнул: – Аршин!⁷³ – Опустив в локте ее, продолжил: – Локоть!⁷⁴ – Расставил ноги: – Шаг!⁷⁵ Ладонь!⁷⁶

Долго Ванюшка еще тешился новой забавой, пока не окликнул его Никита:

– Ваня, айда-ка, подсоби.

Мальчик, поднявшись по лестнице в лабаз, стал принимать подаваемую волхвом вяленую рыбу. Пока развешивали чебака, уж солнце к полудню поднялось.

Отобедав, Ванюшка вприпрыжку побежал вниз по логу к Ушкую, где его ждал его новый друг, маленький Ваулихан.

– Сегодня мы с тобой лечиться не будем. Давай поиграем в игру, – предложил Жас Дэригер.

– В кости?

– Нет. Будем тешиться в негоцианта⁷⁷ и хитрого швеца⁷⁸.

– А как это?

– Я стану куплять у тебя мешковину, а ты будешь мерить и стараться меня обдурить. Кто быстрее руками меру покажет, тот и выиграл.

– Жаксы, – согласился Ваулихан, сидя на кровати.

– Не жаксы, а хорошо. Обучайся молве нашей, вдруг с посольством тебе на Русь ехать понадобится, то толмачем будешь.

– А правда, что там уйге о многих этажах есть?

– Уй это дом по-нашему. И не дома, Ваулихан, а дворцы и терема. Ашо церкви и монастыри имеются, а от них каждый ден звон малиновый. Токмо я сам тожа в Москве не бывал. Вот вылечу тебя, вместе как-нибудь на Русь и поедем. А теперича давай-ка сыграм в

⁷¹ Сажень маховая – 1,76 м.

⁷² Сажень косяя – 2,48 м.

⁷³ Аршин – 71,12 см.

⁷⁴ Локоть – 45 см.

⁷⁵ Шаг – 71 см.

⁷⁶ Ладонь – 10,16 см.

⁷⁷ Негоциант (устаревшее) – лавочник, купец, торговец.

⁷⁸ Швеца – портной.

калашный ряд, а то, вдруг торговаться с хитрыми купчинами придется, оне враз обведут тебя округ пальца.

Ванюшка показал руками различные меры, и они принялись играть.

– Косая сажень! – называл Ваня.

А Ваулихан показывал ее руками, опережая портного.

– Не успел я твой товар померить, – делал расстроенный вид маленький лекарь, опаздывая на мгновение от мальчика.

– Ха-ха! – радовался ребенок.

Ботагоз, сидя в сторонке, наблюдала за игрой.

– Маховая сажень! Локоть! Аршин!

Ваулихан так заигрался, что забыл про осторожность, и при обозначении косой сажени внезапно окаменел. Резкая боль пронзила его тельце. Ребенок задержал дыхание, пытаясь пересилить боль.

Ванюшка, взяв малыша за плечи, аккуратно уложил его на постель. На глаза Ваулиханчика навернулись слезы.

Ботагоз кинулась к сыну, невольно коснувшись его ног.

– Мама, не дави на ноги, мне больно, – взмолился мальчик.

– Ты чувствуешь мои прикосновения?!

– Да. Я шевелю пальцами. Посмотри, мама.

Ванюшка, забытый на время всеми, сидел в углу помещения, боясь поверить в содеянное им чудо.

* * *

Искры от костра взлетали ворохом при каждом шевелении углей хворостинкой. Григорий поддерживал огонь до полуночи, далее следить за костром должен был Макарка.

Но молодому стрелцу не спалось:

– А я ведь супротив отчей воли на войну убог. Батюшка ни по что не соглашался мя отпустить. Двор, говорил, не на кого оставить. Усадьба наша на речке Вязьме стояла, и история рода моего исходит еще от князя Гедимира, поэтому и знаю я язык шляхов, как свой. И грамоте их обучен.

Григорий, слушая своего молодого попутчика, молча глядел на огонь. У него в голове уже зарождались кое-какие планы.

«А пошто малой не князь али боярин? – рассуждал про себя Расстрига, – читать, писать может, языкам заморским обучен. Да и

на вид вылитый отрок княжий. Токмо вот как его в круг боярского братства ввести да положение в нем занять? А так бы я за ним, как у Христа бы за пазухой свой век и дожил. Сколь скитаться по белу свету-то можно. Пора бы и на печи полежать».

– А где теперь ваш двор? – поинтересовался Расстрига.

– Отобрали и двор, и землю со смердами да холопами по указу царя Федора Иоанновича. Опричнику безродному все досталось за заслуги перед государем.

– Значит, и у тебя счеты с ним имеются?

– Значится, так, да маленький человечиска я – чтоб супротив царевой воли идтить.

– Ну, до Ярославля доберемся, там видно будет. Может, и впрямь поможем царевичу Дмитрию на престол зайти, а там, гляди, какой милостью и одарит. Вон, какой по всей Руси гул идет, недоволен народ царем Федором и его пестуном Годуновым. Бегут на Волгу и Дон смерды да холопы. Ну и бояре, и сыны боярские, которые в немилость попали, тоже туда да в Литву уходят. Много нынче недовольных. В Угличе узнаем, под какими замками царевича удерживают вместе с мамкой его. У меня и там монахи знакомые имеются.

Расстрига подкинул хвороста и, зевнув, объявил:

– Ну, коли потчевать не желаешь, то я сосну, пожалуй. Бди пока. Да пицаль поближе к себе подтяни, ненароком еще тати какие нагрянут на огонек.

Гришка, выбрав на нарубленных ветках удобное положение, вскоре захрапел.

А Макарка, глянув на безмятежный сон своего товарища, усмехнулся:

– Теперича точно все тати сбегутся, храпишь, будто ревун на колокольне Ивана Великого звонит.

Расстриге вновь приснился знакомый уже старец.

– Какой ныне месяц, Григорий?

– Цветень⁷⁹, отче.

– Долго добираетесь, долго, наверное, не поспеете.

– Куды, старче?

– В Углич. Зарежут царевича Дмитрия к середине яреця⁸⁰. По указу тайному Бориса Годунова лишат жизни дитя невинное. А

⁷⁹ Цветень – май.

⁸⁰ Ярець – май (дохристианское название в честь бога Ярилы).

народу донесут: сам порезался, когда в ножички играл. Поспешать вам надобно. На Ярославль не идите, не теряйте время, прям в сам монастырь Углича и направляйтесь.

* * *

Медвежонок за лето окреп.

Он бегал за Никитой, как собачонка, постоянно норовя схватить его играючи за подол длинной рубахи. Волхв нежно трепал своего выкормыша за холку, и молодой топтыгин, радуясь ласкам и вниманию, кувыркался на радость ребятишкам. Собаки привыкли к нему и почти не обращали внимания. Но иногда и задавали трепку, когда наглый медвежонок пытался стащить из корыта пищу, выставленную лайкам. Знай свое место!

Покусанный, но не побежденный, он утыкался в ноги Никиты и, как ребенок, жаловался, мыча на своем медвежьем слог.

– Вновь в чужое пойло нос сунул? Поделом тебе, воришка. Своего не хватает? Ступай в клеть⁸¹, там я рыбы тебе положил, – любовно браня косолапого, улыбался волхв.

Архип, стругая новую оглоблю, подал голос:

– А сказ ведаешь про скомороха и медведя?

– Не слыхивал, поведай, – попросил Никита.

– На ярмарку скоморох идет и за собой на веревке медведя тащит. А ему люд-то кричит: «Ты пошто со зверем в калашный ряд прешься?». А скоморох им и отвечает: «Вождею я, братцы, морду набить купцу, который мне прошлым летом хомяка за полущку сбыл».

Никита звонко рассмеялся, а после, погладив своего мохнатого друга, объявил:

– Ну, тоды и быть тебе хомячком, нарекаю тебя Хвонкой. А то все думал, думал, какую тебе кличку дать, да вот Архип подсказал.

Хвома отбежал от хозяина и два раза кувыркнулся на полянке, будто понял, что теперь у него тоже есть имя.

– Ну, вылитый Хвома Потапыч, – присаживаясь на крылечко рядом с Никитой, согласился Архип.

⁸¹ Клеть – неотопливаемое помещение, непосредственно примыкающее к сениям русской избы (подсобка, чулан).

ГЛАВА 95

Китайские купцы, разглядев ханский ушкуй, завернули свою двухмачтовую джонку к берегу, и легкое плоскодонное судно, подгоняемое южным ветерком, уже через несколько минут уткнулось в берег.

Пайза, опираясь на самодельный костыль, с берега помахал знакомым торговцам.

– Купец купца зрит издалека, – рассмеялся кормчий Ефим, прислоня к борту за ненадобностью приготовленные на случай нападения щит и саблю.

По сброшенным сходням на берег сошли торговые люди.

Тут же, как по мановению волшебной палочки, выросли два шелковых навеса и под ними – прилавки из бамбуковых стволов.

Слуги, бегая по сходням взад-вперед, снесли ящики и мешки с товаром.

Первой из лога прибежала Айша. Следом спустились Ксения с Полинкой на руках и Рамиля. Угор остался с сыном, так как, веря в приметы, не мог он до первого шага показывать первым встречным свое чадо.

Женщины принялись рассматривать ткани и посуду, к ним присоединилась Ботагоз.

А мужчины присели на огромный ствол дерева, прибитый весной волной к берегу, обсуждая последний хабар⁸².

⁸² Хабар – новости.

Ефим отдалился с кормчим джонки.

– Плахая время наступила, – на ломаном языке жаловался китайский кормчий, – сапсем плахая. Разбойников полно. Трудно ходить стала по Черная река⁸³, нанимать стража, платить таньга надо. Гребцам тожа платить нада. Шкуры токо и может моя продать без подати до тридцати штук. Императорские соглядайки везде, ничего от них не утайть. За лето два раза моя в Сибирь на джонке успеть сходить, а зиму волком вой, на рис и вода сидит Син Лянь. Тут еще разбойный люд объявилася, на долбушах норовят к джонке подойти, с пищалей палят, остановиться велят. Хорошо ветерок помогала, не догнали тати наса. А нагнали бы? То и товара отобрали бы злыдни, а может всех и загубила бы тяти.

– То казаки под Самар-селом лютуют, наверное, вас за кучумцев приняли, – догадался кормчий ханского ушкуя и предложил: – А коли лук боевой провезти тебе в Китай, продать сможешь?

– Его моя может, лук не пушнина. А взять иде? Боевая лука дорого стоит.

– У кузнеца Архипа купи, он за зиму три штуки сладил. На осетровом клею полосы клены. За такой лук много денег возьмешь. Я по секрету тебе скажу, он огненное зелье искал да свинец на заряды к пищалям. Коль бочонок ему пороху дашь, то разговор завяжется.

– Архип это белая шамана?

– Да. Ступай вверх по тропинке, в логу изба стоит, он там и жительствует. Мож и срядитесь на мен. Только поспешай, а то купцы опередят.

Ефим знал, что спуститься на берег Архип, Никита и Угор не смогут, потому как не знают, как поведет себя Исатай, увидав беглых рабов, убивших его дядю Узун Бека.

А Исатай не мог не нарадоваться за своего сына. Ваулихан уже обходился без костылей. Правда, на берег его пока не отпускали. Ванюшка каждый день приходил и растирал спину ребенка выпаркой пихтового масла.

– Госпожа, ваш сын Ваулихан не должен садиться на коня, пока ему не исполнится четверть века. Кости крестца срастаются только к этому времени. Ежели не беречься, то их можно вновь повредить, но я уже не в силах буду ему помочь, – отдавая Ботагоз глиняный горшочек с мазью, напутствовал Ванюшка.

⁸³ Черная река – Иртыш.

– Он должен быть воином. Дед его и отец деда все были воинами, – отозвался Исатай.

– У него есть способности, и он может стать великим мудрецом. Раз Всевышний не дал ему здоровья, значит, приготовил другую судьбу, – согласилась Ботагоз с Ванюшкой и спросила: – Мы сегодня уходим домой. Ты помог нашему сыну подняться на ноги, какую награду желаешь получить?

– Я не возьму с вас, госпожа, ничего, – поднявшись с тахты, произнес маленький лекарь, – у Ваулихана впереди дорога, по которой он должен пройти. Он прославит свой народ мудростью, и среди его потомков будут ученые, поэты, послы и даже воины на службе у русского царя. Так мне сказал отче Гостомысл, который приходит ко мне во снах.

Исатай, услышав знакомое имя, вздрогнул:

– Я дам тебе перстень моего погибшего брата Акая. Он указывает на принадлежность к роду Хана Мира. Где бы ты его ни показал, все обязаны оказывать почет и уважение. Мое имя ты знаешь. А жена моя по дороге домой будет рассказывать о маленьком лекаре, который поставил на ноги ее сына.

* * *

Воевода Данила Чулков, проснувшись, сел на лавку. Голова раскалывалась от паров бухарского вина, выпитого накануне.

– Отведай, батюшка, кваску ядреного, полегчает, – протягивая ковш с напитком, предложил стрелецкий сотник.

– А пошто столы с яством перевернуты? – удивленно обедая взглядом светлицу, спросил сотника Данила.

– Ох, и наворотил ты, батюшка, аж семь бед по хмельному делу-то.

– Сказывай. Семь бед – один ответ.

– Вчерась хан Сейдяк по твоему приглашению прибыл с царевичем Ораз Муххамедом и карашой⁸⁴. Они давеча фазанов стреляли в местечке у Княжего луга.

– Это я помню, помню, как стольника к хану посылал, приглашал разделить трапезу. То, что дастархан накрыли, тоже помню. А далее хоть убей, – растирая лоб мокрым рушником, признался воевода. – А гости-то иде?

⁸⁴ Караша – советник.

- Так связанные оне, в чулане кукуют.
- О горе мне! Поди задирачься полез я на хана?
- Как всегда, батюшка.
- И как было-то?

– Все лез целоваться с ханом, а тот от тебя рожу воротит, отстраняется. Борода-то у тебя вся в капусте да в костях. А ты знай все одно, лобызаться да лобызаться. Подобно как не рожка это татарская, а закопченыйш Николы Чудотворца.

– И что потом?

– Потом ты чарки всем троим нехристям подать велел. Пейте, демоны некрещеные, за веру христианскую! Все трое и поперхнулись разом. А ты, батюшка, за грудки царевича Ораза взял, что по левую руку от тебя сидел, да и треснул кулаком в око! Опосля началось. Те в драку, ну и мы не лыком шиты. Кинулся хан Сейдяк к оконцу бежать, а ты его за шаровары шелковые хвать! Иди сюды! Поколотили мы их малость да повязали. А стражу во дворе стрельцы кончили.

– Сука-а-а! – схватившись за голову, промычал воевода.

– Выпущенную стрелу не воротить, батюшка. Тут надобно подумать, как государю все преподнести. Коли обвинить их в подготовке измены и в заговоре с Кучумом, да отправить к Борису Федоровичу, то, может, и пролетит гнев мимо. Нам токмо бы надобно першими все это сробить. А ежели послы татарские упредят нас, то не сносить всем головушек.

– Зови писца, грамоту об измене, полонении хана и отправке на суд царский в Москву первым же обозом писать станем.

– Вот это верно, батюшка, побег я за писцом, – весело согласился сотник.

– Что зубы скалишь, Иван Никитич? Еще ничего не порешили, рано петь соловушкой, – морщась от головной боли, вздохнул Данила.

– Да скалюсь, что покоришь ты Сибирь, батюшка, тремя чарками. В следующий раз проснешься с похмелья, глядь, и Бухара наша, – хмыкнул сотник и выскочил за дверь, в которую уже летело полено.

* * *

– Господин, надо бы в путь собираться. Ветерок северный подул. Под попутный ветер легче идти супротив течения. А коли его

упустим, придется опять попутный ветер ждать, – обратился к Исатаю кормчий Ефим.

– Да, сегодня можем уходить, я и сам собирался. Только сходи в лог, отдай саблю назад кузнецу, скажи, не держу на него и его ватагу обиды. Другая жизнь у меня теперь.

ГЛАВА 96

Утром Архип пришел с плеса и со злобой кинул мокрую сеть на крыльцо.

– Ты почто рыбу-то не выпутал? – заподозрив что-то неладное, ахнула Ксения.

– Выпутали уже одну рыбину, – подал голос ее сын Максим, присаживаясь на чурбак рядом с Архипом.

– Зарежу я кобылу, – не поднимая глаз, скрипнув зубами, процедил кузнец, – жеребенка утопила, тупая животина.

У Ксении подкосились ноги:

– Как так?

– Вот так. От гнуса залезла, паскуда, по шею в воду, а жеребенок-то малой, плавал-плавал вокруг мамки да и утоп. Зарекался я хозяйства тут не заводить. То у коровы от осоки живот раздует, то лошадь жеребенка загубит.

– Ладно, после драки кулаками не машут, ступайте в избу, я щи сварила. Лошадь в хозяйстве шибко нужна, зимой с речки воду нужно возить. А весной, чтоб вспахать огород, меня или оленей впряжешь?

– Пойдем, Максим, вытащим на берег жеребенка, хоть обде-ру, пока не размок. Мне ножны заказали для сабельки, так как раз кожа и сгодится. А ты пока, Ксения, набери в корыто золы из печи да в густую кашицу размеси ее, дабы ворс убрать со шкуры. За дня

два зола разъест корни, опосля ворс деревянной ложкой можно будет соскоблить, и останется гладкая кожа.

– Хорошо. Ступайте, а я пока чугунок в печь поставлю, чтоб щи не остыли.

Поднимаясь с крыльца, Архип попросил:

– Максим, вожжи захвати, чтоб жеребенка вытаскивать.

Вернулись они к полудню.

Пока мужики кушали, Ванюшка, всплакнув малость по жеребенку, расстелил шкуру и, измазав ворсяную часть густо разведенной золой, сложил конвертиком. После, взяв лопату, прикопал шкуру в глину на огороде.

Закрыв калитку плетня, чтобы собаки не разрыли закопанную шкуру, пошел в избу.

Ксения налила щей в миску Ванюшке и пододвинула таз с пирожками.

– Налегай давай, – погладила она по вихрам сына, – благо хитайцы кур-несушек привезли. Нынешней зимой-то наши куры померзли, студеная зимушка была. Бывало, зайду в стайку, а они все на корове и лошади сидят, греются. А коей места на скотине не хватит, так и околеет к рассвету. Колонок⁸⁵ опять же нынешней весной повадился в стайку шастать, яйца таскал, да его Стрелка выследила и задавила. А так бы и пирожки начинять нечем было. Ванюшка-то мой с луком и яйцом пироги трескает, аж уши ходуном ходят, – еще раз погладив по голове сына, пояснила хозяйка.

В избу ввалился Никита. Весь подол его длинной белой рубахи был измазан серо-черной грязью.

– Вы в чем Хвому изваляли? Чище лошади бегают по двору. Меня всего измазал и шмыг через плетень в огород.

– Он шкуру отыскал, окаянный! – догадался Ваня, выбегая на двор.

– Я с него ножны сейчас сделаю, коли шкуру порвал, – поднимаясь с лавки, прорычал Архип.

А медвежонок Хвомка, вымазавшись в саже, беспечно таскал откопанную шкуру по огороду. Собаки истошно лаяли из-за плетня, через который перелез маленький шалунишка.

Архип открыл калитку и впустил собак в огород.

– Фьють! Фьють!

⁸⁵

Колонок – пушной зверек.

И лайки сворой кинулись на мохнатого негодника, который тут же пулей вскарабкался на кедрач.

– Охранять! – приказал собакам Архип, рассматривая подранную шкуру.

Хвоста сверху вниз смотрел на собак. Выполняя приказ хозяйна, одна лайка осталась под деревом, остальные убежали в лаз под избу, где укрывались от назойливой мошкары.

Вот лайка, караулившая медвежонка, поднялась и побежала под избу. Хвостик начал тихонько спускаться со своего убежища. Но почувствовав укус за свой мохнатый зад, с ревом полез обратно. На смену первой прибежала другая. Так и просидел маленький разбойник до вечера на ветке, наблюдая торжественную смену караула.

Увидав вышедшего из избы Архипа, он жалобно заплакал.

– Ладно, прощай, иди в клеть и более не шали.

Медвежонок слез с дерева и смело прошел мимо лаек.

За спиной кузнеца раздался смех Никиты:

– Они что, понимают слог людской?

– Ну, зришь же, не тронули, знамо, смыслят, – улыбнулся Архип.

* * *

СТОЙБИЩЕ КНЯЗЯ САМАРЫ

– Князь, это тебе Белый Шаман прислал. Просил передать, что не вожделеет он горя народу нашему. А воеводы и стрельцы тоже ему недруги, – подавая Самаре самаркандскую саблю, поклонился Пайза.

– Пусть живет, не тронут его мои народы, – любуясь саблей, распорядился князь и добавил: – Освобождаю его от ясака на пять лет и князю Алачу передам, чтоб не трогал. Белый Шаман нам еще сгодится.

– Я прибыл с китайскими купцами, но они уходят Ыртысом, мне же надобно на Саматлорские юрты. Там меня ждет обоз с товаром, – поклонившись князю, осторожно подал голос купец.

– Мне передали наконечники для стрел и сабли, которые ты раздобыл. В знак благодарности за усердие, найми челн, я оплачу расходы.

Довольный Пайза, кланяясь, вышел из княжеского чума.

* * *

Новость о пленении хана Сейдяка настигла кормчего Ефима в пути.

– Господин, – обратился он к Исатаю, когда они повернули направо в приток Иртыша, реку Ишим, – скоро начнутся отмели и перекаты. Вода падает. Ушкой далее не сможет пройти.

Конный отряд Исатая двигался берегом вослед за ханским кораблем. Санную повозку, которую предоставил Валихан, еще по зиме отправили в стан Валихана. И теперь отряд был верховым. Исатай надеялся добраться водой как можно дальше и потом купить или нанять повозку для жены и сына.

– Это наш Есиль? – осмотревшись, поинтересовался воин.

– Да, господин, это Есиль. С татарского Ишимак, то есть разрушающий. В половодье он коварен и смыл не один аул. Летом же местами пересыхает, и появляются перекаты. Но до тех мест еще ходу около семи дней. Народная молва гласит, что названа сия река Ишимом по имени сына Кучума, что утоп в младенчестве.

Ефим сплюнул за борт и спросил:

– Господин, я могу вас попросить об одной услуге?

– Проси, если я в силах, то исполню твою просьбу.

– У меня в гребцах янычары, которые хотели бы служить хану казахов. Им после пленения нашего хана больше нечего делать в Сибири.

– Как же ты без гребцов?

– У меня два сына, и я на корме, доберемся с Божьей помощью. Тем паче, господин, нам обратно вниз по течению возвращаться. Покамест зиму у Архипа пожительствую. А далее видно будет, куда податься. Ушкой я никому не отдам. Да, может, рабов каких выкуплю, где вы арбу для сына и жены искать приметесь, авось на том свете и зачтется.

ГЛАВА 97

Ванюшка копошился в кузне.

Аккуратно разматывая кокон, он наматывал шелковую нить на палочку.

– Я, отче, – обращаясь к Никите, сидевшему у наковальни и мастерившего ловушки, рассуждал Ваня, – три кокона нынче у купцов на шкурки выменял. Теперича надолго ниток нам хватит. Раны собакам зашивать, рубахи да портки чинить. А вечерами гольянку⁸⁶ стану плести, в озерах-то гольяна и ротана видимо-невидимо, а ловить нечем. А тут в каждом коконе, почитай, более полверсты нити. Мы с тобой в урмане нынешней зимой не пропадем.

– Надобно подкрасить бы, уж больно блестит нить-то, на плетеные силки, да петли не пойдет зверек, испугается, да и гольян в сеть не пойдет, – отозвался старец, откладывая в сторону собранную ловушку.

– Я нить в луковой чешуе выварю, а чтоб окрас не сошел, в рассоле квашеной капусты выдержу. Можно и в саже березовой выдержать, но нить дымом пахнуть станет, осторожный зверек, такой, как ласка, соболь, колонок не попадет. Я ныне матушке вона как платок ежевикой покрасил, да рассолом закрепил, что всю весну и лето носит, а он как жана.

⁸⁶ Гольянка – рыболовная сеть с очень мелкой ячеей, обычно вяжется на карандаш, для ловли гольяна, пескаря (на море – хамсы, мойвы).

– Как что?

– Тьфу, блин косой, совсем с Ваулиханом затолковался, так с ним свыкся, что сам на кыргызском, как на своем, молвить начал. Как новый, отче, – обернувшись, рассмеялся Ванечка, – жана – это у них новый, новое означает, стало быть.

– Ты так и китайский осилишь, – любуясь своим учеником, усмехнулся Никита.

– Читаю, но с трудом. Уж больно у них мудреные значки пападаются. Вот давеча про сии коконы предание разобрал. Будто бы жил давным-давно ампиратор, токмо в его стране могли разводить червей шелкопряда. Да яйца могли выпаривать сих шелковиц. Был в той стране строжайший запрет наложен. Кто разблаговестит тайну великую, того предавать смерти лютой. Хранили они тайну шелкопрядного дела многие века. Другой же ампиратор, что по соседству властвовал, шибко хитер был, аспид. Притворился злыдень, что полюбил он дочь своего соседа, и попросил выдать девицу за себя. А была царевна корява ликом, и никто к ней не сватался.

– Знамо, это только у нас на Руси Иваны-дурачки имеются, что и даже царевну-лягушку готовы из-за полцарства взять в жены. А тама люди сурьезные, им и лик расписной надобен, – усмехнулся волхв, откладывая следующую ловушку.

– Вот, отче, сурьезный ампиратор и клюнул. Пишет он грамоту соседу, мол, забирай мою косоротую. Токмо сказывай загодя, какой калым⁸⁷ за нее вождедлеешь? А плут-то и сказывает, мол, колыма мне не надобно, опосля свадьбы увезу я ее в страну свою, но пушдай в свадебном платье едет и более ничего.

– А пошто так? – собирая очередную ловушку, поинтересовался волхв.

– Так в том-то вся и суть, отче. Прически у невест дюже высокие, в огромную шишку на макушке сплетены и иглами проткнуты для закрепу.

– И что?

– Вывезла невеста в той шишке яйца с червями шелкопряда и с отростком тутового корня. Еще и слугу своего прихватила, который разводить сих червей умел. Прознал отец-ампиратор, что его дочь предала, и запросил свою кровинушку назад для наказания. А хитрый сосед и сказывает: «Да забирай свою косоротую назад.

⁸⁷

Калым – свадебное приданое.

Ведь что мне надобно было, то я уже выведал. Разузнал я тайну твою великую, благодаря твоей непутевой дочери».

Так и поплатилась глупая девка за предательство и глупость свою. Писано в сказании, что обмазали ее соком тутового дерева и напустили червей. Они в одну ночь в кокон дочку ампиатора и укутали. В сим коконе и подвесили изменницу в склепе вниз головушкой. А тайна разведения червей раскатилась по всему свету. И в Византию попала, и в Индию. До греков и Египта дошла. Ну и сюды, конечно, до Атлымских юрт докатилась, – присаживаясь отдохнуть, улыбнулся Ванюшка, добавив: вона, все бабы у остяков в шелках ходют, как боярыни в праздник.

Никита, зачерпнув из кадушки клюквенного кваску, отпил с ковша и передал мальчику:

– Возмужал ты, отрок, за год, рассуждаешь как зрелый.

– А я и так уже взрослый. Александр Невский в поход дружины в мои лета водил уж, а я тут нитки, как пряха, разматываю.

– Каждому свое время, Ванюшка. Ты тоже уже славу по всей Сибири имеешь как лекарь и чудотворец, а это не мало, – похлопав по спине отрока, ласково похвалил ученика Никита.

* * *

В околке, наблюдая за скачущими во весь опор двумя всадниками, стояли верховые казаки.

– Иван, глядь, от погони уходят, сердешные, а по их пятам отряд стрельцов идет. Следопыт у них калмык Жалал всем известный. Не уйти им, коли не подмогнем.

– Что предлагаешь, Кузьма?

– Затоптать след их нашими конями, увести по ложному пути погоню боярина Битяговского.

– Ты чаешь, Кузьма, это ведьм те смутьяны, что в слободе о чудном спасении царевича Дмитрия сказывали люду.

– А кому еще быть. Они самые. Слушает их чернь, верит. Ведь Битяговского и уличали в смерти царевича. Стал бы он сам, лично, рыскать за какими простыми голодранцами? Может, воистину и мы сыщем рать царевича, да примкнем к войску законнорожденного наследника.

* * *

Не прошло и полутора часов, как по следу беглецов выехал отряд стрельцов. Впереди на низкорослой лошаденке ехал разведчик-следопыт, внимательно изучая следы на земле.

Двойной след он ни разу не потерял от самой Коломны. Калмык по имени Жалал был уверен, что рано или поздно он настигнет преследуемых. Читать следы – это его семейное дело, он хабарчи в семи поколениях. Многих разыскивал Жалал, но не многим выпало счастье уйти от его преследования.

* * *

Григорий пустил измученного коня логом. Пригнувшись от нависших ветвей, он галопом преодолел овраг, заросший боярышником, и выскочил на поляну. Следом из оврага выпорхнул Макарка.

Расстрига натянул поводья. Полукольцом перед беглецами стояли всадники.

– Расстрига! Ты что ль, сучий сын? – хрипло рассмеялся один из конников и поехал навстречу.

– Я, Иван.

– Вот уж правду говорят, сколь веревочке не виться, а один лад конец будет, – вытаскивая саблю из ножен, расплылся в зловещей улыбке Иван.

Григорий похолодел. Пред ним сидел в седле товарищ, соратник по Ливонской войне, которого он, спасая свою шкуру, когда-то вместе с Никитой выдал недругу.

– Да чтоб тебя леший побрал, – выругался Расстрига и, сплюнув на землю, процедил Макарке:

– Езжай, чадо, они тебя не тронут. Нет на тебе вины, а мне, видать, не судьба. Позади стрельцы, впереди удальцы... А сказывали, что ты, Иван, в рабстве на галерах сгинул, – еще не веря в свою наступившую кончину, пробормотал Григорий.

– Не сгинул, Григорий. Я встречи с тобой всю жизнь ждал, потому и выжил. Слезай с коня да на пенек головушку ложи. Отплясался ты ныне, Расстрига, отплясался.

Но неожиданно Макар, выехав вперед, по-княжьки перекинув правую ногу через голову своего коня и согнув ее в колене у седла, надменно подбоченившись, крикнул своим писклявым голосом:

– Чьих будете, дети мои?

У Ивана отвисла челюсть. Такого развития событий он не ожидал. На коне восседал благородных кровей юноша, который, подехав к Ивану, протянул руку:

– Целуй и присягай!

Иван, как заколдованный, взял в свою огромную лапищу маленькую ручку и трижды поцеловал.

Остальные всадники тихо, как в замедленном действии, спустились с лошадей и, опустившись на колени, ударились лбами о мокрую от росы траву.

«Что он, шельмец, творит?» – пронеслось в голове у Гришки.

Но Макарка, уже войдя в роль, вновь перекинув ногу, приподнялся в стременах, и, показывая плеткой на овраг, из которого они только что выехали, крикнул:

– Там идет за нами по следу отряд цареубийц! Спасайте своо государя, и милости нашей не будет границ. Да зачтется вам сие действо.

Заплетающимся языком, разгадав суть Макаркиной хитрости, Расстрига обратился к казаку:

– Не держи злобы, Иван, другие поры начинаются. Лучше дай неподкованных коней. А этих с кем-нибудь пусти в другую сторону.

– Как величать? – пискнул Макарка.

– Иван Болотников, государь!

– Чьих будешь?

– Князя Телятевского холоп, батюшка. Беглый я, с Ливонской войны из князей дружины убег. Малой был, спужался, – безвольно опустил голову огромный детина.

– Снимаю с тебя и твоей челяди урочные лета⁸⁸! Назначаю воеводой, собирай людишек да жди меня через пять зим. Иду я к моему дяде, королю Сигизмунду, за верным войском.

С этими словами Макарка вставил в стремя подведенного ему коня ногу, ловко запрыгнул в седло и, властно крикнув: – Отрепьев, за мной! – пустился в галоп.

Иван, держа коня в поводу, смотрел вослед удаляющимся всадникам. Подошел Кузьма.

– Что, думаешь, и взаправду государь нас своей милостью пожаловал?

⁸⁸ Урочные лета – срок давности розыска беглых холопов и смердов, после которого розыск снимался.

– Не ведаю, друже, не ведаю. Но Расстрига просто так, без выгоды, крутиться округ этого вьюноши не станет. Не такой уж Гришка человек, чтоб по пустому да порожнему размен держать...

– Второй раз меня, Макарка, спасаешь от смерти. И откуда ты взялся на мою голову? – обгоняя самозванца на свежем коне, хохотнул Расстрига и весело крикнул:

– Догоняй, государь!

Макарка же, нервно смеясь, догнал скачущего Григория и легонько стегнул его плетью по спине:

– Скачи, холоп, быть тебе отныне духовником государя всея Руси.

– Куды путь держим, государь?

– В Польшу, раб Божий Григорий, в Польшу, за благословением Сигизмунда!

* * *

Жалал, остановившись, спрыгнул со своей лошадки.

Два десятка конских копыт оставили свои следы на тропинке, по которой уходили от преследования беглецы.

– Ничего, Жалал найдет, у них подковы с пятью шипами, такие токмо на Каме у зырян куют. У нас на Руси о трех шипах все подковы. Найдем.

Нашли. На почтовой яме стояли два загнанных коня с камскими подковами. Любезный хозяин пояснил, что коней привел какой-то оборванец лет четырнадцати от роду, наказав кормить до прихода отряда стрельцов боярина Данилы Битяговского.

ГЛАВА 98

Могучая Обь тысячелетиями несла свои воды к Карскому морю. Вековые неохватные кедры и сосны возвышались над высоким правым берегом великой реки. Из века в век низкий берег весной заливался талыми водами, образуя заливные луга-сора, давая возможность нереститься, гнездиться, питаться рыбе и птице. Столетиями летом в многочисленные протоки заходила стерлядь. Ежегодно осенью в верховья Оби поднимался на нерест муксун. Все подчинялось великой силе природы, которая определила каждому живому существу свое место и время.

Вот и медвежонок Хвома, окрепший за лето и нагулявший жирка осенью, выгнав собак из-под избы и повинувшись законам природы, завалился в спячку.

И как бы Ванюшка, лежа на животе и заглядывая под завалинку, ни тыкал его ухватом, действенный сон взял свое.

Уже лег снег, ночами подмораживало. Осины и березы скинули свою листву. Уровень воды в реке поднялся благодаря осенним дождям, идущим где-то на юге Алтайских гор и севере Казахской степи. Местами гнало шугу⁸⁹, а это означало, что у Саматлорских юрт крепчают морозы, и лишь впадающие теплые воды Иртыша не дают сковаться льду на Оби.

Наступало время заготовки пушнины.

⁸⁹ Шуга – мелкий плавучий лед или комки снега, сало на реке осенью.

Никита и Ваня собирались уходить в тайгу.

Ксения уже без опасения собирала сына, полностью доверяя волхву свое возмужавшее чадо. Женщина понимала, что в лесу сыну будет безопаснее. Да и жизнь в сибирской глуши заставляла каждого жителя лога заниматься своим делом. Только сообща можно было выжить в этом суровом морозном крае. Женщины хлопотали по хозяйству, мужчины занимались промыслом, дети быстро выросли.

– Это кто ж так медный котелок вам очистил? Давеча весь в накипи был, а тут блестит внутри, как вновь отлитый, – укладывая его в мешок, удивилась Ксения.

– А, – беспечно отозвался Ванюшка, – то я клюквенный отвар для кваса варил, накипь вся и сошла.

Никита с подозрением глянул на мальчика:

– Это куды ж она сошла?

– Тебе в пузо, отче, – улыбнувшись, ответил Ваня, – ведь ты более всех квас потягиваешь.

Все, кто был в избе, рассмеялись.

– То-то я и смотрю. Что это у меня в кишках бурлит последнее время. Да до ветру бегаю второй ден. А это Ванюшка меня накипью потчует.

В избу вошла Айша и, подойдя к Ванюшке, положила связанные из собачьей шерсти носки.

– На. Я пятки с нитью китайской вывязала, чтоб подольше не прошоркались.

– Благодарствую, Айша, – прижимая к щеке мягкую шерсть, поблагодарил Ванюшка. – Я тебе черную лису на шапку добуду.

– Я не за лису тебе вязала, ты как брат мне, – фыркнула девочка и выбежала в сени.

Максим заглянул в избу и объявил:

– Ушкой сверху идет. Вроде под ханским флагом.

Все жители Сотниковского лога бросили свои дела, и кто бегом, кто быстрым шагом спустились к берегу.

* * *

Ефим, управляя ушкуем, повернул его к берегу, и легкий юго-западный бриз, весело наполнив поднятый парус, пригнал к нему его судно за считанные мгновения.

Гребцы спустили сходни на берег, и по ним легко сбежал Ефим.

– Дуже, Архип, пригодилась твоя утятница. Коли бы не она, в жизнь не отбиться мне от стрельцов под Тобольском. Я в омутах стоял, в верхнем течении Иртыша, ждал, пока сыновья пожитки и жену мою на ушкуй доставят. А тут разъезд стрелецкий, будто снежный ком на голову. Кричат с берега, чтоб сходни спускал. Мнесто и отбиваться не с кем. Четыре раба всего на ушкуе, которых выкупил в татарской деревне, еле ноги таскают, подмога от них, как от козла молока. Я конец⁹⁰ у самой кнеки⁹¹ топором рубанул, да ветерок-то как назло к берегу дует. Не отойти мне. А те залезть не могут – борта-то у ушкуя невысокие, да берег илистый, кони вязнут, не подступиться им. Так и рядились, перекличку вели. Кричу им, что ушкуй ханский и на нем два единорога имеются, ежели кто сунется, сечкой покрошу, как капусту. Стрельнул один стрелец из лука стрелой с паклей, да благо высокогато взял, и горящая стрела в мачту, а не в борт вонзилась. Потушили. Не выдержал я и жажнул из твоей утятницы. Те отошли на расстояние и костры развели – караулить, значит, принялись.

А сыновья разглядели костры да мне знак факелами издали подали. Река в этом месте петлей идет. дождался я ветерка от берега, поднял тихонько в темноте парус, меня и отогнало из няши. А там покамест стрельцы заседлали лошадей, да по берегу по петле погнались, я на другой брег напрямки мимо острова и прошел. Подобрал семью и был таков, – окончил свой рассказ Ефим.

– Нажил ты себе врагов, Ефим, не спустят они тебе послушания, – вздохнул Архип, помогая разгружать на берег пожитки.

– Да будь что будет, Архип. Сколь можно кланяться-то.

– Ладно. Лес есть. Время еще позволяет. Избу срубим до зимы. Живите, не жалко. Зимой сюды стрельцы не сунутся. А весной поглядим, на чей сук ворона сядет, – успокоил кормчего кузнец.

– Не обессудь Архип, не по мне холода, весной я с семьей в Казань уйду. Деньгу скопил, поташный промысл открою. Ныне спрос на энто дело добрый.

⁹⁰ Конец – канат.

⁹¹ Кнеки (устаревшее), кнехты – парные тумбы для крепления крепезного троса.

– Мыловарня тоже хорошее дело, – согласился кузнец, – поступай как душа велит.

На следующий день, подложив оструганные бревна под днище, жители Избы Сотниковой всей гурьбой вытащили ушкуй на берег и, подкладывая кругляк, с помощью конной тяги и наспех сооруженной лебедки затащили на зиму судно в овраг, укрыв его лапником и срубленными сосенками.

* * *

МОСКВА

– Дедушка, можно мне поиграть во дворе? – подбежав к Валихану и тронув его за колено, спросил Ваулихан.

– Только не уходи со двора. Не то потеряешься.

– Хорошо, дедушка, – радостно заверил Валихана мальчик и выскочил в сени.

Уже две недели кряду ждало приема у московского царя посольство Казахского ханства. Каждое февральское утро приходил важный боярин в песцовой шубе и объявлял, что прием откладывается на следующий день.

Валихан нервничал. Последние события, происходившие на юге ханства, обязывали торопиться. Отношения с Бухарой обострились. Назревала война. Помощь русского царя была как нельзя кстати. Но государь всея Руси, занимаясь насущными делами, видимо, забыл про посольство. По Руси кто-то искусственно пустил слухи, что царевич Дмитрий чудным образом спасся от рук убийц и вот-вот объявится народу, принеся всем избавление от гогуновского гнета. Малородные бояре, которые поднялись во времена опричнины, надеялись на возвращение своих льгот, полученных при Иоанне Васильевиче. Беглые холопы и смерды верили в отмену урочных лет. Казачество ожидало послабления царского влияния на Волжской и Донской вольнице. Каждый верил в чудное спасение царевича, возлагая на его воскрешение заоблачные надежды.

– Ты чей будешь? – услышал Ваулихан мальчишечий голос за спиной.

Ваулихан с достоинством повернулся и, подбоченившись, ответил:

– Я Ваулихан, потомок Чингиз Хана, сын Исатая, внук Валихана и Исена, прибыл толмачом с посольством от великого хана казахов к Государю Московскому и всея Руси.

– А я Федор, сын Бориса Федоровича Годунова, опекуна царя Федора Иоанновича, – вскинув по-царски подбородок, объявил мальчик, ровесник Ваулихана. Показав же на девочку чуть постарше, стоящую рядом, он представил: – Моя старшая сестрица, Ксения.

Девочка, слегка поклонившись, добавила:

– Ксения Борисовна.

Ваулихан прижал правую руку к груди и, как взрослый батыр, почтительно поклонился девчурке.

– Во что ты играешь, Ваулихан?

– В асык тау⁹², омпы⁹³.

– Ну-ка покажи, – заинтересовался Федор, присаживаясь на корточки рядом с новым знакомым.

Мальчики поиграли немного в кости, но вскоре Федору это наскучило, и он предложил:

– Ваулихан, а айда-ка ко мне в горенку, я там гравюру государства нашего обрисовываю.

– Пойдем, – согласился мальчик, но забеспокоился: – Надобно дедушку предупредить.

– Дядька это сделает, – кивнув на своего учителя, боярина Чемоданова, стоящего неподалеку, заверил Федор.

– Ты хорошо молвишь по-русски, – идя в горенку, похвалил Ваулихана будущий самодержец.

– У меня друг есть в Сибири, Ванюшка, он и научил.

– А в Сибири ты был?

– Был.

– И на моей гравюре ее покажешь?

– Покажу.

Не по летам ученый Федор, пройдя в дальний угол горенки, скинул покрывало, открыв схему Руси.

⁹² Асык тау – казахская национальная игра в кости (похожая на русскую «бабки»).

⁹³ Омпы – разновидность асык тау (похожая на современный боулинг).

Ваулихан, внимательно осмотрев обозначенные реки и горы, решительно взял уголек с лотка и, проведя сверху вниз извилистую линию, пояснил:

– Это Эртыс, он из Китая течет.

Рисуя угольком на незаполненной восточной стороне поля линии, мальчик продолжал пояснять:

– Это Обь, это Исиль, это Тобол и Тура. А вот Тагил-река, по которой ваш воевода Ермак пришел в Сибирь. И очертив южную границу Сибири, Ваулихан важно закончил, показывая на карту:

– Здесь наше ханство. Мы соседи.

Федор онемел от счастья. Ни один ученый муж так быстро не смог ему помочь нанести недавно присоединенную Сибирь, как это сделал приезжий мальчуган.

– Благодарю, Ваулихан, ты очень подсобил мне. Чем мне отблагодарить тебя?

– Пусть твой тятенька поскорей примет наших послов. Я хочу домой, к маме, – смахнув слезу рукавом чапана, признался Ваулихан.

– Я немедля его попрошу принять твоего дедушку, он меня любит и исполнит мою прихоть.

Ваулихан шел по двору, щуря глаза от яркого солнца, привыкая к ослепительному свету после полутемной горенки.

Внезапно он услышал разговор двух князей:

– Оружие степняки если и получают, то никчемное, у ливонцев отобранное. Борису не до посольства сейчас, не проверит. Он-то и не знает, что посольство уж почитай месяц пороги обивает. Потолкуются, потолкуются, и уедут нехристи восвояси. А мы тысячу стрельцов якобы в помощь пошлем, станем крепости да остроги возводить вдоль границы. Пока Бухару они воюют и не заметят, как мы уже прижились в степи.

Но тут князь Василий Шуйский дернул за рукав шубы говорившего князя Воротынского, опасливо кивнув в сторону проходящего мимо Ваулихана:

– Тсс!

– Да ни белме⁹⁴ он, Василий Иоаннович, – успокоил своего собеседника Воротынский.⁹⁵

⁹⁴ Ни белме – не понимает.

⁹⁵ Имеется в виду голод 1600 года.

Валихан, усадив названного внука на колени, погладил мальчика по голове:

– Спасибо тебе, Ваулихан, большое ты дело сделал для народа нашего, не каждому и взрослому по силам такое разведать.

На следующий день посольство Казахского ханства было принято Борисом Годуновым. Так завязались первые дипломатические отношения новых соседей.

А восстановление беспошлинной торговли для казахов мясом, скотом и иными товарами на восточных границах уберегло восточную часть Руси от надвигающегося голода и мора последнего десятилетия описываемого века.

ГЛАВА 99

— Ушел, поганец, в Литву. Не достал я его, Борис Федорович. Хоть голову мою на плаху клади, не нагнал самозванца. Обхитрили они меня, как чадо малое, обхитрили. Пустил слух, что на Псков подался, а сам плутанул в лесах и в Литву ушел, – виновато опустив голову, доложил Иван Федорович Басманов.

Борис Годунов осмотрел жалкий вид Басманова. Кафтан его был подран ветками и испачкан дорожной грязью, которая при скачке комьями летела из-под копыт коня.

– Ступай, отдохни с дороги, Иван Федорович. Вижу, нет твоей вины. Уж шибко хитер злыдень. Может и не объявится более.

– Беглый монах с ним, он-то нос по ветру и держит. Куды ни нагрянем, а смутьянов уже и след простыл, – пояснил, выходя из светлицы, Иван.

* * *

СИБИРЬ

– Велю тебе сие золото да серебро отыскать да в казну государеву вернуть. И на розыск даю время до ледостава, – отложив письмо от Годунова, закончил читать писец.

– Где ж его сыскать-то? Как в воду кануло. Уже пятого казака на дыбе переломали, а они все в один голос: «Приезжал Архипкузнец. Бочонки с порохом когда грузили, уж больно тяжелые на

вес были». А более из Искера никто не выезжал. Тогда у крепости Кучум стоял осадой, а его хабарчи толк в службе знают, – почесав голову, вздохнул воевода.

– Список украшений и посуды, что взяли казаки в Чиге Туре, имеется. Там токмо серебряных блюд да кувшинов полсотни будет. У меня тут купчишка из остяков был намедни, тоже сказывал про Чудо-Озеро у Атлымских юрт, где, по преданию, Золотая Баба хранится. Там и Архип-кузнец прижился. Вот мы и поищем, как лед сойдет, а пока река не пошла, струги заложим, – глянув в оконце на застывший Иртыш, отозвался воеводе сотник.

* * *

Никита с Ванюшкой возвращались из тайги. Собрав плот, они дождались половодья и с большой водой пустились в дорогу. Эта зима была более удачная для заготовки пушнины. В мешках, уложенных на хворост, чтобы нахлынувшая волна не намочила пушнину, не считая колонков и ласок, лежало около полсотни собольих шкурок. Еще несколько мешков были до отказа набиты вяленным чебаком и щукой. Ванюшка заранее налепил из береговой глины кирпичей и, уложив квадратом, устроил маленький костерок, на котором можно было заварить чай из брусничного листа или сварить похлебку. Да и дым от подкладываемых еловых веточек отпугивал отошедших от зимней спячки овода и комара.

Охотники уже решили, что в Тобольск они свою добычу не повезут, слишком уж большой убыток от введенных воеводами податей, а сдадут пушнину летом, когда явятся купцы из Китая.

– Пошто оброк дерут в три шкуры, отче? – не понимая еще сути государственного устоя, поинтересовался Ванюшка.

– Хоть кормление воеводам и отменили, никак от кормушек отвадить не могут. Как хряки, нажраться не могут.

– Так пусть бы с остяков да вогулов и брали. Мы-то, русские, почитай, свои им.

– А у нас, Ваня, правило такое на Руси: бей своих, чтоб чужие боялись, – усмехнулся волхв, управляя веслом, – вот, опять же, гляди, священники басурманам молиться по-своему не запрещают, иудеям тоже. А древнюю славянскую веру изжили, объявив ее ересью. Хотя в Греции, где христианство зародилось, своих древних богов почитать не воспрещается. У них про Геракла да Зевса

былины сочиняют, а коли я запою былинку про Велеса, так мне сразу же гусли об голову и разобьют, еще и выпорют принародно. Вот такой басен, Ваня.

– Наверное, правильно дядька Архип думает уходить на Ионесси, пока там русским духом не пахнет, может, и поживем свободными, – рассудительно произнес Ванюшка.

– Недолго, отрок, вскоре и туда люд потянется. На Руси смута уж какой год идет. Каждый боярин норовит царем стать. А прямого наследника-то нетути, вот и рвут бороды Шуйские с Годуновыми, а холопам куда? На Волге города поставлены, нет уж там вольницы. Так что в Сибирь и побегут. А когда дорожку на вольные хлеба голытьба проложит, так по ней сразу бояре следом сунутся, не могут они, чтоб кровь не сосать у черни.

Неожиданно раздался рев. По высокому берегу реки ходил кругами огромный медведь. Зверь уже разглядел легкую наживу. Плот, на котором передвигались охотники, был довольно большой, поэтому косолапый в два прыжка мог достигнуть его.

Никита подсыпал на полку пищали пороха и поджег фитиль от костерка.

Медведь спустился к береговой кромке и начал мочить по перемени лапы, не решаясь прыгнуть в холодный поток.

Ванюшка развязал мешок и, достав огромную вяленую щуку, со всей силы швырнул ее в сторону косолапого. Рыбина, не долетев до береговой черты, плюхнулась в воду.

Хозяин тайги прыгнул в пучину, схватил подачку и ринулся обратно на берег.

– Так мы без рыбы останемся, Ваня, он же теперь не отстанет, – опустив ствол пищали, покачав головой, подал голос волхв.

– Я Хвому вспомнил, поди проснулся уже, – отозвался мальчик.

А этим временем годовалый медвежонок, пятясь задом, пытался вылезти из-под избы, откуда его не выпускали собаки.

ГЛАВА 100

ТОВОЛЬСК

Пайза отрицательно крутил головой:

– Не пойду, там живет Сорт Лунг, очень злой дух. Он охраняет Золотую Бабу. Ему помогает дух воздуха, который обратился в старого ворона.

В подтверждение своих слов, купец скинул с ноги чис и, задрав штанину, показал огромный шрам на ноге:

– Это злой дух меня тянул на дно, еле спасся.

– Мы в Бога верим, а не в злых духов, нам можно на Чудо-Озеро. Ты нас токмо доведи до него. Мы заплатим, – успокоил остяка Данила Чулков.

– Ну, коли заплатите, то доведу до берега, но на остров не пойду.

– Иван, струги готовы? – поинтересовался воевода.

– Уж, почитай, как седьмой ден на воду спущены.

– Тогда бери два десятка стрельцов и в путь, – распорядился воевода, добавив: – Все что нужно в дорогу, возьмешь у постельничего⁹⁶. Я распоряжусь. – И, повернувшись к Пайзе, рявкнул: – Да надень ты, шайтан, немедля обувку, от твоего смрада глаза режет и дышать нечем!

⁹⁶ Постельничий – управляющий делами.

– Нога воняет, потому што из задницы растет, – усмехнулся остяк, наматывая портянку и всовывая ее в тис.

* * *

Угор вторую ночь видел один и тот же сон.

Будто стоит Золотая Баба, а к ней алчные руки тянутся и все норовят ее из ниши достать. А пальцы-то все в перстнях, кафтаны у злыдней красные, как у стрельцов московских.

Поутру, собрав в дорогу вещи и погрузившись в долбленку, он пустился наверх по Атлым-реке. Вогул греб супротив течения, понимая, что скоро может наступить беда и нужно быть ему на Чудо-Озере непременно.

После долгого дня, вывернув из-за поворота, Угор разглядел спускающийся на встречу по течению плот. То были Никита с Ванюшкой. Волхв держал наизготовку пицаль, а Ваня кидал из полупустого мешка рыбу на берег, по которому шел огромный медведь.

Внук шамана встал в долбленке и, подняв руки вверх, рыкнул на медведя. Косолапый остановился, втянул носом в себя воздух и, развернувшись, исчез в береговых зарослях.

– Ты чем его так напугал? – поинтересовался Никита.

– Медведицей рывкнул, он не подойдет в ее угожья, пока та не загуляет. Ведь медведица с медвежатами может и подрать самца. Ныне месяц травень холодный, поздно медвежат зачинять, вот я и подал голос, чтоб отошел, – пояснил вогул и добавил: – стрельцы идут из Тобольска Золотую Бабу и золото Ермака искать. Я до Чудо-Озера подамся, а вы из лога уходите с семьями в тайгу. Они вас в тайге не отыщут, но опосля сунутся в Атлым-реку, а уж я им там приготовлю встречу.

– Что ты один сможешь супротив отряда?

– Покамест медведя натравлю.

– Как?

– Да вон волчий деревянный капкан выставлю. Он медведю вреда большого не причинит, перегрызет тот его, но злобу затаит. А кафтан стрелецкий и Пайзину малицу рядом брошу. Кроме Пайзы дорогу к озеру никто не знает, он, значимо, и ведет стрельцов. Зря я ему тогда аркан кинул, пусть бы утоп. Косолапый как от капкана освободится, начнет счеты сводить, а я пока до озера доберусь. Не должна Золотая Баба в алчные руки попасть.

* * *

Стрельцы, сидя на гребнях, в такт распеваемой ими песни спускались на двух стругах. Песня эта была написана еще царицей Анастасией, но по прошествии времени не угасла в народе.

– Ой, да не из тучушки, да,

Ветерочки они, вот они дуют.

Ой, да не дубровушка во поле шумит,

Ой, да не дубровушка во поле шумит.

Ой, да что ни сизые, да орлы,

Орлы, вот они вьются

Ой, по-над небесью они летучи,

Ой, по-над небесью они летучи.

Пайза, сидя на носу струга, всматриваясь вдаль, пояснил:

– Струги слишком большие, не пройдем в верховьях Атлыма, придется пешком до озера идти.

– Можно лодку какую в Самар-селе прикупить у казачков.

– Все стрельцы не войдут в лодку, придется оставить половину у казаков в крепости, – согласился остяцкий купец.

– Вот и я думаю, оставлю. Пусть пока десятники порядок наведут в крепости, а то совсем от рук отбились, разбойники.

Но случилось непредвиденное.

На ночной стоянке, когда стрельцы разбили на берегу лагерь, отряд остяков князя Самары налетел на спавших. Один струг был подожжен стрелами, и в свете полыхающего огня метались стрельцы, не успевшие занять оборону. Выстрелив из пицалей, стрельцы уже не могли зарядить их второй раз и, оставшись с одними бердышами да саблями, и до утра отчаянно пытались отбиться от наседающего противника, который хладнокровно из-за сосен расстреливал отряд из луков.

В то далекое время остяки и вогулы, объединившись под командованием своих князей, недовольных наложенной на них податью, оказывали ожесточенное сопротивление. Ну а воеводы воевали в степи, не суясь ниже Тобольска.

Нападавшие утром растаяли, как мартовский снег, не оставив на месте боя своих убитых воинов. Зато то там, то здесь лежали тела проткнутых стрелами и копьями стрельцов. Деревья округ поляны были все побиты свинцовой крошкой. Вековые деревья в два охвата спасли нападающих от первого и последнего залпа.

Сотник Иван, взявшись за голову, сидел на прибрежном валу-не, рассматривая остов сожженного струга.

– Как Даниле в глаза глядеть? Что говорить воеводе? Угробил бестолочь весь отряд по глупости своей, не расставив караулы. Понадеялся дурень на глухомань, пожалел гребцов, дав отдохнуть, а тут вот какая беда навалилась, – шептал он, раскачиваясь со стороны в сторону от горя.

Пайза, отряхиваясь от моха и глины, вылез из-под корневища поваленного ветром огромного кедра. Небрежно осмотрев поляну и лежащие на ней тела, беспечно произнес:

– Однако.

Остяк подошел к раненному стрелой в руку стрельцу и, переломив ее, резко вытащил оба обломка. Стащив кафтан, он замазал живицей сквозную рану и перевязал тряпицей.

– Назад в Тобольск пойдем? – обратился он к сотнику.

– Нет, без клада Ермака в Тобольске мне делать нечего. Дойдем до Самар-села, а там охочих людишек съедем. Сейчас похоронить сподвижников нужно по христианскому обычаю, – перекрестившись, поднялся с валуна Иван.

К полудню, похоронив погибших стрельцов, на оставшемся струге поредевший отряд в семь сабель отошел от берега. Оставшийся до острожка путь более на берег не сходили. Но подойдя к Самар-селу, поняли, что казаки бросили крепость и ушли.

Ничего не оставалось, как пройти опасное место ходом. Благо ветер дул южный, и поднятый парус, наполнившись попутным ветром, пронес струг мимо брошенной крепости. Не имея огнестрельного оружия и быстроходных судов, остякам лишь оставалось размахивать руками и сквернословить, стоя на берегу.

Вскоре вошли в Обь. Начиналось безлюдье. То лось придет на водопой да без опаски глянет на струг, то медведь, ловя рыбу, рвякнет на непрошенных гостей.

В одном месте выехали на стаю гусей, отдыхающую на воде после трудного перелета. Подстрелили из пищалей несколько птиц и примкнули к болотистому левому берегу.

Пайза вырыл ямку, обмазал неоципанного гуся береговой глиной и, закопав, развел костер. Когда же угли погасли, он ножом откопал сготовленную птицу. Вместе с кожей и перьями остяк без труда отломал засохшую глину.

– Отведай, Иван, шибко вкусная птица, – предложил купец сотнику.

ГЛАВА ЮІ

— Матушка, вам нужно уходить в лес, – заявил Ванюшка, обнимая Ксению, – сюда стрельцы плывут.

– А куды скарб денем? И куды мне с Полинкой? В берлогу к вашему медведю?

Зашел Ефим, поздоровался с приехавшим Ваней, а узнав о стрельцах, рухнул, присев на лавку:

– Господи, токмо избы поставили, жить как люди стали. Что робить, Архип, будем?

Кузнец, подумав, произнес:

– Отсидеться в логу мы не сможем, найдут. Уйдем в лес – избы пожгут, а всех, кого поймают, увезут в Тобольск, там и на дыбу прямая дорога. Зверства они чинят непомерные. Вон, даже колокол медный, что народ в Угличе на бунт поднял своим звоном, в Тобольск сослали в ссылку, прежде вырвав язык и отрубив ухо. Это ж надобно так ополоуметь, чтоб медный колокол, как человека, кнутами стегать! Почти год волокли его угличане в Тобольск, да так, почитай, все в дороге и сгинули.

Ефим вздохнул и согласился:

– Знамо, знамо, колоколу-то по приговору еще принародно на площади двенадцать кнутов дали.

– Так колокол не живой-то, зачем кнутом бить? – вмешавшись в разговор, удивилась Ксения.

– Васька Шуйский тогда лиходеял. Тут не токмо колокол, а пол- Углича заporоли, – пояснил Ефим и продолжил: – Я поутру спущу ушкой на воду и перегоню его в протоку на левом берегу. Жен и детей можно туда же отправить. Самим же предлагаю отбиться от слуг воеводы.

– Чем биться-то? С государевым войском? Зарядов к пищалам кот наплакал, а саблями много не намахашься, – поднимаясь с лавки, произнес кузнец и примолвил: – да и корова в запуске, вот-вот отелиться должна, и остальное хозяйство куда? Будь что будет. Одной смерти не миновать, а двум не бывать.

В дверь заглянул Никита, который на подворье игрался с Хвонкой.

– Идите на скомороха гляньте. Все равно ваши стрельцы раньше, чем северный ветер не стихнет, не явятся. Вон как волну-то задирает, аж Обь в пене вся.

Народ вывалил на подворье и, улыбаясь, расселся кто куда.

Хвонка в аляпистой юбочке на задних лапах ходил вокруг своего друга.

– Ну-ка хлопаем в ладоши по-хорошему! А ты, Хвома, кажи пляс люду!

Годовалый медведь пустился в пляс под звуки гуслей, на которых играл волхв любимую песню Архипа:

– Зайка серенькай,
Зайка беленькай,
Под кусток шмыг,
Да за кочку прыг...

– А покажи-ка нам, как хромой Мамар ходит!

И медведь, прихрамывая на одну ногу, прошелся по полянке, чем привел в неопиcуемый восторг детишек.

– А кого хромой Мамар более всех обожает?

Хвома, прихрамывая, подошел к Ванюшке и, обняв его лапами, лизнул в лицо.

– А как Мамар князю кланяться велел?

Медведь встал перед Архипом на четыре лапы и три раза поклонился.

– Ну а коли женишься, как свою бабу защищать будешь?

Тут вдруг медведь, выпучив звериные глаза, оскалил клыки, зарычал на всю округу так, что всполошились все сороки и вороны, укрывшиеся в логу от ветра.

Уж полночь наступила, а народ еще долго сидел на завалинке и тешился над косолапым шалунишкой, благо, что на Севере ночи белые.

* * *

Стрельцы прибились к левому берегу и, укрывшись от волны и ветра в небольшом заливчике, пережидали непогоду.

На большом тяжелом струге грести против ветра было бессмысленным делом.

– Вон, гляди, челнок тем берегом прошел, – показав рукой на высокий берег, сообщил Пайза сотнику. – Там волна меньше и ветер потише, но мелко и валуны, твой ушкой там не пройдет.

– Эх, пальнуть бы в него из единорога, да заряд не долетит, – взглядываясь в противоположный берег, вздохнул Иван.

– Как бы не упредили они Архипа, что наш ушкой видели, – заволновался Пайза.

– А может мы в другую сторону идем, откель они знают, – беспечно отозвался сотник.

– Нет, под ветер идут ходом, а коли стоим, то, значит, пережидаем встречный. Остяков не проведешь, у них глаз наметан. Они у Атлымских юрт будут к восходу. Нам же ждать, покуда ветер не стихнет, – укутываясь в овчину и мостясь спать, пробурчал купец.

* * *

– Там челнок к берегу причалил, вроде рыбоеды пожаловали, – заноса ведра с водой, оповестила Ксения мужиков, сидящих за столом.

Жители Сотниковского лога вышли из избы. От реки поднимались три остяка. Первым шел богато одетый рыбоед лет пятидесяти.

Медвежонок кинулся было к непрошеным гостям, но, услышав негромкий рык одного из них, с испугом отбежал назад и уткнулся в подол рубахи Никиты.

– Я боялина Камыш. Меня послала князь Самара. И кто тут-ка белый шамана?

– И кто, и кто, и я с утра была белой шаманой, – выйдя вперед, улыбнулся Архип. – И с чем пожаловали, добры молодцы?

– Князь Самара намедни бил стрельцов. Много побил. Одного в полон брал. Стрелец глаголила, что идут Золотой Баба искать и тебя, белый шамана, убить. Князю Самара очень сабля твоя нравится, что ты в дар нынче прислала. Велела князь наказать тебе, что стрельцов осталось вот столько.

Подняв руки, показал остяк на пальцах.

– Семь, что ли?

– Да, семя.

– А было сколь?

Камыш два раза показал обе пятерни.

– Добре же вы их прищучили. Коли одного пленили, то почи-тай аж двенадцать из двадцати кончили, – похвалил Ефим, выходя из-за спины Архипа.

– Я присол Золотой Баба забирать. И де Угор шамана?

– И на тайгу пошла, – ехидно передразнив Камыша, ответил Архип.

Но тут, неожиданно протиснувшись между Архипом и Ефимом, вышел вперед Никита и, стукнув посохом, грозно сказал гостю:

– А ведашь ли ты, невежда, что на кого взглянет Золотая Баба, или кто ее коснется, тот немедля превратится в медведя? Ты ведь знал хромого Мамара?

– Я знала Мамара. Она тайга посол и не присол.

– Бабу Золотую он нашел, потому и не воротился, так как в медведя она его обратила, – и обращаясь к Хвومه, Никита спросил:

– А кого хромой Мамар более всех обожает?

Хвома встал на задние лапы и, деликатно прихрамывая, пошел к боярину Камышу, у которого глаза полезли на лоб. Хромой Мамар, брат его третьей жены, в образе медведя шел к нему, рас-пластав объятья.

Ванюшка, не выдержав, прыснул со смеху, но, получив тумака в спину от Ксении, взял себя в руки.

Дождавшись, когда медведь и боярин вдоволь наобнимают-ся, Никита позвал Хвомку к себе. Тот, хромая, подошел и застыл в ожидании.

– Что желает Белый Шаман подарить князю Самаре и боярину Камышу? И какой обед он предложит дорогим гостям?

– Две сабли дам и оленя зарежу, – буркнул недовольно Архип, понимая, что по-другому поступить нельзя. В душе же он мечтал

развернуть посла и дать огромного пендаля. Но обычаи стороны, в которой живешь, нужно было соблюдать.

Архип сходил в избу и вынес оттуда оставшиеся две сабли. Никита взял их и, поклонившись медведю, подал ему в лапы. Хвома, прихрамывая, отнес дары Камышу, отчего тот прослезился.

– Кланяемся князю Самаре, – пропел волхв, и медведь, встав на четыре лапы, трижды поклонился.

– Кажись, не верит тебе боярин, что ты Мамар! – крикнул волхв медведю, стукнув посохом.

Хвома выпучил звериные глаза, оскалил клыки и рявкнул так, что гости отпрыгнули на две сажени, причитая:

– Верим, верим. Не нужна нам Золотая Баба, плохой он баба, совсем плохой!

Вскоре в огромном котле уже кипела ароматная шурпа.

Гости-остяки, сидя на траве, поочередно подзывая хромого Мамара, жали ему лапу, рассказывали ему последние новости. А Мамар, уже не хромая, на четырех лапах бегал между всеми и выпрашивал кусочки вареной оленины, но никто это уже не заметил, кроме читателя.

ГЛАВА 102

Утром Камыш со своими гребцами, усаживаясь в челн и прощаясь с жителями лога, вручил кузнецу свиток и, как бы невзначай, высокомерно объявил:

– Князь Самара разрешила вам жить тут и кодскому князю Алычу отписала. Нам белый шаман нужен, никто лучше тебя не умеет сабли ковать.

Проводив посла князя, мужчины принялись готовиться к встрече со стрельцами. Теперь они знали, что их осталось всего семеро. Но и семь – это сила.

– Я и одной рукой пищаль заряжать могу, – предложил свои услуги Максим.

– А у меня два сына пищалей не видели доселе, но из луков ловко стреляют, так что и нас трое. Да выкупленных из татарского полна мужиков четверо. Правда, у них кожа да кости, но и они сгодятся для дальнего боя, – отозвался кормчий Ефим.

– Ну-ка, Ванюшка, сбегай за ними. Они избу себе ставят во втором логу, но пока не до нее. Отобьемся, подмогнем, – попросил пасынка Архип.

Вскоре к реке спустились мужики:

– Рано ты нас, Архип, в примак⁹⁷ приписал. Говори, чем подсобить нужно. Ваня сказывал, что стрельцы хотят пожаловать, так мы с ними тоже кой-какие счета имеем, – присаживаясь на берегу

⁹⁷

Примак – зять, принятый в дом жены.

возле кузнеца, пояснил старшой. – Под Казанью воз с рыбой у меня отобрали, а самого в полон продали, так что учи нас, как стрелять из твоих пищалей.

* * *

Ветер наконец-то стал стихать и изменил направление. Водная гладь Оби успокоилась.

Сотник Иван засобирился в дорогу.

– Давай-ка, молодцы, снесите с берега на ушкуй пожитки. К обедне должны мы далее в дорогу пуститься. Да броню свою разберите, чтоб под рукой была. Пожалел я вас тогда на берегу, разрешил снять кольчуги, вот и потеряли товарищей своих. До конца века за это на мне вина будет, не замолить такое.

Пока стрельцы собирались, Пайза угрюмо смотрел на воду. Он понимал тяжесть встречи с Угором и Архипом. Люди воеводы придут и уйдут, а ему тут жить, торговать. Да и князь Самара по головке не погладит.

На Чудо-Озеро идти остяк наотрез отказался. Но какую в дороге найти причину, чтоб отстать от отряда, он не знал. Отдать Золотую Бабу или показать дорогу к ней, выдав место, – это значит навсегда быть проклятым своим народом. Участь изгоя его не прельщала.

Из раздумий купца вывела громкая команда Ивана:

– А ну-ка, робяты, налегли!

Ушкуй отходил от берега.

* * *

Огромный медведь, волоча переднюю лапу, крепко зажатую в деревянную колоду-капкан, пробирался сквозь тальник по берегу реки. Боль колода не причиняла, но мешала передвижению.

Плот с людьми давно уплыл вниз по течению, и догнать его было уже невозможно. Косолапый навсегда запомнил ненавистный человеческий запах от лежащих рядом с капканом малицы и кафтана. Он все равно найдет этих двуногих существ, установивших ловушку, и отомстит им. Отомстит и за смерть подруги, угодившей прошлой весной в охотничью яму с кольями, и за пропавшего медвежонка, его сына, которого, видимо, унесли с собой люди.

А пока, присев на полянке, зверь с ожесточением принялся грызть колоду, освобождая лапу.

Вырвав клыками лыковые ленты, крепившие две колодки, зажавшие меж собой его лапу, хозяин тайги наконец-то освободился от ловушки.

Этим временем Угор, пользуясь весенним половодьем, поднялся по Атлым-реке и уже заходил в ручей, скрытый от посторонних глаз ивовыми зарослями.

Зоркий, опытный глаз сразу усмотрел привязанную к веточке еле приметную тряпицу.

– Ай да Пайза, ай плут, все-таки заметил свороту, – усмехнулся вогул, и отвязав тряпочку, швырнул ее в воду.

Он встал в челноке и срезал еще несколько подломленных веточек. Убедившись, что примет больше нет, вогул, нагнувшись, подтянул ствол тальника и, заведя свою долбленку в тоннель из веток, скрылся в узком ручье. К полуночи он был на берегу озера. Лед уже отошел от берега саженой на полста, далее на воде колыхалась полоса лабз. К острову, где на мелководье озеро за зиму промерзало почти до каменистого дна, подходила полоса еще не растаявшего льда.

Спящий у другого берега, на песчаном плесе, в нагретой за день солнцем воде столетний Сорт Лунг не сразу распознал звуки осторожно опускаемого в воду двухлопастного весла. Тяжело отойдя от береговой черты, злой дух, хранящий подходы к острову, развернулся и, вильнув огромным хвостом, поплыл на звуки всплесков.

В небе, хрипло каркая, закружил седой ворон.

Вогул прибавил ходу, уже не таясь, хлопая по очереди обеими лопастями весла.

Огромная щука-оборотень чуть-чуть опоздала. Угор обошел по чистой воде слой лабз, вытащил свою долбленку на лед и потащил ее к острову.

Сорт Лунгу ничего не оставалось, как развернуться и вновь уйти на мелководье.

Столетняя щука доживала свой долгий век. Скоро ее заменит другая, и так будет продолжаться вечно. Злой дух переселится в молодое тело и останется сторожить сокровища от жадных и алчных людишек.

* * *

ПОЛЬША

По тронному залу гулял теплый летний ветерок. Король Сигизмунд глядел в раскрытое оконце. Он приказал никого к нему не впускать, и на это были причины.

По Руси упрямо ползли слухи о чудесном воскрешении царевича Дмитрия.

Не одному уж сплетнику язык отрезали слуги Бориса Федоровича Годунова, а молва все идет да идет в народе. Верит-то этому теперь не только чернь, но уже и бояре между собой шепчутся. Вон и новгородцы зашевелились, мечта обрести независимость от царства Московского. Псковские бояре на запад поглядывают.

Земельные реформы, изменение самой структуры традиционного русского мира, проведенные за период царствования Ивана Грозного, не всем пришлись по душе. А жестокая политика Бориса Годунова и так осложняла накалившиеся противоречия. Практическая отмена Юрьева дня, когда крестьянин мог, расплатившись, уйти от своего боярина, еще больше всколыхнула низшие слои народа.

Увеличение сроков урочных лет взбудоражило казачество на Волге и Доне, так как многие бежавшие смерды и холопы, примкнувшие к казакам, теряли статус свободного человека, и время розыска на них продлялось. Многие западные князья и бояре были против реформы, в ходе которой они потеряли право собственности на землю, по которому ранее их деды и прадеды могли, приняв подданство Литвы или Польши, перейти вместе с землей и челядью в другое государство. Ныне это право было навсегда отобрано. Желаете за границу – катись на все четыре стороны, но земельку отдай-ка, теперь она государю принадлежит, а не тебе, родимый.

Проведенная Иваном реформа в русском войске вообще меняла структуру татарско-феодального распределения должностей. Теперь в опричных тысячах служили не высокородные отпрыски своих родовитых предков, которые, зная вертикаль своего именитого положения, могли запросто отказаться подчиняться менее родовитому боярину, что случалось уже не в одной битве. А тысячными и сотниками назначались люди за военные заслуги и ум. Хоть опричнину государь и отменил, но за это время выросло

целое поколение так называемых безродных бояр-дворян, и они не желали отдавать завоеванную власть сызнова старинным родам. Представители же старинных родов желали отомстить за вырезанных во времена опричнины родственников, и им было плевать, кто займет трон, лишь бы вернуть отобранные владения и жизненное положение. Вот на этом и зарождалась общенародная легенда о чуде спасшемся от рук убийц царевиче Дмитрие.

Король Сигизмунд отошел от оконца и, продолжая размышлять, присел за дубовый стол. Постукивая пальцами по столешнице, он решал, как поступить. Принимать ли во дворце молодого вельможу, объявившего себя царевичем Дмитрием, или отказать? Явно шельмец самозванец. Но поставить на московский трон своего ставленника, тем самым в дальнейшем взять под контроль Московское государство с присоединенной недавно Сибирью, было привлекательной целью. Да и подписанный мир между Московией и Польшей на двадцать лет не устраивал многих вельмож-шляхтичей, желавших захватить смоленские земли, разделив их между собой.

– А чем я рискую? Ну, дам самозванцу войска и деньги? – рассуждал король, – так верну я во стократ затраты, коли этот выскочка захватит трон. Его потом и убрать можно, пусть пару годков потешится, пока не укрепится моя власть в Московии. Римский Папа писал мне об одобрении расширения католической веры на востоке. Только вот крымский хан Гирей взад пяты дал, отказался идти на Московию, а отписал о вешем сне, страшном старце, приходившем к нему в покои ночью. И то, что звезды не советуют ему помогать королю в его планах. Суеверный старый дурень.

Да и без хана справиться можно. Казаки из Сечи Запорожской готовы помочь, да донские пойдут. Полторы тысячи наемных охочих людишек собрал царевич уже. А коли пойти северным путем, через Чернигов, а не Смоленской дорогой, то и крепостей там нет, и засеки не выставлены, о чем в попытках признался боярин Хрущев Петр Лукич, посланный Борисом Годуновым призвать донских казаков встать под его знамена. Да разгадали хитрость Годунова, что неспроста появился боярин Хрущев, видимо, знал он в лицо истинного царевича Дмитрия, опознать мог, разоблачить самозванца, то и замучен был им в Путивле пытками до смерти. Черниговские воеводы, плененные позже, тоже подтвердили, что русские не ждут

нападения с Севера, так что дорога на Курск открыта, а там уж и холопы да бояре поднимутся опальные.

Но лучше бы для начала скрепить лжецаревича узами брака. Дать поместье и склонить его тайно принять католичество, а подходящую невесту из знатного рода мы уж отыщем.

Король дернул шнурок звонка.

– Немедля отписать сандомирскому воеводе Ежи Мнишеку, что его срочно желают видеть при дворе.

* * *

Никита проснулся от легкого дуновения сквозняка.

На противоположной лавке явился образ Гостомысла.

– Ты ли это, отче? – обрадованно обратился он к старцу.

– Я, Никитушко, я, – отозвался Гостомысл и продолжил: – Тебе теперича главное дело сотворить придется, зело полезное. Приплывут сюда ныне стрельцы, выдай им Ермака сокровища, но не все отдай. А токмо то золото и серебро, что хранится в бочонках из-под огненного зелья, что из красного дерева собраны. Два дубовых оставь, они опосля пригодятся. Пушай оружие скупают для битвы праведной, оружия потребного, когда поляков из Москвы погонят.

– Так нет же покамест поляков в Москве-то? – возразил Никита.

– Будут. Уже и самозванца нашли, чтоб в поход его отправить.

– Да коли ты все знаешь, почему допускаешь вторжение? – истинно удивился каменотес.

– Так надобно. Чтоб прийти к согласию и примирению, необходимо пройти сквозь испытания всему русскому народу. Победить гордыню свою, а знати – возлюбить народ свой. Не будет единства, не будет Руси. Не будет Руси, сгинет и весь славянский род. Останется жалкая помесь, которая не способна будет сохранить то, что многими сотнями веков сохраняли наши пращуры. Единственно, чем я мог помочь Руси, то напустил страшный сон на крымского хана, обратился он к толмачам, а те его и отсоветовали с юга в поход на Московию идти.

Ванюшку же не бросай, уж больно полюбился мне этот отрок. Способен он ко всяким наукам и языкам. Шар, что дал я тебе, внутри тайник имеет. В нем горошины зеленые. Завтра захворает он

шибко. Ты дай ему половинку одной горошины – нужен он мне он на этом свете, – остальные же сохрани. Это индийское снадобье. За ним многие цари и фараоны охотились, чтоб жить вечно. От принятия одной горошины всего-то на десять лет состаришься вместо ста тебе отмеренных.

– Потому ты и жил, отче, сто веков?

– Да, но устал. Я в другом мире встретил своих сыновей, жену, внуков, отца Буревоя. Но на мне кончился род по мужской линии, и суждено теперь Гостомыслу быть вечным скитальцем между вашим миром и миром наших предков. А вам, конечно, с Ванюшей пребывать на земле и быть моими руками. Это ваша доля, от нее не уйдешь. Еще ведаю, что появился в польском стане некий пан Казимир. Уж больно ловок и коварен он. А самое главное – не берет его старость. Потому и сдается мне, что похищенные горошины каменной смолы у моего няньки старца Веденея – его рук дело. И опознать по лику убийцу и вора может только Ванюшка, побывав в прошлом.

– Со стрельцами-то как поступить, отче? – поглядывая на утренний свет, проклянувшийся в оконце, осведомился Никита.

– Пусть Ваня их встретит и уведет в избу на Атлымке. Им не подняться рекой, вода падает. Там до ледостава пока пожительствуют. Снасти есть, запасы тоже, выживут. На Чудное озеро стрельцов не пускайте и дорогу не указывайте. Угор пушай сам бочонки привезет.

* * *

Ушкуй, идя правым берегом, вошел в протоку, что, обходя остров, впадала в дельту Атлым-реки.

Пайза разглядел челнок, привязанный к бревнам завесы⁹⁸ на подгорной стороне. В нем беззаботно бил острогой рыбу Ванюшка, складывая ее в плетеный короб. Рядом, высовываясь из-за борта челнока, плясал годовалый медведь, тоже пытавшийся выловить лапой из воды выходящую с нереста рыбу.

Подросток встал и помахал Пайзе рукой, подзывая подплыть.

– Дядька Пайза, толк есть! Подгребайте, – приставив к губам ладошки лодочкой, крикнул мальчик.

⁹⁸ Завеса – частокол из бревен, перекрывающий выход рыбы из сора (заливного луга).

ГЛАВА 103

Ибрагим ждал уж который год. Он помнил слова повстречавшегося когда-то на речке Никиты, что не нужно искать Кучум-хана в степи – он сам придет в его юрту и попросит ночлега.

Но проносилось лето за летом, зима за зимой, а кровный враг не объявлялся.

Татарин специально не заводил семьи, не желая подвергать ее опасности. Ведь если он осуществит свою месть, то вырежут всю семью.

Изредка приезжали в гости знакомые ногайцы, и он осторожно за чаепитием выведывал сведения о хане.

Построенная им из самана кошара и несколько гостевых юрт приносили доход и позволяли Ибрашке жить не впроголодь. Постоянные путники и торговцы хорошо платили за предоставленный ночлег, пищу и корм для лошадей.

В одну только единственную юрту не пускал проезжих людей Ибрагим. Это было место, где должен остановиться на отдых бывший хан Сибири.

Поставив юрту на пригорке, татарин выкопал от нее на четверть версты подземный лаз, выходящий в небольшой лесок у летней привязи для лошадей. Перекрыв ход бревенчатым настилом, он уложил поверх его дерн, который за несколько лет сросся с остальным травяным покровом поляны. На полу в юрте постелил

кошму, сверху которой разложил роскошные наманганские ковры. Заказал тахту и перину на лебяжьем пуху.

И вот однажды утром, сидя возле кошары и чиня старую сбрую, он обратил внимание на поднявшееся облачко пыли на горизонте.

Сердце забилося у Ибрагима: к его постоялому двору подъезжал небольшой отряд всадников, а у одного из воинов на копье развевался ханский вымпел.

Низко поклонившись, он обратился к богато одетому старому господину:

– Добро пожаловать, великий хан, в мой стан. Я буду счастлив видеть такого дорогого гостя у себя в гостевой юрте.

– Как тебя звать? – слеповато прищурившись, поинтересовался Кучум-хан.

– Я твой верный слуга Ибрагим, воевал супротив атаманов в отряде ногайца сотника Самеда, брат он мне названный.

– Не ты ли на кулачный бой вызвался с кузнецом Архипом, заступившись за сотника Самеда?

– Я, великий хан, – опять поклонившись и прижав ладонь к груди, ответил Ибрашка, ощущая ладонью под халатом рукоять кинжала.

Все всадники, сопровождающие хана Сибири, одобрительно зашелкали языками.

– Хорошо, хозяин, покажи, где я могу отдохнуть с дороги.

Два воина предварительно осмотрели помещение, приподняли тахту и, убедившись в безопасности ночлега своего повелителя, поклонившись Кучум-хану, вышли из юрты, встав на караул у входа.

– Позволь мне взять твоего воина, чтоб он помог приготовить мясо, я должен угостить такого знатного гостя и его челядь, – попросил Ибрагим.

– У тебя нет женщины?

– Я живу один. Когда много путников, я вызываю женщин из соседнего аула. Но сейчас не стоит оглашать степь, что ты ночуешь у меня. Слышал я, что отряд князя Кольцова идет по твоим пятам.

– Ты прав, Ибрагим, не нужно, – похвалил татарина Кучум, – я устал с дороги и хочу отдохнуть, а с рассветом обязательно отведаю твоего угощения.

«Рассвета ты не дождешься», – подумал Ибрашка и, почтительно поклонившись, вышел из юрты.

Хозяин постоянного двора вместе с одним из воинов поймали барашка, и уже через час в казане на аштоне⁹⁹ кипела шурпа.

Воины не сразу поняли, что хозяин постоянного двора исчез. А среди ночи раздался вскрик Кучум-хана. Царевич Алей, вбежав в юрту, увидел отца с кинжалом в груди.

Кучум хрипел:

– Ибрагим – сын Сабыра, улус на реке Яман. Сорок лет назад я вырезал всех, один он выжил. Это кара Всевышнего.

Кучум-хан потерял сознание. Алей откинул с пола конец ковра и увидел темное чрево лаза.

Ибрагима простыл и след.

Воины, выбравшись из лаза в лесочке, обнаружили место бывшей привязи одинокого коня, но следы убийцы потерялись у заболоченного берега реки.

Там же бегал разнузданный вороной конь.

– У Ибрагима в кустах был спрятан челн, он ушел рекой, великий хан, – доложил, почтенно поклонившись, подбежавший воин царевичу Алею.

«Я теперь великий хан!» – осознал вдруг сын Кучума и приказал:

– Сжечь все стойбище! Отца мы похороним в степи.

Ибрагим греб вниз по течению.

Сбылась его сорокалетняя мечта. Он отомстил хану за вырезанное поголовно поселение своего аула. Отомстил за смерть отца и родственников.

Наступал рассвет. Необходимо было найти густые заросли ивняка, чтоб укрыться самому и спрятать лодку. Ведь в светлое время конные разъезды могут без труда обнаружить плывущий челнок.

Татарин решил не рисковать и на дневку пристать к левому низкому берегу. Костер разводите было опасно, и он, перекусив вяленой кониной, завалился спать на берегу.

Во сне ему пригрезился старец, который, присев рядом, молвил:

– Ибрагим, я сделал все, чтоб твоя кровная месть осуществилась. Теперь твоя очередь помочь мне.

– Как тебя величать, аксакал?

⁹⁹ Аштон – подставка под казан.

– Меня звать Гостомысл. Ты должен спуститься водой к Архипу. Взять у него часть сокровищ Ермака. Добраться до Крымского ханства, купить там пищали с пушками, доставить их в Астрахань и ждать народного восстания супротив поляков. Ты хоть и названный сын боярина Пашкова, но татарских кровей, и в Крыму будешь своим. А как соберут дружину князь Пожарский и мещанин Минин, так к тебе в Астрахани посланец их и явится, ему-то все и передашь, его ты узнаешь, это сотник стрелецкий Иван. С ним познакомишься в избе у Архипа.

Старец слегка тронул плечо Ибрагима:

– А теперь прощай, куртуазный. Да просыпайся скорей и отходи от берега на выстрел стрелы. Кучумцы конные с собаками идут по этой стороне.

* * *

Ванюшка, взобравшись по сходням на ушкуй, поздоровался с Пайзой и сотником Иваном.

– Хорошо ли доплыли, люди добрые?

– Хуже не бывает, – невесело усмехнулся Иван, рассматривая мальчика.

– Я знаю, зачем вы пожаловали, и помогу вам в этом. Вода в реке упала, сейчас вы уже не попадете на Чудное озеро. Ушкой пройдет токмо до первой избы, а коли пешком двинетесь, то в болотах потонете. Надобно ждать ледостава. В избе на речке пока пусть побудут стрельцы, их туды дядька Пайза проводит, а вам, дядька Иван, надобно бы в логу пока побыть, с кузнецом Архипом переговорить и с волхвом Никитой.

– Откуда ты мое имя ведаешь, постреленок?

– Так у вас же на сабле написано «Ивану Никитичу за храброе дело», – рассмеялся мальчик.

* * *

Только успел Ибрагим отгрести от берега, как раздался лай псов. Воды Туры, подхватив челн, понесли его вниз по течению. Беглец развернул небольшой парусок, и ветер, наполнив его, придал челноку еще большую скорость.

Стрелы, выпущенные с берега всадниками, уже не смогли достигнуть цели, зато ответный выстрел из пищали ранил лошадь и пробил картечиной ногою одному из воинов.

Весь день небольшой отряд Кучумских джигитов ехал берегом, сопровождая плывущую лодку, но к вечеру, неожиданно развернув коней, пустился прочь.

Ибрагим удивленно посмотрел на пустынный берег: не задували ли чего неладного?

Но повернув ружлом за поворот, увидел множество костров, разведенных на привале отрядом стрельцов.

Татарин смело повернул челн к берегу.

– Я сын боярина Пашкова. Крещеный я, – показав нательный крест, объявил он караульным стрельцам.

Ибрагима провели к воеводе.

– Знавал я боярина Пашкова, с ним Казань брал. Помню, помню, что он усыновил маленького татарчонка, который из воды вытащил его сына Истомку. Но ты ли это, мне неизвестно, может, ты лазутчик кучумовский? – сидя у костра перед стоящим напротив Ибрагимом, рассуждал князь Кольцов. – А то, что крест надел, так это всякий басурманин сможет, шея от этого не отвалится.

– У боярина Пашкова под Казанью конь гнедой был, с белыми чулочками о передних ногах, и кликали его Громом, – напомнил Ибрагим.

– Точно, теперь верю, – хлопнув себя по коленям, улыбнулся князь, – а тут в степях что потерял?

– Кучум селение наше вырезал, один я спасся, кровник он мой.

– И мы хана ищем, присоединяйся к отряду, коня дадим, нам как раз толмач нужен, чтоб плененных допрашивать.

– Езжай, князь, домой, некого более тебе допрашивать, зарезал я вчерась его, – накалывая на веточку кусок мяса и поднеся его к пламени костра, ошарашил Кольцова Ибрагим.

– Да подь ты? – округлив глаза, удивленно вскрикнул воевода.

– На-ка, глянь, – Ибрагим вытащил из-под ватного халата именной кинжал с серебряной ручкой и протянул его князю: – Я дарю его, княже, тебе, мне он не нужен. Теперь стал ханом его сын Алей, его и ищи.

Ибрагим, доев кусок мяса, поднялся с корточек:

– Разреши далее следовать, князь. Путь мне неблизкий, но дозволю нынешней зимой навестить тебя по делу государеву. Да

ярлык мне выписать вели, где указано будет, что выполняю я твое поручение по доставке сокровища атамана Ермака.

– Ты и впрямь ведаешь о месте схрана? Или брешьешь?

– Ведаю, князь, где схоронено, и знаю, что пойдет оно на благое дело – спасение Руси нашей. Зимой доставлю тебе в Тобольск сокровища.

– Я дам тебе охранную грамоту, – подумав, сказал князь, подзывая рукой писца, – токмо шибко-то ей не бахвалься, не каждый воевода ныне друг. Многие Сигизмунду и Владиславу руки лобзали, таким про клад и знать не нужно.

ГЛАВА 104

— Что-то уж больно хмур ты, Архип, да неприветлив, – сидя за столом, заметил сотник Иван.

– Так я не скоморох, чтоб веселить народ знатный, – отозвался Архип из-за печи, наливая мед из бадьи в крынку, и добавил: – Несколько годков назад были уж здесь стрельцы, разбоем промышлявшие по берегу. Потому вас и встретили рыбоеды князя Самары, как врагов.

– А тебя почто не трогают?

– У меня грамота охранная от Ермака Тимофеевича и воевод имеется, что сослужил я службу ратную государю нашему Иоанну Васильевичу и именем его мне да моим чадам до десятого колена вольная дадена. А еще от князя Самары ясак имеется, который разрешает мне жить на его землях. Да кодский князь Итичей, сын Алыча, что ниже по течению правит, благоволит мне. А с моей Ксенией его жена Анна, почитай, подруги. Как обоз идет на юг, так гостинцы шлет ей. Ну и я нож или сабельку откую в подарок князьцу. Вот так и жительствоуем.

– Сам-то откуда?

– С Волги-матушки, а Ксения на Чусовой жила. Меня татары в полон взяли и ее тоже. Я убег, а потом и Ксению выкупил в Кашире на базаре. Ефим с Дону также в рабстве был, в кормчие вышел. Много русского люда уже в Сибири прижилось. Немало казачков, что у Ермака служили, осело по юртам да стойбищам, у же

и дети пошли. Так что с местным людом дружить надобно и зазря не обижать.

– Как не обижать, коли нападают. Моих-то вон более половины положили.

– То князя Самары люди были, казаки их несколько лет назад из городка выбили, вот и бесятся они, а Итичей – он помягче к русскому люду будет, вон и сына Михаилом назвал. Ты бы, Иван Никитич, сходил на ушкуе в Коду, дары бы преподнес князьку да мир укрепил. Все одно вам ледостава ждать, в эту пору на Чудное озеро не пробраться.

– Поди, дело ты глаголешь, Архип. Пищали у меня остались да сабельки от убиенных стрельцов, вот и подарю их.

– Пищали это славно. Но я посоветую тебе, Иван Никитич, грамоту составить о дружбе. А коли печать из сургуча поставишь на ней, то еще крепче станет дружба, так как наивный местный народ – они ведь как чада малые. Я тут нынешней зимой две сабельки отковал. Так у одной рукоять серебряная, а у другой из бересты скручена. Увидал брат Итичей Онжа, что на клинке лось отчеканен, и обиду затаил. Зачем, говорит, мне серебро? У меня его много, ты мне пошто со зверем не сладил саблю? Давай берестяную рукоять, но со зверем, как у брата. Пришлось ему медведя отчеканить на клинке. То-то радости было, аж три оленя зарезали да слопали, в дорогу бочонок стерляди дали и золотишка самородок в придачу.

– Про золото не слыхивал, его и нет, вроде, в сих краях, – почесав бороду и хитро прищурившись, перебил кузнеца сотник.

– А я слыхивал, Иван Никитич. Да не отдает мне его тайга. Который год по одному глухарю бью, а в зобу камешки золотые. И никак не могу понять, где это глупая птица его находит. Да и некогда мне по урману шастать, сено нужно заготовливать. Вода большая ныне долго стояла, трава отросла по подбородок и упала, хоть руками гребь, уж две косы поломал. Лошадь-то сама зимой корм найдет, а коровушку кормить надобно.

* * *

ПОЛЬША

В зале замка находились двое.

Напротив Михаила Молчанова, который ранее служил при дворе царя Федора Иоанновича и был бит плетьюми по приказу Бориса Годунова за ересь и чтение книг заморских, а после прогнан в Польшу неклеймленным на лбу, так как рода боярского, сидел мужчина огромного телосложения, в камзоле иностранного покроя, черного цвета, с ярко-белым кружевным воротничком.

– Встречал ли, Иван Исаевич, ты государя Дмитрия? В народе разные слухи ходят, ведь слух был, что тебя он якобы воеводой назначил, да пропал ты, как в воду канул. А народ о тебе былины слагает. Будто есть на земле воевода из черни холопской, и придет он, освободив люд честной от гнета Васьки Шуйского да от его приспешников бородатых.

– Один раз мы с государем токмо и встретились, Михаил Андреевич, когда он от погони уходил. Но давно это было, лика-то его и не вспомнить. С ним Гришка Расстрига тогда в паре ехал, должник мой. Предал он моего друже Наливайко, которого ляхи схватили да во Львове голову отсекли. Славный атаман был. А этот поганец ушел. Не стал я его при встрече рубить, коль он судьбой приставлен к царевичу Дмитрию. Дал им свежих коней, и мы разъехались. Опосля более и не видались. Я походным атаманом уже был, а царевич при всем люде меня своим воеводой назначил, и руку я ему лобызал, клятву верности дав. Ранен был я тогда в битве с ляхами. Долго лечился. Ушел на Дон и снова был ранен. В рабство угодил, глупо вышло. Пошел рыбу удить да задремал на бережку, а проснулся уж на татарском аркане. В Крыму на галерах гребцом был. Думал, уже и не выберусь никогда, помру от непосильной жизни, но венецианский корабль нашу галеру на абордаж взял. Гонялись они за турками больно шибко, так как те мешали их торговле в Средиземном море. Всегда меня, Михайло Андреевич, на отчину тянуло, хоть и семью завел. Прибрала чума сыночка моего, это и было последней каплей. Уехал я из чужбины. Вот и добрался до Польши. А тут весть дошла, будто бы убили царя Дмитрия.

Молчанов чуть заметно поморщился:

– Спасся наш государь, укрыли мы его и во второй раз. Коли не веришь, глянь грамоту, на ней печать царская. Она тебе писана, что воевода ты царский, набираешь войско супротив Василя Шуйского, койи незаконно государем всея Руси объявлен. А люду скажешь, что государь опосля явится, как войско наберется.

«Жив не жив, а грамота сгодится», – подумал про себя Иван, засовывая ее в рукав камзола.

– Канцлер Лев Сапега желал тебя видеть.

Иван Болотников брезгливо передернул плечами:

– С ляхами дело не веду.

– Ну как знаешь, Иван Исаевич. Поезжай-ка пока в Путивль, там воеводит князь Шаховской, он тебя ждет. А время уж покажет, за кем народ пойдет. Сказывали, в науках ты на чужбине шибко сведущ стал?

– Пушкирное дело постиг. Корабельное. С учением строевым, наступательным, конным и пешим дружу. Итальянский говор уразумел и чтение, через них много творений философских прочел. Знаком был с великим Бруно, токмо сожгли его за ересь звери чернокафтаные.

– Меня тоже Годунов за ересь лечил пшютами.

– Поэтому и пришел к тебе, Михаил Андреевич, поскольку постиг ты шкурой своей через порку милость боярскую и горе народное, а значит, сам хлыстом почем зря размахивать не станешь.

Молчанов, распрощавшись с Иваном, присев в кресло, задумался.

«Ишь, холоп, мышь навозная, а держит себя нагло, как знатный дворянин, сучий сын. Ну, погодь, чернь неприкаянная, Москву возьмем, тебя быстро на живодерню отправим. Лишь бы люд посадский да чернь за тобой пошли. Ты геройством себе славу заслужил, воевода из черни, самый подходящий нам человечица, – довольно потянувшись, подумал о своем товарище: – А то, что Васька Шуйский сослал воеводой Григория Петровича Шаховского, то это его роковая ошибка, как раз в Путивле-то весь сброд и собрался. Он за тобой, холоп, и присмотрит».

* * *

Расстрига пробирался лесами и проселками. Все его планы рухнули, Лжедмитрий уличен и убит. Теперь необходимо было уносить ноги как можно дальше от Москвы, где его помнили как духовника-самозванца. Только Сибирь могла укрыть его от глаз царских соглядатаев.

Ничего, Сибирь большая, там он схоронится до лучших времен. Слава Богу, кошель полон серебряными монетами, да конь

силен и быстр. Выносит он пока Григория от погонь да дозоров государевых. Жеребца он обменяет у вогуличей за камень на челнок и уже водой по Тагилу да Туре до Тобольского острога спустится. И за Архипом-кузнецом должок имеется: не простил Григорий загубленного приятеля Кашигу, ой не простил.

* * *

– Отвянь, курва! – отмахнулась Ксения от медведя Хвомки, который увязался с бабами на болото по ягоды и теперь норовил со спины залезть мордой в плетеное лукошко, чтоб отведать собранную вкусно пахнущую морошку. – Ну, кому я сказала, сучий потрох! – не оборачиваясь, еще раз прикрикнула женщина, оттолкнув рукой морду медведя.

Сильный удар между лопаток отбросил женщину метра на два вперед.

– Ах ты, паскуда! – крикнула Ксения, поднимаясь, но последние слова застряли у женщины в глотке.

Перед ней стоял не годовалый медвежонок Хвомка, а огромный тридцатилетний седой хозяин тайги.

Рамила подняла визг и застучала палкой по луже, но косолапый не обратил на нее никакого внимания. Он стоял и жадно, со свистом, вдыхал воздух, обильная слюна капала из пасти на болотный мох.

До береговых деревьев полверсты, кругом одно болото.

Медведь сделал пару шагов вперед, перевернул носом лукошко и, чавкая, принялся поедать рассыпанные ягоды морошки.

Ксения взяла за руку Рамилю, и, тихонько пятясь, они стали отходить от зверя.

– Только не беги, только не беги, – шептала женщина подруге.

Сожрав ягоды, косолапый подошел к брошенному второму лукошку, но, заметив, что женщины отошли от него саженой на двадцать, быстрой трусцой двинулся к ним.

– Ну, все, прощай, дочка Полинушка, – закрыв глаза руками, Ксения присела на болотную кочку и шепнула подруге: – Беги, Рамиля, пока он меня грызть будет, может, и добежишь до деревьев, залазь на самое высокое. Он грузный, на ствол подняться не сможет.

* * *

Ибрагим уж который день греб вниз по течению. Двое суток назад он вошел из Иртыша в русло Оби. Течение заметно усилилось. Челнок плавно шел руслом, татарин лишь изредка поправлял веслами направление. Река тут мало петляла, да и ветерок был пока южный, так что еще и подгонял челн.

Иногда путник брал деревянный черпак и вычерпывал воду за борт. Она прибывала медленно. Ибрагим это делал, чтоб не намочить пожитки, лежащие на хвойных ветках на дне челнока.

Голову его прикрывала пропитанная дегтем мерёжа¹⁰⁰, не пропускающая через ячею мошку и комара.

В лошадиной торбе из-под овса, надетой через плечо, лежала охранная грамота воеводы. Теперь он государев человек. Он более не Ибрашка, а сын боярский Ибрагим Пашков. И задание у него дюже важное и тайное. Ему велено пробраться в Крым под видом благочестивого знатного мусульманина, якобы посланного астраханскими татарами и ногайцами для купли пищалей, пушек и огненного зелья к ним с целью поднятия восстания и восстановления Астраханского ханства. А после вывезти купленное оружие в Астрахань и хранить, пока не прибудет гонец от князя Пожарского. Гонца он будет знать в лицо, так как сотник Иван Никитич пойдет с ним до Азова, через Казань и волок, что между Волгой и Доном, сопровождая бочонки с сокровищами Ермака.

* * *

Раздался яростный рев, и Ксения открыла глаза. Молодой медведь Хвома, вцепившись в холку старого медведя, болтался на нем, как хорек на быке. Огромный медведь, крутясь вокруг себя, никак не мог достать клыками наглого сопляка, который дерзнул на его добычу.

Женщины тем временем бросились бежать на другой край болота, что оканчивалось невысоким подгорным берегом Оби.

Рамиля, задыхаясь от быстрого бега, показала рукой на русло, по которому сплавлялся челнок.

– Лодка... лодка... руками ... руками... маши...

¹⁰⁰ Мерёжа – отрезок (обрывок) рыболовной сети. Второе значение: не посаженное полотно рыболовной сети.

Ибрагим боковым зрением заметил машущих руками женщин и, развернув веслами челнок, погреб поперек течения к берегу.

Кувыркнувшись через голову, старый медведь наконец-то сбросил молодого. Хвома чуть отбежав, встал в боевую стойку, оскалив клыки.

Медленно выжидая момента для прыжка, огромный зверь приближался к своему юному противнику. Он был уверен, что прибьет его одной лапой. Но взглянув в бесстрашные глаза пестунишки, внезапно остановился. Это были очи подруги, погибшей год назад в охотничьей яме. Медвежонка же унесли люди, которого медведь и искал.

Медведь-отец лег на бок и, стуча по болотному мху огромной лапой, подозвал найденного сына. Хвомка осторожно подошел к старому медведю и лизнул его в нос.

Вечером Хвома в лог не вернулся, и напрасно Ванюшка бегал по берегу до полуночи, клича своего любимца.

ГЛАВА IОS

ИЗБА СОТНИКОВА

— И велено тебе, Иван Никитич, меня и сокровища атамана Еремы сопроводить до Азова. А далее я галерой, как купец, уйду в Крым для закупа оружия и припасов. Через пять зим я вернусь в Астрахань и осяду там, тебя ожидая, — забирая из рук сотника грамоту воеводы, объявил Ибрагим.

— Бочонки с серебром это тебе не полушка, чтобы за ланитой утаить. Как сквозь кордоны татарские провезешь, мнил? — усмехнулся Архип.

— Трохи чайл. Стражу можно нанять из степняков.

— Они тебя и кончат за Доном. Секир башка сладят, покуда поживать ляжешь, — вклеился в разговор Ефим.

— Ага, проснешься, а голова под арбой, — кивнул Никита, поддерживая беседу. — И дорогу определить нужно, как лучше пройтись до крымчаков. Что думаешь, Ефим?

Ефим положил свои натруженные руки на столешницу и, поведя плечами, предложил:

— Мыслится мне, други мои, так вот. Слухай сюды. Весной спускаем мой ушкуй на воду и поднимаемся по Оби к Иртышу, а там идем до реки Исиль и казахских степей, где жительствоет наш знакомый аркар Исатай. Оставляем ему ушкуй на хранение. Лошадьми с охраной верной идем через Тургайскую изложину до реки Яик.

Тама рубим плоты, а мож и лохань какую найдем. По Яику спускаемся в Хвалынское море и ходом до Астрахани. По Волге поднимаемся до Царицына-волока и волоком в Дон попадаем. Проходим Аузак¹⁰¹, платим ясак и переплываем Акденизморе¹⁰². Встаем у турецкой крепости Адис¹⁰³. Бывал я в сих местах. Дюже богатые виноградами и иными яствами. Там легче и оружие снискать. Я сам с тобой, Ибрагим, пойду и сынов возьму, ужо трое верных стражей, почитай, есть. Кресты посымам, а снизу обрезаны мы, так что за татарина я сойду, а сыновья сами татарских кровей по мамке, – расхохотался Ефим и, перестав смеяться, продолжил: – А у аркара Исатая моих гребцов-янычар возьмем, которые с ним в степи ушли. Вот и будет войско крепкое. Тебя же, Ибрагим, нарядим в шелка да бархат, станешь ты у нас знатным базар-баем. У меня печать осталась корабельная от хана Сибири Сейдяка, так что тебе такой талмуд нарисуем, что комар носа не подточит.

Архип улыбнулся и, хлебнув медку, молвил:

– Во. А наши бабы за зиму из китайского шелка вам шаровар да безрукавок пошьют татарских. Хотите, так и паранджу смастерят.

Все дружно вновь загоготали.

– Ну, давай, братья, за Сибирь вольную да за Русь-матушку! – грохнув чарками, воскликнули собравшиеся.

Сотник Иван вышел на крыльцо. Мысль о завладении сокровищами не покидала его голову. И он принял для себя долгожданное решение: «Покуда воля воеводы исполняется, время пройдет. Ждать я умею. Все равно Архип все сокровища не отдаст, наверняка утаит. А воевода или в опалу попадет или помрет сердешный. Прикинусь-ка я покладистым на время...»

* * *

МОСКВА

Царь всея Руси Василий Иоаннович Шуйский, неистово крича, метался в гневе по палате:

¹⁰¹ Аузак – ныне город Азов.

¹⁰² Акденизморе – ныне Азовское море.

¹⁰³ Адис – ныне город Темрюк.

– На лобном месте, на пожаре¹⁰⁴! В центре Москвы! Разбойники! Гиляки¹⁰⁵! Стрельцов побили, дьяка пальнули, отбили семь воров к казни приговоренных! Гуслиеры-слепцы песни распевают о царе добром Дмитрии да обо мне, Ваське Шуйском, упыре! А вы не ведаете?! Споймать смутьянов не можете?! В Путивле Шаховской воду мутит, воеводу призвал из черни – вора Ваньку Болотникова! В Самборе Мишка Молчанов, что печать царскую слямзил, царя нового Дмитрия сыскал! Илейка из Астрахани царевичем Петром Федоровичем назвался, а у царя Федора Иоанновича токмо дочь Феодосия и была, сыновей-то отродясь не было. Царей-самозванцев по Руси развелось пруд пруди, как дерьма за баней! Не успели одного Дмитрия извести, так другой вор объявился. Вас в народе шубниками кличут, так как старого устоя держитесь. Неужто невдомек вам, бородатым, что идет тяжба меж родовитыми боярами с безродными дворянами, которые вольности получили при царе Грозном и не вожделеют с ними расставаться? Вот и придумывают царя за царем, чтобы чернь взбаламутить!

Верные бояре и князья стояли вдоль стен, опустив головы, опасаясь царского гнева.

– Гришка, паскудник, что первого самозванца опознал, убег с вашего соизволения и попустительства. Теперь ищи ветра в поле! Князь Тятелевский, Истома Пашков на сторону гиляков перелет свершили!

Василий Шуйский тяжело опустился в кресло. Бояре и князья молчали, ожидая указаний.

Государь снял с головы бархатный чепец, обнажив залысину, и вздохнул, оглядывая свою челядь:

– Юрий Петрович, бери рать и выступай на Путивль. Разгроми это осиное гнездо, – распорядился самодержец, обращаясь к князю Трубецкому, – а воров Шаховского да Болотникова на аркане в Москву притащи.

– Сделаю, государь-батюшка, как велишь, побью гилевщиков разом, – низко поклонившись, ответил князь. Черные усы его, как у кота, оцетинились от удовольствия за оказанное доверие.

¹⁰⁴ Пожар – Красная площадь.

¹⁰⁵ Гиль – бунт, гиляки – бунтари.

«Самонадеян уж больно, гордыни хоть отбавляй», – подумал о Юрии Трубецком самодержец, о чем сказал дьяку Вязеницкому за ужином:

– Надобно бы приставить к нему кого порассудительнее.

– Ужо приставлен, батюшка, – поклонился дьяк разбойного приказа.

А к бунтарю, князю Шаховскому, уже летел гонец из Москвы предупредить о выходе двадцатитысячного царского войска. Отряды Ивана Болотникова двинулись им навстречу. Силы были приблизительно равны. Узнав, что воевода Баратынский встал вблизи Орла, а Воротынский обложил Елец, Иван Болотников принял решение напасть на отряды Трубецкого, которые расположились лагерем под Кромами, то есть и бить ворога по отдельности.

В ночное время пройдя через заболоченную местность, отряды Ивана Исаевича внезапно напали с тыла, откуда их не ждали. И в пух и прах разбили царское войско.

Холеные усы повисли у князя, когда он возвратился в Москву с докладом. На докладе он был похож на оглушенного сома.

* * *

Григорий натянул поводья. Из ближайшего овражка потянуло дымком. Он ловко спрыгнул на землю и далее повел коня в поводу.

– А я изрекаю, братцы, надобно к воеводе Болотнику пробытаться. Он по Руси подметные грамоты шлет, зазывая в свое войско. А когды бояр да князей изничтожим, землицей пожалует того, кто с ним в несладкий час рядом был, – жарко доказывал рябой мужичок остальной ватаге.

– Здравы были, добры люди, – подойдя к костру, поклонился Расстрига.

– И ты не хворай, коль с добром подошел, – отозвался другой лапотник, снимая котелок с раскаленных углей, – откель путь держишь? Какие вести несешь, мил человек?

Расстрига присел к костру, погрел руки над огнем. Подмигнул второму мужику и, помня подслушанный разговор, объявил:

– Иду я, братья, за камень созывать вогуличей да остяков на помощь народному воеводе Ивану Исаевичу Болотникову, который воюет за вашу жизнь вольную, покуда вы портки возле еного костра протираете. Многие ныне города и остроги хлебом и солью

воеводу встретили, ворота открыли под звон колоколов. И уже к престольной он подошел с боями. Но дюже много боярских сынов да купчин к нему прибилось, которые бузу затевают, не желают волю давать черни. Супротив выхода¹⁰⁶ стоят. Явно предадут оне воеводу нашего, как токмо Москву он возьмет. Потому и иду скло-нять народы северные на подмогу идтить.

Григорий оглядел мужиков:

– Грамоте кто постигши?

– Неграмотны мы, родимый, но ты сказывай, мы послушаем.

– Вот подметная грамота от воеводы Болотникова, а вот эта от царевича Петра Федоровича, что внуком приходится государю Иоанну. Иван и Петр теперича вместе и ожидают государя Дмитрия, который чудом спасся от рук душегубов и теперь в Польше войско собирает.

Мужики заворожено уставились на свитки с золоченой тесьмой и печатью. А Григорий продолжал:

– Один из вас, коли желает народной воле помочь, пушай со мной в Сибирь ступает – в одиночестве мне тяжело будет добираться до Тобольского острога, а остальные шагайте к Москве.

Так и порешили. Молодой парень, лет семнадцати, сев на маленькую серую кобылку, двинулся вослед Григорию, остальные же, собрав пожитки, побрели на запад, к Белокаменной.

Расстрига знал, что в долгом пути необходим попутчик, да и кобылка пригодится.

На востоке вставало солнце, а на западе, запертый в Туле царскими войсками, держал осаду народный вождь Иван Болотников, ждавший подмоги от царевича Дмитрия.

Польские же паны уже нашли кандидатуру Лжедмитрия Второго.

Великая Смута на Руси продолжалась.

¹⁰⁶ Имеется в виду Юрьев день.

ГЛАВА 106

Отец и сын брели по тайге. Хвонка, постоянно задираясь, играючи путался у папашы под лапами. Старый медведь звериным чутьем понимал, что выросший среди людей медвежонок обречен на голодную смерть в тайге. Если не обучить его премудростям жизни, он обязательно пропадет.

Вчера они ловили в ручье поднимающуюся на зимовку рыбу. Пришлось даже шлепнуть непоседу лапой, для того чтоб Хвома наконец-то изловчился, подкараулил и зацепил когтями рыбину.

Оленя, загнанного в кусты шиповника и слегка покалеченного старым медведем, Хвома отказался добывать, а играючи носился вокруг него. Пришлось самому могучей лапой сокрушить жертву. Но все-таки проголодавшись к вечеру, молодой медведь разорвал тушу на радость отцу.

Одно ободряло: от его сына более не пахло собаками и дымом.

Сегодня они набрали на стоянку. Старый медведь обнюхал место ночевки человека. Нет, не то. От лежанки из еловых лап пахло кислым молоком, которым выделывают люди кожу и меховые изделия, рыбой и мокрой шерстью.

Запаха стрелецкого кафтана, пропахнувшего медовухой, лошадиным потом и порохом, который топтыгин запомнил навсегда, попавши в капкан, явно не было.

Хозяин тайги, разбросав ветки и остывшие угли, безразлично двинулся вдоль берега. За ним посеменил годовалый медведь.

Нужно было искать берлогу, ведь в небе уже раздавался гогот перелетной птицы, покраснела листва на осинах. Приближалась зима. Наступала пора заваливаться в спячку.

* * *

Добравшись до зырянской избы, в которой Гришка ночевал прежде, путники, заплатив, устроились на постой.

Узнав от хозяина, что скоро пойдет обоз на Tobол, Расстрига воспрянул духом. Почистил свой затасканный стрелецкий кафтан от дорожной грязи, помылся в бане. За Гришкино отсутствие много чего изменилось. Появились постоялые избы и крытая привязь для лошадей. Видно было, что путь в Сибирь изведен и уже не нов. Ночью проезжали путники в разные стороны. Кои, откушав, отправлялись в дорогу, кои ночевали. Иногда заезжали и гонцы царские, меняли лошадей и мчались далее. Проживали и купцы, ждавшие охрану из наемных людишек.

– Глухомань-то какая, дядька, – пожившись, вздохнул его новый попутчик, выйдя на крыльцо.

– Ты, Еремка, раньше не бывал в сих местах, вот тогда глухо так глухо было, а сейчас людишки туды-суды снуют, кипит жизнь. Дорога в Сибирь протоптана. Водой летом народ шастает и санным путем на Tobол да Обдоры ездят. Постоялые дворы появились, да остроги поставлены.

Пошел снег, Григорий поднялся с крыльца:

– Айда спать, голуба, завтра обоз пойдет за камень, к нему и примкнем.

Накрывшись рогожей, новый попутчик Расстриги Ерема долго не мог уснуть. Мешал звон комаров, которые, почуяв наступающий холод, слетелись в избу, наверное, со всего леса.

Под утро, засыпая, подумал:

– Темный какой-то дядька Григорий, не договаривает что-то. Все думает, думает, с людьми не общается. На лавке может сиднем просидеть целый день. Бежать от него надобно. Да куда? Назад в поместье, где заперют до смерти? Пока обожду, а в Сибири посмотрим.

* * *

КАЗАХСТАН

Валихан сидел на подушках напротив Исатая.

– Я проездом, уважаемый Исатай, хотел поделиться грустными новостями. Оружия, что ждали мы от русского царя, не будет. Царь Борис неожиданно преставился, его сын Федор занял трон да ненадолго. Убит. Его сестрица Ксения в наложницы царю ложному Дмитрию угодила, а после и Дмитрий был убит. На Руси смута страшная, я уж думал, не до нас ей теперь. Ай, нет. Прислал наемни грамоту государь Василий Шуйский, помощи в людях просит. Якобы сидит он осадой под Тулой, а взять бунтовщиков не может.

– Что мнишь, уважаемый Валихан?

– Чаю, что надобно выступить на подмогу Шуйскому. Поможем или нет, но оружие и доспехи раздобудем, под общую неразбериху доставим сюда. Сейчас бухарцы на нас не пойдут, зима на носу. А весной отряд вернется, уже крепко вооруженный. Может, и с нарядом¹⁰⁷ наемным.

– Дело говоришь, уважаемый Валихан, – согласился Исатай, подливая ароматного чая в пиалу гостя.

Валихан, прищурившись, похвалил Исатая:

– Прижился ты, батыр, на нашей земле, традиции народа соблюдаешь. Вот даже и чай правильно наливаешь. Ведь у казахов пить чай – это особый ритуал. В пиалу сначала наливают крепко запаренную заварку на полпальца. Далее наливают молоко, но не до краев. Дополнила налитая пиала означает, что пора гостю восво-
яси. Половина же пиалы – это знак расположения, пока его выго-
нять не собираются. Подавать пустую выпитую пиалу хозяину –
дурной тон. Гость обязательно должен не допить, оставив на дне
немного жидкости. Если приглашенный насытился, то он вправе
перевернуть пиалу и поставить ее на дастархан, и на него никто не
обидится.

– Это теперь моя земля, как и ваша, уважаемый Валихан. Здесь
родился мой сын. Тут я нашел вторую родину, – уважительно по-
клонившись, ответил воин.

¹⁰⁷ Наряд – отряд артиллерии.

– Я пришлю тебе полтумена¹⁰⁸ батыров, выйдете верхом, повозки для оружия и доспехи найдете на Руси, для этого получишь серебро.

Валихан перевернул пиалу:

– Благодарю тебя, Исатай, за радушный прием. Я заберу у тебя пока моего названного внука Ваулихана? Мне кое-что необходимо прочесть и составить документы. Он мне поможет.

* * *

Морозом сковало мелкие речки, хотя по Оби еще гнало шугу, но движение обозов начало налаживаться. Оленьи и собачьи упряжки нет-нет да и заезжали в Сотниковый лог.

Угор вернулся по первому ледку.

– Золотую Бабу я заховал, ни в жизнь не найти, – подойдя к Архипу, шепнул вогул, – бочонки перекатил к ручью и доставил водой в дальнюю землянку. Сорт Лунг совсем голодный, чуть не съел меня, я два оленя подстрелил в дар ему, пока бочонки перекатывал по озеру. Старец ко мне явился в грезах, он и указал, как поступить.

– Чудно это все, Угорка, жительствоваем, как в былине страховитой, – вздохнул кузнец.

– Ну-ну, чем далее, тем страшнее, – согласился вогул, вспомнив Гостомысла, пришедшего к нему во сне.

¹⁰⁸

Полтумена – пять тысяч. (Тумен – десять тысяч.)

ГЛАВА 107

ГРЕЗЫ НИКИТЫ

— Наконец-то пришел. Я ждал, но ты являлся в грезах другим.

— Не мог я ранее тебе явиться. Многое надобно было свершить мне на благо Руси и люда нашего. Ты ведь, Никитушко, руки мои на земле для исполнения цели великой, — ласково улыбнувшись, молвил Гостомysl.

— Не уходи быстро, скучаю я по тебе, — прошептал во сне Никита.

— Не уйду, покуда наказ, как поступать далее, не дам тебе. Что поведаю, так и сладишь.

— А коль не осилю я? Не справлюсь?

— Ах ты, бог Неосил! — рассмеялся ведун, — подмогну я, поправлю, рядом буду. Много ты ныне ведаешь, Никитушко, и малец твой, Ванюшка, которого пестуешь, дюже способный оказался. Гляжу с небес на вас и люблюсь.

Гостомysl взглянул на забитое пузырьем оленя оконце и, вздохнув, молвил:

— Уж рассвет брезжит, коли не успею все наказать, то опосля вновь явлюсь. А когда вызвать меня надобно станет, отыщи в моем скарбе колокольчик медный без тычины. Он не звенит для грешных, а я услышу. Позвони им перед сном.

Старец дотронулся ладонью до плеча Никиты:

– Ибрагим и Ефим с сыновьями пушай идут к туркам за оружием, но с собой Ванюшу нехай возьмут. Пригодится им отрок, так как языки заморские понимает. Он с сыном воеводы Исатая в побратимах, это поможет путникам узнать имя истца¹⁰⁹, которого им приставит бай Валихан. Когда слухача знаешь, легче идти, дабы не оступиться. Отдай ему шар серебряный, коим он пользоваться обучен, ты тут-ка и без него пока обойдешься. А Ванюшка, коли случай представится, способен с помощью шара усыпить бдынь¹¹⁰ и тумену воинов. И пока он с энтим шаром рядом с Ибрагимом, ни один колдун мысли его прочитает не сможет. На русича малого ни татары, ни турки внимания не обратят, мало ли рабов в прислуге у купцов имеется.

– А коль пропадет отрок?

– Не перебивай князя и не перечь, – вспыхнул Гостомысл, но сразу же осекся и продолжил: – Я прослежу за ним. Это не твоя гребта. Ты же уйдешь в урман ближе к Чудо-Озеру. К следующему лету сюды явится Расстрига, отведешь его до Чудо-Озера, нехай бежит за сокровищами на остров по лабзам.

– А как не поверит он мне? И не пойдет со мной?

– Он сам тебя найдет и поведет под самопалом.

Гостомысл вновь мельком взглянул на окошко и продолжил:

– Вчера, выколов очи, казнили утоплением Ивана Болотникова. А защитников Тулы те, кто вышел на милость царскую, уводили в овраги и всех умертвляли. Государь Василий Шуйский нарушил великокняжье слово, дав клятву не причинять зла и не пролить крови гилевщикам, коли они бунт прекратят и сдадут город.

И теперь я не смогу Шуйского защитить и уберечь своими чарами. Нет в нас силы такой, чтоб помогать клятвоотступникам. А смута грянет с новой силой. Придут в Москву ляхи и зачнут там вести себя дерзко, как хозяева, а семь бояр¹¹¹ им потакать станут во всем да сапоги польские лобызать. Дворянское сословие и безродные бояре тяжбу продолжат с родовитым боярством, которое готово посадить хоть беса на московский трон, лишь бы привилегии

¹⁰⁹ Истец – здесь: шпион, доносчик.

¹¹⁰ Усыпить бдынь – загипнотизировать.

¹¹¹ Семибоярщина – боярская дума при польском царе, венчанном на русский престол.

себе оставить прежние. Купчины-толстосумы потянутся за дворянами, так как легче им богатеть при них, притеснений менее, чем от шубников старых. Поднимут они в коей раз чернь на бунт, самим-то, что тем, что этим, свой живот незачем подставлять. Вот и начнет народ меж собой драться, как в побасенке: бояре дерутся, а у холопов чубы трещат.

– Так что же ты, отче, черни власть не отдашь?

Гостомысл горько усмехнулся и, глядя на Никиту, вздохнул:

– Много веков пытался. Но понял, что нельзя черни власть давать, ничего доброго не выйдет от сей затеи. Ну, одолеет чернь бояр да князей, а кто наверху? Опять же, хоть добрый, но царь. А как царь без бояр? А бояр кормить надобно, к работе оне непривычные. Вот и вновь образуются бояре и чернь.

– А казаки? У них же атаманы выборные? Равны все.

– Они равны, покуда одной идеей связаны – борьбой за волю. А волю получают, и у них объявятся зажиточные казаки и голытьба. И повторится все вновь. Так что пока не вижу я лучшего исхода, чем единовластие. Но придет вскоре молодой царь и завершит смуту меж дворянами и боярами. Шубникам бороды порубит топором на пеньках самолично, а стрельцов, оплот старого строя, по Москве развесит. Но ждать этого еще долго.

– Не дожить мне, отче, до тех дней, поди.

– Я тебе уже сказывал, дубина ты стоеросовая! Шарик на кой тебе дадены? Один шарик сто лет жизни в десять переводит. Вот и принимай, утиная твоя голова, раз в век по одному. Да про Ванюшку не забудь, дашь ему следующий шарик, когда ему полвека исполнится. Нужны вы мне тут. Дела впереди зело важные намечаются! – стукнув посохом о пол, раздраженно прохрипел Гостомысл и уже ласково добавил: – Ну, прощай, Никитушко, явлюсь я тебе, когда потребность в том прибудет.

Дверь резко распахнулась, и в избу вбежал Ванюшка:

– Ну, так и ведал, проспал ты, отче! А сам глаголил: «Зорьку не проворонь! Зорьку не проворонь!» Вставай! Бежим на озеро утей палить, пока на крыло не встали!

Отряхивая остатки сна, Никита прошел к кадушке. Плеснул в лицо водицы и, улыбнувшись, ответил мальчику:

– Проспал, каюсь. Бери пищаль в сених, а я утятницу прихватчу. Разом стаю и накроем. Вроде чуял, что ночью гусь гоготал на озере.

* * *

КОМИ

Стрелец отставил самопал, прислоненный у изголовья лавки к стене, в другой угол. Безразлично глянул на спящего разбойника и резко уронил Григория вместе с лавкой на земляной пол избы.

– Вставай, собака, казнь проспшишь, – крикнул второй.

Расстрига поднялся, отряхнул портки и рубаху от земли и, надменно глядя на двоих служивых, рявкнул:

– Чьих будете? Кому приписаны¹¹²?

Но получив оплеуху от огромного, как медведь, стрельца, отлетел в угол.

– Сбирайся, злыдень!

Стрельцы, не разгадав Гришкину хитрость, беспечно повернулись друг к другу, о чем-то заведя беседу. А Расстрига, будто бы перелетев от оплеухи через опрокинутую лавку и упав за ней, крихтя, вытащил из-под дерюги пистолы.

Два выстрела грянули почти одновременно, наполнив дымом маленькую ночлежку.

Григорий накинул кафтан, натянул сапоги и, переступив через стонущих и дрожащих в агонии стрельцов, прошел к двери. Он, подхватив заплечный мешок с гвоздя, забрал стоящий в углу самопал, вышел на крыльцо. Оглядевшись и привыкнув к яркому свету, посчитал стрелецких коней у привязи.

Три.

Положив мешок и пистолы на крыльцо и взяв самопал, Расстрига тихонько двинулся к избе хозяина. Дверь зырянского дома широко растворилась, на пороге показался третий стрелец с саблей наголо. Послав подчиненных в постоянную избу, тот беспечно зашел к хозяину двора пропустить по чарке. И поплатился.

Свинцовый подарок из ствола Гришкиного самопала с шипением влетел в его круглый живот, пробил утробу и, оставив огромную разрывную дыру, вышел навывлет, поразив в грудь зырянина, стоящего за его спиной.

Под клетью раздался стон.

Расстрига заглянул в дверцу под клетью и за ноги вытащил связанного товарища.

¹¹² Кому приписаны? – К какому полку принадлежите?

– Кобылу свою оставь, – крикнул он Еремке, – у нее подкова сломана, по следам отыщут. Хватай коня десятника, и уходим.

Поднимая из-под копыт комья осенней грязи, два всадника с места пустили коней в карьер.

– Откель взялись они?

– Обоз пришли сопроводить до Туры. Подозвали меня и допытываться стали, откуда у нас конь арабских кровей. А зырянин глаголет им, что ты Гришка Расстрига, что розыск на тебя наложен указом государевым, а я с тобой в сотоварищах числюсь. Вязать меня приказал, – кричал на скаку Ерема.

– Более никого зырянин не выдаст, душонка поганая, получил истец мой свинцовый жакан в скворечню, – зло расхохотался Григорий и, стегнув коня плетью, вырвался вперед.

Прижавшись к гриве, чтоб не быть сбитым ветками деревьев, низко нависшими над тропой, вслед погнал коня Ерема.

Всадники растаяли в утреннем тумане...

ГЛАВА 108

Вернувшись с зорьки¹¹³, Ванюшка и Никита отнесли Ксении убитых четырех гоголей и двух гусей. Почистили и смазали в кузне пицаль с утятницей.

Уже выпал снег, но озеро еще не замерзло и своим зеленым пятном притягивало на отдых перелетную птицу.

– Раз гусь пришел, жди мороза, – выйдя из кузни, объявил Никита.

– Да скорей бы, хоть на промысел пойдем, – отозвался Ваня.

– Что, по урману соскучился, Ваня?

– Сваты вчера к Айше приезжали со стойбища, – грустно отозвался подросток.

Подойдя к Никитиной избушке, ведун остановился в недоумении, позвав своего ученика. Куча свежевыброшенной земли указывала, что под домиком кто-то смастерил себе огромную нору.

Ванюшка с радостным криком ринулся головой под нижний венец:

– Хвонка вернулся!

А общий любимец уже всю сосал лапу.

Никита принес лопату и присыпал отверстие под избой.

– Не задохнется? – забеспокоился мальчик.

– Пол-то в щелях весь – так мне теплей и ему дышать есть чем, – улынулся волхв.

¹¹³ Зорька – утренняя охота.

* * *

Старый медведь заснул, не успев завалиться в берлогу. Хвома же ворочался, тыкал его носом, покусывал отцу уши.

Но это былдохлый номер. Батя спал беспробудным сном.

Медвежонок, вспомнив вкусные обмывки¹¹⁴, которые хлебал когда-то из корытца вместе с собаками, вновь попытался уснуть, но в животе у него заурчало, и лапы сами понесли его к людям.

Прибежав в лог, он первым делом сожрал собачью рыблю похлебку и, наевшись, сунулся было под избу Архипа, но, получив отпор от лаек, побрел к Никитиной избе, под которой его и обнаружили.

* * *

– До весны не будить, – присев на крылечко и очищая лопату от глины, улыбнулся Никита.

Обь наконец-то стала, покрывшись, как хребет динозавра, ледяными торосами.

Сотник Иван с первым обозом отправил стрельцов в Тобольский острог, отписав воеводе Даниле Чулкову все свои злоключения, нападение людей князя Самары, заведение дружбы с князем Агичеем. Далее пояснил, что сокровища Ермака найдены, зимой будут доставлены из урмана к Оби, а уж по воде, он, Иван, двинется с ними на ушкуе к Тобольскому острогу. Так же упредил, что воевода Кольцов прислал татарина для сопровождения клада.

Ответ пришел к середине зимы с дьяком, прибывшим обратным обозом. Дьяк вручил Ивану Никитичу письмо от воеводы. Обошел поселение. Произвел перепись мужчин по именам, а женщин по числу, и убыл далее на Север.

– Все по чину у вас. Образа в красном углу присутствуют, но избу-молельню надобно бы возвести к моему возвращению, дабы Ектению¹¹⁵ служить, – распорядился он и прыгнул в нарты.

Не успел скрыться обоз, как из Атлымки на Обь выпорхнула оленья упряжка.

– Принимай бочки с живицей кедровой, – улыбнулся вогул.

Ибрагим, осмотрев бочки, ахнул:

¹¹⁴ Обмывки – вода после мытья посуды.

¹¹⁵ Ектения – церковное моление, заздравное молебствие о государе и о доме его.

– Ты что наделал?

– Смолой залил сверху, чтоб никто не заглянул глубже.

Действительно, толстым слоем застыла сверху драгоценностей смола.

– Вот и объясните дозорным, которые останоят, что якобы смолу в дар крымскому хану везете, – раскурив трубку, улыбнулся желтыми зубами вогул, присаживаясь на облучок нарт.

– А как спросят: на кой ляд сдалась смола в Крыму?

– А стрелы зажигательные, факела? А лодки конопатить пеньком просмоленным? Ни один ворог не догадается про серебро, – отпарировал шаман.

Подошел Никита:

– Верно талдычит Угор, а список серебра мы с Ванюшкой составили еще в пещерах, так что так безопаснее в дороге будет. Для верности же еще штук пять бочонков закажите из Тобольска, до весны накурим смолы. А коли кому в подарок сунуть или для проверки, станете эти бочонки показывать да куски откалывать.

– Я шкуру постелил между живицей и серебром. Ну а ежели и протечет маленько, то оттереть можно быстро выгонкой пихтового масла, у нас целый кувшин его в лабазе.

– Или горилкой, – улыбнулся, вспоминая былую вольницу Архип.

На том и порешили.

А проезжий дьяк с писцом время не теряли. Они провели перепись живущих по берегам Оби народов. Отметили на планах места стойбищ и поселений. Обязали доставлять в Тобольск рыбу и дикоросы.

– Мы-то привезем вам мяса, ягод и рыбы, а взамен что дадите? – спрашивали наивные остяки и вогулы.

– А мы молиться денно и ночью будем за вас, чтоб плодились вы и размножились, – отвечал дьяк, усмехаясь в усы да тряся бородкой козлиной.

* * *

КАЗАХСТАН

К концу зимы вернулся из Руси изрядно потрепанный отряд Исатая.

Из пятидесяти тысяч конного войска до родимых юрт и очагов возвратились всего тридцать сотен джигитов. За отрядом длинной чередой тянулся санный обоз с ранеными и убитыми, с добытым снаряжением, пушками и боеприпасами.

– Мы привыкли биться в степи, а царь Василий послал нас на стены осажденной Тулы. С луками и саблями бежали мы на город, но были встречены огненными залпами из пищалей, самопалов, единорогов и пушек. Когда же рассеялся дым, от нашего передового отряда остались жалкие остатки. Тут же из городских ворот вылетел всадники и нас, пеших, порубили как камыш на саман, а мои батыры ничего не могли сделать. Мы пришли на помощь, царь же бездушно бросил на убой. Шуйский вместо слов благодарности прогнал нас, обозвав трусами, – опустив голову, рассказывал Валихану Исатай, – это не наша война, более на Русь ходить не следует, сами пусть разбираются меж собой.

– Ты совсем стал седой, Исатай, – покачал головой Валихан, подавая наполненную пиалу.

Воин продолжил рассказ:

– Я и Отар подошли с белым платком к крепости, переговорили с воеводой Болотниковым, который вышел на стену, он и разрешил нам собрать убитых и раненных батыров с условием, если я дам слово уйти от стен города. Весь день мы собирали убитых и раненных, грузили их на сани. Воевода сдержал слово, по нам не стреляли. Подняли оружие, свое и чужое, что лежало по полю, как кизяк в степи. Много мушкетов и самопалов, сабель и доспехов собрали брошенных.

– И государь разрешил вам взять все это? – удивился Валихан.

– Ему было не до нас. Русский царь приказал навозить горы дров перед стеной, чтобы сжечь Тулу, но Болотников его упредил, и, когда подул ветер в сторону лагеря царского войска, осажденные подожгли их дрова, пошел огромный пламень, и взвились в небо искры. Загорелся царев лагерь, шатры, запасы сена. Принялись взрывать припасы. Воцарилась сумятица. Пользуясь этим, мы ушли на Казань. По дороге нас часто останавливали отряды повстанцев, но отпускали, так как узнавали, что нас воевода Болотников отпустил с миром, – Исатай, устало и растерянно взглянув в глаза Валихану, продолжал:

– Там сам шайтан не разберет. Царь Василий Иванович осадил крепость царя Петра Федоровича, а на помощь кому-то из них идет

их Польши царь Дмитрий Иванович. Кругом одни цари, кто самозванец, а кто настоящий, сам Алдар Косе не разберется.

– Да, – погладив седую бородку, согласился Валихан, – не сладко на Руси. После Ивана Великого никак поделить власть не могут. Также случилось, когда умер Хромой Тимур.

В юрту вбежал сынок Исатая и с разбегу прыгнул отцу на шею.

– Ты видел моего друга царевича Федора и сестрицу его Ксению?

– Нет, не видел, Ваулихан, – и, поцеловав сына, усадив его рядом, Исатай как можно мягче поведал о судьбе знакомых Ваулихана:

– Убили царя Федора, а сестрицу его, красавицу Ксению, обесчестили.

Ваулихан застыл камнем, не в силах выговорить и слова.

– За что?

– Федора убил тот, который сам захотел стать государем. Потом и убийцу убил другой, который тоже захотел стать царем. И его убьют, так будет всегда, сын мой. Это удел почти всех властителей мира.

С криком: «Я не хочу быть царем!» – маленький Ваулихан со слезами на глазах выбежал из юрты.

– Может, не стоило ему говорить об этом?

– Он джигит и должен знать, как устроен наш мир, уважаемый Валихан, – приложив ладонь к груди и уважительно поклонившись, ответил Исатай.

ГЛАВА 109

ГРЕЗЫ РАССТРИГИ

— **О**тпусти ты меня, старик! Не приходи ко мне более! Исполнил я твой наказ, что еще от меня тебе надобно?

— Более ничего мне от тебя не надобно, — усмехнулся Гостомysl.

— Тогда чаго явился?! — заорал во сне Гришка, извиваясь, дрожа всем телом и покрываясь потной испариной.

— Такие негодяи, как ты, Расстрига, раз в сто лет лет урождаются. А ежели точней, на конце шестого — начало седьмого десятка каждого века. И, почитай, в начале нового века, с их окаянной посули, затеиваются смуты и войны.

— И что с того?

— Посей свое змеиное семя, зачни аспида, и я даю княжье слово, что отпущу тебя с миром и не явлюсь к тебе более, — отозвался старец и продолжил: — На окраине посада, в логу, жительствоует Яга Черная. Промышляет гаданием и ворожкой. Одинокая баба. Туды тебя сами ноги на постой приведут. Вот с ней и совокупись, она давно ждет тебя, уговаривать не надобно. Поживешь лето с ней, а как понесет, можешь идтить на все четыре стороны

— И все? Ты отстанешь от меня?

— Да.

– А коли я поведаю тебе, старик, что иду я Архипа с бела света изжить?

– Я ведаю об этом. Архип сам за себя постоит, – усмехнулся старец, взглянув в глаза Гришке.

– Для чего мое семя тебе, старец? Вроде волхвы зло не сеют?

– От отпрыска твоего и ворожеи через несколько поколений возрастет другой распутный гиль, что новой смуте зачатие даст.

– Так ты ж вроде супротив смуты? Не уразумею я дел твоих.

– А тебе и непотребно разуметь. Твои ворота дегтем крашены, а мои серебром убраны. Когда не справятся те, кого я на трон приведу, твое семя и объявится. А пока гуляй, Гриша, да пей зелья поболее, чтоб наверняка добрый аспид уродился, – громко расхохотался Гостомысл и исчез в вихре серебряных брызг.

Завертелись пузырями вещи в ночлежке, закружились водоворотом половицы. И Гришка, с ужасом вскочив, присел на лавке, выставив вперед руки. К нему через всю избу плыла огромная страшная щука. Он тонул и захлебывался водой, а водица все лилась и лилась ему на голову.

– Очнись дядька, лихоманка тебя бьет, и пена на губах уж, – поливая голову своего попутчика водой из ковша, взмолился Ерема.

Гришка помотал головой, разбрызгивая брызги, как пес, вышедший из воды, и, выпучив глаза, словно рак, попавший в кипяток, обвел бешеным взором стены ночлежки.

– О, приснится же такое, – выдавил он из себя и, хлебнув воды из поданного ковша, вновь завалился на лавку.

* * *

Весной вернулись с промысла Ванюшка с Никитой. Принесли шкурки соболей, лисиц да мелких колонков с горностаями. Не успел протопить избу волхв, как в подполье раздался рев, и проснувшийся Хвома завертелся, ища выход из-под сруба.

Ванюшка, схватив лопату, принялся разрывать косолапому другу выход из-под нижнего венца.

Ксения подхватила с лужайки на руки Полинку:

– Уводите его в лес, вона какой вымахал! Пожрет детей и не подавится! Нашли забаву, а зверь он и в могиле зверь! – крикнула она на мужиков, сошедшихся поглазеть на явление природы.

Лайки, забывшие Хвому за осень и зиму, кинулись на него всей оравой. И медведь бросился наутек, ломая на своем пути, как камыш, мелкие осины и березки.

Собаки отстали, а Хвома бежал и бежал. Лапы несли его туда, куда указывал тысячетный зов предков. Остановившись в урмане, он осмотрелся и принялся. Уловив еле приметный знакомый запах, он вновь бросился со всех лап в гущу бурелома.

Старый медведь ощутил толчок носом в бок, потом второй. Ласково отмахнулся лапой, но, почуяв запах печного дыма, которым пропах молодой медведь, мгновенно проснулся.

Раздался рев, и Хвома пулей вылетел из отцовской берлоги. Хозяин тайги выбрался из своего зимнего укрытия и, посмотрев на непутового сына, потряс седым, отвисшим подбородком.

Хвома подошел и с виноватым видом гордо положил перед старым медведем впервые в жизни пойманного им зайца.

Вечером они уже дружно ловили рыбу в ручье, где стояла Ванюшкина завеса¹¹⁶.

* * *

Ефим и сыновья, спустив на воду ушкуй, подготавливали его в дороге.

Подбили проконопаченные осенью борта, починили местами порванный парус. Водрузили ханский вымпел на корме.

– Ну, совсем татарская галера, кабы не степи, так бы до Крыма и пошел на ней, – прыгнув на берег и присев около Архипа с Иваном, улыбнулся бывший кормчий хана Сейдяка.

– Жаль, что нет в степи такого волока, как на Дон с Волги, – вздохнув, согласился Архип, – видал я, как конной тягой, не разгружая товар, ладьи волокут. Где трудно идет, сало на доски кинут и опять пошло.

Сотник Иван Никитич, сидя на коряге, стегнул сапог прутиком:

– Сало напомнили, черти таежные. Сейчас бы поросеночка жареного. Пошто не держишь, Архип? В Тобольске уже торгуют поросятами на базаре.

¹¹⁶ Завеса – запруда.

– Пробовал. Рыбой мясо пахнет, кормить-то более нечем, рожь и овес самому да коням нужны. Тут еще корова с яловницей¹¹⁷. Нет, не до свиной ныне.

– Дьяку бы сальцем угодил, – хохотнул Ефим.

– Харя треснет, – парировал кузнец.

– Богохульствуешь, Архип, – улыбаясь, ткнул меж лопаток посохом подошедший Никита.

– Ни капельки, хай сами работают, а то повадились тут люд обирать, обжоры толстопузые. Им волю дай, так они и среди болот посошную мзду¹¹⁸ введут, не поморщатся. Но тут им не Русь забитая, тут-ка Сибирь, омутов много, на всех хватит.

– Поостерегся бы ты, Архип, крамольные речи изрекать, – положив на плечо руку, посоветовал Иван, – руки длинные у дьяка Севастьяна.

– Вон, легок на помине, – показав на появившийся парус внизу течения Оби, усмехнулся кузнец, поднимаясь с коряги, – начнет паки благословенные гривны¹¹⁹ выколачивать. Пойду калью¹²⁰ наведу для гостя нежданного, попотчую с дороги.

И Архип, крихтя, поплелся в лог.

– Давай, бочонки на ушкуй сноси, немедля! – спохватившись, крикнул Ибрагим. – Покуда дьяк про серебро не пронюхал.

Грузный дьяк, поддерживаемый писцом за руку, тяжело перелез через борт шнеки¹²¹.

– Ну вот. Пospel управиться. Теперича на ушкуе с вами далее пойду до

Тобольска.

Остяки выгрузили из шнеки мешки с пушшиной и сундуки, а старший рыбоед, подойдя к писцу, протянул руку, требуя платы.

– Там зачтется! – показав на облака, буркнул писец, и оттолкнул надоедливую кормчего, – ну-ка, поди прочь, чудище некрещеное!

Гребцы подняли бузу.

¹¹⁷ Яловница – нетель, молодая корова.

¹¹⁸ Посошная мзда – налог на ремонт дорог.

¹¹⁹ Благословенная гривна – церковная пошлина.

¹²⁰ Калья – похлебка на огуречном рассоле.

¹²¹ Шнека – рыбацкая лодка, иногда под парусом.

Никита чтоб их успокоить, протянул кормчему остяку свой нож.

– Бери и ступай с миром.

Ушкой, развернув парус, с вышитым на нем ханским гербом, отчалил рано утром. Необходимо было использовать Северный ветер. Так как гребцов всего находилось четверо.

На ушке ушли Ефим с сыновьями, Ибрагим, сотник Иван, Дьяк с писцом и Ванюшка.

Медленно набирая ход плоскодонное судно, хлопая по волнам, пошло против течения, навстречу новым приключениям и событиям.

Ефим был опытным кормчим, не смотря на большую боковую волну, он, не мешкая, перевалил через Обь на луговую сторону, где течение было слабее, и уже левым берегом взял курс на Тобольск.

ГЛАВА ПЮ

ТОБОЛЬСК

На стук отозвались. В маленькой избушке слышалось легкое движение. Слюдяные квадратики небольшого оконца изнутри осветились огоньком зажженной лучины. Свет проплыл вдоль окна, и оно опять потемнело. Зато пламень лучины теперь заплясал через многочисленные щели между досками холодной клетки.

Раздался скрип отодвигаемого деревянного засова, и дверца, ведущая из сеней во двор, растворилась.

Кони, которых держал в поводу Ерема, испуганно фыркнув, прынули назад, а у Расстриги екнуло каменное сердце.

В дверном проеме в белой рубахе до пят, с распущенными золотыми волосами явилась дева. Сверкнув в темноте зелеными кошачьими глазами, она, наклонив игриво головку, улыбнувшись, медом пропела:

– Ну, здравствуй, Хриня, давненько я тоби тут дожидалась.

Хриня было попятился назад, но уперся в застывшего истуканом Ермолая.

Несколько черных кошек терлись о ноги ведуньи, мурча и щурясь, поглядывали на цепеневших путников зелеными глазами.

– Проходите, путники дорогие, – еще раз улыбнувшись, предложила хозяйка и распорядилась: – Коней в загон запустите да разнуздайте. Сено там есть, а утром овса дадите.

Григорий, пригнувшись, прошел в низкий дверной проем и по привычке хотел было перекреститься на красный угол, но безвольное опустил руку. Образа в углу не присутствовали.

В спину зашмыгал носом Ерема.

– Да проходите же вы, идолы, всю хату мне выстудите.

Григорий, поставив самопал в угол, снял овчинный тулуп и, забросив его на печь, присел к столу.

– Это тебя люди Ягой нарекают?

– Да. Меня. А вообще-то я Яна.

– Откель приبلудилась в си суровые края, красавна?

Яна кокетливо передернула плечиками и поправив как будто случайно спавший с оголенного плеча пуховый платок, пояснила:

– Кельдинка¹²² я, уродилась в графстве Лопляны¹²³, так что морозами да снегами меня не удивишь. С малых лет сиротой росла, девицей увезена на Холмогоры в Успенский монастырь, токмо от жизни да труда непосильного убегла я оттуда. Опосля подаянием питалась да ворожкой. Примкнула к ватаге Косолапа Хлопка. Чудное время было, мы тогда чуть Москву не взяли, да царь-батюшка нас облапошил. Заслал подметные грамоты, где обещал прощение холопам и вольницу всем гилевикам, коли откажемся от воровства. Смута пошла по войску Хлопка, и ватага разбежалась.

Косолапа споймали и казни предали, а за ним и тех половили, кого якобы простил государь. Меня плетьюми били, а опосля стрельцам бросили для утехи. Бежала на Каму, а далее, примкнув к обозу, сюда пришла.

Местных остяков и вогуличей я речь понимаю, она с моей схожа, татарскому тут обучилась. Вот знахарством и промышляю. Кому погадать, кого приворожу, мужа верну, а то и роды приму.

Яна встрепенулась:

– Ой, что же я вас, гости дорогие, пустым воздухом потчую?! В казанке ушица из налима у меня, – и, взглянув на все еще стоящего у дверей Ерему, хохотнула: – Что встал под полатями? Сватать меня пришел? Проходи, не бойсь, сегодня я малых диток на лоток не сажу. Сытая Яга нынче.

¹²² Кельдь – народность в Финляндии.

¹²³ Лопляны – Лапландия.

– Я на лоток не помещусь, чтоб в печь меня совать, – усмехнулся Ерема и, сняв тулуп, закинул его на печь, – да и не малое я дитятко вовсе.

Яна улыбнулась:

– Ягой меня кличут остяки с вогуличами, я у них золотая баба. Добрая, значит, приносящая удачу и покровительница сирот. Да и ведьма-то, ежели разобрать, не такое уж страшное слово. Ведь – ведать, а ма – мать. Так что и слагается сие, ведающая мать, – выставя миску с вареными яйцами, тараторила Яна, – вы кушайте, кушайте, а я вам медуницы¹²⁴ запарю, с дороги-то усталость дюже хорошо снимает.

* * *

Отряды крылатых гусар в пять тысяч пятьсот сабель встали осадой у острожка Царева Займища, окружив восьми тысячный гарнизон под командованием воеводы Григория Валуева и князя Федора Елецкого.

Русско-шведские войска, выбив Лжедмитрия Второго, из Москвы поспешили на помощь осажденному Смоленску. В упреждение этого Сигизмунд Третий выслал сводный отряд в двенадцать тысяч воинов навстречу русскому войску, составлявшему около сорока восьми тысяч человек.

Гетман Станислав Жолневский внимательно слушал своего тайного советника, который явился по его вызову в шатер.

– Мы заслали в русский стан лазутчиков и купцов, и они продали наемным солдатам по малой цене игральные кости. Лазутчики же разметали письма к воинам Эвета Горна и Якоба Делагирди.

– Что это даст?

– Брат Василия Шуйского больно жаден. Он придержал жалование наемным шведским и французским солдатам, и теперь они получают его только после битвы. Князь вождедеет оставить деньги убитых себе. Но ежели солдаты станут играть в кости, то жалование убитого будет принадлежать выигравшему, а не князю. На этой почве возникнут недовольства среди наемников. В засланных письмах же оговорено, что отказавшиеся воины воевать за московитов, получают право беспрепятственного прохода, а желающие присоединиться к нашему войску будут обеспечены вознаграждением в злотых.

¹²⁴ Медуница – лечебная трава (искусственный мед).

– Не зря тебя, пан Казимир, канцлер Сапега ко мне приставил. Дело ты свое знаешь. И даже в чистом пруду муть поднимешь, – похвалил своего советника Жолневский, – посоветуй, пан Казимир, как поступить. Завтра встретить московитов и биться с ними в чистом поле, или идти навстречу, сняв осаду?

– Если открыто снимешь осаду, у нас в тылу окажутся восемь тысяч русских. Мыслью, что, если ночью оставить семьсот всадников, а остальным скрытно сняться с осады, утром можно напасть на лагерь московитов. Нас в три раза меньше, и только неожиданным нападением можно одержать победу, пан Станислав.

– Так сему и быть, – решил Жолневский.

Уверенные в скорой победе над малочисленным отрядом Жолневского, беспечно распивали ночью хмельное зелье в обозе Дмитрий Шуйский, Якоб Делажирди и Эверг Горн.

– У нас сорок восемь тыщ воев, шапками закидаем, – стукнул по столешнице кулаком царский брат.

– Я Жолневскому шубу песцовую подарю, ведь когда он меня в плен взял, то дал мне рысью! – икая, бахвалился Якоб.

Но польский отряд под утро напал первым.

Рубили летучие гусары, как капусту, полусонных людей, метавшихся в панике по полю. А царский брат все еще пил брагу в обозе. Когда же спохватились знатные полководцы, то уже нужно было уносить ноги. Иностранные наемные воины вышли из сражения, оставив на растерзание русское войско.

Сам же брат царя бежал, утопив своего коня в болоте, и вернулся в Москву побитой собакой на крестьянской кляче.

Царь Василий Шуйский рвал и метал.

Такого поражения царская армия не получала со времен Ивана Болотникова. Пятитысячный отряд польской кавалерии с отрядом в три тысячи пехотинцев одержал победу над сорокавосемьтысячным русским сводным войском благодаря бездарности воевод.

* * *

СИБИРЬ

Яна, подойдя к причалившему ушкую, как бы невзначай завела разговор с подростком, стоящим у сходни.

– Утро доброе. Откуда и куда путь держим?

– Смолу везем степнякам из Кодского княжества.

– На кой она им?

– А почему мне знать? Мое дело малое, я водолив¹²⁵, а не купец.

Шла бы ты, тетка, отсель.

Как бы ни пробовала ведьма разговорить мальчика, не смогла она более с него и слова выудить. И в глаза заглядывала ведунья, пытаясь мысли прочесть. Но что-то мешало ей это сделать. Не поддавался мальчик чарам знахарки.

А хитрый малец, словно издеваясь, стоял у борта, играя шаром на серебряной цепочке. Так и вернулась она с берега, несолоно хлебавши.

Гришка с досады кинул вилы, которыми подавал коням сено, в забор:

– Вот аспид, скользкий? как уж. Ну, ничего, это даже хорошо, все меньше народу в логу осталось. Мне бы до Архипа добраться. А этот щенок сам издохнет.

Утром Яна, сходя к берегу, увидела, что ушкуя уже нет. Расспросив народ, узнала, что вчера на нем прибыл дьяк с писцом, сотник Иван. Сотник ездил до воеводы, и о чем-то долго они разговаривали, отойдя на край двора.

Писец же рассказывал людишкам в кабаке, что везут люди урманские подсочку¹²⁶ аж семь бочонков, удивляясь, кому нужна она в степи.

– Вот коли бы деготь везли, то другое дело, он завсегда в хозяйстве нужен.

Ефим снялся с рассветом и, подняв парус, повел свое судно вверх по Иртышу. Необходимо было спешить, пользуясь половодьем и попутным ветром.

Иртыш, извиваясь, нес свои воды из Китая. Где нельзя было идти под парусом, брались за гребли, а то и тасили бурлацкой тягой.

Через пять дней кормчий завел ушкой в узкое русло Ишима. Приготовили пищали и утятницы. Подняли плетенные из ивняка щиты, прикрывающие путников от стрел.

¹²⁵ Водолив – член артели гребцов, откачивающий ведрами воду из трюма.

¹²⁶ Подсочка – смола хвойных пород.

Несколько раз видели татарские разъезды, выезжающие на высокий берег реки, которые с улюлюканьем срывались с места и исчезали в бескрайних просторах лесостепи.

Попались навстречу китайские джонки. Разминулись с ними без боя. Купцы сами боялись связываться с вооруженной пищалями ватагой Ибрагима. Да и вышитый на парусе ханский герб придавал отряду особую солидность. Возможно, он и спас от нападения всадников, так как еще многие степняки считали хана Сибири Сейдяка гостем русского царя и надеялись на его возвращение.

ГЛАВА III

Разглядев на луговой стороне реки пасущихся баранов, Ибрагим попросил Ефима причалить к берегу.

– Давно пора, – с радостью согласился кормчий, взглянув на уставших гребцов-сыновей.

Ветерок который день кряду дул южный, и команде приходилось грести против течения и ветра. Иногда выходя на берег, заводили якорь, канатом перетягивали ушкой через перекаат. Это было не простым занятием, а непосильным трудом.

– Ванюшка, ты останешься на ушкуе, а мы с дядькой Ефимом да с его сынами разведем, далече ли до стойбища Исатая идтить нам осталось, – распорядился Ибрагим.

Когда взрослые спустились по сходням, подросток ловко втащил их на судно, и, прислонив заряженную сечкой утятницу к борту, внимательно принялся справлять службу, охраняя добро и ушкуй.

– Хорошо я плетку с собой захватил! – вскрикнул Ефим, разглядев, что к ним навстречу бросились со стороны пасущейся отары овец два огромных волкодава.

Огромные псины даже не лаяли – они озлобленно хрипели, припадая на передние лапы, бросаясь на путников. Но выставленные два бердыша и щелканье плетки чуть приостанавливали их пыл.

От юрты, стоящей на небольшой возвышенности, выпорхнул всадник, стуча босыми пятками под округлые бока неоседланной лошади, за которой бежал жеребенок. Он ринулся на помощь путникам.

Пастух, подъехав, прикрикнул на собак, и псы, отбежав, сразу потеряли интерес к своим несостоявшимся жертвам. Скотовод же, ловко спрыгнув с невысокой монгольской лошадки, приложил руку к груди, поздоровался: – аман сыз тостыр, – жестом приглашая богато одетого Ибрагима и его свиту в гости.

– Не ведаешь ли, ты, уважаемый, сколь времени пути до стойбища аркара Исатая?

– Ведаю, я его балдыз¹²⁷, – ответил Отар, – а тебя, уважаемый, я тоже узнал, ты Ибрагим, хозяин постоянного двора на реке Исеть. Мы с отрядом аркара Исатая ночевали у тебя в гостевых юртах много зим назад, когда шли на помощь хану Сейдяку в Искер. Мне Исатай рассказывал, будто ты кровник хана Кучума? Мыслью, простил уважаемый Ибрагим душпана¹²⁸?

– Он меня простил, – гордо подняв подбородок, ответил Ибрашка и, улыбнувшись, похвалился: – Я зарезал его!

Отара с уважением поклонился и пригласил путников в юрту:

– Мой дом – ваш дом, проходите.

– Мы ведь воины только когда в походе, а в мирное время пасем стада и растим детей, – разливая кумыс гостям в кисюшки, пояснил хозяин пастбища, – я пошлю человека, утром он будет на стойбище уважаемого Исатая и известит его о вашем визите, а пока отдохните с дороги, я зарежу барана, приготовлю лагман.

– Благодарим тебя, уважаемый Отар, за гостеприимство, но ночевать нам необходимо на ушкуе, так как на нем очень ценный товар. Мы везем в далекий Крым смолу, я теперь купец, а это моя охрана. Еще со мной едет Жас Дэригер, что лечил сына Исатая – маленького Ваулихана, он остался на ушкуе охранять добро.

– Понимаю, понимаю, – чуть огорчившись, кивнул пастух, – мой племянник Ваулихан будет рад увидеть маленького доктора, он часто его вспоминает. Я счастлив, что передам малышу эту радостную весть.

¹²⁷ Балдыз – шурин (брат жены).

¹²⁸ Душпан – враг.

* * *

ТОБОЛЬСК

Яна, прижавшись к груди Расстриги, лежала, слушая ритм его сильного сердца.

– У нас будет чадо, – прошептала ведунья и вздохнула, – странно, могу гадать и ворожить другим, а сама и не знаю, кто у нас народится. Видать, не дано знать свою судьбу никому из смертных.

– Зато я ведаю, – задумчиво ответил в темноте Расстрига, – народится сын у нас с тобой, от которого пойдет мое племя. Так поведал мне старец, приходящий во снах, будь он неладен. И со слов его, в роду моем примутся рождаться не токмо сыновья, но и девки. Но заруби себе на носу и поведай сыну нашему, чтоб он помнил и передавал потомству своему по наследству, наказ мой, дабы никто в роду не называл отрока новорожденного Григорием, то бишь именем моим. Ибо родится в земле Тобольской баламут почище меня! – вновь вздохнул Расстрига и, усмехнувшись, продолжил: – Мне-то и самому порой не верится, что еще кто-либо, окромя меня, сможет так замутить воду на Руси когда-нибудь. Это ведь я нынешнюю смуту затеял. Лжедмитрия привел к трону. А опосля в аллюр Русь понеслась. Второй батюшка царь самозванный Дмитрий объявился, и третий царь Петр вылупил, как кукушонок у соловья, Сидорка, сын собачий, и тот в цари подался, почитай, ужо третьим Митрием объявил себя, паки грибы пошли государи лапотные, как после дождика. Брат на брата, сын на отца иде. Течет кровушка реками буйными. – Гришка перевернулся на бок. – Вот мы с тобой, Яна, лежим на печи, а Русь до сих пор корезит, и корезить будет, почитай, не один еще годок, покуда мне буйную головушку не снесут. Так нарек старец, будь он неладен.

Расстрига надолго замолк, молчала и Яна.

За русской печью принялся насвистывать сверчок. Заерзал на лавке Ермолай.

– Еремка пушай тут остается, а я уйду до осени, дело есть.

– Еще что выдумал, – встрепенулась ворожея, – я те не олениха¹²⁹ блудная, чтоб каждый кобель огуливал!

– Вот дура баба, да кто ж тебе его в мужья навеливает-то? Окснись, мокша твердолобая! – Григорий хихикнул. – Пойдем-ка

¹²⁹ Олениха – в данном случае: блудная женщина.

ныне мы с тобой к мельнику Остапу, у него шесть девок на выданье, и все переспелки. А сына-то нету-ки. Тяжко ему мешки одному тащить, а нанимать работника накладно уж больно. Вот и схватится он за нашего Ерему, как утопающий за соломинку.

– Остап на все согласен, лишь бы дочерей замуж выдать, токмо жаден он на приданое, – согласилась, успокоившись, Яна.

– Побогаче мельника наш Ермолай. Купцов сопровождали дорогой, плату брали.

– Ага, плату. То-то слышно по острогу, что один из обозов не дошел из Чиги Туры, а сгинул дорогой.

– Цыц? дура, а то придавлю, как вошь одежную, и не посмотрю, что сына моего носишь.

Увидев перекошенное от злобы лицо, Яна сменила тему:

– А как лошадь мельник Остап продал на базаре, слышал?

– Нет. Сказывай.

– Лошадь-то откормленная на отрубях, добротная. Зубы целы, копыта не стерты. Вот и решил он татарам приедем ее сбыть. Она у него желоб вращала да жеребой нежданно стала. Просмотрел Остап, когда к ней осенью жеребец подкрался на выпасе. А тут весна, встала мельница без работы. Деньги нужны Остапу были шибко, вот и повел клячу на базар. Татарин осмотрел, заплатил, цокнул от удовольствия языком, что обманул мельника. Привязал ее к телеге – и был таков.

– А в чем сказ-то? – приподнялся на локте Расстрига.

– А в том, что, когда она у татарина ожеребилась, решил он верхом на ней прокатиться. А та кругами-то и поплыла – прямо-то ходить разучилась, она же округ жернова у мельника всю жизнь проходила.

Раздался хохот Еремы.

Григорий свесил голову с печки:

– Ах ты бестия! Уши наострил? Вот оборву-то я их!

– Ты не сердчай, дядька, изба-то мала, а шторка худа. Да и пошто ваши охи да ахи не послушать, – присев на лавке, потянулся Ермолай. – А жениться мне в самую пору, а то от вашего шурушания на печи хоть до кобылы беги, той, что кругами ходит у татарина.

Теперь прыснула в ладошки Яна.

Григорий развернул ее за плечи и серьезно сказал:

– Старцем поведано: мне или петля, или полынья уготовлена, так что от стрелы и пули я заговоренный, стало быть. Там, куда иду, топить, вешать некому. Когда вернусь, заживем.

– Веревки-то может, и не найдут, а утопнуть возможно, ведь водой пойдешь, – возразила Яна.

– Старец про полынью молвил, а ныне лето, льда-то нету-ка, – рассмеялся Гришка, ловко спрыгивая с печи.

– Надевайте портики, свататься идем.

– Ты мне, дядька, Настену сватай, та покраше и стройнее, я на нее давненько глаз положил, – надевая сапоги, попросил Еремка и хихикнул: – А то сбегу по дороге.

– Ну, Настену так Настену, – согласился Расстрига, – хотя что это за баба, коль я ее поднять могу! – но, почувствовав тычок в спину, осекся.

– Ах ты, кобель драный! Пышную тебе подавай?! – возмутилась Яна, – завтра же на след твой пошепчу, шарахаться от толсто-грудых буш, как кот от блох!

ГЛАВА II2

КАЗАХСТАН

Исатай встретил путешественников радушно. Разместив путников, приехавших на посланных за ними повозках, в двух гостевых юртах, он пригласил Ибрагима к себе на чаепитие.

– Ты приехал вовремя, уважаемый Ибрагим. Через несколько дней начинается конский базар, и на нем можно купить хороших лошадей, верховых и тягловых. А также вам необходимы будут верблюды, их я сам лично помогу выбрать, – узнав о конечной точке намечающегося путешествия, рассуждал Исатай, сидя на ковре напротив Ибрагима.

– Со мной Ефим – кормчий великого хана, и его два сына, ты, уважаемый Исатай, их знаешь. Взял я и Ванюшку, сам он в дорогу напросился, чтоб твоего сына проведать. Нам не хватает гребцов-воинов. На Яике и Волге ныне много разбойного люда появилось. Дикие племена и донцы разбой ведут. Коли не будет надежной дружины, не пройдем мы на Крым.

– Возьмешь своих янычар, они давно собирались к турецкому султану податься, вот пусть с вами и идут.

– Благодарю тебя, уважаемый Исатай. Что будем делать с моим ушкуем? Он на солнце рассохнется, пока мы в Крым ходим.

Исатай отпил из пиалы чай и, поставив ее на дастархан, предложил:

– Возьмите быков, которых приведут на продажу калмыки с Волги. У твоего ушкуя плоское дно. Его можно поставить на три-четыре одноосных арбы. Вот и повезете его караванным путем прямо до Яика. Я дам провожатого, он знает степь, как свои пять пальцев. Дойдете до Яика, там перекресток дорог под названием Дарбаза¹³⁰. Это ворота в Бухару, в Персию, на Арал. Далее уже на ушкуе по реке уйдете на Каспий тенеze. В дороге же, укывшись за бортами ушкуя, вам легко будет отбиться от разбойного люда.

– Ефим сказывал, что мы так попадем в Волгу и мимо Астрахани пройдем на Царицын, где есть волок на Дон, – отставляя пиалу, кивнул Ибрагим.

На улице грянул выстрел из пищали. Исатай с Ибрагимом поспешно вышли из юрты. Ефим, улыбаясь, держал коня под уздцы:

– Конь добрый, сам выбирал. Остальные от выстрела шарахнулись, а энтот как вкопанный стоит, даже глазом не повел. Да и видно, боевой конь, ухо у него саблей срублено и шрам на крупе, видать, в сече не раз побывал.

Исатай усмехнулся:

– Так мне весь табун распугаешь, Ефим.

– Главное – не напугать животину, господин. Я издали пальну, опосля ближе подойду. Так коней и приучу. А коль не приучишь, при пальбе в стремя ногу не вдеть и коня не удержать, начнет, как волчок, кружить с испуга. На кой пуганый мерин в пути сдался, подведет в трудный час, – пояснил Ефим.

Исатай вечером под предлогом проверить дальний табун уединился в степь. Проскакав несколько верст на север, он остановил коня на берегу Исиля.

С того берега ему помахал малахаем парнишка лет четырнадцати. Воин подал знак подъехать. Малец ловко запрыгнул на неоседланную лошадь и, потянув поводья, загнал ее в воду. Кобыла легонько поплыла к другому берегу. Мальчик же, встав ей ногами на спину, чтоб не замочить одежду, нежно хлопнул ее камчой по крупу, заставив животное двигаться чуть быстрее.

Исатай улыбнулся. Когда-то он и сам, мальчишкой, таким способом преодолевал водные преграды.

¹³⁰ Дарбаза – ворота (в данном случае перекресток дорог, ворота в Бухару, на Каспий, Арал). В 1735 году вблизи возникнет крепость Оренбург.

– Господин, слушаю вас, – прыгнув с кобылы, почтенно поклонился подросток.

– Мои гости идут в Крым за оружием. Везут смолу и осетровый клей. Передай уважаемому Валихану, что нужен надежный человек, чтоб извещал нас во время их странствия. Знал степь и ведал дорогу до аула Дарбаза, что на слиянии реки Яик и реки Сакмары стоит.

Балашонок поклонился, ловко запрыгнул на спину кобылы и пустился вплавь обратно на свой берег.

– Ты не боишься волков? – крикнул ему вослед воин.

– Нет, господин, у меня два волкодава и камча! – раздалось из темноты.

И действительно, вскоре раздался плеск воды выходящей на берег лошади и радостный визг собак.

* * *

ТОБОЛЬСК

Мельник был без ума от счастья. Ухватить такого молодца! Да еще не падкого на приданое!

Настена нервно дергала косу и отводила взгляд к окошку, задирая свой курносый носик, как бы стараясь выглядеть безразличной к процедуре сватовства. Ерема краснел и пыхтел.

Зато Гришка с Яной выкаблучивались по полной, распевая в избе напевы и прибаутки.

Мельник заворожено хлопал глазами, словно слушал книгу монаха Сильвестра «Домострой», которую когда-то прочла Яна, еще будучи послушницей.

– У вас – курочка, у нас – петушок, сведем их в один хлевушок! – плясал вприсядку Расстрига.

– У вас – товар, у нас – купец! – вторила ему Яна.

Сговорились скоро. Выпив пятую чарку, мельник хлопнул об стол кулаком:

– Лады! Беру в примаки вашего женишка!

Но тут показал зубы Ерема:

– Это я беру твою дочь, старый хрыч! У меня деньжат на три таких, как у тебя, мельницы хватит.

И тесть с зятем схватились за грудки.

Григорий разнял будущих родственников, оттолкнув пьяного мельника, и шепнул, дав кулаком в лицо Еремке:

– За деньги зачнись, курва! На дыбу захотел, дурень?!

Расстрига бросил на стол увесистый кожаный кошель:

– От меня на свадьбу, на избу пятистенну и домового-сластену.

Мельник, взяв кошель в руки, враз подобрел:

– Сидай, сынку, никоему разу нам ныне лаяться. Вижу, ладный ты и задиристый хлопец. Это хорошо. Настеньку в обиду не дашь и подвор не промотаешь.

Выпили мировую.

Мельник поднялся, снял со стены плеть. Хлестнул по плечам дочери. Развернулся и подал плеть Ереме:

– Отдаю ее вместе с плеткой. Теперича ты хозяин и плети, и женки.

Ерема подошел к Насте и замахнулся, но, встретившись ее взгляд, стегануть не решился.

– Тьфу, тюфяк! – услышал Ермолай за спиной пьяный голос будущего тестя.

И он вновь пошел на обидчика, но Григорий его перехватил.

– Остынь, жеребец, покамест не в своем доме. Отстроишься, опосля качели качать станешь.

ГЛАВА III

УРМАН

Старый медведь умирал.

Хвома крутился возле родителя денно и ночью, принося ему пойманных зайчат и выловленную в запруде рыбу.

Но отец только подносил нос к пище и отворачивался.

Две недели назад его тяжело ранил лось, которого они загнали в бурелом. Огромными рогами сохатый распорол брюхо вставшему на задние лапы косолапому.

Размотав часть кишок на сучках и ветках упавшей ели, старый медведь беспомощно залег.

Хвомка был рядом, периодически отгоняя от отцовских потрохов надоедливых сорок, в преддверии пира стрекотавших на ветвях ближайших деревьев. И только ночью, пока длиннохвостые стервятники спали, мог позволить себе сбегать за добычей.

Две росوماхи, услышав назойливый стрекот сорок, перепрыгивая через валежник, устремились в бурелом.

Птицы в тайге просто так не кричат, тем более сороки.

Повзрослевший за еще одно лето медведь, чуть задремав на солнышке, обнаружил опасность только тогда, когда одна росوماха бросилась на него, а вторая тем временем вцепилась в еще теплые потроха старого медведя и потащила, разматывая по мху, под сваленное дерево. Хозяин тайги вздрогнул всем телом, но боли уже

не почувствовал. Он уходил от потери крови, оставляя своего найденного сына один на один с опасностями и трудностями жизни в тайге.

Через полчаса покусанный и побежденный Хвома понуро бежал от ужасного места, где теперь пировали росомахи.

Его не преследовали. Молодой медведь шел к людям, у которых вырос и провел почти два года. Уж лучше жить с вредными собаками, чем остаться в урмане, где его будут преследовать эти страшные твари-росомахи.

Он не знал, что его двуногий друг Никита идет ему навстречу.

* * *

– Шагай, шагай, – ткнув в спину связанного Никиту стволom самопала, прикрикнул Расстрига.

Неделю назад Гришка, причалив к берегу у выхода Атлым-реки в Обь, принялся караулить. Сунуться в лог Расстрига не решился.

Счастье улыбнулось Григорию вечером: к воде проверить сети спустился Никита...

Расстрига даже не обратил внимания, с какой легкостью волхв поддался и согласился показать путь на Чудо-озеро.

Несколько дней на Гришкиной лодке, а после уже пешком по берегу, они дошли до места, к берегу таежного водоема.

– Шагай! Шагай!

Никита, обернувшись, произнес:

– Куды шагай? Пришли уже. Развяжи, я со связанными руками по лабзам не ходок. У тебя сабелька имеется окромя самопала, а у меня токмо голые руки. Не дрейфь, не сбегу.

Вурдалак, вынув саблю, разрезал путы.

– Ишо кто кого страшится. Напужал, аж под мышками вспотело.

Волхв, растерев затекшие запястья, распорядился:

– Слеги надобно вырубить, чтоб по лабзам идти, ими толщу травы будем проверять, без них здесь никуда. Тута многие века вспять, о чем написано на стенах пещеры жрецами древними, вздыбилась земля, выпуская дух на свет Божий, и большой пламень воздался к небу, было тогды светло на десять верст округ,

почитай, три полных луны бил в небо пламень. Потух пыл, глядь, а там пропасть в преисподнюю. И дна у сей пропасти нет.

– И что далее? – мотая портянку, откликнулся Гришка.

– Далее стекала веками в нее болотная да снеговая водица. Вот и родилось озеро, кое заросло с годами травой – лабзами. Или, как Ефим говорит, плавнями. А провались под них, так и дна не достать. Лабзы сойдутся вновь – и поминай как звали. Пробовали жрецы вожжи спускать с грузом, да, связав вместе двенадцать штук, по двенадцать косых сажень каждая, не достали оне дондышка. Назвали жрецы это озером святым местом и многие лета приносили в жертву золото и серебро.

– Так, стало быть, на дне там золота видимо-невидимо? – заблестев жадно глазами, вновь откликнулся Расстрига.

– Стало быть, стало быть, – согласился волхв, – вот пыхнет когда-нибудь опять озерце-то и выплеснет воду в ручьи и реки вместе со золотом и серебром, потом как грибы собирай. Архип тут болотное железо сбирал по берегу, видать, когда пламень полыхал, жар стоял невыносимый, вот железо в россыпь и оплавилось. Собрал он, что унести мог, в корзину, да домой счастливый и подался.

– А пошто радостный?

– Так что ж не радоваться! Дома ему уголь березовый обжигать да торф перебирать половину лета, чтоб руду сыскать и плавить. А тут, словно ягоды, железо – гребни да гребни. А озеро это опричное¹³¹ – оно два выхода имеет: один ручей, по которому мы пришли, в Обь течет, другой, на том берегу, в Ионесси, – продолжил рассказ каменотес.

– Где это, Ионесси?

– Там, – показал рукой на восток Никита, – по всем ручьям золото и по сей день остяки собирают. Вот и ты бы, Гришка, шел бы стараться, а на остров шибко опасно идтить.

– Веди на остров, а то опять повяжу. Ишь заговорил меня, я аж чувство чуть не потерял с тобой.

– Ну, айда, коли хошь, токмо след в след ступай за мной, – пожав плечами, согласился волхв.

Мысль отыскать сокровища Ермака у Расстриги перевесило желание отомстить Архипу.

¹³¹ Опричное – особенное.

«Никиту я опосля тут пришью, а до Архипа на обратном пути доберусь, – принял решение Гришка, – вот только нож сапожный где-то посеял. Придется саблей рубить волхва, а ей в пещере шибко не размахнешься».

* * *

Ксения, сходяв по воду, поставила полные ведра у крыльца, закрыв их деревянными крышками от лаек.

– Ну-ка, подь, шельмы! – прикрикнула она на сбежавшихся собак, замахнувшись коромыслом, – на реку ступайте, там воды много, не для вас корячилась!

Пройдя в кузню, где работали Архип с Максимом, присела на скамью:

– Кажись, беда, Архипушка.

– Ты это к чему, матушка? – откладывая кувалду, утерев тряпницей пот с лица, поинтересовался кузнец, присаживаясь рядом.

– Никита пропал.

– Мож ушел куды, не малец же.

– Нет. На берегу следы от челнока чужого.

– К осякам на юрты подался, оленей лечить.

– Нет, Архипушка. Следы сапог с каблуками и шпорами, кои стрельцы носят. Видно, что барахтались по берегу, и волочения след по няше остался к лодке.

* * *

Вогул ночью через сопки ходил на стойбище, а к утру вернулся.

– Видел осяк по имени Сарыч, как чужая шнека проходила наверх по Атлымке. Никита связан был, а за греблями стрелец сидел. Глянь, Архип, – протянул кузнецу нож Угорка, – на берегу нашел.

Кузнец подошел к оконцу, лицо его передернула легкая судорога.

– Гришка Расстрига это. Вернулся, стало быть. Его это нож. Я этот ножик в лодку кинул, когда его связанного от берега отталкивал. Тогда еще удивился, вроде стрелец, а нож бухарский. Такие ножи узбеки в сапогах носят. Быть беде. Он Никиту к Чудо-Озеру

погнал, дорогу к сокровищам Ермака Тимофеевича показывать. Собирайся Угор, может, нагоним.

К закату Архип и Угор, гребя по очереди, пустились вослед Григорию.

* * *

Ваулихан и Ванюшка, сидя на обрывистом бережке, удили рыбу. Поплавки из гусятных перьев периодически сносило течением, и мальчишки, одновременно подняв удочки, смастеренные из таловых веток, перекидывали снасть выше, ожидая поклевки. Изредка с громким кряканьем пролетали над водой селезни.

– Ныне Исиль сильно разлился. Все утиные гнезда затопило, яйца намокли и пропали. Вот и ищут селезни утей, чтоб по-новому на гнезда они сели, – рассудительно проговорил Ваулихан.

– Молодец, все подмечаешь, а вот что червя у тебя уже слопали, не узрел, – рассмеялся Ванюшка, беря удочку из рук друга.

– Я дам тебе в дорогу чапан¹³² и колшатыр¹³³, – не обращая внимания на насмешку друга, пообещал Ваулихан. – Лето-то будет холодное и дождливое.

– Пошто знаешь?

– Вороны ныне гнезда на деревьях с юга свили, значит, тепла мало будет для птенцов. Вороны благоразумные, их не проведешь. Когда лето жаркое, они с севера вьют, чтоб птенчики на жаре не высохли.

– А у нас в урмане я и не видывал, где они вьют гнезда. Прячется ворон от постороннего взора.

Ванюшка взгрустнул, вспомнив Чудо-Озеро, седого ворона, ма-тушку, брата с сестрой, Архипа и Никиту с Угором.

* * *

Мудрый ворон, сидя на ветке разлапистой ели, наблюдал за двумя путниками, ступившими на марь¹³⁴ у берега озера. Хоть и поседел ворон за несколько веков жизни, но зрение у него было отменное.

¹³² Чапан – длинная верхняя одежда.

¹³³ Колшатыр – зонтик.

¹³⁴ Марь – заболоченный редколиственный лес.

Первый человек, в длинной рубахе, тыча слегой впереди себя, шел уверенно, как будто бывал он здесь. Позади него, обвешанный блестящим оружием, след в след двигался другой муж. Второй не смотрел по сторонам и не оборачивался, стараясь попасть в след впереди идущего путника.

А зря. Ведь третьим на отдалении в полверсты крался за ними медведь-двухлеток. Хвома два дня назад заприметил движущегося навстречу своего пестуна Никиту и хотел уже было кинуться к другу, но, разглядев незнакомого человека позади волхва, поостерегся, припал на лапы и укрылся за кустом шиповника. Пропустив путников, мишка крадучись последовал за ними.

Сорт Лунг пошевелил хвостом, почувствовав едва заметные колыхания на поверхности озера. Он, как паук в паутине, различающий колебания каждой нити, лежа под лабзой, карауля случайную добычу, одновременно грелся на отмели. Но последнее время столетней щуке не везло. Две схваченные утки, которые во время линьки беспечно выплыли из камыша на плес, давно переварились в бездонной утробе стокилограммового чудовища.

Сойдя с отмели, злой дух, махнув хвостом, ушел в черную бездну кратера. В нашем мире не бывает бесконечности и бездонности. Так и у Чудо-Озера существовало дно, и в самые голодные времена Сорт Лунг спускался вниз.

Он разыскивал в иле вымокшие скелеты принесенных когда-то в жертву животных и людей. Благо, что щучья желчь способна переварить даже гвоздь.

Злой дух из глубины разглядел прогибающиеся лабзы под стопами идущих по ним людей. Он выжидал момент, чтоб молнией броситься на жертву и утянуть ее в бездну.

Наглость медведя поразила мудрую птицу. Он шел безбоязненно по бывшему горельнику, в то время как другие урманские звери обходили владения ворона стороной. И пернатый страж, громко хлопая крыльями, ринулся в атаку на непрошенного мохнатого гостя.

– Кар!

Хвома, почувствовав на своей покусанной росомахами холке холодные когти ворона, рывкнул на все болото, бросившись к берегу.

Туманная утренняя гладь водоема эхом подхватила рык, разнося его по кочкам и плесам.

Расстрига оступился, провалившись по бедро одной ногой в плавни.

– Руку дай! – крикнул он Никите.

– Зачем? – присев на кочку, зло улыбнулся волхв.

– Давай, говорю. А то из самопала пальну!

– Замочил ты порох, не пальнет он. Ты думаешь, что с немощи своей поддался я тебе на Атлымке? Нет, Гриня. Увел я беду от Архипа.

Гришка выпучил глаза. Кто-то огромный схватил его ногу чуть ниже колена и потащил в бездну...

– Руку подай. А! Помоги! – уходя в пучину, завопил обреченный. – Не подам. Лишний ты на земле нашей.

Никита подошел к еле-еле заметной майне, из которой еще мелкими пузырьками выходил воздух. Поднял самопал. Отряхнул траву со ствола и тронулся в обратный путь.

Над ним, громко каркая, летал старый ворон. А по берегу прыгал медведь, косясь на парящую в облаках мудрую птицу, боясь кинуться в болото навстречу своему другу.

* * *

Угор опустил весла, перестав грести, и одним из них толкнул спящего в лодке Архипа.

– Просыпайся. Жив Никитушко. Вона на мысу стоит с Хвемой своим.

ГЛАВА II4

КАЗАХСТАН

Когда мальчики вечером возвращались с рыбалки на стойбище, неожиданно их внимание привлек женский крик.

– Мама? – испуганно вскрикнул Ваулихан и, отбросив удочку, побежал на крики. Ванюшка метнулся за другом.

У входа в саманную кошару стояла Ботагоз.

– Корова растелиться не может, а Отар с Исатаем на дальний выпас уехали ночью, – бессильно опустив руки, присев на жердину конской привязи, всхлинула женщина.

Фыркнула привязанная лошадь, подпуская жеребенка к вымени.

Ванюша с Ваулиханом забежали в кошару и, чуть привыкнув к полумраку, разглядели корову, привязанную напротив выхода.

Животное бессильно мычало. Из глаз катились крупные слезы. Ваня, осмотрев, подозвал Ваулихана.

– У теленка нога подвернулась. Он так не выйдет, и корова издохнет вместе с ним. Ты же хотел уметь делать, что умею я?

– Да, я желал быть таким как ты.

– Тогда суй руки и выкрути копыто, чтоб оно вышло наружу.

– Куда? Туда?

– Туда! Туда!

– Я боюсь.

– Делай, говорю, – толкнув мальчика к скотине, прикрикнул на друга Ванюшка.

Ваулихан, сморщившись от брезгливости, оттолкнул вовнутрь голову теленка и запустил обе ручки в вязкую теплую слизь.

– Я нашел вторую ногу!

– Выворачивай!

Ваулихан, вытащив ногу, отбежал от коровы. Его вырвало.

Животное уже вконец обессилело и не могло отелиться без помощи людей.

Ваня решительно накинул петлю на ноги теленка, затянул узел вожжей и, разматывая их, выбежал из кошары.

– Госпожа, ведите скорее сюда лошадь! – показав на оседланную кобылу Отара, привязанную к жердине, крикнул маленький лекарь.

К счастью, Отар, уезжая, оберегая подсосную кобылу, оставил ее на стойбище, взяв свежего коня из табуна.

Ботагоз, сообразив, что от нее требуют, подвела кобылу к шаре. Мальчик, зацепив конец вожжей за лучку седла, быстро повел под узды кобылу прочь от выхода.

Вожжи натянулись.

Плюх! И теленок выпал на сено.

– Несите соль, нужно посыпать ее на бычка, чтоб корова его облизывать принялась, – отвязывая вожжи от седла, продолжал распоряжаться Ваня.

– Ой-бой! Там второй теленок идет! – выскочив из кошары, крикнул испуганно Ваулиханчик.

– Ноги вышли?

– Да, обе.

– Перевяжи петлю на второго!

Кобыла вновь потянула вожжи, и через несколько мгновений раздалось: «Плюх!». Второй бычок упал рядом с братом.

– Ол егиз бала тапты!¹³⁵ – обрадованно вскрикнула Ботагоз, заноса чугунок с солью в помещение. – Это к счастью!

Ваулихан, помогая матери, благодарно посмотрел на стоящего в сторонке Ванюшку:

– Если ты бы не крикнул, я никогда не решился бы залезть туда руками.

¹³⁵

Ол егиз бала тапты! – Она родила двойню!

– Куда?

– Туда!

И мальчишки звонко рассмеялись.

Ботагоз наигранно, но с гордостью за своего сына, прикрикнула:

– Аузга жап¹³⁶, бесстыдники! – а обратившись к Ване, поблагодарила: – Спасибо тебе, Ванюша, Ваулихан – сын степей, он должен уметь это делать. А про соль я ведь и сама в первый раз узнала.

– Олененка так посыпают остяки, чтоб его лучше оленица вылизала и он бы скорее высох, не замерзнув в тундре, а у ней молоко пошло, – беспечно отозвался мальчик, рассматривая гнездо ласточки, откуда гурьбой высунулись птенцы к подлетевшей с жучком в клюве матери.

Вернувшись с выпаса, Исатай и Отар в честь сына прошедшего испытание скотовода накрыли большой дастархан, позвав на праздничный ужин всех людей, находящихся в стойбище.

Ефим, принимая пиалу у Ботагоз, благодарно поклонился, обернувшись к Исатаю:

– Господин, я обучил твоих людей нарядному делу. Пушки, заклепанные охотниками Болотникова, я починил. Славно, что вы их привезли из похода. Они шибко сгодятся вам в сражениях супротив джунгар и бухарцев.

– Можешь показать старание моих воинов на деле?

– Да, господин. Наряд установлен в ложбине, пушкари готовы и ждут команды, когда ты и гости придут созерцать их промысел.

– Ну, тогда не будем откладывать! – воскликнул, как мальчишка, Исатай, поднимаясь с ковра.

Спустившись в лог, все приглашенные на той госте встали чуть позади выстроенных в линию четырех пушек и учеников кормчего.

Ефим, показав на поляну перед крутым яром, где были воткнуты в землю шесты с плетеными ивовыми корзинками наверху, изображающие строй пехоты, объявил:

– Это пеший порядок, копыеносцы и лучники.

– А там конные воины, – повернувшись чуть в сторону, пояснил он, указав на ряд плетеных щитов.

– И шатер воеводы на холме? – догадался Исатай, разглядев на яру наспех собранную старую юрту.

¹³⁶ Аузга жап – закрой (прикрой) рот.

– Он самый, господин.

– По пешим – пали! – дал команду кормчий, и новоявленные пушкари поднесли фитили. Грянул залп четырех орудий, обзор заволокло дымом, и грохот эхом покатился по берегу Исиля. Когда дым рассеялся, наблюдатели восторженно охнули.

Шесты с корзинками, изображающие пеших воинов, разметало по поляне, как прошлогоднюю листву при урагане.

– Банить! – подал команду довольный стрельбой своих учеников Ефим.

– Заряди!

– На конницу цель!

– Пали!

Грохнул залп, и вновь поляну заволокло дымом.

Из сорока щитов на поляне осталось стоять не более десятка.

– Остальных аскеры добьют! – вскричал, блестя глазами, кормчий.

Он сам подготовил одну пушку к выстрелу.

Примерился к шатру и подозвал Ваулихана.

– Ну-ка отрок, пальни по царю бухарскому!

Мальчик бесстрашно поднес фитиль.

Грохнул выстрел. Ядро, шипя, полетело в направлении вражьего шатра.

У Ваулихана заложило уши. Он не слышал восторженные крики гостей, но догадался, что попал.

* * *

Переждав июньский и июльский зной, гости Исатая принялись готовиться в долгий путь. Скобами скрепили продольные лаги, собрав широкую и крепкую арбу на шести расширенных осях. С помощью веревок и верблюжьей тяги затащили на платформу ушкуй, предварительно просмолив дно и уложив шкуры между дном и досками настила.

Ефим лично проверил кожаные ремни, стягивающие плавсредство. Отар привез под питьевую воду несколько глиняных кувшинов, оплетенных ивовыми ветками.

Прибывший проводник, Гаджибала, или, как его называли в народе, Гаджи-Ата, сухой старик с бельмом на глазу и синеватой

кожей лица, показал Ибрагиму, нарисовав прутиком на песке, предстоящий путь.

– Это Ат-базар. У озера Кушмурун – аул моего родственника по жене, там будет большой отдых. Далее идем берегом Тобыла к реке Орь. А там и Яик в две луны перехода. После рекой пойдете одни, без меня, я уведу назад быков, верблюдов и арбу.

Сердце у Ефима забилося: «Дон, родимый и вольный Дон. Сколь же лет не поил я коня твоими водами? Как далек к тебе мой жизненный путь! Живут ли там по сей день вольные люди казаки? Кто атаманом в городище? Вспомнят ли удалого казака, Ефимку Сову, земляки?».

– Почему у старика синее лицо? – поинтересовался как-то Ванюшка у своего друга.

– Он из Индии. Дедушка рассказывал, шел Гаджи-Ата когда-то с караваном. Но на купцов напали джунгары, и воины не смогли защитить негоциантов. Многие погибли, его, раненого, нашли дедушкины батыры. Так он остался в степи. Старик Гаджибала очень сведущ, он разбирает древние надписи на мавзолеях и рукописях. Может прочесть мысли у любого. Говорят, он уже не помнит, сколько ему лет. Гаджи-Ата пестовал меня зимой, когда я гостил у деда. Он великий воин и умеет кидать железные бублики. Если желаешь, пойдём, я попрошу его показать.

И мальчишки, поднимая пыль босыми ногами, наперегонки побежали к юрте, где гостевал индус. Перед юртой Ванюшка незаметно вынул из кармана портков серебряный шарик, данный в дорогу Никитой, и повесил на шею, спрятав его под рубахой.

– Заходите, заходите. Я знаю, что вы тут и подглядываете, – раздался хриплый голос Гаджибалы.

Дети, обтерев ступни о кусок бараньей шкуры, лежащей при входе, прошли в юрту.

– Мы пришли попросить тебя, Гаджи-Ата, показать, как ты мечешь бублики.

– Для начала вы должны отведать с моего дастархана угощения, так требуют восточные обычаи. Любой, кто зашел в твой дом и отказался принять пищу – может пребывать врагом твоим. Принявший же пищу не имеет права нанести тебе зла, – выставив перед ребятами поднос со сладостями, пояснил старик и улыбнулся. – Это не бублики, Ваулихан, которыми угощал тебя русский царевич Федор. Сие оружие называется чакра. История вымысла

чакры окунается корнями в глубокую старь, – достав из сумки железный плоский круг с отверстием в середине и краями, отточенными в остроту бритвы, начал рассказ старик. – Жил в одной из далеких деревень мастер. Выливал и ковал железо. Мастерил лемеха для сох, удила да всяческую сбрую и утварь для жителей. А также в свободное время плавил украшения женщинам селения.

Принес ему однажды незнакомый монах из горного монастыря корзину, полную мыс кенэ¹³⁷, запросив небольшую цену при этом. Говорил, что обошел много селений и нигде сбыть не мог, а в монастыре люди голодом маются. Обворожил он мастера, забрал плату и ушел. Очнулся от чар колдовских коваль только тогда, когда монаха и след простыл. Отставил мастер корзину в дальний угол и забыл про нее. Тут не до нее, землю пахать нужно, сохи оббивать железом. А железо плавить нужно. Мягкое оно тогда было, а земля каменистая, – подливая кумыс в пиалы мальчикам, продолжал Гаджибала. – Вот и приходилось мастеру перековывать да латать раз за разом. А тут дочь старейшины наведалься, попросила ожерелье отлить. Вот и вспомнил про руду умелец. Взялся он отливать, а руда-то не плавится.

Понял мастер, что обманул его монах, говоря, что через сию покупку прославится он на веки. Вскричал: «Мынау мыс шайтан!»¹³⁸ – и высыпал всю корзину в расплавленное железо.

Отковал он наутро из остывшего варева обойку на соху, закалил да поменялся на два петуха с хлебопашцем. День селянин пашет, два, а на правку соху не несет. Пошел сам мастер в поле, где двумя быками землю землероб поднимает, осмотрел лемех, а на нем ни царапины, ни зазубрины. И осознал мастер, что не обманул его монах. Так родилось железо, которое не гнулось и не тупилось. Вот из него-то и изготовлена чакра и мой меч, – похвастался старец, – сам Александр Великий, вождевший покорить Индию, на реке Гидаспу вступил в битву с войском царя Пора и разбил его, и пленил царя раненым. Но каково же пребывало изумление греков! На доспехах раненого царя не имелось не единой засечки от стрел и мечей греческих. Мечи же индусов рубили доспехи воинов Александра, как бересту. Воинам Александра приходилось в битве отходить в задние ряды и точить мечи, так как тупились они о

¹³⁷ Мыс кенэ – медная руда.

¹³⁸ Мынау мыс шайтан! – Это медь дьявола! (Никель)

мечи индусов. Взволновалось войско, отказалось идти далее вглубь Индии, так как не слоны теперь страшны были, а невиданное грекам крепкое оружие. В том числе и чакра.

Старик кряхтя поднялся и, улыбнувшись, предложил:

– Ну, айда, покажу, как летает мой бублик.

Выйдя из юрты, Гаджибала осмотрелся.

– Наденьте на шест, – пнув ногой плетеную корзинку, распорядился индус.

Ребята побежали исполнять указание. Воткнув в землю шест с корзиной, они кинулись назад.

Дождавшись, пока мальчишки вернутся, старик надел чакру на два пальца, раскрутил ее и ловко пустил в сторону шеста. Древнее орудие как бритвой срезало шест прямо под корзинкой, улетев дальше.

– Вот так грекам и рубили головы, – усмехнулся Гаджибала, – потому и облек испуг непобедимую рать.

Дети с радостными возгласами побежали искать в полыни и ковыле упавший железный бублик.

– Не порежьтесь, остра она, – крикнул вдогонку индус.

* * *

Старый Валихан, лежа на подушках, читал письмо, доставленное голубем, от Гаджибалы.

«Люди пришлые имеют бочонки в своем имуществе. Один при мне был уронен наземь и развалился. В нем оказалась смола, кою собрали и, подтопив, залили назад тут же. Приманил мальчика, следующего с ватагой, дабы выведать его чаянья. Но по очам прочесть мысли не удалось, как будто оберег у него какой. Завтра выступаем. В дороге буду отсылать голубей с вестями. Кланяюсь в ноги. Твой верный слуга Гаджи.»

Дождавшись попутного каравана из Китая, наши герои двинулись в путь.

ГЛАВА IIS

В ставке польского войска, расположенного лагерем у осажденного Смоленска, царило оживление.

Шведские наемники, установив щиты, защищающие от ядер и пуль русских, затеяли рыть подкоп для подрыва одной из башен. Король лично контролировал работу копателей и был недоволен их медлительностью.

Лев Сапега, поклонившись, обратился к Сигизмунду.

– Наш осведомитель из Сибири известил, что в Крым послами к Селямят Гирею отправлены нарочные люди с целью скупки оружия и поддержания смуты супротив царевича Владислава.

– Но Селямят Гирей почил, отдав душу Аллаху, и его трон занял приемный сын Джанибек Гирей?

– Воеводы Тобольска не признают семибоярщину. И вошли в сговор с вором Ляпуновым, какой ныне готовит возмущение в народе и мятеж супротив Речи Посполитой. Пан Юзеф Шимчинский из посольской избы донес, что человек, передавший сведения о послах к крымскому хану, пропал, словно в воду канул, только успев лишь переметнуть тайную грамоту с обозом из Тобольска в Казань.

– Этому человеку можно верить?

– Да, ваше величество, он был при царе Дмитриии и много сделал для короны.

Сапега развернул свиток, вынутый из рукава камзола, и прочел:

– Посланцы имеют золото и серебряную утварь, промышленную еще атаманом Ермаком Тимофеевым при взятии Кучумских городишек Чиги Туры, Узгуна и Искера. Коим путем поедут послы в Крым и под чьей личиной, не известно. Но наказано им приобрести и доставить в Астрахань осадные орудия, без коих не взять гилевщикам Москвы и других городов, также велено им добыть мушкеты да фузеи. Старшим послом является названный брат сына боярского Истома Пашкова, Ибрагим. Сам же боярский сын Пашков был с самозванцем Дмитрием, а опосля переметнулся к Шуйскому. Сказывали, будто приемный сын боярский Ибрашка зарезал Кучума, чем и кичится он да бахвалится. А перехватить посланцев мыслью надобно в Казани, ибо другого пути к Царицыну и волоку на Дон нет. Коль я шибко потребуюсь Его Величеству, найдите Ягу-ворожею, что в логу коло мельницы жительствоует. Она сведает, где меня сыскать. Григорий.

На следующий день по случаю приезда из Москвы гетмана Жолкевского король Сигизмунд собрал в походном шатре всю польскую военную знать. Он праздновал в душе победу. Русь теперь принадлежала польской короне.

А гетман вдобавок привез вместе с трофеями еще и знатного пленника. Да какого! Русский царь Василий стоял перед королем Польши и Литовского княжества безмолвно и неподвижно. Праздничное настроение гетмана Жолкевского, встреченного польской знатью, как героя, было вконец испорчено, когда вопреки ожиданию поклона Василия королю, пленник такого уважения не проявил.

И шляхта зашумела, требуя от Шуйского поклониться. На что Василий ответил:

– Никогда царь московский не кланялся королю польскому. И пленил ты меня не в сече бранной и равной, а был я предан да выдан тебе изменниками и клятвоотступниками, боярами моими переметными, кои как шелудивые псы теперь питаются огрызками со стола твоего.

Не вышел праздник у Сигизмунда. Король надеялся на покорность последнего потомка великого Рюрика и с помощью его воли рассчитывал склонить русских к сдаче осажденного Смоленска.

Он махнул рукой, давая понять, что пленник ему неинтересен, и Василия Шуйского увели.

– Указываю. Вывезти в Варшаву царя Василия. Да братьев его Дмитрия с Иваном тоже. Заточить в замок и ждать моего возвращения, – распорядился Сигизмунд, – а коль по дороге не одумается и не покорится, согласившись присягнуть мне на верность, не жить всем. – И, повернувшись к Сапеге, он поманил его отойти в сторону.

– Отправь Юзефа Шимчинского в Крым, пускай расстроит сговор хана с Сибирским воеводством, заручится дружбой с Джанибек Гиреем, – распорядился король, – отбери лично из русских трофеев дары, а от меня грамоту завтра получишь у секретаря для пана Юзефа.

* * *

Ливень обрушился неожиданно.

– Как из ведра! – забежав в избу, нагнувшись и отряхивая с одежды струйки воды, усмехнулся Архип, – и в аккурат на Гавриила¹³⁹ угодил.

– Знамо, осень дождливая выдастся, – откликнулся Никита, чиня сеть.

– Могучая гроза ныне, – крестясь, увидав вспышку молнии в слюдяное окошко, откликнулась Ксения. – Немедля жажнет!

И, словно в подтверждение слов женщины, с огромным треском и грохотом громыхнуло по логу. Струи воды еще сильнее забарабанили по крыше и крылечку.

Дверь вновь распахнулась.

– Ну и льет! До нитки вымокли! Тот берег Оби совсем не видно, – заскочив в помещение и бросив провяз¹⁴⁰ в угол, воскликнул Максим. – А ну как такой вот дождик Ваньку с ватагой накроет в степи? Под лошадью-то не спрячешься.

Ксения вздрогнула, представив младшего сына в поле под проливным дождем. Архип ткнул Максима в спину:

– Цыц, дурень. Она и так слезу кажду ночь пускает, и ты тут лампадишь. Иди лучше к печи, сушишь. Стерляди-то много взяли?

– За плав по десять-двенадцать попадалось. А заплыть-то всего и успели семь раз. Опосля как полил! Куды мне с одной рукой.

¹³⁹ Гавриил – церковная дата. По преданию, если будет тепло, то и осень теплая выдастся.

¹⁴⁰ Провяз – рыболовная сеть, предназначенная для ловли рыбы плавным способом.

Покуда выбрался, уж полбударки¹⁴¹ водицы набежало. Благо дядька Угор шустрый, принялся он выгрести, налег на весла что есть мочи, мы как на крыльях к берегу и долетели.

– Где вогул-то?

– В ледник побег. Пару нельмушек под берегом на песках попало, так он заморозить их решил.

– Коль будет нырять раз за разом в ледник, растопит лед, осеңью муксуна и проквасим, – недовольно буркнул Архип.

* * *

А в это самое время Ванюшка понуро брел за арбой. Губы его пересохли и потрескались. Раскаленное солнце пребывало в зените. Караван четыре дня тому назад вошел в долину, где не было уже лесных околков, даже одинокие деревья попадались редко.

Вставать на дневку проводники отказывались. Нужно было идти. Несколько раз на пути каравана попадались водоемы с солончаковыми берегами, наполненные грязно-ржавой протухшей водой, которую даже быки пили осторожно, сдувая ноздрями наплывающую ряску и тину.

Вдобавок досаждали полчища кровососущих насекомых. Слепни и оводы, как разъяренные псы, тучами вились над людьми и животными, издавая характерные звуки, от которых бесились быки и верблюды.

Они пропадали только с закатом солнца. В этот период наступало относительное блаженство. Ночью поднимался прохладный ветерок, сдувая тучки комаров куда-то в степь. Караван вставал на ночевку, и Ванюшка без сил падал под арбу.

Гаджибала обычно останавливал на отдых быков в какой-нибудь ложбине. И всегда находил воду, чтоб напоить животных.

– Слепень родится в воде – если он есть, то вода близко. А овод откладывает потомство на животных, ему вода не нужна. Я останавливаю караван на отдых там, где больше слепня, – пояснил он Ване у костра при ночном отдыхе.

– Мухи да мухи. Слепни, оводы. Как их различать-то? – удивился познанию индуса мальчик.

– Вот поживешь в степи, быстро научишься, ты же остяка от вогула отличаешь? Вот и я мух тоже, – улыбнулся старик, – поэтому

¹⁴¹ Бударка – лодка.

днем мы и не останавливаемся. Не отдохнут быки, да и люди не смогут выспаться на жаре. До Кушмуруна один переход остался. Потерпи, сынок.

– Мочи нет уж, Гаджи-Ата. Я мыслю, что всю реку выпью, когда до нее дойдем, – засыпая, пробормотал Ванюшка...

«А я вот мыслю, что таишь ты от меня тайну великую, но какую – выведать никак не могу», – укрывая мальчика рогожей, подумал Гаджибала.

К полудню следующего дня вышли к небольшой реке. Мальчик прямо в одежде ринулся в воду и, сделав несколько больших глотков, чуть не расплакался: вода в реке была приторно-соленой.

– Это Убаган, летом он соленый. Вон, гляди, родник, – показал рукой на поворот речки индус, – там пей.

Караван медленно двинулся вдоль реки. Узнав от проводника, что река Убаган, протекая через озеро Кушмурун, впадает в Тобол, по которому можно добраться домой, мальчишка загрустил.

Уже перед закатом Ефим обратил внимание на усиливающийся скрип одного из колес арбы. Дав команду встать на ночевку, он подозвал сыновей, и они все вместе, подставив чурбак под ось, сняли колесо.

– Эко песка надуло! – воскликнул кормчий, пробуя и растирая между пальцами смазку. Вычистив ось, он крикнул Ванюшке:

– Ваня, коломазь¹⁴² где у нас?

– В ведерце на кичке¹⁴³, дядько, – откликнулся мальчик, настраивающий удочку.

– Вовремя заметили, иначе бы сгубили ось, – очищая палочкой отверстие колеса от старой смазки, пробормотал в усы Ефим. – Будто нарочно кто песка насыпал, – и с недоверием глянул в стору индуса.

Голубь доставил Валихану записку.

«Господин, мы дошли до Кушмуруна. Выведать, что хранят в остальных бочонках путники, пока не смог. Думал учинить поломку арбы, дабы бочки перегрузить на вьючных верблюдов. Тогда легче было бы добраться до тайны, но песок в коломази приметил Ефим. Теперь косит на меня оком да под арбой спит, никому не доверяя сторожить ее. Ваш покорный слуга, Гаджи».

¹⁴² Коломазь – смесь дегтя с древесной смолой.

¹⁴³ Кичка – носовая часть корабля.

У Кушмуруна навстречу путникам выехала полусотня ногайцев.

Ибрагим решительно направил коня к богато одетому воину. Поздоровавшись, всадники отъехали в сторонку.

– За твою голову ханом Алеем назначена большая награда, Ибрагим. Вся степь знает, что ты зарезал Кучум-хана. Ногайцы тебя не выдадут, ведь ты названный брат батыра Самеда, а я его жиен¹⁴⁴ Нурмед. Опасайся калмыков и яицких татар. А теперь дай мне пару теньге¹⁴⁵, чтоб мои воины видели, что ты платил за охрану каравана, и не подозревали, что я узнал тебя.

Расставаясь и пожав обеими руками руки Нурмеда, Ибрагим пошутил:

– Жиен ел болмас, желке ас болмес¹⁴⁶ – эта поговорка не про тебя.

Воины расхохотались.

* * *

КРЫМ

«Отношения Речи Посполитой и Османской империи с каждым годом становятся все напряженнее и напряженнее. Причиной распри служат притязания обеих держав на земли Волыни и Галиции. Крымское ханство же, как вассал Стамбула, поддерживает сторону Османской империи. Малейший неверный мой шаг – и султан мог назначит другого, меня же обезглавит или бросит в темницу, как он поступил с Селямят Гиреем, моим отцом, – рассуждал про себя крымский хан, перебирая четки, – вчера доложили, что собирается посольство от короля Сигизмунда. Как поступить? Принять послов – значит вызвать подозрения у султана. Не принять – расстроить связи с королем».

¹⁴⁴ Жиен – племянник по женской линии.

¹⁴⁵ Теньге – денежная единица, монета.

¹⁴⁶ Жиен ел болмас, желке ас болмес (поговорка, шутка) – Как из племянника по женской линии не будет своего человека, так из шейной жилы не будет пищи.

Джанибек Гирей знал, что есть и третий вариант, на исполнение которого он пока не мог дерзнуть. Посольство могло просто сгинуть в дороге.

Путь сушей для посланцев преграждала Запорожская сечь. Единственная относительно безопасная дорога до Бахчисарая проходила морским путем.

– А Черное море коварное, – улыбнулся Джанибек, приняв злое решение.

Хан дернул шнур колокольчика. Тут же, поклонившись, вошел секретарь и встал в ожидании указания.

– Отпиши королю Сигизмунду, что посольство приму. В Ачи Кале послов будет ждать галера под моим стягом.

ГЛАВА II6

ВТобольске и его окрестностях стояла невыносимо жаркая погода.

Воевода, князь Кольцов, внимательно слушал писца, читающего послание от опального боярина Захарьева.

– «Как ни умоляли московские бояре нынешним летом гетмана Жолкевского не покидать Москву, дабы не затеялась новая смута, не внял он прошению боярскому. Поляки, что на охрану остались, пьют и чинят зло народу посадскому. Намедни один лях выстрелил из пистоля в икону Божьей матери, а другого дня девицу обесчестил второй. Першего сожгли, а насильника кнутом пороли. Ляхи пьют и своевольничают, ведут себя дюже дерзко. Из Китай- и Бело-города купчин с изб выжили, и немцы с ляхами их дворы заняли. Чернь вновь государя доброго поджидает. Некие бояре, что из безродных, воду мутят, масло в пламень подливают. Чую быть новой беде. Запретили ляхи собрания на пожаре и иных местах. Рогатки с улиц повсеместно убрали. Ночью из домов выходить запрещают. Царевича Владислава на трон Сигизмунд не везет, будто замыслил король коварное что-то, и велит присягать ему за глаза. Ибо сын и отец едины есть, так мне и крест целуйте. Да и многие Шуйскими ранее притесняемые князья да бояре в Речь Посполитую ездят с челобитными.

– А крест целовать кому? Сигизмунду али тени Христовой? Коли царя Владислава король не пришлет, то не присягнут бояре, – горько усмехнулся воевода, перебив чтение.

Писец выждал паузу и продолжил:

– А намедни гонец из Калуги прибыл в Думу, весть принес, якобы зарубил второго самозванца¹⁴⁷ князь ногайский, Петр Араслан Урусов, татарин крещеный. На охоту выехали, он к дровенкам и подскакал да с пистоля ему в плечо заряд всадил, а опосля сабелькой вжик в капусту – и нетути царя. Месть он, стало быть, свершил – за убиенного Дмитрием и в Оку брошенного царевича касимовского Уразмет-Магамета, и при сем объявил: «Я научу тебя топить ханов и сажать мурз в темницу».

– А стража-то какого лешего бдела? – вновь перебив писца, удивился воевода.

Приглашенный в светлицу сотник Иван Никитич, присевший на дальнюю лавку, так же внимательно слушавший писца, отозвался:

– Так князь Араслан поди и подгадал, когда татары самозванца охранять почнут. Уж дюже осерчали магометане на него за то, что казни ввел Дмитрий да каждый ден по десятку душ на тот свет отправлять начал. А когда в раж вошел, то и поболее их брата губил. Поляков тоже плененных в Калугу собрать велел, да всех и потопил разом. В корень озверел лиходей. Вот и нашел царек-самозванец то, что искал.

– А князю Урусову теперича куды? Ведь не примет татарина Сигизмунд, шибко уж много он со своей дикой полутьменью¹⁴⁸ крылатых гусар¹⁴⁹ порубил.

– Ушел в Таврию или на Яик¹⁵⁰ – там ему вольница. Голытьбу беглую да разбойную под крыло соберет и заживет припеваючи, – строгая ножиком перо, вновь откликнулся сотник.

– Читай далее, Тимоха, – вернувшись к теме, повелел Кольцов.

– А как прибег в Калугу шут Дмитрия, что чудом выжил, под телегу забравшись, так давай голосить. И принялись они с царицей Мариной по улицам с факелами народ на бузу поднимать. В

¹⁴⁷ Самозванец – в данном случае Лжедмитрий II.

¹⁴⁸ Полутьмень – пять тысяч всадников; от слова тьма – десять тысяч.

¹⁴⁹ Крылатые гусары – элита польской конницы, состоящая в основном из польской знати.

¹⁵⁰ Яик – река Урал.

набат ударили. К утру всех татар-то и умертвили – и виновных, и невинных.

Писец отложил первый лист свитка на столик и продолжил чтение:

– Король же Сигизмунд не пускает царевича Владислава в Москву, а указы шлет от имени своего, как будто это его наши бояре на престол просили, а не сына Владислава. Король же припомнил, что так же было, когда Литва двум королям присягала: ему и отцу – королю шведскому. Гетман Жолкевский умолял короля прислать царевича, совесть и в корысти упрекая Сигизмунда, убеждая, что с воцарением Владислава едиными будут Польша с Русью, и мир наступит на все времена, но непреклонен Сигизмунд был – видимо, загуляла кровь наследная, свое подлое дело задумал шведский выпадыш. Смоленск сыну подарить, а шведам Новгород отдать возжелал, да Папе Римскому угодить, отобрав у Руси веру православную. Коли не поднимемся мы, князь, всем миром, разорит Сигизмунд Русь и порушит все, что строено пращурами нашими было. Поэтому и велим тебе, воевода, и молим скорейше поставить Ляпунову в ополчение оружие, в Крыму скупленное твоими посланцами. Последним словом, князь, упреждаю, списано моими людишками послание канцлеру Сапеге из Сибири. Жительствует у тебя под боком ухо да око посполитое. Немедля аспида надобно поймать да пытаться. А что и кого выдаст он, мне отпиши. Список¹⁵¹ я приставил к своему эпистиллю... Далее читать? Там за здравие, – посмотрев на воеводу, поинтересовался Тимоха-писец.

– Сам прочту на досуге. Ступай.

Князь Кольцов поднялся. Иван тоже встал.

– Сбирайся в дорогу, Иван Никитич. Через Казань на Царицын, а там на Азов пойдешь с полусотней. Проследи, чтоб послы из Сибири к месту добрались и воеводы-переметчики¹⁵² не учинили б зла нашему делу. А с лазутчиком польским я сам разберусь.

Поутру дьяк приказной избы докладывал князю Кольцову:

– Убег Гришка-вор. Его супружница под целованием крестным поведала, будто он в поиске злата атамана Ермака за Самар-городок подался.

¹⁵¹ Список – копия.

¹⁵² Переметчики – перебежчики, предатели.

– С каких времен, Севастьян, ты добр к бабам стал? Аль пытаться разучился? – поморщившись от недовольства, выговорил дьяку князь.

– Так на сносях она, как же дитю худо сделать? Почитай, у самого семеро, – развел руками Севастьян, – да и не брешет она. Сама рада-радешенька, что ушел Гришка от нее. Боялась ворожея, что ночью ее придушит.

– Вот и собирайся в дорогу. Путь тобой прошлым летом уже проведан. По реке пройдешь до Обдор, народец тамошний перепишешь, ясак соберешь да про злыдня выведаешь. Обратном санным путем воротись. А то, гляжу я, шибко много детишек наплодил, видно дел мало, коль на печке с жинкой тешишься. Ступай Севастьян, не буди во мне зверя.

Дьяк шмыгнул за дверь.

– Ох, какие же руки долгие у Сигизмунда-то! Уж и до Сибири дотянулся, – недовольно ворча, возмущился воевода, надевая тяжелую шубу из черно-бурой лисы, – ох уж этот сан воеводский. На улице жара невероятная, а нате вам – без шубы в мир ни ногой.

* * *

– Вот пострел, везде поспел, – хлеба с сыновьями ушицу, похвалил мальчика Ефим. – Покуда на ночевку укладывались, он уже окуней и щук успел наудить с полведра.

– Так она, рыба, тут дикая какая-то, на голый крючок бросается, а я еще кишку воронью нацепил, так щука за ней аж на берег выпрыгивала, – рассмеялся малец, довольный похвалой старших и, подойдя к Ефиму, шепотом спросил, озорно глянув на сидевших в сторонке Ибрагима, Гаджибалу и семерых янычар: – Дядько, а ведаешь ли ты, пошто татары щуку не едят?

Ефим, усмехнувшись, разломил вареную голову щуки и, облизав головной хрящ, показал Ванюшке подобие православного крестика – «крест животворящий» в голове у нее. Вот и сидят, давятся колченогие сушеной кониной. Сыновья Ефима прыснули со смеху.

– А вы, нехристи, пошто зубы скалите? По пять штук уж слопали, с вами с голоду опухнешь! Сказано же вам, крест в голове у щуки! – пододвигая к себе котелок, пошутил кормчий.

– А мы головы не снедаем, батюшка, мы до хвостов падкие, там костей нет, равно как и в языке Ванькином, – безобидно проговорили сыновья в ответ.

Пред самым рассветом, когда и янычар на постах стало клонить ко сну, Ванюшке пригрезился знакомый старец.

– Чуешь, отрок, ходит по пятам за тобой индус да голубей баю с письмами отсылает?

– Так он, отче, выведать вождедеет, куды и зачем мы идем в самошном деле. Не питают доверия степняки к байкам нашим про мирное посольство к хану и торговлю смолою. Вот и послал дед Валихан индуса в проводники, дабы выведать, что замыслили атаманы и воеводы сибирские, – беспечно ответил мальчик.

Гостомysl нежно поправил дерюжку на спящем мальчике и, склонившись к уху, шепотом продолжил:

– Ты, Ваня, как бы невзначай проговорись да при янычарах попробуй разговор завести с индусом. Надобно нам, чтоб до крымского хана весть сия дошла, еще до вашего прибытия. Якобы желают подняться три ханства – Астраханское, Казанское и Сибирское – супротив ляхов да бояр московских и попросить покровительства у крымского хана, в коем видят благодетеля и надежную защиту. Индус тут не главный лазутчик в караване, кто-то из янычар, что с вами до конца должны идти, человек хана. Он проявит себя, улизнув следующей ночью. Вот и надобно, чтоб в уши хана попала наша тайна. Ты мелкотравчатый, они мальцу уверуют, приняв оговорку твою за наивность. Токмо шар, даденный Никитой, не сымай, на всем пути держи его под рубахой – и днем и ночью. Тогда чаянья твои выведать никто не сможет, ни индус, ни ханские чаровники.

– Отче, почему ты всегда приходишь ненадолго? Обещал же мне сказку поведать о временах былинных. Да недосуг тебе все, а я все полагаюсь на слово, тобой даденное.

Гостомysl улыбнулся, погладил Ванюшку по вихрям и, подчинившись просьбе мальчика, начал повествование:

– Внимай, соколик. Рассвет еще только зачинается, успею поведать. Был я в давние-давние времена старейшиной у народов, что из словенов вышли...

...Ванюшка под ровный голос старца разглядел резные ворота необыкновенно-красивого городища. Пройдя вовнутрь, мальчик огляделся. Отовсюду слышался смех и веселые голоса. Нарядно одетые девушки в светлых длиннополых расшитых яркими

узорами платьях кружили хороводы, играли в догонялки. С русыми волосами, сплетенными в тугие косы чуть ли не до пят, они казались Ванюше сказочными красавицами.

Уже повсеместно зеленела трава, и только в лесных околках местами лежал серый набухший снег.

У многих были надеты веночки, сплетенные из цветов – подснежников и стародубок. Одна из девушек, пробегая, надела Ванюшке свой венок на голову, и схватив за руку, повлекла за собой:

– Очнись, соня! Побежали медведя будить! Комоедицу¹⁵³ праздновать! – звонко рассмеялась она серебряным колокольчиком.

И мальчик, повинувшись, побежал с девицей, окунаясь головой в омут всеобщего праздника. Пахло свежеиспеченными блинами и весенним многотравием.

Подростки спустились с городского вала и подбежали к священному многовековому дубу. Там уже веселился народ. Взрослые лили мед под корни дуба, прося у него силы и здоровья для себя и близких.

Девушки и юноши, собрав у дуба сухие ветви и палки, ринулись гурьбой в дубраву будить медведя.

– Ты что, княжич? Не выспался, что ль? – опять рассмеялась девушка и повлекла его в лес за остальными. В чаще вскоре нашли медведя – ряженого юношу, притворившегося спящим в яме.

Но как ни кололи и ни тыкали его палками, просыпаться медведь явно не собирался

– Блинов алчу! И девицу позабористей! – прорычал он из берлоги.

Девчата пошептались, и самая смелая прыгнула ему на спину.

Медведь повернулся и, схватив девушку, принялся мять ее, приговаривая:

– Вот пришлю сватов на крыльцо твое, за блины несладкие, комом спеченные, упрошу твою батюшку, под полатами стоячи! То пойдешь со мной в чащу дремучую?

– Пойду! Пойду! Присылай сватов! Токмо пусти меня, а то всю помнешь!

¹⁵³ Комоедица – славянский праздник весны и солнца. (Первый блин комам (медведям), второй соседям, третий родне, а четвертый мне!) Отмечался в конце марта (переименован в масленицу и сдвинут на месяц раньше).

– ...Вот и жили мы. Орали, сеяли, детишек растили. Да вот токмо соседи буйные северные, разбоями промышлявшие, не давали покою нам, – услышал Ванюшка голос Гостомысла. – Совсем рассветло уж. Пойду я, Иванушка.

– Я вновь попаду в тот мир, отче?

– Приснится тебе каждый раз сей сон. Токмо когда почивать ложиться станешь, ленточку внучки моей себе повяжи. Вот и пригрезится она тебе вновь, Ванюша.

Мальчик проснулся. Спустился к речке умыться. Впереди предстоял изнурительный дневной переход.

«Вот жили же ранее люди! Всем миром дома строили да гуляли сообща. И никто на сирого али калеку руки поднять не смел. А наказания были только с одобрения старейшин или решения веча городского, – ополаскивая речной водицей лицо, подумал мальчик, – ни тебе бояр да купчин толстопузых, ни дьяков с попами».

Поднимаясь на яр, он обратил внимание на пеструю ленточку, свисающую с ветви ивы. Ванюшка, оглядевшись и убедившись, что за ним никто не следит, снял с куста девичью ленту и, бережно свернув, положил ее за пазуху.

К полудню караван вышел к озеру, на береговой лужайке находилось несколько юрт, тут же паслась небольшая отара овец.

Ибрагим сторговался с хозяином, и уже через час забулькала в казане шурпа. Стосковавшись по горячей пище, путники дружно расположились трапезничать.

Хозяин стойбища, калмык, повесил на жердину рядом с казаном медный закопченный чайник, больше похожий на кунган¹⁵⁴.

Ванюшка брезгливо поморщился. Напиток оказался кисло-соленый, с ароматом бараньего жира и конского пота.

– Пей, пей, бала¹⁵⁵, – улыбнулся один из янычар, – этот чай силы придает. – И, осмотревшись, убедившись, что Ефим с сыновьями отошли к быкам, справился: – Задумали что-то воеводы Сибири? Просто так к хану на поклон не ходят.

– Русь с Польшей не желают они видеть вместе. Вера не та. Говорят, уж лучше с магометанами жить. Как-то привычнее. Вот и решили крымскому хану челом бить, чтоб под крыло взял три ханства: Астрахань, Казань да Сибирь. Покудова смутное время

¹⁵⁴ Кунган – сосуд для подмывания.

¹⁵⁵ Бала – мальчик.

длиться, сие свершить надобно, – насаживая на ножик кусок баранины, беспечно проговорился мальчик.

– А Ибрагим как в один ряд с воеводами попал?

– Он сын Сабыра, который по дяде прямой родственник Едигер-хана, двоюродный брат хана Сейдяка. Коли в Крыму примут его, то княжить он будет над всеми народами, что в степи живут.

– От Бухары до Тобыла?

– Это мне неведомо, – поднимаясь с корточек, ответил Ванюшка, – сам его спроси.

Индус молча мешал шабалой¹⁵⁶ шурпу, делая вид, что его этот разговор совсем не интересует.

Вечером улетел последний оставшийся в клетке Гаджибалы голубь. А утром Ибрагим не досчитался одного из янычар – с ним пропал и конь.

¹⁵⁶

Шабала – шумовка.

ГЛАВА II7

Обоз, перейдя вброд Тобол и повернув вдоль его русла на юго-запад, чтобы уже в степной местности совершить переход до реки Яик, медленно продвигался по каменистому грунту Южного Урала.

Все чаще и чаще приходилось останавливаться на вынужденный ремонт. Колеса и оси арбы под тяжестью ушкуя разваливались на глазах.

Но индус упрямо вел караван к цели. Проводником он оказался опытным и на четвертый день вывел путников к берегу маловодной речушки.

– Суиндик, – показав камчой в сторону ручья-речки, объявил Гаджибала и не по летам ловко соскочил с коня.

– Пошто встали? – удивившись ранней остановке среди бела дня и подойдя к проводнику, недовольно спросил кормчий.

– Эта речка в Яик течет. Разгружай арбу, Ефим, – взглянув на пасмурное небо, улыбнулся беззубым ртом старик, – ночью дождь будет, вода подниматься станет, вот и пройдешь с восходом. До большой воды проберетесь, а там легче будет. Но учти, по Яику с опаской идите. Пороги там коварные есть, на них глубина по локоть, а где порогов нет, там сажени три глубина, коварный шибко Яик. Я с рассветом назад пойду, арбу, быков калмыку отдам. Коль назад вернетесь, то у него они будут, – и старик, улыбнувшись, гордо добавил: – Хоть и стар стал, а дорогу не забыл. С купцами этой

дорогой молодым воином шел, из Индии, через Персию и море. Давно это было, семь веков тому вспять.

И Гаджи, вздохнув, присел у только что разведенного Ванюшкой костра.

– А то айда с нами до Индии? Может, еще семь веков проживешь? – рассмеялся над стариком Ибрагим.

– Нет. Ступайте без меня. Тут, в степи, пока мой дом.

Не успели развести костры, а на дымок вышла ватага оборванных босых людишек, вооруженная рогатинами и косами. С дюжину человек побогаче ехали верхом.

Янычары вынули сабли, готовясь к бою.

– Эй, не балуй! – взяв в руки пищаль, прикрикнул Ефим. – Куды прешь?

– Не горлань, пуганы уж. На Москву ко Прокопию Петровичу Ляпунову идем, подсобить ему в деле ратном да православном, – смело подъехав к Ефиму, буркнул богато одетый коренастый казак с огромной серьгой в ухе, – сам-то чьих будешь, мил человек?

– С Дону я. А величали меня когда-то Ефимка Сова.

– Стало быть, не сгинул, – внимательно посмотрев Ефиму в лицо, улыбнулся казак, – знавал я твоего батьку, лихой казак был, и оголтен¹⁵⁷ напроць.

– Неужто помер? – поникшим голосом справился у казака кормчий.

– Погиб Сова в сече с ляхами, когда запорожцам подсобить ходили. А маманя твоя жива. У зятя, Вольки Коршуна, жительствоует. Меня же Черток кличут – слышал? Есаул я, – слезая с коня, важно объявил верховой.

– Бачил пару раз тебя на Дону, когда я без портков ащо бегал. Ну-ка пойдём в сторону, дядя Черток, погутарим. Я ведь тоже не голь перекатная, а кормчий князя Сибири, и иду на Дон не ворон считать, а дело ладить.

Покамест взрослые, отойдя к костерку, общались, на краю полянки назревала маленькая буза.

– Ну-кась, покаж нож.

– На-кась, выкуси, в руки не дам, – разгадав хитрость сверстника-казачка, отступил на два шага Ванюшка.

– А-то кнута не видал? Ослухаться вздумал, голь перекатная?

¹⁵⁷

Оголтен – бесшабашный, отчаянный (от слова оголтельный).

– А ты скоморохом не плясал? Казачня-саранча подкобыльная! – вынимая серебряный шар из-под рубахи и снимая его через голову, парировал Ваня.

Казачонок замахнулся кнутом, но рука его внезапно окаменела и повисла в воздухе. Он заворожено уставился на раскачивающийся маятником шар.

– Спи!

Все, кто расположился на полянке, притихли, ожидая развязки.

– А ну, покаж людю доброму, как зайка скачет! – весело приказал Ванюшка.

И его наглый сверстник под хохот зрителей заскакал зайцем между кострами.

– Далеко не скачи, а то волки в лесу рыщут! Как звать тебя, косо́й, поведай честному народу!

– Тимоха я, Разя! Племяш есаула Чертка.

– Ну-ка, Тимошка, спляши скоморошкой! – не унимался Ванюшка.

Народ на поляне, уже держась за животы, катался по траве. И только один индус заворожено взирал на раскачивающийся в руках подростка серебряный маятник.

– Комэс бисер, комэс бисер¹⁵⁸, – шептали его пересохшие от волнения губы, – так вот почему я не разгадал в дороге мыслей твоих, Жас Дэригер. Ведь у тебя на шее висел под рубахой шар колдуна! Сколько веков ждал я встречи с тобой, маленький колдун!

Внезапно Ванюшка услышал гневный голос Гостомысла:

– Прекрати потеху, отрок, спрячь шар ведунов! Ни в коем разе не давай его в ладони чужие, даже если на коленях умолять примутся. В шаре есть зеленые шарики жизни, и индус про это ведаёт, теперича не отстанет он от тебя. Наделал ты хлопот себе и разбудил лихо, Ваня.

А Тимоха тем временем плясал и плясал скоморохом, забавляя публику.

– Ночью переложил шарики к себе в тряпицу, а утром раскроешь шар и покажешь одну половинку, пояснишь, что более нет, – индус и отвяжется. Но не в нем дело. Сейчас шут твой, Тимоха, в припадок войдет. Погладь его по лбу нежно и прикажи ласково

¹⁵⁸ Комэс бисер – волшебный шарик.

проснуться. Будет худо большое на Руси, коль жестко будить его придется. Он-то очухается, невелика беда, а вот чада его злыднями народятся. Утопят Русь в крови внуки Рази.

Голос Гостомысла пропал, а по поляне в неистовом припадке заметался Тимоха. Его принялись ловить и поймали уже в кустах ивняка, кое-как уложив наземь.

– Тихо, Тимофей, я друг твой, Ваня, – собрав всю волю в кулак, как можно спокойней, но властно произнес подросток, и, погладив казачка по лбу, он, взяв в руки ладонь одержимого, приказал: – Загибаю твои персты, на третьем проснешься.

Ефим, Ибрагим и Никифор Черток, отойдя к берегу, туда, где стояла арба с ушкуем, присели подле ее.

– Думский боярин Прокопий Ляпунов сотоварищи грамоты разослали. Из Астрахани и Понизовья всех сзывают к Москве. Ляхов гнать задумали, токмо вот не хватает у них войску да наряду¹⁵⁹, – доставая грамоту из рукава кафтана, сообщил Разя.

– Давай сам прочту, – распорядился Ибрагим.

– А ты кто такой, чтоб мне указывать?

Ефим дружески похлопал по плечу старого есаула, осаждая его буйный норов; приемный сын он, Ибрагим, боярина Ивана Пашкова, а младший брат евоный, Истома Пашков, правой рукой Прокопию Ляпунову был, когда они у Иван Исаича¹⁶⁰ воеводами служили.

– Да ты что? Знал я Федора Пашкова по прозвищу Истома. Не тот ли часом Ибрагим, что Кучум-хана зарезал?

– Он самый.

– Ибрагим еще и мурза¹⁶¹ Сибирского царства.

Ефим еще раз похлопал по спине есаула и поторопил его:

– Так что давай сюды грамоту, не бойсь.

Ибрагим прищурил свои и так раскосые глаза и принялся разбирать вслух потертые строки грамоты:

– И вам бы, господа, – читал он, – всем быти с нами в совете... да и в Астрахань и во все Понизовые городы к воеводам и ко всяким людям, и на Волгу, и по Запольским к атаманам и казакам от себя писати, чтоб им всем стать за крестьянскую веру общим советом, и шли б к нам изо всех городов к Москве.

¹⁵⁹ Наряд – пушки с пушкарями.

¹⁶⁰ Иван Исаевич Болотников – лидер крестьянского движения.

¹⁶¹ Мурза – княжий титул в восточных государствах.

А которые казаки с Волги и из иных мест придут к нам к Москве в помощь, им будет всем жалование, и порох, и свинец.

А которые боярские люди, и крепостные и старинные, и те бшли безо всякого сомненья и боязни, всем им воля и жалование будет, как и иным казакам, и грамоты им от бояр и воевод и ото всей земли приговору своего дадут.

– Благое дело замыслил Прокопий Петрович, – принимая назад грамоту у Ибрагима, молвил старый Черток.

– На словах передашь Ляпунову? Писать не буду.

– А то как, конечно.

– Поведаетшь, что обоз из Сибири встретил на Яике. Что найдем проводника и до Астрахани пойдем, а там на Дон и далее. Скажи, что Ибрагим кланялся. Передал, как вернется на Волгу, так знак подаст немедля. Запомнил?

– Чай, не малец я. А вот проводника вам искать не надобно. Тимоху мово возьмите, он вас к Царицыну-волоку и проведет. Самим не пройти. Пред выходом Яика в море Персидское более дюжины рукавов на реке, не в тот сунетесь и останетесь на веки вечные. Да и казаков вольных знает он, меньше разбоя будет.

Ночью Ванюшке, который забрался в ушкуй в ханскую опочивальню и закрылся на дубовый засов, явился старец. Погладив спящего мальчика по голове, он присел подле его на тахту.

Долго молчал Гостомysl, раздумывая о дальнейшем.

– Слушай сюда, отрок, – начал он, – ты поди заметил, что время для тебя идет по-иному?

– Да, отче. Усы никак отрастать не желают. Да и Ваулиханчик ровень со мною стал, хотя совсем малой был.

– Вот-вот. Когда выкупил вас с матушкой у татар Архип, тебе семь годков было?

– Да, отче.

– Атаман Ермак утоп, тебе тогда уж дюжина годков исполнилось?

– Точно.

– Когда же медведь на реке напал, то хватила тебя после возвращения домой лихоманка Огня¹⁶², одна из дюжины дочерей Чернобога, который в стужу выходит, покуда Перун почивает до

¹⁶² Лихоманка Огня (др.-славянское) – воспаление легких, пневмония.

весны. Пылал ты, отрок, ясным пламенем, вот и наказал я Никите дать тебе полшарика смолы каменной, что от всех недугов помогает. За смолой сей с незапамятных времен императоры и фараоны охотились, чтоб жить вечно и безболезненно. Но хранили тайну волхвы как зеницу ока. Многих смерти лютой предали правители, но не один и уст не открыл при пытках, не поведал, как промышлять смолу каменную. Так и изничтожили волхвов да жрецов за многие века постулаты. Теперь немногие ведают, что выступает она в жару белыми бусинками еле заметными меж скал в щелях на время короткое. Коль прозевал пору заветную, то и не собрал ее, так как птицы да олени ее слизывают и склеивают.

– А я и мню, отче, пошто это наш мудрый ворон тьмень веков жительствоует?! – улыбнувшись во сне, прошептал мальчик.

– Смышлен ты, Ванюшка, за то и люб мне. Где жрецы древние обитали, там сию смолу и собирать надобно. Особенно ее в избытке в Золотых горах, что в переводе на язык степняков Алытыннын Тау зовутся. Но есть еще один перевод, который на языке древних народов звучит, означает он – «не поскользлись». Так как горы снежные, каменные, и можно было сорваться запросто со склонов, всем, желая счастливой дороги через перевалы, говорили...

– Ал Тай, – прошептал, перебив старца, мальчик.

Гостомысл с любовью взглянул на взрослого мальчугана (ведь не заболел тогда Ванюша, был бы он уже тридцатилетним мужчиной).

– Утром подманишь индуса, раскрутишь шарик и покажешь полгорошины. Молвишь ему, якобы волхв Гостомысл ночью явился, велел тебе брату Гаджи кланяться и дарит смолу да желает прожить еще семь веков. Долго он тебя в степи поджидал, плут старый. Но и мы не лыком шиты. Токмо шарик не снимай и в руки Гаджи не давай, дабы не выведал он, что у тебя еще горошины имеются. Ну а тебе во вьюношах ходить полвека, тут уж ничего не поделать, Ванюша.

– Я взрослым хочу стать! – захныкал во сне отрок.

– Вот не надел ленту на чело, когда почивать ложился, не прижится тебе сон вещей. А внучка моя, Ростислава, скучает, ожидает тебя в чудограде, – побранил мальчика Гостомысл.

– Да коли я расти не буду, состарится она вскоре!

– Она никогда не состарится, Ванюша, – горько улыбнувшись, вздохнул старец.

– А Тимоха, сын Рази, что?

– Да пусть живет, не он теперь страшен. Его детищи, что народятся от него, те-то кровушки пустят. Но всему свое время. Прощай, отрок, рассвет уже наступил. Передам я поклон внучке, скажу, что явишься в грезах ты к ней вскоре.

Гостомысл исчез так же внезапно, как и появился. А Ванюшка проснулся от стука палкой по борту ушкуя.

– Бала, бул мен, Гаджи-Ата¹⁶³!

– Козыр, козыр, ата¹⁶⁴! – крикнул в ответ мальчик, протирая глаза кулаками.

¹⁶³ Бала, бул мен, Гаджи-Ата – мальчик, это я, дед Гаджи.

¹⁶⁴ Козыр, козыр, ата – сейчас, сейчас, дедушка.

ГЛАВА II8

Комендант польского гарнизона в Московском кремле, пан Гансевский, нервно расхаживал по светлице. Тайный советник гетмана Жолкевского, пан Казимир, интриган и стратег, с помощью подсказки которого гетман выиграл сражение над войском Шуйского под Клушино, сидя за дубовым столом, перелагал добытые его лазутчиками грамоты, ища в них разгадку выхода из создавшегося положения.

Ополчение Ляпунова уже который месяц осадой стояло под Москвой. Положение для польского гарнизона в Москве становилось катастрофическим. Спасали только пушки, собранные ляхами в кремль со всех уголков города. На счастье шляхичей, у ополчения осадных орудий не имелось. Укрывшись за каменными стенами, литовцы и поляки терпели осаду. А Ляпунов медлил со штурмом, ожидая подхода сил с Поволжья и орудий из Астрахани.

Казимир усмешливо глянул на Гансевского и заговорил, как бы подливая масло в огонь:

– У Ляпунова невероятные способности объединять народ под свое начало. И чернь, и казаки, и боярские люди стекаются к нему со всея Руси, как саранча. Даже разбойная публика потянулась, которая по дорогам и проселкам грабит купцов, везущих к бунтарям пропитание и прочее добро.

Патриарх Гермоген тайно рассылает грамоты по Руси и всячески поддерживает Прокопия Ляпунова. Просьбу бояр о скреплении

грамоты к Сигизмунду отверг патриарх еще в конце зимы прошлого года, чтобы король отпустил Владислава в Москву. К митрополиту Филарету и князю Голицыну бояре писали, чтоб отдались во всем на волю королевскую, а к Ляпунову – чтоб не затевал восстания и не собирал войска. На эту просьбу семи бояр патриарх Гермоген отвечал грамотой, – взяв в руки перехваченный список, Казимир вслух прочел: – «Стану писать к королю грамоты и духовным всем властям велю руки приложить, если король даст сына на Московское государство, крестится королевич в православную христианскую веру, и литовские люди выйдут из Москвы. А что положиться на королевскую волю, то это ведомое дело, что нам целовать крест самому королю, а не королевичу, и я таких грамот не благословляю вам писать и проклиная того, кто писать их будет, а к Прокопию Ляпунову напишу, что если королевич на Московское государство не будет, в православную веру не крестится и Литвы из Московского государства не выведет, то благословляю всех, кто королевичу крест целовал, идти под Москву и помереть всем за православную веру».

Тут случай выдался, пан Гонсевский, – хитро и таинственно произнес Казимир, отложив чтение, – пресекая по наказу Ляпунова повсеместный разбой и душегубство по селам и дорогам, что учиняют пришлые казаки, воевода Матвей Плещев поймал воров в Николо-Угрешском монастыре, то людишки боярина Заруцкого оказались.

– И что? – остановившись, заинтересовался Гонсевский.

– А то, что всех двадцать восемь воров Плещев утопил. А казаки вытащили из воды своих татей утопленных да в табор под Москву и привезли. Буза началась. Ляпунов-то, как всегда, волей своей утихомирил дикий сброд, но злобу на него казаки затаили.

– У вас есть на это какой-то взгляд?

– Есть, пан Гонсевский, и уже в пути подделанная грамота, якобы подписанная Прокопием Ляпуновым, в отношении казаков.

– Поверят ли ей в таборе? Любовь народа к нему велика.

– Я злотые получаю от гетмана Жолкевского не за то, что дремлю у камина, пан Гонсевский, – недовольно скривив тонкие губы, отозвался тайный советник и, нервно отбросив рассматриваемые грамоты на столешницу, добавил: – Любовь народа велика, но у них в стане троевластие. Князь Трубецкой да боярин Заруцкий никак гордыню свою не поборют – не могут они смириться, что

верховодит ими низший по сословию думский дворянин, вот и подливают масло в огонь, поддерживая казаков, в любой момент на бузу готовых.

* * *

Стан воевод Трубецкого и Заруцкого гудел, как растревоженный улей. Последнее время наплыли под их стяги темные да разбойные людишки, коим только б воровством заниматься, а не думать, как поляков одолеть и захватчиков из кремля выгнать.

То тут то там принялись собираться кучки народу. Кто-то был недоволен отсутствием пропитания, кто невыплатой обещанного жалованья или иных посулов, что загодя сулили воеводские зазывалы, призывая людей под знамена ополчения.

Есаул Черток, оставив свою разношерстную ватагу располагаться на отдых, пошел прогуляться по табору.

– ...И где поймают казака, – услышал он знакомый голос, – то бить и топить, а когда, даст Бог, государство Московское успокоится, то мы весь этот злой народ истребим, – закончил читать Омелька Кривой, стоя в кругу шумящих казаков.

– И кто ж подписал сию гнусность, а, Омельян? – раздвинув казаков, входя в круг, рыкнул Черток.

– Воевода, Прокопий Петрович, изъявил милость к нам. Мы ему люд собираем, а он нас как щенков слепых в омут?! Ну-ка, айда, братья, спросим у него самого, как топить вольных казаков! – почувствовав поддержку есаула, вновь заголосил Кривой Омелька.

Толпа, зашумев, словно лес перед грозой, ринулась к воеводским шатрам. С приближением к ним орда нарастала, как снежный ком.

– Послать за воеводой Ляпуновым! Пусть объяснится с нами! – требовали казаки от Заруцкого, Трубецкого и Просовецкого.

Прокопий Петрович два раза отказывал прибыть в табор, как будто чувствовал надвигающуюся беду. Понимал он, что не простая это буза, а замышленная и подстроенная не безграмотной толпой, а публикой с более изощренными умами.

Ляпунов, всегда бесстрашно скакавший верхом под огнем противника на коне впереди полков в любой битве и за храбрость ценившийся народом, сейчас медлил. Но не прибыть в табор к взбунтовавшимся казакам он не мог. Поэтому, оставив брата Захария

управлять делами в стане, верхом, без охраны, поскакал в лагерь казаков.

Ляпунов явился на люди безбоязненно. Взяв в руки грамоту и рассмотрев ее, объявил:

– Подпись похожа, но не моя. Я не писал эту подметку.

– А казаков топил Матвей Плещев по твоему указу? А Ваську Цибулю плетью били за что? Он всего-то сбрую у мужика лапотного отобрал! И за то бить есаула?

– Воры и тати оне! И далее и впредь, кто станет по большакам да монастырям промышлять воровством да разбоем, така же судьба ждет!

– Руби паскуду! – пискнул Омелька Кривой, уходя за спины озверевших казаков.

– Не смей! Не тронь! Разойдись! – раздался крик Ивана Ржевского, который ринулся в свару. Хоть и недолюбливал он Ляпунова, но потерпеть бесчинства не мог.

– И его кончай!

Толпа расступилась, в кругу лежали два порубленных тела.

– По домам! – заверещал вновь Омелька, отработывая деньги Казимира. – Пуцай москали тута головы кладут, айда на Дон-Иваныч!

Черток в резне и последующем разбое участия не принимал. Вернувшись к своей ватаге под утро, он объявил:

– Все, нету более народной дружины, геть по домам, соколики. А кто алчет, беги грабить воеводское добро, там дележ уж полночи идет. Я вам не указ!

Так распалось первое народное ополчение во главе с Прокопием Петровичем Ляпуновым.

* * *

Архип присел на крылечко рядом с вогулом.

– Ты пошто имя не даешь сыну своему? Чай, не кутенок он, а дите людское, человек имя носить должен, иначе как он к Господу обращаться станет? Помогите, отче, безымянному? – взглянув в сторону играющих на лужайке Полинки и сына Угора, усмехнулся кузнец.

– Мамаром назову, но не сейчас – зимой, когда с ним на остров поеду. Ежели он Золотую Бабу погладит и в медведя не превратится, то так тому и быть.

– А коли оборотится? У Никиты тогда второй топтыгин объявится? И не боязно тебе рок свой и сыновний испытывать?

– Так нужно. Ему Бабу от алчных людей стеречь опосля меня. Старые мы, Архипушка, уж стали. И тебе дело свое передавать нужно, и мне.

Архип вздохнул, сорвал травинку, погрыз стебелек и, чуток помолчав, ответил приятелю:

– Когда из неволи басурманской бежали, мы тогда уже с тобой, Угореха, немолодыми пребывали. Самые желторотые – Аника да Никита из нас были, им тогда по сорок годков всего лишь стукнуло. А с того року, как Ермак Тимофеевич погиб, уж почти четверть века минуло. Душой-то я молод, а вот к речке по воду сходить уже одышка мучает. Покуда в лог с ведрами поднимаюсь, раз-два да и передохну – того и гляди сердечко выскочит. А ранее я Ксению с коромыслом да с ведрами в одну присядку наверх заносил. Почитай, седьмой десяток с гаком ужо, – грустно улыбнулся Архип Сотников. – Это ведь ты у нас олень бархатный, не стареешь, токмо зубы выпали.

– Я-то ладно, а вот Ванька ваш меня пужает шибко. Как был пятнадцати годков, так и не растет более. Чудно это. И Никита молчит, токмо в бороду усмехается. Ведает что, аль нет.

– Говорит, лихоманка его когда скрутила, вот и задержался малость в росте.

– Зато умом – как дед столетний.

– Бог не обидел.

Из избы вышла Ксения и, пройдя между мужчинами, сидевшими на крыльце, присела рядом на чурбак:

– Ванюшка пригрезился ночью. Как наяву предстал. Сказывает: не печалься, матушка. Идем мы морем Персидским. Ефим дело свое знает, по звездам, как дядька Угор, путь держит. Сынок молвил, что скоро Астрахань у них на пути будет.

– Ну, знамо, около Волги-матушки Ваня сотоварищи, да жив еще, коли снится, ежели, конечно, сон твой в руку, – поднявшись, успокоил жену Архип, – пойду в кузню, остяки две остроги заказали.

Кузнец опустил свою огромную руку на плечо женщины:

– Не горюй, матушка, вернется сынок, только время дай.

Поднялся по логу от реки встревоженный Максим:

– Струг со стягом воеводским идет со стороны Тобольска.

– Кого там еще несет? – буркнул Архип. – Пойду сабли да ножи припрячу, а то на гостинцы да подарки шибко падкие людишки стольные.

* * *

Посол Юзев Шимчинский, пригнувшись, прошел в каюту галеры. Следом четверо полураздетых, загоревших на южном солнце до коричневого блеска раба внесли сундуки с подарками для хана. Секретарь, сложив личные вещи посла короля Речи Посполитой, встал в углу.

Охрана посла, состоящая из двенадцати воинов, расположилась в соседней каюте. Двое жолнеров встали в караул у трапа, ведущего в трюм, к спальным помещениям.

– Бледный, братец, ты, что-то. Моря испугался? – подавая шляпу секретарю, удивился пан Шимчинский.

– Не нравится мне эта галера.

– Ее сам хан прислал.

– Вот в том и дело, что хан прислал, пан Юзеф. Гребцы – рабы, в цепях, а на горбах у них ни одного следа от плетей нет. Ноги босые, а не сбитые. Но самое приметное – ногти стрижены на ногах и руках, а на пальцах следы белые от перстней и колец у некоторых – видимо, сняли недавно.

Шимчинский побледнел. Сходить на берег было уже поздно, галера выходила из бухты в открытое море.

– Вызови начальника охраны, немедля!

Вскоре все ляхи забаррикадировались в просторной каюте посла, приставив к входу сундуки.

– Они перестали грести, пан Юзеф, – прислонившись ухом к борту, доложил секретарь, – к борту пришвартовалось другое судно.

На верхней палубе раздался топот несколько десятков ног. Вскоре все стихло, и лишь скрип парусной мачты зловеще доносился в каюту.

– Крымчаки покинули корабль, – догадались поляки.

Жолнеры ринулись на палубу, но люк, ведущий из трюма, был закрыт, а сквозь щели ручейками стекала кровь зарезанных караульных.

Галеру развернуло правым бортом к волне и неумолимо понесло на скалы.

ГЛАВА II9

Ванюшка, облокотившись на борт ушкуя, безучастно глядел на бескрайнее море. Волна была небольшая, но которые сутки кряду юноша болел морской болезнью, неведомой ему доселе. Пока он находился на свежем воздухе, еще можно было переносить качку и постоянные приступы тошноты, но стоило ему прилечь, как все внутри переворачивалось.

Ефим, проверив правильность курса, ориентируясь по появившимся в вечернем небе звездам, спустился в каюту. Достав из ведра с водой объемный комок соленого калмыцкого масла, он отрезал кусочек и намазал на лепешку. Затем поднялся на палубу к Ванюшке.

– Снедай! – приказал он.

– Не могу я! – жалобно застонал, отвернувшись, отрок.

– Кушай, говорю, – отвесив хлесткий подзатыльник, взревел кормчий, – а не станешь, за борт выкину на веревке, будешь за кормой на конце болтаться в килевом следе, пока лихоманка не отпустит!

Ваня, зажмурив глаза, откусил маленький кусочек от лепехи.

– Шибче кусай, – заметив хитрость Ванюши, приказал Ефим, – это ты на земле лекарь, а в море я.

Мальчик через силу, давясь, принялся кушать лепешку.

– Соль лизни, – подал Ефим лизунец Ване, – а теперь спать! Уснешь – отпустит тебя морская лихомань навсегда, не уснешь – не

ходить тебе более в море. Ленточку-то на лоб нацепил, как пират морской, а качку одолеть не можешь.

Ванюшка упал на ханскую тахту и как будто провалился в бездну.

Вновь он очутился во сне перед резными воротами старинного городища. Девушки и юноши, взявшись за руки, бежали на поляну к столетнему дубу. Повсюду царило праздничное веселье.

Одна из девиц, пробегая, надела Ванюшке свой венок на голову и, схватив за руку, повлекла за собой:

– Очнись, соня! Побежали медведя будить! Комоедицу праздновать! – звонко рассмеялась она серебряным колокольчиком. – Ты что, княжич? Не выспался, что ль?

Ваня затряс головой. Он уже видел этот сон и знал наперед, что будет далее.

– Побегли к речке? – предложил мальчик девушке, чтоб хоть как-то изменить ход событий.

– А что? побежали, – согласилась она.

Вскоре, усевшись на краю обрывистого травянистого бережка, подростки, болтая ногами, завели беседу.

– Что-то не зрела я тебя, княжич, прежде, и говор у тебя чудной.

– Ваней меня величают. Из Сибирского княжества я.

Девушка звонко рассмеялась:

– Не слышала я про такое. Но матушка сказывала, что жительствовали ранее бодричи в Бярмах¹⁶⁵, далеко на востоке, по соседству с шыбырами. А имя твоё, Ваня, означает «нарожденный».

– Что-что? – не понял Ванюшка.

– Ну, рожденный на свет, стало быть, для дел неизведанных. А меня Ростиславой именуют, – подав руку Ивану, представилась девица.

– Я тебя знаю. Ты дочь князя Годслава и княгини Умилы, дочери старейшины Новгорода князя Гостомысла. Отче Гостомысл поведал мне давеча имя твоё. Пошли к воде? Я покажу тебе, как блины пускать, – подняв плоский камешек, предложил Ваня.

– Ты знаешь моего деда и говорил с ним, княже? – удивилась Ростислава, спускаясь за Ванюшкой по тропинке к берегу.

– Он мне приходит в грезах и наставляет повсеместно.

¹⁶⁵

Бярмы – предположительно нынешняя Пермь.

– Ты маленький ведун?

– Пока не знаю.

Девушка остановилась, внимательно присмотревшись в синее весеннее небо.

– Ведун, а ты свою судьбину ведаешь? – спросила она подростка.

– Нет.

– А вожделеешь узнать?

– Да, – не задумываясь, ответил Ванюшка.

– На том берегу в пещере жительствоет волхв. Ему много веков. Он все и про всех знает. Мы можем на челноке переплыть реку и посетить старца. У меня есть блины, он будет рад гостинцу.

Ростислава и Ваня спустились к береговой черте. Девушка вновь взгляделась в небо и побледнела:

– Неужто во́роны?

– Они, кажись, а что?

– Их немало, надобно почесть их.

– Зачем нам во́ронов считать? – рассмеялся Ваня, но сразу же осекся, встретившись с испуганным взглядом Ростиславы.

– У наших врагов, сведов и вряжей, почитаемая птица ворон. И на каждой ладье у них на морское везение всегда присутствует одна птица. Когда же ладьи подходят к берегу, то воронье срывается и устремляется к суше. Сведы и вряжи в ненастную пору или туман могут пройти мимо берега, не заметив его, но воронов не обманешь, они землю чуют задолго до того, покамест люди ее увидят. Вот и летят, указывая дорогу к поселениям нашему недругу.

Ваня, задрав ввысь голову, принялся считать воронье, едва заметными точками кружащее в небе на горизонте.

– Полста, а то и более, – закончив счет, объявил мальчик.

– Бежим к городищу, предупредить нужно! – потянула за руку девушка Ваню, – полста лодий, по четверти витязей в каждом – это же тьма! Немалое воинство идет!

На бегу Ротислава продолжала:

– Наша же птица – сокол. Сокол никогда не нападает исподтишка и не добивает подранка на земле. Он не питается падалью, как ворон. Моего младшего брата Рориком-соколом величают, он

такой славный и толковый, все ужю понимает, хотя ему две с половиной поры¹⁶⁶ всего.

Батюшка, батюшка, вороги! – задыхаясь, закричала девица, разглядев в праздничной публике отца, подбежав к хороводу у векового дуба...

– Все за вал! – приказал князь Годслав, с благодарностью поглядев в глаза дочери.

Закипела слаженная работа. Несколько юношей, вскочив на неоседланных коней, поскакали к запруде на озере. И уже через некоторое время по деревянному желобу хлынула вода, заполняя вокруг вала ров с торфяником, превращая в непроходимое болото подступы к городищу.

Ростислава с Ванюшкой, забежав с остальными жителями в ворота, устремились на стену.

К китам уже бежали люди с ведрами, которые принимали наверх с помощью веревок и крюков воины, наполняя медные котлы водой. Несколько купцов привезли длинные полосы мануфактуры. Жители сносили к стене тканые половицы.

– А половицы зачем? – поинтересовался Ваня у девушки.

– Экий ты олух, в осаде не бывал, что ли? Моченую ткань на стены кидаем и пламень ей тушим, коли горящая стрела в кит прилетит, – подавая наверх ведра с водой, пояснила Ростислава.

Подъехал гончар на лошади с волокушей, привез пустые глиняные горшки. Их подняли на площадку, где стояло метательное орудие рядом с растопленной печью, в лотке¹⁶⁷ которой уже разогревалась первая закладка горшков со смолой.

Ввысь взвился голубь, и тут же к нему, как молния, ринулся сокол, выпущенный со сторожевой башни.

– У нас на каждого голубя по два ловчих рорика, – улыбнулся Годслав, глядя в синеву неба, откуда камнем вниз падал поверженный почтарь.

Князю принесли маленький скруток бересты, снятый с лапки поверженного голубя. Князь прошел к печи, где разогревались горшки со смолой, и положил на теплую кладку берестяной скруток швом вниз. Нагревшись, береста развернулась.

¹⁶⁶ Пора – год.

¹⁶⁷ Лоток – место в русской печи, куда подают на лотках чугушки для приготовления пищи.

– Воев триста, все за китами, – расшифровал князь символы.
– Это фряжский купец, что прибыл давеча с ладьей саамов, – доложил подъехавший витязь.

– Голуби остались у него?

– Один всего в клетке остался, Годслав.

– Отправь свиток с ним, пусть думают, что мы не перехватили послание. А сам возьми сотню воев и сожги их ладьи, они в затоне у трех сосен, волна ныне на море большая, более пригодного места им для укрытия не сыскать. Все лодии не жги, оставь с десятка.

– Зачем, княже?

– Когда они побегут, то, не найдя в целостности свои ладьи, будут биться на бреге с нами до последнего вряжина, а коли десять лодий останется, сражаться начнут меж собой, за место в них, – улыбнулся князь. – Как спалите, то вернитесь и укройтесь в ложбине, – он показал рукой место засады, – ринемся мы из ворот, вы со спины и нападете.

Вскоре по мосту проскакала сотня ратников. Караульный дунул в рожок, и пастухи, затапывая следы отряда стадом, погнали коров и овец к мосту в городище.

Дозор скрылся в лесу, а остальные принялись готовиться к осаде.

Вдали раздался бой боевых барабанов, и над городищем черным облаком закружили вороны.

– Выпускай рориков, пушай воронье вдоволь добычи отведает, – распорядился Годслав.

Со сторожевых башен и дворов взвились в небо соколы. Вверху разгорелась жаркая баталия. Не выдержав соколиного натиска, воронье, отчаянно махая крыльями, полетело прочь к своим кораблям, раскрывая их местонахождение для сотни витязей, посланных Годславом.

Несколько воев приволокли связанного фряжского купца.

– Как с ним быть, княже?

– Судить нет времени. О столб его, – распорядился старейшина городища.

Вскоре два верховых витязя уже тащили на веревках за ноги купчину-предателя. Проскакав по мосту, они направили коней к врытому в поле столбу. Пустив с разных сторон своих коней, воины не оставили купцу шансов. Раздался звук тупого удара, крик, и тело предателя было разорвано на две половины.

– Это столб позора, об него казнят изменников и татей, карать смертью за иные провинности у нас заповедано, – услышал Ванюшка сзади шепот Ростиславы.

* * *

КАСТИЙ

Нежданно хлопнула дверца каюты. Вошел Ефим, невольно разбудив Ванюшу.

Мальчик, присев на ложе, стряхнул остатки сна.

– Ну как? Все еще дурно тебе? – поинтересовался кормчий.

– Нет, токмо кушать хотца, – улыбнулся Ваня, ощутив, что морская лихоманка его отпустила.

– На-ка, воблу вяленую погрызи, а когда ушица поспеет, позову, – предложил Ефим, подав рыбку Ванюшке.

Кормчий вышел, а мальчик, поправив повязанную ленту Ростиславы, вновь попытался уснуть, но как он ни старался, сон не пришел.

Тогда Ваня поставил на ложе свою плетеную заплечную корзину, вынув плоский кошель из конской кожи, достал чакру, подаренную индусом. Аккуратно, чтоб не порезаться об острые края, надел ее на два пальца и, раскрутив, пустил снаряд в переборку.

Чакра ударилась в стенку совсем не в том месте, куда целился Иван, и, отскочив, со звоном покатила по полу.

– Вот те на! А я полагал, что забава сия сноровки не требует. Пущай себе да пущай – чакра и полетит, куды потребуется, – удивился разочарованно подросток, поднимая древнее оружие с пола, – придется руку набивать.

К вечеру он уже освоил технику метания чакры и теперь каждое свободное время оттачивал свое умение.

* * *

СИБИРЬ

– И повелеваем тебе, Архип Сотников, прибыть с хозяйкой и чадами твоими в Тобольск, для возглавия ремесла кузнечного во вся Сибири. Наделяем тебя кормлением и прозванием

дворянским за заслуги пред державой московской и государем Иоанном Великим. Лог же и места сии от Атлым-реки малой до Атлыма большого наделить тебе в вотчину, – отложив грамоту, закончил чтение дьяк.

– Ну что, матушка, подадимся в Тобольск, аль нет? – взглянув исподлобья на притихшую Ксению, спросил кузнец. – А дворянским сословием-то меня пожаловали за какие щи?

– Еще бывший воевода Иван Сукин в грамоте своей указывал про это – за заслуги твои в покорении Сибири. Не отыскали тебя сразу, а потом и вовсе не до грамот стало.

Дьяк, прищуриль глаза, неожиданно задал каверзный вопрос:

– Гришка-то тута часом не появлялся?

– Приказал долго жить Расстрига. В болоте утоп. Токмо сабелька-то и осталась да шапка соболья, – доставая вещи Григория из сундука, ответил дьяку Максим, до этого времени сидевший молча на лавке.

*-Тати – убийцы.

ГЛАВА 120

Севастьян, переночевав у Архипа и передав волю воеводы, под охраной четверти стрельцов на княжеском ушкуе отбыл далее на север, посулив обернуться к ледоставу.

Кузнец, проводив незваного гостя, тяжело ступая, побрел к избе. Навстречу ему спустились из лога мужики, выкупленные Ефимом из рабства.

– Архип, а как же мы?

– Населяйте да здравствуйте. Оброк с вас снимать не буду. Теперь это мой удел, так что живите и не тужите. Хотел я податьсь на Ионесси, да куда уж – через четыре года мне уж восемьдесят десятин стукнет. Видимо, на роду написано рабу Божьему Архипу доживать в Сибири свой век. Избу свою и кузню оставляю за Никитой. У него-то совсем лачуга обветшала, того и гляди завалится и вкупе с медведем придавит, – усмехнулся в усы Архип, но вдруг став серьезным, поднес огромный кулачище к носу одного из поселенцев. – Местный народец не забижать. Изведаю, что лиходейством занялись, приеду, передавлю, как блох, самолично! Зимой сруб заготовьте и по весне поставьте его на Пугоре, что меж Атлымскими юртами и нашим логом находится. Там вам рыбу добывать сподручнее будет, речка Атлымка рядом.

– Название чудное какое, Пугор, – удивился один из мужиков.

– Так это же бугор по-нашему, остяки-то словеса русского путем выговорить не могут, ну и талдычат – пугор да пугор – вот и

прижилось тако прозвание, – рассмеялся стоящий сзади кузнеца Максим.

К берегу спустились Угор и Рамиля с сыном. Вогул, поглядев из-под ладошки на удаляющийся воеводский ушкуй с дьяком и его командой, усмехнувшись, обронил тираду, развеселив всю компанию:

– Однако, Русь без дьяков что тайга без дятлов.

– Прикрой хайло¹⁶⁸, дурень, дойдет до ушей Севастьяна – спустят с тебя шкуру, как с козы сидоровой, и не посмотрят на твое шаманское начало, – сердито буркнул кузнец, отвесив вогулу мощный подзатыльник. – Где-то умный ты, как царский стольничий, а где дурень дурнем. Вот уеду в Тобольский острог, пропадешь же. Капусту с редькой нынешней весной и ту проквасил, дятел ты мой ненаглядный.

– Так погреб вода залила, – оправдываясь, пояснил вогул, – снега-то талого ныне полно было.

– Мякины у тебя через край в головешке. Вот ответь мне, почему в моем подполье водицы ныне ни капли не было?

– Место выше.

– Дурень ты. Я когда сруб ставил, березы вокруг избы не вырубал и даже еще присадил – они ведь весной воду из земли сосут – и сок мне дают на брагу, и воды в погребке нет. А ты, лешак ленивый, все березки порубил зимой на дрова, чтоб в лес не ходить. Вот вода к тебе и пришла. И не помогли твои причитания шаманские: «Извини мать земля, простите березы, что рублю я вас, мне ведь печь топить нечем», – передразнив Угора, попрекнул друга Архип. – Одним днем живешь, как лось сохатый. Отхожее место и то не сладил. Все в кусты шмыгаешь, а как снег сойдет, токмо лепехи твои и собирай.

– Неправда, я на реку бегаю, по ледоходу весной все унесет!

– А по малой нужде? Токмо и слышно, как Рамиля вопит: «Сынок, не ешь желтый снег за избой, не квас это!» – расхохотался от своей же шутки кузнец.

Ночью Архип проснулся от причитаний и бормотания Ксени. Присев на лавке, он огляделся. В потемках у красного угла

¹⁶⁸ Хайло – самое узкое место в дымоходе русской печи, прикрывается задвижкой (вьюшкой).

перед иконами, опустившись на колени, неистово молилась его благоверная:

– Взыщи нас, погибающих, Прясвятая Дево, не по грехом бо нашим наказуеши нас, но по человеколюбию милуеши, избави от ада, болезни и нужды и спаси нас...

– Ты чего это, Ксюш? Пошто закоптеныши слезами умываш? – прикрыв рот ладошкой и сладко зевнув, поинтересовался кузнец. – Коль до Тобольска ехать не жаждешь, ты прямо и поведай, мы и тут доживем свой век. Я тоже шибко не горю под кнут воеводы идтить.

– Ванюшка мне привиделся во сне, Архипушка. Будто тонет сынок в пучине морской. Молит о помощи. А вокруг его молнии мерцают да гром гремит...

* * *

КАСТИЙ

Внезапно налетевший в один из вечеров шторм продолжался уже более четырех суток. Ушкуй швыряло по морю, словно перышко.

При каждой накатившейся волне палубу плоскодонного судна заливало водяным потоком. Вода, с пеной пройдя до кормы, сливалась за борт через два клюза¹⁶⁹, выполненных для транспортировки плотов и мелких лодок.

Вся немногочисленная команда находилась на верхней палубе, по очереди выгребая веслами навстречу волнам, и лишь Ванюшка с Тимохой, черпая ведрами воду в трюме, подавали ее наверх, подгадывая момент, когда судно поднимется на гребень очередной волны.

Плоскодонный ушкуй тяжело хлопал днищем о воду при набеге каждого вала. Ване и Тимофею в темном, холодном чреве суденышка казалось, что каждый удар будет последним и судно развалится, как спелый арбуз.

Но добротной собранной умелыми сибирскими мастерами ушкой вопреки всем прогнозам, скрипя и треща, достойно переносил удары стихии.

¹⁶⁹ Клюз – прямоугольное отверстие в борту судна для якорного или буксировочного каната.

Работая на ощупь, подростки слаженно трудились, не обращая внимания на шишки и ссадины, радуясь каждому мгновению слабого света при открытии люка на кичке, через который принимали у них наполненные ведра.

– Я не ведаю, куда нас сносит. Ночь кончается, на небе тучи, по звездам место не угадать, – держась за мачту, крикнул Ефим.

– Главное не утопнуть, а куда снесет, опосля разберемся, – держась обеими руками за мачту, ответил Ибрагим, стараясь перекричать свист ветра.

– Сдюжим, волна уже на спад пошла! К полудню распогодится!

К рассвету ветер действительно постепенно начал стихать. Через некоторую пору исчезли и белые барашки на гребнях волн. В серо-свинцовых рваных тучах появились прогалы, и в них обозначились потухающие звезды.

Ефим, успев определить курс и примерное место нахождения своего ушкуя, ахнул:

– Нас же снесло к Солнечной Фортеции! Я жительствова там три года, когда из рабства выкупился. Нарын Кала¹⁷⁰ крепость сия прозывается.

– Может, ветер повернет на Астрахань?

– Ежели и повернет, ходу нам ден пять, и запаса питьевой воды не хватит – нужно запастись, чтоб идти далее. Коли все одно к берегу подойти потребуется, так уж лучше в Нарын Кале причалить, нежели к скалистому берегу. У тебя, Ибрагим, грамота ханская имеется, заявишь, что купец из Сибирского ханства, пошлину заплатишь – и дел-то. А я с сыновьями течи законопачу.

– Галера нагоняет! – крикнул Тимоха, разглядев еле заметные паруса на горизонте.

Ефим, взглядевшись вдаль, подал команду:

– Утятницы наверх!

Янычары подняли два малых орудия из трюма и установили их на корме. Ванюшка сбегал в каюту за огневыми припасами, хранящимися в сухом месте.

– Заряжай сечкой! – распорядился кормчий, – на abordаж пойдут, встретим залпом, на другое дело эти пукалки негожи, вот кабы Чоховку Московскую¹⁷¹ сюды, тогда бы другое дело было.

¹⁷⁰ Нарын Кала – крепость в г. Дербент, Современный Дагестан.

¹⁷¹ Чоховка – Царь-пушка, отлитая Андреем Чоховым в 1586 году.

– С ней уже бы давно потопли, – улыбнулся Ванюша, заряжая утятницы, – она двадцать пудов весом, никакой ушкой не сдюжит, а коль еще и ядра к ней погрузить, то вовсе камнем на дно.

– Это персидская купеческая галера, – утвердительно заявил Тимофей, спускаясь с мачты, куда он забрался для лучшего обзора, – вона, гля, на бортах портиков для наряда нет.

– Догоняют нас, но пройдут правым бортом в саженьях пятистах, у галеры две мачты, а знамо, ход быстрее. Тоже, поди, в Нарын Калу поспешают. Ветерок-то попутный, рабам раздолье, хоть отдохнут гребцы-горемыки, – наблюдая за приближающимся судном, рассудил Ефим.

Галера, сокращая расстояние, медленно настигала однопарусный ушкой.

– Ашо! И ашо одна на окоеме¹⁷²! – закричал Тимоха, показывая рукой на появившиеся за кормой паруса второго судна на горизонте.

По палубе первой галеры, пригибаясь за бортами, пробежали два человека, таща в руках какую-то снасть.

– Они кошку абордажную ладят! – предупредил Ефим попутчиков, успев разглядеть оснастку в руках палубной команды.

– Сурьезное зело дело намечается, однако, впору пищали и самопалы доставать, – сказал Ибрагим и, легонько толкнув ладошкой Ванюшку, приказал: – Дуйте, робяты, в каюту, тащите наверх самопалы. Видать, подбру-поздорову не разойтись нам нынче.

Янычары, быстро установив плетеные щиты вдоль борта, укрылись за ними, приготовившись к сабельному рукопашному бою.

Плоскодонный ушкой, распустив квадратный парус, легко скользил, прыгая на волнах, рассыпая при каждом шлепке бисером миллионы водяных брызг.

Тяжелая же килевая галера с большой осадкой, имея два паруса, но теряя ход при каждой набегающей встречной волне, с трудом настигала преследуемое легкое суденышко.

– Ежели пальнуть сечкой с двух утятниц разом по парусу, то продырявим его, мож и расползется он на ветру? – предложил старший сын Ефиму.

¹⁷²

Окоем – горизонт.

– Как подойдут на полторы сотни локтей, пали, но не ранее. Все одно бой принимать. Так уж лучше першими начать, – согласился кормчий. – Ветер на море рьяный – может, и порвет драную персидскую парусину. Да и наш ушкой ниже, снизу вверх сечка полосой ляжет. Паруса-то у них льняные, видишь, мерклым лоском блистают. Коли были б конопляными, не порвались бы.

* * *

РУСЬ ИЗНАЧАЛЬНАЯ

Старый волхв поднялся с ложа. Подпалил лучину от очага и поставил ее в каменный шандал¹⁷³. Своды пещеры слегка осветили лики мерцающего пламени. Он наконец-то расслышал долгожданный топот коня знатного гостя, который потаенно от людей жаждал обратиться за советом.

– Здрав будь, княже, – поздоровался старец первым, когда, откинув полог, в пещеру прошел путник, – отведай с дороги настой свороборника¹⁷⁴, он усталость снимет, ясность мыслям твоим придаст, – протягивая ковш с отваром, предложил волхв, – ведаю, с чем пришел, от того и ответ припасен у меня. Потерял сыновей ты, княже, а сам состарился. И некому твое место наследовать ныне. Коли не разрешишь тяжбы сей, то смута великая пройдет в народах твоих, а в расприх, сам разумеешь, токмо и погибель родам нашим.

Гостомысл присел на чурбак напротив сидевшего на ложе старца.

– Я привез тебе чуни, Веденей, они избавят твои ноги от холода.

– В босых ногах вся сила. Старость приходит от ступ. Пока бродишь босой, ни одна лихомань не страшна, – прокашлявшись, ответил волхв, но чуни принял.

– Я про сон свой, отче, полагал тебе поведать. Привиделось мне ныне, что из живота моей дщери Умилы древо выросло, и под древом сим все наши роды поселились. Помоги разгадать мне сон вещей.

¹⁷³ Шандал (устаревшее) – подсвечник, канделябр.

¹⁷⁴ Свороборник – шиповник.

Веденей, поднявшись, прошел к выемке в стене. Достал оттуда сверток, развернул протлевшую с годами тряпицу и сдул с глиняной таблицы пыль, отерев ее рукавом рубахи.

– У меня имеются плашки жрецов асамских¹⁷⁵ с рунами о толковании грез, прочесть я их не в силах. Но в книге жизни сказано, что явится мне отрок из других веков и разберет вязи старинные. Вот тогда и разгадаем сон твой, княже. А тебе, князь, разыскать его в пребывающей поре придется, – изрек Веденей, подавая Гостомыслу серебряный шар на цепочке, – возьми шар, он тебе поможет обладать разумом людским. Его принес из Дровении со второго похода князь Сканд. Внутри сего шара бусинки смолы каменной, что жизнь продлевают. – Старец устало опустил на ложе. – Передал я тебе бусы смоляные – каждая век превращает в десять лет. Распоряжайся ими с умом и по усмотрению своему, наставляя народы наши на путь истинный, в особенности князей необузданных. Отойдут оне с веками от чаяний народа, упиваясь властью и ослепленные богатством. Загубят веру князья отцов наших, изведут волхвов, ища других богов. Тебе и бдить, чтоб не пропал с земли народ словен и русов.

Веденей прилег, закрыв глаза.

– А теперь ступай, княже, с миром, устал я. Да по приезду в Новгород пошли старейшин ко мне, к той поре разгадаю я уже сон твой.

¹⁷⁵

Асамцы – народность в Индии.

ГЛАВА 121

КАСПИЙ

— Это не персы! – внимательно приглядевшись к галере, закричал Тимоха, пробегая на корму. – Вон еще два струга казачьих следом нагоняют. Не палите по парусу. Я им покричу, мож признают. Это заводная галера, она быстроходная, нагоняет купцов и захватывает добычу, а следом струги подходят, товар перегружать.

– Ах, казачки-разбойники, так же, как и прежде, озорством промышляете! Ничего не изменилось, – усмехнулся Ефим.

Тимофей, сложив ладошки шалашиком, звонко крикнул:

– Я Тимоха Разя, племяш Никифора Чертока, а еще тут Сова Ефим с сыновьями!

– Пущай Ефим покажется! – донеслось с галеры. – Да парус уберите, что теперича за вами гоняться! А сам Черток-то где?

– Под Москву пошел, народ повел на подмогу.

– Кому помогать? Убит Ляпунов, а остальные по хатам разошлись.

На корму прошел Ефим. С галеры крикнули:

– Ты Сова будешь?

– Я с утречка был, – откликнулся Ефим.

– Куды оглобли навострил?

– На Дон пробираемся из Сибирского царства. Мать повидать – сказывают, совсем немощна старуха стала. Да и дело есть кой-какое.

– Мать жива твоя была, когда на Волгу мы уходили. У брата мово жительствоует.

– У Вольки Коршуна?

– Ты и прям Сова. Меня-то признал?

– А то, признал, конечно. Коршун ты, Ивашка. На Азов с тобой хаживали.

– Не Ивашка я, а Иван Савватеевич теперича.

– Я тоже уже не Ефимка, а кормчий воеводы сибирского. Водицы нам дадите? Шли на Астрахань, да штормом снесло, теперича хоть к берегу за ней приставай.

– Поднимайся на галеру, отметим твое возрождение, Сова, мнили мы, что сгинул ты в рабстве турецком!

– Не дождетесь, – пошутил кормчий, принимая конец веревочной лестницы, скинутый с борта галеры.

Подошли еще два струга.

Спустив паруса, легли в дрейф.

– Отсыпаться всем, – распорядился Ефим уже с палубы галеры.

Волна спадала и, лишь изредка набегаая, поднимала суда на гребень, заставляя скрипеть пришвартованными бортами.

Ванюшка, решив перед сном помыть пол в каюте, взял ведро и на веревке забросил за борт. Вытягивая полное ведро, замер от удивления. Из воды на него смотрели любопытные глазки невиданного им доселе животного.

– Тимоша! Зырь! – позвал он друга.

– Это же котик, их много тута, – глянул за борт Разя младший и, зевнув, предложил: – айда почивать, Ваня, почитай, четверо ночей водоливами были, не спали толком.

Ванюшка помахал рукой котикку, как старому знакомому, и пошел следом за Тимохой в каюту, на ходу повязывая ленточку Ростиславы.

Мальчишки, не раздеваясь, упали на тахту и сразу же погрузились в беспробудные сны.

* * *

– Очнись, соня! Побежали медведя будить! Комоедицу праздновать! – звонко рассмеялась девица серебряным колокольчиком. – Ты что, княжич? Не выспался, что ль?

Ванюшка, схватив девушку за руку, предложил:

– Побегли к речке?

– Ладно! – согласилась Ростислава.

Подростки спустились к воде, девица, глянув на горизонт, охнула.

– Что, во́роны? – не глядя на небо, поинтересовался Ваня.

– Кажись, они.

– Полста птиц, а значит, полста лодий, тьма воев пришло с другой стороны моря Варяжского. Пospеши отца упредить.

– А ты, княже?

– Мне до старца Веденя надобно, – спуская челнок на воду, ответил мальчик, – беги, беги, Ростислава. За меня не пекись, я воруясь скоро, вот токмо волхва навещу. Да и твои блины ему передам, ведь комоедица ныне.

Ростислава бросилась к дубу, где веселился народ, а Ваня, поплевав на ладошки, взялся за весла.

Хоть и стояло половодье, но течение на реке было едва заметно, и подросток легко преодолел расстояние до другого берега. Затащив в кусты челнок и наломав веток ольхи, Ваня прикрыл ими лодку от постороннего взгляда.

Оглядевшись и приметив едва заметную тропинку, уходящую вглубь леса, он вприпрыжку пустился по ней в неизвестность.

Лес становился все гуще и гуще. Лучи весеннего солнца почти не попадали на землю, задерживаясь в густой кроне вековых деревьев. Где-то вверху, тяжело захлопав крыльями, сорвалась с ветви птица.

Пару раз попались следы, оставленные кабаньей стайкой, пересекающие тропу. Тропинка, изгибаясь, бежала между валунами каменной гряды, которые словно огромный сказочный великан разбросал по лесу.

Наконец тропа уперлась в отвесную скалу. Осмотрев ее, подросток разглядел еле заметные каменные ступени.

– Ну, прям как на Чудо-озере! – удивился Ваня.

– Входи, отрок, входи. Да рогожу за собой одерни, чтоб тепло не выходило. Чтой-то зябнуть я стал часто, – раздался из глубины пещеры голос старца Веденя, – долго ты ко мне шел, уж робел я, что не дождусь тебя.

– Ты знаешь меня, отче? – спросил мальчик, привыкая к полумраку пещеры.

– Ведаю, ведаю, – прокашлявшись, ответил старец, – и предначертание твое зрю, маленький лекарь, и место твое в истинном мире.

Ванюшка, слушая ведуна, удивленно рассматривал его жилище. Все здесь было как в пещере на острове Чудо-озера. Так же на стенах имелись рисунки с изображением животных и людей. Печь для обогрева сложена точно так же. Такие же ниши в каменных стенах с таблицами.

– Возьми сверток с таблицами на столешнице, отрок, глянь, сможешь ли постигнуть руны давние?

– А что ж уповать, тут вырезано, как сны вещие толковать, – рассмотрев табличку, отозвался Ванюшка.

Веденей обрадованно крикнул:

– Старейшине нашему сон пригрезился, что выросло из живота дщери его Умилы древо, под которым разместились все роды наши.

– Наследие это, отче. Род пойдет от сыновей ее знатный. И создастся княжество несокрушимое под началом одного из внуков князя. Токмо угроза Умиле ныне исходит от сил заморских, коли не уйдет из града, погубит и сыновей, и себя загубит.

– Вот и возвертайся в городище, отрок. Есть лаз подземный у реки, ты найдешь его, он там, где брал челнок утром. Рядом капище, там Перун стоит, около него помост, отодвинь его в сторону. Ведет сей проход в клодец каменный. Через него в град и попадешь. А когда вороги вал возьмут, приведешь по нему Умилу и чад ко мне. Я их на Варяжские острова переправлю. Ступай и поспешай. Уж обложили округ городище недруги. А я мудрецам княжьем растолкую сей сон. Да грамоту вручу им от Александра Великого¹⁷⁶, который жалует нас землями от Варяжского моря до Хвалынского.

– А глянуть грамоту можно, отче?

– Эко ты какой любопытный, отрок. Коли вожделеешь и язык греков античных уразумеешь, возьми, прочти, – улыбнулся старец, глядя с любовью на не по годам смышленного мальчика, – не зря Гостомысл тебя десять веков искать будет.

– А почему я в один и тот же день попадаю в вашу жизнь, отче?

¹⁷⁶ Александр Великий – Македонский. (В данном случае: грамота А. Македонского славянам о пожаловании земель.)

– Это чтоб не изменить ход поры, сынок. Ведь каждая стрела, пущенная тобой, может навсегда поменять жизнь племен наших.

– А что станется с Ростиславой?

– Выведешь ты их и укроешь у меня, переждут они тут до той поры, покуда от Гостомысла верный муж не прибудет за ними.

Ванюшка, взяв грамоту Александра Македонского, присел на ложе.

– Зачем он подарил словенам и русам землю, отче?

– Александр шибко умен был. Разумел, что не одолеет он диких хазар и половцев в лесных дебрях. А торговый путь из Китая и Дровении по суше к Херсонесу там лежит, да не безопасен он. Вот и дарствовал земли. Мол, словены и русы вытеснят дикие народы, а потом нас он покорит.

– Так он половину мира покорил! Пошто половцев да хазар запужался, отче?

– Покорил там, где бились с ним в бою, выйдя в чисто поле. В лесу же дремучем не привыкли греки сражаться. Вот и пожаловали землю – в надежде на нашу подмогу. Да не успел исполнить сей замысел Александр, помер в походе.

Веденей подошел к Ване.

– Ступай, отрок, пора уже.

Спустившись к реке, юноша раскидал ветви, укрывавшие челнок, и спустил его на воду. Со стороны, где располагался град Рорик, потянуло пожарищем. Были слышны крики, звон железа и ржание лошадей.

Переплыв речку, Ваня, поднявшись на яр, осторожно выглянул из кустов ивняка. Городище осадили вороги. Пройти через няшу торфяного болота осаждающие не смогли, а деревянный мост был поднят. Внезапный приступ захлебнулся, жители были подготовлены к нападению. Оставалась длительная осада, что не входило в планы нападавших.

Лаз, прикрытый помостом, Ванюшка отыскал сразу. Подземный ход оказался вырыт добротню. Своды его подпирали бревна из тесаной лиственницы. Видать, древние мастера строили его на века. Воин среднего роста мог свободно, чуть пригнувшись, пройти по нему.

Выбив кресалом огонь, подросток разжег факел, взятый со стены лаза, и, пригибаясь, ринулся в темноту, держа в левой руке

навытяжку ивовую ветвь, которой на ходу принялся сбивать висевшую на пути вековую тенету¹⁷⁷.

Князь Годслав, или, как его называли в народе, Годослав, отдавая последние распоряжения по обороне, спустился с лесов частокола и устало присел у угловой башни. Ему поднесли ковш воды, набранной из колодца.

Князь отпил половину, а остальное вылил себе на голову.

– Упрел я, в железо одетый.

Это был священный колодец с выложенными из камня стенами. Из него подавали воду жениху и невесте, чтоб они разделили первую чашу будущей семейной жизни. Этой водой омывали усопших. Запрещалось священной водой поить скот и мыть полы. Жрецы многие века следили за этими обрядами. Вода в нем никогда не цвела и не затухала, была студеной и слегка солоноватой на вкус. Спускаться в колодец для чистки разрешалось только лишь волхвам.

– Эй, там! Наверху! Эй, эй!

Годослав вздрогнул. Голос исходил из глубины колодца.

¹⁷⁷ Тенета – паутина.

ГЛАВА 122

— **В**аней меня зовут, я приемный сын коваля Архипа, — шмыгая носом, отряхивая от мусора и тенеты свои вихри, отвечал на вопросы князя Годослава подросток, поднятый на веревке воротом из колодца.

— Зрю, что не кикимора болотная. Токмо говор у тебя, отрок, дивный, и обряжен ты, как печенег. Как про лаз-то узнал?

— Старец Веденей послал и наказал, чтоб я упредил тебя, княже, о коварстве данов. Кликать на брань непорочную по заре станет тебя князь данский, не верь ему, княже. Погубишь себя и дружину, а опосля падет и городище.

Князь усмехнулся и, вздохнув, ответил:

— Негоже князю бодричей от единоборства отказываться. А Веденею поклон от меня.

— Отче наказал, чтоб я увел этим ходом благоверную твою княгиню Умилу с чадами, коли вороги все же одолеют вал. Сын твой старшой, Рюрик, на Новгороде через многие лета сядет, и править потомки его будут долго.

— У старейшины Гостомысла есть внук и постарше.

— Волхвы и старейшины Новгорода не пустят Вадима на княжение, он в веру греческую посвящен.

Годослав внимательно посмотрел в глаза Ванюшке.

— Вроде малец ты еще, а смыслишь, как муж пожилой. Дай-ка глянуть мечик твой ножной, чудной он больно и заморский с виду.

Ванюшка снял вместе с пояском свой ножик и подал князю рукояткой вперед.

– Не заморский он вовсе, его коваль Архип перековал из бухарского железа.

– Бухарского? Не ведаю сие название.

– Это ханство такое, что рядом с Дравенией.

– Ходили наши пращуры в те края, слышал я былины в отрочестве. Славные мечи из похода приносили. Токмо перековали их наши деды, не дюжат они в стужу, крошатся, – с этими словами князь вытащил из ножен свой меч, – он болотный. Его многие лета держали в болоте, чтоб ржу выедала водица, и перековывали опосля, дабы всю гниль из железа вытянуть. И кии¹⁷⁸ его на морозе отбивали. Ну-ка, глянем, чей вострее и крепче станется?

– Мой, поди? – улыбнулся Ванюшка.

Годослав слегка стукнул лезвием ножа по своему лезвию. Раздался звон. Осмотрев ножик мальчика и свой меч, князь усмехнулся.

– А ведь верно ты молвил, отрок: на моем мече зазубрина, а на твоём мечике нету-ти. Как тако железо варит твой батюшка, ведаешь?

– И сам умею, княже, – довольный похвалой князя, ответил Ваня, – не раз самолично в песу¹⁷⁹ закладку делал.

– Ну-ка! Кия ко мне позвать! – послал князь за своим кузнецом.

Через четверть часа пришел огромный мужчина с шерстяной повязкой-обручем на голове и кожаным передником на груди.

– Звал, княже? – отерев руки о фартук, спросил он.

– Опроси мальчика, не от мира сего он – может статья, что-то свежего из его лепета уразумеешь. Вишь, как мечик его сапожный мой княжеский меч, что ты ковал, цапнул? – показывая зазубрину на мече, укоризненно усмехнулся Годослав.

– И впрямь дивно, не знаю я округ другого кия, что мечи ладит лучше моих, княже, – пробуя лезвие ногтем, удивился кий, – а ну-ка, ступай за мной, отрок.

Кузня у кия находилась на другой стороне городища, за скотным летним двором и овчарнями, вблизи водоема, в котором плавали утки и гуси.

«Кузня у воды, чтоб избы да острог не спалить ненароком!» – догадался Ваня и, удивленно рассматривая уток, потянув кузнеца за рукав, спросил:

¹⁷⁸ Кии – кузнецы (от слова кий, киянка, кувалда)

¹⁷⁹ Песа – римская печь для плавки железа.

– А пошто они не улетають?

– Верно князь глаголил, чудной ты. Куды ж им лететь-то, коль птица при дворах обитает? Прирученные они.

– А у нас оне дикия, токмо сетью или с пищали достать можно.

– С какой такой пищали?

– Ну, стрелой из лука, – опомнившись, перефразировал подросток.

– Вразумел, – нагнувшись над балкой при входе в кузню, отозвался кий, – гляди, малый, не зашибись, темно тут.

Ваня, пройдя вовнутрь кузни и чуть привыкнув к полумраку, осмотрелся. По стенам кузни повсюду висела на крюках сбруя и различная утварь. На огромной дубовой столешнице лежали несколько заготовок мечей, лекал для ножен, личин, носов и бармиц для шеломов¹⁸⁰.

Ванюшка, взяв готовый шлем обеими руками, надел его и пропел вспомнившиеся слова из «Задонщины», прочитанной им в книге, выменянной у купцов новгородских.

– Сядем, братие, на свои борзи комоки, испием братие шеломом своим воды быстрого Дона, испытуем мечи свои булатные.

– Здравомыслящ шибко ты, отрок, – удивился кий, присаживаясь на лавку, – токмо вот мечи у нас не булатные, а болотные. Потому как держим мы их в болоте по два-три лета, чтобы ржа выедала плохое железо. А потом холодными перековываем – и вновь в болото. Меч князя Годслава о осьми лет кован. А теперича, ну-ка, поведай, как в стороне твоей чужеземной бухарайцы железо варют и мечи киянят?

– Я былъ тебе, дядько кий, поведаю, о которой мне индус Гаджи-Ата сказывал, мож и узнаешь что нового.

– Гласи, я сызмальства обожаю байки слушать, – улыбнулся кузнец.

– А можно и мне послушать? – раздался девичий голос.

На пороге стояла дочь князя, Ростислава.

– Проходи, княжна, послушаем эту сороку бахвалистую.

– Случилось сие в давние века, когда ашо Александр Великий не народился, – присев на чурбак у верстака, начал Ванюшка, – то было еще до похода Сканды в Дравению, до того, как, воротившись в

¹⁸⁰ Шелом – шлем. Личина, нос – части шлема. Бармица – кольчуга на шлеме для защиты шеи.

град Асгард¹⁸¹, князь Сканд получил благословение от князя Одина на уход туды, где земля очистилась ото льда. Стало быть, еще до прихода на ваши земли князя Словена.

– Ух ты! – хлопнула ладошками девица по коленкам. – Я такое от бабушки слыхивала. Что Сканд далее пошел, а Словен тут осел. Потому нас словенами и кличут. А Сканд свою землю Навией нарек, вот и кличут теперича его правнуков сканданавами.

– Вот-вот, в ту давнюю пору жительствовавал и коваль один в самой глухой дравенской деревне. Ковал он железо, ладил орала¹⁸², а вечерами на досуге бусы и ожерелья лил девам.

Да вот беда, железо у него выходило мягкое, править его какждодневно несли недовольные землепашцы. Измучился мастер. А тут как-то жрец пришел до него да и попросил, чтоб коваль купил корзинку меди, посулив ему славу через нее великую. Вот и купил кузнец корзину. В угол поставил ее да и забыл на некоторую пору.

Как-то дочь старейшины пришла к нему и просит ожерелье сладить ей к замужеству. Вспомнил кузнец про корзинку ту. Благо что в печи закладка железа пылала на новое орало. Примостил рядом коваль медь и ждет, когда ж она плавиться станет. Ожидает, ожидает, а медь вовсе не плавится. Вскричал он тогда в бешенстве: «Ах ты, монах дрянной! Ты подсунул мне ложную медь¹⁸³! Обманул меня! Навелил никчемное!». – Ванюшка замолчал. Шмыгнул носом и тихо спросил: – Потешно ли?

– Сказывай далее, лешак вихрастый, – раздался из полумрака голос кия.

– В сердцах высыпал он ложную медь в расплавленное железо, а отковав орало, сунул в кадушку с жиром для закалки. День землепашец не идет орало править, два дня. На третий день коваль сам в поле пошел. Осмотрел орало, а на нем ни царапинки. И понял он, что секрет плавки твердого железа раскрыл, про что ему монах сулил. И стали жители Дравении так плавить железо и мечи ковать, а секрет сей в тайне великой держали. Да такие крепкие и острые мечи у них были, что через многие века прогнажи они греков, позарившихся на их земли. А вои Александра Великого итти далее

¹⁸¹ Асгард – древнейшее поселение. Ныне место, где расположен г. Омск.

¹⁸² Орало – соха, плуг.

¹⁸³ Ложная медь – никель.

вглубь Дравении отказались, потому как рубили их индусы, будто воду, до седла, вместе с кольчугами.

– Токмо сюды, сказывают, Александр не дошел, – подала голос Ростислава.

– Он шибко умен был, чтоб сюда идтить, это ему не стени. Тут леса дремучи и засеки¹⁸⁴ на пять дней пути, – отозвался кий. – Не пройти им. Александру вернее было заручиться миром со словенами и русами. А уж опосля нашими руками расправиться с половчанами и другими народами, да путь в греки до генуэзцев в Корсунь¹⁸⁵ проложить по суше.

В кузню донеслись крики толпы.

– Князь биться идет! Годослава на Вы вызвали!

– Выманили все же. Хорошего не жди. Айда-ка на вал, смотреть битву, – поднялся кий, – железу еще долго вариться.

С князем за ров вышла и дружина. Данов было больше, ведь Годслав отправил свой основной отряд для захвата и поджога вражьих лодий, и они еще не вернулись.

* * *

КРЫМ

Перебирая четки, Джанибек Гирей в задумчивости стоял на одной из башен крепостной стены. Внизу о скалы бились огромные волны разбушевавшегося Черного моря.

– Как жаль посла Сигизмуда – пана Шимчинского, в такую бурю даже ханская галера с умелыми гребцами не совладала с ветром и разбилась о скалы, – коварно усмехнувшись, произнес хан.

– Очень жаль, очень жаль, повелитель, – поклонившись, отозвался тайный советник.

– А далеко ли ершерлек¹⁸⁶ из Сибирского ханства?

¹⁸⁴ Засака – завал на несколько верст из деревьев ветвями к противнику. Оставляли лишь дорогу. Большое войско вынуждено было растягиваться в узкую колонну, которую истребляли по частям из боковых засад.

¹⁸⁵ Генуэзцы – основатели Херсонеса. Корсунь – древнеславянское название Крыма.

¹⁸⁶ Ершерлек – посольство.

– Они миновали казачий волок под Царицыным острогом и по Дону спустились к Азову. Послом идет Ибрагим, потомок Едигерхана и прямой родственник по мужской линии почтенного хана Сейдяка. Ибрагим – мужественный воин: за смерть своего отца он свершил кровную месть и зарезал узбека Кучум-хана. Он мурза и названный брат боярина Истома Пашкова.

– Того Истома, что был воеводой у первого самозванца?

– Да, повелитель.

– Не усматриваешь ли ты тут козней Сигизмунда?

– Нет, господин. Польский король давно в распри с боярством Руси.

– Где стенобитные орудия для мурзы Ибрагима?

– В Адисе, повелитель. Четыре орудия и по десять ядер к каждому.

– Собирайся в Адис и встреть там посольство. Тридцать лун держи их без приема, еще пятнадцать торгуйся, якобы ждешь от меня согласия. После продай им наряд и вручи грамоту о моем покровительстве. Ступай.

Династия Гиреев в Крыму являлась вассалами Османской империи и давно тайно стремилась к независимости. Поддержав же восстание Сибирского, Казанского и Астраханского ханств, могла наконец-то избавиться от векового попечительства султана. В случае удачи крымский хан мог занять господствующее положение в новом каганате.

– Русь как никогда слаба. Падет Казань – отрежем дорогу на Астрахань и Сибирь. Речь Посполитая не имеет средств для ведения войны. Сейчас или никогда! – рассуждал Гирей, созерцая с высоты крепостной стены грозное пенистое море, машинально перебирая четки.

Он поманил рукой писца и стал диктовать грамоту мурзе Ибрагиму.

* * *

СИБИРЬ

– Вона, несет чума друга боярского! – вынув трубку изо рта и выпустив через ноздри сизый дым, усмехнулся вогул, кивнув на север.

Архип, прищурившись, глянул на низовье Оби. Там действительно показался парус.

– Севастьяна черти несут. Думал, не поспеет он к ледоставу. А нет, обернулся, черт плешивый. Придется все ж на Тобольск идти ныне. Прилип он ко мне, как банный лист к заднице, и, видно, не отстанет, покада не исполню волю воеводы, – вздохнул кузнец и рывкнул на друга: – Да не дыми ты, шаман противный!

– Зато, однако, когда дым, мошки нет, – усмехнулся Угор, вновь выпуская через ноздри дым, – ты поедешь, мне баню отдай, моя шибко холодная.

– Голова у тебя студеная. Мы, почитай, четверть века тут житьельствуем, а ты все лбом об верхний косяк бьешься в моей бане, да так и не смекнул, пошто порог у меня высокий.

– А правда, зачем высокий? – прищурившись, поинтересовался Угорка.

– Чем выше порог, тем пол у бани теплее. Твоя и холодная, что порожек для воробья слажен.

Через неделю, дождавшись попутного ветра, воеводский ушкуй, приняв на борт Архипа, Ксению с Полиной и Максима, пустился вверх по Оби.

Провожали всем миром.

Рамиля с Мамаркой долго стояли еще на берегу, вглядываясь вдаль, словно надеясь, что семья Архипа, передумав, вернется.

А в это самое время в Тобольске формировался отряд из охочих и служилых людей для похода на восток Сибири, к далекой и неизведанной реке Ионесси. Основанием являлась давняя грамота Сургутскому воеводе Якову Петровичу Барятинскому от царя Бориса Годунова, написанная еще 18 сентября 1601 года, но в связи с событиями смутного времени большой поход все откладывался и перекладывался.

Кетский острог же в акватории Енисея, возведенный первыми землепроходцами и осаждаемый тунгусами, молил о подмоге.

Воевода Тобольска, отбирая людей, знал, что без мастеров кузнечного дела в походе придется туго, и планировал с помощью Архипа подготовить два-три человека, способных до данного ремесла.

ГЛАВА 123

АЗОВ

Ваня проснулся, подошел к кадушке и, набрав полный ковшик водицы, вылил себе на голову. Мотнув, будто медвежонок Хвонка, косматой головой, юноша бисером рассыпал холодные капли по стенам каюты.

– Не шали! Совсем ты чумной стал! Во сне бубнишь, ногами дрыгаешь. Так и заговариваться начнешь. Вот выкраду я у тебя пеструю ленту, пока почивать будешь, мож враз и поумнеешь, – отряхивая плечи и лицо от попавших на него капелек, возмутился Тимофейка.

– Ленточку и не помысли трогать, а то вмиг вновь в зайца обращау, – поправляя на шее шнур с Никитиным шаром, отозвался Ваня.

Услыхав про превращение в зайца, Тимофей чуть приостыл. Поднялся с лжанки и, тоже набрав в ладошки водицы, плеснул себе в лицо, а следующую порцию воды – шутливо – в лицо Ванюшки.

Подростки, взвизгнув, принялись дурачиться, обливая друг друга водой.

С палубы раздался строгий голос Ефима:

– Все наверх, в Донской лиман выходим!

Впереди расстилалась гладь Азовского моря.

Два месяца назад, на Каспии, крепость Нарын Кала встретила их неприветливо. Спускающийся с гор туман укутал вековые башни и стены. Виднелся лишь широкий заход из двух высоких стен, спускающихся от основной крепости в море, сложенных из желтого камня-ракушечника.

Распорядившись встать на якорь, Ибрагим, переодевшись в дорожные одежды, как и полагает мурзе и послу из Сибири, взяв с собой для охраны и солидности янычар, сыновей Ефима и Ваню, отчалил в сторону крепости.

Мурза оставил на ушкуе для охраны Тимофея с Ефимом да тайно находившихся на судне трех казаков-разведчиков, которые умеючи срисовывали угольками планы пристаней и укреплений.

Для прохода мимо Астраханской крепости на Волге и Азовского укрепления на Дону нужны были верительные грамоты от наиба¹⁸⁷, за которыми Ибрагим и поехал, прихватив с собой два мешка с пушinou и три серебрянных чайных сервиза старинной работы бухарских мастеровых.

Утром к ушкую подошли две маленькие торговые галеры, они доставили питьевую воду, сушеные фрукты и вяленую конину.

– Балык барма?¹⁸⁸ – рассматривая привезенные припасы, которые сопровождали его сыновья, спросил торговца Ефим.

– Бар, бар, – подтвердил купец, открыв кадушку с обильно просоленной осетриной.

Появление знатного мурзы в крепости не привлекло внимания жителей Нарын Калы.

Нарын Кала являлась воротами Кавказа и торговым портовым городищем. Крепостные стены, идущие от скалистых гор к морю, надежно перекрывали узкий проход в Персию.

Появление в крепости знатных людей было обыденным делом.

Тимофей, оперевшись о борт ушкуя, жадными глазами разглядывал богатство чужого города, где на берегу кипела торговля. Купцы трясли шелками, зазывалы приглашали прохожих в свои чайханы и дуканы. Повсеместно на пальцах у мужчин блестели золотые перстни, у женщин – серьги и ожерелья.

¹⁸⁷ Наиб – наместник.

¹⁸⁸ Балык барма? – Рыба есть?

– Брать штурмом надобно только с моря, – не по годам рас­судительно проговорил юноша, осмотрев схему, нарисованную казаком.

– Это точно, Разя. На стены нам не взойти, перебьют сверху из луков да пищалей, – согласился казак-разведчик, – а вот морем подойти можно, наши ялики плоскодонные, и осадка у них неболь­шая. А коли еще нагонный ветер на берег волну погонит, так и про­скачат струги.

– Тут одна бухточка есть по правую руку, там берег песчаный должен быть. А в других местах скалы, побьем струги о них. Ваня обещал разглядеть подход, – показывая пальцем на схему, согла­сился Тимофей.

Казаки, действительно, спустя пятьдесят лет возьмут штурмом Дербент и, набив до верхних палуб каждый струг коврами да дру­гой добычей, уйдут на Астрахань.

* * *

СИБИРЬ

Воевода Тобольска встретил Архипа радушно. Усадив за стол, лично преподнес братчину с брагой. Архип, отпив из нее три глот­ка, передал ее по кругу сидевшему рядом боярину.

– Ты уж не взыщи, Архип, что грамота Ивана Великого запоз­дала аж на четверть века, – приложив руку к груди, извинился вое­вода, – дарю тебе подворье и мельницу с кузней, а также людишек тамошных. Завтра грамоту о сем и составлю. А сегодня принимаем тебя в братчину нашу, – вновь поднося полную до краев деревян­ную чашу Архипу, вроде как виновато улыбнулся воевода.

Через месяц наступили холода. Иртыш сковало льдом. Отряд из охочих людей и полусотни стрельцов собирался в дорогу к дале­кому Енисею. Старшим над охочими уходил Максим.

Семидесятилетняя Ксения, понимая, что Максим уходит на­всегда и она, возможно, никогда не увидит более сына, ходила по избе с красными от слез глазами.

– Матушка, да не убивайтесь вы так. Ну, куда я с одной рукой годе­н? А так хоть на службе государевой состоять буду. Кузнечное дело налажу на новом месте. С обозами и еще с какой оказией вам весточки слать буду.

– Понимаю я все, Максимушка, что Архипу девятый десяток пошел и мне восьмой, а тебе свою жизнь налаживать нужно, сам-то, почитай, не молод уж. Токмо все одно горюю. Ванюшка запропастился в дороге, и ты меня покидаешь. Одна радость у меня осталась – Полинушка. А как замуж выйдет боярыня наша? Совсем мы одни останемся.

Архип, сидя на лавке, молча подшивал в дорогу пимы Максиму.

Он бы и сам не против был пуститься в дорогу, да заботы, которыми наградил его воевода, не отпускали. С рассвета и дотемна Архип разъезжал по округе, проверяя и налаживая кузнечный промысел. Еще в довесок добавились заботы по наладке мельниц, которых уже имелось в городе и его окрестностях немало.

* * *

ПОВОЛЖЬЕ

Сотник Иван Никитич, ловко соскочив с коня, передал поводья холопу. Обстучав от дорожной грязи сапоги, поднялся на крыльцо избы воеводы Царицына.

– Видать, важный гость пожаловал, коли во двор воеводский въехал верхом, а не завел под узды коня в ворота, – смекнул царский наместник.

– С посланием, батюшка, от воеводы земли Сибирской, – доложил Иван, подавая вынутую из рукава грамоту.

Сорвав печать, воевода раскрутил грамоту и самолично прочел ее.

– А моя какая помощь тут?

– Дозволь на постой встать, покуда ушкой с волока не возвратится. Сопровождать его в Сибирь велено.

– А что за нужда-то в Крым им идтить? Неужто смолу сбыть боле негде?

– Неведомо мне это. Мое дело служивое.

– Ну, неведомо так неведомо. Ступай на постоялый двор к Кривому Алеше, скажешь, я распорядился пустить на постой тебя и людей твоих. А покудова ожидать будешь, приставлю я твоих стрельцов к воротам на караул. Харчи отрабатывать надобно же вам.

– Премного благодарен, – поклонился Иван.

Сотник вышел, а воевода, глядя ему в спину, усмехнулся:

– Ох и хитер же шельмец. Ведь ведает же, плут, за каким делом посланы послы из Сибири в Крым. Ну, ничего, зима впереди, выпытаю.

* * *

Хвома шел за Никитой, тяжело передвигая лапы. Он уже не был тем маленьким веселым медвежонком. За старцем шел матерый медведь огромных размеров.

Остановившись, косолапый спутник Никиты настороженно вдохнул ноздрями морозный воздух.

– Что? Дымком потянуло? Я тоже чую, что кто-то в нашей избе обосновался. Пойдем-ка, братец, с подветренной стороны зайдем, чтобы собаки, коли они есть, тебя не почуяли.

Перейдя по чуть окрепшему льду Атлымки, старец с медведем углубились в лес, обходя избушку с подветренной стороны.

Пайза, подбросив свежих поленьев в печурку, устало присел на лавку. На льняной веревке сушились мокрые вещи.

И как его только угораздило провалиться под лед в пяти верстах от избы, он и сам не понял. Собачья упряжка, проскочив по льдью, звонко твякая, ушла вниз по реке, оставив своего хозяина в воде. Купец долго не мог выбраться из водяного плена. Сняв с пояса топорик, он замерзающими руками прорубил в неокрепшем льду прогал к берегу и уже там, подтянувшись, выбрался на загороженный первым снегом берег. Хлюпая мокрыми тисами по еще не промерзшей земле, остяк побежал напрямки к Никитиной избушке.

Мокрую, потяжелевшую от воды малицу он бросил на берегу, понимая, что в ней ему долго не пройти.

Благо что изба была уже недалеко, и, пробежав около часа по лесу, он, уже основательно продрогший, открыл подпертую поленом дверь.

В печи по сибирским законам лежала закладка дров с берестой. Тут же находились и кресало с трутом. Выбив искры и раздув трут, остяк разжег бересту в печи.

Пока дрова разгорались, Пайза подпалил взятую с полки лучину, обойдя избу, снял с крюка плетеную корзину. Достал из нее сухую безрукавку и Никитину длиннополую льняную рубаху. Быстро скинув мокрое исподнее, он, пододвинув лавку, уселся напротив топки. Печь уже ладно гудела, потрескивая поленьями.

– А ведь и впрямь Золотая Баба заколдована. Как токмо о ней подумаю, так в воду и окунусь. Предупреждали меня отец и дед, что гиблое дело искать ее. Так нет же, не верил, – прошептал он посиневшими губами, заваливаясь спать на лавку.

Пригрезилась ему во сне Баба Золотая. Сидит, улыбается, – ну что, Пайза, разыскал ты меня? Теперича жена я тебе вечная. Будешь жить со мной в одной юрте, натирать меня до блеска сажей да греть меня в стужу своим телом.

С этими словами наклонилась Золотая Баба к Пайзе да и лизнула его в губы, а после дыхнула ему в лицо такой вонью противной, что остяк веки открыл от такой мерзости. Да как открыл, так и закрыл сразу.

Потому как лизала ему губы не Баба Золотая, а огромный медведь, вошедший в избу.

Опершись о косяк, в дверном проеме стоял Никита:

– Пошто мою рубаху напялил? Чучело ты огородное. Опять, поди, Златую Бабу тут ищешь?

– Меха Архипу вез. Да упряжку упустил и сам провалился.

– Нет Архипа более в Сотниковом Логу. Вызвал его воевода в Тобольск, – хлопнув ладошкой медведя и выгнав его на улицу, присевши на лавку, грустно вздохнул Никита.

* * *

ПОВОЛЖЬЕ

Князь Дмитрий Пожарский, встретившись в Ярославле с сотником Иваном, поставил ему задачу – прибыть в Царицын и ожидать там долгожданного ушкуя с орудиями. Без наряда даже и думать брать Московский кремль, где засели поляки, не смел князь. Только людей зазря положишь под стенами.

В это самое время в Нижнем Новгороде Кузьма Минин сумел объединить посадский люд с купечеством и боярами для сбора средств на покупку оружия и наем служилых людей. Неудачи первого ополчения и убийство Ляпунова только сплотили население Руси, привив повсеместно ненависть к польским захватчикам. Воеводой ополчения единогласно избрали Дмитрия Пожарского.

Гетман Жолкевский, предвидя опасность, нависшую над польским гарнизоном в Москве, срочно выехал на встречу с королем,

просить двенадцать тысяч воинов, но Сигизмунд медлил и всю осень 1611-го и зиму 1612 года помощи не слал.

А в это время Ибрагим к концу зимы все же сторговался с советником крымского хана. И теперь на берегу Темрюкского залива загруженные орудия лежали в трюме ушкуя, ожидая ледохода на Дону и Волге.

ГЛАВА 124

БАНИНЫ ГРЕЗЫ

Окруженная врагами дружина князя таяла на глазах. Падали под копыта своих коней сраженные воины. Годслав, подобно зверю, рубился в самом центре сражения.

Как и предупреждал старец Веденей, князь данов Годфред не вышел биться один на один с князем, а дал команду своим воинам окружить дружину бодричей и уничтожить.

Жители городка Ророга со стен беспомощно наблюдали за битвой. Оставшиеся в городище лучники достать врага не могли: расстояние, на которое выманили даны князя, было слишком велико.

Отряд, посланный уничтожить корабли, тоже попал в засаду пятитысячного пешего полка, выдвигающегося по суше.

Годфред мстил князю Годославу за позор, учиненный им его кузену герцогу Сигурду Трафалбассу, которого на турнире у короля франков Карла Каролинга усадили на сутки в ослиное седло, прикрепленное к бревну позора.

Годслав тогда выиграл турнир и был удостоен главного приза – белого коня. Князь бодричей на пире после турнира заключил вассальский договор с Карлом Каролингом, а его воеводы Полкан и Дражко разбили десяти тысячное войско данов – войско, которое в то время считалось самым сильным в мире.

– Я повешу тебя, так как биться с тобой – слишком много чести, – с ненавистью глядя в глаза связанному князю, рывкнул Годфред.

* * *

Выйдя из подземного хода, Ванюшка, кий и Умила с детьми быстро спустились к реке, по глади которой расстился туман.

Их отход прикрывал брат князя Годослава Добромysl.

Уже когда они были в лодке, почти на середине реки, прилетевшая стрела вонзилась в щит Добромысла, которым он прикрывал Умилу и детей. С десятков вражбх лучников, выбежавших на берег, изготовились к стрельбе, но, взглянув на юношу с раскачивающимся в его руках серебряным шаром, вставшего во весь рост в лодке, безвольно опустили луки.

– Стоять истуканами до заката! – донесся голос Ванюшки с туманной глади.

Лодку уносило течением, и вскоре она скрылась за поворотом.

Прыскакавший со свитой Годфред изумленно уставился на лучников, которые, безвольно опустив луки, словно каменные болваны, стояли вдоль берега.

– Упустили змеиное семя! – хлестнув плеткой вертящегося под ним коня, крикнул он. – Всех казнить! – распорядился Годфред, брезгливо кивнув в сторону загипнотизированных воинов.

* * *

Старец присел на ложе рядом с юношей и с любовью погладил его по кучерявой голове.

– Благодарствую тебе, отрок, весьма доброе дело ты сладил. И за это будешь ты среди избранных вечно. А ленточку я приберу – более нет нужды тебе в ней, вне опасности ныне семья князя.

– А как же Ростислава, отче? – чуть не заплакал во сне от досады Ванюшка. – Не увижу я ее более?

– Нет, Ваня. Живи нынешним днем. Ростислава отбудет на остров Буян. У нее народятся дети и внуки, один из них будет наречен Иоганном, то бишь Ваней, в честь тебя. Много веков пройдет, никто на земле не будет ведать, что кровь моя течет в венах Ростиславы и ее потомков. Внуки и правнуки ее позабудут родную

речь, станут считать себя выходцами из других народов Поморья. Но коли придет трудная година, из рода моего великая царица на престол Руси сядет. Даны разрушат Рарог. Мастеровых людей уведут к себе. Старец Веденей спасет семью Годослава, а Умила воспитает из сыновей великих воинов.

– А дядько кий?

– Кий уйдет с поклоном от Веденя к волхву Валдаю на моховое болото. Откуда по Днепру спустится к хазарскому поселению, какое они называют Кыйем, что по-нашему Высоким мысом зовется, да там и осядет. Ведь добрые ковали везде надобны. Освоит там новый промысел и, скупив лодии и ушкуи, перевозное дело через реку наладит.

Гостомысл вздохнул, помолчал и добавил:

– А вот себя Веденеюшка не уберег. Убил его вой данский. Убил и смолу каменную похитил, злыдень. А кто именно посягнул на жизнь старца непорочного, разведать мне не удалось.

– Я видел лико лыцаря, но имя его не ведаю, с дружиной Годфреда он пришел, но коли встречу еще раз, узнаю, – прошептал во сне Ваня.

– Встретишь, встретишь, отрок, я слово дал, что ответит тать за совершенное злодеяние, рано или поздно, но настигнет его возмездие, слово княжеское непоколебимо. И, чаю, ты-то мне в этом и поможешь.

* * *

АТАЫМ-РЕКА

Собаки, весело потягивая, тащили нарты, в которых дремал старик-вогул и шестилетний мальчик. Ребенок, в отличие от отца, одетого, как обычно, в вышарканную за долгие годы службы малицу, был наряжен в комбинезон, пошитый Рамилей из добротной выделанной шкуры молодого белого оленя, с оторочкой по краям капюшона и рукавов из меха черного песка. Отец, внук шамана, вез сына на смотрины.

«Коли не оборотит его Золотая Баба в медведя, когда он к ней прикоснется, то быть ему хранителем великой тайны северных народов. Ну а превратит, так тому и быть, знамо духи так пожелали», – размышлял Угор в полудреме, раскачиваясь под бег лаек.

Мамарка ткнул дремавшего отца в бок:

– Батюшка, упряжка навстречу идет! А хозяина нету-ти! Одни собаки и нарты порожние!

Старый вогул, очнувшись от дремоты, подслеповатыми глазами из-под ладони глянул вперед. Где поворот Атлым-реки выводил речку на прямую версту, показалась собачья упряжка, движущаяся навстречу. Собаки тащили пустые нарты.

– Мож беда какая? – останавливая и разворачивая поперек русла своих лаек, обратился он к сыну.

– Дедушка Пайза, поди, нашу Бабу Златую выискивал, а его злой дух Сорт Лунг проглотил. Это его упряжка, однако, – рассудительно ответил малец, разглядев знакомые пестрые ленточки на запряжках и расслышав вдали звон медного колокольчика.

Собаки, подбежав, остановились. Увидев человека в малице, поднявшегося со своих нарт, они завили хвостами, жалобно повизгивая, как бы извиняясь перед встречным путником за то, что потеряли своего хозяина.

Вогул развернул чужую упряжку – айда за мной! – крикнул он сыну и, прыгнув в Пайзины нарты, погнал собак вверх по реке.

* * *

Никита прислушался к шуму на улице.

– Никак упряжки по реке идут. Пойду медведя в землянку-дровяник закрою. А то ненароком какую лайку лапой зацепит, потом греха не оберешься.

Никита вышел, а Пайза, поднявшись с лавки и подкинув свежих поленьев в печь, подошел к веревке потрогать мокрые вещи. Ноги его стали ватными, и он без сил опустился на лавку.

Дверь в избушку распахнулась, и на пороге появился вогул.

– Опять ты шкуру трешь тут? Ведь предупреждал же тебя: забудь о Бабе Золотой. Что за порода у вас купеческая? всю жизнь на чужое заритесь. Нельзя ее видеть и трогать – вмиг в медведя обратишься, как хромой дед Мамар! Святыня это наша, коль попадет она в чужие руки, не станет более остяков и вогулов. Вымрут без покровительницы.

– Я к Архипу ехал.

– Не бреш! Бабу ты искал! Забирай собак и поезжай назад восвояси! Нет более Архипа в логу, теперь я там хозяин. С рассветом чтоб духу твоего не было на Атлымке.

– Прозяб я, Угорушка. Уж больно нехорошо мне.

Пайза закашлялся, лицо его побагровело, на лбу выступили маленькие капельки пота.

– Э, да никак жар у тебя! – приложив ладонь ко лбу остяка, смекнул Угор, чуть смягчив тон. – Ты приляг-ка на лавку. Искупулся в польнье, а годков-то нам с тобой, братка, уже немало, – укрывая старого знакомого своей малицей, распорядился вогул.

– Горит внутри все, – вновь закашлявшись, прохрипел остяк, заваливаясь на лавку, – на левый бок ложусь – совсем задыхаюсь, – добавил он.

– Ему бы в баньку сейчас, так где же ее взять, – отозвался вошедший Никита, – давай-ка мы его, Угор, разотрем пихтовой выгонкой.

Утром третьего дня Пайзе совсем поплошало.

Остяк метался в огненном бреду, захлебываясь мокротой и душащим кашлем. Не помогало ни растирание пихтовой выгонкой, ни отпаивание кипятком с медом.

Изредка, приходя на несколько мгновений в сознание, Пайза красными глазами оглядывал избушку, поднимал руку и, найдя помутневшим взором сидевшего подле него Угора, гладил его по руке, приговаривая и слезно прося:

– Ты б, Угорушка, перед смертушкой показал бы мне Бабу Златую, ведь всю жизнь я ее увидеть желал. Что я скажу отцу своему, когда повстречаю его в стране духов? Не нашел? Не видел? Хоть бы одним оком глянуть на нее. Знамо перепрыгал ты ее нынешней весной, так как, каюсь, был я в пещере на Чудо-Озере и не сыскал Золотую Бабу там.

– Нашел все ж таки пещеру, росомаха ты дрянная! Дед твой пропал, отец искал и сгинул, а ты все же отыскал остров, вот упертое семя! – блеснул очами недовольно вогул, – меня за эту тайну в рабство узбекам продали князьки ваши саматлорские!

– Не гневайся, Угорушка, Гришку Расстригу я разыскивал в урмане по указу дьяка. Ведунья Яга дьяку гадала иглой на ните по рисунку моему, да указала, что игла кружит над тутошними местами. Знамо здесь и вурдалак сгинул. Его в сыск объявили. Они с Еремой, примаком мельника, обозы на тракте караулили, душегубством

промышляли. Дьяк сказывал мне, что Григорий ведает, где хранится золото Ермака, и что подался Растрига за ним на Атлым-реку. А по дороге сулил с Архипом покончить. Вот и послал Севастьян меня, посулив награду. А коль откажусь или не выполню указ его, грозил юрты наши на Саматлоре пожечь.

– Уже ничего не ведает Расстрига. Утоп в болоте он у меня на глазах, – отозвался Никита, подбрасывая дрова в печь.

Вогул поднялся:

– Ты, Пайза, дождись меня. Не уходи в страну духов, мне за Бабой в две луны обернуться надобно. Ее все одно перевезти надобно, – уступая место у большого Никите, наконец-то согласился вогул, – спас ты от медведя Ванюшку, увел упряжку от волков с Ксенией и хворым Архипом. За это увидишь ты Бабу Золотую и даже потрогаешь, коли дождешься меня.

– Дядько Никита, твой медведь уснул в землянке-дровянице, я его лапником закидал. Теперича, поди, и не добудитесь до весны, – войдя за сбруей и вещами, обратился к Никите мальчик.

– Ему давно пора спать. Хвома и прошлую, и позапрошлую зимы там до весны дрых. Облюбовал он землянку, теперь уж не выкурить. Да и мне меньше хлопот, кормить его не надобно. А куды Бабу-то перепрятал батюшка твой?

– В дальней землянке зарыта, сказывает.

– Рекой-то путь долгий, уж больно русло петляет, да ледок еще местами тонкий. А вы поезжайте по нашему с медведем следу. Бурана не было, лапы Хвомы и в темноте различите. Все лето там обитал, а чай, и не мыслил, что с Золотой Бабой под одной крышей житьельствую, – посоветовав, улыбнулся Никита.

Старый остяк практически уже не приходил в себя.

Никита, налив в рукомойник воды, вставил в сосок маленькую иглу. Теперь падающие в деревянное ведро капли отбивали время. Как только в рукомойнике заканчивалась вода, волхв переворачивал Пайзу на другой бок и смачивал его пересохшие губы мокрой тряпицей. А после, присев на лавку, и прислонившись к бревенчатой стене, дремал, ожидая, пока вода не отобьет новое время.

Утром ведун, выйдя на крыльцо, прищурился от яркого света. Ночью выпал снежок.

– Кабы со следа не сбились, – оглядев полянку перед избушкой, заволновался Никита.

Спустился в ледник. Накормил лаек Пайзы мороженой рыбой. Сходил в землянку-дровяник за дровами. Осторожно, чтоб не разбудить спящего Хвому, укрытого любовно Мамаркой еловыми ветвями, набрал из поленицы охапку березовых дров.

Нужно было протопить избушку так, чтобы раздетый волхвом донага Пайза не мерз. Старый остяк в горячке уже ходил под себя. Никита терпеливо подкладывал под него сухие тряпицы и укрывал больного дерюгой, прополаскивая грязные пеленки и развешивая их на морозе.

– Плох же ты совсем, братец, – утирая с губ тряпицей кровавую мокроту, вздохнул Никитий, – уж и жир тебе давал рыбий с живицей, и мед с березовыми почками. Ты уж постарайся, милай, дождись Угора с Мамаркой, хоть погладишь свою Бабу окаянную, будь она неладна. Ведь сколь людей из-за желания ее добыть сгинуло, да сколь еще пропадет, никому неведомо. И ничего-то в ней нету. Видал я ее. Сидит себе болванчик золотой и ладошки лодочкой около уст сложил. Вроде и не баба. У китайских купцов видал я такие, когда в рабстве был, токмо малых размеров. А в этой пуда два, поди, злата будет, вот и вся цена ей красная. От Ермака-то поболее злата хранится, но вас, рыбоедов, оно и не интересует, странно, однако.

Остяк, услышав последние слова Никиты, пришел в себя. Схватил волхва за руку и потряс. Но сказать ничего не смог – только, выпучив глаза, кивнул в сторону висевшей на оленьих рогах своей собольей шапки.

Никитий поднялся, снял шапку-малахай остяка и прошупал подкладку. Надорвав и вытащив из-под нее маленькую грамоту, развернул у лучины.

То был указ воеводы князьям Югорским о поимке и сыске скитальческого идолопоклонника волхва Никития, коего лицезрели купцы из местечка Березова, на подгорном поле Оби между двумя речками Атлымками, Большой и Малой, шагающим берегом с ручным медведем яко с собакой дворовой. И как мужа, ведающего место схрона клада Ермака Тимофеева, а также за богохульные речи средь северского народишка, велено при поимке его доставить в Тобольск немедля. Или сообщить о месте схрона злыдня першему ближайшему целовальнику.

Никита, обронив грамоту на земляной пол, присел подле больного, задумавшись.

«Дьяк Севастьян кружил тут все лето, все вынюхивал да спрашивал. Поди он и донес воеводе», – рассудил он про себя.

– Тебе кто эту грамоту дал? Севастьян?

– Не...

– Воевода?

Остяк кивнул головой.

И вдруг Никита все понял.

В Крым за орудиями ушли послы из Сибири, забрав драгоценности Ермака. Это затея самого воеводы. Про оставшуюся часть клада никто кроме Никиты, Архипа и вогула не ведал. Коли Архип еще не в пыточной, – рассуждал волхв, – а наоборот, одарен воеводой вниманием, значит, замысел воеводы один: подать в Московский разрядный приказ ложный донос о месте схрона сокровищ атамана Сибири. Запутать семибоярщину, вставшую на сторону Сигизмунда, и дать возможность сотнику Ивану Никитичу доставить пушки от волока с Дона под Царицын князю Пожарскому в Ярославль.

У Никития отлегло от сердца.

И не за себя он опасался. Боялся он за своего друга Архипа, когда-то предложившего ему бежать вместе с Угором и Аникой из рабства. За Ксению и Максима с Полиной волновался. А особо за Ванюшку – ведь он тоже ведал дорогу к Чудо-Озеру.

* * *

ВОЛГА

Ванюшка жадно вдыхал свежий ветерок, гуляющий по глади реки.

За время переволока ушкуя с Дона ох и напарился он под степным жарким солнышком! И теперь, когда ушкой на начало Седмицы вышел на просторы Волги и пошел под парусом, подгоняемый попутным ветром, подросток, развалившись прямо на палубе, дремал после ночной вахты.

Ефим с сыновьями по очереди вставали к кормовому веслу, управляя судном, отдыхая тут же на скамьях и палубе. Большой льняной парус, закрепленный без блоков и различных премудростей, снизу прикрепленный прямо к скамьям гребцов и наполненный ветром, гнал ушкуй вверх по течению.

Вдоль берега верхом двигалась полусотня стрельцов Ивана Никитича. Сам же Иван находился в каюте с Ибрагимом. Сотник прихватил с собой бочонок виноградного вина. И теперь приятели, потягивая его из кружек камышинками, вели задушевный разговор.

– Ты, Ибрагим Сабырович, уважаемый мурза в Сибири. Имеешь свои наследные улусы. Зачем тебе нужно оставаться в Московии? Дело свое мы сделали. Указ воеводы выполнили, на Фомину неделю будем в Ярославле. Там отдадим наряд – и домой, в Тобольск.

– Мне, Иван Никитич, брата названного Истому Пашкова найти надобно. Опосля казни царевича Дмитрия пропал он, как в воду канул. А у него бумаги остались о моем боярском звании.

– Так ты все равно мурза, то бишь царевич!

– Мурза без ханства – что поп без прихода. А грамоты с печатями царя Ивана есть зело крепкие свитки, – подливая вина Ивану, рассуждал Ибрагим, – я зарезал Кучума – жизни моим детям не будет в Сибири. У хана остались сыновья, которые вырежут мою семью со слугами и овцами при первом же случае.

– Так ты ж один?

– Есть невеста в Казани, туда и ворочусь.

– Не поздно ли в семьдесят годков-то?

Ибрагим отпил через камышину полкружки вина и, улыбнувшись собеседнику выщербленными желтыми зубами, пошутил:

– Уйлену дэ асылыпелу, ештен кеш якши!¹⁸⁹

Приятели расхохотались.

Тут Ванюшка просунул голову в дверцу каюты:

– Сарынь на кичку! Казань за бортом!

– Тыпу ты, леший, напужал! Я уж грешным делом подумал, ушкуйники напали, – усмехнулся Ефим.

¹⁸⁹ Уйлену дэ асылыпелу, ештен кеш якши! – Жениться и повеситься – лучше поздно, чем никогда.

ГЛАВА 125

Упряжка ходко шла напрямки, сокращая расстояние, не совершая петельных изворотов, руслом. Прошедшее лето выдалось засушливое. Тайга местами выгорела. Но огонь, доходя до русел многочисленных речушек, которые, как вены на руке, разрезали своими поймами урман, обычно угасал. И теперь зимой собаки бежали по следу Никиты и Хвомы меж черных обугленных стволов деревьев, редколесьем торчавших из засохшего летом и подмерзшего в начале зимы болота.

Мамарка, повернувшись к отцу, который хореем¹⁹⁰ управлял упряжкой, спросил:

– Отец, а откуда взялась Золотая Баба? Почему ее почитают наши народы?

– Этот сказ мне, сынок, поведал мой дед, а моему деду – его дед, а ему – его дед. Жило в далекие времена на этой земле племя шыбыр, хорошо люди жили, однако. Рыбу ловили, зверя били. Оленей пасли. Шыбырами их прозвали другие народы, что с их языка, стало быть, шелест леса называется. От земель лопарей и кильди на закате до земель динлинов на восходе принадлежали земли шыбырам. Но пришла напасть негаданная: упал большой огненный змей с неба в страну вечных льдов. Задрожала земля, и брызнули осколки льда в разные стороны.

¹⁹⁰ Хорей (курей) – шест для управления упряжкой.

– Как от камушка, который в шугу кинешь? – перебив, спросил Мамарка.

– Да, сынок, токмо камушек-то тот был немалым, говорят, величием с сорок гуртов оленьих.

– Ого-го!

– Стало быть, и брызги были с Архипову избу, а то и более.

Вогул прикрикнул на собак, подгоняя, и продолжил:

– Забило реки льдом до моря, а вода-то бежит с южных верховьев, и стала она прибывать да подтоплять земли шыбыров. Двинулись лопари да кильдь к зырянам и чуди, но и там их вода наступать стала, пришли они сюда, к нам, вогулам и остякам. Осели по берегам Оби народы, но следующие лета и сюды вода пришла. Двинулись все народы на Ионесси к динлинам, а дальше-то некуды. Далее земли врагов наших были, ведь за горами жительствоваало грозное племя табгачей, что косоплетами звались, однако. Прозвали их так, потому как они волосы в косы заплетали. Вода, однако, вскоре и туда пришла. Собрались старейшины и не могут решить, что делать им. А тут одна мудрая баба и говорит: недолго вода тут простоит. Нужно сорок лун всего продержаться, а там морозы наступят, лед станет, по нему и уйдем к большим горам на восходе. Разбирайте хижины, лес валите. Вяжите плоты и лодки готовьте. И поверили ей люди, и стали они плоты собирать да челноки рубить. Но вот беда! Веревки и кожаные ремни закончились у всех. Тогда обрезала мудрая женщина свои волосы для веревок. И все за ней последовали. Но кончились и волосяные веревки. Тогда мудрая женщина сняла с себя украшения золотые и кинула в круг старейшин: – «Делайте из них скобы!». Кинули в круг все свое золото люди и выковали скобы.

Угор остановил упряжку.

– Разводи костер, сынок, тут на ночлег встанем. Наст ныне еще колкий, собакам отдохнуть нужно и лапы вылизать да выгрызть наст меж пальцев потребно.

Угор срубил два сухостоя и, подтащив к месту ночного бивака, принялся рубить сучки, помогая сыну развести костер.

* * *
ВОЛГА

Иван Никитич, оглядывая с палубы ушкуя лагерь народного ополчения, расположившегося на берегу Волги, восхищался:

– Силища-то кака!

– Да, войско ныне немалое собрано и обучено. Благодарствую тебе, Иван Никитич, за пушки, тобой привезенные, – ответил князь Пожарский и, повернувшись к Ибрагиму с Ефимом, поклонился:

– И вам, мурза Ибрагим Сабырович, и тебе, казак Ефим Сова, поклон от всего народа Руси нашей.

– А нам? – шмыгнув носом, отозвался с кормы Разя-младший.

Дмитрий Михайлович подошел к подросткам и ласково потрепал по вихрам Ванюшку с Тимофеем:

– И вам тоже, робятки, поклон от земли Русской.

Князь и не мог предположить, что треплет он загривок будущему отцу великого бунтаря, который потрясет землю Русскую почище Смуты великой.

Через десять дней Ефим вернулся на своем ушкуе из Ярославля в Казань.

– Не пойду я более в Сибирь. Сыновей за женой и дочерьми с вами отправлю, обожду семью в Казани у Ибрагима и на Дон подамся, – заявил он сотнику.

– Ну, тогда не хворай. А я с полусотней да Ванюшкой через Сим-перевал до Тобольска за три седмицы дойду. Воевода весточку прислал, просит поспешать, так как царевич Алей набегу на острожки сибирские вершить принялся, мстя за гибель отца, хана Кучума. Много поселений пожег, людишек побил немало, – хлопнув друга по плечу, попрощался Иван.

* * *

СИБИРЬ

Мамар, глядя на искры костра, попросил отца:

– А далее, батюшка?

– Далее собрали люди плоты, а тут и вода подошла. Долго их носило по разливу. Сорок дней и ночей люди на плаву находились. Одни уж и роптать начали. Дескать, послушали глупую бабу, уж лучше было умереть на своей земле, чем сгинуть в окияне.

Но тут олени, которые были на плотях, прыгнули в воду и поплыли на восток.

«Гребите за ними! Олени землю чуют!» – молвила мудрая женщина.

Ночью сковало лед. И уже через две луны по льду шыбыры, динлины да другие народы дошли до сказочно богатой земли.

Разобрав плоты, они на упряжках доставили их на берег и построили хижины. А когда собрали все скобы, то принялись размышлять, как золото разделить между народами-то? Долго спорили, однако.

Встал тогда в круг самый старый шаман и речь молвил:

«Негоже забывать того, кто спас от гибели народы наши! Давайте из этого злата выльем изваяние мудрой женщины, чтоб помнили потомки образ ее. И пока храним мы святыню, не страшны нам ни потоп, ни огонь да другие беды. А горы эти назовем Алтын Ай – Золотая Луна, потому как зовут так мудрую женщину».

Вставая за хворостом, вогул окончил повествование:

– Вот и назвали они место, где жить стали, Алтаем. В следующие лета лед не успевал таять за лето, а вода новая прибывала из верховьев, зимой вновь намерзая еще боле толстым слоем. Так и сковалась торосами земля округ Алтая. И не могли вороги добраться до земли наших пращуров, и жительствоваали они в дружбе и согласии многие века. Ну а как лед сходить начал – то и народ обратно подался на земли предков. А чтоб ворогу али алчным людям Баба Золотая не досталась, сховали ее посредине земли шыбырской, на Чудо-Озере, назначив хранителем святыни твоего деда по сотому колону¹⁹¹. Вот и тебе теперича, да правнукам твоим, хранить опосля моей смерти, Мамарка, тайну великую доведется.

Вогул, поправил малицу у сына, лежащего на нартах и, подбросив хворост в костер, завалился на еловые лапы рядом. Мамарка спал. Дослушал ли он до конца сказ отца о Золотой Бабе аль нет, неведомо.

В ночи горел костер, на лапнике спали отец и сын, в снегу лежали, свернувшись калачиками, лайки. А над ними, как одеяло, стлалось огромное звездное небо. Сияли звезды над урманом.

¹⁹¹ По мотивам легенды, составленной Артемом Игнатенко (Алтай).

ГЛАВА 126

ЮЖНЫЙ УРАЛ

На постоялый двор въехали полсотни верховых стрельцов и две санные упряжки с путниками. Ванюшка слез с саней, отряхнул зипун от прилипших к нему стебельков сена, осмотрел двор и, увидев крытый навес конской привязи, принялся распрягать лошадей.

Хозяин двора, пожилой зырянин, обрадованно засуетился. Давненько не заезжало к нему столько народу. Последний обоз проходил еще весной, перед ледоходом. Летом путники передвигались в основном по рекам. Переваливали за камень через Сим и уже оттуда по Тоболу спускались до столицы Сибири. Имелся и северный путь, по которому когда-то прошел атаман Ермак со своей дружиной. Оба пути в то смутное и лиходейное время были трудными и небезопасными. Разбой на дорогах и реках пребывал обыденным делом, и путники старались попасть в обоз, охраняемый стрельцами, – все же они государевы люди. Но последние годы, когда ляхи засели в кремле Московском, про Сибирь вспоминали редко. Порой сами бояре держали своих разбойников и нападали на торговых людей и обозы.

Иван Никитич слез с коня, присел пару раз, разминая ноги. Повелел выставить караульных. Передал поводья подбежавшему зырянину.

– Ну, чем угощать станешь, хозяин?

– Пирог с зайчиной только с пылу да с жару. Ушица со стерлядью. Каша гороховая. Студень из рыбных потрошков.

Ванюшка сглотнул набежавшую слюну. Первый раз за десять дней пути им предложили горячую еду. До этого перебивались сушеными лепехами да татарским сыром. Ночевали в основном в юртах. Ближе к Уралу и Сибири пошли заезжие избы из добротного собранного тесаных бревен да обширные постоялые дворы.

Внутри избы стояла огромная печь. Вдоль стен находились расставленные лавки. Посередине, возле печки, имелся стол, на который уже расставляла деревянные миски хозяйка.

Уставшие за день пути стрельцы повалились на лавки, прислонив к стенам пищали и бердыши.

На дворе вновь раздался топот копыт.

– Кого там нелегкая еще принесла? – недовольно буркнул стрелецкий сотник, – и так яблоку упасть негде.

В избу в шикарнейшей песцовой шубе ввалился боярин. Следом за ним вошли несколько казаков.

– Посланец от государя к воеводе Намацкого острожка Григорию Федоровичу Елизарову боярин Куракин Василий Афанасьевич, – представился он.

Иван Никитич поднялся из-за стола.

– Ну, проходи, Василий Афанасьевич. Поведай нам, что в Москве нового?

– Выгнали ляхов из Москвы, Иван Никитич, – узнав сотника, молвил боярин, – осталось токмо Новгород у шведов отобрать. Боярина Романова Михаила Федоровича на царство венчали, – скидывая шубу в руки холопа, стоящего позади, ответил боярин.

– Это сына Филарета? Коего царь Борис Годунов в монахи постриг?

– Его самого. И нет более Смуты на Руси. Поднялся народ, от мала до велика, да прогнал шляхтичей. Князь Пожарский велел тебе кланяться, коли повстречаемся.

– Значит, и наши пушки пригодились, – стукнув ладошкой по столешнице, обрадовался Иван, – тащи, хозяин, братчину, хлебом медка за государя Михаила Федоровича!

Василий Афанасьевич, усевшись за стол, продолжил:

– Король Сигизмунд в большой обиде на крымского хана. Прознал он, что за пушками вы подались к хану. Засады всюду на вас ставил. Думал, вы Днепром пойдете на Валдайские горы. Но

вы переплюнули его лазутчиков – Доном, Волгой подались. И теperича велено воеводам сибирским далее на восток продвигаться, людишек местных под государеву руку подводить. Да вот беда, тунгусы бузу подняли, остяков побили у Кетского острожка. Не могут простить князьяца Намаки за то, что острожок разрешил на своей земле поставить.

– Братец у меня там, Максимушка. С одной рукой он, его все знают. Поклон передайте, – отозвался Ванюшка, выглядывая с печи.

– Передам, передам, – кивнул боярин, замороженно глядя на серебряный шарик, раскачивающийся маятником в руках юноши. – Все одно нам с вами до Тобольска вместе идтить.

– А пошто на Тобольск-то, это же крюк какой? Вам югом надобно, вдоль Иртыша, – удивился сотник.

– Дело государево велено исполнить, – оглянувшись на спящих стрельцов, прошептал думский боярин. – Сыск учинить по доносу дьяка Севастьяна. Пишет, дескать, ведает людишек, кои злато да серебро атамана Ермака укрывают.

– И кто ж, коли не тайна это?

– Архип Сотников да товарищи евонные – вогул Угорка и бродячий язычник Никитка. Думали, навет это, но поймался тут казачок, что разбоем промышлял по Смоленской дороге. На дыбе и завопил, дескать, знает, кому Ермак Тимофеев злато отдал на хранение – токмо жизни не лишайте. Сказывал, что мальчонкой еще был, оленей две упряжки помогал выводить за ворота, когда из крепости бочонки вывозили. Тогда в крепости с голоду пухли и огненное зелье заканчивалось. Только и было что вывозить в бочонках – так это сокровища Кучма. Ведь бежал он в одних портках из Искера, знамо с собой ничего и не прихватил. А там у него в гареме на каждой жене злата по пуду было, да блюда, кубки и другая утварь. Утаили казачки тогда от царя Ивана сокровища. Обоз от них в следующую зиму токмо ведь с пушшиной в Москву пришел. Там и кормчий Ефим в деле замешан, потому как остался в Казани и в Сибирь не пошел. Жинка у него в Тобольске, у нее и выпытаем, как споймать злыдня.

Сотник Иван глянул на занавеску у печи, где спал Ванюшка. И подумал: «Пооди, не услышал малец, спит без задних ног. Намаеялся в дороге, – и, глянув на охмелевшего боярина, еле заметно усмехнулся: – Если и есть сокровища, то не твои оне, боярская рожа».

– Тебя, Иван Никитич, трогать не велено, – продолжал Куракин, – потому как зело доброе ты дело сделал. Пушки из Крыма доставил. Да ты и не ведал, сколько бочонков схоронено у воров. Казак на дыбе вспомнил, сколь бочонков тогда на две упряжки вошло. А в ушкуй-то Ефима вы половину токмо загрузили.

Среди ночи спящий в малой избе для черного люда старший сын Ефима проснулся оттого, что кто-то его тормозил за ворот овчинного тулупа.

– Вставайте, дядька, будите братца. Беда пришла.

– Ты, Ваня? Пошто не спится? Завтра дорога долгая, нужно отдохнуть, ступай на печь в большую избу.

– Немедля надобно в дорогу пускаться! Думский боярин сыск учинять едет.

Светила полная луна.

Хозяин постоялого двора, услышав шум, выбежал во двор в исподнем. В распахнутые ворота, поднимая снег копытами, выпорхнули три верховых. Забежав в большую избу, чтоб разбудить знатных постояльцев, он на пороге наткнулся на стоящего со свечой Ивана Никитича.

– Тихо! Цыц! Пошел спать, холоп! Не твоего ума дело! Рот не закроешь – заporю! – угрожающе прошептал сотник и, захлопнув дверь, взглянув на спящего за столом хмельного боярина, улегся на лавку.

* * *

СИБИРЬ

Никита, услышав тьяканье собак, вышел на крылечко.

– Ловко вы обернулись.

– Так напрямки же, – ответил Угор, поднимаясь с нарт. – Пайза-то жив еще?

– Не ушел он в страну духов, тебя дожидается. Токмо плох совсем.

Вогул поднял с нарт плетеную заплечную корзину:

– Привез я ему бабу, пущай посмотри.

Пайза пришел в себя, повернул голову и обомлел. Перед ним на чурбаке стояла Золотая Баба, которую он искал по урману всю свою жизнь. Дрожащей рукой остяк нежно потрогал золотое изваяние.

– Вот и увидел я тебя, Золотая Женщина. В стране духов, повстречав отца и деда, поведаю им, какая ты.

ГЛАВА 127

Пайза ушел в мир духов тихо. Не убирая руки с изваяния Золотой Бабы, пару раз шумно вздохнул и затих. Никита поднялся, подошел к усопшему и попытался закрыть ему веки. Одно веко никак не поддавалось. Тогда ведун приложил на непослушное веко бухарскую монетку и, отойдя к печи, присел на лавку.

– Я буду петь священную песню, а ты смотри за Мамаркой, чтоб его дрем не одолел. Душа Пайзы должна переселиться в спящее животное. Душа может поселиться и в теле ребенка, если он будет спать рядом. Мамарка сейчас уведет и привяжет собак за рекой. Дух далеко не пойдет и поселится в птице или белке, что спят рядом.

Вогул поджег палочку-лучинку от огня в печке. Воткнул ее в земляной пол избушки и, вытащив из второй корзины бубен, запел заунывную песню предков, которые, услышав ее, должны были встретить Пайзу в ином мире.

Долго пел вогул, пока не стало темнеть. Никита и сам уже умылся холодной водицей и пару раз тормозил начинающего зевать сына Угора.

Угор отложил бубен и, плюнув на пальцы, затушил тлеющий фитилек.

– Его душа нашла себе тело. Духи говорят, оно больше белки или птицы.

Никита, очнувшись, вдруг подскочил с лавки:

– У меня же в землянке за поленницей Хвонка спать завалился!
Тут кто-то толкнул дверь в избе. Она заскрипела, и в проеме
показался мокрый нос медведя. Вогул, приперев дверку плечом,
закричал:

– Давай, уходи, Пайза, иди на Чудо-Озеро!

У Никиты пробежали мурашки по спине, и он, забыв, что дав-
но уже проповедует ведическую веру, три раза широко перекре-
стился. Мамарка зажался за печку, широко раскрыв глазенки.

– Уходи, сказал. Зимой в пещере спи, весной привезу тебе Бабу
Золотую!

Послышался вздох и удаляющийся хруст лап по насту.
Раздался лай и визг привязанных на том берегу собак.

Никита приоткрыл дверь и осторожно выглянул на улицу. На
той стороне реки Атлым, взобравшись на крутой берег, стоял его
медведь.

Услышав скрип петель, он обернулся и, раскрыв клыкастую
пасть, обиженно рывкнул на весь урман.

В спину Никиты сопел Мамарка.

Вогул, раскурив свою трубку, успокоил:

– Вас он не тронет, но ежели чужой на остров сунется, загры-
зет. Тебя, Никита, он и так помнит, а ты, сынок, возьми пояс-
сок Пайзы с ножом на память, он тебя по нему и признает. А когда
придешь на остров провожать меня в страну духов, дождись, чтоб
уснул мудрый ворон, и споешь песню предков. Так делали мои деды
и отец, так сделают и твой сын и внук. Так будет вечно, пока жи-
вут остяки и вогулы, пока храним мы Золотую Бабу и поем песню
предков.

Угор поднес олений пух к лицу Пайзы:

– Сур атым ко¹⁹², кайонных¹⁹³ улетела.

Шаман расплел умершему другу волосы, омыл лицо чистой
водицей. Надел одежду и обувь и сделал на них надрезы, пояснив
Никите с Мамаром:

– Это чтоб частички наших душ, которые Пайза нечаянно
прихватил с собой, вышли и вернулись к нам. – Отрезал у себя клочок
волос и положил в кожаный мешочек: – Когда весной вернутся
птицы, сожгу. Птицы наши души в небо забирают, к духам наших

¹⁹² Сур атым ко – он умер.

¹⁹³ Кайонных – душа-комар.

отцов и матерей. Только не знал я, что медведь твой залег рядом – теперь Пайзе быть медведем. Но он и вожделем им быть. А вот чтоб не пришел к нам более, надобно порог и крылечко разобрать и выносить Пайзу, не открывая двери.

Утром, придя к большому валуну, вырыли могилу. Устелили берестой дно и, перевернув лодку-долбленку, накрыли ей умершего. Сложили туда копьё, лук со стрелами и другие немногочисленные пожитки.

– Он остяк, ему долбуша в том мире пригодится, – объявил Угор, и все с ним согласилось.

Вогул уходил последним. Погладил валун у могилки и прошептал заговор:

– Есть каменный медведь, есть живой. Я пойду к живому. Живой живет, где солнце всходит, каменный живет, где солнце садится. Каменный у мертвых, живой у живых.

* * *

ЮЖНЫЙ УРАЛ

Караульный стрелец только на рассвете обнаружил раскрытые задние ворота постоянного двора, служившие выходом к сеновалу и на огород.

Следы трех коней уходили через застывшую горную речку Йурузен¹⁹⁴ в тайгу, к вершине горы Машак.

Он вбежал в избу к Ивану Никитичу и заголосил:

– Коней увели лихие люди! Татар двоих в ночлежке нет!

– И Ванюшка пропал, – отдернув занавеску на печке, якобы удивился сотник. – Кода ты, Василий Афанасьевич, вчера с государеву тайну сказывал, он на печке и слушал! Кто тебя хмельного за язык тянул? Теперь ищи ветра в поле. А как государь узнает? Ходить тебе, Василий Афанасьевич, с ноздрями рваными!

Московский боярин испуганно выпучил глаза на Ивана Никитича, всю его думскую спесь как бабка отшептала.

– Не губи! Споймаем. Ведьмь как будто наваждение нашло на меня. Увидал мальчонку на печке с шаром на цепке – и память отшибло.

– Тебе не только память, а и ум отшибло напрочь.

¹⁹⁴ Йурузен – Юрюзань.

ГЛАВА 128

СИБИРЬ

На следующее утро Угор принес пучок сухой полыни и принялся окуривать избушку.

– Ты что, опять дударика¹⁹⁵ гоняешь? – лежа на лавке, спросонья поинтересовался Никита.

– Полынь нужна, дабы горесть из хаты вывести. Это полезительная трава, из жилища плохой дух выгоняет. Когда баба ворчит, или муж недовольный, или все у них не ладится, избу надобно полынью окурить – и жизнь наладится. Можно даже в воде запарить и стены да посуду помыть, раздор в доме враз пройдет.

Никита поднялся, подошел к кадучке, ополоснул лицо, промыл усы и бороду, пригладил волосы. Лукаво глянув на товарища, рассмеялся:

– Я тоже знаю одну чародейскую траву.

– Какую?

– Мокрицу.

– К коленям прилагать, чтоб не ныли?

– Нет.

– Кушать, чтоб печень не болела?

– Нет.

– Ну, глаголь, от чего, – сдался вогул.

¹⁹⁵

Дударик – комарик.

Никита посмотрел на спящего Мамарку и, улыбнувшись, поведал великую тайну:

– В отхожее место сыпешь – мух не бывает.

Друзья расхохотались, разбудив мальчика.

– А гляди-ка, лешак, полынь-то твоя помогла, созерцай, как в избе весело стало, – похвалил вогула ведун, – ты и впрямь лавку-то, где Пайза лежал, промой водой с полынью, а то как-то боязно на нее садиться, тем паче спать.

* * *

ЧУДО-ОЗЕРО

Мудрый ворон, сидя на ветке одинокой разлапистой сосны, обнаружил вдалеке еле приметное движение.

– Кар, – изрекла трехсотлетняя птица, недовольная, что в ее владения вновь вторгаются посторонние.

Вспорхнув с ветви и поднявшись ввысь, ворон увидел бредущего в полудреме огромного медведя. Косолапый зверь упрямо шел по льду озера к острову.

– Кар!

Хвома, а это был он, никак не реагировал на угрожающее карканье.

– Кар! Кар!

Ворон стремительно, сложив крылья, ринулся с высоты в атаку.

Но когда до медведя оставалось сажень девять, птицу отбросил внезапный поток воздуха. Пернатый повторил попытку, и вновь его оттолкнула неведомая сила. Тогда мудрая птица, отлетев от острова, села на пути медведя, преграждая ему путь.

Голодный Хвома, увидав ворона, ринулся было к добыче, но, ударившись носом в невидимую стену, отпрянул назад. Повторил попытку и вновь наткнулся на невидимое препятствие.

На ледовой поверхности Чудо-Озера встретились духи – духи предков Угора и пращуров Пайзы. Они теперь никогда не смогут навредить друг другу.

– Кар! – каркнул на всю округу ворон и, взлетев ввысь, закружил, сопровождая медведя.

А в темной пучине бездонного озера, в образе огромной, поросшей водорослями и пиявками щуки, скользило им вослед огромное чудовище Сорт Лунг, которое с удовольствием проглотило бы их обоих, но толщина льда позволяла лишь созерцать из холодной бездны недосыгаемые жертвы. Сорт Лунгу оставалось лишь наблюдать жадным и хищным взглядом Гришки Расстриги за жизнью на поверхности.

Ведь по преданиям народов Севера, как человек жил, кем он был – тем и станет, такое место обитания и приготовлено его душе.

Коли был ты змеюкой подколодной, ей и окажешься в следующей жизни.

* * *

ТОБОЛЬСК

Рано утром, пока Архип еще спал, Ксения вышла из избы, чтоб вылить вечерние обмывки поросенку. Его купили летом на ярмарке, в день святых Бориса и Глеба, куда она с Архипом ездила отдать купцам на сбыт выкованную подмастерьями утварь и оружие. Поросятку везли домой в кушаке мужа, уж больно он был еще маленький. Но к морозам Святополк, как его назвал Архип, подрос. На вопрос Ксении о странном прозвище поросенка коваль, усмехнувшись в бороду, пошутил:

– Святополк погубил смиренных братьев своих Бориса и Глеба, чтобы княжить в единственном числе. Вот мы и поквитаемся за святых. Вырастим злыдня и зарежем. Ведь купили-то его в их день.

Святополк действительно рос подлым хряком. То норовил за ногу укусить, когда Полина или Ксения управлялись в его клетки. То, перепрыгнув жердины, гонялся по сарайке за ополоумевшими курами. Один раз даже, паразит, в соседний огород залез, за что был бит ухватами обеих хозяек.

Услышав топот лошадей, замедляющих рысь, женщина обернулась на ворота.

– Кажись, к нам.

В калитку громко постучали.

– Матушка! Дядька Архип! Отворяйте скорее! Это я, Ваня!

Медный таз с обмывками выпал из рук Ксении и с грохотом покатился по деревянному настилу переднего двора.

– Сынок! Ванечка! – заголосила женщина, отпирая запертый забор.

– Тише, матушка, тише! Не стоит нам ныне посад поднимать. Чай не с доброй вестью я воротился, – прошептал Ваня, обнимая мать.

* * *

ЮЖНЫЙ КАЗАХСТАН. РАЙОН ЖАНАТАСА

Арбу качало и трясло. От каждого резкого толчка Исатай морщился от боли. Укрытый овчинами, он, то впадая в беспамятство, то приходя в сознание, беспомощно лежал на сене.

Его поредевшая тысяча возвращалась из дальнего похода.

Год назад, видя, что на Руси не утихает смута, и ей не до помощи казахскому ханству, заручившись поддержкой южных султанов, хан Бухары Имамкули напал на районы Каратау и Аспары, нанеся неисчислимые бедствия степному народу.

Но благодаря хану Есиму, его настойчивости и стойкости, на следующий год собралось огромное войско, в которое вступил со своей тысячью и Исатай.

Храбро сражался воин, иногда забывая, что ему далеко не тридцать девять лет, каким читатель его узнал в начале повествования, когда, преследуя бежавших рабов, он натянул поводья на берегу реки Ишим.

Но, несмотря на старость, Исатай был еще сильным и здоровым воином и сам повел своих батыров к Самарканду.

Только вот при штурме города ему не повезло. Когда он шел на первый приступ цитадели, узбекская стрела угодила ему под мышку, попав в незащищенное место между доспехами.

Его тауип¹⁹⁶ долго не решался извлечь стрелу, до оперения вошедшую в тело батыра, опасаясь последующего внутреннего кровотечения.

Самарканд войска хана Есима взяли уже без него, наголову разбив бухарские отряды.

Рядом в арбе находился юноша, который периодически бережно поправлял под головой раненого отца подушку.

¹⁹⁶ Тауип – лекарь.

– Нет моего друга Ванюшки, он бы тебя вылечил, отец, – вновь и вновь повторял Ваулихан, беспомощно наблюдая, как тают последние силы у Исатая.

А далеко-далеко, на севере бескрайних степей, Ботагоз, управившись с делами, каждый вечер выходила на берег Исиля, подолгу вглядываясь вдаль в надежде увидеть возвращающийся с юга отряд, любимого мужа и сына...

ГЛАВА 129

ТОБОЛЬСК

Архип, выслушав Ваню, поднялся с лавки. Тяжело облокотившись на столешницу, прокашлялся.

– Вот Севастьян, вот опарыш! Воду мутит за спиной воеводской. Не мытьем, так катаньем, себе пользу выискивает. Все же до нес, паскудник. Поди и воеводу очернил, выслуживаясь.

– Что же теперича будет, Архипушка? – выставляя на стол чугунок, всхлипнула Ксения.

– Покамест боярин не прибыл с царевой грамотой, пойду до князя, разведу. У нас же на Руси кто первый прибег, тот и безвинен.

Ванюшка вышел на двор, вывел лошадку из конюшни, запряг в сани.

– Может, мне с тобой, дядька Архип?

– Не стоит тебе пока на вежды¹⁹⁷ народу являться. Ты лучше, покуда я до воеводы ежу, Святополка зарежь да кур поруби. Видать, и впрямь дорога дальняя нам вскоре предстоит. А ты, – обратилась он к Ксении, – пробеги по посаду, якобы корову собралась продавать, и слух пусти, что к Максиму на Енисей уезжаем. Зовет, мол, давно, вот и дерзнули туды податься.

¹⁹⁷ Вежды – глаза.

Воевода, выслушав Архипа, тяжело поднялся с лавки. Раскрыл оконце. В светлицу хлынул поток свежего, морозного воздуха.

– Не избавлю я тебя, Архип, от происков дьяка думского. Мой совет: покуда тучи не разойдутся, схоронись на время. Коли уж и государь в байку про Еремино золото поверил, так ничего не сладить тут, как токмо укрыться тебе в урмане. А потеплеет – я знать дам. Сегодня вечером жди сватов. Давно твоя Полина и мой Олешка глазки друг другу строят. Вот подворье свое в приданое и отдашь, вроде как и не отберут его тогда.

На том и порешили.

Архип, спускаясь со ступенек крыльца, лукаво усмехнулся:

– Вот плут воевода! И рыбку съел, и на трон сел! Все, чем одарил меня, назад себе и вернул. Видать, загодя рассчитал все. А я-то, дубина стоеросовая, думал, все от души дарено. Действительно молвит народ, дураков не сеют, не жнут, они сами растут.

А воевода из раскрытого оконца, прищурившись, взглядом прожигая тулуп на спине Архипа, рассуждал:

– Коли не суждено у тебя мне выведать про Еремино злато, то все одно, передашь ты тайну по наследству. А окромя Полинки, никого у тебя нет. Не я, так сын мой, Олеша, выведает место схрона. Не зря же я с грамоты государя пыль сдул и в бояре тебя произвел, подворье и мельницы, изъятые у опальных людей, тебе в дар отдавал. Можно было бы, конечно, и на дыбе все выведать. Но тебе, старому лопуху, не сдюжить пыток. Неладом околеешь, и уйдет в могилу тайна твоя. А я ждать умею, Архип, и тайну хранить могу, я не болван, как дьяк Севастьян. Государь далеко, Бог высоко, а в Сибири я голова, и сын мой по праву местничества тут воеводить станет.

Вечером воевода прислал сватов.

Полина, пылая румянцем щек, стояла, опустив голову, у печи. Девушке давно приглянулся сын воеводы. Она и не подозревала о закулисных играх будущего тестя. Как, впрочем, не подозревал ни о чем и стоящий под полатами счастливый Алешка.

* * *

ЮЖНЫЙ КАЗАХСТАН

Исатай попросил остановить арбу. Терпеть тряску он уже был не в силах. Видимо, у него был жар, так как лоб покрылся мелкими капельками пота, а тело бил легкий озноб.

Еле заметным движением пальцев он попросил сына наклониться.

– Передай Ботагоз, что твоя мать была любимой и единственной женщиной. Я буду ее ждать в цветущих садах. Дед Валихан и я оставили тебе все, что имеем, управляй с умом. Джунгары, бухарцы – наши враги, у нас много врагов, и только с орысами наш народ может их одолеть. Когда я покину этот мир, похороните меня там, где это произойдет. Сынок, складывая камни на мою могилу, говори с ними и проси у Всевышнего для меня рая, – Исатай прокашлялся и продолжил: – Сегодня ночью ко мне явился старец. Он поведал, что род наш прославится, а внуки твои станут великими людьми, будут служить русскому царю. Я ему верю, старец являлся мне и раньше, и все, что он предвещал, сбывалось.

Исатай вновь потерял сознание.

Отряд двинулся дальше.

Воин умер тихо, ночью, во время привала.

Утром Ваулихан подошел к отцу поправить овчины, но душа аркара¹⁹⁸ была уже далеко.

К полудню следующего дня отряд двинулся далее, оставив в степи небольшой курган из камней. На воткнутом копье трепеталась зеленая ленточка. Каждый проходящий путник знал: здесь покоится не отомщенный воин.

* * *

СИБИРЬ

Наступил жгучий морозами декабрь.

Обь начинала гореть. Вся рыба, которая еще не задохнулась, поднялась в малые речки и встала в ямах у живунов, чтоб хоть как-то выжить. Ей было уже не до еды. В ямах, сбившись в плотную стаю, стояли рядом, бок о бок, хищники и травоядные. Наступил загар¹⁹⁹, а значит и сезон рыбной ловли.

Вогул каким-то третьим чутьем отыскал на речке новую, ранее не найденную, яму-заводь. С утра две упряжки выдвинулись к ней по руслу.

¹⁹⁸ Аркар – уважительное обращение к потомку Чисгисхана.

¹⁹⁹ Загар – отсутствие кислорода в воде.

Выдолбив майну, Никита первым запустил сак в воду. Мамарка, присев, ахнул от восторга, когда увидел, что волхв еле-еле вытащил на лед полный сачок чебака.

Следом запустил снасти Угор.

Так и работали они, пока не начали сгущаться первые сумерки.

Уложив промерзшую рыбу в нарты, рыбаки двинулись в обратный путь.

– Богатый улов нынче, можно в Тобольске хорошо выменять. Мука нужна, соль нужна, – рассуждал вогул, шагая рядом с переполненными нартами.

– В Тобольске будешь, к Архипу загляни да упреди, что донос Севастьян отписал на нас и на него. Чтоб он нос по ветру держал. Мне Пайза об этом, умирая, поведал. А я с Мамаркой покамест тут побуду.

Угор суеверно посмотрел по сторонам:

– Не поминай мертвых в полнолуние!

Уже далеко за полночь они подошли к избушке.

– Стой! – прошептал вогул, – огонь в избе.

Сквозь бычий пузырь окошка пробивался мерцающий отблеск свечи.

– Это дух Пайзы за нами вернулся! Зачем ты в ночь глядяче помянул? – испуганно отступил назад Угор.

У Никиты вмиг стали ватными ноги, спина покрылась холодным потом.

Ведун было поднял руку, чтоб вновь осенить себя крестом животворящим, но дверь в избушке отворилась, и на крыльцо выбежал помочиться Ванюшка.

* * *

СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН

Ботагоз опустила руку, из-под ладони которой она вглядывалась вдаль. На горизонте показался конный отряд.

Верхом на коне ехал ее сын Ваулихан, держа в поводу оседланного жеребца без седока.

У женщины подкосились ноги, и она безвольно опустилась на снег.

ГЛАВА 130

СИБИРЬ

Никита тискал в объятиях своего любимца:

– Возмужал, возмужал ты, Ванечка! В плечах раздался и подрост малость!

Ваня наконец-то освободился из цепких рук ведуна и, проходя в избушку, пояснил:

– Дядька Архип с матушкой обратно в лог переехали. Никак в Тобольске им жить нельзя. Уж и государь про злато Ермака выведал да боярина думского послал, чтобы он сыск учинил. Мы Полинку замуж выдали – и тикать оттуда. Матушка-то слух пустила, будто на Енисей подались, до Максима. Пушай там теперича нас отыскивают.

– Жених-то кто? Поди, сын боярский?

– Выше бери. Воеводский.

– То-то я и смотрю, не зря он мельницы дарил Архипу. Все, поди, приданым обратно и выманил. Ну и плут же воевода! С концов обрезал, а посередине ничего не оставил, – горько усмехнулся ведун, – да ты, поди, голоден?!

Никита снял с крюка корзину и достал оттуда лепешки.

– Мыши совсем одолели – приходится все провизии на стены да на крюки развешивать, а то везде снуют, достают, окаянные. Вишь, и корзину чуток погрызли, пока к майне ездили,

– посетовав на серых разбойников, показал волхв свежий надгрыз на лозе корзинки.

– Мукой ржаной разжились где-то? – отломив кусочек лепешки, поинтересовался Ванюшка. – А вот в Тобольске голодно, хлеба нет, мельницы стоят, лебеду и осоку люд ест, только рыба и спасает, да и то токмо тех, кто рыбалить может и у кого снасть да бударки имеются. Остальные на воду глядят да слюною давятся.

– Нет, – улыбнулся старец, – это Угор рогозника по осени накопал да корни сушеные перемолол на жерновах, вот мука-то и получилась. Теперь на рыбьем жире и жарим, когда в охотку.

– Это какой рогозник, что камыш шишками?

– Ну да. Коими камышинами ты малым пух по ветру пускал, по берегу играючи.

Никита поднялся и, кряхтя, вышел в сени, из которых принес чугунок.

– На-кось, лепеху икрой щучьей намажь, так посытнее будет. А пошто голод-то в Тобольске? Тайга и река ведь всех прокормят.

– Дак-то дьяк Севастьян начудил. Издал он по осени указ: всем остякам и вогулам возы с рыбой и мясом да другой снедью везти ему на двор. Да и сбил цену, живоглот. Вот и повезли снедь всю на Пелым. Кому оно хочется продешевить-то.

Вошли Угор с Мамаркой.

– След я приметил свежий на речке, – сообщил вогул, подбрасывая дрова в печь, – тут недалече. Самка с теленком прошла. Собак нужно утром привязать всех, не то увяжутся за нами и поднимут загодя лосей, потом бегай за ними по урману. Как рассветет, пойдём.

Угор снял Ванино ружье с крючка и, рассматривая его, поинтересовался:

– Не пойму, куды фитиль прикладывать.

– Так это же ружо заморское, аркебузой зовется. Тут фитиль не надобен.

Ваня, вынув ключик из кармашка рубахи, принялся разъяснять устройство ружья:

– Тута-ка колесико, а тама-ка пружинка железная. Вот сюды ключик вставлять. А эта штука курком зовется, курок колесико держит, покамест не нажмешь. Как колесико завертится и искру даст, так ружье и стрельнет. Ну а коли ключик потеряешь, то это уж не ружо оно, а дубина, – улыбнулся юноша.

– Вот завтра и проверим, как оно стреляет. Я смотрю, ствол-то длиннее, чем у нашей пищали, а знамо дальше и пуля полетит,

– беря в руки иностранное ружье, похвалил его Никита, – токмо потяжелей оно нашего будет. А в урмане лишний вес обуза.

Перед рассветом собрались. Нужно было спешить: в декабре на севере самые короткие дни. Светает поздно, темнеет рано.

Угор привязал собак, которые, узрев в руках его пищаль, радостно заскулили и завизжали.

– Оставайтесь-ка тут. К полудню Мамарка вас рыбой накормит и отвяжет. Нынче вы мне в урмане помеха, милые. Лаем своим поднимете с лежки лосей раньше времени, потом ищи их свищи. А по мясу-то не токмо я истосковался, вы ведь тоже не прочь свеженины отведать.

По реке вышли к месту перехода сохатых.

– И как ты узрел вчерась в темноте следы? – удивился Никита.

– Так луна полная, их за версту видно.

Следы вывели к небольшому острову на болоте, поросшему молодым осинником.

– Тама-ка они. Ты, Никита, зайди с другой стороны. Она подветренная, лоси тебя учуют да колотушки услышат и на меня с Ванюшкой по своему следу выбегут.

Пока Никита, обходя остров, нарезал дугу по болоту, вогул с Ваней нарезали из снега кирпичики и выложили из них скрадок.

Подсыпав на полку сухого пороха и запалив фитиль, вогул изготовился к стрельбе, положив ствол своей пищали в проем обуха бердыша, краем глаза посматривая на юношу и его иноземное ружье.

Ванюшка, вырубив тесаком осиновою рогатину, тоже воткнул ее в снег и приложился щекой к резному прикладу.

– Вот заморские мастеровые недотепы-то! – усмехнулся Угор, – ружо узорами изрезали, а про подставку забыли. Попробуй-ка без упора ствол поддержи! Руки отсохнут! А у нас, на Руси, бердыш, он и копьё, и топор, и подставка под ствол!

Ветер донес звуки ударов колотушек, которыми поднял шум Никита. Тут же в осиннике на краю острова поднялось облако снежной пыли.

Угор рассчитал верно: лоси пустились наутек по своему же ночному следу. Первой бежала огромная самка, а за ней вослед неся годовалый бычок.

– Когда бока подставят, бери бычка, а я лосиху, – одними губами еле слышно прошептал вогул. Ванюшка кивнул головой и прицелился.

Лоси поравнялись со скрадком. Раздался выстрел вогуловской пищали, и самка, пробежав еще метров пять, тяжело рухнула

в снег. Бычок на мгновение встал, не решаясь перепрыгнуть через упавшую мать, но тут же, почувствовав удар под правую ключицу, ринулся дальше.

Вогул, приставив пицаль к стенке из снега, вышел из-за скрад-ка, достал трубку, набил ее и раскурил от фитиля.

Подойдя к лежавшей лосихе, он достал тесак и перерезал еще бьющемуся в конвульсиях животному горло.

– Ты тоже, Ваня, попал, однако, но твоя пуля пробила бычка насквозь. Видишь, с обеих сторон тропы кровь на снегу? Заряд шибко сильный у тебя, а пуля меньше пицальной, навывлет прошла она. Я-то свою еще и ножом до середины разрезал, чтоб она, лопнув, всю свою мощь погасила в теле лося. Тогда наповал всегда бьешь. Но теленок все одно далеко не уйдет. Пока разделяваем самку, он ослабнет и заляжет. А коли сейчас за ним пустишься, то угонишь его на край света. Да и бежит он к реке, а знамо к избе, тащить нам его меньше, – хитро подмигнув и путив облачко дыма, сделал умозаключение мудрый охотник.

– Ага, лишь бы в избу не забежал, а то все лавки переломает, – отшутился Ваня.

Подошел Никита.

– Давай-ка, Ваня, покуда совсем не стемнело, беги за упряжками к избе. Гоните их с Мамаркой сюда напрямки. Волоком нам столько мяса не вытащить, а бросать половину жалко, зима-то еще вся впереди.

Ваня зарядил аркебузу и, закинув ее за спину, вскоре заскользил на лыжах к избушке.

– Слышал? В Тобольске голод. А это значит, купцы вскоре к нам за мясом и рыбой придут. Можно на соль и порох выменять что-нибудь, а другое на ткань и прочее, – помогая другу обдирать добычу и смахивая рукавом со лба капельки пота, изрек Никита.

– Нам еще и сбруя нужна для упряжек, надобно шкуру тоже забрать, – кивнул вогул, по локоть засунув руку под шкуру, отделяя ее от мяса.

* * *
ТОБОЛЬСК

Встречая царского посланника, воевода самолично вышел на крыльцо с чаркой. Позади его стояла девица с караваем и солонкой.

Гость въехал во двор верхом, как и полагало думскому боярину и человеку высшему по чину. Подбежавший холоп принял коня и помог грузному седоку с него слезть.

Следом, ведя своего коня под уздцы, вошел в ворота сотник Иван Никитич.

– Добро пожаловать, Василий Афанасьевич. Давненько, давненько тебя поджидаем. Отведай с дороги чарочку, – протягивая полный ковшик медовухи, поклонился воевода.

– Здрав будь, княже, – выпив до дна преподнесенное, крикнул от удовольствия боярин. Он отломил кусочек от каравая, макнул его в солонку и, проглотив, не прожевывая, поцеловал в губы девку, отчего щеки той покрылись румянцем.

Далее воевода и боярин троекратно расцеловались.

– Ну, будь гостем, Василий Афанасьевич. Прошу к нашему столу, окажи милость, – открывая дверцу в светлицу, лебезил наместник Сибири.

– Ну, что зенки вылупил? Стоишь истуканом! На стол подавай! – рыкнул он на постельничего.

Тут же, как по взмаху волшебной палочки, на столе появились изысканные сибирские блюда. Фаршированный осетр украшал стол посередке, вокруг его, как амулет на шее фараона, красовалась стерлядь горячего копчения. Принесли и щучью икру со сметаной и чесноком.

– Ты, батюшка, вкушай, вкушай, а опосля и по-истинному отобедаем. Фазанами да рябчиками тебя побалую. Да ты пей, пей медовуху. Ядреная она у нас, словно квасок пьешь, а встанешь – ногами-то не идешь, – приговаривал воевода, подливая в ковш гостя хмельного напитка.

– Дело надобно бы сладить, по царскому указу я тут! – пытался отказаться боярин, но воевода, вновь подливая, приговаривал:

– За государя выпил, за хозяина выпил, а за веру нашу сущую как же не выпить?

– Ну, за веру? Надобно, – согласился гость, подставляя свой ковш, пытаясь его удержать ровно, пьяно вода рукой вкруговую и разбрызгивая медовуху по столу.

Через полчаса Василий Афанасьевич и вовсе осоловел. Он, пуская пузыри и тряся бородой, в которой запутались рыбные кости, потребовал веселья. Но пока девки бегали за дударями и гусяром,

боярин, отхлебнув за дорогу дальнюю, уткнулся лбом в скобленную осиновою столешницу.

Воевода потер руки. Важный разговор об изъятии в казну государеву имущества беглого Архипа откладывался.

Постельничий, посмотрев на мертвецки пьяного гостя, улыбнулся и поведал вслух сказку:

– Жил султан, и собрался он войною на другого султана. Созвал звездочетов и молвит: «Ну-ка, мужи мудрые. Что звезды мне сулят?». Все разом заголосили: «Победу, великий, победу!». И токмо один старый мудрец упредил: «Не ходи, разобьют твое войско, а сам ты с позором без коня на осле вернешься». Не поверил надменный султан, послушал он подхалимов и был бит. Привели ему старого звездочета. «Казнить его немедля! За то, что накаркал беду!» – «Воля твоя! Токмо задумал я ишака научить в шахматы играть, чтоб лучше тебя в этом деле мыслил». – «Сколь времени надобно тебе?» – спрашивает султан. «Десять годков хватит». – «Иди, учи, но коли я его обыграю, не носить тебе, звездочет, головушки!»

Год проходит, два, а звездочет к ишаку и не подходит. Молодой ученик и спрашивает: «Что ты делаешь? Ты ведь так не научишь ишака ничему, и голову отрубят». – «Тяни время! – улыбнулся мудрец. – Или ишак сдохнет, или султана зарежут».

Воевода грозно взглянул на постельничего:

– Умен ты шибко, братец, и язык у тебя без костей, а потому легче отрезать его. Как Василий Афанасьевич очухается, так ему молочка-то топленого и поднеси.

– Ужо готово, княже, со свежей конопляной веревкой выварено, – поклонился верный слуга.

– Ну а коли угодишь, то жалую тебе маслобойню, изъятую нынешним летом.

– Не пекись, он у меня до весны кренделя по терему будет выписывать.

– Ну и ладно, поехал я, а ты тут приглядывай за гостем московским. Растолкуешь ему, что на Вагай якобы воевода с отрядом выехал, мол, татары бузу подняли.

ГЛАВА 131

АТЛЫМ-РЕКА

Ваня, широко ставя шаг, скользил на лыжах по следу раненного им бычка. Заряженная аркебуза за спиной немножко стесняла движения.

Юноша, в надежде повстречать глухаря или косача, специально зарядил оружие не пулей, а сечкой. Лось никуда от него не уйдет. Метель вроде не поднимается.

Поездка в Крымское ханство сильно изменила юношу. Он возмужал, раздался в плечах. Одно смущало его: никак не желали отрастать усы и борода. Щеки его покрывал только легкий рыжий пушок.

«Вот кабы не поймал я хворь, да не дал мне Никита каменную смолу, может быть, и жизнь сложилась бы по-другому. Даже подружка Айша, что на два года младше, и та уже вышла замуж, переехав на стойбище. А я как был мальчишкой, так и остался, только жизненный опыт приобрел, лечить людей и оленей научился. Много книг старинных прочел, с собой из Казани еще прихватил, только вот никак времени на чтение пока не выбрал. Зимой на улице не почитать, а в избе уж больно темно. Да и язык старинный чудной, костлявый порой, слова шибко мудреные, все нужно домысливать», – рассуждал на ходу Ванюшка.

– Да куда же ты бежишь, – ругнулся он на раненного им бычка, – не угнаться, волки бы тебя побрали, – вздохнул он, прибавляя шаг.

Крови по бокам тропинки становилось больше и больше. В одном месте бычок даже завалился на бок, но нашел в себе силы подняться. Видимо, чуял за собой идущего охотника или иную опасность.

Юноша внезапно остановился.

Неглубокой бороздой в след раненого бычка влились волчьи следы.

– Не зови лиха, пока оно тихо, – проворчал Иван, снимая со спины ружье.

Под овчинным полушубком была надета черкеска, подаренная ему на память Разей. На груди у нее были пришиты кармашки-газыри для запасных зарядов с порохом в костяных пеналах, завернутые в тряпицы пули и заряды картечи. Удобная вещь черкеска, что ни говори – всадник легко, прямо на скаку, мог без труда перезарядить ружье.

Но в урмане, против стаи волков, охотник способен был произвести максимум два выстрела. Оставалась надежда только на кучность выстрела сечкой и прогар всего заряда в стволе. Любая поспешность, и одна маленькая, не успевшая прогореть порошинка грозила стрелку большими неприятностями. При повторном заряджании заряд запросто мог воспламениться и как минимум оторвать пальцы или кисть. Бывали случаи, что и глаза вышибало, или ствол разрывало.

Ваня снял кожаный ремень с черкески и, заметив по пути подходящую осинку, срубил ее. Присев на корточки, примотал нож ремнем к палке. Вышло неплохое копьё.

Оглядевшись по сторонам, он тихонько заскользил дальше, – все-таки хорошо, что к русской пищали бердыш придан. Как его не хватает-то. Поди, мастера заморские волков полярных отродясь не видали, потому шпаги-то и придумали.

Выйдя к реке, юноша остановился. Бычок, судя по следам, скатившись с высокого берега, вновь упал, но неведомая сила подняла его и заставила двигаться далее.

Ваня решил не спускаться на лед, а идти берегом. За вторым поворотом Атлымки раздалась звуки грызни. Вскоре показалось и

место растерзания. Волки нагнали раненое животное и сходу набросились на жертву.

Стая была небольшая: два-три взрослых самца, несколько самок и летний выводок. Огромный вожак белого опала вцепился мертвой хваткой лежащему лосю в горло. Рядом, никого не подпуская к добыче, выплясывала танец смерти доминирующая самка. Остальные самцы и самки, топчась вокруг и рыча, ждали, когда вожак напьется первой крови и разрешит подойти всей стае. Сороки, подняв галдеж, прыгали поодаль, созывая своих крылатых братьев со всего урмана.

Ваня, присев на упавшую сосну, подсыпал сухого пороха на полку, достал ключик и взвел пружину. Расстояние для прицельного выстрела было предельным. Юноша уже успел пожалеть, что не зарядил свое ружье пулей.

– Косачатинки захотелось, дубине стоеросовой, – хлопнув ладонью по лбу, пожурил сам себя юноша. – Сечку-то уже не перезарядишь. А вот дерево-то хорошо упало. Верхушкой в другой берег уперлось, а основная лесина над яром на четыре косых сажени повисла. Всегда на нее залезть можно. Волки не росомахи и не рыси, по деревьям не лазят.

Иван, опасливо поглядывая на стаю, принялся рубить ветки для костра. Хоть и стояла относительно теплая погода, но от ходьбы на лыжах у Ванюшки намокла нижняя рубаха, и теперь мокрая спина, остыв, пронимала ознобом. Костер он развел у корней упавшего дерева, зная, что зверь боится огня и никогда к костру не подойдет, а значит не сунется на ствол дерева. Идти к избушке, до которой оставалось версты четыре, было небезопасно. Волки, отлежавшись, легко могли его настигнуть в мелком кустарнике, где укрыться от них и отбиться было непросто. Тем более уже начинало смеркаться.

Вожак, наевшись и подпуская стаю, отошел в сторону и хотел было улечься на снег, но почуял запах дыма.

Его голодные товарищи пока человека не замечали. Они пришли из заполярья, многие молодые особи отродясь не видали человека и даже не знали запах дыма. В тундре пожары и люди редкость. Нынешней зимой в заполярье выпал большой снег, добраться до корма травоядным животным становилось все сложнее и сложнее. Особенно страдала молодежь. То тут то там волкам попадались замерзшие или выбившиеся из сил оленята. Стада дикого

оленя, мигрировав в поисках ягеля к югу, разбрелись по урману. За ними потянулись и хищники, не привыкшие к охоте в лесу, они, порой голодая по нескольку дней кряду, рыскали по урману в поисках пропитания.

Сегодня им повезло: наткнувшись на лосиный след и почуяв запах крови на снегу, стая ринулась в погоню.

* * *

– Давай-ка, Никита, собираться в дорогу, – показав на отдельную сосну и заметив начало сумерек, поднялся вогул. – Мясо, которое не сможем унести, завернем в шкуру и привяжем к веткам этой сосны, чтоб зверь не достал. Остальное положим на лыжи, сделав из них нарты, да за плечи сколь сможем возьмем. Видимо, задерживается наш Ваня с выездом. Может, случилось что. Мы по его следу легко пойдем и при полной луне не потеряем.

– Давай, Угор, я и сам уже подумывал в путь тронуться. Олухи мы с тобой царя небесного, нарты с собой не взяли под мясо. Все в предзнаменования и приметы темные верим. Перед рыбалкой – рыбу не кушаем, на охоту идем – сани дома оставляем. Вот и надрывайся теперь.

Разделанное мясо подтащили к выбранной сосне, что росла на берегу болотца. Угор ловко перекинул через выбранную ветку кожаный тензень²⁰⁰, и они вдвоем, привязав мясо, подняли его на достаточную высоту, чтоб до него не добрались соболя, колонки или росомахи, от сорок и ворон завернув его в шкуру.

Огромная, как поднос для бешбармака, луна освещала охотникам дорогу.

След Ивана, не сбиваясь с пути и петляя между деревьями, вел прямо к избушке.

– Знамо, ночевать лег в избе наш Ванюшка, чтоб с рассветом вернуться, – решил Никита, шагая вослед вогулу.

Неожиданно, рассматривая следы, вогул остановился. Никита, на всем ходу налетев на приятеля, чуть было не упал.

– Ну, ты чего встал, как баран перед новыми воротами?! – возмутился он.

– Волки, – рассматривая след, объявил Угор.

– Может, собаки?

²⁰⁰ Тензень – аркан для ловли оленей.

– Нет, это волки. Ваня по их следу пошел, бычка отбить, видать, захотел, ослушник, как бы сам не попал, как кур в ощиц.

– Они рядом, след еще коркой не покрылся, – опустив палец в рисунок следа, согласился Никита, – давай-ка, Угор, шаг прибавим.

* * *

Как и рассчитывал Ваня, волк, подойдя к корневищу дерева, на упавшем стволе которого укрылся Ванюшка, встал, не решаясь перепрыгнуть через угли и искры костра.

Под лесиной закружилась остальная стая.

Иван прицелился в вожака. Хоть и светила полная луна, но сумерки смывали очертания ствола; боясь промахнуться, подросток опустил себе ствол на колени и, распустив варежку, протянул вдоль ствола аркебузы белую шерстяную нитку, закрепив ее одной стороной к мушке, другой к замку. Такой способ стрельбы ночью показал ему казачок Разя.

Приладилась вновь и, наметив между глаз зверю, спустил курок. Из-под колесика брызнул сноп искр, раздался выстрел. Ваня на несколько мгновений ослеп от вспышки. Остальные волки, присев от неожиданного грохота, застыли как каменные, не понимая суть происшествия.

Их огромный вожак, получив в голову и грудь заряд свинцовой сечки, рухнул замертво.

Волчица, подбежав к упавшему вожаку, ткнула ему в бок носом. Затем, подняв морду к небу, издала такой ужасный вой, что у подростка по всей спине пробежали мурашки.

– Не спеши, не спеши заряжать, пусть ствол остынет и порох выгорит, – шептал себе под нос Ванюшка, озираясь на все четыре стороны, сидя на стволе дерева.

Молодой волк подпрыгнул, пытаясь ухватить Ваню за ногу, но, получив удар в шею смастеренным копьём, завертелся волчком.

Но и копьё выпало из рук юноши, воткнувшись в снег под сосной.

Волчица сбежала с яра и, пролезая между ветвями, пошла со стороны верхушки к месту, где сидел Ваня.

«Хорошо хоть костер развести успел, так бы меня мигом с двух сторон в оборот взяли», – обрадовался юноша, поднимая заряженное пулей ружье. И, прицелившись по шерстяной нити в волчицу,

спустил курок, в мыслях благодаря тетю Рамилю за подаренные варежки из собачьей шерсти.

* * *

Никита и Угор, услышав первый выстрел, бросив поклажу, кинулись со всех ног на помощь Ване. Вогул на ходу зарядил пищаль мелкой сечкой, Никита взял наизготовку бердыш. Увязая в снегу, они спустились на лед речки.

В это время донесся звук второго выстрела.

Стая, потеряв вожака и волчицу-мать, заметалась по берегу. Но напоровшись на выстрел вогула, бросилась наутек.

Никита, подойдя к лесине, на которой, обняв ружье, сидел Ваня, ткнув древком бердыша ему под зад, приказал:

– Спускайся давай, лося глянem, поди, не всего разбойники съели. Нам тоже малость оставили.

– Я в жизнь теперича, дядька Никита, с этого бревна не спущусь.

– А шар колдовской я на кой ляд тебе дал?

– Это токмо люди глупые от него засыпают, зверям он что горох по тамбуру.

Вогул осмотрел остатки бычка.

– Остались только рожки да ножки, – посетовал он. – Теперь, коли стаю всю не изведем, они нам покоя не дадут. Старый вожак их сюда привел, его Ваня подстрелил. Так и будут рыскать, пока по одному не разбредутся по урману. Молодняк одного помета – трудно им будет нового вожака выбрать. Вот и будут сами по себе житьельствовать, покамест не прибьются к сильной стае.

* * *

ТОБОЛЬСК

Василий Афанасьевич глянул на себя в зеркало. Опухоль лица и набухшие под глазами синяки говорили о длительном запое. И как его угораздило на хмельное дело? Всегда он отличался степенностью и здравым умом. Растерев трясущимися руками виски, он плеснул в лицо из рукомойника водицы. Крякнув от удовольствия, взял со стола крынку топленого молока, сдул пенку и тремя

глотками выпил содержимое. Вытер ладонью куцую бороденку и присел за стол на лавку. Мысли его скомкались, в глазах поплыли круги:

«Молоко-то горьковато», – успел подумать думский боярин и, положив руки на столешницу, блаженно вздохнув, уронил на них свою нечесаную голову.

В горницу тихонько вошла ворожея Яга и, присев на лавку, кивнула постельничему, чтоб тот вышел.

– Слушай сюды, боярин. Завтра, когда очухаешься, вспомнишь сон, будто хмельной ты кричал, что царь-де не указ тебе. Кулаком стучал по столу. Сигизмунда и семибоярщину славословил. Бахвалился, что государя Михаила Федоровича ты на царствие назначил.

Яга поднялась с лавки и ножницами срезала прядь волос Василия Афанасьевича. Подошла к печи и, открыв поддувало, кинула туда прядь со словами:

– Так и быть тому, слово проговорено, обратно не воротится.

Выйдя из горницы, она тяжело вздохнула, глядя в глаза постельничему:

– На тебе грех.

– Молчи, ведьма! – ткнул ее княжий слуга меж лопаток, выдворяя на крыльцо. – Коль поведаете кому, утоплю в проруби.

Гонец настиг воеводу при повороте на татарскую деревню Узгун. Поклонившись, сообщил:

– Не вели казнить, княже. Утром зашли в светлицу, а боярин висит в петле на задвижке хайла, руки на себя наложил, допился, сердешный.

Воевода обернулся к сотнику:

– Разворачивай дружину, Иван Никитич. В Увате более нам ладить нечего.

* * *

СТАВКА ХАНА

Хан Есим показал взглядом на шелковые подушки, приглашая присесть подле него молодого богато одетого вельможу.

– Раздели со мной трапезу, уважаемый Ваулихан. Разговор у нас с тобой будет долгий и важный. Ты был при послах в Московии

еще при царе Борисе и нашел общий язык с царевичем. наших послов приняли и выслушали только благодаря тебе, Ваулихан. Знаю, что овладел ты языками и грамоте чужеземной.

– У меня хороший учитель, повелитель.

– Гаджи-Ата разве не ушел в Индию?

– Нет. Он хотел забрать свою жену, но решил пока остаться у нас, так как старая Сауле не выдержит дальней дороги.

– О его долголетию ходят легенды.

– Никто не знает, сколько ему лет.

– Но оставим Гаджи-Ату в покое. Ты мне нужен не как воин. Батыров у меня хватает. А вот мудрых, сведущих и рассудительных в ханстве не так много. Мы вернулись из похода на Бухару, но я уверен, что хан вновь нападет, когда выгадает время и наступит подходящий случай. Нам нужен мир и согласие с урусами. Если мы будем уверены, что с северных краев не придет на наши земли враг, то можем противостоять Бухаре. Я осведомлен, что воевода Тобыла послал своих людей на восход, в земли тунгусов. Пусть они туда и идут да служат живым щитом супротив джунгар. Пока ты, Ваулихан, посетишь воеводу Сибири, я начну готовиться к новому походу на юг. Мне очень жаль, что батыр Исатай так рано ушел в страну предков. Он бы мне оказал великую услугу в сборе войска. Мы много раз на привалах обсуждали с твоим отцом разные вопросы. На многие до сих пор я не могу найти ответа. Например, как царю Ивану удалось переломить гордыню своих знатных вельмож.

– Гордыню переломил не Иоанн Васильевич, а его верные помощники опричники, – поклонившись и прижав в знак уважения ладонь к груди, отозвался Ваулихан, – при первом походе на Казань никак родовитые бояре не могли поделить свое положение в войске. Каждый кичился своим родом и не желал быть под рукой у менее родовитого воеводы. Один отказывался командовать полком левой руки, другой не хотел уступать полк правой руки. В итоге Иоанн прекратил поход и вернулся в Москву. Собрал он тогда опричную тысячу из неродовитых сынов боярских. Пожаловал им земли. И назначали в этой опричной тысяче старших батыров только по силе, уму и мужеству, а никак не за родовитость и глупость.

– Я не сомневался в твоей рассудительности, Ваулихан. Потому и назначаю тебя старшим елшисе²⁰¹, несмотря на твою молодость.

²⁰¹ Елшисе – посол, посланник.

Ты по отцу потомок Чингисхана и имеешь право повелевать взрослыми. А в охрану возьмешь сыновей наших баев, у которых нет права наследства. Вот и назначишь из них десятников, сотников и тысячного. Заодно поможешь воеводе Тобыла разогнать отряды сына Кучума – Алея, чтоб он не ударил в спину нам, когда двинемся в поход на Бухару.

* * *

СИБИРЬ

Архип ободрал со стены хмель, который затянул своей растительностью избу до самой крыши. Лукаво подмигнув Ксении, скользящей ножом пол, бросил охапку у печки.

– Ну-ка, куды мы ступу поставили? – встав на лавку, заглянул он на печь.

– Опять шалишь, Архипушка. Нужна ли тебе медовуха? Давно про зайца не голосил?

– Зайка беленькай, зайка серенькай, сквозь кусток прыг, под шесток шмыг, – не обращая внимания на жену, замурлыкал кузнец, складывая шишки хмеля в деревянный бочонок, – я дрожал-ку заведу, медовухи наварю. Зайка беленькай, зайка серенькай...

– Ботву не выкидывай, волосы мыть буду, а то сыплются, как у кошки весною, – присев отдохнуть на лавку, смирилась женщина, ласково наблюдая за работой мужа. – Где меда и муки сыщешь?

– У Рамили медка возьму, вогул без него ни одну зиму не прожил, а тесто из сухариков дорожных замешу. Как загулям мы с тобой, Ксения! Бояре мы али погулять вышли?

– Ага, бояре, которым холопы бока намяли. Почитай, всю жизнь токмо и таимся – то от татар, то от стрельцов да дьяка.

– Да, наша жизнь – хоть на плаху ложись.

Архип встал, прислушался:

– Кажись, собаки тявкают. Упряжка пришла.

– Ванечка вернулся! – догадалась Ксения, скидывая передник на лавку, беря ухват, радуясь и доставая чугунок. – А у меня в печи как раз репа пареная поспела!

ГЛАВА 132

Никита, проводив Угора, Мамарку и Ваню с упряжками, груженными мясом и рыбой, прибрался в избе, подкинул дров в печку, принес на ночь поленья, сложив их к стене. Не погасив лучину, ведун устало прилег на лавку.

Лежа на спине и заложив руки под голову, он осмотрел рубленные стены избушки. Повсюду были развешаны на крючьях необходимые в обиходе вещи, сбруи, капканы, петли. На стенке еще с осени висел для просушки развешанный невод.

Взгляд ведуна остановился на лосиных рогах, служивших вешалкой для верхней одежды. Теперь, после отъезда друзей, на них висела лишь безрукавка Никиты. Рядом, на пантах²⁰² другой ветви, поблескивал маленький колокольчик без била.

«Коль надобно меня вызвать, позвони. Бубенчик хоть и без язычка, но я его услышу», – вспомнил Никита наказ Гостомысла. Потряс колокольчиком, и показалось Никите, что звон он услышал.

«Надо бы совет спросить. Совсем Архип и Угор состарились. Что далее-то делать, коль нас время с Ваней не берет, знамо нужны мы князю еще для дел каких-то», – подумал ведун, засыпая.

²⁰²

Панты – молодой отросток ветви рога.

* * *

МОСКВА

Михаил Федорович, будучи слабым и болезненным человеком, участия в делах государственных почти не принимал, доверяя решать вопросы своим родственникам. Он все же надеялся, что отпустят из польского плена его отца Федора Никитича, и родитель поможет ему в правлении, оттеснив ненужных советчиков.

Государь еще осенью отписал королю Польши о выдаче своего батюшки. Но Сигизмунд с ответом оттягивал, надеясь, что Михаил Федорович, как и его предшественники, на троне долго не удержится.

Брат шведского короля, Карл Филипп, также давно претендовал на русский престол, и у него были все шансы занять его в ближайшее время. Он удерживал захваченный Новгород и города на побережье Балтийского моря – Ям, Копорье, Орешек, Корела. Но набрать наемное войско и выступить в победоносный поход супротив Московии пока не позволяла пустая казна Швеции.

Католическое духовенство Польши, в обход короля, все же тайно прислало посла с предложением отказаться от Юрьевской дани, Рижских соглашений от 1200 года, договора Ливонии и Пскова от 1473 года и остальных последующих договоров взамен на свободу Федора Никитича.

Государь помнил, как еще в детстве ему поведали про рыцарей-крестоносцев, побитых в битве при Хаттине, полный разгром для которых закончился чудовищной резней. Двести тридцать рыцарей, отказавшиеся принять ислам, были зарезаны там же, на поле брани. Остальных, менее знатных, продали в рабство. Не помогли рыцарям и последующие крестовые походы на восток. Пришлось обратить взгляд на северные земли.

Князь Владимир Полоцкий тогда опрометчиво дал согласие монаху Мейнхарду проповедовать в землях ливов христианство, отведя им удел для проживания и кормления. Но с первыми монахами-католиками, как с первыми лучами солнца, поползли на славянские земли воины Христа – крестоносцы, мечом и катаньем расширяя и захватывая все новые и новые земли.

При неразберихе, которая творилась в годы Смутного времени, переметчиком князем Курбским был похищен договор с Дерптским

епископом, который и подтверждал прежние долговые обязательства ливонского ордена перед Москвией.

Государь поднялся, подошел к окошку, толкнув створку, открыл слюдяное окошечко. В светлицу ворвался поток свежего весеннего ветра.

Оглядел пожар. Кое-где с крыш под воздействием солнечных лучей уже скатывался посеревший снег, создавая то там то тут облака снежной пыли.

В безветренную погоду дымок из печных труб ровно, как березки в лесу, тянулся вверх. Золотом блестели купола собора. Трижды осенив себя крестом, монарх прикрыл окошко и в сердцах вздохнул:

– Ох уж эти заботы государственные. Видать, век мне нести свой крест. С креста не сходят – с него снимают.

В светлицу вошел дьяк:

– Государь, скорбное известие из земли Сибирской. Боярин Василий Афанасьевич, посланный тобой сыск вести, руки на себя наложил, – раскладывая на столе грамоты от воеводы Тобольска, доложил он.

– Что так?

– Сказывают, что по хмельному делу тебя хулил да семибоярщину хвалил. А очухался – тогда и осознал, что не уйти ему от ответа.

– Стало быть, ушел пес от дыбы!

Михаил Федорович вздохнул и резко повернулся:

– Еще что?

– Послы прибыли в Сибирь от хана Есима, дружбу предлагает вечную. Хан просит подсобить в войне супротив Бухары.

– Эко дело, подсобить! Кто б нам помог... Тут вот, зрю, нужно бы Новгород с другими городами для начала воротить. Не до Есима ныне. Но отпиши воеводе, пусть с послами поласковой будет. Ничего не сулит, но и не отказывает. Что еще прислал воевода?

– Соболей до триста штук. Лис бурых сто пятьдесят, лис черных двадцать. Икры осетровой четыре кадушки. Рыбы два воза, да коня-арапчонка тебе в подарок от хана Есима. И ашо посуды серебряной и шелка китайского разных цветов. Просит воевода пороха, свинца, пушек и пищалей, скоб да гвоздей десятиперстных для возведения храма.

– Ступай, Арсений, все добро привезенное перепиши, да смотри, чтоб к рукам боярским ничего не прилипло. А насчет просьбы воеводы, кое-что дам ему. Указ готовь, чтоб от каждого двора боярского привезли необходимое оружие и припасы. Гвозди да скобы пушай купцы соберут. С последними морозами надобно отправить обоз вспять. Вон уж днем с крыш капает на солнышке, пушай время не тянут, пока дороги зимние не расквасило, должны успеть вернуться. Лошадей казенных на ямах предоставлять по моему указу. Князь Пожарский пусть ко мне явится со старостой обоза. Что еще воевода пишет?

– На Кутуй-городок охочих людей послал. Тунгусы одолели. Нападают на обозы остяков, деревни жгут.

– Вот Пожарскому и накажу. Пусть стрельцов пошлет на подмогу. Тех, что давеча бузу в немецкой слободе затеяли да заезжих купцов из Литвы поколотили. Нехай забияки годика три тунгусам дули в Сибири повертят. Да скажи там, пусть лекаря покличут. Опять в ушах заложило и в глазах темнеет.

Дьяк вышел.

Через некоторое время в светлицу вошел царский лекарь. Он внес серебряный поднос и инструменты.

– Гасутарь, кровь пускайт ната.

– Ну, ната, так ната, – горько усмехнулся самодержец, – мне и отвар медового цвета²⁰³ недурственно помогает.

– Трава не помогайт, кровь пускайт ната.

– Да пускай ты, черт нерусский. Токмо побыстрее, дел у меня еще невпроворот.

* * *

Терешка попал в стрелецкую сотню случайно, прибившись к стрельцам при осаде кремля. Ну не гнать же сироту в шею. Приодели, обогрели, поставили в помощь конюшему. Жалование покамест не получал, столовался, спал в своем углу на сене. Спал да и горя не знал.

Но вчера, получивши жалование, стрельцы сунулись в немецкую слободу отметить это дело.

И вот теперь он лежал в подклети приказной избы связанный и припухшим языком облизывал разбитые, пересохшие губы.

²⁰³ Медовый цвет, троица – розовый клевер.

– Эко угораздило нас с литовскими купцами зацепиться. Запорют плетью, видит Бог, запорют, – рассуждал юноша, горько жалея о том, что ввязался в драку, – распоясались последнее время заезжие купчины. В кабаках задираются, на улице могут и плечом зацепить, а то и в лужу да в грязь оттолкнуть. Бывшие опричники и те с ними стараются не связываться. Куды уж стрельцам.

Дверь подклети распахнулась, и в помещение хлынул яркий свет.

– Выходь по одному, вурдалаки!

На пороге стоял сотник Иван Никитич.

– Слухай сюда! С обозом я прибыл из Сибири. Кто вожделеет туды идтить, чтобы шкуру не почесали плетью за бузу, устроенную вами в слободе, выходи. Вы в харчевне столы поломали, купцам заморским челюсти вывернули. Мне такие дерзкие позарез в Сибири нужны, – вроде как хваля, улыбнулся сотник.

– А сколь жалование установят, коль в Сибирь пойдем? – отозвался огромный стрелец с подбитым затекшим глазом.

– Тут четыре рубля в год. А в Сибири – пять, коли в стрелецкой избе или в острожке службу правишь. Ну а в походе и до семи платим. Стрелецкий налог с северного народишка берем, оттого и жалование у нас поболее московского.

Несколько стрельцов отошло в сторону:

– Ну, мы к порке привычны. Тут как-то спокойней, да и хозяйство имеется.

Остальные, согласившись, вышли из подклети.

– А меня возьмете? – подал голос Терешка. – Я конюшему помогаю, кони завсегда чистые.

– Годков сколь?

– Шаснадцать, поди. Точно-то не ведаю, дядька, сирота я сызмальства.

– В тамбур²⁰⁴ бить можешь?

– А то ж! Барабань себе да барабань, что заяц на пеньке, – улыбнулся Терешка, – тревогу могу и построение.

– Повернись, развяжу. По душе ты мне, малец, пришелся, – усмехнулся сотник Иван. – Был у меня мальчонка на тебя ликом схож, Ванюшкой звали. Да ушел на восток, к Катуйскому острожку, не попрощавшись.

²⁰⁴ Тамбу́р – ударный музыкальный инструмент (барабан).

Иван, пройдя по Китай-городу и Воробьевской слободе, набрал еще охочих людишек, да стрельцов два десятка переманил.

Обоз ушел через два дня.

Иван Никитич специально выбрал утреннее время для выхода, зная, что за ночь тракт подмораживает и до обеда можно было спокойно двигаться санным обозом. Перейдя Пермские горы, сотник рассчитывал уйти на Пелым, и уж потом, выйдя на Обь, подняться к Тобольску. Назрел и кой-какой план – втайне от воеводы и Севастьяна посетить Архипа.

Словно бы случайно поравнявшись с подростком, Иван шепнул ему, как взрослому:

– Ты мне нужен, Терентий. Еще не научила тебя жизнь лукавить и хитрить. Обязательно дьяки своего человека в обоз пристроили. Гляди внимательно. Может, заметишь, что кто-то таясь пишет писульку или варежки с ней якобы случайно у бивака оставит, а может, на яме шептаться зачнет. Будешь служить верой и правдой – стану я тебе опорой и отцом приемным.

– Да я ради вас воробья в поле загоняю! – прослезился сирота.

– Вот и ступай вперед, да каждый день мне докладывай. Кто чем дышит, не намечается ли буза какая, – легонько толкнув Терешку в спину, хитро прищурился сотник Иван.

ГЛАВА 133

ИЗБА СОТНИКОВА

Архип ворковал над своим детищем. Утром, в обед и вечером, заглядывая на печь, принюхивался и прикладывал ухо к плотно закрытому глиняному кувшину. Растертый хмель, запаренный вперемешку с ржаной мукой и медом, обнадеживающе побулькивал в сосуде.

– Будут дрожжи, будет медовуха, – подмигивая иногда заходящему к нему на огонек Угору, заверял он.

Шаман, раскуривая трубку, так же хитро щурясь, потирал руки. Дрожжи и ему были тоже нужны:

– Давай-давай. Как поспеют, меня покличь, мне тоже надобно трюхи, чтоб грибницу завести, а то бегаю по тайге в поиске нужных лечебных грибов, как лось за мухоморами. Ежели дрожжи будут, так заведу грибницу, за плетнем поляю весной водицей разведенной, вот они и вырастут. Чтобы грибу вырасти, шляпка его сквозь заячий или иной желудок пройти должна да выйти горошинами. Ты же своими собаками всех зайцев верст на семь разогнал да выводки их извел. Уходить далеко от дома летом тяжело мне уже. Почитай, без десятка годков по веку нам с тобой нынче стукнет. Сколько раз предлагал: давай алеутам собак продадим, а оленей возьмем. Их кормить-то не нужно, сами ягель найдут, да и зайцев давить не будут.

– А ты тогда, вместо лаек, крыс давить станешь? Тебе, лешаку, клюквы да рыбы хватит. А у меня огород. Там и репа, и свекла. А за домом – яблонька-дичка растет. У зайцев и крыс животы лопнут от смеха, когда твоих оленей на страже моей капусты увидят. Свято место пусто не бывает. Уйдут собаки, придут крысы и зайцы, – не соглашался кузнец, – уж лучше рыбу собакам ловить, чем без урожая остаться осенью.

– Вот потому-то и вспомнил я своего деда наказ, – оправдывался его товарищ, – в дрожжах надобно шляпки грибов квасить. Закваску выжимай сквозь тряпицу и сливай в кадушку с дождевой водой, а гущу выкидывай. Весной из лейки полил под плетень и под кусты – да ходи опосля, собирай урожай грибов, как морковку.

Архип давно уже приметил, что Угор, колдуя, выращивал позади огорода в молодом березняке травы и грибы, из которых готовил различные снадобья. То настой из мухоморов приготовит, то табак из поганки засушит. Иван-чая засушит да медуницы. А после, прибыв на ярмарку в Тобольск, дурит он своих земляков, меняя снадобья и порошки на вещи, инструмент да нужные в обиходе снасти. Однажды даже умудрился впихнуть заезжему купцу квас, настоящий на овсе, когда тот, объевшись жирной оленины, за печень схватился. И надо же! Помогло! Купец тогда за квас, думая, что это настой целебный, Угору невод подарил. А шаман даже не улыбнулся, подавая в дорогу заговоренную им при хвором купце тухлую воду, которую Архип давно хотел выплеснуть с крыльца, да боялся, что куры подохнут.

Вот и сегодня слез с печки кузнец и, довольный своими успехами в медоварении, присел на лавку.

«Эх, жаль, что Угорка в отъезде, сейчас бы отведали медка. Да Ванюшка ушел до Никиты в избушку», – подумал Архип.

Вдруг он, услышав звук бубенцов и схватив на ходу безрукавку, выбежал на крыльцо.

В лог поднимались от реки четыре оленьих упряжки.

Прибыл обоз из Тобольска, который увел Угор полмесяца назад.

– Ну, гулялы, наконец-то вернулись, а то я уже думал, в лапоть накласть да за вами послать, – обнимая друга, улыбнулся кузнец.

Во второй и третьей упряжках приехали Ксения, Рамиля и Мамарка. Четвертая упряжка была проходная, со знакомым

остяком из Ягонокурта, решившим переночевать в логу Сотниковом, а уж утром податься до своего стойбища.

– Ну как там Полинушка? Не лупит ли часом ее муж молодой? – разгружая вещи и помогая Ксении подняться с нарт, спросил жену Архип.

– Живут душа в душу. Токмо вот сват всю душу-то и вымотал мне да Полине. Все про злато Ермака норовит выведать. А тут еще брат сына боярского, Ивана Рукавого, Богу душу отдал. Его в Москву повезли, сани хвоей украсили, коней черными лентами повязали, стрельцов в караул почетный снарядили. На улицу же три бочонка хмеля выкатили, ну, чтоб, понимаешь, помянул его народ черный. Так Угор-то тоже хлебнул черпачок, рукавом губы утер. Крякнул на всю улицу, да возьми и брякни: «Нам бы жить, как их хоронят!». Его дьяк Севастьян услышал, который рядом стоял. Вот и потащили вогула в избу приказную. Хотели язык отрезать, да Полинка через зятя выхлопотала, чтоб мягче наказать его. Выдали нашему шаману семьдесят плетей. Всю дорогу на пузе так и ехал, весь зад-то ободран, – горько усмехнулась Ксения.

– Добро, что сдюжил. В его-то годы не каждый семьдесят ударов снесет. И думается мне, что воевода не дал забить его до смерти, лично приказав без оттяжки пороть. Не от любви отеческой он это сделал – чует он, что вогул и про злато атамана, и про Золотую Бабу ведает. А потому нам остерегаться нужно, чтоб своего чело-века сват не подослал к кому-то из нас. Воевода хитер. Вона как развернул вспять князя вогульского Василия Кондинского обратно в его Пелым, не пустив князя вогулов в поход до Тюлькинской земли²⁰⁵. Почуял, упырь, что с тунгусами сговориться может запросто, – рассуждал Архип, заноса пожитки в избу.

* * *

ПЕЛЫМ-РЕКА

Василий Кондинский в Пельме встретил обозников из Москвы радушно. Разместил, накормил, помог с фуражом.

²⁰⁵ Тюлькинская земляца – позже (после 1623 года) Красноярский острог.

Ивана и двух сынов боярских, посланных в острожек на Енисее, пригласил к себе в светлицу испить братчины, отведать угощение.

– Не пойму я тебя, Иван. Пошто ты на северные земли повернуть собрался? Ведь на Тобольск ближе югом через Морткинские Болота пройтись. Они еще ведь промерзшие, не растаяли, и санная дорога есть. Сам недавно обоз отправил воеводе.

– Ясак собрать нужно с одного стойбища. Совсем от рук отбились. Одного шамана даже пришлось прилюдно выпороть, много языком молол. Да и за службу верную названному боярину Архипу Сотникову награду везу от государя Михаила Федоровича.

– Чем же наградил его государь?

– Пистолем заморским о двух стволах жаловал. И кафтаном парчовым с плеча князя Дмитрия Пожарского одарен. Так что хошь не хошь, а крюк придется сделать. Я тут оленей возьму, а лошадей оставляю. С Пельма на Уньеган пройду, там уже рекой и сором до речки Хугот – и на стойбище Постнакорт выйду.

Князь пододвинул братчину Ивану Никитичу и, хитро улыбнувшись, произнес: – Ты, Иван, мои владения лучше меня скоро знать будешь.

– Владения-то твои, а земля Сибирская под государеву руку положена, так что все дороги ныне перепись прошли. Охотчие люди уже за Енисей ступили. Говорят, к богатому озеру²⁰⁶ вышли.

Сотник Иван, пригнувшись к уху князьца, шепотом поведал ему:

– На тебя и брата твоего Федора кое-кто донос прислал государю, будто, приняв веру православную, ты справляешь шайтанство, – достав из рукава грамотку, Иван зачитал опешившему от страха вогульскому князьку: – «...живучи в юртах, делает шайтаны и по первой своей вере тем шайтанам кланяется. Впал в неистовое житие не единова, уподобляя прежние бесовские и темнообразные прелести».

Василий Кондинский, трижды прекрестившись, залепетал:

– Так, однако, навет это, Иван Никитич. Каюсь, справляли мы день ворона давеча. Дерево наряжали, воде, земле и небу

²⁰⁶ Бай Коль (перевод с тюрского) – богатое (большое, главное) озеро – Байкал.

кланялись. Так и вы, урусы, масленицу празднуете, которую из комедицы переделали языческой.

– Не богохульствуй, Василий. Что тебе сказано? Постерегись и мотай на ус! Я-то пойму тебя, а государь осерчает. Гнев же его страшен. Ты священное дерево не спилил, как велено было патриархом, отсель и до сих пор там твои вогулы шайтанят. Вот потому в начале зимы и отказано тебе в походе на Тюльскую землицу, токмо по этой причине и отказано. Не верят воеводы в твердость духа твоего.

Князь вновь перекрестился на красный угол.

– Свалю я лиственницу, ей-богу свалю.

А Иван, отхлебнув браги из братчины, звонко расхохотался:

– И осеняешь ты себя крестом слева направо, видать, забыл давно, когда истинному Богу молился-то.

В светлицу с облаком пара ввалился Терешка.

– Скарб весь на нарты переложили. Олени сыты. Ягеля взяли с собой в каждый возок. Коней свели в почтовую яму. Когды выезжаем?

– Ну, бей походную дробь. Знамо, пора выступать, – поднявшись из-за стола, распорядился сотник. – Сын мой, приемыш, – пояснил князю Иван, любовно глядя вслед убегающему по ступенькам подростку.

* * *

ИЗБА. АТЛЫМ-РЕКА

– Ну, здрав будь, Никитушка. Давно я тебя не навещал, да и ты позабыл про колокольчик, – присев подле спящего Никиты, поздоровался Гостомысл.

– Рад видеть тебя, отче, – прошептал во сне ведун.

– Дело есть. Задумал сотник Иван игру мудреную. Знает, что не добьется он от вас места утайки злата Ермака. Решил он без ведома воеводы подослать человека. И чую я, будет подход тот к Ванюшке или Мамарке, так как наивные они еще, молодые. А стало быть, и засланец от сотника молодой будет. Ты уж, Никитушка, зри в оба. Клад этот токмо для крепости Руси в тяжкое для нее время предназначен. Не должен он попасть в пакостливые руки. – Гостомысл поднялся. – Звон бубенцов слышу. Упряжка по речке идет. Чую, Ванюшка к избушке подъезжает, пойду я.

– День ворона²⁰⁷ проспшишь! Вставай, дядько Никита! – с порога, отряхиваясь от снега, весело крикнул Ваня. – Вон он, на березе сидит, каркает. Гнездо-то старое себе с северной стороны нынче выбрал, чтоб птенцы в тени были, а значит, лето знойное ожидается!

²⁰⁷ День во́рона – весенний праздник народов севера (вороны прилетают гнездиться).

ГЛАВА 134

Никита, поднявшись с лавки, улыбнулся Ванюшке:
– Здравствуй, отрок ненаглядный. С какими новостями явился ты сюды?

– Да толком новостей и нету, отче. Обоз с Угором и матушкой покуда из Тобольска еще не вернулся. Дядька Архип брагу поставил. Я помог ему дров нарубить и сложить их в поленницу да к тебе в избу подался. Ведьм скоро лед пойдет, а значит и чебак. Тебе помогу, себе навялю. Соли привез полтора пуда. Капканов дядька Архип тебе дюжину отковал и передал. Невод Угоровский привез новый, тот, что купец хворый ему отдал. Завесу поставим, глядишь, ежели подгадаем под скат рыбы, то улов добрый будет.

– Ты молодчина, что соли привез, а то в лабазе три осьмушки осталось. А я, пока ты дома был, полный ледник льдом набил. Так что не только повялим, а и свежую рыбу сохраним. Пока там токмо оленина лежит.

– Ого! Охотился, что ли?

– Нет, случайно на оленей наткнулся. Пошел силки проверять, а тут два оленя шибко зло за самку бились да рогами-то и запутались. Вот и стояли ужо на коленях без сил, забияки, и капкана не надобно. Подстрелил обоих, все одно погибли бы. Мясо-то в ледник снес, а рога кое-как распутал да на вышку²⁰⁸ закинул, их китайские

²⁰⁸

Вышка – чердак.

купцы выгодно меняют. Говорят, снадобья шибко целебные из них варят.

Ванюшка, вешая зипун на лосиные рога, служившие вешалкой, не оборачиваясь, отозвался:

– Слышал я про то еще в степях кыргызских. Индус, Гаджи-Ата, снадобье из них варил и старому баю Валихану давал, чтоб он жил дольше. Токмо не из оленьих, а из сайгачьих рогов индус целебный отвар готовил. Оленей-то у них нет, да и ягеля животворного нет. А от верблюжьей колючки много пользы в рога не нагуляешь. Вот купцы-то с югов да из Китая в Сибирь и едут, зная, что панты оленьих рогов полезительней стократ. Токмо нужно-то брать молодые ветви, что кожицей меховой покрыты, а ты, отче, поди старые приволок на радостях.

Увидав колокольчик на одном из отростков вешалки, любимец ведуна, сняв его, покачал кистью:

– Странно, отче. Вроде без била, а как бы звон далекий чую.

– Это с дороги тебя укачало. Ложись на лавку, отдохни. А бубенец на место повесь, – усмехнулся Никитий, про себя подумав: «Может, Гостомысл и тебе во сне явится».

* * *

РЕКА НЯГАНЬ–ЮГАН

Несколько верховых лошадей Иван Никитич все же оставил себе в дорогу.

Вытянувшись в длинную змейку, обоз медленно шел к берегам Оби. Впереди, на расстоянии полуверсты, верхом на оленях продвигались проводники, нанятые в Пельме. Они протаптывали в плотном весеннем снегу дорогу остальному обозу. Следом шли упряжки. Позади, по пробитой дороге, ехали верхом на лошадях стрельцы.

Глухомань.

В течение светового дня можно было не встретить ни единого живого существа, и только любопытные сороки и кедровки, стрекоча да покрякивая, сопровождали обоз, стайками слетались в протоптанную колею позади обоза, чтоб поживиться шелухой солоно-го чебака или конским навозом.

Ночью, останавливаясь на бивак, все возки расставляли ромбом. Образовывался небольшой гуляй-город. За плетеными корзинами с поклажей и нартами можно было укрыться от стрел внезапно налетевшего недруга. Стрельцы поочередно выходили в караул на четверть версты, вставая попарно за деревьями.

Наступала тишина. И только отклики часовых: «Слуша-ай-й!» – нарушали ночной покой девственного леса.

Иногда обозные собаки подрывались и с лаем исчезали в темноте ночи. Это мартовские зайцы своим любовным гоном и писком портили всю вечерню, не давая лайкам уснуть.

Иван Никитич, сидя на стволе упавшей лесины, ворошил татарской саблей горящие в костре ветви и угли. Оставался еще один дневной переход.

Весна вовсю уже гарцевала впереди обоза, расставляя для путников на пути проталины и вскрывшиеся ручьи. Все чаще и чаще приходилось останавливаться в поисках обхода непроходимых болот, оврагов и иных препон.

Иван поднимал людей еще затемно, стараясь как можно больше преодолеть расстояния до полудня, пока весеннее солнце не подтопило подмерзший за ночь наст. Останавливал же обоз незадолго до наступления сумерек, чтобы люди успели обустроиться на ночлег.

Два дня вспять на обоз напала небольшая группа конных татар, невесть как забредших в эти непролазные дебри. Но обозники были настороже, и дружный залп навсегда отбил охоту к легкой наживе.

Сыпанув стрелами в небо, мазурики, оставив семерых товарищей и трех лошадей лежать на снегу, понесли своих коней прочь.

Пока стрельцы перезаряжали пищали, верховые проводники, развернув своих оленей и вынув ножи, пустились наперегонки к упавшим разбойникам, наивно полагая, что добыча по праву принадлежит им.

Но Терешка, стеганув коня нагайкой, опередил вогулов.

– Не балуй! Подь отсель, ушлое племя!

Одного татя поймал Терентий, который, удирая, стукнулся лбом о ветку и выпал из седла. Допросили с пристрастием, а после повесили на березе.

И вот сейчас, вороша татарским клинком угли, сотник с любовью поглядывал в сторону спящего рядом Терешки, который,

нарубив лапника и завернувшись в овчинный тулуп, сладко посапывал во сне.

«Шустрый постреленок. Дай Бог, доберемся до дому, там поглядим, куды его пристроить. У меня-то четыре дочери, сына Бог не дал, жена Господу преставилась. С женихами-то в Тобольске не густо. А этого по пути с Ванюшкой сведу, коли про злато выведает, то быть ему моим зятем, – рассуждал Иван, – воеводе-то недолго осталось землю топтать. Еще годок-другой, и лапы надует. Сын его еще молод, да к тому же тюфяк. А я с самим государем разговаривал, дары ему привозил, с его кубка угощен был вином испанским. Да и боярам думским кое-что от меня тоже перепало. Гляди, и словечко замолвят. Князя Василий и Юрий Кондинские мною до полусмерти напуганы, ясак платить добрый будут. Ловко-то я грамотку им подметнул, кою мой Терешка чиркнул. Хитер малец, видел он оную у настоятеля монастыря, где по малолетству обитал. Токмо вот писана она была не о князьях Кондинских, а про новокрещенного Григория Ваюсева из Сугмут-Ваша²⁰⁹. Тот, кто предал отца и родичей своих, что подняли бузу²¹⁰ супротив государя Московского. Но Григорий, собираясь уйти в отстав, вновь обратился в шайтанство. И за это его желают отправить на смирение.

Да и тать пойманный признался, что холоп он Кондинского Юрия, а значит, по указу князей промышляют разбоем темные люди. В доле пелымские князья от разбойного промысла. Я про это теперь ведаю...»

Сотник поправил спустившуюся с плеч шубу и, мечтая, сладко вздохнул:

– Сын князя Михаила, Дмитрий Алычев, через Архипа и вовсе у меня в товарищах. Впрочем, и он к православной вере так же не охоч. Был и на Алычева извет, донесли царю-батюшке...

Иван, прикрыв глаза, постарался вспомнить донос на память:

– Новокрещенные живут в Сибири в своих вотчинах, меж остояков в православной христианской вере некрепко, к проклятым шайтанам мольбу прилагают и в скверное их требище бесовское шайтану в дар платье и лошадей дают, и люди ж его из пищалей на церквах по крестам стреляют. А сам княжич Дмитрий Алычев, поговаривают, жинку свою шайтану в жертву отдал, – восхищаясь

²⁰⁹ Сугмут-Ваша – Березово.

²¹⁰ Восстание народов севера 1607 года (Березовский район).

своей памятью, прищурившись от дымка, пахнувшего ему в лицо, вновь усмехнулся сотник. – Так что и его к ногтю прибрать можно, коли супротив меня что замыслит. Вот токмо отца его, Михаила, в Москву услать нужно, он опасен, к воеводе близок. А Севастьян мне вовсе не помеха, он куды ветер, туды дым. Знамо суждено стать мне воеводой землицы Сибирской, – усмехнулся Иван, но, взглянув на небо и светлеющую на нем полоску, толкнул ногой спящего подростка: – Бей подъем в тамбур, шайтан тебя раздери, лежебоку! Светает!

Разбудив Терешку, который, отбив дробь, побежал по легкой нужде в ельник, сотник сладко потянулся, зевнул и обомлел.

В утреннем тумане пригрезился Ивану Никитичу образ старца, оперевшегося на резной посох. С седой бородой и длинными, ровень с бородой, усами. Одетый в длиннополую старинную рубашу, стоял волхв, как привидение, босиком на холодном снегу.

– Смотри, Иван. И в меде кости попадаются, – произнес Гостомысл и растворился вместе с утренним туманом.

Сотник, трижды перекрестившись, прошептал пересохшими губами:

– Чур меня, чур.

* * *

ОСТРОГ НА ЕНИСЕЕ

Тунгусы напали на острожек неожиданно. Крадучись, они прошли к нему со стороны Енисея, обойдя секреты, не попавшись на глаза ни одному казачьему разъезду.

Они умели передвигаться большими отрядами, не оставляя за собой ни одной надломанной веточки, ни одного следа конского копыта. Передвигаясь на маленьких выносливых лошаденках, преодолевая порой за световой день по труднопроходимой местности до пятидесяти, а то и до семидесяти верст, тунгусы появлялись, как привидения, перед жителями острожков. Повстречавшихся на пути местных жителей или пастухов убивали, дабы не разошлась весть о приближающейся опасности.

Среди охотчих людей, пришедших с Максимом из Тобольска, в отношении тунгусов ходили разные слухи. Будто они одинокие охотники, только при необходимости собирающиеся в войско.

Иные поговаривали, что злобные они шибко, рабов и пленных не берут. А при нападении на их стойбища и поселения, для острастки, выпрыгивают через дымовые отверстия своих конусообразных жилищ, чем повергают в ужас нападавших.

Жен и детей своих оставляют, когда уходят на войну или промысел, в лабазных жилищах, и при появлении опасности жены затягивают лестницу внутрь, тем самым делая вход в жилье труднодоступным.

Знающие люди сказывали, что жительствоуют они группами, и в каждой из них есть смелый охотник-гатакта, который своей добычей кормит остальных. А еще в каждой семье есть один или два шамана, которые лечат больных и узнают, кто убил человека, когда тот умер своей смертью. И шаман определяет, что его все-таки убил человек из другого рода, так как сам человек не умирает. Шаман указывает на убийцу, и отряд воинов идет мстить, и убивают они только одного человека. Как говорится, зуб за зуб. Перед тем, как начать поединок, обязательно дразнят противника обидными словами. Добивать раненого с открытыми глазами и вовсе запрещается, нужно на лицо что-либо набросить.

Но самое необычное заключается в том, что, уходя, отряд победителей оставляет на коре деревьев метки, для того чтобы мстители легко нашли след и отомстили.

Максим поднялся на внутренние леса частокола. К острожку пришел большой отряд. Умер шаман главнейшего племени. Во всем обвинили пришедших русских и их деревянный колдовской частокол вокруг острожка, так как огораживать частоколом у местных людишек принято было только капища шаманов. А значит и городок, возведенный русами, был колдовской, в коем должна водиться нечистая сила. Сжечь его! И все беды пройдут!

Богато одетый тунгус, подскакав на лошаденке к закрытым воротам, что-то прокричал и под одобрителное улюлюканье своих соплеменников поскакал прочь.

– Если я должен вас убить, то убью без сожаления. Если я должен быть убитым, то умру, не прося пощады, – перевел остяк, понимающий язык тунгусов, которого прислали из Катского острожка накануне. – Они пришли умирать и не уйдут, пока это не сбудется, – добавил толмач.

Переводчик наклонился к сыну боярскому²¹¹ Рукину и что-то долгое принялся рассказывать ему на ухо, изредка кивая на Максима.

Иван Рукин, выслушав остяка, рассмеялся и, подойдя к Максиму, предложил:

– Ты бы разделся по пояс, Максим, да влез на частокол. Они пока стрелы пущать не будут. Ишь как разгалделись! Нас бранят. Ждут, когда мы их оскорблять зачнем.

– А раздеваться-то зачем? Чай, не лето.

– Да былина у них есть про однорукого богодур²¹². Якобы пришел он на их землю и не мечом и не стрелами победил, а поверг их громом и молнией. Вот и предлагаю тебе потешиться над иноверцами. Встань на частокол, помаши обрубком да пальни из пистоля с другой руки.

– А что. Можно для потехи. Я завсегда за любую бузу, окромя голодухи, – согласился Максим, скидывая кафтан.

Шаман, бивший в бубен и подзадоривавший своим боем соплеменников, выпучил глаза.

На стену поднялся богодур без одной руки и, подняв вверх культияшку, пустил с другой руки гром и молнию.

Тунгусы разом замолчали. Сбились в кучки, что-то обсуждая шепотом, периодически показывая указательными пальцами на частокол острога.

– Утром он будет мертв! Я знаю сказ про однорукого богодур и ведаю, как его победить! – стукнув в бубен, крикнул шаман. – Пошлите безоружных людей под стены, пусть одни смеются и кланяются, а другие ищут то, что с дымом упало около стены.

– Глянь, Максим. Тебя признали, кланяться идут, – поправив стволом пистоля сдвинувшуюся на лоб шапку, усмехнулся Иван.

Все защитники острожка недоуменно уставились сверху на подошедших тунгусов, которые кланялись и, дружно поднимая к небу руки, смеялись, как малые дети.

Остальные ползали на коленях, как бы в поисках чего-то.

²¹¹ Сын боярский – родившийся не в браке или усыновленный родовитым боярином и признанный им, как сын. Имел привилегии боярина, без права голоса на думе и других решающих важные вопросы собраниях, вече.

²¹² Богодур – богатырь.

Неожиданно один ползающий тунгус вскочил, завопил и кинулся прочь от частокола. Остальные, галдя, помчались следом.

– Что это они? – удивился Рукин.

– Пыж войлочный нашли от пистоля. Раскусили, поганцы, нашу хитрость, – вздохнул Максим, надевая кафтан, – пойду, прилягу. Коли нападать станут, так пошли за мной, а я тебя ночью подменю.

– Добре, иди, – согласился Рукин.

Тунгусы передали найденный обгорелый пыж шаману. Тот распорядился найти в лесу кедровый пень толщиной в три локтя и прикатить к его походному чуму.

К полуночи дело было сделано.

Положив пыж посередине пня, шаман, как коршун, вспорхнул на пенек и, наступив на обгорелый войлок каблуком обуви, воздел руки с бубном к небу. Расплющивая пыж, колдун принялся бить в бубен, крича заклинания.

Максим проснулся в холодном поту. Кружилась голова, пересохло во рту. словно огромные пальцы сдавили горло; ему не хватало воздуха.

Он попробовал сесть на лавку, но беспомощно грохнулся на пол.

Пробиваясь сквозь слюду оконца, зловеще светила полная луна, отражение которой, словно вырезанная тыква в рождественскую ночь, тряслось и корчило рожи на противоположной стене комнаты.

Икры разрывало от судорожной боли.

У него стали появляться видения: то матушки, которая склонилась над его колыбелью, то отца, вставшего с вилами на пороге, не пускавшего озверевших татар.

Внезапно явился образ брата Ванюшки, который наряженный, как шайтан, прыгал около него с бубном, голося:

– Я тебе, Максимушка, на кой ляд крестик осиновый дал, когда в Крым уходил? Пошто его снял? Пошто меня не слушал?

Максим из последних сил подполз к сундуку, открыл крышку, на внутренней стенке которой был прибит гвоздиком мешочек с дареным ему братцем крестиком и родной землей.

Тунгусы охнули, шаман нечаянно обронил кость, которой бил в бубен.

Максим почувствовал минутное облегчение и, поднявшись на коленки, рванул на себя мешочек. Оберег порвался, и по вещам в сундуке рассыпалась родная земля, даденная матушкой. Найдя внутри оберега крестик, он трясущейся рукой принялся распутывать слежавшийся за годы шелковый шнурок.

Шаману подали кость, и он вновь принялся отбивать ритмичные удары.

Пытаясь единственной рукой накинуть через голову шнурок с крестиком, Максим в судорогах завертелся на полу. Но сильные костлявые руки невидимого колдуна цепко держали его за предплечье.

Шаман со всей силы надавил на пыж каблуком и, завывая на всю округу, принялся неистово колотить в бубен.

Тунгусы, войдя в транс, сидели округ пня и покачивались со стороны в сторону.

Вдруг все вздрогнули.

Наступившая тишина заложила уши.

Шаман, выпучив глаза, удивленно разглядывал лопнувшую кожу на бубне.

А на полу в избушке, с пеной на губах, лежал без чувств Максим с надетым осиновым крестиком, заговоренным братом Ванюшкой.

* * *

АТЛЫМ-РЕКА

Никита, стараясь не шуметь, подкинул поленьев в печь. Разжег свечу и принялся чинить рыболовную сеть, изредка поглядывая на спящего своего любимца.

– Сколь воды утекло. Вроде вот токмо из рабства бежал да со старцами непорочными обитал. А ныне и сам старец. Были у меня пестуны, а теперь, вроде как, и сам наставник. Что далее мне уготовано? Чего ожидать? – рассуждал Никитий, латая прореху в мереже.

Ванюшка, проснувшись, присел на лавку и сладко потянулся:

– Как сурок дрых. Сколь проспал я, отче?

– Почитай, всю ночь и день. Ступай лицо умой да сядь-ка за мережу, а я пока отдохну малость, – поднимаясь с чурбака и

откладывая в сторону снасти, устало проговорил Никитий, – я уж почти весь провяз починил, осталось дюжина саженьей.

– А мне братец мой Максимушка приснился. Сел подле меня, волосы на голове гладит и приговаривает: «Славный ты у меня. Благодарствую тебе шибко за крестик осиновый. Кабы не он, не жить бы мне на свете белом. С обозом я тебе в подарок лук тунгусский и колчан со стрелами передам, у Полинки летом заберешь. Тугой он. Нет подобных луков на Руси. И бьет далеко, и легок он, как пушинка. А с ним перстень в придачу. Это для того, чтоб тетиву натягивать, так как голым пальцем ежели натянешь и спустишь, то в миг срежешь, как ножом, мясо на персте. Когда стрелять будешь, перстень вовнутрь поверни, он с зацепом для тетивы».

* * *

Утром тунгусы пошли на приступ острожка. Но первый и последний штурм провалился, так как их встретил дружный залп из пищалей. Откатившись от вала, они бросились к шаману и, не добежавши, в ужасе остановились.

Там, где на кедровом пне ранее стоял их колдун, возникло огромное белое облако, которое, громыхнув, разбросало и остатки пня, и все, что осталось от их духовного наставника. А обернувшись на башню острога, разглядели в солнечных лучах богодура – он, махая им культей, зазывал тунгусов то ли на чаепитие, то ли на новый штурм.

В панике бросились они к своим коням, ринувшись восвояси, забывая оставлять зарубки на деревьях для мстителей.

Иван Рукин похлопал пушкаря по спине.

– Мастак ты, братец, палить из единорога, не зря тебя воевода из кандалных выкупил. Меток шибко.

– Так я же ашо у шамого Ивана Исаевича першим нарядшиком слыл, – довольный похвальбой, ответил старый пушкарь, шамкая беззубым ртом.

ГЛАВА 135

СИБИРЬ

Иван Никитич успел пройти переход до того, как весеннее солнце окончательно растопило болота среднего Приобья. Отпустив и расплатившись с проводниками, он спустился с обозом на заснеженный лед Оби.

Вечерело.

Пока подтягивали подпруги у оленей, проверяли крепеж поклаж, совсем и стемнело.

– Встаем на привал, – распорядился сотник, – не дай Боже, еще заплутаем в темноте или в промоину угодим. А посередке Оби еще и торосы, чрез них токмо засветло найти дорогу можно. Ночью сунемся, все нарты переломаем или потопим упряжки. Оленей не распрягайте, пушай так, в упряжках и отдыхают. Верховые проводники от нас ушли, а пешего погонщика олени могут утром не подпустить, разбегутся. Придется потом самим по очереди в бурлацкой тяге нарты тащить. А до Архипа еще верст двадцать-двадцать пять осталось.

– Иван Никитич, упряжка! – разглядев темную точку, движущуюся по руслу, и показав кнутом на верховья реки, сообщил стрелец московского набора.

Вскоре послышался звон бубенцов. Упряжка из двух оленей и одного пристяжного приближалась.

– Дозорные, айда! – стегнув плеткой коня, скомандовал десятник и пустился наперерез уже было проходившей мимо упряжке.

– Ну, и откель путь держим? – сложив под себя по-татарски ноги, усевшись на нартах, справился Иван.

– На Тобольска обозом ходила. Ягонокурт, домой, таперше еду. Еська я, купца.

– Большая ходкие олени твои, купца. Отдохнувшие они.

– У боялина-кузнеца Архипа отдыхала оленья. Наутро выехала до Ягонокурта. Скоро протока моя будет, однако, ашо мал, мал, и дома Еська.

– Не заплутаешь часом в потемках?

– Олешка сама дорогу знает.

– Архип как? Живой, здравый?

– Ага, здравая боялин-кузнеца. Токмо пьяная да буйная шибко, – показав на свежий синяк под глазом, улыбнулся остяк.

– Это за что он тебе тамгу-то поставил?

– Разнимала я кузнеса. Она с шаманом меда пил, а шамана драться полезла. Я и Ксения разнимала, – еще раз улыбнулся купец, потирая ушибленный глаз. – Вот под кулак Архипа-боялина и попала.

– Имя у тебя Еська. Крещеный, что ль?

– Ага.

– А крест нательный при тебе?

– Дома забыла, – под общий хохот признался православный остяк.

С раннего утра обоз по следу, оставленному Еськиной упряжкой, ходко пошел в сторону Архиповой вотчины.

– Надо же так, уж по девять десятков годков дурням, а все задираются – ну прям молодые петушки, – усмехался в дороге Иван.

Мамарка катался с горы на санках. Обоз он приметил не сразу – уж больно увлекся катанием с горы и дудочкой-свистулькой, что вырезал ему Архип из камышинки. И только вновь скатившись с горы чуть ли не до острова, опешил. Из-за острова мимо него неслись упряжки. Бросив саночки, мальчик со всего духа бросился к логу.

Мальчонка знал: обоз с ходу на высокий берег Оби не пройдет. Поздней осенью, когда ставал лед, реку от берега быстро сковало ровным льдом, и только посередине реки могучее течение не сдавалось до жгучих морозов. В этом потоке шириной с четверть

версты плыли, переворачиваясь, льдины, и бурлила шуга. Мороз крепчал, река не сдавалась. Постепенно поток сужался, нарастая с краев вставшими на дыбы и растопырившимися в разные стороны льдинами-торосами.

Вот эту полосу-то замерзших вздыбившихся льдин и необходимо было пройти обозу, отыскав удобный проход.

Проход, конечно, был, но в трех верстах выше. Его пробил Архип, перевозя на волокуше сено, которое ему накосили мужики на луговой стороне осенью.

Поэтому Мамарка мог вполне успеть предупредить всех жителей лога, даже если бы он пошел пешком. Но мальчик бежал без оглядки.

Архип, проснувшись на печи, довольно зевнул.

Неожиданно резкая боль в скуле заставила его окончательно проснуться. Он отдернул занавеску и осмотрелся.

– Чижики-пыжики! Как Мамай прошел! – прошепелявил он выбитой челюстью.

Перевернутый стол. На полу осколки глиняной посуды.

– Что, попил медку, штрибан²¹³ плешивый?! – раздался с порога голос Ксении. – Все гайно²¹⁴ разворотил, как лабаз росомаха. И не совестно тебе? Чай, не молод уже.

– А что это было-то, Ксюшенька?

– В зернь²¹⁵ вы играли с вогулом. Да обвинил ты его, что он, шаманская душа, шельмует, потому как одной зернинки своей не досчитался. Вот и вlepил ему в ухо. Тот – тебе. Ну, а дальше сам видишь, – показав руками на бурелом в избе, с досадой улыбнулась женщина, – кое-как мы с Еськой вас разняли.

Архип еще раз прошелся взглядом по избе и усмехнулся. Все было перевернуто вверх дном, и только широкогорлый узбекский кувшин с медом стоял на полу, целехонек и невредим.

²¹³ Штрибан – неуважительное обращение к пожилому человеку (уральский диалект).

²¹⁴ Гайно – гнездо белки.

²¹⁵ Зернь – азартная игра в мелкие кости (белая и черные стороны, чьей стороной упала, тот и выиграл). До 1667 года игроки преследовались государством, кости сжигались. После отдана на откуп – обложена налогом.

Кузнец кряхтя слез с печи, взял его в руки, поболтал, прислушиваясь, прикидывая на вес, сколько осталось в нем браги, отхлебнул и поставил на поднятый ранее женой перевернутый стол.

Ксения веником собрала в кучку битые черепки к печке.

Дверь в избу распахнулась, и в нее ввалился Ванюшка.

– Ух и замаялся я. За солью прибег. Атлымка вскрылась. Завесу поставили, неводом завели и черпанули рыбы берковцев²¹⁶ десять. Отче Никитий послал за солью, дабы рыба не пропала. Ныне улов добрый получился. В самый раз подгадали.

Ваня осмотрелся и удивленно спросил:

– А что это у вас? В лапту играли?

– Угор с Архипом разодрались. Старые дурни, – усмехнулась Ксения.

Вновь распахнулась дверь, и Мамарка, просунув лохматую голову, дунул в свою тонкую трубочку-свистульку, завопив:

– Об-б-боз! Больш-ш-шой! От Кормуш-Ваша²¹⁷ шел да к нам повернул. Стрельцы в зеленых кафтанах, не наши.

– Чтоб они провалились. Из Москвы обоз. Годовальщики²¹⁸ на смену едут, третьего московского приказу, у них кафтаны зеленые, – вставая и надевая безрукавку, выругался Архип, – корми, пои, ублажай теперь дармоедов до татарской пасхи. Дай Бог, мобудь, ненадолго заедут. Скоро ведь лед тронется, так что им поспешать надобно. А коль лед тронется, то кормить их придется, покуда ушкуи за ними не придут.

Заржали лошади. На крыльце затопали, сбивая снег с обуви.

– Здрав будь, Архип, – щурясь и привыкая к потемкам избы, с порога поздоровался Иван.

– И тебе не хворать, – отозвался Архип и, подойдя, обнял сотника.

– Как жив-здоров?

– Твоими молитвами, Иван Никитич.

Иван скинул шубу стоящему позади его Ванюшке на руки и, оставшись в одном кафтане, прошел к столу.

– Медок, что ль?

²¹⁶ Берковец – десять пудов (пуд – 16 кг).

²¹⁷ Кормуш Ваша – селение (ныне Кормужиханка).

²¹⁸ Годовальщики – служилые люди (стрельцы), направляемые на службу на определенный срок (обычно от года до трех лет).

– Остатки, Иван Никитич.

– Ну, остатки сладки! – крикнул сотник и, взяв обеими руками кувшин, запрокинув голову, вылил содержимое в свою пересохшую боярскую пасть.

Откинув в сторону кувшин, который, ударившись о печь, разлетелся на черепки, гость, схватившись за горло, захрипел и, поспине, медленно завалился на пол. Круги поплыли перед глазами сотника.

Сердце останавливалось, и он, теряя сознание, услышал будто бы из тумана голос пригрезившегося ему намедни старца:

– Смотри, Иван. И в меде кости попадаются...

* * *

ТОБОЛЬСК

Ваулихан и его дядя Отар ожидали обоз из Москвы. С ним должны были передать верительные грамоты от государя Михаила Федоровича. Без царских писем возвращаться домой не было смысла. Есим-хан ждал их с нетерпением и два раза уже присылал гонца к Ваулихану.

Но прибытие обоза задерживалось.

Сотник Иван, по понятному только ему замыслу, повел свой обоз не на юг от Пельыма, а свернул на север в сторону Котского княжества, словно бы и воевода ему не указ.

Ваулихан с трудом смог разобраться в должностях русского государства. Он всегда считал, что сотник – это начальник сотни воинов. И только тут, в Тобольске, молодой дипломат узнал, что должность сотника имеет и второе значение. Это помощник воеводы, у которого под ясаком и присмотром более ста дворов и хозяйств. Таких людей также называли сотниками, лучшими людьми или младшими воеводами.

Иван Никитич был лучшим человеком и являлся управителем ясачной волости. Поэтому он имел право принимать самоличные решения, не утвержденные воеводой, как и поступил в этом случае, свернув в сторону Котского городка.

Воевода Сибири, приняв Ваулихана, в душе усмехнулся, когда увидел перед собой безусого юношу. Но пока они вели беседу на русском языке, которым безупречно владел молодой посол, он

проникся к нему уважением. Ваулихан был осведомлен во всех вопросах. Речь держал размерную и рассудительную.

Узнав же, что Ваулихан был лично знаком с царевичем Федором Борисовичем и его сестрицей Ксенией еще будучи мальчонкой, когда был толмачом в составе посольства, то и вовсе подобрел к юноше.

Княжна Ксения, постриженная в монахини, сейчас находилась во владимирском Успенском Княгинином монастыре и, по слухам, имела письменные отношения с женой государя Михаила Федоровича.

Воевода за долгие годы службы научился плыть по течению, не попадая в политические воронки, в коих потопило немало его знакомых. Поэтому и решил вести себя с послом доброжелательно.

На улицах Тобольска посол от Казахского ханства неоднократно расспрашивал о своем друге Ване, но ничего путного не узнал.

Только и ходили одни слухи о маленьком лекаре и о чудесах им сотворенных, да более ничего.

Вечерами Ваулихан с дядей часто стояли на высоком берегу, глядя вдаль, ожидая появления стругов с обозниками.

Иртыш и Обь, прогнав лед, постепенно поднимали свои воды, наступало весеннее половодье.

Воевода, отправив за обозниками струги, заверил Ваулихана, что с недели на неделю привезут ему долгожданные царские грамоты.

* * *

ИЗБА СОТНИКОВА

Душа Ивана поднялась к тесаному потолку, и сотник сверху оглядел склонившихся к его бездыханному телу людей.

Иван Никитич увидел, как, растолкав взрослых, к его стану склонился Ванюшка, который ножиком ловко проткнул ему горло и, выхватив у Мамарки камышинку-свистульку, вставил в разрез. Свистулька свистнула, и заблудившаяся было душа вернулась из-под потолка вместе с вдыхаемым воздухом через дудку обратно в тело Ивана.

Сотник был без сознания, но, тяжело дыша через отверстие в горле, хрипя и посвистывая, жил.

Жил благодаря умелым рукам Жас Дэригера, маленького лекаря по имени Ванюшка.

– Ложку дайте зубы разжать! – закричал Ваня. – Подавился он!

Иван Никитич открыл глаза. Глотать было больно, горло горело огнем. Ваня, сидевший рядом на чурбаке, положил свою руку на плечо сотника:

– Не разговаривай, дядько Иван, костью ты подавился игровой. Кое-как я ее достал, уж шибко алчно хлебнул ты медка с дороги. Я тебе горло зашил ниткой из сухожилия оленьего, она опосля сама рассосется. Кабы не Мамаркина свистулька, не спас бы я тебя.

В дверном проеме показался с поленьями Архип.

– Что? Очухался? Ну и напужал ты нас, Иван Никитич. Ладно хоть Ваня не сплоховал – недаром на собаках да на оленях ранее упражнялся. Он и в глотку свистульку вставит, и окот примет, и живот проткнет, коли корова отрубей объестся, – усмехнулся кузнец, – зря я вчерась в ухо шаману дал. Зернь-то в кувшин упала, а я грешным делом да во хмелю на него подумал. Мол, утаил он, чтоб обыграть меня. До сей поры на меня губы дует.

– Никто на тебя губы не дует. На попов и кузнецов не обижаются, один сдачу не даст, другой даст, но в глаз, – раздался за спиной голос вогула.

ГЛАВА 136

ПОЛЬША

— Вы желали видеть меня, Ваше Величество? — слегка поклонившись, соблюдая достоинство королевича, справился Владислав, заходя в королевский секретарский кабинет.

— Проходи, сын. Разговор важный. Слышал я, что задумал ты поход на Москву?

— Да, Ваше Величество. Но не ранее, чем поднимется трава на полях. Я не хочу обременять отряд летучих гусар обозом с фуражом для коней.

— Хорошо, пусть будет так. Но вызвал я тебя не поэтому. Русский царь Михаил отписал прелестные грамоты о дружбе казахскому хану Есиму, чем укрепил восточные и южные границы Сибири. В ожидании сих грамот в Тобольске ныне находится посольство от хана.

— Пан Сапега, ваше величество, с последним обозом в Сибирь послал своего человека. Он проверенный и повязан кровью, участвовал в убийстве Ляпунова. Человек этот, затаившись в монастыре, ждал от Сапеги указаний. Это пан Казимир, вы его знаете.

— Дай знать своей знахарке в Тобольске, чтоб приютила его на время. А после чтоб свидетельницей стала, что якобы убил посла стрелец московского приказа, и не по ревности или хмельному делу, а по указанию свыше, — распорядился король.

– Уже сделано, Ваше Величество, – поклонившись, доложил королевич.

* * *

ПЕЛЫМ

Князец Василий Пелымский, после того как проводил обоз Ивана Никитича, сразу же послал гонца в Тобольск. Упредить надобно, решил он.

Писать он не стал, а передал на словах, что сотник пошел на север.

Проводники, коих Иван нанял в Пелыме, должны были его провести мимо заброшенного городка Эмдер до стойбища Лорбот, а уж далее, выйдя на Обь, добраться до Атлим Воша. Но вожатые еще не вернулись.

Князь также передал с гонцом и личную подать: шкуры трех черно-бурых лис, пять соболей и триста беличьих.

Василий своим внутренним чутьем чуял, что тучи над ним сгущаются. Потому князец и задаривал всех, кто был по должности выше и могущественней его.

Государь Михаил Федорович уж не раз интересовался Пелымом – вотчиной князя. В народе этот городок за глаза именовался Польшью, так как туда уж какое десятилетие ссылали на вечное поселение опальных князей и бояр, коих в Смутное время расплодилось немало.

Всем опальным угодить Василий Кондинский, конечно же, не мог, и при смене очередного царя на Руси помилованные ссыльные, одаренные царской милостью нового самодержца, уезжая на Русь, намекали, что за горькое гостеприимство Василий еще заплатится, аукнутся, мол, ему их слезки.

Вот и жительствовавший князь вогуличей, как на пороховой бочке. Не солнце ведь, всех не обогреешь. Ужом вертись да изворачивайся, а все одно опальным станешь.

Одно его успокаивало, что ссылать его самого далее было некуда – и так на краю земли обретається.

Хотел он было подальше от государева ока, на Енисей, податься, да воевода восвояси отправил, отказал, вот и ожидай теперь царской милости в виде плахи с топором.

«...А ныне и вовсе посажены боярским собором на царствие бояре Романовы-Кошкины. Не дай Боже, донесут на меня бояре, что мог, да не восхотел помочь умирающему в Пелыме ссыльному боярину Романову Василию Никитичу, не проявил к нему милость, сострадание и добродетель. Не дал в дорогу даров и продуктов Романову Ивану Никитичу – брату Василия, коего в Уфу перевели для смягчения участи. А по приходу на царствие его племянника Михаила и вовсе Иван Никитич был помилован да определен на службу, совместно с опальным князем Иваном Черкасским, в Нижний Новгород.

Молодой государь хворый, не до дел государственных ему, но вот-вот из польского плена отца его, Федора, отпустить должны, тот-то не спустит и за негожее отношение к братьям обязательно со всей строгостью спросит, – рассуждал князец Василий Кондинский. – Ох и не сносить мне головушки!»

* * *

ИЗБА СОТНИКОВА

Мамарка от счастья, что его взяли на гусиную охоту, да еще дали самопал кремневый, купленный у обозников, прыгал зайчиком с кочки на кочку. Чтобы мальчика не ударило отдачей при выстреле, Ваня зарядил его малым зарядом.

Зимой Мамарка уже пробовал палить из пищали по пенькам и оказался способным учеником. С третьего раза попал он туда, куда целился. Теперь ему предстояло первый раз выстрелить на охоте.

Позади, болотцем, шли Терешка и Ванюшка. Терешке досталось нести заплечную плетеную корзину с золой, набранной из печи в избе да из чувала в гостевой юрте.

Ранней весной, когда уже речки вскрылись, а на озерах еще стоял лед, пролетом в тундру шли стая за стаей гусь и казара, садясь ночью отдыхать на озерные проталины. Вот сюда-то, на озеро, и пришли молодые охотники.

Ваня со знанием дела определил направление ветра, то есть куда будет взлетать потревоженная стая. Расставил Терешку и Мамарку по берегу, велел им из жердей и камыша собрать скрадки. Сам же ушел на середину озера и раскидал по льду золу. Весеннее

солнышко уже к полудню растопило под золой лед, и образовалась небольшая прогалина.

Соорудив на противоположном берегу скрадок, Ваня достал из котомки лепешку и подкрепился.

До сумерек было еще далеко, и юноша, нарубив и подстелив камыша, улегся вздремнуть. Утятницы он, зарядив крупной сечкой, установил заранее, нацелив обе прямо в середину зольного пятна.

Иногда в высоте с громким каляканьем проплывали стаи, но днем гусь шел пролетом. Оставалось ждать вечерней зорьки.

Три дня тому назад Ваня с Никитой перевезли улов с верховьев Атлымки. И как раз поспели вовремя: из Тобольска за обозниками пришли два ушкуя. Стрельцы и охочие люди, перегрузив вещи и товар на суда, теперь лишь ожидали попутного северного ветра, но его который день не было. Приходилось коротать время на берегу – в половодье далеко на веслах не уйдешь.

Иван Никитич постепенно выздоравливал. Ванюшка каждое утро и вечер обрабатывал ему живицей рану на горле. Глотать было еще больно и тяжело, и Ксения варила ему негустую кашу.

– Эко меня угораздило, – изменившимся хриплым голосом сокрушался сотник. – Коли бы не Ваня, гулял бы я сейчас по райскому саду.

– Ага, или в котле бы тебя черти варили. А то мало натворил ты, сколь за недоимку по твоему указу порото подъясачного люда? А ведь государь наказ давал: ясачных не притеснять, а обходиться с ними ласково. Не боишься ты, Иван Никитич, ни государя, ни Господа, – качая головой, откликнулась Ксения.

– Ну, Бог высоко, царь далеко, – отмахнулся от бабы сотник, – а кабы не порол, меня бы самого на крюк повесили за ребра. Это ж где мне сыскать тысячу соболей в год с волости, коли я лаской чумной народец примусь привечать?

* * *

БАНИНЫ ГРЕЗЫ

Ваня окончательно задремал, завернувшись в малицу.

– Здрав будь, отрок. Давненько я не навещал тебя, – услышал знакомый голос старца молодой охотник.

– Здравствуй, отче, – прошептал во сне Ванюшка. – Скучал я по тебе очень.

– Рад это слышать, Ваня. Не для будничного дела я явился в сей раз. Надобно тебе со стрельцами выехать в Тобольск, заодно и сестрицу навестишь да друга своего, Ваулихана, повстречаешь. Он с посольством прибыл и государевы грамоты ожидает, кои сотник Иван везет. Но есть в обозе человек, посланный людьми короля Сигизмунда, которому велено или сии грамоты выкрасть, или по возможности посла принародно убить. Не нужен мир полякам в Сибири. Понимает король, что зарождается на востоке сильное ойратское ханство. И через два десятилетия войной пойдет на Сибирь. Вот тут-то в совокупи с крымским ханом и пойдет король на Русь с Запада, и ойраты двинут свои полчища в Сибирь. Не удержать земли сибирской русским, коли не встанет на пути джунгар-ойратов ханство Казахское. Токмо вкупе и можно одолеть эту напасть. Пока же хан Есим, занятый войной с Бухарой, не видит надвигающейся опасности от монголоидов. Твой друг Ваулихан же дружен с его сыном Жангиром, чрез которого можно убедить Есима обратить взгляд на восток.

– А как я узнаю подосланного в обоз шляхтича?

– Дьякон он, в стрельца переодетый. Всегда особняком держится. Ты, покамест на охоте, у Терешки то и расспроси, так как христарадничал он по церквям да монастырям. Встречались они. Не единожды дьякон прогонял с паперти Тереху. Но и дьяк он не настоящий, скрывается он под чужой личиной. Вид у меня на него имеется, Ваня, но об этом опосля.

– Как же я слажу, отче, с взрослым мужем?

– Шар на кой тебе даден? К сотнику зайдешь, внуши ему, чтоб он всех стрельцов на первый ушкуй определил, от греха подальше. А ты сам, с ним и охочими людьми, на второй ладе плыви. Вот и отведешь лихо в дороге. А в Тобольске Ваулихана береги, чтобы убийством посла стрельцом русским не рассорить Русь с Казахским ханством.

* * *

ПОВОЛЖЬЕ

Ибрагим шел одной из улочек Алатыря, куда прибыл первой весенней водой по делам из Казани. Городок был небольшим. Иван

Грозный в одном из казанских походов облюбывал это место на берегу Суры и заложил тут маленькую крепость, вокруг стен которой тут же вырос посад.

Всюду резвились и веселились ряженые. Пахло блинами и пирогами. Православный народ справлял масленицу.

Бродячий монах с медвежонком на цепочке, пройдя мимо, зачем-то низко поклонился, то ли обознавшись, то ли обозначив прохожего.

Неожиданно человек семь, ряженные в соломенные чучела, выскочив из проулка, окружили Ибрагима. Организовав вокруг сына боярского хоровод, они запели странную песню:

– Тебе привет от лучезарного, светлейшего и добрейшего. Из Крыма далекого и моря глубокого. Хан Джанибек Гирей за подлость твою шлет милость свою...

С последними словами семь ножей воткнулось в тело Ибрагима. Опустившись на колени и согнувшись, он завалился в уличную грязь, потухающим взором беспомощно глядя на скачущие над ним ряженые рожи наемных убийц.

Крымский хан не простил мурзе сибирскому его обман с пушками и лопнувшую, как мыльный пузырь, мечту о возрождении Казанского, Астраханского и Сибирского ханства. Ведь пушки попали князю Пожарскому, и хан, получается, своими же руками помог укрепиться Русскому государству.

* * *

ТОБОЛЬСК. КРЕМЛЬ

– «...На Москве же тово Заруцково посадиша на кол, а воренка повесиша, а Марина умре на Москве», – окончил читать писец письмо от воеводы боярина Одоевского.

Воевода долго молчал, уставившись в столешницу.

В Москве казнены атаман Иван Заруцкий, Марина Мнишек и ее малолетний сын Иван Дмитриевич, в народе окрещенный воренком – последний претендент на трон от Лжедмитрия.

Романовы прочно утверждались у власти.

Из Первопрестольной дошла до Сибири и еще одна весть. Писал ему Афанасий Пашков, сын Истома Пашкова, что дядька его Ибрагим, последний сибирский мурза и наследник трона, дальний

родственник бывшего Сибирского хана Едигера и его племянника хана Сейдяка, зарезан в Алатыре.

Воевода отлично знал расклад сил и могущество каждого рода.

В державе, когда-то созданной Чингисханом, законные права на ханский трон имели только чингизиды – прямые потомки его четырех сыновей от первой жены. Но Чингисхан был простолюдином, и многие ханы знатных родов не покорились и были уничтожены.

Один из таких, Тайбуга, сын царя Она, выжив, обосновался в Сибири. Это положило начала роду тайбугидов, извечных соперников шейбанидов – потомков Джучи, сына Чингисхана.

Кучум-хан, покорив Сибирь, оттеснил тайбугидов от власти и практически вырезал всех, кто принадлежал этой династии. Но кое-кто и остался, выжил. Последним был Ибрагим.

И вот теперь ни шейбанидов, ни тайбугидов не осталось.

Власть в Сибири утвердилась окончательно. Русь отныне и во веки веков править будет.

И он, воевода, здесь всему голова.

– Про ушкуи слышать ли?

– У Самарова острожка вставали на отдых, осемь ден тому, – ответил задремавший было писарь.

– Ну, ступай тогды, Епифан, коли вести какие про Ивана Никитича выведаешь, дай знать. И еще. Отнеси угощение послу. Да поклонись ему олух. Знатного рода этот щенок, покамест нужен он нам шибко.

Воевода хотел было прилечь на лавку отдохнуть, но тут во дворе раздались радостные крики:

– Годовальщики! Годовальщики! – орали стрельцы, подкидывая вверх шапки. Служилый люд ликовал – с ушкуями пришла долгожданная замена.

ГЛАВА 137

Рейд отряда лисовчиков сильно поднял боевой дух польской знати, ну и, конечно, самого королевича Владислава.

Летучий отряд Александра Юзефа Лисовского черным смерчем прошел по Руси. Пользуясь ослаблением русского войска и практического отсутствия в данное время кавалерии на Руси, Лисовской пожег города и пограбил монастыри. Избрав линию грабежей и убийств, лисовчики не щадили ни женщин, ни детей, вырубая полностью население деревень и городков, оставляя за собой угли и пепел. Такого необъяснимого зверства Русь не видела со времен Токтамыша.

Но ляхи избегали связываться с регулярным и сильным войском, стараясь нападать из засад на отдельные отряды и полки или беря штурмом городки с небольшим гарнизоном, разоряя и сжигая их.

Весной Лисовской одиннадцать недель протоптался под стенами Брянска, но взять город так и не смог.

Сняв осаду, он штурмом взял Орел и Карачев, а в сентябре в засаду попал отряд князя Дмитрия Пожарского и в жестоком бою потерял половину своего состава. Спасая людей от неизбежной гибели, Пожарский предпочел отойти.

Вернувшись, Лисовской надолго стал легендарным героем в Речи Посполитой. Его считали неуловимым и удачливым.

Король Сигизмунд после возвращения из похода Лисовского лично вызвал его во дворец и выдал ему десять тысяч флоринов на сбор нового войска.

Славе Александра Юзефа немного завидовал и королевич Владислав.

Владислава семибоярщина утвердила на русский престол, и в Москве уже принялись чеканить монеты с его профилем. Но, опасаясь гнева Папы Римского, принимать православную веру королевич не решился, да и в Первопрестольную его батюшка не отпустил. Побоялся король, что придушат его медвежатники лапотные. А может, и сам Сигизмунд на троне русском посидеть задумал.

Ну, в общем, проморгали вспышку десницы небесной король с королевичем.

И все-таки от трона просто так не отказываются. Владислав рассуждал:

«Вот возьму Москву, вся Русь и поклонится мне, царю-батюшке. Конницы-то на Руси почти не осталось, всех добрых строевых коней казаки да тати увели, других поели с голоду, одни крестьянские клячи и остались. Пешее войско в основном из мещан да посадского люда необученного собирается. Полков стрелецких по пальцам пересчитать можно. Основное войско ушло в поход под Смоленск. Поссорю царя с ханом в Сибири, и тогда воеводы сибирские подкрепление побоятся выслать. А я к лету еще и поддержкой Запорожской Сечи заведу. Они давно лелеют себя мыслью о самостоятельности. Гетман их, Петр Сагайдачный, согласен выйти с пятью тысячами казаков совместно с войском польским.

Но и Сагайдачный просит неприемлемого, то бишь, расширения границ Запорожской Сечи, сохранения православной веры и самостоятельности. Вот и пообещаю ему вольницу, а там посмотрим еще, на чью ложку муха сядет, сейчас бы с Москвой разобраться...»

* * *

ТОБОЛЬСК

Ваулихан, как и все жители Тобольска, спустился к берегу реки, где уже пришвартовались два ушкуя.

Народ ликовал. Долгожданный обоз из далекой Руси, хоть и водой, но все-таки прибыл – с товаром, купцами и долгожданным

почтарем, который доставил некоторым весточки от родных и близких. Прибыл и казначей с казной, а с казначеем – трое товарищей: два дьяка и печатник. Даже сами купцы ахнули, когда, скинув с себя армяки охочих людей, прибывших на втором ушкуе, представители казначейства, оставшись в строгих казенных кафтанах, погрузив казну в телегу, на ней и укатили.

– Ну, надобно же, всю дорогу таились лукавые, и кто бы подумал, что казна сибирская под боком с нами в обозе едет! – удивился стрелец, одетый в кафтан псковского покроя.

Тобольские стрельцы тискали в объятиях московских, радуясь прибывшей замене.

Вдруг кто-то нагло толкнул Ваулихана в лопатку. Посол в гневе развернулся, схватившись за рукоять сабли.

– Здрав будь, Ваулиханчик!

Напротив его, смеясь и подбоченившись, стоял Ваня.

– Ванюшка! Мен искал тебя! Мне поведали, будто сен на Енисей кеткен, – обнимая друга, от волнения путая свой язык с русским, обрадованно затараторил сын Исатая.

– Мен баруга емес²¹⁹ Енисей-дэ, – улыбнувшись и освобождаясь от жарких объятий, ответил Ваня, – пойдём-ка, у меня разговор серьёзный к тебе имеется.

– А грамоты?

– Привезли, привезли. Их тебе воевода вручит на днях. Государевыми грамотами на берегу ведь не бросаются. Оне торжественно в главном приказе вручаются.

И друзья в сопровождении нукеров Ваулихана отправились в городок, решив отобедать в гостинной посла.

Отар приветливо встретил молодых людей во дворе постоянного двора, сообщив, что на обед раздобыл пять фазанов и одного гуся, из которых уже приготовили бешбармак.

– Эх, были бы дома, барашка зарезали бы, – сокрушался он, распоряжаясь, куда на дастархан поставить огромное серебряное блюдо и как расставить пиалы с шурпой.

Принесли рушники и медный таз с теплой водой для ополаскивания рук. Ваулихан первый запустил пятерню в горячий бешбармак, но сразу же отдернул руку.

– Горячий шибко, – дую на пальцы, виновато улыбнулся он.

²¹⁹ Мен баруга емес – я не пошел на Енисей.

Ваня, поднявшись, подошел к походной суме, которую, войдя, повесил на крюк. Пошарил в ней и, подойдя к другу, протянул серебряную вещицу:

– На. Дарю. Негоже послу руками кушать.

– Это что за рогатина?

– Вилка это, олух ты царя небесного, ее на Русь жинка Лжедмитрия привезла из Польши. Царицу Марину за то бояре терпеть и не могли. Ворчали, что, мол, не руками ест, а рогатиной в пищу тыкает, бесовка значит. А теперича, почитай, вся знатная Русь сей рогатиной пользуется.

– Ну, испробуем твою бесовскую рогатину на деле, – недоверчиво воткнул вилку в мясо Ваулихан, – и впрямь удобно! – рассмеявшись, похвалил серебряный опус посол. Но взглянув с недоумением на Ваню, спросил: – А ты сам-то пошто руками ешь? Вилки более нету?

– Почему же, есть, но руками сподручнее. Я же не посол, а урманый боялин, – облизывая жирные пальцы, рассмеялся Ванюшка, – сколь народу в твоём посольстве?

– Я, дядя Отар, два писца, пятнадцать нукеров и прислуга.

– Выставляй караулы плотнее. Без охраны по улицам не ходи. Когда грамоты вручит тебе воевода, передай их дяде Отару, пушай отдельно от тебя едет до постоянного двора.

– Пошто так?

– Человек засланный прибыл в Тобольск. Тебя умертвить принародно послан, дабы ваше ханство с Русью поссорить.

– Кому это надобно?

– Королю польскому. Знают Сигизмунд с Владиславом: если не будет у нас дружбы с ханом Есимом, то для защиты рубежей наших от кучумцев и ойратов придется воеводам войско тут, в Сибири, держать. А коль подмога на Русь из Сибири не придет, не удержать Москву ныне.

– Откель ты все это ведаешь?

– Сотник Иван Никитич сказывал про то, что собирает войско королевич, Литву, шведов и казаков Запорожских подбивая в поход с ним идтить. А про тебя я и сам додумался, – умалчивая о напутствиях Гостомысла, пояснил Ваня.

Севастьяну доложили, что к нему просится молодой стрелец, прибывший с ушкуями.

– Кликните. Пушай зайдет, – не отрываясь от бумаг, переданных из Москвы, кивнув, распорядился дьяк.

– Здрав будь, боярин, не вели гневаться. От сотника Ивана Никитича я, с эпистолой, – низко поклонившись, с порога поздоровался Терешка.

– Ну, давай сюда свое послание и ступай.

– Так нет его, боярин, на устах велено передать.

– Пошто сам-то Иван Никитич не прибыл с ушкуями?

– Захворал шибко. Собрался было в путь, да жар пошел. Велел без него уходить, покуда ветер попутный зачался. Шаман его, Угор, лечит.

– Опять этот шаман поротый на слуху! А пасынок Архипа не прибыл ли часом?

– Со мной на ушкуе плыл, да с послем ушел кыргызским.

– Ух ты, как его вознесло! Ну, ничего, ничего, – Севастьян, зло сверкнув глазами, осекся. Сболтнул лишку – осенило его. На всякий случай, справился: – А ты, чай, не сдружился с ним?

– Немного, сколь дозволил мне Иван Никитич.

– Ну ладно, сказывай, что передал сотник. Да ступай. Вишь, указов сколько из Москвы привезено. Не до тебя ныне.

Но писец дьяка, сидя на лавке в сенях избы, еще долго ждал, когда выйдет молодой стрелец, и про себя рассуждал, удивляясь долгому приему:

«И чего это он, недоросль, такое важное говорит Севастьяну? Пошто шепчутся уж более часа? Даже окошко прикрыли, а ашо меж дверями кошку запер дьяк».

Севастьян был умен. В допросной горенке он всегда держал кошку. Вход состоял из блока двух дверей. И когда дьяк вел важный разговор, то сажал меж ними кошку, которая, попав между дверей на порог закрытого и узкого пространства, принималась громко мяукать и царапаться в щели, через которые брезжил свет, мешая лишним и вражьи́м ушам услышать, о чем говорят в горенке.

* * *

ИЗБА СОТНИКОВА

В Сибирь пришла долгожданная весна. Зазеленела трава на пригорках, разлилась Обь по сорам, подняв уровень воды в протоках и притоках. У пушного зверя началась линька.

Архип, вернувшись из тайги, где он снимал ловушки да убирал петли и капканы, внезапно занемог. Тщетно пытался вогул отпоить его травами и снадобьями. Его девяностолетний друг таял на глазах. Силы покидали бывшего богатыря, который когда-то мог запросто завалить лошадь с седоком и на спор разогнуть подкову.

– Штой-то занедужил я, Ксюшенька, – хрипел Архип, когда на некоторое время сознание возвращалось к нему, и, чувствуя, как гладит жена его высохшую руку, шептал: – Ныне пригрезился сыночек мой, басурманами убиенный. Будто сидит он в одной рубашонке на обочине и плача мамку с папкой кликает, а мимо рабов ведут в Самарканд на базар. И водицы-то никто ему не подаст, и хлебушка горбушку не бросит.

– Да будет тебе, Архипушка. Поднимешься еще. Вон, в прошлую зиму точно так же хворал, но выдюжил же.

– Твои слова, Ксюша, да Богу в уши.

– Молюсь за тебя денно и ночью, любезный мой. Бог даст – услышит Николай Угодник мои мольбы. Он всем помогает. И тебе поможет.

Угор напоил друга отваром, и Архип тут же заснул.

– Пущай спит, сил набирается, ты тоже, сударушка, прилегла бы, почитай, третью ночь не ложилась. Я подле его посижу. Вот токмо Мамарку отправлю за Никитой в избу. Он быстренько обернется. Собак с собой возьмет да ружо, что Ванюша ему у купцов выменял.

– Не боязно-то тебе, Угор, мальчика одного в урман отправлять?

– Он не малец, он муж, ему уже вот сколько, – показав две пятерни и два пальца, поправляя подушку у больного, отозвался вогул.

– Двенадцать, двенадцать, знаю. Пущай у меня в лабазе в дороге курта²²⁰ наберет в котомку, а то на твоём сушеном чебаке далеко не уйдешь, – улыбнулась женщина, вытирая руки о фартук, – ну, всё, миски, ложки сполоснула, пойду прилягу у Рамили. Если что, позови.

Ксения вышла. Угор заботливо поправил подушку, вырвав из нее пробившее наволочку перо, и на миг решил выбежать из избы, чтоб кликнуть Мамарку.

²²⁰ Курт – сушеный шариками кислый сыр.

Дождавшись, когда избушка опустеет, с печи спустился сотник и, присев на чурбак подле Архипа, тихо потряс его за плечо.

– Архип, а Архип. Поведай, где золото Ермака утаил?

Кузнец открыл глаза.

– Поведай, велью! На кой оно тебе на том свете? – еще раз затряс больного Иван Никитич.

– Нет его более, у князя Пожарского оно.

– Не лги мне, быдло холопье! Сказывай, куда девал остатки золота! – уже тряся умирающего коваля двумя руками за плечи, воскликнул в гневе сотник.

– Дырку тебе от бублика, а не золото! Перед воеводой ответ держать будешь за сей интерес! – набрав в себе последние силы, хрипло бросил ему в лицо Архип.

– Так подохни же, смердское отрепье! – С этими словами сотник приподнял за грудки Архипа и с силой несколько раз ударил его головой об лавку. После, подняв с пола упавшую подушку, аккуратно подложил ее под голову убиенному. Выйдя на крыльцо, сполоснул водой из кадки руки и лицо.

К избушке подходил вогул.

– Архип, кажись, помер, поди глянь.

Угор забежал в избушку.

Архип лежал на спине. Черты его лица заострились. Открытыми глазами он угасшим взглядом глядел в потолок.

Шаман прикрыл глаза умершему другу, веки приспустились не до конца. Тогда вогул достал из кушака две деньги и приложил их на веки, да хотел было пойти за Ксенией, как вдруг заметил два небольших пятнышка от больших пальцев рук с обеих сторон шеи. Приподняв голову кузнеца и внимательно осмотрев, разглядел ниже затылка еле заметную полосу от ворота рубахи.

Подняв с пола гусиное перышко, выдернутое им из подушки намедни, зажег его от свечи и прошел, окуривая дымком, по всем углам избы, заунывно напевая песню предков.

Выйдя из избы, шаман сдунул с ладшки на три стороны пепел и, присев на крыльцо, раскурил свою трубку.

Высоко в небе, громко перекликаясь, летела на Север запоздавшая стая серых журавлей.

– Душа Архипа с ними ушла, – провожая взглядом стаю и выпустив через нос сизый дым, проговорил он, ни к кому не обращаясь.

Далее, с ненавистью глянув на стоявшего к нему спиной сотника, молвил:

– Я покажу тебе, боялин Иван, где спрятано золото атамана Еремы, а ты за это мне грамоту с тамгой дашь, чтоб ясак на меня и моих чад во веки веков не налагался. Латна? – и продолжил: – По утренней зорьке из Котского городка ушкуй на Тобольск пойдет, с ним отправь своих стрельцов, что для стражи твоей остались. А то, не ровен час, проболтаются они Севастьяну про то, что боялин Иван золото сыскал и утаил.

– Латна, – передразнил вогула сотник, – дам я тебе грамоту, когда золото покажешь.

– Нет, боялин Иван, грамота раньше, золото потом.

– Добре. Будь по-твоему. Когда пойдём?

– Архипа схороним. Девять ден отведем и поплывем. Я, сын мой Мамарка и ты.

Вогул поднялся с крыльца и, сутулясь, побрел к своей избе, куда давеча пошла отдохнуть Ксения, тихо ворча себе в бородку:

– Ну, как поведать-то Ксюше? Горюшко-то како... Горюшко-то како...

ГЛАВА 138

ТОБОЛЬСК

Постепенно народ разошелся, и на пустынном берегу, с дорожным мешком за спиной, остался стрелец в кафтане псковского покроя.

Он, оглядевшись и убедившись, что за ним никто не наблюдает, размашистым шагом направился в гору, где в сумерках, обойдя крепостную стену, растворился в узких улицах посада.

Яна, уложив сына спать на печь, присела на лавку, намереваясь заштопать портки сорванцу. Неугомонный и неудержимый сынуля в последнее время совсем отбился от рук. Каждый день, приходя с улицы с синяками и порванной одеждой, мальчик, насупившись, слушал, как выговаривает ему матушка:

– Ну, пошто ты такой уродился? Весь в татку, ну вылитый Расстрига! Тебе всего-то шастой годок, а уж на десятилетних задираться! Вот, возьму сейчас тряпку и отхожу тебя так, что сесть на задницу неделю не сможешь!

Пыталась Яна и мокрым рушником отходить сына-ослушника. Но после порки, при которой Емеля ни разу ни ойкнул и не заплакал, прислушалась Яна к его бубнежке за печью, куда сын забрался от обиды, и обомлела.

– Я косой тебе горло перережу, когда уснешь, ведьма злая...

Тихо постучали. Стук повторился.

– Кого там на ночь глядя нелегкая принесла? – недовольно проворчала ворожея и, взяв со стола лучину, вышла в сени.

* * *

ПЕЛЫМ

Князь Василий Кондинский, влетев верхом в ворота усадьбы брата, чуть ли не на всем скаку спрыгнул с жеребца.

– Пшл вон, – оттолкнув холопа, прыгая через две ступени, коршуном взлетел он на крыльцо.

Юрий хотел было обнять брата, но тот, оттолкнув его от себя, закричал на всю горницу:

– Ты что натворил, последыш? Ты есть погибель рода нашего! Кто тебя надоумил, полоумного, на обоз нападать со своими татями? А ты знаш? Что один татарин живым в руки Ивановы достался? Что пред смертью глаголал твой разбойник, ведаешь?

– Нет, он не мог проговориться.

– Выдал он нас с поторохами. Указал, что князь Кондинский собрал ватагу для шалости на дорогах и он, татарин, холоп его! Голов нам не сносить за твои пакости!

– Так я токмо и хотел казначеев во второй упряжке помять малость. Стрельцы-то далече были, позади. А оно вона как вышло. Кто думал, что казначеи в Пельме к обозу Иванову пристанут да на Котское княжество двинут, а не на Тобольск зимником, как мы полагали. Засада на них ведь тамака изначально была приготовлена, на Тобольской дороге.

– Ой, горе ты мое, – усаживаясь за стол, выдал из себя Василий. – А эко узнает государь про шалости твои? Ведьм не поздоровится всем.

А в тайный государев приказ от Севастьяна уж летело письмо о разбоях и пакостях, творимыми князьками Кондинскими. И что он, Севастьян, усердием своим разведал воров, кои на государеву казну глаз положили.

Севастьян потирал руки: «Хорош малец-стрелец. Поведал и о татарине, который перед смертью допросился на тех, кто послали грабить обоз, и о лазутчике короля Сигизмунда. Да и про приемыша Архипова кое-что узнал. Надо бы мальчика пригреть, чтоб карманым был, еще сгодится шустрик», – рассуждал дьяк.

* * *

УРМАН

Вогул погладил сына по жестким волосам. Поцеловал в лоб, чего никогда ранее не делал, и, перейдя на язык народов манси, чтоб сотник не догадался, о чем идет разговор, наказал:

– Ты, Мамарка, останешься тут, на берегу Чудо-Озера. Дальше лабза пойдет. Коли к ночи не возвращаемся, залазь в лабаз и спи. Там дикие звери тебя не достанут. Ежели через три луны не вернусь, спой песню предков, сожги перышко и, когда над тобой закружит мудрый ворон, сдуй пепел с ладони в его сторону, – подавая перышко, вытянутое из подушки Архипа, продолжал вогул: – а далее ручьем возвращайся к лодке. Вниз по течению ты и один выгребешь. Никита в избушке ждать тебя будет.

Мамарка, предчувствуя недоброе, шмыгнул носом.

– Не пускай пузыри, сын, ты правнук великого шамана. С тобой будут говорить звезды и воды, урман и каменья. Мать-природа не даст Мамара в обиду, она укроет от лютой стужи и от клыков хищных. Береги Золотую Бабу – она покровительница наших народов. Не допусти, чтоб попала в алчные руки. И грамоту с тамгой сотника, боялина Ивана, храни. Освобождает он ей наш род от яска и прочих повинностей.

– Ну, хватит тараторить, айда-ка на болото, смеркается ужо, – поторопил шамана Иван Никитич.

Вогул поднял лагу и, ступив на плавню, не оборачиваясь, медленно пошел в сторону туманного острова.

За ним двинулся сотник.

– Ступай след в след, боялин Иван, оступишься-пропадешь. Лагой тыкай, проверяй пред собой толщу лабзы, – донесся из тумана до Мамарки голос родителя.

Иван остановился на маленьком торфянистом островке и, тяжело дыша, упершись на лагу, попросил:

– Давай передохнем, Угор. Мочи уж нет, чай, не вьюноша я.

– И я не малец, чтоб водить меня за нос, – раскурив трубку, присел рядом на корточки шаман. – Ты пошто Архипа убил, боялин Иван?

– Ах ты, морда шаманская! Ишь куды замахнулся! Не твоего ума дело, веди куды приказано! – вынимая из-за пояса пистоль, побагровев всем лицом, взревел сотник.

– Веду, веду, боялин, – разглядывая в небе парящего седого ворона, загадочно улыбнулся вогул, – айда за мной, однако, – кряхтя, поднявшись, пробурчал сын урмана.

Иван осторожно ступил с плавающего торфяного островка на зыбкую лабзу.

– Дай-ка свою руку, боялин, тута жидко, перепрыгнуть надобно.

Сотник прыгнул к Угору, и шаман, крепко обняв убийцу Архипа, завалился с ним в болото, подмяв его под себя.

Грянул выстрел из пистоля.

Ноги сотника провалились сквозь лабзу, и он почувствовал, как огромные хищные зубы Сорт Лунга, впившись в них, потащили его в бездну.

Весь в болотной в грязи и ряске, выполз вогул на островок. Тяжело дыша, он перевернулся на спину. Сил снять через голову мокрую малицу уже не было, и шаман, разрезав ее ножом, запустил руку под одежду.

Теплая липкая кровь изрядно уже промочила нижнюю рубаху. Из пробитой пулей раны с каждым ударом сердца выплескивался фонтанчик крови.

Боли вогул уже не чувствовал. Разглядев парящего в вечернем небе седого ворона, Угор прошептал непослушными губами:

– Возьми мой дух, мудрая птица. Я ухожу к отцу своему и деду. Сбереги мальчика.

Торфяная жижа постепенно втягивала в себя шамана. Вскоре грязь островка сомкнулась, навеки поглотив тело вогула, и только выпавшая при борьбе трубка продолжала дымить на болотной кочке.

Мамарка, сидя на пеньке у берега Чудо-Озера, тщетно пытался разглядеть возвращающихся путников.

Мальчик всю ночь не сомкнул глаз.

Выложив бубен и другие вещички из пайвы²²¹, он достал из нее узбекское верблюжье одеяло, укрыл им спину и плечи, да так и просидел до рассвета.

²²¹ Пайва – заплечная торба.

Из оцепенения вывели его хлопки крыльев.

На полянку приземлился седой ворон и, бесстрашно подойдя к мальчику, уронил у его ног отцовскую трубку. После, скакнув к бубну, несколько раз клюнул его в середку, извлекая звуки, и, повернувшись к Мамарке, вновь хлопнул крыльями.

– Кар!

Молодой шаман понял, что настало время свершить обряд.

Мамар, постукивая в бубен, заунывно запел песнь предков. Он своим детским умом понимал, что навсегда потерял отца. Не вернется с болота и боярин. Во время похорон Архипа и поминального обеда мальчик не раз перехватывал взгляд отца, который глядел на сотника ненавидящим взором.

Постепенно войдя в состояние транса, он и не заметил, как огромный бурый медведь подошел к его пайве, перевернул ее и, добравшись до вяленой рыбы, стал жадно ее поедать, не обращая внимания на маленького шамана с бубном.

Закончив петь, Мамарка вынул перо, данное наемни отцом, и, распалив трут, поджег перышко, сдунув пепел с ладошки в направлении парящего в небе ворона.

Вдруг он ощутил чужое присутствие.

Мальчик оглянулся и от неожиданности выронил бубен, который держал под мышкой.

Пред ним на расстоянии двух саженей стоял огромный хозяин тайги. Медведь втянул носом воздух и медленно двинулся к застывшему от страха маленькому шаману.

– Уходи, уходи, – зашептали побелевшие губы мальчика.

Зверь, подойдя вплотную, лапой сбил Мамарку с ног и, схватив зубами малицу на спине, понес свою жертву в заросли.

Но мальчик это уже не чувствовал, он был без сознания.

* * *

ТОБОЛЬСК

Ваулихан спиной ощутил сверлящий взгляд из толпы.

Посольство ехало верхом от воеводы. Два нукера с флажками на копьях двигались впереди, далее ехали Отар с племянником, и позади, в два ряда, играя отблесками доспехов на весеннем

солнышке, замыкали движение нукеры с обнаженными саблями, опущенными к стременам.

Стрелец в кафтане псковского покроя, держа правую руку за пазухой, медленно пробирался сквозь толпу зевак на обочине.

– Смотри-ка, расфуфырился нехристь, нигде проходу от них нет русскому люду. Жируют демоны на наших харчах, – громко говорил он, раздвигая одобрительно кивающих тобольчан.

Перед ним прямо на земле сидело двое нищих. Стрелец оттолкнул ногой одного и, наступив другой ногой в корзинку с подаянием, кинулся было к послу, на ходу вытаскивая кремневый пистоль.

Двое нищих, мгновенно преобразившихся из калек в здоровенных подручных дьяка, повисли на плечах наемного убийцы.

Раздался запоздалый выстрел, и лошадь Отара упала, подогнув пробитую переднюю ногу.

Яна, стоявшая в толпе, прижала к себе Емельку и тихонько растворилась в небольшой проходящей улочке.

Дьяковы люди, ворвавшись в ее избу через час, не нашли ни ее, ни ребенка, ни даже вещей.

– Ворожея будто сквозь землю провалилась, – докладывали они Севастьяну.

Заплечных дел мастера, служившие при приказной избе, постарались выведать все, что знал или даже о чем догадывался посланный королем человек. Самое важное сообщение было испытано – то, что королевич Владислав, набрав около семнадцати тысяч сабель вместе с союзниками, выходит этой весной в поход на Русь.

По указу воеводы в срочном порядке был объявлен по всей Сибири сбор служилых людей в поход на помощь Москве, а Ваулихан увозил хану Есиму грамоту с просьбой о помощи конными джигитами его ханства.

Ответ от хана должен был привезти Ванюшка, который уезжал с посольством в казахские степи.

* * *

К лету 1616 года варшавский сейм одобрил поход Владислава на Москву. Поход переключался на лето 1617 года. Руководителем был назначен великий гетман литовский Ян Кароль Ходкевич. Армия включала в себя два крыла. Коронный, под командованием

Владислава, и литовский, под началом гетмана Ходкевича. Вначале коронная армия составляла десять тысяч воинов: шесть тысяч всадников и четыре тысячи пехоты.

Гетман Сагайдачный также поднял под ружье двадцать тысяч запорожских казаков. Войско было поделено на шесть полков, самым большим из которых был гетманский полк, который насчитывал до пяти тысяч всадников, а также имел семнадцать пушек.

Шептались при дворце, мол, приснился якобы королю странный сон. Будто присел подле его ложа незнакомый старец и молвил: «Не пушай, король, все войско на Московию. Худо придется твоему великому гетману Жолкевскому на южном порубежье. Прознает про поход султан турецкий и ударит в спину. Царь Михаил уж и обоз султану с дарами собрал. Коль пожелаешь проверить слова мои, пошли в Ельск своего соглядатая. Там посольство в Крым с дарами и поныне находится».

Сигизмунд, проснувшись, долго ходил взад-вперед в раздумьях по опочивальне. В сны он не верил, но не проверить наказ старца король не решился и послал в Ельск человека, который, вернувшись, доложил, что действительно в городе находится московское посольство в Крым в ожидании обоза с дарами из Новгорода и Пскова.

В результате ли сновидения, или еще по каким известным только королю причинам, но у Владислава были отозваны девять гусарских и шесть казацких хоругвей и отправлены на помощь пану Жолкевскому.

Ходили и другие слухи, что будто являлся странный старец во снах не только королю, а и гетману Лисовскому, предрекая смерть ему скорую в походе от разрыва сердечного, коли тот переступит границы Руси со своими головорезами. Но, в отличие от Сигизмунда, Александр Юзев, при очередной попойке с панами, рассказав свой вещий сон, поднял на смех и пригрезившегося ему старца, и его предостережения.

Не дождавшись выступления Владислава, Лисовской осенью 1616 года выступил к Стародубу, похваляясь вновь погромить Русское государство. Однако в Камаринской волости внезапно упал с коня и умер.

Командование отрядами лисовчиков перешло Станиславу Чаплинскому.

* * *

УРМАН

Не обращая внимания на отчаянное карканье седого ворона, перелетавшего с дерева на дерево, медведь, затащив свою жертву в кусты ивняка, лапой перевернул бесчувственного Мамарку на спину.

Зверь ткнул носом в поясок, пытаясь разорвать на маленьком шамане малицу. Но вдруг знакомый запах, исходящий от пояска, который принадлежал когда-то Пайзе, остановил зверя.

Хвома, еще раз обнюхав мальчика, лизнул Мамарку в щеку.

Очнулся Мамар уже лежа на берегу у лодки, куда перетащил его, как щенков носит собака, медведь.

Хвома, лежа рядом, дремал под теплыми лучами солнца.

Мальчик тихонько собрал пожитки, отвязал фал, привязанный к кусту шиповника, и, оттолкнув челнок от берега, с опаской поглядел на спящего зверя. Хвома спал.

Челнок бесшумно снесло за поворот реки.

Постепенно страх прошел, и Мамарка, осмотревшись, хлопнул себя по бокам:

– Бубен-то с трубкой оставил на берегу. Придется дядьку Никиту просить, чтоб сходил со мной к озеру. Одному боязно шибко.

Челнок ходко спускался по течению.

Мальчик, взглянув вверх, улыбнулся. Он узнал бревно, на котором укрывался от волков Ванюшка.

ГЛАВА 139

ЕНИСЕЙ

— **Д**о реки Томь с обозом дойдете, там, в острожке, струги возьмете, а далее по течению идите, не промахнетесь, Томь в Обь впадает, — наставлял старшего обоза Максим, — я тут, в грамотах, весь отчет составил воеводе. А на словах скажешь, что одолели тунгусы пакостями своими. Лютуют, не дают жизни местному народишку, стойбища кетские разоряют. Надобно нам еще людей охочих сюды для возведения еще двух острожков по Енисею.

— Все исполню, как наказал.

— Главное, пока половодье, отмели пройти успеть по верховью Томь-реки. Коль замешкаетесь со стругами, тяжело придется. Мной ясак-то собран немалый — одних токмо соболей три тысячи шкур. Да самородков и каменьев два пуда, про них даже во сне не вздумай болтнуть. И матушке да Полине Архиповне дары я передал, Ивана тоже не обидел. Дай Бог, к весне следующей возвратитесь.

* * *

ТОВОЛЬСК

Воевода, не перебивая, слушал вдову. Ксения смахнула слезу и продолжила:

– Как Архипушка скончался, похоронили его, а вогул с Иваном Никитичем куда-то по Атлым-реке в путь пуститься задумали. Сядут вечерком на крылечко и шепчутся, шепчутся. Меня или Рамилю увидят – замолкают. Все про атамана Ермака судачили да про золото его.

– Вот шельмецы! – стукнул кулаком по столу воевода, но, взяв себя в руки, попросил: – Ты продолжай, Ксенюшка, продолжай. Поведай, как сгнули-то они.

– Мамарку с собой они брали, тот один и вернулся. А что малец мог поведать? Сказывал, что на берегу какого-то болота его оставили, а сами пошли по топи след в след. Да и не вернулись. Потом совсем малыш запутался, стал рассказывать про какого-то ворона. И что медведь его к лодке утащил, да там и бросил. Про ведуна Никиту сказывал, будто ходил он туда за пожитками и вернулся опять же с энтим медведем. Страхи одни, да и токмо.

– Стало быть, Архип в могилу свою тайну унес? А сын шамана и не ведает ничего? – разочарованно развел руками воевода.

– Думается мне, что Мамарка не знает, как пройти через болото.

– А Ваня твой?

– Этого я не говорила – ходил он ведьм с вогулом ранее на остров, – еще раз смахнув слезы, проговорила Ксения.

– Эхма! Какая досада! Я же твоего сына с послем отправил к Есим-хану!

– Надолго ли, батюшка?

– Ну, этого не ведаю. Коли хан своих джигитов даст, пойдут они на Русь конным отрядом супротив ляхов, а когда воротятся, то токмо одному Господу ведомо. Ты, Ксения, поживи покамест у Полины. Куды тебе в урман возвращаться.

– Так и Рамиля со мной.

– Вот и поживите у себя на подворье. А Ваня вернется – там посмотрим, как быть.

* * *

КАЗАХСТАН

Ваулихан привез грамоту хану. Отдохнул у матери от долгой поездки. С Ваней выезжали верхом на охоту.

Ботагоз, радуясь приезду сына, не доверяя служанке, сама готовила молодым людям обед.

Особенно понравилась Ване охота на сайгаков.

Передвигаясь огромными стадами по бескрайней степи, животные подпускали всадника на расстояние выстрела.

Отар же уехал искать охочих до похода батыров, в основном навещающая в аулах и на стойбищах воинов из отряда Исатая.

Хан Есим был не против похода: сейчас добрососедские отношения с Москвой нужны были как никогда, так как на юге вновь начались нападения на границы ханства со стороны Бухары. Да и добытое в походе оружие с доспехами пригодились бы и его войску. Хан знал, что в польском и литовском войсках очень много наемных воинов, имеющих хорошее вооружение. А знатные люди всегда держат при себе слуг и повозки, так что пожить было чем. Единственное, в разговоре с Ваулиханом хан предложил действовать самостоятельно, а не участвовать в штурмах и осадах острожков и крепостей.

Ваня же, узнав, что идет караван на Азов, отписал в Кагалинский городок Тимофею Разе, предложив встретиться отрядами за рекой Яик в середине лета.

* * *

Владислав выступил в поход уже не десятитысячным войском, как он планировал ранее, а привел на соединение с литовскими войсками всего лишь четыре тысячи ратников. Литовская армия насчитывала около семи тысяч человек, правда, сюда входили отряды лисовчиков, на которых надежда, как и на запорожских казаков Сагайдачного, была мала.

Гулявшая в рядах последних вольница приводила к неповиновению и принятию авантюрных самостоятельных решений. Атаман Сагайдачный, возглавив двадцатитысячное войско, привел под стены белокаменной всего пять тысяч запорожцев. Остальные отряды хохлов разбрелись по России-матушке в поисках легкой наживы, грабя, разоряя села и мелкие города, в которых не стояли гарнизоны.

После боев под Можайском наемники, не получившие жалование, покинули лагерь и возвратились в Речь Посполитую, в

результате чего Ходкевич и Владислав привели под стены Москвы всего восемь тысяч человек.

Королевич, наивно надеясь на покорность бояр, заслал перебежавших на его сторону воевод, надеясь на повторение сценария 1604 года, когда бояре, приняв Лжедмитрия, предали Федора Годунова.

Но нынче воевод-предателей выставили вон.

Польско-литовская армия готовилась встать на зимние квартиры.

Война затягивалась.

* * *

ВЪЛЗИ МОЖАЙСКА

Ваулихан, приподнявшись в стременах, показал камчой на горизонт.

– Дым.

– Вижу-вижу. Давай-ка перейдем на рысь. Поди, деревня горит.

Конный отряд в тысячу батыров и с десятком стрельцов, свернув с проселочной дороги, пошел напрямки.

В проходе между лесных околков на пути внезапно появился мальчуган, собиравший в лукошко землянику. Бросив корзинку, он с криком: «Татары, татары!» – кинулся в заросли.

Ваня, подняв руку вверх, попросил отряд остановиться, а сам, пригнувшись и обняв шею коня, чтоб не быть сбитым ветками деревьев, пустился вдогонку.

Выехав на лесную полянку, он увидел несколько шалашей и мужиков. Увернувшись от удара рогатиной, Иван крикнул:

– Не татары мы! Из Сибири на подмогу Москве идем супротив ляхов и литовцев! Мужики опустили рогатины.

Ваня спешился и спросил:

– Кто старшой будет, дядьки?

– Я, – раздвинув других мужиков, произнес огромный мужчина, в руках которого была коса. – Убегли мы вовремя, а многие не успели. Кого побили, кого поймали, повязали и на телеги погрузили, а избы наши пограбили да пожгли.

– Ляхи, что ль?

– Да бес их разберет. Говор не шляхетский. Шаровары атласные, стяги на пиках православные. Зачем лютуют, не ведаем. Мальчонка от них удрал. Говорит, туркам пленников продадут. Они уже не одно село так разорили, ироды окаянные.

– Казаки, что ли?

– Не ведаю.

– Кто в погоню из вас желает, бери у нас пристяжных лошадей, – предложил подъехавший следом Ваулихан.

Человек десять мужиков с рогатинами и дубинами вскочили в седла подведенных к ним лошадей.

– Алга²²²! – дал команду Отар и, первым стегнув коня, помчался сквозь заросли молодого березняка на проселок.

Тысяча всадников, как один, ринулись за ним.

Обоз настигли через пять верст. Запорожцы ехали шагом, сопровождая вереницу телег и арб с награбленным добром и пленниками. Не ожидая нападения, двигались без охранения и дозора. Многие, устав от палящей жары, сняли доспехи и кольчуги с рубахами, за что и поплатились.

Тысяча стрел, выпущенных из батырских луков, настигли по пояс обнаженных всадников. Джигиты на ходу закинули луки за спину и, обнажив сабли, с ходу налетели на обозников.

Сабельный бой был жесток и скоротечен. Запорожцы, не успев зажечь фитили для своих пистолей и мушкетов, были вынуждены принять рукопашную схватку.

Ваня, влетев в строй казаков, выстрелом в лицо из пистоля сразил огромного всадника и, заткнув пистоль за пояс, выхватил саблю. На него уже направил коня воин и, замахнувшись, рубанул сверху. Но Иван успел подставить свою самаркандскую саблю под удар. Клинок казака сломался пополам. Запорожец попытался увернуться и проскочить мимо, но боковой удар по шее настиг его сзади.

Иван развернул коня, а рубить-то было уже некого. Отряд в сотню сабель погиб под клинками батыров Ваулихана, и только несколькими всадникам удалось спастись бегством.

– Вы кто такие? – подойдя к раненому казаку, спросил стрелец, один из десяти посланных воеводой с посольством к хану Есиму, – когда это было, чтоб православные с ляхами заодно пребывали?

²²²

Алга – вперед.

– Отдайте его нам, – подошел старший из мужиков, – сколь народу побили, изверги, пущай его бабы судят.

Отряд, выстроившись в походную колонну, уезжал в сторону Можайска.

А освобожденные пленницы, многие из которых подверглись насилию, продолжали колотить руками и ногами уже бездыханное тело запорожского казака, так незванно пришедшего на их землю.

* * *

Князь Пожарский заболел и передал командование воеводе Волконскому, который, оставив малый гарнизон в Можайске под командованием Федора Волынского, отошел к Москве. Можайские польские войска так и не взяли и, сняв осаду, двинулись на Белокаменную.

И тут свершилось чудо. В Москву явились два перебежчика-подрывника.

Эти французы должны были подорвать Тверские ворота, но самое главное – подрывники знали время начала штурма. В результате поляки были встречены плотным огнем со стен Белого Города, и атака захлебнулась.

В народе долго ходили слухи, что якобы пригрезился старец наемникам.

А когда французы проснулись, оказалось, что обоим приснился одинаковый сон. Будто грозил пригрезившийся ведун им карой небесной и геенной огненной, что разорвет их заряд адский, ими же заложенный, коль примутся они петарды закладывать под стены и ворота. Вот и решились наемники на перемет к русским, посчитав сон вещим. Правда, жалование от Владислава все же получили.

ГЛАВА 140

Ваня, укрыв отряд в подмосковных лесах, тайно пробрался в осажденный Симонов монастырь.

Дмитрий Пожарский, радуясь встрече, похлопал обеими руками Ивана по плечам.

– Ну, проходи, сын боярский Иван. А я все гадаю, кто же там за спиной у ляхов шалит да дикий ужас наводит. То обоз отобьет, то лисовчиков Чаплинского пощиплет. Одни судачат, будто татары с казаками из Астрахани пришли, другие молвят, из Крыма янычары на подмогу нам прибыли. А сейчас, как тебя увидел, постигнул, что из Сибири долгожданные люди явились.

Князь, усадив молодого человека напротив себя за стол, продолжил расспрос:

– Ну а как там, в Сибири, твой отчим Архип? Подошел ли кафтан, мной подаренный?

Ваня, тяжело вздохнув, тихо произнес:

– Преставился Господу дядька Архип весной нынешней. Захворал да и сгорел от жару. Коль я рядом был бы, может, и выходил бы его.

– А как Иван Никитич?

– В болоте утоп. Понесла его холера на Чудо-Озеро, а за каким лешим, не ведаю, Митрий Михалыч. Как сказывали мне, не вернулся он назад. И дядька Угор с ним сгинул – один сынок его малый вернулся. Бредил в жару несколько ден. Матушка с гонцом

отписала про все это, она в Тобольск переехала. Куды ей там, в урмане, одной-то. Благо, что воевода отставной нам родня, так приутиил покудова. Да вам кланяться велел.

– А что, князь до сих пор жив-здоров? – обрадовался князь известию.

– Жив наш воевода Кольцов, правда, стар уж, но еще дюж, и народ его почитает. С грамотой к вам, Митрий Михалыч, я от него. Велел он мне на помощь идти с ханскими батырами, и еще поднять дончаков. Я уже списался с вольным казаком воронежским, Тимохой Разей, подойти тот обещался к осени со своими казаками.

– Это тот, что пушки с тобой привез?

– Он самый.

– Добре. Ныне каждая сабля дорога. Король Сигизмунд снял со своих южных рубежей конницу и направил под Москву. Вот и думается мне, раз вы в татар ряжены, не уйти ли вам на Дон да там пана Жолкевского потрепать? Чтоб он Сигизмунда напужал, мол, турецкая конница объявилась на порубежье. Москву-то мы и без вас отстоим, выдюжим. А вот летучих гусар четыре тысячи, король, испугавшись угрозы от крымчан, вернуть Жолкевскому может. Гусары нам тут угроза сильная, наша конница-то вся поместная, плохо обучена, да и клячи не чета шляхетским, в бою не ровня. Вот и ступай, Иван, на Азов, глядишь, и пригодишься ты Руси в очередной раз. Люб ты мне. Как худо отчине нашей, так являешься, будто спас на воде.

– Черен мак, да едят его бояре, – улыбнувшись, ответил Иван и уже серьезно добавил: – Не смотри, Митрий Михалыч, что молод я. Все исполню, как наказал ты. И донцов подниму, и ужас на ляхов наведу на южном порубежье. И силы от Москвы оттяну на себя. Со мной пришли Ваулихан Исатаевич и его дядька Отар, они от имени хана Есима челом бьют государю Михаилу Федоровичу, в мире вечном зарекаются. В этом заслуга и воеводы сибирского. И я стану плечом к плечу с теми, кого ныне привел, да биться буду до последнего вздоха с ними вкупе.

– Я передам государю твои обеты, рад будет он слышать речи такие в эту годину ненастную. Забирай отряд свой и поступай, как велит твоя совесть и долг, Иван, сын боярский.

* * *

УРМАН

Стрельцы, тайно посланные воеводой в избу Сотникову изловить языческого старца, добравшись до лога на ушкуе, обнаружили заросшее и заброшенное место. Расспросив остяков на ближайшем стойбище, вывели, будто отправился чудодей Никитий, кого они разыскивают, в урман, уведя с собой маленького шамана. Ушел в самое гиблое и далекое место, где жительствоуют лютые духи, и что туда никто не ведает пути.

Десятник было повел свой отряд, ориентируясь по зарубкам Никиты на стволах сосен. Но через десять дней, обросшие и голодные, стрельцы неожиданно вернулись на место, откуда начали поиск.

Отдохнувши, они предприняли вторую попытку проплыть на долбленках по Атлым-реке. Но уровень воды в речке уже упал, и стрельцы, побарахтавшись в грязи на мелководье, несолоно хлебавши, спустились в русло Оби.

Со зла запалив постройки, дождавшись северного ветра, уплыли восвояси.

Воевода сильно занемог, когда, дождавшись стрельцов, понял, что последняя надежда найти золото Ермака не увенчалась успехом.

Зато дьяк Севастьян довольно потирал руки:

– Уж я-то, пережив всех прытких, дождусь Ваньку и выпытаю у него тайну тайную.

* * *

ДИКОЕ ПОЛЕ

С отрядом Рази Иван повстречался уже в диком поле. Тимофей возмужал, раздался в плечах.

– Пошто так поздно выступил? Сговаривались же за Яиком слиться месяц назад, – с укором выговорил Иван, обнимая друга.

– Сын у меня второй родился, Степкой назвал. Вот и пришлось всему честному народу столы накрывать. Три недели гуляли станичники. Потому и задержался малость.

– Велено нам с тобой идти к валу турецкому и там ляхов растревожить, дабы отозвал король подкрепление у Владислава.

– Это кем это велено? Мы вольные люди, – вспыхнул было Разя, но Ваня, похлопав его по плечу, успокоил:

– Остынь, Тимофей, сам князь Пожарский просил.

– Ну, раз Дмитрий Михайлович просил, тогда ладно. Токмо к твоим татарам в подчин не пойдут мои казачки.

– Тебя никто и не заставляет им подчиняться. Да и не мои они вовсе. У меня только десять верховых стрельцов.

– Ну, стрельцы нам тоже не дуже любви.

– Вам, Разя, никто не люб. Ну что вы за народ казачий? Сам-то ведь тоже из холопов воронежских, а губу закусил на всю Русь.

– Ты, Иван, приструни коня, а то ведь вновь поссоримся! – вспыхнул Тимофей.

– А у меня не конь, у меня кобыла, – расхохотался Ваня и, хлестнув лошадь ногой, пустил ее с места в галоп, догоняя ушедшую вперед тысячу Отара.

Вечерком отряды встали на отдых у маленькой речушки с заболоченными и поросшими камышом берегами. Дозоры со стороны поля выставили Отар с Ваулиханом. За реку в охранение выдвинулись казаки.

На бережку, в ковыле, лежали Иван и Тимофей.

– Осень ужо, – пожившись от налетевшего сырого воздуха с реки, вздохнул Иван. – Домой до весны, поди, и не вернись.

– А по мне, куды бурку кинул, там и дом, – потянулся, лежа на спине, Тимоха.

– Уж двое сыновей растут, а талдычишь, что дома нет. Луше пойдем шурпу похлебаем. Батыры лошадь хромую зарезали.

– А у меня станичники рыбы наловили бредешком. Может, ушицы отведаем?

Иван, грызя соломинку, перевернулся на живот и, хитро улыбувшись, спросил друга:

– А вот скажи мне, друг любезный. Ведаешь ли ты, чем рыбная похлебка от ухи отличается?

– Да почем мне знать? Кухарка я, что ли?

– А я ведаю, – доставая из торбы курдюк с вином, вновь рассмеялся Иван. – Перед ухой – как ухнем! А рыбную похлебку без вина съедим.

– А почему у твоих стрельцов на рукавах кафтанов пуговицы, ведаешь? – присев и развязывая поданный курдюк, в ответ загадал загадку Тимоха.

– Нет. Думаю, для красоты.

– Это чтоб оне рукавом рот не вытирали и казенное сукно не пачкали. У нас на рубахах пуговок-то нет, вот и утираемся, – утерев от вина губы, передал обратно курдюк есаул Ивану. – А стрелец твой враз бородой але усами зацепится, да так, что неповадно будет утираться в следующий раз, – откинувшись на спину, загоготал Тимофей. – Говорят, сам государь это придумал.

Разя, поднявшись, подал руку товарищу:

– Ну, айда тогды, ухи ухнем.

Не успел наступить рассвет, как переплывший через речку дозорный казак забил тревогу.

По ту сторону реки, в трех верстах в сторону Москвы, двигался обоз.

– Ляхи, не ляхи, бес их разберет, – наблюдая из лесного околка, проворчал Разя. – Все в железе, в кирасах, с мушкетами да со шпагами. Пушек семь штук. Пока подлетим, успеют нас встретить картечью.

– У ляхов казаки гетмана Сагайдачного на службе. Кликни своего казака, пусть он мне шапку с рубахой даст. А то и впрямь пуговицы на кафтане выдадут, – улыбнулся Иван и, заражая бесстрашием друга, предложил: – Попробуем разведать, кто они такие. По двум всадникам, поди, палить из семи пушек не станут, а пули их мушкетов не достанут.

Выхватив пику с флажком у подъехавшего казака и надев рубаху с шапкой, Иван стегнул лошадь. Следом пустился Тимофей.

Обозники их приметили, но движение не прекратили, а значит, приняли за дозорных.

Навстречу выехали четыре всадника, закованные в доспехи.

– Цэ не ляхи. Это заморские наймиты. Уж больно железа на них много. И крыльев нет за спинами, – догнав друга, догадался есаул.

– Немцы должны к Москве на помощь прийти. Бельские²²³. Князь Дмитрий Михайлович про них сказывал, – согласился Иван.

²²³ Бельские немцы – шотландцы, ирландцы. При осаде Москвы обороняли Тверские ворота.

– Русо? Москоу? – приподняв забрало кирасы, спросил рыцарь, подъехавший первым, и представился: – Капитаниус Томас Юстос.

– Посланец из Сибири от воевод Чулкова и Кольцова, сын боярский Иван Сотников, – отрекомендовался Ваня и, показав на товарища, добавил: – Походный есаул воронежского разряду Тимофей Разя.

– О, Воронеж? Пан Заруцкий! Гуд!

– На кол посажен твой пан, вор он, супротив Руси пошел, вот тебе и гуд, – отозвался молчавший до сей поры Тимофей.

– ???

Тимофей наклонил пику, которую держал в руке, поставив тын древка наземь, а Иван, достав из-за пазухи яблоко, наколол его на острие.

Капитан Юстос, глянув на поднятое к небу яблоко, все понял без переводчика.

– О! – покачал он головой. – Ирландия так не делает. Голова рубить толка. На кол ест плехо. Не отшень гуд.

* * *

ТОБОЛЬСК

Пришедшие с Енисея люди завезли Полине и Ксении подарки от Максима.

Долго не решалась женщина, но с каждым днем, который приближал уход обоза обратно, мысли уехать к сыну не давали ей покоя.

Воевода Кольцов совсем занемог.

Новый воевода, приняв дела, не опекал людей старого.

Дьяк Севастьян все ближе и ближе протягивал свои пакостные лапы.

И вот, с первым снегом и последующим ледоставом, Севастьяну донесли, что Ксения, за которой он велел следить, не спуская глаз, съехала со своего подворья и будто в омут канула.

Люди дьяка вывели, что в одну из декабрьских ночей по Тоболу пронеслись две оленьих упряжки. Следы их слились со следами ушедшего наместни обоза. Но была ли это вдова Архипа Сотникова, никому не ведомо.

Послать погоню Севастьян не решился, опасаясь гнева нового воеводы.

– Уплыла тайна о сокровищах, эх, уплыла, как водица сквозь пальцы просочилась! – сокрушался дьяк, с досадой стуча кулаком в беленые бревна стены горницы.

Он знал: нынешней осенью воеводе отписал прелестную грамоту князь Пожарский, в которой благодарил от имени государя за присланную помощь. Указывал, что за Иваном Сотниковым указом Михаила Федоровича закрепляется наследное право сына боярского, с особым попечением за заслуги ратные.

– Теперь-то уж точно Ваньку на дыбу без высочайшего соизволения не потащишь, а язычника Никития в урмане не сыщешь, – вздыхал Севастьян.

ГЛАВА ІІІ

ДОН

— Вот и белые мухи полетели, – выйдя из избы, с хрустом в суставах потянулся на крыльчке Разя.

– В Москве уж давно на санях ездят, – отозвался Ваня.

Неделю тому назад Иван проводил Ваулихана с его поредевшей тысячью домой. Батыры уходили с богатой добычей. До двадцати возков с добром и трофейными доспехами, огромный табун лошадей увозили и угоняли в казахские степи воины.

Ваня тоже собирался в дорогу. Месяц назад пришло известие о заключении перемирия на четырнадцать лет и шесть месяцев с Речью Посполитой. С подписанием договора заканчивалось и Смутное время на Руси, время внутреннего раздора, бесчинства и хаоса.

– Бери, – протянул Тимофею бухарский нож Иван, – ты же его хотел у меня отобрать ранее, теперича сам я его отдаю, в честь рождения сына твоего, Степки. У костяной рукоятки откручивается колпачок. Лежит там половинка бухарской деньги атамана Ермака, моему отчиму им даденная перед покорением Сибири. Как вырастет Степан Тимофеевич, передашь нож ему, да накажешь, что явится к нему человек и Иваном представится, да подаст вторую половину сей деньки. Коль сойдется рубец, то чтоб слушал он его,

как друга закадычного. Ибо туго Степану придется. Судьба у него тяжкая будет.

– Откель ты все это ведаешь?

– Является мне во снах старец и наставляет. Я его волю исполняю тут, на земле. И сколь еще мне свершить придется, никому не ведомо. Вот у тебя сыновей двое, и баба с третьим дитем уже ходит. А у меня борода до сих пор не растет – один пушок. А при першей встрече были мы ровней. Кумекаешь?

– Приметил уж, токмо спросить не решался, – присаживаясь на завалинку, набивая люльку табаком, кивнул Тимофей. – Коль к моему Степке явишься, благодарен буду, хоть и не верю я в такие чудеса.

– Я и сам не поверил бы, коль с другим это было. И про сына твоего старец мне поведал.

– Что хоть мой Степка натворит?

– Да мало я знаю, вроде суждено ему в памяти народной великим бунтарем остаться. Крови много будет пролито на Руси. И коли моих советов не внемлет, то далее и его погибель ожидает.

– Ну, казакам не привыкать голову в пекло совать.

– Опять бравада? От кого, как не от тебя, нахватается сей спеси твой Степка.

На рассвете одиннадцать всадников с пристяжными лошадьми и тремя возами с трофеями выехали в сторону Волги. Казаки Тимофея проводили их до границы Донской степи и, попрощавшись, повернули назад.

Провал штурма и взятия Москвы фактически означал неудачу всего польско-литовского похода.

У Владислава оставалась лишь возможность путем переговоров добиться уступок со стороны русского правительства. Но и у последнего пространства для дипломатических маневров почти не оставалось.

Государство было истощено многолетней Смутой и интервенцией. Даже отступление польско-литовских войск от Москвы не означало перелома в войне. Внутренняя ситуация оставалась очень тяжелой. Кроме того, две армии неприятеля располагались в непосредственной близости от Москвы: польско-литовская – у Троице-Сергиевого монастыря, а запорожская – у Калуги. 18 октября (3 ноября) запорожцы под командованием полковников Емца, Пирского, Милосного и Конши взяли штурмом Серпуховский

посад, но городскую крепость взять не смогли и двинулись на соединение с войском Сагайдачного.

В ночь с 17 на 18 ноября (с 3 на 4 декабря) казаки Сагайдачного молниеносной атакой взяли Калужский посад, заставив гарнизон города под руководством воеводы М. Гагарина укрыться в городской крепости, которую осаждали вплоть до подписания перемирия. В таких условиях подписанное в деревне Деулино (близ Троице-Сергиева монастыря) перемирие было достигнуто ценой больших территориальных уступок — Речи Посполитой переходили Смоленские и Северские земли с городами Смоленск, Рославль, Белая, Почеп, Стародуб, Невель, Себеж, Новгород-Северский, Чернигов, Серпейск, Трубчевск и ряд небольших крепостей. Поляки, в свою очередь, возвращали крепости Мещовск, Мосальск, Козельск и Вязьму. С этого момента и до перехода Ливонии к Швеции в 1622 году территория Речи Посполитой достигла максимального размера в истории.

Тяжелыми были и политические последствия. Царь Михаил Федорович официально отказывался от титулов правителя Ливонии, Смоленска и Чернигова, зато Владислав сохранял право писать в титуле «царь московский», что означало сохранение претензий на русский трон. Цена перемирия в Деулино была действительно чрезвычайно высока и сопоставима с потерями на северо-западе при заключении Столбовского мира. Россия была отброшена к границам конца XV века. Но главная цель была достигнута: перемирие в Деулино стало истинным завершением Смутного времени — после 13 лет кровавых междоусобиц и борьбы с внешними врагами Русское государство вернулось к нормальному развитию.

Запорожским казакам за участие в войне против Русского царства была выплачена плата от польского короля — 20 тысяч золотых и 7 тысяч штук сукна, а Сагайдачный со своим 20-тысячным войском отправился в Киев, где его было «проголошено Гетманом над Киевской Украиной и Гетманом всего войска Запорозького». Сагайдачный, «... мучимый укорами совести, от имени всего Войска Запорожского просил иерусалимского патриарха Феофана “об отпущении греха разлития крови христианской в Москве”, на что патриарх Феофан “...бранил казаков за то, что они ходили на Москву, говоря, что они подпали проклятию, указывая для этого то основание, что русские — христиане”».

* * *

Никита, зайдя в избушку и отряхнув снег с одежды, недовольно проворчал, обращаясь к лежащему на лавке Мамарке:

– Пошто за дровами засветло не сходил, как теперь в потемках их из дровяника носить будешь? И уха остыла, совсем Колькетом стал, токмо вот жир еще, как с гуся, от лени у тебя не капает.

– Проспал я, отче. Весь день проспал, – виновато отозвался мальчик, – лень обуяла чтой-то.

– Не приболел ли часом?

– Нет. Сейчас я в печь поленьев подброшу да уху разогрею, – поднимаясь с лавки, заверил Никития Мамар.

Вскоре печь загудела. Мальчик сбегал за поленьями на ночь. Никита разделся, погрел руки над печью и, присев на чурбак, улыбнулся Мамарке:

– А татка твой разве не рассказывал тебе остяцкую сказку про ленивого Колькета?

– Нет. А кто это такой?

– Колькет-то? То мальчик был, ленивый такой да жирный, как барсук. Родители шибко намаялись с этим увальнем. На рыбалку с отцом – не пойду, по ягоды с матерью – никакими уговорами не заманишь – не хочу. А как кушать – хочу, первый с ложкой ползет к котлу, так как встать на ноги уже не может от жира, да пока родители его присядут, он уже и котел оближет и им ни крохи не оставит.

Один раз проходил шаман мимо. Присел передохнуть да водицы испить. Пожаловались отец и мать на судьбу такую, что сын растет им обузой, а не помощником.

Тот и им говорит: «Уйдите в урман на три дня и три ночи. Я вам помогу его воспитать».

Проснулся лежебока, татки и матушки нет. Подумал, что они пошли по шишку. Сунулся он было в котел, а там пусто. Посмотрел в короб, да и там пусто, сам вчера бруснику съел, да на утро не оставил. Голодно ему стало. Идет он по берегу, кряхтит, а пузо урчит.

– Как у медведя нашего, когды голоден он? – высунул нос Мамарка из-под одеяла.

– Да, как у Хвомы, токмо громче, – усмехнулся Никита и продолжил: – Нашел он на берегу обласок²²⁴ отцовский, кое-как залез в него, да чуть не перевернулся толстопуз. Взял весло и

²²⁴

Обласок – челнок.

оттолкнулся от берега Атлым-реки. А лень его тут злую шутку-то с ним и сыграла.

Думает лентяй: зачем широким веслом грести, ведь так тяжело, переверну-ка я его, и грести стану древком. Легче стало грести лентяю, да вот только обласок в Обь и вынесло. Понесла быстрина его в дальние дали. Испугался лежебока, перевернул весло и кое-как к берегу выгреб.

– Вот дурень-то, кто ж веслом так гребет? – отозвался Мамарка.

– Так тебе и сказываю, что лентяй он, как ты, был.

– Не, я не лентяй, я хитрый, – сознался мальчик, – думал, придешь ты, вернувшись с охоты, да и затопишь печь.

– Вот я и говорю. Просидел на берегу Колькет до утра, промерз до костей, зубами стучит. А тут еще комары одолели. Вдруг слышит лентяй, идет кто-то. Глядь, а это шаман тот самый, что давеча к их чуму подходил. «Надобно тебе, Колькет, костер распалить» – «А как это делать?» – «Сейчас научу. Вон трухлявый пенёк, а вон две палки. Три их друг об друга, пока огонь не добудешь».

Умаялся лентяй, а делать нечего. Трет, стонет. Наконец, дым пошел, а там и мох вспыхнул. Разжег он костер, комары пропали.

«Дрова заготовь, тогда и тепло будет ночью, и зверь не подойдет», – молвил шаман и миг пропал, будто его и не было. Стал лентяй дрова заготавливать да ночью подкидывать – так и дожил до рассвета. А с рассветом и шаман тут как тут.

«Смотри, как надобно ячею вязать. Оставляю тебе нитки, челнок с лотком, вечером приду, сеть насадим», – с этими словами вновь пропал шаман.

Связал лентяй мережу, насадили они с шаманом вечером сеть и поставили на ночь в заводи.

Лежебока так проголодался, что, еле дождавшись утра, сплавал и сеть сам проверил. А там язей да налимов видимо-невидимо. Пришел утром шаман, а у Колькета уже и рыба запеченная на веточках лежит. Научил его мудрый шаман и орехи бить, и из лука стрелять метко.

«Всему я тебя научил, вот только добру осталось. Там олень стоит, рогами запутался в ветках. Иди и помоги ему, и будет он тебе служить», – попросил его мудрый старец.

Колькет пошел и помог оленю.

Когда осень наступила, мальчик попрощался с шаманом, отчалил от берега и без труда вернулся домой. Так как он стал

сильным и ловким. Увидали родители, что многому он научился. Обрадовались. А самое главное – он перестал лениться. Хвалили они шамана. Дары ему дали соболями да векшами...

Ведун вышел на крыльцо.

За спиной скрипнула дверь. Никита оглянулся:

– Что, Мамар, не спится?

– Я за дровами схожу, пока луна за макушки не зашла.

– Не хочешь быть похожим на Колькета?

– Я хочу быть шаманом, как мой батюшка.

– Ты им уже стал, раз лень тебя оставила в покое.

Старый ведун и молодой шаман стояли рядом на крыльце. Над ними и урманом шатром светилось звездами небо. Мерцало северное сияние.

– То звезды в чехарду играют, – обняв стоящего рядом мальчика, улыбнулся ведун.

– Разве они живые, а, дядько Никита?

– Конечно. В этом мире все живое. У каждого человека есть своя звезда, которая светит ему и помогает на тернистом пути. А у тебя есть звезда, Мамарка?

– Нет.

– Тогда выбирай любую, которая тебе любя. Попроси звезду быть твоим светлячком в жизни и делах. Токмо никогда ее не забудь, иначе скатится звездочка с неба от кручины, что предали ее.

– Я могу с ней говорить на языке вогуличей?

– Конечно. Звезды понимают людей, на каком бы языке с ними ни говорили.

– Как наш Ванюшка?

– Да, у него дар богов – понимать все народы, – вздохнул Никита, вспомнив своего любимца, но вдруг, прислушавшись, насторожился.

Хвома же, выйдя из дровяника, вдохнув носом морозный воздух, косолапо побежал на звуки, доносящиеся с русла речки.

– Не стрельцы ли опять к нам пожаловали? Давай-ка, Мамарка, собирай вещи, если серьезность какая – уходим на Чудо-Озеро.

– Погодь, дядько Никитий, медведь не рычит, знамо, свой идет.

Из-за поворота реки показались две точки, которые медленно приближались.

Вскоре можно уже было разглядеть идущего на лыжах человека и прыгающего вокруг него огромного медведя, который ласкался к путнику, как собачонка, давно не выдавшая своего друга-хозяина.

– Не ты ль, Ванюша? – крикнул ведун, сложа лодочкой ладошки.

– Нет, не я, а сын блудный Сотников Иван, – раздался веселый голос ученика Никиты. – Хвому-то откормили, ако вола турецкого, я чуть на береговое дерево вместе с лыжами не сиганул, когды он навстречу выскочил.

Иван подойдя к избушке снял лыжи, приставил их к стенке, вздохнул: - Избы в логу пожгли злыдни воеводские. Я с обозом приехал, а лог пуст. Хорошо лыжи в лабазе были. Впрягся в нарты, как олень, и потащил по руслу. Я дары вам привез от короля Сигизмунда, не бросать же их, пришлось тащить.

– А пошто оленей не купил?

– Воевода помер, остался новый. Севастьян целую охоту на меня основал. Кордоны выставил. Так я старым путем, что Пайза показал нам когда-то, ушел, через Уватские холмы, на Салым-реку, а там ужо Обью, в обход Самарово. Остяки пристяжных оленей мне дали до Атлым-реки. А там сам впрягся.

– Поди, голоден?

– Есть немного.

– Ну, проходи в избушку, передохни. Мамар быстро сейчас патанки²²⁵ нам настругает.

– А у меня лепехи калмыцкие в торбе, их токмо на печку положить, да снежка сверху, и они как вновь испеченные станут, – засуетился Ваня, приговаривая: – Да сладость турецкая, халвой называется, да алыча сушеная – это для Мамарки. Думал матушке с Полиной платки пуховые передать, но перед Тобольском упредил меня Терешка, что сыск на меня объявлен, а матушка вроде к Максиму уехала. Не побоялся же гнева дьяка, месяц меня караулил на Исетском стане. В Салыме меня уже саматлорский обоз нагнал. Остяки сказывали, забили кнутами стрельца-тамбуриста²²⁶ за измену. А Тереха тамбуристом и был.

Ванюшка смахнул набежавшую слезу.

²²⁵ Патанка – строганина из стерляди.

²²⁶ Тамбур – барабан.

– Нет на свете места, дядько Никита, где правда торжествует. Везде бояре да дьяки над народом зверствуют. Не успели Москву отстоять, а уж на стенах свои беглые холопы в петлях висят. Время сыска да выдачи беглых смердов и холопов увеличили. С Волги и Дона везут беглых да порют, клеймят, а которых и вешают. Вот тебе, матушка, и Юрьев день. Когда в ополчение зазывали, всем волю, землю обещали, а теперь кукиш с маслом.

– Царей хороших не бывает, – согласился Никитий.

– А коли народного избрать?

– А что толку. Вон, второй самозванец, Дмитрий, вроде как из народа был. А казнил чернь налево и направо.

– Значит, не из народа он. Я, отче, ждать буду, покудова истинный народный царь не поднимет Русь.

– Ну, жди, жди, токмо дожدهшься ли? Хотя времени у тебя предостаточно, мож и сам царем или королем станешь, – усмехнулся Никитий, открывая дверь в избу. – Заходи в терем, откушай, царь-батюшка, патанки, не побрезгуй уж, смутьян Петруха²²⁷.

²²⁷ Петр – один из народных вождей (самозванцев), объявивший себя царем народным.

ЗВЕЗДЫ НАД МАНГАЗЕЙСКИМ МОРЕМ

ГЛАВА I

1617 ГОД. СИБИРЬ

Обоз из Тобольска двигался в далекую Мангазею²²⁸. Данный острог на краю северской земли величали златокипящим. Про зажиточность жителей того края ходили предания, мол, в злате и дорогостоящих мехах купаются обитатели легендарного поселения. Потому, как и прежде, нынешней весной потянулись за стрельцами и казаками, отряженными государем нести службу на краю земли, охочие люди, а с ними бабы, дети да темные и мутные людишки.

Путь был долог и нелегок, а порою и опасен. Двигаясь по льду вдоль высокого берега заснеженной Оби, путники проходили за короткий световой день верст тридцать-тридцать пять, не более, а с наступлением сумерек, коли не было поземки или пурги, останавливались прямо на льду. Ежели наступала к ночевке ненастная погода, выбирали береговую ложбину, где ветер кутил тише.

Мужчины ночевали у костров, укладывая жен и детишек на сани и нарты, заботливо накрывая их оленьими шкурами.

Шли по уже ранее разведанному маршруту, взяв в провожаемые одного из бывших людей воеводы Давыда Жеребцова, того самого боярина Жеребцова, который еще в 1606 году окончательно

²²⁸

Мангазейское море – Обская губа.

утвердил воеводскую власть на далекой реке Таз, прибыв туда с воеводой Давыдом Курдюком.

Четыре дня тому назад обоз останавливался на пятидневный отдых в бывшем городке князья Самары.

Зная, что далее после Котского городища, которое было в верстах трехсот от Самар-села ниже по течению на север, не встретятся более обозникам жилые селения кроме стойбищ остяков и вогулов, запаслись провиантом на остальную дорогу.

Время для перехода выбрали ранней весной, надеясь на более теплую и мягкую погоду, но с потеплением пришло время снежных буранов.

Под лучами весеннего солнца отяжелевший мартовский снег потемнел и осел, взявшись местами ледовой коркой-настом. Поэтому шли, запрягши лошадей гуськом, то есть пуская в мягкой сцепке впереди первой упряжки одну-две лошадки для протаптывания в целине тропинки гужевым клячам.

Стрельцы и казаки ехали верхом. У кого из них имелись пристяжные лошади, пересаживались на ходу. А не имеющие запасных лошадей половину дневного перехода вели своего мерина под узды, чтобы хоть немного дать отдохнуть полуголодному божьему созданию.

Позади обоза плелись завезенные в Сибирь как трофей, отбитый у Польского войска, арденские тяжеловозы с санями-волокушами, груженными овсом и сеном.

По руслу Оби, как в трубу, дул неизменный колючий северный ветер – Борей, словно стараясь не пустить своего южного брата в свои ледяные владения. Но, видимо, в этот день подустал братец Борей, и наступившие сумерки выдались безветренными.

Объявив об остановке на ночлег, Алексей прыгнул с коня и, присев несколько раз, размял затекшие ноги. Для чина своего был он еще молод. И не видать бы ему сего назначения, но на радость иль беду, за него похлопотал перед государем Михаилом Федоровичем, дабы проявить милость к сыну покойного воеводы, оказавшего действительную помощь в Смутное время престолу, князь Пожарский.

И милость Божьего помазанника незамедлительно явилась в виде дальней дороги, казенного жилища и южного побережья Карского моря.

Совсем недавно пришедший царский указ о направлении его младшим воеводой в земли крайние и неизведанные, простирающиеся от истоков рек Саяха и Мутной до их впадения в моря студеные, все же не застал Алешу врасплох. Молодой князь предчувствовал, что рано или поздно, после кончины его батюшки, новый наместник постарается избавиться от сына прежнего воеводы, замолвив словечко в удобный момент.

Супруга Алексея, выросшая в краях таежных, не сильно-то и расстроилась, узнав о назначении мужа.

– Раз уж так угодно государю-батюшке, то так тому и быть, Олеша. Куда ни глянь, всюду люди живут, и я вот в урмане выросла, так что краем земли шибко-то меня не напугать. Перезимуем в Мангазее, а по весне и на место отбудем, – успокаивала Полина впадшего было в отчаяние мужа и приговаривала: – На посаде у острога, почитай, более двухсот дворов только купеческих, стало быть, в обжитое место едем. Да и братца моего Максима из Кетского острожка в Мангазею есаулом отправить должны, а с ним и матушка тудой переберется, вот и повидаюсь я со всеми.

– Так нам же еще, опосля Мангазеи, далее идтить, Полинушка, на мыс Ямал, что и переводится с языка местного народишка – «Конец Земли». Там, на пустом месте, велено острожек и пост основывать, – вздыхал Алексей, – молод я еще для энтих дел. А коли людей не сумею в узде удержать? Ежели не сдюжу?

– Ну, коль не справишься, то в Москву назначение будет, потому как туды одних бездарей и собирают, – весело смеялась Полинка, подзадоривая мужа.

Вот с такими думами Алексей и подошел к саням, в которых ехала Полина.

Теперь уже время вспять не вернуть и не отказать от милости государя. Он ныне воевода и ведет стрельцов да казаков в неизвестные дали.

От тяжелых размышлений воеводу отвлек озабоченный голос стрелецкого сотника.

– Проводник занемог. Кажись, жар у него.

– Нам этой напасти еще не хватало. Говорил я олуху, чтоб не нырля в горячий источник на первой стоянке, так нет, полез, старый дурень, вот и застудился. Что мыслишь теперь, Макар Савватеевич? – уважая преклонный возраст стрелецкого головы и

обращаясь по имени-отчеству, тревожно поинтересовался молодой князь.

– Тут недалече стойбище остяцкое. Думаю послать дозор да разузнать, жив ли маленький лекарь – Жас Дэригер, о котором предания ходят, будто и мертвого своими снадобьями поднять может.

– Знаю я его, Макар Савватеевич, это Иван Сотников, шурин мой. Токмо про него давно не было слухов, да и где его в урмане сыщешь? Это все одно что иголку в стогу сена искать.

– Это нам урман диким кажется, а для остяков он дом родной. Тут все друг про дружку ведают. И я с твоего позволения возьму десяток стрельцов да разведу поймау Атлым-реки, стойбище должно быть рядом. Рыбоеды подскажут, как нам отыскать лекаря, – помогая подняться с саней беременной на шестом месяце жене воеводы, вздохнул озабоченно сотник и добавил: – Без проводника, коль его на ноги не поднимем, заплутаем мы.

– Тут, недалече, и я родилась, – поправляя шаль, пояснила Полина. – Токмо сказывали, что пожгли избы стрельцы, посланные из Тобольска. Язычника Никития все искали по указу дьяка Севастьяна, да не найдя, пал по логу пустили ироды. Избы наши там, в логу, за мысом стояли, – показала жена воеводы на синешющий в сумерках выступ высокого берега. – Надобно бы послать кого, может, и есть где переночевать. Мамарка, сын шамана Угора, чум в логу каждый год ставит, а через него и Ванюшку сыскать можно.

– Вот и бери десяток служилых, Макар Савватеевич, да проверь для начала Архипов лог, а уж коли там никого не найдешь, то даю добро юрты Атлымские навестить, – согласился с доводами Полины Алексей.

Сотник было направил коня к своим стрельцам, но случай распорядился иначе.

Из-за поворота Атлым-реки выпорхнула на просторы Оби упряжка. Погонщик оленей, различив в сумерках обоз, резко повернул оленей обратно, да не удержавшись при развороте, вывалился из нарт. Поднявшись из сугроба, он, подхватив полы кумыша и малицы, кинулся наутек в ближайшие береговые кусты. Но верховые казаки быстро настигли убегающего рыбоеда. Один из всадников, на ходу подхватив остяка со спины за кожаный ремень, подпоясывающий кумыш, и без труда, будто пушинку, закинул его

поперек седла. Уже через некоторое время дозор предстал перед воеводой.

Конь служивого опустил голову, и остяк кубарем по гриве скатился к ногам князя. Рыбод, увидав стоящую рядом с воеводой женщину, подполз и, обхватив ее ноги руками, взвыл:

– Отпусти меня, Яга, пощади! У меня деток мал-мала, небогатая я...

– Встань ты, не голоси, Полина я, дочь Архипа-кузнеца – шамана белого!

Остяк потихоньку успокоился, поднялся с колен и осмотрелся.

– Полина? А я Паршук, муж Айшы! Пэча, пэча!²²⁹

– Вот так встреча, пэча, пэча, – улыбнулась женщина, пояснив Алексею: – Это зять тетки Рамили, что у матушки моей жительствоует. – И обратившись к Паршуку, поинтересовалась: – Ты пошто так напужался?

– Я полагаю, што меня шайка Яги споймала, однако. Ведьма тута бродит, шибко плохой баба. Шалит по реке, обозы обирает, ясак забирает, людей мертвым боем бьет, совсем от нее проходу нету-ка. Татей с ней, людишек темных, много-много. Обоз с рыбой и пушниной из Сугмут-Ваша давеча разорила эта баба, а купцов и стрельцов, убиенных и раненых, в полынью под лед спустила.

– Так вот где потерялся обоз наш из Березовского острожка! – стегнув себя по ноге нагайкой, воскликнул Макар Савватеевич. – Ах, ты, Яга, змея подколодная! Стрельцов топить?! – и обращаясь к остяку, справился: – Покажешь, где обитают мазурики?

– Боязно мне.

– Грамоту дам. Ясак три года платить не будешь, – потрянув за шиворот Паршука, пообещал воевода.

– Латна, коли ясак три года не платить, выкажу логово татей. Ведьма Яга на нижней протоке схоронилась, – показав рукой на едва заметный в темноте левый берег, пояснил остяк.

Он присел на корточки и, вынув нож, прочертил на снегу прямую линию.

– Это Обь, однако.

По левую сторону прямой линии он очертил дугу.

²²⁹

Пэча – здравствуй.

– Это протока. Тут истекает, там обратно впадает. Здесь Постнакорт-Воша. А вот ручей, по нему тишком с другой стороны выйти прямо к табору татей можно. Я проведу.

* * *

ПРОТОКА НИЖНЕГОРСКАЯ

Яна укрыла спящего сына собольей шубой.

– Совсем ты подрост, Емелька, пора тебя и в мир выводить, – рассуждала Яна, рассматривая меха, доставшиеся ей с последнего ограбленного обоза. Добыча оказалась славной.

И ей мехов да серебра за глаза, и ватаге достаточно. Этого хватит, чтоб разойтись и жить припеваючи. Пришедший наказ от гетмана Сапеги, полученный еще в позапрошлом году, – посеять страх на дорогах северских – она как могла исполнила. Но не бабе же воротить этим сложным делом! Стрельцов и казаков в Сибирь прибывает все более и более, а вот людишек отчаянных, к разбою охочих, ныне собрать в ватагу не так-то просто. Это тебе не Смоленский шлях. Тут Сибирь. Люди сурьезные, к озорству не склонные. Благо, что Ермалай, товарищ сгинувшего Григория Расстриги, упырей в узде держит, а то бы давно разбойнички прищучили свою атаманшу.

В чум ввалился весь в снежной пыли Ерема – правая рука Яны.

– Снег стряхни, идол! Куды прешь, вишь, дите спит!

– Не бузи, Яга, народ взбаламутишь. На твоём дите пахать надобно, а он все за подол твой держится.

– Ты совсем охамел последнюю пору! Ну-ка, припомни, кто тебя от дыбы да от проруби спас? Коли бы не я, ты бы вместе с твоим тестем мельником рыбу кормил в омуте.

– Не попрекай. Некогда нам лясы точить. Тихо уходим, пока хлопцы меду перепили и дрыхнут в чумах. Две упряжки я приготовил. наших оленей, коли погоня зачнется, кони по насту не догонят, легко уйдем.

– Пошто такая прыть, Ермолай?

– Стрельцы с казаками в протоку свернули, отсель и прыть такая.

– Откель ведаешь?

– Сорока на хвосте принесла. Сбирайся, говорю, не то не уйти нам.

– Опять к своей зырянке ездил?

– Не пред тобой отчитываться. Никто я тебе. Сбирайся, или один уйду.

* * *

Паршук, с казаками разыскав в пойме Атлымки убежавшую от него упряжку, вернулся на ней к обозу.

– Тереха, пребывай тут за старшего! Головой отвечаешь за княгиню и обоз! – распорядился князь и, стегнув коня, пустил его крупной рысью по следам упряжки остяка, которая уже находилась на середине реки, и только по темной точке и громким крикам погонщика – Эс! Эс-с! Эс-с-с! – можно было ее заметить и различить в темноте.

За воеводой двинулись полусотня стрельцов и десятка два казаков.

Терешка помог молодой княжне прилечь в сани, укрыл ее шкурами, а сам, подбросив хвороста в костер, принялся охранять покой хозяйки. Полину он любил всей душой, ведь если бы не она, не жить бы на свете опальному стрельцу-тамбуристу.

Забили его позапрошлой зимой на площади по указу дьяка Севастьяна да в бесчувствии столкнули в овраг, решив, что отдал Богу душу Терентий. Но молодой организм выдюжил.

Очнулся от холода под утро Терешка, а его стон услышали холопы, с ночной рыбалки возвращавшиеся.

Живого места на спине не оставили мастера заплочных дел, но выходила Полина горемычного да пристроила себе стольником. Знала она, что за брата Ивана принял он такую кару, упредив его о дьяковой засаде.

* * *

ЛОГ. ИЗБА СОТНИКОВА

Мамарка, услышав лай собак, вышел из чума. Приглядевшись, в темноте разглядел он приближающиеся силуэты. В лог поднимались, ведя под уздцы коней, три стрельца.

– Кэч, кеча, – прикрикнул он на собак, успокаивая лаек.

Собаки, повинаясь воле хозяина, перестав лаять, отбежали в сторону. А хозяин чума, радуясь гостям, поздоровался, приглашая в теплое жилище.

– Славно житьелствуешь, любезный, – разглядывая стены, увешанные шкурами и другой утварью, похвалил шамана старший.

– С Божьей помощью, – отозвался Мамар, подбросив дрова в чувал. Огонь вспыхнул, вытолкнув клубы дыма в помещение, но теплый воздух, набрав силу, направил дым в макодан²³⁰.

Стрельцы огляделись и, разглядев иконы, сняв шапки, перекрестились.

– Образа-то шкурами завесил, сразу и не разглядишь, – усмехнулся десятник, – а сказывали, шайтанствуешь ты.

– Одно другому не мешает, – выставляя на чурбаки, служившие хозяину юрты и столом, и табуретами, строганину, улыбнулся молодой шаман. – Не шайтаню я, а людей и оленей пользую. У вас на Руси тоже повитухи имеются. А вы кушайте, кушайте и сказывайте, с чем прибыли.

– С воеводою Кольцовым-младшим обозом на Мангазею идем, да вот проводник захворал, лекарь надобен.

– А сам воевода иде?

– Татей ловить подался, что обоз с пушною казною намедни разорили.

Мамар, снял малицу с крюка и обернувшись к старшему, предложил:

– Ежели в вашем обозе, окромя хворого, бабы да детки есть, шлите их сюды, у меня еще и гостевая юрта поставлена. Всем места хватит, – и добавил: – А я пока за лекарем Ванюшкой в урман съезжу. На олешках за ночь обернусь.

* * *

ГРЕЗЫ НИКИТЫ

Гостомысл явился пред рассветом.

– Здрав будь, Никитушко. Давненько я тебя не навещал во снах твоих.

²³⁰

Макодан – дымовое отверстие в чуме.

– Завсегда рад тебя видеть, отче. Мыслил я, что не навестишь ты нас с Иваном более.

Князь погладил по волосам спящего волхва.

– Не было бы нужды в вас, не явился бы ныне. Поутру пущай Иван возьмет упряжку и спустится на Обь. Обозники там в беду попали. Проводник у них захворал. Пущай попользует хворого, может, и выходит старика. Сестрица Ванюшки в обозе едет, так что заодно и повидаются.

С людьми этими надобно Ванюше пройтись до Мангазеи. Нужон он в земляцах северских ныне. Мамарка-шаман нехай с ним в путь идет, он хоть и молод, да проворен шибко. Тем паче говор народов тамошних знает.

* * *

ПРОТОКА НИЖНЕГОРСКАЯ

С наступившим рассветом внезапно налетевшие на табор разбойников стрельцы с казаками без единой потери пленили разом всю шайку. Несколько татей пытались сопротивляться, но были порублены саблями и поколоты пиками.

Оставшиеся в живых, раздетые и связанные мазурики, стоя в исподнем на коленях, ожидали своей участи и суда воеводы.

Алексей обошел несколько саней, доверху нагруженных нагробленным добром. Осмотрев песцовые шубы и кафтаны, снятые с убиенных купцов и стрельцов, повернулся к сотнику:

– Казну пушную нашли?

– Нет, воевода. Видно, с ней атаманша улизнула. А с энтими как разрешишь? – кивнул Макар Савватеевич на связанных лиходеев.

– В прорубь татей. Нет у нас людей лишних, чтоб их в Тобольск сопроводить.

– Топи, чтоб в рай по ошибке не попали, – крикнул Макар Савватеевич стрельцам.

Вскоре все было кончено. Запихав лагами последнего извивающегося разбойника под лед, стрельцы разошлись по табору ловить лошадей, собирать оружие да другую утварь.

– Ушла Яга. Склизкая она баба, ну прям как ужиха! – подойдя к воеводе и показав рукой на еле заметный след в овражке, посетовал Паршук.

Показав на загон с оленями, остяк с надеждой в голосе тихо поинтересовался у воеводы:

– Олешки татей мои теперича?

– Бери, не жалко, – усмехнулся воевода, как будто всю жизнь раздавал оленей, отбитых у разбойников, и добавил: – И грамоту тебе отпишу по рассвету, чтоб ясак не платил сам, а сбирал его от моего имени с сородичей да управлял вотчиной тестя моего Архипа, пока Иван не объявится. А воровать зачнешь, или гордыня обуяет – шкуру спуцу!

Паршук, забыв поблагодарить князя за оказанную милость, от важности выпучив глаза и надув щеки, горделиво прошел мимо казаков и стрельцов к загону с оленями.

– А может, нагоним атаманшу? – предложил подъехавший верхом сотник.

– Нет. Кони оленей не нагонят. А ведьма все одно от ответа не уйдет, ей теперича один путь – на Печеры, – там ее и поймают.

Подскакал десятник от казаков и в гневе крикнул:

– Стрелец один удрал по следу ворожеи и пристяжную увел, курва!

– Остынь, Антип, это дьяка Севастьяна человек был. Подослан он за князем следить. Я давно его приметил, хотел при случае, того, – поправив варежкой усы, хитро усмехнулся Макар Савватеевич, показав на прорубь, – но он сам, однако, прочуял и улизнул. Не верил я, что опосля покушения на посла хана Есима его просто так помилуют. А как в баньке его спину чистую без рубцов увидал, то и понял, что дьяка человек он.

– Помню, помню, – кивнул головой Алексей. – Его тогда мой батюшка запороть до смерти велел. А на следующий день царевич Алей под Исетью объявился, вот и забыли про него все. – Кроме Севастьяна, он его и взял под свою опеку, – усмехнулся сотник.

* * *

Олени неслись по руслу заснеженной протоки. Яна, закутавшись в длиннополую соболиную шубу, молча сидела на нартах, изредка поглядывая на вторую упряжку, ловко управляемую ее сыном Емелькой.

«Кой раз благоволит судьба мне? Который раз ускользаю от смерти своей? Пора бы уходить из Сибири. Так куда?»

Яна толкнула в спину Ерему.

– Пусти шагом, загонишь ведь животину. Рассвет ужо, ушли мы от погони.

Ермолай опустил хорей, и через некоторое время уставшие олени перешли на шаг.

– И куды нам теперича податься? – поинтересовался душегуб.

– На Михайло-Архангельский монастырь пойдем. Там отсидимся. Емельяна в ученье отдам.

– А я как?

– Пока при мне постельным будешь. А ежели не согласен, то поворачивай к зырянке своей, – ехидно и ревниво усмехнулась Яна.

– Я и так постельный! – расхохотался Ермолай, одной рукой обняв атаманшу.

– Дубина ты стоеросовая! Постельный – это ключник боярский, делами управляющий.

– Да ты никак боярыней захотела представиться на новом месте? А коль уличат? То и мне пятки на костре поджарят!

– Тебя на кол посадят быстрее, коли болтать попусту не прекратишь. А у меня грамотка от дьяка Севастьяна имеется, что дочь я сына боярского Архипа Сотникова. Он мне ее выдал за изведенного боярина думского когда-то.

– Севастьян первый тебя на чистую воду и выведет.

– Как рыба молчать будет, – улыбнулась ведьма, блеснув глазами. – Заговор я на него навела, недолго ему осталось.

Ерема настороженно глянул на удаляющийся туманный поворот протоки.

– Верховой, кажись, нагоняет. Пицаль подай.

* * *

Казаки и стрельцы, разложив отбитое у разбойников добро на возы, перед обратной дорогой присели у костерков пополдничать. Воевода, поднявшись с возка, на котором давеча прилег отдохнуть, отряхнул рукавицей снег с полы шубы и подошел к гогочущим у костра казакам.

– Отошел бы, ты, Лексей Семеныч, от греха. Богохульничают казачки, ересь несут про дьяконов и попов. А ну как донесет кто, что слышал, да не пресек ересь? – опасливо шепнул воеводе сотник.

А казаки уж разошлись не на шутку.

– Прибрел до батюшки новокрещен²³¹, да жалится ему, – рассказывал байку своим товарищам огромный казак, походный десятник Антип Серьга: – «Жизня, – причитает, – у меня темная, голодная. Баба хворая, дети немытые, чум тесный, на ладан дышит». А батюшка ему-то и совет дает: «Купи козу, сын мой!». Остяк топчется, не уходит. «Ступай, ступай, – отмахивается от него батюшка, – дел у меня и без твоих чаяний невпроворот. Козу купи, говорю, тогда познаешь ты чрез сию тварь благодать великую».

Ушел, стало быть, рыбоед.

А опосля вновь приходит к батюшке, и ну ему жалиться: «Вовсе худо житье-бытье стало мне, батюшка, коза гадит кругом. Веники и лапти поглодала, бестия. Деток бодает. Меня до бабы не пускает, оленей пугает. Места совсем в чуме не стало. Что делать?» – «А ты продай козу, – не поворачиваясь к остяку, вновь советует поп. – Ступай отсель, некогда мне с тобой лясы точить. За царя-батюшку молиться надобно, а ты тут путаешься, лешак тебя побори!»

Есаул, разглядев воеводу, замолчал.

– Досказывай, досказывай, я наушничать к крапивному семени²³² не бегаю, – улыбнулся Алексей.

– Знаем, Лексей Семеныч, потому с тобой и подались на край земли к морю Мангазейскому, – усмехнулся казак и продолжил рассказывать побасенку: – А весной вновь новокрещен объявился. Веселай такой. Прямо идет в припляс к церковному двору, да подарков воз в нартах везет. «Продаю я козу, батюшка! Така жизнь прекрасная пошла, аж через край пышет! А за совет твой ладный, ясок привез ранний!» – под хохот казаков окончил Антип.

²³¹ Новокрещеный – язычник, обращенный в христианскую веру.

²³² Крапивное семя – дьяки.

ГЛАВА 2

Прибывшие из лога стрельцы оповестили Полину о приглашении женщин с детьми на ночлег к шаману.

– Ну, вот и изволь, Терентий, народ разместить. Все не на льду ночевать, – согласилась жена воеводы, давая добро на снятие табора со стоянки.

К тому же, после полуночи разыгралась метелица, и весь обоз, не дожидаясь возвращения воеводы, двинулся к местечку, где ранее проживал Архип.

Оставив сани с пожитками и припасами под охраной стрельцов у берега, путники поднялись в лог, разместившись, кто где мог.

Уставшие за переход люди, не снимая верхней одежды, войдя в чум, повалились на шкуры. Полина, едва успев разместить женщин и детей в первом чуме, сама прилегла на лежанку Мамара, моментально провалившись в глубокий сон.

АТЛЫМ-РЕКА

– Эс! Эс! Эс! – погонял Мамарка оленей.

Ночной морозец крепчал, но в пойме Атлымки ветра почти не было. До охотничьей избушки оставалось не более семи верст, когда навстречу его упряжке выехал Ваня.

– Хорошо, что ты навстречу попался. Я бы на собаках далеко не проехал. Лапы забиваются, трудно им в насте дорогу пробивать, – обрадовался Иван, обнимая Мамара.

– Обоз встал на ночевку. С ним сестрица твоя едет. Я и поехал тебя известить. Назначили твоего шурина Алексея воеводой на песчаный волок к морю Мангазейскому. Вот и едут исполнять государеву волю.

– Такая воля пуще неволи, – усмехнулся Ваня, – может так стать, что пригодимся мы им в дороге. Как мыслишь, Мамар? Дикие места там, и медведи от вековых снегов белые-пребелые. Про них я книгу новгородских купцов читал. Гласят, что злобные они больно уж.

– Лося белого видел, а вот медведя нет, – откинув капюшон и почесав свои лохмы, удивился молодой шаман, – неуж и медведи белыми бывают?

– Вы же с дядькой Угором из рода медведей? Вот и полюбуетесь родственничками своими дальними, – рассмеялся Иван, отпуская собак и привязывая свои нарты к нартам Мамара. – Собаки пущай вольно бегут по нашему следу, а мы к зорьке в аккурат и поспеем.

* * *

ПРОТОКА НИЖНЕГОРСКАЯ

Приняв пицаль, поданную Яной, Ермолай подсыпал сухого пороха на полку. Прикрыв огниво от ветра, выбил огонь и раздул фитиль.

– Погодь, Ерема, кажись, это нас Кузьма нагоняет, – похлопала своего помощника по плечу атаманша.

– Сейчас проверим твою Кузьму, как я его одной пулей возьму, – усмехнулся разбойник, вглядываясь в силуэт приближающегося всадника.

– Не пали, говорю, – приказала Яна, – свой энто.

Этим временем всадник обогнал вторую упряжку и, бросив Емельке на ходу поводья пристяжной лошади, не останавливаясь, погнался своего коня к остановившейся первой упряжке.

– Добре утро, тати, – натянув поводья взмыленному коню, крикнул, смеясь, Кузьма, – уж думал, не догнать мне вас, уж больше притки вы оказались!

– Ты так не шуткуй, мил человек, – вспыхнул Ерема.

– А плетей, холоп, не желаешь отведать? На луну твякай, безродный. Еще раз позволишь дерзко молвить, язык отрежу.

– Остынь, пан Казимир. Не холоп он безродный. А постельничий дочери боярской. Лучше расскажи, что задумал ты, бросив воеводу?

– На Михайло-Архангельский монастырь надобно нам всем уходить. Есть там у меня человек среди купцов голландских. Выведал я у Севастьяна, что послан молодой князь Алексей на волок песчаный с целью перекрыть дорогу купцам заморским в земли восточные. Грамота у него при себе имеется от государя Михаила Федоровича. Велит ему государь встать острожком на месте волока по речке Мутной и предавать смерти любого помора, кто согласится провести чужеземцев к Мангазее и далее до Енисея. А еще ведаю, что с верхов Енисея должен вскоре вернуться путем северским боярин некий, который до Индии через Китай путь выведал. Токмо имя я его не узнал.

Кузьма-Казимир развернул неумного коня, который вертелся под ним, как уж на сковороде, и еще раз, но уже помягче пригрозил притихшему Ермолаю:

– Гляди у меня! А то, что имя мое слышал, забудь. Козьма я для всех, Козьма! Будете сполнять, что велю, богатыми станете. А коль ослушаетесь, то под лед, как и ваши тати, угодите. У его величества королевича Владислава руки долгие, и в Сибири достанут.

Подъехала вторая упряжка, управляемая Емелькой.

– Матушка, уж кишки друг с дружкой бурчат, так кушать хочется.

– Ладно, давайте до кедрача доедем, – показывая на высокий яр у поворота протоки, согласилась Яна, – там и передохнем.

* * *

Полине привиделся сон. Будто ходит она по дивному саду. Сыпется яблоневый цвет, поют птицы. Вдали за прудом возвышается роскошный дворец. Навстречу, в окружении служанок, идет госпожа.

Полина, прижав руку к груди, кланяется и, сойдя с тропинки, уступает сей женщине дорогу.

Госпожа останавливается, и вынимая из своих ушей серьги, обращается к Полине.

– Возьми сережки мои, дочь кузнеца Архипа. Сгодятся они тебе в дальней дороге. Как вденешь их, так зло, затеваемое недругами да завистниками, и выведаетшь.

– Разве Вам, госпожа, не нужны они более?

– Меня и без них мой муж Кучум-хан любит. Встретились мы в этих садах – тут золото да серебро не надобно нам.

– Пошто милость такая, госпожа?

– За то, что сдержали атаманы слово свое, отпустив моих воинов, не причинив им зла, когда я им пообещала за это сдать крепость свою.

– Ты царица Сузгун, госпожа? Чтой-то боязно мне.

– Да, Полина. Но не мертвых ты должна бояться, а бойся белую пани, что с лапландских земель пришла. Исполняя волю польского короля Сигизмунда и его сына королевича Владислава, много бед и несчастий способна принести она народу северскому. Не встанет твой муж на пути ее, проникнут в Сибирь купцы заморские, а за ними и солдаты чужеземные. Отстроят враги острожки до Китая по Енисею. Вся Сибирь чужоземной станет.

– Почто так печешься, госпожа, о Руси, ведь недруги были казаки мужу твоему?

– Все мы одного рода-племени. Когда попадешь в сады дивные, поймешь это. Прощай, Полинушка...

Ваня тихонько присел на корточки подле сестрицы. Погладив ее по кучерявым волосам, усмехнулся: ну вся в дядьку Архипа, так же золотом горит, рыжик и рыжик.

Полина открыла глаза и, узнав сводного брата, улыбнулась.

Иван развернул тряпицу и подал шкатулку Полине.

– Батюшка твой, дядько Архип, передать завещал тебе, сестрица. Это ему еще Ермак Тимофеевич в награду дал за то, что план крепости срисовал.

Полина, взяв в руки шкатулку из слоновой кости, открыла крышку. Блеск сережек невероятной красоты ослепил ее на мгновение.

– Не по боярыне сережки, Ваня.

– Бери, сказано же тебе, их велел твой батюшка отдать. Вот его волю и исполняю.

Иван улыбнулся и пошутил:

– Примерь, примерь, а то в зернь проиграю, когда в Тобольске буду.

Полина вдела серьги и, подойдя к чувалу, наклонилась над тазом с водой. Рябь прошла, и, увидев отражение, молодая женщина испуганно отстранилась. На нее глядела колдунья Яна.

– Так вот ты какая, белая панночка, знаю я тебя! – охнула Полинка, вспомнив свой сон и наказ царицы Сузгун.

ГЛАВА 3

Пан Казимир, чуть отстав от упряжек, ехал верхом по проторенному оленями следу. Уж который год он под личиной стрельца-отставника, исполняя волю его величества, находился в Сибири.

После неудачного покушения на посла хана Есима ждала его дыба, но, напомнив приказному дьяку о связи с семибоярщиной, стрелец Кузьма припеваючи прижился в том же приказе, куда его приволокли на пытку и на смерть лютую. Сломил он всесильного дьяка, как всегда подчинив и его своей воле. За что и ценил Казимира канцлер Сапега, всегда направляя его разрешать только самые сложные задачи.

Морозец крепчал. Казимир поправил шапку и приподнял воротник тулупа.

Рассорить Русь с казахским ханом и развести огонь вражды в Сибири путем убийства посла у него не вышло. Но и секретных приказов выведал он через дьяка Севастьяна немало. А в середине этой зимы передали письмо ему якобы от родственников псковских. А между строчками молоком новое задание писано – что вышел указ государя московского о запрете поморам водить иноземцев на Мангазею и далее. Видимо, братья Строгановы подсутились, отписав государю о воровстве и недоимках. Ведь морской путь в Сибирь лишал алчных братьев контроля за казной мангазейской да ясаком с Енисейских народностей.

Правители Англии и Голландии давно присматривались к Восточной Сибири. Ничейная богатая земля была лакомым кусочком, а организовать колонию, как в Индии, было делом нескольких лет.

Но указ русского царя о запрете хождением северными морями делал эту задачу практически невозможной.

Одна только шкурка соболя стоила в Европе огромных денег, а спрос на пушнину с каждым годом увеличивался и увеличивался. В Сибири же выменять у наивного северного народца пушнину можно было за обыкновенную безделушку, типа костяного гребешка или зеркальца.

Всю дорогу от Тобольска пан Казимир присматривался к молодому воеводе и пришел к выводу, что подкупить его невозможно. А поймать на каком-нибудь проступке – слишком долгая затея.

Казимир решил покинуть обоз и двинуться на Михайло-Архангельский монастырь. Там он рассчитывал обзавестись знакомствами с английскими и голландскими торговыми людьми, которые помогут ему найти путь на Енисей в обход царских постов и таможен.

Хождение северными морями было опасным и трудным делом. Не каждый бывалый мореход рискнул бы даже в летнее время пройти пролив Югорский Шар и перейти неглубокое Карское море, полное ледяных торосов. Оставался только один путь – по реке Мутной, пересекающей практически весь полуостров Ямал, и через песчаный волок выйти в Мангазейское море, а далее в Тазовскую губу. Поморы давно выведали этот проход и умудрялись на своих плоскодонных кочах за летнюю навигацию сходить в Мангазею до трех, а то и четырех раз. Вот как раз на этот песчаный волок и должен встать постом молодой воевода.

А задача Казимира – найти дорогу в обход нового острожка да бузу замутить в рядах стрельцов и казаков, чтоб ушли служивые с полуострова. Вогуличей же и кетов настроить враждебно к пришлым людям. А это уж пан Казимир сможет. Способен он поднять волну даже в безветренную погоду. Потому и не снимает он кафтан стрельца псковского покроя, нося его под тулупом. Ну а коли гадость какую сотворит стрелец Кузьма, то пусть самаядь на стрельцов и злится.

* * *

САМАРКАНД

Узбекский хан Имамкули жестом пригласил подойти поближе послов из далекой Европы. Когда послы выпрямились, отвесив несколько поклонов, хан невольно улыбнулся, разглядев их обугленные щеки.

– Судя по обветренным и обожженным лицам, переход через пустыню дался вам нелегко.

– В пути, великий хан, мы потеряли всех лошадей и часть груза. Подверглись несколько раз нападению диких каракалпакских кочевников, но все же дошли до сказочного города Самарканда. Великий польский король передает тебе дары в знак дружбы и процветания наших государств, – склонив голову и прижав руку к груди, на чистейшем узбекском языке молвил старший посол, а двое его помощников, подняв сундук, выставили его перед ханом, открыв крышку.

Хитрый узбек, увидав блеск драгоценностей и серебряной посуды, всем своим видом показал, что он якобы видал и не такие подношения. Хотя хан в душе затрепетал, ведь после поражения в войне казахскому хану Есиму казна хана Имамкули заметно оскудела.

– Я прочел грамоту от короля и составил свою, – начал говорить хан, – а вот дорогу в Индию, которой когда-то прошли великий Искандер²³³ и Тамерлан, не укажу. Я не хочу пускать лису в курятник. Ведь за вами по ней пройдет тьма других неверных чужеземцев, принеся с собой болезни, разврат и свою веру. Передай его величеству, пусть ищет путь в Индию через Сибирь. Там когда-то правил Кучумхан, и если польский король в силах пробить себе дорогу, то пусть рассчитывает и на мою помощь. Мне путь в Индию из Сибири не нужен, а вот вернуть наше потерянное ханство в Сибири у меня есть желание. Но покамест, как я вижу, короля преследуют только одни неудачи. Даже убить посла хана Есима в Тобольске у него не хватило возможности, – ехидно улыбнулся Имамкули, – король Сигизмунд послал полуслеплого убийцу, который только и смог что попасть пулей в ногу лошади Отара – дяди посла Ваулихана.

– О, великий хан, ты и про это ведаешь? – вытаращив глаза от удивления, воскликнул посол.

²³³ Искандер – Александр Македонский.

– Я ведаю многое, пан Янук. Я даже знал афганского купца Мумиджона, который, как две капли воды похож на тебя, паныч. А ты не встречался ли часом с Мумиджоном? – прищурился, с издевкой поинтересовался Имамкули.

У польского посла задрожали колени. Опытнейший разведчик английской короны, многие лета служивший ничего не подозревавшему мудрому польскому королю, был неожиданно, даже для самого себя, расшифрован полуграмотным узбеком.

Хан Имамкули поднялся и подошел к пану Януку.

– Ты останешься в Самарканде. Твои люди уйдут с караваном. Пусть они передадут Сигизмунду, чтоб он искал северный путь на Индию и помог мне вернуть Сибирь. Я надеюсь, твои спутники не разумеют нашу речь?

– Нет, великий хан, они поляки и не понимают ни узбекский, ни фарси.

– Тогда скажи, как поживает твой хозяин Яков Шотландский²³⁴? Не болен ли он часом?

– Я служу Сигизмунду, великий хан, – прошептал посол, опустив глаза.

– Ах да! Забыл! Ты ведь только похож на Мумиджона, – расхохотался Имамкули.

От этого ледяного хохота послу стало плохо, и он бы упал, если бы его не подхватили под руки.

– Будешь жить в Самарканде до получения ответа от Сигизмунда. Выйдешь за ворота – смерть. Ступай, пан Мумиджон, – и хан вновь громко и зловеще рассмеялся.

Имамкули-хан, после того, как послы пятыся покинули зал, повернувшись к своему брату Надиру Мухаммаду, произнес:

– Когда я стану стар, тебе, Надир, предстоит нести эту тяжкую ношу. Не верь ни польскому, ни английскому королям.

– А царю Руси можно ли верить, брат?

– Ему тоже не верь. Но Русь богата и движется на Восток, а значит, пока нам на юге не угрожает. Угроза нам исходит от казахского хана Исима, который заручился дружбой с русским царем. Поэтому пять лет назад я тоже посылал в Московию посольство, которое приняли с почестями. Тем самым я ослабил дружбу Есим хана с урусами. Как говорится, пустил черную кошку в темную комнату.

²³⁴ Яков Шотландский – король Англии Яков I.

Сейчас урусы дошли до Алтай-Тау, и восточные казахские баи недовольны правлением Есим хана. Это нам на руку. Я подкупил одного из дьяков Тобыла, и прибывших новых послов от Есима к воеводам обвинят в предательстве.

* * *

СИБИРЬ

Обоз вновь тронулся в путь.

Князь Алексей прикупил оленей. Самых сильных впрягли в две упряжки для Мамара и Вани – они должны были пробивать дорогу всему обозу.

Ваня был поражен своей невнимательностью. Он, много лет проживши бок о бок со старым шаманом, отцом Мамарки, множество раз беря бубен Угора в руки, видел синие разводы с тынной стороны, но не придавал им особого значения, считая грязную кожу простой нижней подкладкой, и только теперь догадался, что это была карта всей Сибири вплоть до студеного моря на север и до Китая на юго-восток! Нынче же, рассматривая узоры карты, Иван понял, что нанесены они были татуировкой на еще живом животном, а после принесения животного в жертву кожа была выделана и натянута на бубен.

– Так вот почему дядька Угор шастал по Сибири, как по собственному чуму, – догадавшись, рассмеялся Иван.

– Раз догадался, то молчи, – одернул его Мамар, озираясь по сторонам, – этот бубен полцарства Московского стоит! Мы по рисунку пойдем на Кызым-реку, а там в несколько переходов и на месте будем.

– Поди, уж матушка и Максим давно в Мангазее. С ними хоть до лета побуду. А там и на волок идтить надобно будет, – разглядев на бубне три озера, где должен был встать острожек, показал пальцем Ваня.

* * *

МОСКВА

Иван Данилович Хохлов, войдя, поклонился.

Государь Михаил Федорович пребывал в раздумье и не сразу поднял голову, оторвавшись от бумаг.

– А, это ты, Иван Данилович. Проходи, проходи, смутьян. Да не кайся, ведаю, что одумался ты и дюже казнишь себя за то, что с вором Заруцким связался. Решил я снять с тебя опалу. Да и брат твой челом бьет.

– Отслужу, оправдаю... – начал было Хохлов.

– Погодь, погодь, Иван Данилыч, не дуй на муку, – перебил его государь, – ведаю я, что преуспел ты в деле посольском. Ты и в Персии сколько лет пробыл, и на Тереке будучи воеводой с магометанами ладил. Вот и решили мы в Бухару тебе предложить сходить послом, изыскать государеву пользу. А заодно выведать, что там посол Сигизмунда так долго загостился у Имамкули-хана. Чую, неладное затевают они, всем нутром чую. Явишься же к хану с моей грамотой, где я прошу его сорок два моих боярина вернуть из полонна бухарского. Засим, молвишь, и прибыл. В дар басурманину пушны возьмешь из казны. Более ничего не дам. Коли что, свое добавь, опосля вернем. Да мож какого царевича с собой обратно выманишь, должность посулив при дворе. Так-то покойней станется, ежели в залоге у нас его родич будет пребывать.

ГЛАВА 4

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАЗАХСТАН

Когда топот копыт стих и подъехавшие гости устало подвели под уздцы коней к привязи, сын Есим-хана, Жангир, вышел из юрты с приветствием:

– Кош келенездер²³⁵, Ваулихан! Давно жду, когда же явится ко мне в гости мой друг детства!

– Здравствуй, здравствуй, дорогой султан Жангир, – обнимая друга, поздоровался Ваулихан.

– Как тетушка Ботагоз? В добром здравии ли? – поинтересовался сын хана.

– Недомогает. Гибель отца сильно подкосила ее здоровье. Но матушка обещает, что пока не увидит внуков и не подержит их в руках, не уйдет за отцом в райские сады, – ответил Ваулихан, освобождаясь от крепких объятий Жангира, и поинтересовался сам: – А как отец твой, хан Есим? Здоров ли?

– Здоров, здоров, хан. Уехал с сотней батыров к озеру Балхаш. Баи с восточных и северных земель должны съехаться на совет. Вновь на восточных границах ханства появились отряды ойратов, они убивают людей и сжигают аулы.

²³⁵ Кош келенездер – добро пожаловать.

Жангир-султан приветливо улыбнулся и почтительно приложил руку к груди, разглядев второго путника, скромно стоящего позади Ваулихана:

– Рад видеть тебя, вещий Гаджи-Ата.

Вечный старец, довольный, что его узнали, улыбаясь своим беззубым ртом, поклонился:

– И я рад видеть тебя, Жангир-султан. Я помню тебя еще маленьким комочком, который, появившись на свет, голосил на всю степь так, что горы в бухарском ханстве качались, – улыбаясь, ответил индус.

– Молвят, что ты был еще на праздничном тое по случаю рождения моего прадеда?

– И не только прадеда твоего. Я видел, как лицезрю тебя сейчас, великого Искандера, но многие мне не верят.

Жангир-султан недоверчиво усмехнулся, считая, впрочем, как это считали и все степные жители, что пожилой человек заговаривается от старости.

– Ты зря усмехаешься, сынок. Великий Искандер беседовал со мной, усадив меня напротив, как равного себе. Он тогда уходил из Индии, так как воины его подняли бузу, умоляя Искандера уходить домой. Но Искандер был мудрым повелителем и все равно, уведя свое войско домой, чуть позже желал продолжать искать путь по суше в Дравению не через Персию, а через земли хазар и печенегов, до города Каффа, откуда морями можно было дойти до Афин. Задумал тогда повелитель мира весьма коварное и хитрое дело, суть которого я разгадал сразу же, но не подал виду.

– В чем же коварство таилось в его помыслах, Гаджи-Ата? Поведай нам, – попросил Жангир-султан, приглашая гостей в юрту на праздничный обед.

Гости уселись за дастарханом. Вошедшие женщины принесли таз с водой для омовения лиц и рук. Тут же подали пышущее жаром мясо.

– А прошел ведь я проводником с его войском до самой Александрии и переводил его послание на семь языков, – окончив трапезу, сполоснув руки в тазу от жирной пищи и принимая пиалу с чаем, продолжил свой рассказ вечный старец. – Великий Искандер знал, что путь к Каффе сложен и полон опасностей, а народы, заселяющие эти земли, воинственны и непредсказуемы. Но не их воинственности опасался повелитель мира, а уклада жизни

кочевых племен. У них не было городов, крепостей и дворцов, с взятием которых Александр считался бы победителем. Кочевые народы не выходили на открытую битву, как это было в Персии и Индии. Отряды диких всадников нападали исподтишка, отбивали и разоряли обозы, убивали гонцов. У каждого племени был свой повелитель, который считал позором подчиняться приказам другого. В такой неразберихе невозможно было с кем-либо договориться и открыть безопасный торговый путь от Каффы до Дравении. И тогда повелитель мира прибегнул к своему излюбленному способу – разделяй и властвуй. Он написал дарственную грамоту словенам, что дарит им эти земли за помощь в походах. Ведь в армии повелителя мира были и словены, и русы, и даже твои пращурсы кайсаки, уважаемый Жангир-султан, – почтительно поклонился Гаджи-Ата, подавая женщине-прислуге пустую пиалу. – Великий Искандер рассчитал верно, полагая, что ежели словены захватят си земли, вытеснив дикие племена, то с ними можно будет решить о безопасности караванных путей. Но не сбылись планы великого царя всех народов. Спустился на него гнев богов. Захворал Искандер и умер вскоре от неизвестного лекарям недуга. Многие тогда говорили, что ушел Искандер за своим конем Буцефалом в страну сказочных садов, не выдержав разлуки с любимым конем, который утонул в озере Искендеркуль во время похода.

– Что же это за конь был, Гаджи-Ата, что Великий Искандер так горевал по нему? Ты раньше и мне не рассказывал про него, – удивился Ваулихан.

– Когда исполнилось Искандеру одиннадцать лет, к дворцу отца привели коней на продажу. Один из них был непокорен и буен нравом. Возраст коня был тоже одиннадцать лет, но никто не сидел верхом на нем. Все, кто пробовал его объездить, становились калеками или погибали. Но юноша не испугался норовистого нрава коня, а взяв под уздцы, поцеловал его в морду и побежал с ним рядом. А когда жеребец выровнял дыхание и успокоился, Искандер запрыгнул на ходу ему на спину и погнал в поле. Назад, под овации народа, он въехал в ворота крепости уже на усмирленном коне. Еще тогда некий старец воскликнул: «Ты повелитель мира, пока рядом твоей Буцефал!».

И вот не стало коня – не стало и повелителя мира. Никто не ведает, где его могила, и многие повелители отдали бы все свое богатство, чтоб найти ее.

– Для чего, Гаджи-Ата? – поднимаясь с подушек, поинтересовался Жангир-султан.

– На обратной стороне крышки саркофага есть письменное заветование Великого Искандера. И кто его прочтет, тот обретет власть над всем миром. Эту могилу искали и Чингисхан, и Хромой Тимур, но не смогли.

– Значит, найти место, где похоронен Александр Великий, невозможно? – воскликнул Жангир-султан.

– Возможно, если прочесть древние письмена, – с этими словами Гаджи-Ата достал из-за пазухи керамическую пластину, бережно завернутую в тряпицу, и подал сыну хана: – Эти письмена отдал мне волхв Гостомысл, что обитал на горе Орлиной, в народе прозванной Жаман Тау. Я сразу же узнал почерк Каллисфена, летописца Великого Искандера.

– Кто же может прочесть сии перлы?

– Есть в Сибири молодой муж, он один способен прочесть. Это твой друг Ванюшка, – повернувшись к Ваулихану, поклонившись, сообщил вечный старец. И, повернувшись к Жангир-султану, Гаджи-Ата завершил свою мысль: – Поговори со своим отцом, ханом Есимом. Только Ваулихан может уговорить своего друга прочесть надпись на таблице. А я готов сопровождать аркара Ваулихана в Сибирь, как когда-то сопровождал повелителя мира.

* * *

Мамарка, посмотрев на сереющее впереди небо, остановил упряжку.

– Ну, и чего встал? До бивака еще далеко, день токмо начался, – поинтересовался подъехавший Ваня.

– Надо вставать. Плохой ветер. Тучи нехорошие идут. Большая метель зачинается. Нужно упредить воеводу, пуцай со снега все обозники кирпичи режут, кладут и скрадки ставят вокруг саней. Кто успеет, тот жив останется. Не думал я, что Борей нас так встретит.

– С чего ты взял, что метель будет? Вишь, даже солнце светит с юга нам в спину, – попытался успокоить Алексей подъехавшего к нему Ивана.

– Говорить, князь, нет времени. Команду давай на стоянку. Пуцай в гурт весь обоз съезжается. Сани набок. Лошадей на

привязь к ним. Олени сами лягут. Вон, у Мамара уже легли, – показал на упряжку шамана Иван и добавил: – Олени загодя метель чувят.

– Ну, и сколь времени метель будет?

– Может, ден, а может и пять, никто не ведает козней Борей. Закипела работа.

Казаки и стрельцы накрывали попонами и шкурами верховых и тягловых лошадей. Обозники составляли сани, как показал им Мамар, пирамидой. То есть двое саней рядом, одни поверх их. Если вырыть траншею, получалось маленькое убежище, где, расстелив шкуры и зажав снежными кирпичами бока полозьев, можно было бы переждать ненастье. Многие рыли пещеры прямо в снегу, не разгружая сани и нарты. Но были и те, которые беспечно бродили меж возов и приглядывались к сложенной на снег поклаже, в надежде поживиться во время суматохи.

Ваня подошел к Алексею.

– Ты коня-то отдай холопу, а сам с Полиной айда-ка к нам.

Мамар с Иваном, отдыхая по очереди, плоской деревянной лопаткой уже вырыли в снегу довольно глубокую и широкую траншею и, затащив туда шкуры, уложили их на пол. По бокам подняли в четыре ряда скрадок из вырезанных снежных оковалков и, установив поперек нарты, сообразили из них крышу над головой. Утварь с нарт закопали при входе, обозначив место срубленным кривым стволом карликовой березы.

Укрыв всю конструкцию шкурами и присыпав снегом, Мамарка присел внутри временного убежища:

– Еле успели. А многие смеются, говорят, и не такое видели, сидят на санях да галдят, словно гагары, олухи, – посетовал он воеводе.

– А може, зря ты смятение поднял? Гляди-ка, вот и солнышко припекает. Комоедица ведь ныне, солнышко должно пригреть.

– Не зря. Олени пургу за день чувят. Видишь, как легли они у входа нашего ледяного чума – боятся и пурги, и от людей отбиться. Коль задует Борей, то к утру ровно место от нашего обоза и останется. Хоронить не надо. Лучше сходи, князь, упреди людей, чтоб коней привязали к саням длинными вожжами, иначе разбегутся они, пока люди под возами лежать будут.

Вскоре подскакал Иван Савватеевич:

– Я тут недалеко ложбинку нашел, судя по высоким берегам, вроде как и не ручей даже, а речка широкая, уведем-ка мы коней от греха туда.

– Давай, – махнул Алексей рукой, все еще не веря в то, что нагрянет пурга.

Мамарка перевернул бубен, поводит по синим разводам и радостно объявил:

– Это Пур-река, за ней в семи переходах и Таз-река будет, на которой Мангазея находится. Я немного в сторону чуть взял. Хорошо Борей упредил, чтоб я с пути обоз не сбил.

Внук шамана достал из мешочка пух и птичьи перышки и, подкинув обеими руками вверх, пустил их по чуть веющему ветерку:

– Возьми, вечный Борей, дар, пусть будет милость твоя к нам легка и нежна, как эти перья гагары.

Вскоре со стороны студеного моря появились низко летящие серые облака, они, словно сказочные олени, тянули за собой огромные нарты сплошных серых масс снежной бури.

– Эс! Эс! Эс! – захлопали на ветру песню погонщика шкуры, укрывающие наспех сооруженные жилища-прибежища. Тут же понесло поземку. В мгновение ока вокруг потемнело.

– Словно огромный Тугарин-змей налетел, – охнула Полина.

Ваня, выбив искру, разжег трут и, запалив толстую восковую свечу, поставил ее на перевернутую глиняную крынку.

Свет наполнил дом с ледяными стенами.

Крышу сотрясало сильными дуновениями ветра. Под тяжестью снега она немного просела и со временем перестала хлопать от порывов разгулявшегося ветра. Иногда в забитые снегом щели влетал мелкий снежок.

Алексей снял соболью шапку.

– Тут и париться вскоре можно будет, однако, – улыбнулся молодой князь.

Но Ванюшке было не до веселья. И он, толкнул задремавшего было Мамарку, знаком показал наклониться ухом к его губам:

– В обозе повитуха есть, сбегай-ка за ней. Не нравится мне Полинушка, ой как не нравится. Сдается мне, что рожать собралась сестрица.

Мамар понимающе кивнул, прополз к выходу и шмыгнул за полог. В убежище ворвался снежный вихрь, который загасил пламень свечи.

– Вот шут гороховый! Куды его понесло? – возмутился Алексей, разыскивая в заплечной корзине огниво.

– Ой! – раздался за спиной князя вскрик жены. – Ой! Кажись, меня растрясло, Олеша! Ой-е-ей! Мож пройдет? Ой! Ведь рано-то еще...

– Это не насморк, само не проходит, – поежился Ваня, посетовав, хлопнул себя ладошками по коленям. – Где этого Мамарку шайтаны носят! Сказано же было ему – со всех ног бежать за повитухой!

А тем временем сбившийся с пути Мамарка в кромешной снежной круговерти, избиваемый порывами колючего ветра, выставив вперед себя руки, шел от заметенного обоза в неизвестность.

Молодой шаман уже понял, что заплутал и найти обратную дорогу уже не сможет. Впереди его ждала холодная и костлявая смерть. И он уже готов был сесть на снег и запеть песню предков, чтоб встретится с отцом и дедом в стране духов. Но вдруг сквозь шум и свист ветра он услышал будто бы знакомый голос старца Гостомысла, о котором ему много раз сказывал покойный батюшка Угор.

– Сделай пять шагов по левую руку, отрок.

Исполняя указ ведуна, Мамар шагнул влево и, потеряв равновесие, запнулся о что-то мягкое, завалившись на бок. Он неожиданно нащупал шкуру, закрывающую вход в разыскиваемое им убежище, которое чуть было не потерял в снежной круговерти.

– Повитуха где? Тута? Княжна сейчас, кажись, опростится, – попытался крикнуть шаман обветренными губами. Но вышло шепотом.

– Тут я, не голоси. Торбу мою помощи к выходу вытащить. Как же ее угораздило в такую погоду-то? Подождать не могла, что ль? – ворчала дородная баба, передвигаясь на коленках к Мамару.

– Маут держи, – не слушая ворчунью, подал ей конец веревки шаман, – да обяжись округ стана своего необъятного, чтоб не потерялась ты в пурге. За мной и поползешь по мауту. Я теперь знаю, в какой стороне нора наша. Так что быстро доберемся.

Но дойти в таком сильном буране до убежища оказалось не так-то просто. Мамарка несколько раз, почувствовав, что кожаная веревка маута натянулась, возвращался к увязшей в снегу толстой повитухе, выдергивая обезумевшую бабу из наметенных сугробов.

* * *

Буря, разыгравшаяся на побережье Северного Ледовитого океана под конец марта, настигла в пути и Яну с попутчиками, которые, удачно миновав приполярный Урал, двигались в направлении Михайло-Архангельского монастыря, где по указу государя был образован на мысе Пур-Наволок Новогород, прозванный местными поморами на свой лад Холмогородом.

Как раз в день разыгравшейся непогоды на пути путникам наконец-то повстречался острог, стены которого были собраны из бревен в двадцать четыре венца и заканчивались обломом²³⁶, по верх коего чернели бойницы.

В острожек их не пустили, но указали на постоянный двор при посаде.

Хозяин, узнав, что в обозе едет дочь боярская со свитой и дитем, предложил отдельный дом для ночлега с комнатой, перегороженной русской печью.

Несмотря на усталость, Казимир не расположился на отдых, а собрался сходить в ближайшую съезжую избу, потолкаться и выведать последние новости. Ерема, ехидно улыбаясь, пошутил ему в спину:

– Пан бы снял кафтан стрелецкий, а то народ тут шальной, дикай. Ненароком зашибут по зельному делу. Издавна не жалуют тут стрельцов да опричников.

– Еще раз, быдло, меня назовешь паном, язык отрежу! Понял, пся крев?! – подскочив к развалившемуся на тулупе Ермолаю, взревел Казимир. – Дядька Козьма я. Повтори, подонок²³⁷!

– Да, Козьма ты, дядя, Козьма! Убери сабельку, а то за холопа боярыни, тебе быстро тут ноздри вырвут. А упреждаю я тебя для того, чтоб знал, что нож отставному стрельцу в спину воткнет любой помор. Не зевай Козьма, когда средь босоты тереться будешь.

– Я учту твои напутствия, – смягчил пыл Казимир, вложивши саблю в ножны.

²³⁶ Облом – выступ в крепостной стене.

²³⁷ Подонок – мутный осадок на дне чарки после вина. Подонками называли пьяниц, никчемных людишек, допивающих в кабаках недопитые чарки и кружки после посетителей.

ГЛАВА 5

Войдя в съезжую избу, Казимир-Козьма отряхнул тулуп от снега и небрежно сбросил его на руки подбежавшему человечку.

Оставшись в кафтане, он, не обращая внимания на притихших посетителей, прошел к столу и, столкнув со скамьи спящего за столом пьяного постояльца, присел на его место.

– Кто жаждет вкусно пить и есть, прошу тогда напротив сесть, – весело рявкнул ряженный в стрельца польский лазутчик, кинув на столешницу серебряный рубль, который, завертевшись волчком, привязал взоры всех обитателей.

– Чтой-то мягко стелешь, служивый. Коли ты прибор выслужил, так добер стал? А когды при пути²³⁸ был, поди, гордыня тя распирала? На простой народ благим оком и не вел?

– Не век же служить мне, мил человек, пора и на покой, непутячьим побыть по окончанию веку своо, – усмехнулся в ответ Козьма подошедшему к столу верзиле.

– В наши края, служивай, не за покоем, а за упокоем чаще приходят, – присаживаясь рядом, в ответ улыбнулся детина и протянул руку: – Мартыном меня кличут, а величают Мартином. Давно род наш тут. Дед мой саам из лоплян, мореходец потомственный. Отец тожа кочи водил по студеным морям, и я ихней стежкой пошел. Меня тут каждый знает.

²³⁸ Путь – должность. (Непутевый, беспутный – человек не при должности.)

– А меня Козьмой зови, – представлся Казимир.

– Ну, Козьма, так Козьма.

Мартын, рывкнув, помахал рукой подавальщику:

– Эй! Чайка! Ну-кась снести тащи сюды, вишь, мил человек угощает! – И повернувшись к Козьме, продолжил беседу: – Куды, сердешный, путь держишь? Мож, чем подсобить тебе смогу? Тут редкость великая, когда аж цельный рубль на потчевание выставляют!

– На волок песчаный, к морю Мангазейскому, надобно по весне идтить моей боярыне. Мужа она ищет. Ушел три года тому из Тобольска и как в воду канул.

– Слухи поперед вас идут, Козьма. Слыхали мы, что дочь боярская к нам пробирается из остяцких краев. Но не думал, что такие у нее дерзкие планы.

– Чем же оне дерзки, Мартын? В чем тут соль, что мужа баба ищет? Обыденное дело вроде, – усмехнулся поляк.

– Дерзость сия, Козьма, в том, что боярыня твоя государева указа послушаться вознамерилась.

– Чтой-то не слыхивал я таких указов, чтоб мужей искать воспрещалось, – схитрил Козьма. – Напротив, ведаю я, будто грамотой вас еще государь Борис жаловал на беспошлинное хождение морем студеным?

– Жаловал-то жаловал, да отменена грамота ужо сия. Ныне под страхом смерти заповедано нам ходить на Мангазею, а в особливости водить туды чужеземцев, как ты.

– Какой же я тебе чужеземец, Мартын? Спятил, что ли? Иль не зреешь по мне?

– Зрею, зрею, что ручки у тебя холеные, ноготки стрижены, заусенцы не зубами грызены. Поверь, глаз у поморов ой как наметан!

К столу подсели еще несколько людишек. Козьма с Мартыном прервали разговор.

– Налетай, халеи! Ныне пост не пост, коль выстав прост! – хлопнув мужичка-подонщика по плечу, рассмеялся помор.

Лишь под конец веселья Мартын шепнул лже-стрельцу на ухо:

– Когды пойдешь до избы, крути башкой на все четыре стороны. Доглядели тебя ужо лиходеи. Провожать тебя не пойду, я в разбойные дела не вмешиваюсь, а вот к боярыне твоей наемдни зайду, ожидай. Если же, конечно, сегодня тебя в овраг не сбросят без шубы и кафтана.

– Не сбросят, буду начеку. Благодарствую тебе, Мартын, что उपредел.

– Деньгой сверкать у нас в Холмогороде, а особливо в кабаках, тут опасно. Тут и тяти могут быть, или дьяка людишки, что подонщину тут для отвода глаз попивают да беседы подслушивают, – добавил мореход.

– А дьяку-то чем я не угодил?

– У тебя Годунов на монетке отчеканен, а это крамола, Козьма. Захарьевы повсеместно блудут казну свою. Уж три лета как все деньги с ликом Бориса по высочайшему указу в казне меняны.

– Слыш, Мартын, а тебе какая печаль обо мне?

– Так готовь сани летом, а кочи зимой. Мореходы, как ямщики, загодя себе работу приглядывают. А ты ведь, как погляжу, не лыком шит. А значит, и для меня работенка на лето найдется.

Мартын ушел.

Козьма еще посидел четверть часа и тоже встал, похлопав по спине уже пьяного в стельку соседа:

– Пойду я, утомился с дороги. Гуляй, народ.

И народ гулял. Уже появился будто из-под земли гусяр с переломанными и криво сросшимися пальцами.

– Видать, поет былины неблагопристойные, – усмехнулся пан Казимир, вспомнив, как и сам отрубал кисти рук гусярам на Запорожье.

А гусяр действительно затянул песню про разбойника Хлопка и его ватагу.

– Во лесу зеленом, во дубравушке,
Жил да был коренаст добрый молодец,
На царевых слуг руку поднявший,
За черной народ весьма страждущий...

Казимир постоял малость на крыльце, привыкая к темноте, пожегился, приподнял воротник тулупа.

– Ну, коль про Хлопка поют, знамо, гилевщики, которые с Хлопком на Москву ходили, тут есть. Только вот как бы нашу лжебоярыню не признал кто из них. А может, и к лучшему, что заведет она дружбу с ворами да татями. Ворон ворону-то глаз не выклюет.

Казимир сегодня подал знак, запустив юлой по столешнице серебряный рубль с изображением государя Бориса. То был условный знак человеку пана Сапеги, который должен объявиться на днях. Ведь про щедрого стрельца-отставника молва завтра же

пойдет гулять по городищу. Людей дьяка он не боялся, у него была охранная грамота от дьяка Тобольского о том, что человек он зело полезный и исполняет государственное дело важности особливой.

Шляхтич ступил во тьму и, легонько придерживаясь одной рукой за плетень, осторожно пошел в сторону постоялой избы.

– Ну што, касатик, пригорюнился? Скидавай-ка тулупчик по-хорошему, может, в исподнем и до хаты жив-здоров добежишь! – раздалось из темноты.

Впереди, слева и справа по проулкам, стояли громилы, держащие в руках кто рогатины, кто дубинки. Сквозь свист ветра Казимир почувствовал присутствие и позади его.

«Обложили, злыдни», – сжимая под полой тулупа рукоять сабли и взвешивая ситуацию, прикинул лях.

Рогатина уперлась ему меж лопаток.

– Не шали, не шали, служивый. Два удара – четыре дырки, и пикнуть не успеешь. Вот токмо тулупчик портить жалко. Скидавай-ка манатки, может, живым и отпустим.

* * *

Мамарка со снежным вихрем ввалился чуть ли не кубарем в убежище.

– Тебя иде нелегкая носит? Уж воды отошли! – заорал на друга Ваня. – Где повитуха?

– Тащу я ее! Тащу! – отозвался молодой шаман, действительно затаскивая маутом толстую бабу в ледяную пещеру.

В это время благим матом завопила Полина:

– Ой! Ой-е-ей!

И повитуха, скинув шаль и тулуп, оттолкнув Мамара и Ваню с князем, бросилась к роженице:

– Отвернитесь, бесстыдники, а то наружу выгоню!

А снаружи шалаша разыгравшаяся стихия заметала обоз. И горе тому, кто опрометчиво поленился соорудить убежище, рассчитывая просто отсидеться на санях. Несколько тягловых лошадей, отвязавшись с привязей, разбежались, исчезнув в белой круговерти.

А стая полярных волков, сопровождавшая в отдалении обоз до самой Кызым-реки, наоборот, сплотилась вокруг вожака. Пришел и на их долю праздник...

* * *

ХОЛМОГОРЫ. (НЫНЕ АРХАНГЕЛЬСК)

Козьма, отдышавшись, выдернул из плетня толстый ивовый прут, укоротил его окровавленной саблей.

Заблудиться в метели он не мог, так как тропинка шла между двух плетеных заборов прямо к постоянной избе.

Упершись на палку, он, морщась от боли, перешагнул через труп разбойника, небрежно отпнул по пути ногой руку другого поверженного татя.

– Пся крев! – выругался пан Казимир, чувствуя, как теплая кровь из-под шапки по шее ручейком стекает за ворот, – и ногу еще рогатиной пробили, свиньи! Кабы кровью не изойти до избы!..

Утром дьяку доложили, что найдено шесть убитых разбойных людей, на четверых из которых давно сыск объявлен. Но не это заинтересовало слугу государя. Все шесть были убиты боковым ударом сабли в шею. Снизу вверх, под жабру. А такими приемами сабельной рубки владели немногие, и в основном это были чужеземцы.

– Уложил, как цыплят беспомощных, а ведь злыдни с дубинами да с рогатинами были, вдобавок в тулупы да зипуны одеты. В темноте? По шее? Это же как рука поставлена должна быть? – удивился приказной дьяк.

* * *

– Сын у тебя, княже! Сын! – закричала повитуха, утирая новорожденного рушником и заворачивая его в приготовленные шкуры.

– Да еще и в рубашке родился! Хвала северному ветру Борею! – перестав стучать в бубен, улыбнулся Мамарка.

– Ну, знамо, Борисом, то бишь Борей, и наречем! – беря в руки сверток с кричащим младенцем, объявил воевода.

ГЛАВА 6

ХОЛМОГОРЫ

Потеряв много крови от удара в бедро рогатиной, польский лазутчик ступил на порог избы и, уронив ведра да ухваты, рухнул в сених.

На шум выскочил Ерема. Разглядев в потемках беспомощно лежавшего Козьму, криво ухмыльнулся:

– А вот пить-то пан так и не научился.

Но, взяв за сапог, чтобы затащить волоком своего попутчика в избу, вдруг почувствовал, что руки его наткнулись на теплую липкую жижу.

– Яга, слышь! Он, кажись, того. Ранен, кажись, наш пан Казимир! Кровищи-то на пол полклети с него набежало! – крикнул упырь атаманше.

– Молчать, смерд, Козьма я! Пся крев! Козьма... – попытался одернуть Ерему шляхтич, но потерял сознание.

* * *

КЫЗЫМ-РЕКА

Пурга окончилась так же неожиданно, как и началась. Северный ветер Борей, обрушив всю свою мощь на лесотундру, в последний раз попытался победить весну. Но сил у него не хватило.

Ярко светило северное солнце. Стоял тихий безветренный день. Будто и не было урагана. Обозники откапывали сани и пожитки. За четверо суток непогоды обоз замело напрочь. Не обошлось и без жертв. Замерзли в снежной круговерти четверо переселенцев, поленившихся соорудить убежище. Еще двое черных людишек, обшарив пожитки на нескольких возках, ушли в бурную мглу, чтоб навечно остаться в белой пустыне.

Полярные волки тоже не дремали – пользуясь отсутствием людей, они отбили несколько лошадей и угнали их в тундру.

Сотник Макар Савватеевич, пригнав оставшихся лошадей из лога, где возницы и верховые пережидали буран, на правах старшего обратился к воеводе:

– Недоволен люд проводником, княжич. Того и гляди спрос с него учинят да забудут ненароком. Бузят, ворчат, якобы надобно было ненастье на стойбище переждать, ведь ведал же загодя шаман, что буря нагрянет.

– Остуди пыл своих служивых, Макар Савватеевич, не виновен молодой шаман, – воевода положил руку на плечо сотника. – Это я велел подниматься с последнего привала. Коли на каждом стойбище по пять ден станем углы околачивать, не дойдем нынче мы до Мангазеи по снегу. Лучше поздравь с сыном меня, – улыбнулся воевода.

– Ох ты! Неужто прям в снегу! Ай да Полинушка, ай смелая княжна. Не побоялась же на сносях с мужем в путь идтить.

– Так вроде первенца токмо в апреле ждали, а тут, видно, растрясло меня шибко в дороге. Видимо, и впрямь ветер Борей надул, вот Борей-Борисом и решили назвать сыночка, – раздался за спиной сотника голос Полины, которая, протиснувшись в откопанный Ваней лаз, щурясь, привыкала к солнечному свету.

– Никому более не сказывайте про энто. Тотчас за еретиков или шайтанов примут, и тогда мигом «из князи в грязи» угодите, али, как Максима Грека, за сторожи на Белоозеро на четверть века упрячут ретивые стяжатели, – оглянувшись по сторонам, упредил Ваня.

Повитуха трижды перекрестилась.

– Мыслимо ли дите княжеское в честь какого-то ветру величать? Как бы худо не случилось! Гнев Божий накликачь на душу несмышленую.

Ваня толкнул бабу в бок.

– Уймись, квочка, и заруби на носу: в честь Бориса-великомученика назван младенец княжий.

* * *

АТЛЫМ-РЕКА

Четверо пыточных людишек из сыскных, посланных дьяком Севастьяном для сыска и поимки старца-язычника Никиты, ходко скользили размашистым лыжным шагом по пойме Батлым-реки. Шли в одну лыжню, меняя каждые четверть часа впереди идущего, который, шагая первым, пробивал дорогу в снегу.

Отдохнув на стойбище и расспросив у остяков о нужном им человеке, сыскари уверенно вошли в непролазный урман. К полудню на людей дьяка выбежала стайка волков, но люди и серые разошлись мирно. Одни шли по мартовской заячьей тропе, другим невыгодно было выстрелами из пищалей обнаружить себя.

Когда замыкающий строй человек скрылся за поворотом реки, Никитий пробурчал:

– Вот неугомонный-то дьяк Севастьян, как пес боярский. Все вынюхивает да рыщет. Откуда токмо берется энто крапивное племя. Служат они рьяно государю-батюшке, да про себя не забывают. Уж, почитай, более четверти века золото атамана разыскивает, а через энти сокровища и нам покоя с тобой, Хвома, нету-ти. Спали бы, да спали в избушке. Так нет же, люди дьяка по пятам идут. А теперича мы пойдем вслед сыскных, пущай, как лиса по тропе заячьей ходит, так и люди дьяка по кругу станут ходить, покуда не растает. Весна уж. А реки вскроются, там они и подадутся восвояси. Да, Хвомка?

Старец отряхнул полы рубахи от снега. Медведь, услышав свою кличку, ткнул его в ногу носом.

– Не шали, знаю, что ты голоден. Сейчас я достану снедь из пайвы, и перекусим мы с тобой.

Никита привык разговаривать с Хвомой, как с человеком. Потому, не ожидая ответа, продолжил:

– Давеча сорока за нами увязалась, все стрекотала, вертихвостка. Думал, что выдаст она нас, когда в след заходить будем недругам нашим. Дрянная птица сорока, вести худые она на хвосте приносит. Вот, Хвома, даже возьми, когда при молодом

царе Иоанне Москва дотла сгорела – перед пожаром тоже сорока по дворам летала. И на какое подворье садилась, то и выгорело. Говорили, что это бабка Глинская в сороку обернулась, ну народ-то и поднялся. Споймали они князя Глинского, да и побили до смерти, а бабка с другим сыночком убежать успела. Шуйские-то отодвинуть Глинских от молодого княжича желали, ну и пустили через чернецов сию страшилку в народ. Вот так, Хвома, бывает, обвинят, ошельмуют, и не отмоешься. Как мне гонение устроили, язычником обвинив. Народ-то русский, как дитятко малое, во все верит. А тут масло в огонь. Хорошо, остяки принимают, да не особо-то воеводские указы сполняют.

Медведь вновь ткнул носом волхва.

– На-ка, поешь, сердешный, – бросил на снег вяленого чебака старец, – соловья баснями-то не кормят. А про сороку все ж гадаю, как бы беда с нашими отроками Ванюшкой и Мамаркой не случилась. Шутка ли, обоз провести на Мангазею...

* * *

ХОЛМОГОРЫ

Яна не отходила от Казимира ни на шаг. Он то приходил в себя, то вновь терял сознание. Когда же атаманша отлучалась от хворого, то сидел рядом с недужным ее сын Емелька. Обычно вертлявый и неусидчивый, отрок на диво матери ныне ревностно исполнял обязанности сиделки. Его как подменили.

Борясь с ознобом, шляхтич через силу пил отвар из сушеной крапивы – для густоты крови, как поясняла ворожея.

Мартын принес снадобье поморов – ставку, замешанную на морошке и кислом молоке.

– Пей, Козьма. Сей пользительный напиток самого немощного поднимал, и ты, как Лазарь, запляшешь на седмицу.

– Благодарствую, Мартын, за опеку твою, коль поднимусь, то непременно признательностью отвечу.

– Мой коч наймешь для похода, вот и будет с тебя. Не желают купцы на Югорский шар и далее ходить. Оттого и Мангазея в упадке ныне. Совсем нам, поморам, без найма худо стало. Многие корабельщики на Волгу да Каму подались. Кочи по всему берегу брошены, халеи да гагары в них уж гнездовку устроили. Иноземцев,

что плату хорошую давали, на Холмогорах все меньше и меньше становится. Ты, Козьма, ежели надобно что, то мальчонку пришли, я тут же и явлюсь.

– Благодарствую, Мартын. Тут подьячий вчерась приходил. Выпытывал, зачем я сюды пожаловал и каким чудом татей одолел, кои всю округу в страхе держали, – отпивая из крынки ставку, прошептал Козьма-Казимир, – я ему грамоту показал, что от имени государя Михаила Федоровича пройти мне велено до речки Мутной, через озеро Зеленое, и выведать, пользуют ли дорогу от волока до Мангазеи купцы заморские. А также глянуть, как обосновал пост у трех озер воевода, посланный из Тобольска нынешней весной.

Подошел Емелька, шмыгнув носом, и, присев рядом на лавку, похвастался:

– Я по берегу лазал, гнезда зарил, яйца собранные мамке отдал, чтоб сварила тебе, дядько Козьма. Желтки, говорят, кровь прибавляют.

– Совсем уж весна пришла, а я к постели прикован, – посетовал Козьма.

– Ничего, ничего, успеешь поправиться, да и в море-то пока еще все одно не выйти – льды да торосы, – вставая, уверил Мартын. – Пойду я, однако. Ежели что, пошли Емельку.

Мартын ушел.

Емелька вновь шмыгнул и, озорно глянув на дверь, улыбнулся:

– Имя-то какое чудное – будто птичье.

– Это его в честь проповедника Мартына величают. Был такой в германских землях. И наш Мартын иконам не молится, в церковь не ходит. Говорит, что доски сии люди писали, а людскому, говорит Мартын, грех поклоняться.

– Ересь это, дядя Козьма.

– Ересь не ересь, а многие, и не токмо черный люд, но и князья, ныне придерживаются лютеранства.

– А ты, дядька Козьма? Какой веры?

– Мал ты еще, Емелька, чтоб такое осмыслить. Да и не задавай никому вопросы такие, а то накличешь беду ненароком. Преследуют на Руси ересь. Скажу одно: все мы под единым Господом Богом ходим. Просто толкуют азы по-разному.

– А меня матушка Кудеяром обзывает, когда я противлюсь послушанию. Говорит, как тать грехи замаливать буду, – улыбнулся малец.

Козьма слабо улыбнулся и попросил мальчика поправить по-
выше подушку.

– Так ты и есть вылитый Кудеяр. Очи чернющие, норов крут.
За что и люб ты мне, отрок.

– А ты знаком был с ним?

– Видал, встречал я его под Казанью. Тогда юный государь
Иоанн грамоты разослал разбойному и беглому люду. Якобы про-
щает их шалости, коли они Казань воевать придут. Разбойному
люду на крепостные стены идтить не доверили. Проку-то никако-
го от них, с их кистенями супротив пищалей и пушек татарских. А
вот подкоп они рыли и стену с родниковым тайником подорвали,
чтоб без воды осажденные татары остались. Вот милостью вели-
кокняжеской и были пожалованы. Многих тогда простил государь,
подарив шубы и халаты. Но Кудеяр дюже дерзок был, послушался он
царя, сбросил он с плеч своих шубу соболью наземь и вновь ушел
в лес татьбой заниматься. Ходили даже разговоры, что разбой-
ник Кудеяр есть старший брат Иоанна, сын первой жены Василия
Иоанновича Соломонии. Ее тогда государь Василий в монастырь
сослал за бездетность, а она вроде мальчонку родила там. Вот в
народе-то слух и пошел. Многим болтунам тогда языки отрезали,
скоморохам и певчим о голову гусли побили, а кого и в прорубь су-
нули за смуту сию. Кудеяра же так и не споймали. Уж больно ловок
и хитер был шельмец. Черный люд упреждал его от облав и засад.
Душ он загубил немало, но грабил и лишал жизни он токмо бояр
да купцов, а половину добычи непременно простому люду отдавал.
Потому до сей поры и слагают былины, да поют гусяры песни о
славном разбойнике Кудеяре.

– А как же он век свой окончил? Поведай, дядька Козьма.

Выздоровливающий приподнялся, сам поднес чарку со став-
кой к губам и, отпив, слабой рукой подал чарку Емельке.

– Ушел он в монастырь грехи замаливать. Говорят, глас Божий
услышал лиходея. А монахи ему наказ дали неисполнимый. Дуб
столетний маленьким ножичком пилить. Вот и пилил Кудеяр ден-
но и ночью, в стужу и зной. А монахи язвят, посмеиваются над
грешником. Не стерпел Кудеяр, ударил он энтим ножичком оби-
дчика, а дуб тотчас и рухнул да придавил разбойничка непокаян-
ного. Тут и сказке конец, а кто слушал, молодец, – щелкнул по носу
Емелю Козьма.

Казимир от своей же шутки рассмеялся. Рассмеялся и Емелька. Хмыкнул на печи Ерема. Только Яна, отерев рушником руки, покачала головой:

– Не надобно бы мальцу энти сказки слушать про люд разбойнай. Сын он боярский, а не разбойник Кудеяр. Чему бы доброму обучил отрока, чтоб в жизни пригодилось. Ты и грамоте обучен, и повадки у тебя вельможные.

– Вот поднимусь опосля болезни, письму и сабельному бою его обучу. Я-то ой какой еще дуэлянт был по молодости! Короли в Европии меня знавали и боялись со мной на поединок выходить.

– Ну, хоть постоять за себя сможет, и то ладно, а грамота это доброе дело, – махнула рукой Яна и покликала хозяйку постоялой избы: – Аграфена, тесто на хлеб неси, печь прогорела.

Аграфена, дородная баба, юрко прошмыгнув в горницу, открыла печь и, пошурудив угли кочергой, расставила глиняные формы с тестом.

– Все, заклала, боярыня, теперича не топайте да дверями не хлопайте, не то упадет тесто не зардевшись, – распорядилась она и ушла к себе.

ГЛАВА 7

МАНГАЗЕЯ

Макар Савватеевич натянул поводья, приостанавливая жеребца.
– Кажись, навстречу верховые, – прищурившись, проговорил он.

– В глазах, поди, рябит от солнца, – очнувшись от дремоты, отозвался Алексей.

Но тут же за спинами сотника и воеводы раздались радостные крики стрельцов и казаков:

– Разъезд Мангазейский!

– Прибыли, слава те, Господи!

– Вот и дошли до краев, куды коса с топором не ходили!

Вверх полетели шапки.

Молодой князь, разглядев из-под руки передового богато одетого всадника без одной руки, крикнул едущему позади него Терентию:

– Терешка, скачи до княгини. Обрадуй, что ее старшой брат Максим встречать выехал.

Воеводский стремянной, развернув коня и поднимая из-под копыт комки рыхлой снежной грязи, помчался к середине обоза.

Воевода, приподнявшись в стременах, громко объявил:

– Отменяю все наложенные в дороге наказания и опалу.

– Вот это дело! – обрадовался десятник Антип, которого самого ждала порка за хмельную свару, затеянную им на одном из

биваков. – Обрадную своих казачков, пуцай за воеводу здравницу поют, сукины дети!

На что даже всегда строгий Макар Савватеевич рассмеялся:

– Ты по своей шкуре так не кручинишься, Антип, как за своих людишек шалопутных печешься.

Десятник, крутнувшись на коне, поднял руку вверх:

– Вона она, длань-то, Макар Савватеевич, она о пяти перстах, однако любой из них укуси – больно одинаково. По каждому служилому гребта моя. А мою шкуру-то и жалеть не надобно, она как зипун у блаженного, вся в заплатках да рубцах. На бубен самоеди точно не сгодится! – проезжая мимо молодого шамана и слегка хлопнув камчой его по спине, рассмеялся Антип.

Мамар не растерялся и, резко сняв с луки седла маут, пустил его вслед скачущему десятнику. Антип, пойманный петлей аркана, пробкой вылетел из седла и шмякнулся в снежную няшу. Тут уж смех пронял весь передовой дозор.

Антип, освободившись от петли аркана, отряхнул тулуп, вновь птицей влетел в седло и, ничуть не обидевшись на шамана, огрев коня плеткой, крикнул сыну Угора:

– А тебя, шайтанская твоя душа, я ашо имаю! Шкуру твою на тамбур пуцу! Благо воевода милость явил, так добр я ныне!

– Балуешь ты народ, Алексей Семенович. Токмо учти, без телесных наказаний все одно не обойтись. Казаки да стрельцы – ровно дети малые, без порки как без пряника. Потому как скучно им без палки, зуд седалищный прошибает, – улыбнувшись вслед десятнику, но явно одобряя решение князя об отмене наказаний, с напущенной серьезностью проворчал Макар Савватеевич, философски продолжив: – Доброта-то – старшая сестрица наглости. Ибо токмо от добрых дел можно нажать себе таких друзей-недрузгов, что и ворогу не пожелаешь.

К тому времени подъехал дозор из острога.

– Здрав будь, Лексей Семенович. Заждались мы с матушкой поезд твой. Будто через Астрахань ты к нам добирался! – не слезая с лошади, пошутил подъехавший Максим. А обернувшись к сотнику, поздоровался:

– Здрав будь и ты, Макар! В твои-то года такой путь выдюжить?

– Ты, Максимушко, тоже уж не молод, а вон как в седле спину держишь, будто и не было трех десятков лет, когда мы в Сибирь шли с Ермаком Тимофеевым.

– Через год уже четыре десятка будет, Макар, – поправил знакомого Максим.

– Точно! Вот года-то катятся!

– Ага, бегут лета, катятся. Кто не пьет, не поет, после схватится! – доставая из походной сумки медный татарский кувшин с водкой, весело объявил Максим.

– Не замерзла? – принимая кувшин из рук прибывшего есаула, усмехнувшись, поинтересовался князь.

– У нас не успеет, – подавая кусок каравая, заверил Максим. Но его лошадь, почуяв запах хлебца, прынула ушами и подала назад. – Вот хитрая кляча, – сокрушился он, – знает, что одна рука занята, а второй нет, так она, шельма, и норовит сплясать подо мной. Это все теща твоя, Лексей Семенович, кобылу приучила по утрам коврижками баловаться.

Обоз вереницей медленно проходил мимо всадников.

– Ой, Максимушка, седой-то какой стал, чуприна ровно навис у твоей лошади, – раздался с проезжающих саней звонкий голос Полинки.

Максим вздрогнул, передал кувшин Макару Савватеевичу, спрыгнул с лошади, и, прыгнув на шкуры в санях, принялся тискать и целовать младшую сестрицу.

– Ну, полноте, полно. Задушишь же! Совсем как татка, бородастый и колючий! – уклоняясь от брата, который по годам ей в отцы годился, взвизгнула молодая княжна.

– Ай ты, поздняя ягодка наша! Вся в маменьку уродилась. Ровно она в молодые годы.

– По саням! По саням! – пронеслись крики возниц с головы до хвоста обоза, предупреждая идущих пешком. Это передовые упряжки, выйдя из няши на утоптанную дорогу, перешли на рысь.

Максим вывалился из рванувших саней и, поймав поданный казаком повод, молодцом влетел в седло:

– Иде племяш-то мой?

– В тапкане²³⁹ с нянькой! Вдвоем-то тесно в ней, вот и едем в кибитке по очереди, – ответила Полина брату, – в тебя сынок мой весь, такой же ушастик, и зубов тожа нету-ти.

– Сейчасец гляну на новорожденного зимородка, вчерась уж гонец сказывал, как в бурю ты сподобилась, – огрев лошадь кнутом, гаркнул есаул и погнал во весь опор в конец обоза.

Рядом с тапканой ехал верхом навстречу старшему брату Ваня, который, сняв с головы малахай, уже разглядев Максима, размахивал шапкой.

²³⁹ Тапкана – крытая войлоком или шкурами повозка.

* * *

ХОЛМОГОРЫ

В избе, томно протопленной, каждый занимался своими делами. Казимир, усадив Емельку рядом, изучал с ним книгу. Ермолай, негромко похрапывая, спал на печи.

Яна, мурлыкая себе под нос песенку, крутила пряжу.

– К Белоозеру шли нестяжатели,

По околице путь проходил,

И венок из цветов мать-и-мачехи

Мне чернец молодой подарил.

А несу я свой крест в глушь далекую,

Вот такой мне сужден приговор,

А любить тебя, черноокою,

Воспрещает Стоглавый Собор...

Размеренную жизнь пристанища внезапно нарушил топот нескольких ног в сенках.

– Кого там нелегкая несет на ночь глядя, – недовольно отложив книгу в сторону, буркнул Казимир. – Брысь на печь! – толкнул он легонько в спину Емельку. – И книгу под мережей укрой.

Мальчик рыбкой юркнул на печь, задернув за собой занавеску.

Послышался обольстительный голос Аграфены.

– В спальне оне, проходи, проходи туды, боярин. Осторожней, об лагу не ушибись, низка-то у меня избенка.

– Какая, к лешему, тут избенка! Она какие хоромы настроила, ако в хатке бобровой. Клеть, да подклеть, да вновь клетушка.

– Так заезжих-то шибко много, батюшка, вот и пристраиваем. Я ж исправно уплачиваю.

– Знаем, потому и не трогаем пока. Посвети-ка тут, я кольцо у дверцы найду...

«Сам, видимо, дьяк пожаловал, а не послал подьячего с людишками приказными. А значит, не за сторожи и оковы брать пришли, – догадался Казимир, – разговор будет».

– Ну, сказывай, что за птица важная к нам на край земли залетела, – перекрестившись на образа и присаживаясь на лавку, повелел вошедший боярин.

Яна тряпицей смахнула в ладонь со столешницы шелуху кедровых орешков и, строя глазки государеву человеку, спросила:

– Может, кваску, батюшка? Аль медка игривого?

– Опосля кваска попьем. А для начатки, грамотки мне свои подайте. Чую, неспроста вы тут объявились. Да лучину вторую запали, темновато у вас. Что топчешься, как квочка?

– Зачем лучину, свечи на то имеются, почай, не голытьба мы перекатная, – жеманно поправив шаль на оголившемся плече, усмехнулась Яна.

– А я хоть и не голь перекатная, а вот со свечами поиздержался, – посетовал дьяк, – тут вам не Москва и даже не Тобольск, здесь легче летом снегом разжиться, чем воском. То ли бортничеством на Руси перестали заниматься, то ли воск ныне не в ходу стал. Не везут его купцы нам, как ранее.

– Монастыри много земель утратили, а с ними и людишек. А коль воск покупать не на что, то и спрос не велик, – подавая грамоту, предположила Яна, – так что нестяжательство невыгодно для государя. Каков поп, такой и приход. Коль нищая святая обитель, то и прихожане сиволапые.

– Ты про сиволапых-то полегче. А то на себя запишу упрек твой да воздам по заслугам.

– Ты, боярин, на шубу свою глянь. Таковую в Москве за деревню купить можно, а значит, и приход тут богатый.

– Невидаль-то шкуры, тут каждый вторый на следующий год старую шубу на подстилки собакам кладет, а новую шьет, – довольный от похвалы, крикнул дьяк.

Изучив грамоту Яны, слуга государя отложил ее в сторону.

– Ну, здрава будь, дочь боярская. Любо мне, что мужа ищешь, не веря в его погибель. Но токмо еще в середине зимы пришла весть, что обоз, в котором муж твой следовал, сгинул в пути. То ли замело, да померзли, то ли тати на них напали.

– Не поверю, пока сама не выведаю, – утерев глаза уголками шали, вздохнула Яна, – а тебе, боярин, дьяк Севастьян из Тобольска кланяться велел да посылку с нами передал.

– Что ж сразу не принесла в приказную избу посылочку?

– Неча ей глаза мозолить, батюшка, у тебя и так завистников, как блох на собаке. Да и Севастьян наказал тихо и лично передать.

ГЛАВА 8

УРМАН

— Ну ты и смышлен, Хвонка, — окончательно распутав маут, рассмеялся Никитий и, потрепав по гривке медведя, подал ему сухарик. — Это Ванюшке нашему спасибо, он тебя выпесто-вал, как с веревки удрать, узелок развязав, когда тебя Архип под сторожи садил. Шальной, ты, братец, был медвежонком. Озорным шибко рос. Ну, ровно дитятко малое. А ныне вона как вымахал! Лося-трехлетку с одного прыжка подминаешь. С таким другом голодным не останешься. То зайку мне принесешь, то пташку каку, а без рыбы-то и дня не бываем. Чуешь, где майну мне бить на ручьях, ни разу не ошибся, всегда у нас улов есть.

Хвома аккуратно слизнул угощение с ладони старца. Облизнулся и ткнул носом в собранный маут.

— Что? Еще разочек? — усмехнулся в усы ведун. — Ну, давай, токмо теперь сзади узелок распутай.

Никита собрал веревку аркана и, завязав концы, ловко надел ее себе через голову, изображая связанного человека.

— Ну-ка, схоронись! Чужой рядом!

Огромный медведь, словно маленький медвежонок, играючи кинулся в кусты. Никита присмотрелся и прикрикнул:

— Вижу! Ховайся лучше, увалень!

Подождав с четверть часа и убедившись в том, что медведь выдержал время, ведун свистнул совушкой и завалился на бок.

Хвома, прижимаясь брюхом к земле, тихо подполз к связанному хозяину и, без труда найдя по запаху концы веревки, смазанные загодя волхвом воском, чуть перебрав узлы клыками, ловко развязал узел.

– Ну и зубр же ты, друже! С тобой токмо на ярмарку ходить, без харчей не остались бы, – похвалил зверя Никита, вручая ему заслуженный сухарик.

Довольный похвалой, косолапый вновь лапой потянул маут у Никиты.

– Нет-нет, дружок. На сегодня будя. Давай уж переднюем до заката, а ночью сдаваться пойду. Хватит людей дьяка за нос водить, пора и дело ладить. Ныне мне старец Гостомысл во снах явился. Велел он к Ванюшке нашему на помощь идтить. Так-то бы так, но велел князь найти Гаджи-Ату и Ваулихана, наказал и индуса с собой взять на край земли. Нужен он там. А для чего, так я и не понял. Токмо отче Гостомысл ведает такие тайные тайны, ибо книгу жизни читает. А знамо, под стражу придется мне сдать, да на Тобольск шагать. Там и Гаджи с Ваулиханом объявиться должны. Веревок-то, я приметил, у костоломов дьяковских нет, они мой маут и возьмут, чтоб меня связать. А когда время придет, тут уж ты, братец, не оплошай, развяжи меня, – вновь потрепав за холку медведя, закончил старец. – Ну, все. Давай, Хвомка, почивать. Понежусь напоследок, вона как солнышко припекает, кто знает, сколь мне дней в путях-то быть. А может, и не повяжут, поленятся на себе волочь меня по урману, – уже сквозь дрему прошептал Никитий.

Прижавшись друг другу, на еловых лапах лежали человек и медведь. Никита тихонько похрапывал, медведь, остерегаясь разбудить своего друга, изредка поднимал голову и, вдыхая мартовский воздух, проверял, не приближается ли к их лежке опасность.

В этот самый полуденный час Паршук спешно готовил две упряжки. Люди воеводы мимо не пройдут, рассуждал он, ведь не каждый остяк за царскую милость да за спасибо своих оленей по мартовскому льду калечить станет. Вот и остается им только упряжки Паршука нанять. В этом и был их с Никитой давний умысел.

Айша тут же хлопотала, собирая мужа в дорогу.

– Коли матушку и тетку Ксению повидает, кланяйся. Да передай, что все мы живы-здоровы, чего и им желаем. Полинке одежку для дитятка собрала – родить, поди, уже должна.

Паршук, отложив сбрую, прищурился:

– Да не суетись ты, баба, еще не скоро, однако, на Мангазею-то идтить. В Тобольский острог для начала надобно наведаться. Я молодым князем тута старостой назначен, а значит, воеводе с дьяком дары дарить надобно да по ясаку отчет донести. А там и река пойдет, оленей, упряжки продам и водой на бударе спущусь – тогда все гостинцы и заберу. Пока же пушнину на продажу мне собери да покушать в дорогу. Не сегодня-завтра выйдут сыскные людишки с колдуном из урмана, вот и тронемся в путь.

* * *

Разведя огонь между двух поваленных бурей сосен, люди Севастьяна готовились к ночлегу. В конце марта день сильнее уже отодвигал на второй план ночь. Сумерки наступали все позже и позже, а рассвет – все ранее и ранее. Над расположившимися подле костра людьми нависло темно-синее звездное небо. Даже весенний ветерок, гулявший по полянке, казался теплым. Снег посерел, стал плотным, хождение по урману становилось с каждым днем все тяжелее и тяжелее. Люди роптали:

– Да доколе же нам ноги бить-то? Уж лось и тот встал, следов целую седмицу не встречали. Животина и та понимает, что наст ноги режет, а мы, как прокаженные, лазаем, только бубенцов на посохах не хватает. Хитер язычник, ох как хитер, кругами водит он нас по урману, как бычков на бечевке.

* * *

ТОБОЛЬСК

Севастьян проснулся в ночи от удушья, воздуха не хватало. Он судорожно принялся хватать темноту опочивальни сухим ртом. Серо-сизые круги поплыли перед глазами дьяка.

– Что, Севастьян, удобно? – слышался насмешливый голос Гостомысла, – я ведьм упреждал тебя, не переходи судьбе стезжку. Не сей супротив ветру.

– Э... э... – прохрипел, пуча глаза, государев человек.

– Ради мошны своей устроил ты гонения нужным мне людям. Ну, скажи, зачем тебе сокровища Ермака, коль не принадлежат они

тебе по праву? Пошто Златую Бабу у шайтанов отнять вожделеешь? Казимира, убийцу Ляпунова, пригрел, спрятал-таки от казни душегуба. Да и мои деяния на благо Руси попытался расстроить ты пакостями своими. А самое важное, Никитий тебе поперек дороги стал. Вот тут-то уж не спущу я тебе, крапивное семя. Хватит тебе землишку топтать ногами беспутными, пора и к пращурам отправляться.

– Не убивай, князь, помилуй.

– Да рад бы помочь, но не в силах уже. И не я тебе помог с этим миром расстаться – Ягу, служку свою, благодари, которую ты боярской дочерью по грамотам липовым провел. Вот она тебе добром и ответила.

– Стерва, – прохрипел дьяк, – догадывался я, что ведьмы дело сие. Она порчу навела, пакостница. Как уехала Яга, так и здоровье у меня таять начало.

– Подарила она тебе тисы шитые, а ты и рад носить их. Отсюда вся и беда твоя. Налила ворожея тебе в подметки серебра жидкого²⁴⁰. Потому и сник ты к весне. Ее своей кончиной попрекай.

Севастьян приподнялся на локтях и жалобно попросил:

– Скажи хоть, как там? Есть ли справедливость?

– Где?

– На том свете.

– Многие хотели бы проведать, но тайна эта хоронится за семью замками, – усмехнулся в усы Гостомысл, – поведаю тебе лишь одно, что есть там справедливость, есть, и воздастся тебе по делам твоим...

– А любовь? Сострадание?

– Есьм, только тебя туды не пустят... Не в те ворота тебе...

Севастьян забился в судорогах.

Волхв встал и, не прощаясь, растворился в бревенчатой стене сруба.

Это был последний земной сон дьяка, наступал вечный.

* * *

АТЛЫМ-РЕКА

Проخور от неожиданности вздрогнул. За его спиной послышалось сухое покашливание. Обернувшись, он увидел старца, который, опершись на посох, стоял подле столетнего кедра.

²⁴⁰ Жидкое серебро – одно из народных названий ртути.

– К костерку-то пригласишь? Али так и будешь на меня пялиться?

– Подходи, мил человек, чем богаты... – растерянно выдавил из себя старший разыскник.

Всю зиму прорыскали в урмане люди дьяка в поисках неуловимого старца, а он, на-кось, возьми да и выйди сам. Тут и дар речи потерять можно.

– В Тобольск вам поспешать надобно. И мне теперь туды дорога. Помер ваш Севастьян позапрошлой ночью, а знамо, вместе и идти веселей будя.

Проخور окаменел. Мысли, словно путами стреноженные, за-вертелись у него в голове: «А как же мы? А как жалование? Зачем Севастьян преставился? Да не имеет он на это права такого!».

ГЛАВА 9

ИШИМСКАЯ СТЕПЬ

Косули выскочили так неожиданно, что Ваулихан даже не успел выхватить из короба луки свою пищаль. Но Гаджи-Ата, уверенным движением пустивши чакру, попал своим орудием прямо под рога убегающему животному.

Косуля упала, а железный диск, описав дугу и блеснув на солнце, ушел глубоко под снег, оставив на нем только маленькую черточку.

Всадники, подъехав к упавшему животному, спешили.

– Ловко ты пользуешься чакрой, отец, прям как из лука.

– Время меня, сынок, научило. Ты тоже преуспел в деле этом, да беда в том, что не признаете вы, младые, старого проверенного оружия, вам пищали и аркебузы подавай, а у меня же, старика, чакра всегда под рукой.

Индуc снял малахай, вытащил из-под подкладки бечевку с привязанным к ней медным шариком и, пройдя по снегу, остановился на том месте, где грузик принялся описывать круги. Он толкнул ногой снег и поднял из сугроба свой железный бублик.

– Занятная забава, – показывая на самодельный маятник, улыбнулся Ваулихан, разделявая тушку убитого животного, – и чакру в снегу найдешь, и в лоб кому припечатать можно.

Гаджи-Ата подошел к своей лошади, достал из притороченной к седлу клетки почтового голубя. Вложил еще вчера написанное Ваулиханом послание в торбочку на спине птицы и, присев на корточки около занимающегося разделкой туши спутника, похвалился:

– Я этим шаром на бечеве могу даже определить, голубь это или голубка.

– Покажи-ка, интересно.

– А вот, гляди, аркар Ваулихан, – держа в одной руке голубя, в другой маятник, словно ребенок, воскликнул аксакал, – коли медный шарик раскачивается от головы до хвоста, тобишь, вдоль тельца птицы, то это, стало быть, голубь, а ежели кругом пошел бы, знамо, голубка в руках у меня была бы.

– Ну-ка, дай-ка, я сам испытаю, – отирая руки о снег, попросил Ваулихан, – первый раз про такое слышу.

– Глянь, отец, и вправду голубь, – воскликнул сын Исатая, проделав то же, что ранее показал ему старец. Маятник мерно раскачивался вдоль тельца птицы.

Гаджи-Ата принял из рук молодого джигита голубя, поцеловал его в клюв и легонько подкинул.

Птица, захлопав крыльями, ушла столбом ввысь под облака и, выбрав направление, вскоре исчезла из виду.

– Высоклетная порода, иранская. У царей и султанов таких голубей нет, как у меня. Ни дождь, ни снег им не помеха, – вглядываясь из-под ладошки в голубое небо, похвастался своими питомцами вечный дед.

– А скопец не собьет? Не жалко, коли по дороге сокола встретит?

– Может и выбить. Но редко это случается. Ведь только на взлете или посадке сможет хищник такого голубя взять, в полете же не подняться соколу в высоту, на которой почтарь летит. Говорю же, иранские у меня голуби. Нет птиц лучше. Только в войске великого Александра такие были. Больших денег они стоили. Сам великий Ну ад-Дин за пару моих вестников просил когда-то целых две тысячи динариев, а он знал в птице толк. И почта голубиная налажена у него была лучше, чем в самой Александрии. Верил правитель в предание, что время, которое человек проводит, наблюдая полет птиц, не засчитывается в отмеренный ему срок жизни. Но не продал я ему ни одного из моих голубей. – Старец, чуток помолчал,

добавил: – Вот токмо морозов не переносят они, горячие шибко, чахотку могут подхватить при перелете от холодного воздуха. Тут не Египет и не Сирия, а Сибирь.

– Так ныне уж весна, уже не страшно, – отозвался Ваулихан.

Гаджи-Ата хлопнул по плечу младшего друга и, оглядевшись вокруг, поднялся:

– Пойду, хвороста для костра нарублю, ты уж косулю освежевать успел, а я заболтался, стемнеет ведь скоро. И майну в ручье пробить нужно, жыл кы²⁴¹ напоить да нам водицы набрать.

– Осторожно, отец, не провались, лед уже хрупок у берега, – предостерег старца Ваулихан.

Вскоре уже горел костерок, и в походном ермаке булькала шурпа. Путники же, расседлав и стреножив лошадей, привязав к их мордам торбы с овсом, мирно беседовали.

Быстро стемнело, и весенняя степь зажила обычной ночной жизнью.

Где-то потягивали вечно голодные корсаки, изредка доносился крик сойки, фыркали, побрякивая расстегнутыми удилами, стреноженные лошади. Высоко в небе с криком проплывали над путниками невидимые перелетные стаи журавлей и казарок.

– Воды нет еще, приземлиться им на ночлег некуда, вот и летят, горемыки, потому и жалются, – переворачивая палочкой прогоревший хворост, пожалел птиц старец.

– Так сидели бы они в теплых странах, что им нейметя, – рассмеялся Ваулихан, глядя в ночное небо.

– Не дано им жить на одном месте, и каждую весну возвращаются птицы в места, где на свет появились. Не испив талой водицы, не смогут они потомства дать, вот и тянет их, ошалевших на чужбине, на родные шальные воды, – вздохнул дед Гаджи и с тоскою в голосе прибавил: – А меня-то как тянет в родной Индостан, хоть бы еще разок краем ока увидеть милую родину. Испить водицы из священного Ганга.

– А ты почему царю Ну ад-Дину голубей не продал? – недоверчиво, зная жадность аксакала, поинтересовался Ваулихан, подавая пиалу с налитым чаем старцу. – Ведь сто динариев – это же великое состояние, а он давал в двадцать раз больше.

²⁴¹ Жыл кы – лошади.

– Тогда второй крестовый поход Папа снарядил. Не мог я помогать Ну ад-Дину. Не моя это война. Не мне менять ход событий. Иногда ведь одно послание, доставленное в срок, может изменить судьбы миров.

– А нынче, Гаджи-Ата, что тебя заставило идти со мной в даль далекую? Что не сиделось тебе у очага в теплой юрте?

– Прежде чем уйти в Индию, мне суждено обезопасить ее с Севера. Колыбель человеческую нужно беречь от людей жадных и алчных. Империи создаются и распадаются, а моя Индия вечна. И любая империя когда-то рухнет. Так случилось и с царством Великого Александра, и с державой Чингисхана, пали Византия и Рим. Падет и Османская империя.

– Значит, и урусы пришли в Сибирь ненадолго?

– Я тебе, сынок, не про народ, а про империю толкую. Народ раз пришел, то тут и останется. А вот любая империя рано или поздно рухнет, словно подгнившая в основании башня, как бы ее ни подпирали распорками и откосами. Порабощая народы и захватывая земли, невольны несут завоеватели знания, культуру и ремесла. Возрастает на захваченных землях своя опричная знать – когда-нибудь она сбросит опеку императора. Но чтоб освободиться от гнета, не нужно тратить силы и лить кровь, надобно ждать. А ждать я могу, мог ждать и князь Гостомysl. В мире не так уж много людей, которым дано свыше участвовать в строительстве и разрушении миров. Порой достаточно одного слова, буквы, чтоб направить бурную реку жизни в другое русло. Пройдет немало времени, и в армию британцев, которые порабощают мой народ, станут набирать воинов-индусов. Они-то, обучившись и постигнув грамоту ведения баталий, став сотниками, тысячниками, поднимут великое восстание. А чтобы родители отдавали своих детей в сипай²⁴², я и вернусь на родину предков. То будет мое слово.

Внезапно лошади, фыркнув, заржали. Из темноты послышалось ответное ржание.

Вскоре к месту стоянки подъехали всадники. Осадивши коней у костра, они, опустив пики, встали полукругом.

– И кто такая?

²⁴² Сипай – воин из лиц местного населения.

– К воеводе Тобольскому, – на чисто русском языке ответил Ваулихан, доставая свиток из-под полы тулупа, – вот охранная грамота от хана Есима.

– Ну, тогда собирайтесь, мы туды из дозору и ворочаемся. Токмо ружо от греха подай-ка сюды, – распорядился казак, который принял у Ваулихана грамоту, и, помолчав, недоверчиво добавил: – Не шибко-то вы и похожи на послов хана, без свиты и подарков, больше на голытьбу татарскую смахиваете. Ну, не нам решать. Наше дело ратное, покой в степи сторожить, да воеводам ублажить.

* * *

ПОЙМА ИРТЫША

Как и полагал Никита, связали его людишки дьяка его же маутом. На стойбище, кроме двух упряжек Паршука, Прохор и его люди ничего не отыскали. Хитрые остяки, только проведав о приближении царевых слуг, дали деру. Они испарились так быстро, что даже сам староста Паршук порадовался за расторопность сородичей.

– Ай, молодцы! Подгонять не надобно!

Медведь уже седмицу шел, чуть приотстав, высоким берегом. Выходя на лед, по которому двигался обоз, только в ночное время, он ожидал команды своего хозяина.

Никиту на остановках стражники ненадолго развязывали, чтоб старец по нужде сходил да перекусил немного.

– Я бы тебя и не в путах вез, да креста на тебе нет, сам виноват, ибо поклясться, что не убежишь, нечем тебе. А твое честное слово, мне, язычник, до одного месту, – ворчал Прохор, проверяя крепость узлов, останавливаясь на очередную ночевку.

– По пути нам пока, – усмехался в бороду Никитий, приговаривая: – Служба такая, понимаю. Вдруг убегу я, тогда спустят с вас, ярыг, шкуру в награду за труды ваши.

* * *

МАНГАЗЕЯ

Князь Алексей, обходя место, отведенное для стоянки его отряда, услышал гогот казаков.

– Не ходи туды, опять Антип про попов побасенки брешет, – тронул его за рукав шубы сотник Макар Савватеевич. Но молодой воевода уже подошел к кружку людей, расположившихся у костра.

– Таки вот, и стучится остяк в буран к батюшке в оконце, – травил Антип, не заметив подошедших воеводу и сотника. – «Дрова, батюшка, тебе нужны?!» – «Нет, не нужны! Ступай прочь, новокрещен, отсель. Ты меня козой одолел, теперича дровами докучаешь...»

Антип замолчал, разглядев в потемках начальство.

– А соль-то в чем байки? – присев у костра на корточки, улыбнулся воевода.

– А соль одна, Лексей Семенович: утром поп вышел, а дров-то и нет, – развел руки в стороны десятник, – сам же сказал, что дрова не нужны.

– Пороть тебя надо, богохульствуешь, – проворчал Макар Савватеевич.

Но его голос заглушил хохот казаков.

– Отдыхайте, служивые, отдыхайте, а на седмицу в путь тронемся, там уж не до басен будет, – вздохнул князь, поднимаясь, – идтить нам в страну вечного холода. Медведи, сказывают, и те белыми там ходют, выцвели, горемыки. Коней сдадите на постой, под присмотр, нечем кормить их ни в дороге, ни на волоке песчаном.

– С чего ж дома-то рубить будем? И как без коней быть?

– Упряжки найдем. Чумы шаман поможет поставить. С Божьей помощью лето выдюжим, а зимой, по льду, в обратный путь двинемся. На следующее же лето, там, на уже обжитом месте, печерский воевода со своими людьми встанет. Так по очереди волок мангазейский и станем стеречь.

– От кого стеречь-то? Тута один человек на сотню верст, как гость долгожданный, – отряхивая шубу, усмехнулся Антип.

– Государь, поди, умнее нас с тобой, десятник, – повысил голос Макар Савватеевич, – раз указ издал о запрете морем на Мангазею ходить. Видимо, не хочет Михаил Федорович иноземцев к прямому торгу допускать, все учтено должно быть, и доход для казны государевой тоже должон быть. Нас не даром на корм поставили на казенные денежки, знать, и служить надобно, где укажут. А мыслить государю нашему оставь право.

– Да вроде не конь арапский, с первого слова постигаю. Кто ж супротив воли царской-то тут... Все «за», как един. Правду я изрекаю, казаки?

– Истинно, истинно, – раздались недружные возгласы.

ГЛАВА Ю

АПРЕЛЬ. ХОЛМОГОРЫ

Казимир не подал виду, что узнал вошедшего в харчевню торговца матрешками и свистульками. Сидя за столом с Мартыном и потягивая из крынок мед, он одним глазом неотрывно следил за наконец-то объявившимся долгожданным связным пана Сапеги.

Мартын, приняв уже изрядно на грудь, опустил свою косматую голову на могучие кулаки. Пан Казимир толкнул его в бок:

– Давай-ка выпьем.

Но мореход, глянув на знаконца мутными очами, тихонько, бочком, завалился на лавку и, будто дите малое, подтянул к животу ножки, согнутые в коленках. Поляк нагнулся над сотрапезником и подоткнул ему под голову шапку.

– Эй, человек! Подь сюды! – крикнул ряженный стрелец коробейнику, что ходил между столами, тщетно пытаясь сбить пьяным посетителям свои рукоделия.

– Доброго здравия Вам, пан вельможный, – присев рядом, одними губами прошептал посланец.

– Козьма, просто Козьма, – торкнув по столешнице кулаком, изображая пьяного, представился пан.

– Доброго Вам здравия, пан Козьма, – еще раз прошептал торгош, оглянувшись по сторонам.

– Дурак, – вздохнул Казимир, наливая в крынку Мартына меда, – на-кошь, отведай. И не зови меня паном, я просто Козьма. Уразумел?

– Слушаюсь, пан... – согласился коробейник и тут же осекся. – Хорошо, Козьма, как повелишь, таковому и быть, – и, еще раз оглянувшись, расставляя перед Казимиром матрешки, продолжил: – Передали Вам, чтоб устроили бунт самоедов на песчаном волоке, да такой дерзкий, от которого ушли бы москали с речки Мутной. Ибо не будет нам, чужестранцам, прибыли в Сибири, коли путь морем перекроют в Мангазею. По суше-то кругом уж таможенные посты, приказы да Строгановские заслоны.

– Так и Мангазея лопнет, как пузырь мыльный, ведь она на торговле с Европией токмо и держится, – усмехнулся Козьма-Казимир, искоса глянув на спящего Мартына, – начнут обдирать торговый люд, и побежит он, а без него и русские уйдут с мерзлой земли. А нам после реками Сибири и на Китай дорога свободна, и на Индию открыта станет. Любой корвет может по Оби и Иртышу вглубь неизведанных земель зайти со стороны студеного моря. А уж коли по далекой Ионесси пройти сможем, то до золотых гор точно дойти можно, тунгусы их Алын Таем кличут. Злато, бают, там ногами собирают, ровно как грибы в лесу.

– Наказали вам после учиненного бунта самоедов убыть в Речь Посполитую. И немедля.

– Пошто так скоро? – усмехнулся пан. – Наверно, король Сигизмунд считает, что у меня, как у китайской кошки, семь жизней отмерено, и я могу еще десятка два годиков в Сибири пробыть? Кабы не мирополит Филарет, так и обо мне не вспомнили.

– Его величество собирается отпустить Федора, отца государя Михаила. А Вас он в лицо знает и не забудет того, кто ему плен учинил своими кознями.

– Что с жалованием? Слышал ли? – перебил собеседника Казимир.

– Еще велено было передать, что за семь лет вам выплачено будет с казны его величества, и за год – от Владислава. Также пан Сапега желает вам устроить выгодную партию: невеста просто красавица, и приданое – замок под Вильно.

– Неужто панове Шимчинские мне в сваты набиваются? – улыбнулся шляхтич.

– Они самые. Осиротели ныне. Сам пан Юзев в море погиб, когда послom шел к крымскому хану, а сыновей им Бог не дал. Вот и просили они милости его величества, – кивнул коробейник и продолжил: – Меня, пан Козьма, зови Никишкой, когда понадобится, стригунка, сына боярыни, пришли в посад, он меня знает. Емелька часто забегает матрешек поглядеть.

– Знаешь сынка боярыни?

– А как же. Когда идет гнезда зорить по берегу, всегда забегает матрешек поглядеть. А я не прогоняю.

– Пошто сразу меня не нашел?

– Ждал, когда поправишься.

– Гляди чтоб не стащил у тебя товар, ушлый он больно, не по своим годам дерзок, – рассмеялся Казимир, – он мою трость взял, я и моргнуть не успел, как сей шельмец рукоятку отвернул да шпагу вынул, и ну тыкать ею в печь, – шляхтич с этими словами повернул рукоять тросточки и на полдьюма приподнял ее, обнажив начало клинка.

– Эко ловко придумано. Кто ж умелец-то?

– Вон, что на лавке спит. Мартын смастерил по моей просьбе.

Помор, то ли услышав свое имя, то ли от неудобства, закричал и попробовал приподняться. Но промахнувшись рукой, попытаться опереться о столешницу, рухнул с лавки под стол.

– Все, я пошел. В матрешке гроши от пана Сапеги, – оставляя одну пузатую куклу Казимиру, скороговоркой прошептал коробейник Никишка.

– Ступай, – подавая полушку коробейнику, наказал напоследок шляхтич, – коли понадобишься, Емельку пришлю. А покамест людишек шальных подбери с дюжину да кафтаны им стрелецкие закажи пошить. Чтоб супротив государевых слуг самоедь поднять, тут уловка нужна. Ряжеными озлобить тамошний народец надобно.

* * *

СЕРЕДИНА ИЮНЯ. РЕКА ТАЗ

Ваня неслышно спустился к берегу, где Мамарка, укладывая вещи в челнок, напевал песню:

– Лодка мой, весла мой, я гребу к себе домой.

Рано пташечка запела, кабы кошечка не съела, – усмехнулся Иван.

Мамар, ополоснув руки за бортом, вздохнул, опустившись на лавку в челноке. – Поздно петь. Зря пошел в поход, ох зря. Духи говорят, плохая дорога выпадет нам. Много зла и ненастий окружает наш путь. А за молодым воеводой опричная черная тень стелется, не как у других. Быть беде, Ванюшка.

– А мы с тобой на что? Нам-то и надобно помочь князю лето в дозоре отстоять. Да опосля живыми и здоровыми с ним вернуться и людей назад всех привести. Тогда и почет, и уважение, и милость государя.

– Ладно одно – то, что князь в Мангазее жену с сыном оставляет, хоть мальчика не мотать по тундре, – кивнул на стены острога молодой шаман, – за такими стенами отсидаются, вон облом как выпирает, где ж самоедам лестницы такие подобрать, чтоб на штурм идти.

– Итак, кое-как упростили мы Полину. Токмо ведь и осталась из-за того, что за матушкой уход надобен. Ведь совсем она состарилась, впрочем, как и тетюшка Рамиля.

– Да, Ваня, как отец Угор ушел в страну духов, и моя матушка шибко сдала, – согласился Мамар, – это хорошо, что наши матери вместе держатся.

– Нам тоже вкупе держаться надобно, как отцы наши, друг за дружку стоять, – присев рядышком на лавку и обняв товарища, ласково молвил Иван.

Вогул, чуть смутившись от проявленной нежности старшего товарища, перевел разговор на другую тему:

– Подскажи-ка ты, Иван Сотников, воеводе нашему, чтоб распорядился он загодя рукояти у всех греблей по нову стругнуть. Ведьм всю негожую утварь, что в амбарах гнила да пылилась, купцы нам подсунули. Сотрут казаки руки до крови в перший же день. Да смоляных веревок пусть велит поболее в каждый струг положить, конопатить борта в дороге придется. Доски-то, не просушенные толком, рассохнутся, течь дадут струги, – ковырнув ногтем занозу в борту, посоветовал Мамар другу.

Иван, понизив голос, перебил шамана:

– Вчера в приказе допрашивали вогулича, который пытался поджечь амбар с пушной казной. Зачем это ему, а, Мамар? Ты же был при допросе толмачом у воевод, расскажи.

– Пытали его, однако. Шибко пытали. От боли чуть не двинулся он рассудком. Кричал на дыбе, что белая кызымка его послала. На юрт его напали стрельцы, всех побили, даже баб и деток малых не пощадили, а его к белой кызымке привели. Дала ведьма ему пшалу отпить, и опомнился он токмо тогда, когда его у амбара взяли с трутом и огнивом. Даже как на обласке море переплыл, не помнит. Вот так заколдовала его ведьма.

Иван тронул друга за плечо, вспоминая:

– И Полинке привиделась Яга, что от наших стрельцов ушла у Поснокорта, когда ватагу ее споймал князь Алексей. Может, ворожея наша вновь объявилась?

– Большой бунт назревает в тундре, – вздохнул Мамар, поднимаясь, – а это в той самой стороне, Ванюша, куды мы путь с тобой держим. У воевод-то власти токмо того, токмо по острожкам, а за китаем уже своя жизнь кипит. А коли самоеды поднимутся супротив воевод, худо и черному люду придется. Окружат острожки, не стрелами, так измором возьмут. Своих припасов-то в крепостях мало, а других не будет. Вспомни Тобольск, как там, в осаде стрельцы с казаками ворон за милую душу уплетали да ремни и уздечки пареные глодали. Так там Кучум был, узбек. А ежели местный люд озлобится? Ни в коем разе такого допустить нельзя. И сдастся мне, Ваня, что не стрельцы это были, а лихие люди, так как никаких грамот об усмирении самоеди в приказ не поступало нынешним годом. Да и сам государь указал, чтоб подъясачному люду зла не чинить, а решать их тяжбы и споры с пользой и полюбовно.

Туман, стелившийся по речной глади, стал заметно таять. Поднявшийся легкий утренний ветерок, ворвавшись в молочную морось, обнажил прогалы, сквозь которые пробились лучи солнечного света. Наступал новый полярный день, полный забот и хлопот.

Иван поинтересовался у молодого шамана:

– Ты пошто солонины на нас не взял?

– Гнилая она, вот и не взял, и Антипу Серьге, и Макару Савватеевичу присоветовал солью и мукой взять пай на стрельцов и казаков.

– Знаю. Купцы уж и до Алексея Семеновича приходили, чалились, ублажали его. Возьми солонину, якобы оболгал нас шаман. Тобя в шайтанстве обвиняли. Только вот от ворот поворот получили. Вытолкали их Антип в шею.

– А то как же им камень за пазухой на меня не доржать? Я ведь торговцам убыток принес. Гнилую солонину, что уксусом отмочили и вновь просолили, я понюхал и этот уксус учуял да смекнул. А они в том колдовство и шайтанство узрели, – рассмеялся Мамарка, блеснув желтизной зубов в предрассветном тумане.

Достав бубен, Мамар перевернул его тыльной стороной. Вода пальцем по синим линиям, пояснил другу:

– Вот тут, Ваня, волок песчаный. Там князь со своими людьми встанет. А это река Мутная, она поперек земли идет, от моря до моря. По нему и проходят струги в море Мангазейское. Округ Конца Земли морским путем даже летом не пройдешь, там льды сплошные. Потому государь и указал тут заслону быть. А вот место, где якобы стрельцы юрты разорили. И одна у них дорога теперь к озеру, через которое речка Мутная протекает. Надобно упредить шайку, а самоедь супротив лиходеев поднять. Тогда и воеводе будет легче. Ты бы, Ваня, у воевод вогулича, что в подклети сидит, выпросил. Он все тропки знает. Поручись за него.

– А коли сбежит?

– Я его вокруг березы заставлю трижды пройти и трижды клятву дать. Не посмеет он такой обет нарушить.

– Кабы все так исполняли обещанное, какая же блажь тогда наступила бы среди людей, – усмехнулся Ванюша, поражаясь наивным, но крепким обычаям севера, – обошел березу трижды, и живи честно, не шельмууй.

* * *

ТОБОЛЬСК

Никиту втолкнули в подклеть.

– Развяжите хоть, ироды. Руки ведь затекли, – попросил он.

– Таперь мы тебе не хозяева, доложим, развяжут, коль соизволят прислушаться к нашим словам. Прощевай, язычник, – усмехнулся Прохор, закрывая дверцу.

– Тьпу, живоглоты, даже по нужде не дали справиться, – присаживаясь на тюк сена, попавшийся под ноги, проворчал Никитий.

– Сейчас развяжу я тебя, дядька Никита, обожди, пущай твои стражи уйдут, – раздалось из темноты подклети.

– Кто ты, добрый человек? Откель имя мое тебе ведомо?

– Ваулихан я. Друг Ванюшки.

– А как в темнице оказался? Ведь знамо мне, что послом ты у хана Есима пребывал.

– Дозорные навет на нас навели, что в поле нас повстречали. Перстни с рук да серебро с халатов, поснимали, и закрыли в зиндан²⁴³. Оговорили нас перед воеводой, будто разведчики мы хана Алея. Уже три седмицы тут сидим на воде и мякине.

– А с тобой кто? – поглаживая развязанные запястья, поинтересовался волхв.

– Это я, Гаджи.

– Гляди-ка, вот ведь оказия какая, однако, в темнице нам встретиться пристало, другого места не нашли, – улыбнулся в темноте Никита, – слыхивал, слыхивал я о тебе, дед Гаджи, еще от вешего князя Гостомысла слыхивал. Токмо место для встречи негоднее нами ныне выбрано. Да и времени для лобзаний не осталось. Завтра вывезут вас на Иртыш и утопят. Как говорится, и концы в воду. Потерялись в пути послы, да и спросу нет. Я от стражников слышал, но не думал, что про вас они разговор ведут.

– А какой воеводе прок от гибели нашей? – удивленно и растерянно вымолвил Ваулихан.

– С мурзой Алеем рассорить хана Есима. Пока ханы грызутся, воеводе покойней как-то. Пустят слух, что в степи пропали, а там Алей хозяйничает, с него и спрос. Вот и прок весь. Не зря Гостомysl велел мне в Тобольск идтить, поспел я вовремя. Давайте-ка мыслить, как нам побег устроить, утром, зрю, поздно будет.

Вечером того же дня служивый, стороживший узников, услышал жалобный голос Никития:

– Слышь, человек, купи у нехристя шарик медный на цепке. Поменяешь на что-нибудь. Ему все равно уж не пригодится. А нам хлебушка немножко, авось и сторгуемся.

Дьяков служка, отряхнув полы тулупа от ореховой шелухи, открыл засов.

Перед ним медленно вращался шарик. Описывая круги, он парализовал волю охранника, и тот, шаркнув варежкой по дверному косяку, медленно опустился на пол.

²⁴³ Зиндан (перевод с персидского) – Тюрьма. Зина – преступление, дан – помещение.

– Забирайте вещи и выходите к калитке, там остяк Паршук в нартах спит, я вас догоню, – распорядился Никита и, обращаясь к загнипнотизированному стражнику, ласково спросил: – Как величать тебя, малый?

– Семка я.

– Любишь ли ты, Семка, на огонь созерцать?

– Да. В отрочестве пал в Москве пускал по указу князя Шемяки. Полста домов тогда сгорело, а меня тогда не сыскали, за меня ворожею-княжну на костре сожгли, – шмыгнул, как ребенок, носом охранник.

– Вот и ныне, Сема. Я тебя сейчас в подклеть закрою, а ты от лучины сенцо-то и подпали. Вот знатно будет.

С этими словами Никита провел в дверной проем клетки служку, подал в руки мерцающую в горшочке лучинку и затворил за ним дверь на засов.

За дверью запахло горелым и раздался счастливый смех:

– Гори-гори ясно, дабы не погасло...

ГЛАВА II

ЯМАЛ

Казимир оглядел разоренное его людьми стойбище. Тати, наряженные в стрелецкие кафтаны, бродили между пострелянных и порубленных тел, снимая со своих жертв ожерелья, золотые обереги и другие украшения. Всюду стоял треск отрываемых от одежды меховых воротников и оторочек.

Один из разбойных людишек Казимира спустился в овражек, нагнулся над лежащим ничком телом шамана.

Присев на корточки, разбойник за рукав подтянул кисть, на безымянном персте которой серебряным отливом мерцало кольцо.

Оглянувшись вокруг и поняв, что за ним никто не наблюдает, он вывернул руку шамана так, чтобы тесаком перерубить запястье, но неожиданно почувствовал резкий удар и хруст своей же разрезаемой плоти.

Это костяной нож вонзился ему в грудь. Глаза шамана, полные ненависти, заискрились детской радостью:

– Се, урус? Колеско моя шибко понравилса? Иди в страну духов, тама много колеска. Тама холосо. А мне твоя кафтана тута нада.
– С этими словами шаман перевернул обвисшее тело, снимая шапку и кафтан с убитого.

– Мне в самая раза, как по мне сосыта, молодеса стрельца, – с этими словами колдун, еще раз ехидно улыбнувшись, вырвал

жертвенный нож из груди остывающего лиходея, отер его о рубаху и, встав спиной к стойбищу, медленно, чтобы не привлекать резкими движениями к себе внимания, подошел к стоящему невдалеке оленю.

– Ну, посол, посол, – взобравшись верхом, шепнул животному на ухо колдун, ткнув его пятками в бока.

– Уходит, уходит! – закричал вездесущий Емелька, теребя полу Казимировского кафтана.

Но шляхтич резко привлек мальчишку к себе и, зажав рот ладонью, цыкнул:

– Тише ты. Пущай бежит шаман. Должен же кой-то ужас навести и самоедь к бунту подбить.

– Он же убил... – дергался в жестких объятиях подросток, – пусти, пусти...

* * *

ТОБОЛЬСК

– Дед Гаджи, ты куда пропал? – стал было Никита ругаться на старика, который, убежав в темноту, долго не возвращался.

– Свою торбу и клеть с голубями искал в приказе, как я без них?

– Себя спасти надобно, а ты о птице печешься!

– Нельзя. Прилетит птица без весточки к хану, повелитель подумает, что с нами худо случилось. Хан знает, что мы у урусов. Быть беде, если голуби хат²⁴⁴ не пришлют. Мир и так хрупок, чтоб его искушать.

Беглецы, усевшись в нарты двух упряжек, скрипя полозьями по пристывшей за ночь грязи, спустились к береговой черте.

– Оленей жалко, не успел продать, – вздохнул Паршук, распрягая и отпуская животных.

– Да брось ты сбруи, прыгай в будару, отчаливаем, – поторопил друга Никита.

– Нельзя, Никита, нельзя, по упряжи найдут, чьи олешки. У дьяков ведьм теперича и остяки в служках пребывают. Они и определят, чьи олени.

²⁴⁴ Хат – письмо.

Между крыш замерцало зарево. Завыли собаки, и заревела подворная скотина.

Не успел остяк перекинуть за борт вторую ногу, как Никита налег на весла.

– Воды!!! Воды!!! Бадьи подай!!! – донеслись крики в верхнем посаде.

Стремительные паводковые воды Иртыша подхватили бударку и легко понесли ее вниз по течению.

Вскоре утренний туман поглотил беглецов, окутав их и схоронив в своей липкой мокрице.

* * *

РЕКА ТАЗ

Мамар, сидя на корме у правы, каждый час наносил зарубки на корме.

– Ты пошто борт колупаешь? – усмехнулся Ваня, заметив странные действия товарища.

– По солнцу и тени зарубки ставлю. Ныне мы по реке на север идем, тут не заплутаем. А вот коли от лодок отстанем или волной разбросает, то надобно нам, Ваня, самим на закат путь держать. Вот и ставлю зарубы, где солнце стоит в полдень, вечером и утром. В Мангазейском море пригодится, там берегов не видать, без зарубок заплутать можно, – убирая нож в ножны, пояснил вогул.

– Не заплутаюте, я дорогу знаю. По волне и ветру даже в туман выведу кудой надобно, – подал голос самоед, которого Иван взял на поруки у воеводы.

* * *

Казимир, нервно теребя пояс, прохаживался вдоль берега. Он искал выход из сложившейся ситуации. Мартын, который на своем ушкуе доставил его к берегам Конца Земли, отказался принять на борт разбойников.

Поздно разгадал шляхтич задумку архангельского дьяка, догадавшись о каверзе лишь сойдя на берег Ямала. Смекнул, что и Мартын объявился в друзьях у него неспроста, и людишек шальных при осмотре и отправке ушкуя никто не снял с судна, хотя многие

за розыском числились. Всех татей, шальных да бродяжных, сплавил из Холмогорского острожка хитрые воеводы. Летом ведь каждый лишний рот в обузу. А тут, удача какая, сразу от двух десятка лиходеев избавиться, отправив их на верную смерть. Ведь летом, в болотной тундре, одна и есть им погибель. Ежели друг друга не пожрут, то самоедь добьет. Вот такой и был хитрый расчет дьяка.

Только не разгадал его вовремя Казимир. И теперь нервно ходил он туда-сюда вдоль берега, гадая, как бы выкрутиться из создавшегося положения.

Мартын согласился взять только боярыню с сыном, и то предупредил, что будет пребывать она в тесном содержании весь обратный путь, и сдаст он ее в приказ для ведения дознания.

Шляхтич присел на нарты, заваленные теперь уже никчемным добром. Паруса уходящего на восток ушкуя таяли в морской дымке, как таял и призрачный замок Шимчинских под Вильно, молодая невеста и злотые, заработанные многолетним трудом у короля Сигизмунда.

– Пся крев! – выругался Козьма, ткнув тростью в мох, и распорядился: – Никишка, подь сюда, побалакать нужно.

ГЛАВА 12

ИРТЫШ

— Ну что, Гаджи-Ата? Доставай-ка из сумы свои баурсаки. Дастархан накрывать по случаю чудного спасения будем. Теперича, уж ежели и уразумеют, кто в приказе сгорел, то уж нас точно не догонят, далеко ушли, — толкнул сидящего к нему спиной аксакала Никита и, поднявшись, развернув парус, добавил: — Ветерок-то южный подул, нам в помощь.

— Баурсак жок²⁴⁵. Все, что было, стража поела, — грустно рассмеялся старец, показав беззубый рот.

— Жок, говоришь? — улыбнулся Никитий. — А я вот про жок слыхивал басен одну. Казак у степняка спрашивает: «У тебя теща есть?», а тот отвечает: «Жок». Казак потрепал ус и обрадованно как завопит: «Так я тожа свою сжог!».

Подождав, когда друзья вдоволь насмеются, волхв толкнул остяка в спину.

— Паршук!

— Ась?

— Складай гребли, я за потесь²⁴⁶ сяду.

Уставший Паршук, не дожидаясь второго указа ведуна, сложил весла вдоль кормы будары. Вытер пот и, осмотревшись, воскликнул:

²⁴⁵ Жок — нет.

²⁴⁶ Потесь — рулевое весло.

– Ого, отмахал я ныне!!! Мы ж почти до Демьян-реки дошли!

– Что за Демьян-река? – прищурившись на солнце, поинтересовался Ваулихан.

– В честь князьца Демьяна она названа, ох и лют он был к урусам. Никак не хотел царю поклоняться. Долго воевал. Но ушел он с земли своей, а речка Демьянкой казаками стала прозываться, в честь непокорно остяцкого князя, – пояснил Паршук и, рассматривая вздувшиеся на ладони волдыри, продолжил: – Но иногда князь оборачивается в огромного медведя и приходит навестить свои угоды. Забирается на высокий утес и, встав на задние лапы, рычит на всю округу: «Ры-ры-ры! Заломаю!». Тогда ужас берет всех пришлых урусов.

– Только ли урусов? Иль еще кого? Скажем, тебя? – рассмеялся Никита, перебив хвастливого друга.

– Нет, меня страх никогда не берет, я не верю в эти байки. Человек в медведя не превращается. Так батюшка сказывал, что крестил нас той весной. Шайтанство – это колдовство и безбожие, – гордо проговорил рыбоед и вдруг, выпучив от страха глаза, полез под лавку. – Князь Демьян, пощади!!! – донеслось оттуда.

На мысу стоял на двух лапах огромный медведь и, раскачиваясь из стороны в сторону, рычал на всю округу.

– Ры-ры-ры!

Остальные путники, находясь под влиянием рассказанной былины, онемели от увиденной картины, и только Никитий, усмехнувшись, пнул под зад остяка.

– Будя тебе честной народ дурачить. Хвонка это, не признал, что ли? Вишь, как радуется.

– Тошно не Демьян? – недоверчиво спросил Паршук, высовывая нос из-под лавки.

– Вылезай, Аника-воин, не князь это, – рассмеялся ведун и пояснил Ваулихану: – Хвонка – медведь смысленый, он подлую душу за три версты чует. Не показался бы он на люди, коли с нами человек с черной душой прибывает в бударе.

– А знаешь ли, Никита, еще способы, как проверить душу человека? – шамкнул беззубым ртом индус, встряв в разговор.

– Ведаю, ведаю, Гаджи-Ата. Три способа для того еще есть, – управляя потесью, отозвался Никитий, – ребенок на руки не пойдет, кошка гладить не дастся, и собака хвост подожмет.

Вновь с берега раздался рев медведя.

– Это он, поди, оленя поймал. Нас к трапезе приглашает, – заворачивая баркас к берегу, догадался ведун.

* * *

КОНЕЦ ЗЕМЛИ

– Говори, Козьма, что делать нам теперича? – подал голос один из татей, что собрались вокруг своего предводителя.

Казимир толкнул ногой часть добычи и заскочил на нарты. Оглядев своих подопечных, опершись на трость двумя руками, властно произнес:

– Надобно нам, друже, по речке Мутной на восход идтить. По ту сторону мерзлой земли есть море Мангазейское, в него Обь впадает. Как выйдем, надобно супротив течения подниматься к Тобольску. Это единственный путь, чтоб выжить. На стойбище я насчитал семь обласков, на них по трое, и будем подниматься к озерам и волоку.

Народ молчал.

Казимир оглядел публику и язвительно добавил:

– Или кто другой путь ведает?

– Там же острожок и стрельцы?

– Нет там стрельцов. А вот пока тут лясы точим, точно пойдут из Мангазеи. Поспешать нам надобно. Князь Кольцов, что назначен стеречь проход, хоть и молод, но дюже смекалист. Да и в помощниках у него люди битые, не лыком шиты. Порешат всех, ежели поперед нас на волок придут. А мимо них никак не пройти, топи да болота кругом.

– Бывал я на волоке и на заставе той. Вал тамака невысокий, но плети из прутьев глиной набиты, их и ядром не пробить. Куды нам с сабельками да пищалями? Коль на приступ идти, побьют всех из-за вала, – раздался голос одного из лиходеев, который, выйдя вперед, обернулся к братии: – Дохлый это помысел, надобно берегом на юг уходить и через Собскую заставу²⁴⁷ на Дон пробираться. Кто со мной? Отходь в сторону!

Несколько человек отошло в сторонку:

– Ты уж не суди, Козьма. Крест тебе не целовали. Потому и вольны мы сами за себя решать.

²⁴⁷

Собская застава – царская таможня на реке Сось.

– Берите оленей – и в добрый путь, неволить не буду. Да и нам в обласках попросторнее будет. Верно глаголю, друже? – согласился Козьма, обращаясь к остальным.

– И то верно. Лишний рот – пузу обуза! – подхватил Никишка, но, как бы осекшись, спросил: – А добычу как делить будем?

Лиходеи разом замолкли.

– А как разделить, да чтоб миром разойтись? Так не бывает!

Многие непроизвольно положили свои руки на рукоятки сабель и тесаков.

* * *

МОРЕ МАНГАЗЕЙСКОЕ

Молодой шаман оказался прав. Не обращая внимания на усмешки друга, он все-таки нанес зарубки на борту.

Ведь только струги вышли на открытое пространство, их сразу же встретил колючий северный ветер. Туман, ключьями повисший над водой, временами сводил видимость к нулю. И чтоб не столкнуться, кормчие отвели свои корабли на безопасные расстояния. Вскоре путники потеряли из виду флот князя. Скрылся за спиной из виду и восточный берег.

Но Мамар, не обращая внимания на замешательство своих попутчиков, уверенно пользуясь самодельными солнечными часами, повел челнок к еще невидимому западному берегу.

– Лодка мой, парус мой, я плыву себе водой, – раздалась заунывная песня с кормы, вселяя надежду друзьям-попутчикам...

– Тобя как звать-величать? – поинтересовался Ваня у самоеда.

– Тухта меня кличут. Так и зови, боялин.

– Какой же я тебе боярин? Вольный человек я естъм. Иваном меня люди добрые величают, так и ты зови.

– Как не боялина? Сестра боялышня, шурин князь, а ты вольная человека? Так не бывает. Знамо, и ты боялин-князь.

– Вот те на! Ужо и князем стал! – крикнул с кормы Мамар и, рассмеявшись, добавил: – На том берегу государем уж будешь.

Тухта обернулся к шаману и, перестав улыбаться, сказал:

– Народ злой, очень злой. Селькуп злой, вогул злой, ненец злой, туго князю Алексею и его людям пристанет. Идти по

стойбищам надобно нам, говорить, что народец били не государевы люди, а тати ряженые.

– Вот для этого тебя из пыточной избы и взяли, сметливый ты наш, – похлопал по спине самоеда Ванюшка.

В борт ударила набежавшая волна, окатив путников бисером брызг.

– Сейчас на гребень выйду, и по нему, как по тропке, пойдем, – фыркнул, утираясь от брызг, Мамар и, навалившись на потесь, действительно поймал гребень волны.

Ветерок еще пуще наполнил парус, и легким ходом, скрипя и кренясь в разные стороны, челнок устремился к невидимому в тумане западному берегу Мангазейского моря.

* * *

КАРСКОЕ МОРЕ

Мартын спустился в трюм коча и, открыв запор, протиснулся в низкую дверцу продуктового помещения, где находилась Яна с сыном.

– Ну, что? Как устроилась?

– С Божьей помощью.

– Тебе велено передать, чтоб, когда на берег сойдем, в приказе не появлялась. Забирай дите и пожитки да поезжай с миром на посад, в избу, где и проживала. А за то, что помогла всех лиходеев из Холмогор сплавить, особая тебе благодарность от поморов. Сгинут оне теперича в тундре, без бузы и отпевания, – усмехнулся в усы помор и, присев на ларь, продолжил: – Мы ведь их долгие годы выслеживали, а они, глядь, сами по трапу, как крысы на приманку, в западню заскочили.

– Тебе-то, Мартын, какой прок от содеянного? – отозвалась Яна, жеманно поправив волосы. – Ладно дьяку, у него служба такая, а твоя гребта в чем?

– Хочешь верь, хош нет, – поерзав на сундуке, поделился своей тайной мореход. – Пригрелся мне старец дивный. Ровно в ночь на Ивана Молчальника и явился. Кругом буря воет, света не видать, а он в дверь вошел в белой льняной рубахе до пола и, не обогрившись у печи, подошел к лавке, где спал я. «Здрав будь, Мартынушка. Помнишь ли меня?» – «Помню, отче, – молвил я во сне, – ты меня

из урмана вывел, когда я отроком в лесу заплутал и чуть с голоду не помер».

Мартын взглянул на Яну, боясь увидеть искорку усмешки. Но женщина, вместо привычной иронии, прикрыв уста ладошкой, испуганно прошептала:

– А дальше-то что? Сказывай, Мартын! Неуж и про меня с сыном толк был со старцем?

– Велел старец беречь отрока твоего, как зеницу ока, – кивнул помор на Емельку, который, поджав ноги, прижался к матери. – А татей и голодранцев вместе с Козьмой на земле студеной оставить, – проговорил Мартын и уставился в пол. Было слышно, как шумит вода за бортом, скрипит мачта, хлопает наверху парус.

Яна молчала, ждала, когда лопарь продолжит свой рассказ.

Мартын встал и, протиснувшись в двери, не оборачиваясь, громко предложил:

– Коле со мной жить будешь, дьяк не тронет. Отмолил я тебя у него. Так что думай: или на дыбу, иль под венец.

– Не велик выбор, – ехидно усмехнулась ворожея, когда дверь за Мартыном закрылась, и, потрепав по космам сына, прижавшись щекой к его вихрастой голове, спросила: – А ты что скажешь, сын боярский?

– Сама ведаешь, как быть, – шмыгнул носом подросток, – но ежели бить Мартын тебя будет, зарежу.

– Защита ты моя, – притянув к себе Емельку, облегченно вздохнула Яна, приняв решение. – Лютеранской он веры, оне баб не колотят.

ГЛАВА 13

ИРТЫШ-РЕКА

Паршук, спрыгнув на берег, втащил нос будары на сушу. С опаской поглядывая на стоящего неподалеку медведя, он привязал к огромной коряге конец плетеной бечевы и объявил:

– Бивак березай, кому надо вылезай!

Не дожидаясь остальных, он, на ходу развязывая тесемки у штанов, посеменял за корягу.

– Ступай, ступай, и не дрейфь, не укусит, – подтолкнул Никита в спину Ваулихана, который, опасаясь зверя, не решался высадиться на сушу.

Соседши на берег последним, Никитий потрепал подошедшего к нему любимца по загривку.

– Не оленя он задрал. Рой Хвонка нашел. Вон, глядь, Гаджи, вся шерсть у него забита полусонными пчелами.

Индус с опаской подошел, оглядел космы на загривке косолапого и, рассыпав по ладони собранных насекомых, задумчиво произнес:

– Наверное, замерзли. Но мы можем узнать, что с ними случилось, только если остался мед. Мед расскажет.

– Сейчас схожу, гляну, – кивнул Никитий и, шлепнув медведя по холке, приказал: – Ну-ка, веди меня, разбойник, до дупла.

Паршук стаскал валежник, индус развел огонь и, закрепив камнями над пламенем костерка свой походный ермак, бросил жменю сушеных листьев в закипающую воду.

– Бул шай.

Покопавшись в торбе и достав узелочек, высыпал его содержимое в кипяток.

– Бул пияз, – вновь разъяснил он остяку, который с любопытством рассматривал плавающую поверх воды желтую стружку.

Ваулихан, видя, что остяк не совсем понимает индуса, перевел:

– Это чай. Напиток богов. А это, что поверху плавает, сушеный лук-пияз. Нужно пить, чтоб животами не расхвораться после зиндана. Шай, кайнаган²⁴⁸, пияз, шибко пользительный напиток. За корягу больше бегать не надобно. Пей, полегчает.

– У нас в Сибири шелуху от кедровых орешков или черемуху сушеную заваривают от поноса, – сообразив, для чего бросил сушеный лук в кипяток индус, смутившись, усмехнулся Паршук.

– А у нас пияз, – вздохнул индус, с тоской посмотрев в сторону юга. – У вас тут даже пчелы мрут, плохая это примета. Домой хочу.

– Какая это примета, подох рой, да и весь сказ, – усмехнулся остяк, принимая из рук Ваулихана котелок с чаем.

– Э... Кымбат²⁴⁹, не скажи, пчелы просто так не умирают. У них все ладо́ м устроено в жизни, – возразил Гаджи-Ата, – читал я древние руны, сказывалось в них, что, когда исчезнет последняя пчела, исчезнут и люди. Весь мир рухнет, поскольку пчелы есть стена, которая стоит между нашим миром и царством духов. Охраняют они вход в мир мертвых, не выпуская души обратно. Недаром мед – одно из самых целебных снадобий. Потому как свойства его граничат с живым и неживым.

– Как сказ про мертвую и живую воду? Слыхивал я от Ванюши такую байку, – передавая по кругу котелок с горячим чаем, кивнул Паршук.

– Будь по-твоему. Как про мертвую и живую водицу. Ведь мед ставили рядом с ушедшими в другой мир фараонами, чтобы, когда попадут они в мир мертвых, было что испить и вселить их души в новые тела. Мед в кувшине никогда не портится. Хоть сто веков простоит – каким был, таким и останется. А еще он сохраняет имя

²⁴⁸ Кайнаган – кипяток.

²⁴⁹ Кымбат – дорогой.

усопшего, чтоб он его не забыл. Память имеет. Ежели же немного меда пролить на китайское блюдце или пиалу и перемешать с добавленной водицей, то лужица превратится в соты – вот такая память у меда. А коли расплавленный воск над главой хворого отрока вылить в чашу с водой, то враз покажется тот, кто испуг или порчу навел.

– Помню, помню, – качнул в знак согласия головой Ваулихан, – меня так бабушка отливала, когда гусь напугал. Вылила над головой воск в воду, там гусь и вылился. Поломала на кусочки, пошептала, да в огонь кинула. Я и плакать ночами перестал.

Вернулся Никитий. Присел к костру.

– Меда совсем нет, только комок и нашел, – протянул он индусу маленький кусочек высохших сот, пояснив: – Видимо, старую матку молодая царица выгнала осенью, пчелы дупло-то нашли в гнилушке, а вот запасы в зиму не успели сделать. Вот и вымерли. Закон такой у них – старых выгонять. Немощен стал, зачем кормить? Вот и ушли из роя изгой со своей государыней, – усмехнулся в усы Никита и добавил: – Так же как и у людей ныне – старый царь надоел, давай нового! А новый-то самодержец еще хуже может стать. Тогда давай еще новей!!! Меняем государей, как колгабышки²⁵⁰, а жизнь-то все хуже и хуже. Вроде объявится царь народный, пойдут за ним люди, но токмо на престол зайдет, эдак и забыл свои обеты. А трутни, подобно Севастьяну, вокруг господаря так и вьются, так и мельтешат, все нороят присоветовать, как пчелу рабочую оброком пошибче обложить. Тьпу-ты, помянул усопшего злыдня на ночь глядя, чтоб он имя свое забыл в другом мире, и меду ему не досталось! – чертыхнулся Никитий.

Волхв принял из рук индуса предложенный им котелок, отхлебнул и, чуть помолчав, продолжил:

– Вон наш Ванюшка-то всё доброго царя ожидает. И в походы ходил, и за семь морей отправлялся. Токмо царей хороших-то не бывает. Так отче Гостомысл сказывал, так и в рунах писано.

Никита, достал из-за голенища медную ложку, положил в нее соты и, держа над теплым дымом, растворил воск. Пройдя к береговой кромке, вылил растопленный воск в холодную речную воду.

²⁵⁰ Колгабын – варежка с отдельным разделом под указательный палец (для стрельбы).

Чуть подождал и, взяв остывшую восковую лепешку на ладонь, вернулся к костру:

– Ну-ка, глянь, Гаджи, вроде лик чей-то вылился.

Индус, обозрев отлив, взволнованно кинул его в огонь. Вечно спокойный взгляд его преобразился, глаза вспыхнули неумной яростью.

– Если этот человек встретится нам на пути, жди беды! Ныне он на Краю Земли.

– Так туды же Ванюшка с Мамаркой ушли, поспешать нам надобно, – тронул за плечо индуса Ваулихан.

– Не разминуться мне с ним подобру, видимо, велик мир, а до роги все ж сходятся, – вздохнул индус, потрогав чакру под халатом.

МОРЕ МАНГАЗЕЙСКОЕ

К вечеру ветерок не на шутку разыгрался. Боковая волна была в борт хлипкого суденышка, отдавая людей бисером холодных брызг. Тухта, не останавливаясь, черпал из-под ног ковшом воду.

– Борей, Борей, дуй послабей, – приговаривал при этом скороговоркой самоед, испуганно взирая на набегающие волны.

Ванюшка вытащил кожаные ремешки из торбы и, приподнявшись во весь рост, каждый миг рискуя выпасть за борт, быстро привязал угол оторвавшегося было паруса от мачты. Прodelав эту нелегкую работу, он сел на лавку и, сморщившись, крикнул Мамару:

– Теперь и задница мокрая стала. Лавка-то мокрющая!

– Я давно до нитки промок, терпи, Ванюшка, скоро уж берег виден будет, а там в какой омут мож завернем, укроемся, переждем бурю. Берега, сказывает Тухта, там низкие, как на наших сорах.

– Да, да, низкие берега, мох да грязь болотная. Но есть и камень, смотря куды вынесет, – подтвердил сидевший на средней скамье житель мерзлой земли.

Ваня, дотянувшись с носа, беззлобно пнул его мокрым тисом в спину:

– Ты давай-ка черпай шибче, а то, не ровен час, затопит челн, и берега не дождемся!

– Черпаю, князь, черпаю, – вскрикнул Тухта и еще быстрее принялся отчерпывать воду за борт.

– Вижу чаевник²⁵¹, знамо ужо берег близко, – обрадовал с кормы попутчиков Мамар.

МЕРЗАЯ ЗЕМЛЯ

Не успел бугай схватиться за рукоять сабли, как Казимир молниеносно выхватил из трости клинок и, приставив к горлу упыря, прошипел:

– Пшел вон, пся крев. Забирайте оленей, пушну и уходите берегом.

– Кто какую добычу взял, с тем и остается, – объявил поляк остальным.

Оставшиеся разбойники довольно закивали головами, в душе радуясь, что так легко, без крови, разрешился спор.

– Ладно, еще свидимся, – отойдя к ватаге отшельников, пробурчал тать.

– Не советую более меня встречать на пути, – вкладывая в трость клинок, усмехнулся шляхтич.

Половив оленей и навьючив на них добро, группа разбойников двинулась вдоль берега. А Козьма с Никишкой и оставшимися людьми принялись собираться в поход рекой.

Казимир достал свой ларец из красного дерева, с которым никогда не расставался, нажал кнопку, крышка откинулась. Раздалась восточная мелодия: «Динь, динь, дон...»

Оглянувшись по сторонам, он отодвинул пальцем крышечку потайного места, где лежали несколько шариков каменной смолы, и вдруг позеленел от бессильной злобы.

– Паскудна дзевка, ведзьма! – прошептал он, выронив шкатулку наземь. Тайник был пуст. Дзинь, дзинь, дон, чвяк... – брякнула коробочка, вдавленная ногой в мох.

ИРТЫШ-РЕКА

Костер давно прогорел, и только угли при дуновении легкого ветерка иногда еще шаяли, мерцая бардово-алым свечением, переливаясь рубинами в предрассветном тумане.

²⁵¹ Чаевник – места скопления чаек в заводи, рыбное мелководье.

Паршук, закутавшись в шкуры, мирно посапывал. Ваулихан, как и положено знатному человеку, спал на тюфяках, укрывшись верблюжьим одеялом.

Никитий с Гаджи-Атой, охраняя сон своих товарищей, тихо, вполголоса, мирно вели беседу.

– Вот, ты, Гаджи, давеча про пчел сказывал, о жизни их благо-разумной. А ведь я про них еще от старцев на Жаман Тау слыхивал. Но по неискушенности своей не придал тому разговору должного значения.

– Время твоим познаниям тогда не приспело, сынок. Каждому плоду свой срок. У всех, избранных для долгожительства, задача не в создании парадиза в нашем подлунном мире, а в недопущении на земле тартара. И не наша вовсе гребта, Никитушко, о том, когда и какой господарь на престол взойдет. Добрый он будет народу али злой. Народ и времечко сами в этом разберутся.

Индуc поднял веточку тальника, сломал пополам и, положив один из обломьшей поперек указательного пальца, пояснил:

– Вишь, лежит и не падает. Потому как равновесие я сотворил. А подвинь в одну или в другую сторону – враз и перевесит один из концов.

Гаджи-Ата легонько двинул палочку пальцем, и она, задрав один кончик кверху, соскользнула, упав ему под ноги.

– Вот это равновесие и бдим мы. Дабы доброе начало никогда не перевесило злое. Свет и тьма равными пребывали. Ведь перекрой запрудой ручей, и станется худо с обеих сторон, потому как внизу засуха наступит, вверху потоп зачнется. В сем деле кажная мелочь важна. Допустим, даже этакая с виду безделица, как то, что женское начало не должно преобладать над мужским, а мужье над женским.

Никита, почесав затылок, усмехнулся над доводами старика:

– Это чтоб бабы верх над мужами не взяли? И всего-то?

– И всего-то? – обидевшись, что собеседник принимает его посулы за бред, индуc воскликнул: – Так ты же сам давеча пчел поминал! Вот оно и есть преобладание. Царица – глава роя, рядом девки палатные, няньки, что вскармливают и ухаживают за потомством. Тут же евнухи бесплодные, охраняющие девок и саму царицу, а при входе воины, стерегущие их бабьий закуток. А покорные рабочие пчелы – это рабы. Всё как у вдовой боярыни. Зажужжи не так – сразу крылышки-то и отгрызут. Царица на правах матери

выстроила свое царство согласно женскому началу, покорив мужское. И любая женщина, сама того не сознавая, придя к власти, будет стремиться к сему идеалу. Человек – он свободен, он не должен быть рабом. Он сын Богов, а не раб Божий.

Индус взял котелок и, поставив его на угли, продолжил:

– Служил я при царицах Клеопатре и Эвридике Македонской, при Забибе Кедарской и Веронике Мудрой, при Ханум Бухарской да при Дидде. Много их повидал. Когда они при власти, то это еще сносно, но коль за спиной своего мужа-подкаблучника править будут да советовать, то рухнет даже самая могучая держава. Ибо нарушено будет равновесие, между женским и мужним началом.

Паршук, подойдя к догоревшему костру, стоял с раскрытым ртом. И когда собеседники замолчали, поспешил вставить свое умозаключение:

– Баба – это зло, однако. От нее все напасти. Толку мало, а снедает много.

Остяк взял котелок, присел на корточки, отхлебнул из него пару глотков и продолжил:

– Вот возьми волков – встретят человека на пути и, коли не голодны, то пройдет вся стая мимо, как мимо пня. Ну, а коли волчица мать рыкнет в твою сторону, разорвут тогда волки, чтоб бабе угодить да себя показать. Так и выходит, что не вожак стаей правит, а его волчица. И ради похоти да угоды бабе много зла мужи сотворить могут.

Паршук оглядел сидящих у догоревшего костра людей и с улыбкой произнес:

– Если бы Айша не заставила меня идти в Тобольск, то лежал бы я теперича в чуме и горя не знал. Баба, однако, виновата.

Все дружно засмеялись, разбудив Ваулихана.

МОСКВА

– Государь, посланец твой, Хохлов Иван Данилович, добрую весточку с казанским обозом из Бухары прислал, – поклонившись, доложил вошедший в светлицу боярин Салтыков, – пишет, что дошел он с великими притеснениями от туркмен и хивийцев. Много людей и лошадей погубил в бурях да в пустынных землях. Сам же Имамкули-хан поклон передает, пишет в грамоте, что дарит тебе,

русскому князю, не злато и серебро, а плененного им посла Речи Посполитой Янука, что по важности и сану может стать разменной деньгой при выкупе отца твоего Федора. Замечен был Янук в кознях лазутчицких супротив хана. Казнить его собирался. Но Иван Данилович, видя пользу государю, похлопотал за него у хана.

– Разумен Хохлов, разумен, вовремя сие известие. Король-то польский все тянет с отпуском из плена батюшки. То-то толчок ему будет, – весело потер руки государь. – А где ныне пан Янук? – спросил он у соборного боярина.

– А где ж ему быть-то? В приказе посольском он, в подклети. В его же пользу ныне темница: не ровен час, прибьют его ненароком наши бояре за смутные лета. Вот и взял его за сторожи, – усмехнулся боярин и, вновь поклонившись, намекнул: – Ведает он шибко много тайн, может, повелишь в пыточную избу доставить?

– Попытай, попытай его, токмо не калеча. Выведай, с каким наказом от Сигизмунда к Имамкули-хану ходил. Кто из бояр был причастен к заговору об убийстве моем в деревне Домнино²⁵², кто тайно сношался с королем и королевичем. Посули ему обмен, коли по добру все поведает. Да пусть весточку своей рукой напишет Сигизмунду. Что так, мол, и так, готов государь обменять его на отца своего.

²⁵² Автор имеет в виду село Домнино и подвиг Ивана Сусанина, жителя этой деревни.

ГЛАВА 14

А оставленный в пыточную избу Янук не стал запираяться. Попросив боярина, чтоб он услал за дверь двух мастеров заплечных дел, поляк выдал и пана Казимира, и взгляды Польши на московский престол. Не забыл упомянуть о видах англичан и датчан на поиск пути в Индию и Китай по рекам Сибири в обход туркменских пустынь. Поведал и про связного купца Никишку в далеких Холмогорах. Не забыл упомянуть и о Севастьяне Тобольском, получающем жалование из Польской казны.

Боярин Салтыков, сидя на лавке в душной избе, изрядно подустал, ожидая, пока подьячий тайного приказа старательно запишет показания шляхтича. И как только писец окончил свое дело, он нетерпеливо поднялся с лавки, отряхнул полы своей собольей шубы, подошел к висевшему на дыбе и, взяв его за трясущийся подбородок, спросил:

– Все ли ты поведал, мил человек? Не утаил ли чего? Коли на углях постоишь, мож еще вспомнешь чего?

– Не треба углей, пан. Последнее, что и хотел утаить, поведаю, – испуганно зататорил допрашиваемый, – еще дзевка есть, при Севастьяне она. Но имя ее не ведаю. Ворожея она, лапланка-повитуха.

– Напишешь своей рукой эпистолу о том, дескать, выкуплен ты самодержцем всея Руси у хана Имамкули, но чтой-то медлит государь с выпуском твоим, не спит, не ест, все о батюшке своем

печется, ужо восемнадцать годков, как его родитель в польском полоне томится. А также припишешь, мол, убивается наш молодой государь и по Михаилу Борисовичу Шеину, кой девять лет за сторожами ясновельможными. Пиши как хошь, хоть слезьми, хоть кровушкой, но внять должон Сигизмунд о том, што ежели на Семенов день ответ не поступит, многое ты тогда под пытками выдашь. Пущай король твои земли в задушь²⁵³ отдает. Потому как тебе они более не пригодятся.

Боярин Салтыков ехидно улыбнулся, постучал пальцем по столу, за которым трудился дяк-писец, и продолжил:

– А свиток с твоими признаниями пущай пока схоронит у себя боярин Морозов Борис Иванович, с ним и будешь сношаться, коль в Речь Посполитую живым вернешься. Нет? Тогда пану Сапеге твои признания на стол лягут.

– Я внял, боярин, распорядился бы ты колоды с ног снять, уж больно докучают они мне.

– Колоды снимут и в баньку сводят. Определят пока при дворе Морозова. Под присмотром ведъм и тебе безопасней, и нам покойней. Ты мне вот што напоследок поведай. Дюже интересно мне, сколь же лет вашему пану Казимиру? Помнится, как был он сухостойным жилистым старцем в мою юность, таким и остался. Никакая чума его не берет. Странно это.

Поляк вытаращил от испуга глаза и зашептал:

– Сказывают, он душу дьяволу заложил. Про него токмо шепотом и молвят все, дабы нечистая не услышала. В костел не ходит, ликов святых в дому не держит. Я сам был мальцом еще, а он уже при дворе дядькой королевича Владислава состоял. Так мне-то уж семьдесят три годочка пошло, а сколь ему, не ведаю, боярин. Бесноватое это. Многие паны, кто супротив Казимира шел, ежели не на дуэли с ним, так ненароком гибли. Его сам Его Величество остерегается, к себе не допускает, только через пана Сапегу наказы передает и якшается. Причастен он ко многим заговорам и смутам. К душегубству казаками Ляпунова прямое участие имеет.

– Ведаю про это, потому и спросил. Сейчас тебя с дыбы-то снимут, а ты, что на ней висел, никому не сказывай. И не хмурься, ако

²⁵³ Задушь^е – земли, пожертвованные монастырям на помин души.

баран на празднике. Государя нашего, Михаила Федоровича, благодарствуй. Кабы не он, то быть бы тебе переломанному ныне.

Боярин смахнул пот, нахлобучив бобровую шапку, кивнул головой вошедшему мастеру заплочных дел:

– Сыми со столба, пришлю стрельцов за ним к вечерне, – и, самодовольно подмигнув писцу, объявил: – Пожалуй, пойду, упрел я в вашей преисподней.

– Благодарствую, пан. Век помнить тебя буду. Рассчитаюсь я за добродетель, – благодарно крикнул допрашиваемый.

– Ага, углями на том свете, – буркнул, нагибаясь над косяком низкой двери, Салтыков.

КРАЙ ЗЕМЛИ

Шаман, опустив бубен, обвел взглядом вооруженных копьями и дротиками самоедов.

– Белые люди идут берегом студеного моря к реке Сось-еха. Их мало. Когда диск солнца коснется воды, они встанут на ночлег. Мать, белая ночь, найдет туман. Вы нападете на них и отдадите в жертву белому медведю – брату белой ночи. Только их зловонная кровь, пролившаяся на ягель, успокоит духов. Их оленей пригоните сюда, я сниму с них порчу духом огня и раздам самым храбрым воинам. Пушну и облачение чужих людей заберете себе. Отныне чужой человек, вступивший на землю предков, наш враг. И кто бы ни ступил на Ямал, будет убит, как россомаха, залезшая в лабаз. Охотник Елей поведет вас. Кто его слушается, того покарают духи.

– Эсс! Эсс! – потрясая над головами копьями и палицами, вскричали возбужденные речами шамана воины. – Смерть чужим людям!

К вечеру, выбившись из сил и измотав оленей, разбойники, покинувшие ватагу Казимира, устроились на отдых у ручья, впадающего в студеное море.

– Стеречь будем по очереди, – распорядился бугай на правах старшего и добавил: – Я вне счёту, мне дорогу угадывать завтра. Сами разберитесь, кому бдеть, кому почивать. Оленей не распрягать, разбегутся, не поймаем.

К утру с моря нашел липкий туман. Будто и вправду, помяная убиенных, прислала Мать Белая Ночь густую мокрицу.

Олени в упряжках мирно пощипывали ягель, фыркая и изредка переходя на новое место, перетаскивали за собой нарты со спящими в них лихими людьми.

В тот сладкий утренний час, когда веки самопроизвольно слипаются и сон обуяет каждого, дежурить досталось самому молодому лиходею Матюхе. Остальные упыри, на правах старших завернувшись в шкуры, беспечно отдавшись в мягкие лапы предрассветных забвений, спали непробудным сном.

Тяжелая рука сына тундры, которая одним ударом кулака ломает лобовую кость взрослому тюленю, мелькнула в тумане, попав в висок сидевшему спиной к своей смерти разбойнику. Не издав и стона, молодой лиходей завалился на левую руку охотника. Елей аккуратно положил бестрепетное тело на мох, нанес две полосы в виде чума лезвием костяного ножа на лбу и прошептал заговор от мести убитого врага:

– Это твой чум, не ходи в мое жилище, не приходи ко мне ни при луне, ни при солнце.

Самоеды, чтобы не спугнуть оленей, медленно, аккуратно ступая на мох, разошлись группами к упряжкам и спящим на нартах убийцам.

– Эсс! Эсс! – раздалось в тумане, и путники затрепыхались в руках нападавших.

Через несколько мгновений связанные кожаными ремнями по ногам и рукам разбойники уже лежали у ног самоедов. Охотник Елей пнул каждого тисом в бок, убедившись в прочности пут.

Сняв кожаную торбу, перекинутую через спину оленя, он развязал ее. Зачерпнув пригоршней тюленьего тука, самоед густо, не жалея жира, измазал толстым слоем лицо и шею первому лиходею.

Пока самоеды, выстроившись полукругом, стояли, приплясывая и потрясывая копьями, Елей, трудясь медленно и степенно, проделал то же самое действие с остальными.

Закончив работу, он завязал кожаный мешок и перекинул его через спину оленя. Хладнокровно вытер руки о шубу связанного разбойника. И, довольный результатами содеянного, Елей щелкнул языком, подмигнув ничего не понимающему упырю:

– Карасо и латна вышла, однака. Совсем как вкусная тюленя получилася.

Молча достав пустотелые витые морские раковины, раздал их своим соратникам. И все племя, присев на корточки, принялось дуть в раковины, издавая хрип и гомон моржового стада.

Так продолжалось до полудня, пока где-то вдалеке не раздался рык белого медведя.

Самоеды, еще чуток подудев, отдали в наступившей зловещей тишине Елею раковины-дудки и, караванным способом связав матами оленей, сев кто верхом, а кто и шагая рядом с нартами, безучастно к связанным и лежащим на земле обреченным, двинулись вглубь мерзлой земли.

Не успел караван скрыться из виду, как в рваных облаках рассеивающегося тумана появился силуэт белой медведицы с двумя добрыми, милыми медвежатами, которые, жадно вдыхая прибрежный воздух, уже почуяли едва уловимый запах тюленьего жира.

Матюха открыл слипшиеся от запекшейся крови веки и, превозмогая дикую боль, приподнялся на корточки. Страшная картина предстала перед его глазами. На земле под лапами медведицы корчилося, истошно вопя, тело человека. Остальных полумертвых рвали голодные медвежата, урча и огрызаясь на чаек, уже слетевшихся к месту пира. На некотором расстоянии сидел еще один медведь – это был самец, он ждал, когда медведица с медвежатами уйдет, оставив ему долю своей добычи.

Содрогаясь от ужаса, молодой лиходея задом, не отрывая взгляда от пиршества, пополз прочь, благо что ветер был в его сторону, и случай давал ему шанс умереть другой, голодной, но более счастливой смертью в тундре.

ОБЬ-РЕКА

– Уж вторую седмицу плывем, а конца и края пути нет. За всю дорогу токмо два челна-то и встретили, – устало вздохнул Ваулихан.

Путники теперь уже почти совсем перестали сходить для отдыха на берег.

– Хоть бы еще день-другой ветерок южный продержался, всё одно не на гребях идти. Под парусом-то веселее, – не обращая внимания на роптания посла Есим-хана, отозвался с потеси Никита.

– Постигаю, что не до отдыха ныне. Торопиться надобно, опасный человек на пути Ванюшки стоит. Успеть бы, – покорно молвил Ваулихан, перевалившись на лавке на другой бок.

– Так ты взял бы гребли да размялся, – улыбнулся Никитий.

– Еще пять ден тому я руки в кровь стер, когда греб супротив встречного ветра. А ныне и за борта-то держаться не могу, не то что за весла, – показав волдыри на ладонях, посетовал сын Исатая.

– До свадьбы заживет, – подал голос вечно дремлющий Гаджи-Ата, – хватка крепче будет, как у родителя твоего, аркара Исатая. Ведь он на празднике первым схватил кокпар²⁵⁴, и джигиты всей степи не смогли его у него вырвать. Так и прискакал он первый, бросив козленка к стопам почтенной Ботагоз. А та с радостью согласилась идти в жены такому ловкому и сильному батыру, как он. Аркар Исатай очень любил твою мать. Несмотря на традиции и усмешки знатных батыров, он так и не завел других жен. Жили они, как два голубка.

Гаджи открыл клетку с оставшейся парой голубей, вложил в мешочек послание Есим-хану и, поцеловав по очереди птиц, подбросил вверх.

Птицы, хлопая крыльями, ушли свечой в небо и, встав левым крылом к восходящему солнцу, устремились к родной голубятне.

– Пшеницы больше нет. Я отдал им последние зерна вчера.

– От меня в письме, поди, забыли поклон передать, – пошутил Никитий.

– Не забыл, написал, дека волхв с Жаман Тау помог нам остаться в живых. Поведал и то, что убить нас в прошлый раз хотел дьяк Севастьян, кой помиловал и укрыл наймита Козьму, да по указу пана Сапеги желал в очередной раз рассорить хана с государем Михаилом. Еще отписал, что идем мы на край студенной земли, кою называют здешние людишки Ямалом. А там, через зырянов и коми, вернемся рекой до Казани, чтобы Яик-рекой выйти к озеру Карасу.

– Да уж, не всегда напрямки короче, легче иногда и круг дать. Токмо вот круг ваш ныне шибко петлист да несладок, – усмехнулся Никита.

²⁵⁴ Кокпар – старинная казахская игра: схватить козленка с земли на скаку и удержать его, чтоб не вырвали его из рук другие всадники, остаться в седле самому, доставив к финишу или к ногам девушки. (Роль козленка выполняет скрученная в рулончик шкура.)

Попутный ветерок внезапно стих, и будара, выйдя из поворота по течению, гулко ударилась носом в набежавшую волну. Впереди раскосым клином до самого горизонта расстилалась водная рябь.

– Море Мангазейское, – обрадованно завертелся волчком в лодке Паршук.

ГЛАВА IS

Младший воевода, облачившись в еще хранившееся запах рук молодой жены сухое одеяние, открыл мешочек-оберег и достал оттуда сережки. Разместив их на ладони, томно улыбнувшись, вспомнил прощальные наставления Полины:

– Серьги эти береги, ибо принадлежали украшения царице Сузгун. Будут оберегать они тебя от глаз лукавых да козней лиходейских. Сон мне придорожный привиделся вещей. Не сымай оберег, Алешенька, а надобно станет – так и отдай не жалея, так как воротятся они ко мне из любой дали. Коробочку костяную я себе оставила. Сердцем чую, пригодятся сережки тебе на краю земли.

Князь сложил дар жены в мешочек, завязал его и, перекинув шнурок через голову, надел на шею.

Вокруг копошились, отжимая мокрую одежду, стрельцы и казаки, развешивая ее на ветках мелкорослого кустарника.

– До ниточки, до портков промок, аж в куженьку²⁵⁵ водица попала, чистое белье по кайме промокло, – сетуя на тяжелый переход, вздохнул сотник Макар Савватеевич и, осуждающе покачав головой, добавил: – Токмо Антипу на уме одно зубоскальство, никакая холера его не берет. Чешет метлой паскудные байки про попов да балует свой десяток.

– Ничего. Ничего. У него люди стойкие, крепкие. Таким и послабить можно. На шею не сядут. Этот десяток я за сотню, а то

²⁵⁵

Куженька – берестяной короб.

и две не променяю. Рубаки лихие, не чета тем хлюпикам, коих в Мангазее нам приписали, – улыбнулся Алексей, прислушиваясь к новой байке, что травил товарищам неугомонный Антип.

– Батюшка, пост начался... Так как теперь с жинкой – можно ли?

– Можно, сын мой, коли нежирная, как моя....

Дружный смех стрельцов и казаков прокатился по берегу.

Сотник, усилием погасив улыбку, грозно крикнул:

– Антип, углей для костра принеси, о воеводе думать надобно, совсем князь промок, а тебе токмо бы лясы точить.

– Это мы мигом, Макар Савватеевич, у нас огонь-то уж бороды палит, а вы все без огня, вот оплошал-то, – отозвался десятник.

Он ловко выхватил из костра уголек и, перебрасывая его из ладошки в ладошку, побежал к сидевшим в стороне Алексею и сотнику.

Антип кивнул в сторону стрельцов, сидевших отдельно от остальных, – не зубоскалю я вовсе Маккар Савватеевич, сплотить я народец хочу. Совсем нам в поход забитых воев дали в Мангазее. Муштрой да зуботычинами безмозглых баранов из них воеводы сделали. Нам, коли бой вести, такие затурканные – только обуза. Вот и веселю я их, чтоб страх вышел из них, как дух татарина на Угре²⁵⁶. Совсем стрельцов ныне прижали к ногтю. Где ж это видано, чтоб раньше жинка стрельца управляться ходила к бабе сотника, ровно холопка какая? А стрельцы по череду навоз из овина десятника вычищали.

– Ты мне бузу не разводи, Антип, а то быстро из сотника в скотники угодишь по возвращению, – погрозил плетью князь Алексей десятнику, – я ведь по возвращению в Тобольск в сотники тебя предложу, да и Макар Савватеевич этого желает.

– К тебе, Алексей Семеныч, хоть истопником в преисподнюю, но токмо в наш, в русский ад. Ведьм в нем одна забава. То черти пьяные, то дрова сырые, – рассмеялся, поднимаясь с колен, Антип, раздув наконец-то огонь в сложенном хворосте. – Ну всё, готово, бояре, сейчас мои робяты вам еще хвороста принесут для пала, обсыхайте. А я караул выставлю. Береженого Бог бережет. А за надёжу, что в сотники выйду, благодарствую. Не подведу.

²⁵⁶ Угра – река Угра. Противостояние войск Ивана Третьего с ханом Ахматом. Считается именно с этого времени обретение Московским княжеством независимости.

Воевода с грустью глянул в сторону востока, где на горизонте еще мелькали паруса уходящих кочей.

Старший кормчий умело в тумане вывел свой флот к устью реки Сеяха. На прощание, нарисовав палочкой на песке три разных по величине кружка, он пояснил:

– До озера Ямбу-то вдоль речки, а далее по правую руку бережком до волока песчаного к озеру Ней-то. Там свой Китай-город и найдете. По колеям да гатям пойдете, не заблудитесь. Но пищали держите наготове, ибо зверь лютый тут обитает, медведь белый, да и самоеды могут напасть, особенно на тех, кои от обоза отстанут.

– Хорош пеший обоз из волокуш да ручной клади, – усмехнулся сотник.

– Ну, извиняйте, оленями тут сами разживетесь. Костры жгите, дымы пускайте, местный народишко как прознает, что государевы люди пришли, так сам и прибежит торговаться. Приучены уже к торговле-то, но и разбоем не прочь гульнуть. Так что одной рукой торгуй, а другой сабельку придерживай.

КРАЙ ЗЕМЛИ. ЧУТЬ ЮЖНЕЕ

Ванюшка прошелся по берегу.

Низколетящие свинцовые облака, цепляя береговые кусты, проносились в сторону юго-запада, неся за собой студеное дыхание Ледовитого океана. Подняв ворот армяка, накинутаго на голое тело, он поправил развешенное белье на ветвях.

– Снесло нас мал-мала, – посетовал Тухта, – далее можно берегом идти, можно через мое родовое стойбище, напрямки. До озера Ямбу-то тут недалече. Три луны пути.

– Лодку вытащить на песок надобно, мхом чрево набить да воды по борт начерпать, чтоб, пока мы ходим, борта не рассохлись, – распорядился Ваня.

– А ежели твои родичи мачту приметят? Не заберут ли струг? – перебирая свои пожитки и складывая в пайву только самое необходимое, поинтересовался Мамар у самоеда.

– Тут вам не Мангазея, никто ничего не тронет, – обидчиво заверил Тухта и важно добавил: – Я свой знак родовой оставил, никто не возьмет.

Выхлопнув почти высохшую на ветру рубаху, Иван распорядился:

– Давай-ка, други, мох собирать, а то до завтра в путь не тронемся. Одежда уж выбугала, на теле быстрее досохнет.

Тухта первый надрал охапку мха и направился к стругу. Пройдя пару шагов, он испуганно завопил:

– Парус пополудни, парус! Ишо кой-то сюды плывет!

– Может, от воеводы отстали? – разглядывая из-под ладони, предположил Иван.

– Парус-то, гляжу, крашенный. А у воеводы на кечах токмо серые, льняные. Беда бы какая не вышла, Ванюшка. Надобно твою заморскую пищаль принести, – пятясь к сложенным на сухом месте вещам, сообразил Мамарка.

– Борзо идут. Молодец кормщик, почитай супротив ветра правит, – похвалил Ваня незнакомого рулевого.

Судно, порой ложась на левый борт, ныряя в волнах, ходко шло к заливу, в котором укрылся Иван с попутчиками.

– Увидали. Мимо не пройдут. Отойдите с луками к вещам, – приказал он Мамару и Тухте и добавил: – А я за бортом укроюсь, если что.

Иван спустился к стругу и, пройдя к корме, убрал потесь. Поставив бочонок с солониной впереди себя, он положил на него пищаль.

КАРСКОЕ МОРЕ

Емелька, под монотонный скрип такелажа и равномерный плеск воды за бортом, мирно посапывал, изредка переворачиваясь с боку набок.

Яна, прежде чем затушить лучину, сняла с шеи серебряный кулон, украденный у Казимира. Открыв крышечку, высыпала на ладонь четыре янтарных шарика. «Так вот ты какая, каменная смола, – беззвучно прошептали ее губы. – Многие цари бы отдали за один шарик свои царства, но не каждому дано владеть этим сокровищем. А я вот просто могу высыпать их за борт – мне и своего века хватит, да и сыну тоже. Я ведь не только ведьма-гадалка, я еще и баба, и хочу внуков лицезреть, мужа любить... на кой мне жизнь вечная?»

Яна и не заметила, как, опустив голову на столешницу, задремала.

– Ну што, дочь плутовская? Полегчало ли, тебе, девонька, от воровства сего? Может, и впрямь полагаешь, что чрез пакость свою познаешь суть силы каменной смолы? – раздался голос Гостомысла. – Пустое это, ведь вам, девам, окромя бед да бесплодия, ничего не принесет сие снадобье. А вот замена ему есть. Искала ты серьги чудные, кои надев да в зеркальце глянув, любую тайну выведаешь?

– Искала. А ты откель знаш?

– Я все про тебя, милая, ведаю, и помыслы твои, не всегда добросердечные, вижу, – усмехнулся в усы волхв, – так вот знай: хранит молодой князь Кольцов, Семенов сын, серьги царевны Сузгун, яко оберег. И один лишь Казимир датский способен их выторговать у Алексея. А за смолу он непременно с тобой обменяется ими. И нет у тебя, дочь, выбора. Коли заупрямишься, убьет тебя Казимир, а несмышлениш твой, Емелька, сгинет без материнской опеки. Вот этого-то я и не могу допустить, девонька. Нужен он для продления роду распутного.

– У Козьмы-то как шарики оказались? – поинтересовалась, прошептав во сне, ворожея.

– Было это в давние времена. Когда-то на турнире, устроенном королем Карлом Каролингом, обвиненного в плутовстве рыцаря усадили на бревно рекомендации²⁵⁷. Им был не кто иной, как герцог Трафалбрасс, изобличил же его мой зять Годслав. Но после казни князя Годслава и разорения Рюрик-города нашел герцог в колодце ход под землей, а чрез него и пещеру за рекой, где старец Веденей обитал, да и завладел смолою каменной. Вот и следит теперича по белому свету злыдень. Сколь я его не подлавливал, выкручивался он, ако чиж из силков, от меня ускользая. Но, видимо, вновь пришел час рассчитаться с ним. И ты мне дюже подсобила в этом. За это разрешаю я лизнуть твоему Емельке шарик смоляной. Жить он будет, как и все, по сроку, но вот никакая лихомань и отравы не возьмет ни его, ни его потомков до седьмого колена. Храни шарики пуще зеницы ока, за ними придет человек и обменяет их на серьги.

Лучинка, догорая, затрещала, огонек дрогнул, запустив трепещущиеся тени по доскам. Образ князя развеялся.

²⁵⁷ Бревно рекомендации – ослиное седло. Седло позора.

Яна подняла голову, обвела каюту сонными очами. Сын мирно посапывал. Лучина догорала. На столе лежал кулон. Ворожея потерла лоб, качнула несколько раз головой из стороны в сторону, чтоб стряхнуть наваждение. Прищепив пальцами огонек, женщина прилегла рядом с Емелькой, накрыв его и себя рогожей:

– Двинься, сынок, а то мамке совсем нет места, развалился как Емеля на печи.

Проснувшись к полудню, Яна не сразу вспомнила сон. Емелька копошился за столешницей, разглядывая какие-то предметы при свете лучины. Ворожея прошла к рукомойнику, ополоснула лицо, утерлась ручником и, взглянув на сына, опешила.

Емелька пробовал на язык каменную смолу, которую достал из беспечно оставленного кулона.

– Ну-ка, положи на место. Что ты, как блаженный, в рот всё что ни попадя тащишь? Вдруг яд это?

– Яд не яд, а зуб прошел, как и не болел вовсе, – улыбнулся Емеля.

ГЛАВА 16

Никитий, всем телом навалившись на рукоять потеси, заставил будару завернуть к берегу, где в заводи виднелась мачта со свернутым парусом.

– Ты, Гаджи-Ата, чакру-то свою наготове доржи. Кто его знает, что за люди к берегу пристали. Порох-то в моей пищали намок, на нее ныне надёжи нету, – крикнул он сквозь шум ветра с кормы индусу.

Старец, корпевший молитвами к своим богам о спасении, сидя на первой лавке спиною к направлению движения суденышка, даже не пошевелился, чтоб, обернувшись, глянуть на берег. Его и так синее лицо почернело. Промокший и продрогший на хлестком ветру, индус пребывал в предобморочном состоянии.

Ваулихан, находясь под одним сырым халатом с наставником, прикрывающим их спины от промозглого ветра, так же не отреагировал на распоряжение Никиты.

Волхв, дождавшись прохождения очередного вала и ослабления порыва ветра и придерживая весло левой рукой, сорвал со своей головы мокрую треуху и бросил ее в индуса, стараясь не задеть мачту и Паршука, сидевшего посередине.

– Да очнись ты, Чжэн-Хэ-мореход²⁵⁸! Посинел, ако цыган в покойницкой! Чакру приготовь, сказываю!

²⁵⁸ Чжэн-Хэ-мореход – китайский путешественник, арабское имя Симбао, прообраз героя сказок о Синдбаде-мореходе.

Разбудив сонное царство, Никитий вновь навалился на постель. Через полчаса исхлестанное стихией суденышко вошло в заводь.

Ванюшка, укрывающийся за бортом струга, поднялся с коленок, отложил на бочонок пищаль и, радостно махнув шапкой, воскликнул:

– Ваулиханчик! Какими судьбами?! Ты ли это?! Ой, дядько Никита, и ты с ними?!

– Нет, это они со мной, – съязвил ведун, улыбаясь своему любимцу.

Будара Никития, скрипнув деревом о дерево, пришвартовалась к борту струга. Иван перепрыгнул к приятелям в бударку и принялся тискать Ваулихана, приговаривая: «Ого, как вымахал, прям вылитый курметте²⁵⁹ Исатай!».

Но тут радость встречи и лобзания перебил истошный крик самоеда. Тукта с визгом бежал к лодкам, горланя во все горло:

– Брат ночи! Пощади!!!

За ним вприпрыжку, под хохот Мамарки, играючи семенил огромный медведь.

– Вот шельмец, по берегу нам сопутствовал, а я мнил, что отстал Хвома, покуда горной стороной мы шли, – рассмеялся Никитий.

Медведь, столкнув Тукту в сторону с натопанной во мху тропы, бросился к Никите.

На сутки пришлось задержаться. Нужно было дать время, чтоб обсушиться прибывшим друзьям, набить чрева обоих лодок мхом и залить водой. Под утро управились, и, развалившись у костров, уставшие люди позволили себе отдохнуть перед дальней дорогой.

Полярное солнце, поднявшись почти к зениту над Мангазейским морем, пригревало. Чайки, неведомо откуда собравшиеся на берегу, дрались и ссорились меж собой, деля очистки вяленой рыбы, беспечно выброшенные Паршуком на берег. Изредка, когда птицы своим гомоном сильно докучали, медведь, поднявшись, разгонял стаю. Но стоило ему подняться на мысок, где отдыхали путники, чайки вновь начинали потасовку.

* * *

КАЗАХСКОЕ ХАНСТВО

Уставшие птицы, со сбитыми и окровавленными крыльями, прилетели под утро. Перелет был настолько тяжел, что без

²⁵⁹

Курметте – уважаемый.

обычного воркования на лотке голубь с голубкой, выгнав из своего гнезда молодую пару, прижавшись друг к другу, обессилено дрожа от перевозбуждения тельцами, впали в тяжелый сон. Голубь даже не открыл веки, когда смотритель ханской голубятни, осторожно взяв его в руки, снял с него кожаный мешочек с письмом.

Жангир-султан, с помощью подростка-толмача, ученика Гаджи-Аты, прочитал прибывшую голубиную почту.

– Видимо, трудно аркару Ваулихану, раз из Тобольска пошел не обратно на юг, а на край земли, чтоб потом оттуда вернуться через Казань домой. Одно радует, нет больше Севастьяна, что козны нам строил. Как бельмо на глазу он для нашего ханства был, – и, повернувшись к молодому толмачу, распорядился: – Отпиши великому хану Есиму, что посольство живо. Дьяк Севастьян почил смертным сном. Снаряди бухарского крапчатого. Отец любит получать хорошие вести с ним.

К полудню любимец хана, крапчатый бухарский голубь, взмывши в небо, унес под Балхаш в походный стан правителя хат жаксы жаналыктар²⁶⁰.

КРАЙ ЗЕМЛИ

– Так вот, приписали нас стеречь на стенах монастырских, – сидя у костра на очередном привале, рассказывал Антип, – а в монастыре послушницы – все как на подбор. То водички на стену принесут, то яичек передадут. Не служба, а мед. Токмо один раз ватага гетмана Сагайдачного к стенам и сунулась. Но, получив дружный залп из пицалей, отвалила в поле. Не вышло у них поживиться монастырской утварью. Но не с пустыми же руками им за пороги ворочаться? Зря, что ли, пришли они на подмогу шляхтичам Владислава? Измором восхотели взять, чтоб под нашими пулями не лечь. Тут и наступило долгое стояние. Они под стенами, мы на стенах. Голодом, стало быть, решили нас выманить. Все бы ничего, припасов много было. Но был у них один старый единорог²⁶¹, который шибко докучал нам. Настроили они его по воротам да по башенкам бить, мы вылазку и содеяли, а пока рубились с пушкарями,

²⁶⁰ Хат – письмо. Жаксы жаналыктар – хорошие новости.

²⁶¹ Единорог – орудие.

наш ружейный мастер гвозди киянкой забил в щели для поджига. Да так законопатил он единорог, что бросили его за ненадобностью паны казаки. Ругались мы со стен люто с запорожцами, где ж это видано, чтоб православные на православных войной шли? Срамили их всяко. Те же в ответ: не братья вы нам, москали клятые. А тут и войско князя Пожарского подоспело, – ковыряя прутиком угли, вздохнул десятник, – но я совсем другое хотел поведать. Угодил я тогда, братцы, на монастырское покаяние, аж на пять годочков в тесное содержание. Первые три годочка в колодах маялся, два остальных послабление получил. Никогда ранее казаков под сторожи не брали. А тут – на-кось.

– За то, что про попов побасенок немерено знаешь? – перебил его стрелец-годовальщик из Мангазейского набора.

– И за энто тоже, – не обращая внимания на реплику, продолжал рассказ Антип, – очаровала меня чернушка одна. Вот и свершил я грех. Каждый раз приходила, когда на воротах в ночном карауле стоял.

– Разве грех это, Антип?

– Грех не в том, что девку мял. Выпустил я ее за ворота, уверила, что по травы сходит целебные, да так и не вернулась. А меня судили, да и при монастыре на покаяние оставили. Она, оказывается, тожа на покаянии прибывала, нельзя ее было выпускать на волю. Облапошила меня монашка. Опосля слышал, что прибилась шельма к ватаге Хлопка. Затерялась. А ведьм я по ней до сей поры сохну. Приворожила, окаянная.

Антип встал и, потянувшись, так что захрустели меж лопаток позвонки, окончил свой рассказ:

– Встречал я тем летом в Тобольске молодку, но шмыгнула она в проулок, платком укутавшись. Аж похолодел я. Но, видимо, померещилось. Откель ей взяться-то в глуши сибирской?

– Архип, не уходи, ты про попадью обещал рассказать, – попросил все тот же стрелец десятника.

– Так это запросто. Идет кузнец с ярмарки, в одной руке гусь с ведром, во второй курица с наковаленкой. А тут попадья младая догоняет и спрашивает: «Как пройти в деревню?». Кузнец-то ей отвечает: «Пойдем напрямки, через лес, я туда и иду». – «Ага, – воскликнула попадья, – там ты меня к дереву-то и прижмешь! Знаю вас, мирян, все вы одним миром мазаны». Кузнец показывает ей полные руки: «Да как же я, матушка, прижму, коли руки у

меня заняты?!». Попадья и сказывает: «А ты ведром гуся накроешь и наковальню сверху положишь, чтоб не убёг гусак-то!». Кузнец-тугодум вновь вопрошает: «А курочку куда я дену, матушка?». Попадья-то ему и поясняет: «А курочку я сама подержу...»

Дружный смех служивых людей грянул по берегу, отголосками прокатившись по озерной глади.

– Ох, и гореть тебе в геенне огненной, – покачал головой стрелецкий сотник Макар Савватеевич, – неугомонный ты Антипушка. Язык твой – враг твой.

Внезапно докатилось эхо далекого выстрела. Служивые бросились к составленным пирамидками пищалам.

– Быть настороже всем! Привал окончен, становись! – подал голос молчавший все это время воевода.

МОСКВА

А Первопрестольная готовилась к встрече Филарета. Всюду царила суета. Церковные звонари изредка подергивали веревочки колокольных бил, и из-за этого то там, то здесь, раздавался звук малых колоколов, шел легкий пробный перезвон, чем-то напоминающий оркестровую яму театра перед представлением.

Загодя Михаил Федорович выехал навстречу отцу своему. А увидав родителя, опустился пред ним на колени. Федор Никитич, прослезившись, обнял сына и долго прижимал его дрожащими руками.

Поезд Филарета под малиновый звон всех колоколов въехал в Москву. Михаил не хотел радоваться один, он щедро одарил своих верноподданных, освободил колодников и повелел заложить каменную церковь в честь святого, в чей день произошло это событие.

Отслужив молебны, отгуляв застолья, родитель государя взялся за государственные дела с рвением и усердием. Приняв предложение сына стать патриархом всея Руси, он становился духовным наставником молодого царя, и теперь никто не мог упрекнуть его в использовании личных интересов в изыскании пользы государевой.

Как-то раз, пребывая один на один в светлице, Федор Никитич поднял вопрос о Сибири.

– А как обстоят дела у нас в Холмогорском острожнике? Добротнo ли укреплен Архангельский монастырь с посадом со стороны студеного моря?

– Так не до него мне, батюшка, ныне, – развел руками молодой самодержец, – тут и шведы, и Владислав, да и крымчаки пошаливают на рубежах. В Сибири-то ныне покойно. Хана Алея прижали воеводы. Кетский острог укрепился на Енисее. Имамкули Самаркандский сам выгоды ищет, полоненного им посла Янука мне подарил, чтоб тебя скорейше вызволить.

– Так-то оно так, но зреть тебе, как государю, надобно далее. Чрез годы зреть да выгадывать помыслы недругов наших. Датчане да англичане давно имеют вид на земли сибирские. Сушей-то им никак не подобраться к Сибири, а вот морями могут. Коль сожгут Михало-Архангельский монастырь с посадом, то препон никаких им не будет, окромя льдов северных, кои мешают их кораблям обогнуть Крайнюю землю и зимой, и летом. Но и торосы им не помеха. Знают оне, что естъм летом проход чрез Ямал по рекам Сеяха Западная и Сеяха Восточная в Мангазейское море.

Старый государь глянул на сына, и убедившись, что он его слушает внимательно, продолжил:

– Разговор мне передали люди Сигизмунда. Чаю, не нарошно сказано, а чтоб нас с датчанами рассорить, но в каждой ложии есть доля правды. Вожделеют даны основать поселение на не прибранных под твою царскую руку землях Сибирских. А коли *colonia*²⁶² создадут – то датчане не пчелы, не выкуришь их опосля. Потому упредить надобно их своекорыстные помыслы.

– Так застава выставлена. Молодой князь Кольцов указом направлен в лето сие.

– Вот, это добре, сынок. А Кольцов не парубок ли Семена, воеводы Тобольского?

– Так оно и есть, батюшка.

– Помог он с пушками в смутный час. Но хитер был. Сокровище Ермака так и не выдал, хоть ведал про него. Держи глаз востро с малым Кольцовым. Чую, знает он, где утаил атаман свой клад. Иначе откель бы взятыся украшениям для закупа орудий у крымского хана? Казаки тогда много взяли, с одних жен Кучумовских только пуд, поди, посымали. А Иоанну-то токмо пушнины воз привезли с

обозом да парчу с саблями. Остальное-то утаили. А это уже государственное злодеяние.

– Мыслю я, батюшка, отозвать его по возвращению в Тобольск к себе в Москву. Коль ведает он про клад Ермака, то проявит он себя.

– Правильно рассуждаешь, прибери его под крыло свое, пока Строгановы тебя не упредили, – хлопнув себя по коленям, радостно воскликнул Федор Никитич и добавил: – Ну-ка, Михаил Федорович, вели столы накрывать! Проголодался я. Ведьм наскучался я по пище православной. Не все же у латинян мясо с ножа снедать, пора бы и осетринкой себя побаловать. Вели подавать.

ГЛАВА 17

РУСЬ ИЗНАЧАЛЬНАЯ

Гостомysl приподнял голову Веденею.

Старец открыл глаза и погасающим взглядом обвел своды пещеры. Усилием воли разжав запекшиеся от кровавой пены губы, вудун прошептал:

– Внук твой, Рорик, вне опасности. Шар, шар с шеи моей сними, княже. В нем смола, о которой тебе ранее сказывал. Мне уж, чаю, она не согдится. Ухожу я, Гостомysl, в мир пращуров наших. Тобе завещаю хранить тайну князей града Асгарда. Смола была также и в нише, – встрепенулся Веденей, – в коробочке, но ее похитил... Видел его малец смышленный, не с нашего веку, что давеча объявился. Лаз подземный Годславу показал и внука твоего вывел. Он в лицо запомнил того, кто смолу унес и меня ранил... Холодно мне... а боли не чую... ищи, княже, сего отрока в будущем... холодно мне...

– Кто же тебя, отче? Назови имя убийцы? Кто посмел на чаровника руку поднять? – отчаянно воскликнул князь, оглядывая рукоять ножа в груди вудуна, из-под которой ровными угасающими вылесками, пузырясь, фонтанировала кровь.

Гостомysl не успел узнать имя убийцы. Старец обмяк в его руках. Князь, рыдая, прижался к телу своего духовного наставника.

– О боги! – воскликнул он. – Прошу вас, верните вспять время. Мне надобно лишь одно – узнать имя убийцы пестуна моего. Не

могу я умереть, покамест не найду отрока, кой поможет мне показать того, кто поднял руку на непорочного старца! И будь он хоть за тридевять земель, хоть за семью веками, я накажу убийцу!

– Ты дал слово, Гостомysl. Живи, покамест не сдержишь свою клятву, – услышал князь голос пяти богов с небес.

Новгородский староста опоздал всего лишь на час, так как в дороге невесть откуда попавший под ноги коня наконечник стрелы вонзился между подковой и копытом. Конь принялся припадать на заднюю ногу, сразу же сбившись с галопа на рысь. Гостомysl, не желая брать чужого скакуна, вынужден был остановиться у придорожного навеса.

Пока кий развел огонь, обстучал новую подкову, заменил старую, ушло драгоценное время. Не случись этой неприятности, волхв успел бы сообщить имя убийцы. И теперь князь, горя над безжизненным телом Веденея, сокрушался о своей нерасторопности.

ХОЛМОГОРЫ. 1617 ГОД

Яна, оттолкнув в сторону дородную Аграфену, прошла в горенку. Достав из-под лавки заплечную корзину, принялась собирать в нее вещи и утварь.

– Съезжаешь, что ли, боярыня? Пошто так? Чай, не угодила? Наперед до свадебника²⁶³ ведь оплачено. Мне же теперича время надобно, чтоб гроши собрать для возврата, – обидчиво, надув и без того пухлые губы, проговорила хозяйка.

Яга повернулась и, поправив свисшую прядь волос, ехидно бросила:

– Тебе, сучка, за то, что в вещах моих копалась, помест я в море была, руки отрубить следует! Да некогда мне ныне тобой заниматься.

– Не рылась я вовсе, просто бисер просыпала, а он со стола да на лавку, с лавки да в кузовок твой. Вот и пришлось поискать-то, – отступила назад Аграфена, но, наколовшись спиной на острие ножа, который приставил Емелька, взвизгнула, упав на колени. – Не губи, боярыня, дьяк приневолил.

²⁶³ Свадебник – октябрь (стар. рус.).

– Нужна ты мне. Стану я лишний грех на душу брать. Ступай в погреб, там бусинки свои поищи, – открыв крышку, приказала атаманша.

Когда крышка за хозяйкой постоянной избы захлопнулась, в горенку ввалился пьяный Еремей.

– Опушки! Приплыла лебедушка! Мы тут уж хотели в лапоть накласть да за тобой послать, – съязвил душегуб.

– А мне ты и не нужен более, лапоть лыковый. Растрепал про нас во всех кабаках, – зловеще рассмеялась Яга и, блеснув глазами, выхватила пистоль из кужельки.

– Э, э, – протянул было руки к своей любовнице разбойник, но кремневый замок стукнул по ударнику, и грянул выстрел.

Горенка заполнилась дымом, а из облака раздался душераздирающий крик сына:

– Ты што, ополоумела? Чуть не оглох! Упреждать надобно! Я б хоть уши заткнул!

Яна опустила на лавку:

– Тьфу ты, бесенок, напугал мамку, голос Гришки Расстриги, родителя твоего, мне послышался. Сбирайся давай. Вещи выноси, пока Мартын не нагрязнул. Я лодку наняла у зырян, уж уплатила. А Ерему не жалея, дурак он был, дураком и помер. Серебром швырялся, выдал нас.

– А мне его и не жаль, я сам его хотел, того, этого, чтоб он с тобой не спал, – скривился в улыбке парубок.

Яна, выбирая ранней весной избу для проживания, рассчитала верно. Прямо за огородами начинался глубокий овраг, выходивший к реке. Место на отшибе ее вполне устраивало. Перед отплытием на Край Земли она удачно сбыла заморским купцам пушнину, оставив только серебряные украшения и деньги.

Многие жители окраины посада всю весну и лето зрели скорбную фигурку женщины, почти каждый вечер сидевшую подле установленного ею креста сгинувшим странникам.

– Боярская дочь, ишь как по мужу-то убивается. И крест установила. Рубль дала, не торгуясь, кособоком²⁶⁴. А священник освятил и задушеье принял немалое. А покамест, сказывают, батюшка еще не поминал имя боярина, так как ждет боярыня, не веря в погибель суженого. Сказывают, на другое лето каменный крест

²⁶⁴

Кособокие – наемные плотники, шабашники.

возведет, коли не объявится ее благоверный, – шептались уважительно женки посадские.

Другие наоборот, разводили темные сплетни:

– И не боярыня она вовсе, а знахарка и ведьма. Ибо нет у нее в углу красном образов. Отлучена она от Церкви Святой. А под крестом и вовсе собака зарыта. Кто же до креста в полнолуние дотронется, вмиг сам окаменеет.

КРАЙ ЗЕМЛИ

Иван шел первым, волоча за собой волокушу. Далее следовали остальные путники. Тукта, только что подмененный Ваней, плелся рядом, разглядывая низкую поросль.

– Вон, глянь, боялин, какая пестрая змея пригрелась на солнышке! – воскликнул самоед, показав на ветви.

Иван остановился и, отряхнув со лба капельки пота, глянул в сторону, указываемую Туктой. Что-то знакомое, почти уже забытое, екнуло у него в груди.

– Ну-ка, поддержи оглобли-то, – взволновано распорядился Ванюшка, бросившись к кустам.

На ветке куста висела лента из косы Ростиславы. Та самая, что была сорвана ветром с его головы во время шторма на Каспии. Юноша с любовью снял дорогую ему вещь, прижал ее к лицу, пытаясь уловить запах девушки.

– Благодарю тебя, отче Гостомysl, что послал мне радость сию, позволил мне хоть в грезах, но все ж встретиться еще раз с Ростиславой, – крикнул он в сторону низко летящих облаков.

ХОЛМОГОРЫ

Мартын, уладив на скорую руку дела с таможенным приказчиком, шел, насвистывая, к постоянной избе, куда отправил Яну с Емелькой по прибытию.

Настроение помора было приподнятое. Община лютеров дала добро на брак с боярской дочерью, и теперь народившиеся дети его приобретут статус другого сословия.

– Хоть и вредная она баба, но в ежовых рукавицах попырхает, покоряжится да и успокоится, – рассуждал он, усмехаясь в бороду, – никуда теперича тебе от меня не деться. Буш как шелковая. Выбор невелик – или на дыбу, или замуж.

Подойдя к калитке, мореход просунул руку в отверстие и изнутри открыл щеколду. Пригнувшись, Мартын протиснулся в проем. Собака, гремя цепью, забилась испуганно в будку.

– Ну, што, собрали вещи? – рявкнул помор в темноте сеней и толкнул дверь в горенку.

В слюдяное окошко комнаты сквозь остатки порохового дыма пробивались солнечные лучи, освещая тело убитого лиходея. Кругом валялись вещи, в спешке разбросанные по полу. Около печи, у дровницы, стояла на полу свеча, ее язычки пламени лизали уже обуглившийся бок одного из поленьев.

– Вот те на, – развел руки от неожиданности Мартын, – невеста-то убёгла, да еще и душегубство содеяла. Хорошо, что дрова не зашаяли.

Из подпола донесся бабий вой, и помор заметался в поисках крышки лаза. Он плечом отодвинул сундук и, нащупав кольцо, потянул на себя.

– Ведьма, ведьма, – трусаясь и икая, вскричала Аграфена, – оврагом пошли, лодка там ждет, слышала я из подполья!

Но разглядев труп Ермолая, охнув, хозяйка постоялой избы рухнула в погреб.

Мартын выскочил из избы и, на ходу схватив прислоненные к стене вилы, бросился к калитке.

Заваленный на бок крест, яма и открытый пустой ларец, измазанный в глине, раскрыл все тайны черной вдовы.

– Ушла ведьма. Яко змеюка улизнула. Где ж теперь ее в островах сыскать, – пнув ногой ларь и осмотрев с яра пустое русло реки, сокрушился помор. А вспомнив устюжскую летопись, вслух медленно процитировал знакомое с детства описание двинского севера: – «Реки Юг и Сухона, совокупившиеся воедино слияние, третью реку из себя производят, которая особенно восприимлет именованье Двина, потому наречется, что сдвинулись две и производят из себя третью... Сия река Двина... простирается она от горы Гледен на шестьсот верст, и впадает в великое море-океан, в Соловецкую пучину...»

ГЛАВА 18

Казимир опустил пищаль. Попал он в медведя или нет, шляхтич не понял. Но грохот выстрела, отпугнув зверя от береговой черты, сделал свое дело. Огромный белый самец, развернувшись, удрал в тундру, освободив водный проход отряду лиходеев.

Река истекала из огромного озера. Опустив весла, разбойники с удивлением рассматривали окрестности. Впереди до самого горизонта простиралась водная гладь озера, невысокие берега из торфяника, покрытые ягелем вперемешку с клюквенными кустиками, плотно покрывали вековой торфяник. То там, то здесь среди кочкарника рос белый гриб.

Никишка, вытащив из-за пазухи изрисованную тряпицу, показал пану пальцем.

– Острожок там, на том берегу. А мы тут. Переход в верст пять остался.

– Останавливаться на бивак не будем, пока ветерок в спину, перейдем озеро, – принял решение их предводитель.

* * *

РЕКА ДВИНА

Челн, подгоняемый попутным ветром, ходко шел против течения, с каждым мигом увеличивая расстояние между беглецами и Холмогорами.

– Матушка, а расскажи-ка мне былинку какую-нибудь, – попросил парубок атаманшу. Яна, обняв сына, ласково улыбнулась:

– Вроде большой, а сказки до сей поры слушать любишь. А поведаю я тебе про шиповник, что по берегам растет да глаз весной радуется цветом своим. Мне и самой эта сказка любая...

Как-то молодая девушка полюбила красивого казака, – крепче обняв сына, начала повествование Яна, – и он ответил ей взаимностью. Но станичный атаман отправил юношу на службу, а сам заслал к девушке сватов. Получив отказ, он решил силой жениться на гордой дивчине. Но не тут-то было! Убежала она к речке и пронзила сердце свое отцовским кинжалом. В том месте, куда пролилась кровь девушки, выросли кусты шиповника с прекрасными цветами для всех влюбленных и с острыми шипами для людей злых и завистливых...

Яна, досказав былинку, томно вздохнула. Припомнились ей нежные руки молодого казачка, стоявшего ночами в карауле у ворот монастыря. Его губы, пахнущие сладким шиповником. Усы и борода, мягкие, как пушок одуванчика. Когда ж это было? А может, и не было вовсе? Пригрелись сироте и любовь, и милый в ночи. Околдовала она ласками казака, да и выпустил он ее за ворота. Чайла, забудется. Ай, нет. Сердечко-то, как и тогда, в молодости, екнет порой, как только воспоминания нагрянут. Видимо, первая любовь незабываема.

Атаманша аккуратно приподняла ворот армяка сыну и вздохнула:

– А далее что? Жизнь – бабья доля. Скитания да притеснения. К Хлопку в ватагу попала. После казни атамана из-под сторожей стрелецких убежала да в Сибирь подалась. Благо дар есть – немощных лечить. Травы знает и от простуды, и приговорные. Григория любила, не любила? Не бил, и то спасибо, а сыночек, вот он, на радость растет. От Казимира ныне отстала, прилип ведь, как репей, польский лазутчик, кое-как от его пут освободилась...

Да и освободилась ли? Ведь найдет он. Под землей найдет. Смолу-то каменную у него похитила. Не простит ей пан такого подвоха. А как сережки колдовские добыть? Ведь с малых лет мечтала о них. Еще бабушка сказывала, будто есть на свете серьги, кои вденешь – и познаешь все тайны мира.

Емелька, прижавшись к матери, подремывал. Попутный ветер, наполняя парусок, гнал челнок в неизвестные дали.

Сидевший за потесью зырянин со смешным именем Куян²⁶⁵ мурлыкал свою нескончаемую песенку. Он и впрямь был похож на мордастого зайчика с отвисшей, как у налима, нижней губой.

Яна сама не заметила, как погрузилась в тревожный сон.

Где-то из марева тумана пригрезилось ведунье лико царевны Сузгун.

– Ну что, Яночка? Добилась сережек заветных? Принесут тебе их поздней осенью. Всю жизнь ты лелеяла себя мечтой заветной. Много лиха хлебнула да невзгод прошла. Получишь ты их, получишь, а вот носить сможешь или нет, тебе решать.

– Почему, госпожа? – прошептала во сне ведьма.

– Чтоб владеть ими, надобно будет пройти тебе еще одно испытание. Назначено оно свыше. Встанет выбор пред тобой – или серьги волшебные, или сынок твой Емелюшка. Вот тогда тебе решение и принимать. Есть дар у тебя – кровь останавливать, когда не запекается она даже на царапинах. Вот он-то тебе и поможет выжить в тайге дремучей среди самоеди и коми. – Царевна вдруг встрепенулась и скороговоркой окончила: – Погоня вас настигает. Как пробудишься, немедля сходи на берег и пробирайся к Печере-реке, сердце само тебе дорогу укажет. А еще я тебе обещаю, – ласково рассмеялась царевна, – встретишь ты любовь свою девичью, и растает твое замерзшее сердце. Бросала бы ты татьбу окаянную. Пора уж остепениться, любушка, пора, голубушка.

Дунувший ветерок ласково потрепал волосы ворожее. Яна открыла глаза. Зачерпнула забортной воды, плеснув ей себе в лицо, и приказала зырянину:

– Ну-ка, налим, немедля сворачивай к берегу.

Когда нос суденышка воткнулся в береговой песок, Яна, пройдя в лодке к кормчему, провела над его головой ладонью. Куян обмяк.

Ворожея, вложив загипнотизированному человеку за щеку деньгу, приподняла голову за подбородок и властно проговорила:

– Как погоня нагонит, поведаете им: сошла я не тут, а на левом берегу, по протоке к закату пошла. Сказывала, что на Дон пробираться стану. Внял?

– Да, – прошептал зырянин.

²⁶⁵

Куян, коян – заяц.

– Деньгу не проглоти, плата это за труды твои, – усмехнулась Яна, и вновь, проведя ладошкой над головой кормчего, дала установку: – Очнешься позже. А топерь спать ложись, устал ты шибко.

Кормчий безвольно завалился на дно своей лодки.

Убрав парус, ворожея спрыгнула на берег. Емелька оттолкнул лодку, которая, скользя, поплыла назад по течению к Михайло-Архангельскому монастырю.

– Следы замети и нагоняй, – дала наказ сыну Яга и, подняв узлы, скрылась в зарослях.

Парубок догнал ее через полчаса.

– Пошто рано сошли-то? Куды теперича нам? – шмыгая носом, зататорил он, семена за мамкой.

– На Печеру, сынок. Путь неблизкий, так что крепись. По приточке выйдем к горам, а с перевала спустимся – там и другая притока нужная будет. По ней и выйдем к речке, что Печерой зовется. Нам попадать в руки костоломам дьяка никак нельзя.

– Знобит меня чтой-то, – поежившись, вздохнул Емелька.

Яна тревожно приложила ладонь ко лбу сына.

– Не жар ли у тебя? Вроде холодный лоб. Дай-ка я тебе дегтем волосы помажу, всё мошка меньше докучать будет.

Поставив узлы с пожитками на землю, атаманша потянулась достать глиняный пузырек с дегтем.

– Ой, матушки! – открыв узел, ужаснулась Яна. – Сушеное мясо и рыбу в лодке оставила! Я ж торбасок в неводник положила, чтоб брызгами не намочить. Запоматовала впопыхах, старая дура! Как же мы выживем-то с тобой в урмане без еды?! Ой! Горюшко-то како! – и Яна, обхватив голову обеими руками, по-бабьи завыла. – Собя сгублю, и ты вместе со мной сгинешь, кровинушка моя!

– Мож, птицу каку добудем? Али рыбу словим? Не голоси ты, а то всех чертей распугаешь, – успокоил ее парубок, – пицаль у меня есть, да пистоль у тебя.

Яна вытерла глаза концом платка:

– Несмышлениш ты мой. Какая птица? Уж косяки на юг пошли. А в речках голыми руками токмо лягушку сонную поймать можно. Пицаль же и пистоль – токмо лишняя обуза, разве зверя какого отпугнуть, да и то по заряду. Порох-то я вместе с мясом уложила-а-а-а... – и атаманша вновь завыла, да так, что у Емельки по спине пробежали мурашки.

* * *

Иван тоже услышал докатившееся эхо выстрела.

– Алексей, поди, балует, – беспечно усмехнулся он и добавил:
– Тешится воевода.

Через час пути зоркий глаз Ваулихана приметил вал и очертания острожка, в котором должны уже были обжиться стрельцы и казаки.

– А вон и стрелец на валу, – разглядывая очертания острожка, улыбнулся Иван, – дошли мы.

– Зеленое сукно, – дернув Ваню за рукав, остановил его Тухта.

– Не внял. Растолкуй.

– Стрельцы в Мангазее в красных кафтанах ходют, а этот, на валу, в зеленом.

– Точно. Молодец, Тухта! Ишь какой зоркий. Ну-ка ворочайся к Гаджи-Ате и Никите, хорошо, что они отстали. А мы с Ваулиханом все ж пойдем, глянем, кто там.

– Слушаюсь, боялин.

Самоед, пригибаясь, нырнул в овражек.

* * *

– Этних-то откель вынесло? – поднявшись на вал по зову караульного, изумился Казимир. – Как войдут, вяжи их. Шум не поднимать, отряд молодого князя поблизости ужо.

Иван и Ваулихан, поприветствовав стоящего на карауле стрельца, прошли в жердяные ворота и оказались в железных объятиях стрельцов в зеленых кафтанах.

Через мгновение, связанные, обобранные ряжеными лиходеями, они уже лежали на куче старого хвороста у землянки.

– Ну, вот и свиделись, – рассмеявшись, ткнул ногой посла хана Казимир, – сам явился, ако агнец на убой. Действительно мир тесен. А ты, m;j druĥ²⁶⁶, – обратился шляхтич к Ванюшке, – коль смерти своему товарищу не алчешь, то пойдешь до князя. Меняю я ваши жизни на серьги, что у воеводы.

– Носить их буш? Можа и сарафан попросить для пышности, – съязвил Иван.

²⁶⁶ M;j druĥ (польск.) – мой друг.

– Не юродствуй. А лучше за жизнь своего друга гребь. Коль не принесешь иль не вернешься к сроку, отрежу я калган послу, как гусю рождественскому.

– Опосля-то отпустишь, коль принесу я сережки?

– Нет. Со мной пойдете к берегу, туды, откуда вы пришли. Явно там струг есть. Не на крыльях же вы сюды прилетели. Да и князь погоню вослед не отправит, коли вы у меня под ножами будете.

– А как дойдем до струга? Отпустишь?

– Оставлю вас на берегу, я добрый ныне. А покамест почивайте, други мои, утро вечера мудренее. Соснете, а там и воевода со своей ратью подойдет.

Поставив у связанных путников караульного, Козьма-Казимир спустился в землянку, где уже навел порядок и разложил вещи купец Никишка.

Иван поерзал спиной, проверяя крепость пут. Но тугие узлы не поддались.

– Эй, стрелец, ленточку на глаза повяжи. За пазухой она, не могу я ясным днем спать. Будь человеком, – попросил он стражника.

– Это мы могём, меня и самого вечный день докучает, – согласился упырь, наклонившись над Иваном.

Иван успокоил дыхание и, отгоняя тревожные мысли, попытался уснуть, веря, что ленточка Ростиславы обязательно поможет, хоть не наяву, так в грезах, увидеть еще раз прекрасную девицу из прошлого.

* * *

Тухта, наклонившись и упершись руками в коленки, переводил дух:

– Ух, ох, ух.

– За тобой, что, бесы гнались? Ты пошто такой запыханный? – поинтересовался Никитий у самоеда.

– Стрельцы не те! Ух! Кафтаны зеленые. Ох! Не те стрельцы. Упредить. Ух! Вас! Боялин Иван послал. В таких же кафтанах стойбища разоряли давеча, людей били. Я должен идти к шаману, рассказать, что стрельцы не настоящие. А то князю плохо придется, коли нападут на них селькупы. Ух.

Отдышавшись, самоед собрал в узелок провизию, приладил за спину лук, перекинул через голову ремешок колчана и решительно заявил:

– Пошел я до шамана, однако. А вы не ходите к острогу, а то и вас повяжут. Мните, как из беды боялина вызволить.

– Легкой дороги, – обнял на прощание Тухту Никитий.

– Жолын болсын²⁶⁷, – пожав обе руки, пожелал самоеду Гаджи-Ата.

Как только Тухта скрылся из виду, Никита принялся раздумывать, как выручить из западни Ваулихана и Ванюшу.

– Это герцог. Я его за сто верст чую, – присев на корзину, промолвил Гаджи, – от него одно горе кругом. Трава под стопами вянет, где он проходит.

– Ну-ка, поведай мне, что за гусь твой герцог, а опосля подумаем, как Ванюшку и Ваулихана вызволять будем, – усаживаясь рядом, попросил Никитий.

– Никто не ведает, как он завладел смолой. Токмо думаю я, что не честным путем, а обманом добыл он ее. Потому-то герцог и сторонился нас с Гостомыслом. Но везде пакостил. Возможно, это он убил волхва с Валдайских гор. Но нет тому свидетелей. А не пойманный – не вор. Нет Гостомысла в нашем мире, и сдается мне, нам ныне судить злыдня придется. В сабельном бою нет ему равных. А значит, надобно хитрость придумать какую-нибудь, чтоб одолеть герцога.

– Так, коли смолу искусил, не возьмет его хворь, как и нас, – задумчиво произнес Никитий, – остается в западню его заманить.

– Нужно в воду его заманить. Страх как утопнуть боится герцог, потому как плавает ако топор в проруби, – предложил индус.

– А как?

– Да просто. Есть древняя легенда о минотавре, который в лабиринте жил и поедал всех, кто к нему явится. То ли бык он был, то ли зверь какой, неведомо. Но хитрый был, как герцог наш. Пока к нему очередной воин шел, то в этом лабиринте дорогу терял да из сил выбивался. Тут-то, ако паук в паутине, и являлся на трапезу этот самый минотавр.

– Так чего к нему лезли? Живет себе он да живет, – не понял сути Никитий.

– Он же девиц себе требовал, почитай, каждый год по одной, – пояснил Гаджи и продолжил: – Настало время дочери царя идти на

²⁶⁷ Жолын болсын – счастливого пути.

погибель, но вступился один юноша, вызвавшийся чудище одолеть и выманить его из лабиринта.

– Ага, взял он чакру, и побег биться с минотавром! – рассмеялся Никитий, уже разгадав, что Гаджи вновь приведет в пример мужество индусов.

– И чакру тоже взял, – подтвердил старец, не заметив подвоха, – только дала ему девица моток ниток, чтоб он мог вернуться обратно. Вот по этим ниткам и выбежал из этой западни юноша, а за ним и бес рогатый. Тут-то ему и конец пришел.

– А к чему весь сказ? – потянувшись, поинтересовался Никита.

– Да при том, что пути отступления всяк ищет. А путь у герцога один. К нашим стругам. И он надеется, как и в прошлые времена, улизнуть. Вот и кумекай, что сотворить надобно, чтоб струг потоп, отойдя от берега.

– А что тут смекать? По днищу, от кормы к мачте, надобно лагу кинуть. Клинья расслабить. Отойдет злыдень на веслах от берега, парус расправит. Ветер рванет парусину. Клотик мачты вперед подастся, а ее комель кормовую доску и выдавит. Вот и поминай как звали. Проще пареной репы такое смастерить.

– Так и ворочайся к стругам, Никитий, а я пойду к острожку. Тебе же время надобно, мох выкинуть да второй струг перегнуть в заводь другую? Вот я и придержу герцога.

– Как?

– Покамест не ведаю. На ходу придумаю что-нибудь.

* * *

БАНИНЫ ГРЕЗЫ. РУСЬ ИЗНАЧАЛЬНАЯ

Окруженная данами дружина князя таяла на глазах. Падали под копыта своих коней сраженные воины. Годслав, подобно раненому льву, обреченному на растерзание шакалами, рубился в самом центре сражения.

Как и предупреждал старец Веденей, князь данов Годфред не вышел биться один на один с князем, а дал команду своим воинам окружить дружину бодричей и уничтожить.

Жители Рарога со стен городища беспомощно наблюдали за битвой. Оставшиеся в городище лучники достать врага не могли,

расстояние, на которое выманили даны князя, было слишком велико.

Отряд, посланный уничтожить корабли, так же попал в засаду пятитысячного пешего полка, выдвигающегося по суше.

Годфред мстил князю Годславу за позор, учиненный им его кузену герцогу Сигурду Трафалбрассу, которого на турнире у короля франков Карла Каролинга усадили на сутки в ослиное седло, прикрепленное к бревну позора.

Годслав тогда выиграл турнир и был удостоен главного приза – белого коня. Князь бодричей на пире после турнира заключил вассальский договор с Карлом Каролингом, а его воеводы Полкан и Дражко разбили десятитысячное войско данов – войско, которое в то время считалось самым сильным в мире.

– Я повешу тебя, так как биться с тобой слишком много чести, – с ненавистью глядя в глаза связанному князю, рявкнул Годфред.

Этим временем, выйдя из подземного хода, Ванюшка, Кий и Умила с детьми быстро спустились к реке, по глади которой растянулся туман.

Их отход прикрывал брат князя Годослава Добромysl. Уже в лодке, почти на середине реки, прилетевшая стрела вонзилась в щит Добромysла, которым он прикрывал Умилу с детьми.

С десяток вражьих лучников, выбежавших на берег, изготовились к стрельбе, но взглянув на юношу с раскачивающимся в его руках серебряным шаром, вставшего во весь рост в лодке, безвольно опустили луки.

– Стоять истуканами до заката! – донесся голос Ванюшки с туманной глади.

Лодку уносило течением, и вскоре она скрылась за поворотом.

Прискакавший со свитой Годфред изумленно уставился на лучников, которые, безвольно опустив луки, словно каменные болваны, стояли вдоль берега.

– Упустили змеиное семя! – хлестнув плеткой вертящегося под ним коня, крикнул он. – Всех казнить! – распорядился Годфред, брезгливо кивнув в сторону загипнотизированных воинов.

За несколькими поворотами реки Добромysl причалил к берегу.

– Благодарствую тебе, отрок. Ступай далее с миром.

Ростислава выплела из косы пеструю ленту и подала ее Ванюшке.

– Держи на память. Захочешь меня повидать, наденешь ее перед сном. Так всегда будет, покамест я замуж не выйду. Ведь это девичья лента.

– Немедля ступай к Веденею. Упредить его надобно, чтоб укрылся старец на время, – отталкивая лодку от берега, крикнул на прощание Добромysel отроку.

Иван, оставшись один, рассчитал, сколько поворотов сделала река, выбрав направление пути к пещере волхва.

Пробираясь сквозь заросли, подросток иногда останавливался, прислушиваясь.

Уже на подходе к жилищу старца он присел, услышав топот копыт.

Сквозь ветви кустарника Ванюшка различил несколько всадников, галопом промчавшихся в ту сторону, куда направлялся и он.

Через четверть часа Иван, раздвинув листья папоротника, осмотрел вход и прилегающую к пещере площадку. Несколько датских всадников, спешившись, разговаривали между собой.

Из пещеры раздался крик старца, который тут же оборвался. Видимо, кто-то неизвестный закрыл ладонью рот Веденею.

Воины прекратили разговоры, подтянулись, и из пещеры вышел, отряхивая камзол, герцог Трафалбрасс.

– For heste²⁶⁸, – сухо приказал он и, вставив ногу в стремя, невольно повернулся лицом в сторону подростка.

– Пан Казимир, Козьма стрелец, – беззвучно прошептали губы Ванюшки.

²⁶⁸ For heste (дат.) – по коням.

ГЛАВА 19

Один из трех дозорных стрельцов, что шли впереди основного отряда, поднял вверх шапку на бердыше.

– Чтой-то неладно в острожке. Я давно почуял, Макар Савватеевич, дымком потягивает. Вона, и дозор маячит. Не засада ли самоедская? – обратился к сотнику Антип. Обычно веселый и разухабистый десятник в мгновение ока переменился. – Обойти бы надобно острожок тайно. Да как это сотворить? Кругом пустынь-тундра, кажная кочка на примете. В лоб идтить? Так людшек положим. Стрелы-то не пчелы, ужалят, не поднимешься.

– В лоб никто и не пойдет. Обложим острог со всех сторон, как при осаде Самар-села, да и поглядим, чья возьмет. Мож там никого и нет вовсе, – возразил сотник, щуря глаза и приглядываясь к валу.

– Лексей Семеныч! Кажись, кто-то треухом машет, – показал рукой Антип, обратившись к воеводе, который уже и сам приметил двух человек у ворот острожка.

* * *

– Ступай да помни, что тебе наказано. Коль к полудню не во-
ротишься, не жить твоему приятелю. – Шляхтич ткнул Ивана ство-
лом пистоля в спину. – Szybko²⁶⁹.

²⁶⁹ Szybko (польск.) – быстро.

– Не погоняй, не запрягал, – на ходу разминая затекшие руки, огрызнулся Ваня и легкими прыжками, боком, чтобы не поскользнуться на росистом ягеле, спустился с вала.

Отойдя на выстрел, Иван повернулся и, перейдя на датский, чтобы их не поняли остальные, крикнул:

– Я знаю твое настоящее имя, если хоть один волосок упадет с головы посла, весь свет узнает про ослиное седло и старца Веденея!

– Helvede²⁷⁰, – чертыхнулся Казимир, – ты сам выбрал смерть, мальчишка.

* * *

Никитий вернулся к стругам в предрассветный час. Ленивый Паршук, оставленный для набивки мхом второго струга, мирно посапывал. Он даже и не приступал к работе. Охраняя сон нерадивого помощника, рядом на привязи лежал Хвома.

– Ватага Ёлкиных, сплошной лесоповал, – усмехнулся ведун, растормошив медведя, – не зима, чай, вставай, топтун. Никудышный ты сторож. Стареешь братец, стареешь.

Паршук же, получив посохом по спине, спросонья заметался в струге, перекладывая мох с места на место.

– Угомонись, рыбоед! Выкидывай за борт все. К вечеру чтоб в обоих стругах мха не было. Я покамест отдохнуть прилягу, ноги стоптал совсем. Чай, не кузнечик – по кочкарнику-то прыгать.

* * *

Гаджи-Ата, подойдя к валу, остановился.

– Стой! Куды прешь? Кто таков? – крикнул из-за плетня караульный.

Никишка с удивлением глянул на перекошенное от страха лицо своего господина. Всегда степенный и хладнокровный пан переменился. Он был похож на бурсака, застигнутого духовником за рукоблудством.

– Этот *mennesker*²⁷¹ не должен видеть мое *oblicze*²⁷², – показав на индуса, заикаясь, путая датские, польские и русские слова,

²⁷⁰ Helvede (датск.) – черт.

²⁷¹ Mennesker (датск.) – человек.

²⁷² Oblicze (польск.) – лицо.

испуганно прошептал шляхтич, – как войдет, вяжите – и в землянку к послу ханскому, им вдвоём веселей станется.

* * *

Дозор отряда, пропустив Ваню, остался стоять на месте.

– Не подходите ближе, у них пищали, могут стрельнуть, – предупредил он стрельцов.

– А кто там?

– Не друзья, а кто, потом узнаешь.

Иван, подойдя, обнялся с Алексеем, поздоровался с сотником и десятником.

– Айда-ка, отойдем, Алексей Семенович, в сторонку, толк есть сурьезный.

– Ну, давай, отдалимся, – согласился воевода.

Когда они отошли от отряда, обиженный недоверием Антип съязвил:

– Шурин знает, шурин жил, шурин выпить предложил.

Десятник еще что-то хотел сказать, но, получив толчок в спину рукоятью плети от сотника, замолчал.

– Ну-ка! Попридержи язык, пустомеля, – наблюдая, как молодой князь снимает ладанку и передает ее Ване, зыкнул на десятиника Макар Савватеевич.

* * *

ПУТЬ К ПЕЧЕРЕ

К полудню потянулись серые рваные облака, которые уже к сумеркам сплошной пеленой заслали небо. Ночью зарядил обложной дождь.

Пока сооружали подобие шалаша из лапника, промокли до нитки. И теперь, забравшись в укрытие, в крыше которого то там, то здесь капали и бежали струйки холодной воды, прижавшись друг другу, беглецы пережидали непогоду.

Емелька тихо всхлипывал:

– Не хочу я быть более лиходеем. Сколь можно скитаться? Неужто мы иначе жить не можем? Да пропади все пропадом, ма-тушка. Промок я до нижнего. И морозит.

Яна, погладив по мокрым волосам сына, вздохнула:

– Судьба, видать, такая, Емелюшка. Вечно скитаться и терпеть. Ты, сынок, потерпи, не могу я сейчас огонь развести. Трут промок весь. Приклони мне на плечо головушку, а ножки к себе подтяни. А я тебя рогожей укрою.

Атаманша забеспокоилась. Второй день сын слабый, не занемог бы. Куда она с хворым? Тут еще узлы, бочонок с серебром. Коли сын сляжет, одной ей не сдюжить. Ему бы мяска. Хоть бы сурка, хоть мышь. Одними грибами переросшими да пучкой²⁷³ сыт не будешь. А силы у Емельки тают на глазах.

– Мы хоть не заплутаем?

Яна сняв платок, расстелила его на коленях.

– Всю зиму вышивала. Помнишь шамана, коего плетьюми били? Я когда его выхаживала, по просьбе Полины, дочери Архиповой, бубен евошный рассмотрела, а там список стародавний всей стороны Шыбыр. Срисовала тайно тогда, а опосля вышила нитками, чтобы случайно не вышаркался платок-то.

– Помню, помню я шамана, – повеселел Емелька, – его тогда кнутами били, потому что на похоронах боярина-московита юродствовал. Шамана того в толпе изловил служка дьяка за то, что он, глядеча на пышное убранство гроба и ленты черные в гривах вороной тройки, зыкнул на всеуслышание: «Нам бы жить, как их хоронят!».

Атаманша, крепче прижав сына, вздохнула:

– Вот и накаркал шаман. Сказывали люди, утоп он, вместе с таткой твоим Григорием. Тому тожа всё не имелось. Задался он целью найти клад атамана Ермака, сколь ни отговаривала, не удержала я Расстригу. Поплелся дурень на Чудо-озеро, там и сгинул.

– Шибко далеко оно, озеро-то?

– Да уж не далее нашей дороги, сыночек. Право, чудное озеро это. Само огромное, с островами безжизненными. Зимой не найти его незнающему человеку, заплутает да и сгинет в непромерзающих болотах. А летом протоками не пройти, потому как живет в нем чудовище Сорт Лунг, который способен проглотить человека вместе с оленем. Местный люд не ходит туды. Заповедано им. Кто не из шайтанского рода, не смеет не токмо на острова ступать, а и к озеру подступать. Говорят, что там и хранят свою Золотую Бабу

²⁷³

Пучка – борщевик сибирский.

ведуны и шаманы. Татка твой мнил, якобы там и клад Ермака схоронен. Все верил, что найдет, да не вышло.

– Кушать хочется, – вздохнул Емеля, – хоть бы ронжу какую словить. Да силков нету. Она и не пойдет в петлю, шишки много, а нам и приманку не из чего сделать.

СЕВЕРНАЯ ДВИНА

Шли пятые сутки преследования.

Мартын, поймав и подтянув борт спускающейся по течению лодки, перепрыгнул в нее, где на стланях, свернувшись калачиком, спал зырянин.

– Вставай, сучий потрох! Иде ворожея со своим вырождком?! Отвечай, мать твою!

– Так сошла она на курье. На Емце сошла. Говорит, ко скитам Троицы Живоначальной пойду, грехи замаливать. Деньгу мне дала, все по чести.

– Не брешешь, новокрещён? Что-то по времени не сходится? Мож, на Пинеге высадил душегубку?

– Точно на Емец доставил, вот те крест, – побожился кормчий, – там и высадил, а токмо заснул, и ты разбудил.

Мартын, чертыхнувшись, перелез в струг к стрельцам.

– Судя по пролежням на щеке, ты не только заснул, а, поди, весь ден дрых. Гляди у меня! Коль неправду поведал, под землей достану!

– Далеко не уйдут, они припасы оставили, – подняв крышку рундука, крикнул, обрадовав Мартына, зырянин, – сгинут они. Без припасов не выживут. Или на люди выйдут, или пропадут.

– Эта не выйдет, она сына съест, но добровольно не выйдет. Знает курва, что казнь ждет ее. Не выйдет, – отбив шапку о колено, тяжело вздохнул мореход.

– Что далее, Мартын, делать бум? – поинтересовался старший из стрельцов. – Дождь собирается. Обложило все небо. Зарядит на неделю, а там и снег на очереди. Гусь-то пошел, к снегу энто.

– Хорошо, развертайтесь, – принял помор решение, – снег ляжет, охотники найдут, коли жива останется. Но на Пинеге приста-нем. Осмотреть берег для верности надобно. Сдается мне, на Обь, через Печеры, ведьма подалась.

Не успели развернуть струг, как пошел моросящий дождь. Ветер утих. Сняв парус, вся команда укрылась под ним от ненастья. Течение несло суденышко посередине реки, и в гребле не было необходимости.

Мартын, согрившись под парусиной, задремал.

* * *

КРАЙ ЗЕМЛИ

Ваулихан подвинулся.

– Зачем сам в руки лиходеев отдался, отец?

– Так надобно, – улыбнулся индус, привыкая к темени землянки. Думаю, мы ныне товар для обмена ходкий. Так что с нами ничего не содеется. А вот Ванюшке покрутиться придется. В цепких лапах нынче он.

Тем временем Ваня уже подходил к валу.

– Принес я, что ты просил. Выпускай полоняников.

– Постой пока. Мне обдумать надобно, – ответил Казимир и скрылся за частоколом.

Отведя в сторонку Никишку, он тихо наказал:

– Заруби себе на носу. Ты купец. В ватагу попал по тупоумию своему. Предложили болярцем²⁷⁴ при стрельцах быть, вот и согласился, откуда ж знать было, что разбойники оне ряженные. Тобе воевода ничего не сделает. Я тебя к послу и индусу закрою в землянку. Там поплачешься, мол, бес попутал идти на Мангазею. Не знал, что стрельцы не стрельцы. Ночью их выведи через зады. Я кокнара заварил в брусничный чай, под утро все наши лиходеи заснут, а ты уходи. Князь молод, наивен, помилует. Я же уйду с Иваном, до утра у струга буду.

Никишка вцепился двумя трясущимися руками в рукав камзола.

– Боязно мне.

– Будешь делать, как я изъясняюсь, сухим из воды выйдешь. Встретимся следующей осенью на Оке в Переяславле²⁷⁵. Я верных людей не бросаю. При мне будешь, коль до Речи Посполитой доберемся.

²⁷⁴ Болярец – интендант.

²⁷⁵ Переяславль – Рязань.

С последними словами Казимир провел Никишку к землянке и втолкнул под полог.

– Стеречь всех троих пуше ока! – приказал он караульному. – К утру ворочусь. Струг разыскать надобно. Пока у вас пленники, не полезут на вал казаки со стрельцами. А я вернусь. Ждите, – пообещал Казимир собравшимся вокруг ему лиходеям.

– А пошто сразу-то всем не идтить? Чай, не воротиться? Бросишь нас? – раздались возгласы.

– Коли сразу все оставим острожек в тундре, они нас и кончат скопом. А когда у меня утром под ножом в струге шурин воеводы будет, то возьмете остальных пленников и поведете их к берегу по следам моим. С ними вас воевода не тронет. Один я все равно не справлюсь, и кормчий нужон, и гребцы.

Пока разбойники топтались и раздумывали, Казимир подхватил заплечный короб и, не прощаясь, сбежал с вала.

– Поверили не поверили, но в спину не пальнули, – усмехнулся он и, достав из-за пояса заряженный пистоль, наведя ствол на Ивана, приказал: – Серьги яви.

Ваня развязал ладанку и, вытряхнув украшения на ладошку, ехидно усмехнулся:

– А что казать? Все одно не понимаешь, эти или нет. Вот кабы дырочки в ушах тебе проколоть да в девицу приодеть...

– Молчи. Шагай лучше до струга. Утром Никишка выведет дружёв твоих, а тебе со мной идти. Один я со стругом не совладаю. Зря, парубок, ты про ослиное седло поведал. Язык твой – враг твой.

– Нарочно крикнул, чтоб знал ты, что я свидетель твоему бесчестью, – гордо подняв голову, произнес Иван и предложил: – идем уж, а то к сумеркам не поспеем.

– Ну и дурак, – вздохнул герцог, – теперь или со мной, или смерть.

– Покамест с тобой, а там глянем, – усмехнулся Ваня, – у меня тоже, может, свои взгляды имеются. До встречи с ворожеей, можешь и не сомневаться, не сбегу. Она мне нужна не меньше, чем тебе. А без тебя мне ее не сыскать.

– Ну тогда айда, коли ворожею видеть вождедеешь, – кивнул Казимир.

Воевода с сотником долго глядели вослед двум путникам, уходящим в сторону горизонта.

– Кабы худого не вышло, – вздохнул Макар Савватеевич.

– Так, и так ужо хуже некуда. Догнать бы, да Иван велел до утра на приступ не идти.

Подошел Антип.

– Снежком попахивает, а я его за день чую. Ветерок меняется, коли север подует, то под парусом далеко уйдут супротив течения. Одна надёжа на смекалку Ивана.

Вечером Никитий и Паршук, укрывшиеся за холмом, разглядели двух приближающихся путников.

– Ванюшка с Козьмой идут. Что ж делать-то? Потонет отрок, от моей же козни, потонет.

– Может, отпустит его злыдень?

– Нет, ему кормчий нужон. Одному ему не совладать со стругом. Потопнет Ванька, потопнет. Второй струг в заводи спрятан, верст шесть до него. Бежим-ка, Паршук, до него. Может и пронесет, коли вовремя поспеем.

ГЛАВА 20

Воевода, собрав своих помощников, обсуждал план дальнейших действий.

– Острожек пред рассветом брать будем. Ночи сейчас темные, как-никак, конец сентября, да и снежок пошел вовремя, – молодой князь чуть помолчал, подставил ладонь, ловя падающие хлопья, и продолжил: – Задачу мы свою выполнили. Через волок ни один заморский купец не прошел к Мангазее. Отстоим до начала октября для верности и уйдем на стругах, прямо до Тобольска. До ледостава успеем.

– А мож, я пластунов к рассвету пошлю, а? Пушай поглядят, что за валом деется, – вставил свое слово в разговор Антип.

– Посылай, токмо чтоб на рожон не лезли. А на приступ пойдем, пушай залягут под бойницами, бердышами-то стволы и отведут в сторону, – одобрил сотник предложение десятника и, усмехнувшись, добавил: – Это надо же додуматься, в стрельцов нарядиться, чтоб самоедь грабить. Тут, мыслю, не разбойный промысел, а вовсю изменой государевой попахивает. Указ государя сознательно нарушают о том, что местный народишко не трогать, не забижать понапрасну. Умысел тут на озлобление селькупов супротив власти. Нужно злыдней живьем брать. Ведьм, коли мы вожделеем, чтоб дело наше ладно вышло, допытать надобно обязательно.

– Согласен с тобой, Макар Савватеевич, согласен, – кивнул Алексей, принимая миску с теплой похлебкой.

– Снежок да туман только в помощь нам теперича, – подытожил десятник и кряхтя поднялся, – пойду людей готовить к вылазке.

Под утро четверо казаков из десятка Антипа, взяв у стрельцов бердыши, бесшумно растворились в снежной круговерти.

ПЫЖМА-РЕКА

Забуранила, закружила снежными хлопьями поздняя осень.

Голодный ворон, перелетая с ветви на ветвь, терпеливо ожидал поживы. Он уже вторую седмицу приметил выбившихся из сил людей. И теперь, покаркивая, перелетал с ветви на ветвь.

Ворон наглед с каждым днем, и уже разгуливая в нескольких шагах от места привала или ночевки, громко каркал, словно спрашивая у измученных людей: «Ну, когда же вы уже померете? Устал я ждать. Поторапливайтесь».

Порох давно промок. Емелька, глотая слюну, голодными глазами поглядывал на птицу. Мальчик пытался пару раз подманить ее, но осторожный ворон всякий раз ускользал от него, вырвавшись из расставленной петли.

Атаманша, тяжело вздохнув, отбросила в сторону ненужный кокошник, в котором еще недавно хранила остатки припасов.

– Всё, сынок. Последние крохи закончились. Надобно нам к самоедам выходить. Иначе сгинем. Только вот где их сыскать-то? Ни одной зарубки на деревьях, ни одного следа не встречали, пока идём. Урман кругом, даже звериный след тут редкость.

Яна, сидя на поваленном дереве, разложила на коленках платок. Разгладила его и, проведя по узорам пальцем, пояснила:

– Нам, сынок, еще немало пройти надобно. На полпути мы ныне. Спасибо шаману, хоть список у нас есть. По нему и слепой выйдет. Ведьм на нем каждая речушка, каждый бугорок указан. Кто мог и подумать, что такая ценность у него с обратной стороны бубна намалёвана! Даже всеведущий Севастьян не догадался поначалу. А кода кинулся, то шамана и след простыл. А я, вот, срисовала, – самодовольно улыбнулась ворожея, – ныне и сгодился список.

– Надо было бубен спереть, да и всё тут, – подал голос Емелька и, разглядывая порвавшийся лапоть, посетовал: – Кушать просит, лапотов-то мой, и у меня живот к спине прилип.

Сын посмотрел на мать волчьими голодными глазами. Встретившись с отчаянным взглядом сына, Яна содрогнулась. И первый раз в жизни осознала, что родное дитяtko, в котором играет кровь Гришки Расстриги, за милую душу, пожалуй, и съесть сможет родную матушку.

– Потерпи, сыночек, я сейчас огонь разведу, пучек с тобой отварим да пяток короедов бросим, всё навар какой. Сходи-ка вон к той лесине, там дятел долбил, как раз и коры для костра нарубишь, и гусениц поглядишь.

Емелька поднялся. Взял топор и, ворча на ходу, побрел к дереву, на которое указала матушка:

– Забыла узел с езьбой, теперича голодай из-за нее.

* * *

МОСКВА

Федор Никитич после приема челобитных приказал к себе никого не пускать. Слишком много работы навалилось на отца государя. Надобно было разобрать списки и документы Федора Борисовича Годунова, принесенные из хранилищ. Хоть и пробыл на царствии сын Годунова недолго, а все же оставил яркий след в истории. Много списков земель составил. В особенности Сибири, которая была и по сей день неизведанной и мало изученной.

Развернув следующую грамоту, митрополит увлекся чтением.

– Парубок татарин Ваулихан, што из кайсаков чингизидов посольством ныне, указал множество рек и мест на списке моем, о коих и не ведали мы доселе. Челом бью, прими посольство их, не доржи их на постое, много пользы принесет дружба сия, государь. А еще, о людишках местных сказывал Ваулихан, о шайтанстве и идолах, да о шамане Угоре. Якобы на бубне его вся страна Шыбыр узорами списана, да клады атаманов сибирских и самоедская баба, што из злата отлита, пуда на два, указаны там. Мыслью, добыть бы нам сей бубен. О том тобольскому дьяку Севастьяну наказ строгий дать надобно бы тебе, государь.

Митрополит, отложив грамотку, задумался. Как будто скорбь по лику его прошла, и вновь, вернувшись к чтению, дочитал приписку, сделанную скорой рукой царевича:

– А кречетов, што Федор Никитич двух жаловал, вчера опробовал под Коломною, один вялый, мурзе Маметкулу отдал, а другой хорош, с лету двух утей сшиб, себе его оставил...

Федор Никитич, отложив свиток в сторону и вновь горько улыбнувшись, вслух произнес:

– Гляди-ка, и про меня тут упомянуто, а ведьм точно, дарил я двух кречетов царевичу Федору, просил за братьев слово молвить. Но не внял Бориска мольбам моим, гноил их в Пелыме в тесном заключении.

Федор Никитич поднялся и, глянув на разомлевшего писца у окошка, рявкнул:

– Ату! Не клюй! Того и гляди носом в чернильницу угодишь да бумаги зальешь!

– Не гневайся, большой государь, придремал я, каюсь, ведьм всю ночь списки ладил по указу твоему, – подскочил, поклонившись, писарь.

– Ну-ка, кликни мне Афанасия Ивановича Мезенцева, что по недоимкам из Курска вызван. Укажи, чтоб явился завтра. Отобедать со старостой губским желаю. Пущай список²⁷⁶ Курска принесет. Глянуть хочу.

– Так я, это, мигом, он же у дядьки государева на постое.

* * *

ЯМАЛ

Утром прибежал один из казаков, посланных к острожку в разведку.

– Спали все как убитые, мы их и повязали сонных. Многие даже вязанные спят, как маковой росой опоенные, что ли. И посла, и купца, и старца синеликого вызволили. Ненадобно на приступ идти, княже, управились без боя, – едва отдышавшись, радостно доложил он.

– Молодец, – похвалил князь разведчика, – с меня полтина всем удалцам.

– Вот это радость! Благодарствую от всех казачков, Лексей Семенович! – хлопнув по бедру шапкой, обрадовался служивый.

Но не успел отряд войти в острожек, выставленные караульные забили тревогу.

– Самоедь! Самоедь!

²⁷⁶ Список – копия, карта.

Стрельцы и казаки, заняв места у бойниц, с тревогой глядели в сторону горизонта, где широкой полосой ехали к крепости верхом на оленях вооруженные копьями и луками селькупы.

– Сейчас не нападут. Утро, солнце в глаза, целиться им плохо. А вот на закате нам солнышко мешать будет. Вот тогда и бросятся на вал, а может, и ночью рискнут, они ведьм как кошки в потемках зрят, – рассудил Макар Савватеевич, стоя рядом с молодым воеводой.

* * *

Шагая позади Ивана, Казимир поинтересовался:

– Где же я твое лицо видел? Уж не встречались ли часом мы ранее?

– У пещеры Веденя мы с тобой взглядом встретились. Ты арбалет поднял, но стрелять не стал. Спешил шибко.

– И имя мое ведаешь? – не удивившись странному заявлению молодого человека, спросил шляхтич.

– Ведаю, но вслух произносить не стану, ведь кто назовет тебя по имени, тот тотчас же погибнет, – усмехнулся Ваня.

– Истину глаголешь, – в ответ рассмеялся Казимир, не уловив сарказма в ответе молодого человека, и продолжил: – Но не бойся, у меня на тебя другие планы. До ворожеи вдвоем легче пробраться, путь-то неблизкий. Зверья полно, да и селькупы пошаливают. А там разойдемся, слово даю.

– Такое же твердое слово, как биться один на один, что князю Годславу дадено? – ехидно бросил через плечо Ванюшка.

– Не я его вызвал на бой, и слово не мое, – вздохнул Казимир. Ущемленное самолюбие привело шляхтича в ярость. Но, сдержав себя, он продолжил разговор: – Не ты ли наряд²⁷⁷ из Крыма доставил, а?

– Я. А что?

– Просчитался тогда я, обвели вы меня вокруг пальца.

– Не всегда коту масленица, пан Казимир.

– Этот обман Гостомысл чрез тебя сладил. Не допустил он, чтоб Речь Посполитая Москву под свою руку приняла. А ведьм все к тому шло тогда. Коли б не пушки крымские, не дрогнул бы гарнизон, не взял бы Пожарский Кремль.

²⁷⁷ Наряд – Артиллерия. Пушки.

– Чему быть, тому не миновать, – отозвался Иван.

– Не скажи, вьюнош, многое ныне деется волхвами да долгожителями, как мы. Смолу-то поди и сам вождедеешь получить у ворожей?

– Не нужна она мне более. Я хочу быть просто мужем. Семью завести да наземь сесть.

– Я тоже об этом мечтал когда-то. Со временем пройдет.

Вечерело. Начало смеркаться, когда Казимир и Иван подошли к заводу.

– Когда выйдем в море? – поинтересовался, осмотрев струг, Ваня.

– Сейчас и отчалим. Князю твоему не верю я. Потому на берегу почевать не останемся.

– Я столкну, полезай, пан Казимир, в лодку.

– Нет. Столкну нос я. А ты на корму проходи.

– Боишься, что оттолкну, а сам не сяду? – рассмеялся Иван.

– Не боюсь, а остерегаюсь. Проходи-ка, Иван, на корму и качни струг с борта на борт, так легче сняться нам будет.

Иван, подхватив вещи шляхтича и свои, ловко запрыгнул в струг. Проходя к корме, он обратил внимание на бревно, идущее по днищу от комля мачты до заднего борта. Про эту хитрую проделку он сам рассказывал Никите, вернувшись с Дона.

Казимир, тем временем, пользуясь, что под весом Ивана корма погрузилась, а нос приподнялся, столкнул струг с мели.

Запрыгнув, поляк, сев за гребли, сильными рывками отошел от берега на четверть версты.

– Сиди за потесью. Сам тут управлюсь. Правь в море, – крикнул он Ване и, уложив весла, расправил парус.

Ветер, наполнив льняное полотнище, подхватил струг. Верх мачты наклонился вперед, и бревно со скрипом выдавило кормовую доску.

Хлынувшая в струг ледяная вода волной прокатилась к носу, где копался с веревками ничего не подозревающий Казимир.

Иван скинул лапти, полушубок и, подхватив мешок Казимира, где лежал мешочек с серьгами, вывалился за борт. Уже в воде он развязал тесьму и, засунув руку, нащупал ладанку. Надев шнурок на шею, Иван поплыл к еле заметному в сумерках берегу.

Шляхтич, поздно заметив опасность, выпучил от ужаса глаза. Воды и огня он боялся больше всего. Тяжелый струг, скрипя и треща, медленно погружался в пучину.

– Wспом;;, wспом;;²⁷⁸!!! – закричал, глядя в небеса, обреченный.

А сверху, из глубины другого мира, хладнокровно и презренно улыбаясь, глядел в ледяную пучину и барахтающегося в ней человека князь Гостомысл.

Иван, проплыв саженой двести, начал терять силы. Ноги его опустились, и теперь Ваня греб почти на месте. Холод сковал тело ледяными клещами.

– Всё. Не доплыву я, мочи нет, – прошептал он, теряя сознание. Промелькнули картины детства, юности. Матушка на рынке у Искера, дядька Архип с дядькой Угором у избы в логу. Последним видением был Хвома, который теплым языком лизнул мокрое лицо Ванюшки...

²⁷⁸ Wспом;; – помощи.

ГЛАВА 21

ОСТРОЖОК НА ВОЛОКЕ

Тукта, сидя верхом на олени, поддал животному под бока пятками и выехал вперед шамана.

– Князя! Я привел шамана и его селькупов! Эти люди жаждут ведать, кто разорила стойбище. Шамана с миром пришел! – крикнул Тукта, сложив лодочкой ладони.

Алексей обернулся к сотнику:

– Не хитрят ли самоеды? На вал выйдешь, а они стрелами снимут.

– Похоже, нет, Лексей Семеныч, оне народ хоть и дикий, но честный, коль обещают, то слово свое держат. Выдадим им связанных татей да и разойдемся. Пушай с ними что хотят, то и делают. Провизии и так мало, не кормить же лиходеев до самого Тобольска.

– Верно, верно, Макар Савватеевич. И я о том же помыслил. Отдадим-ка мы воров на суд самоеды, да и дело с концом.

– А что выпытаем пред этим, все на грамотке и изложим. Да так опишем, что государь тебе великую милость окажет. Но грамоту сию надобно мимо Мангазеи и Тобольска отправить с нарочным.

– Зачем же поверх голов прыгать? – не понял замысел сотника Алексей.

– Молод ты ашо, Алеша. Славу твою мигом себе большие воеводы присвоят, а тебя и не упомянут в доносе государю. Вот я по

просьбе-то батюшки твоего покойного и пестую тебя. И радость мне, старику, будет, коли сам государь ты приметит. А хвалить тебя еСТЬм за что. Не каждому дано измену пресечь. Главарь-то у них шляхтич. Про то освобожденный купец Никишка сказывал. Он-то смуту и затеял на краю земли. Коль грамотно допросить, многое выяснится. Ведьм не сам же Казимир это задумал. Вот и еСТЬм нашему государю чем упрекнуть короля польского. Дабы Деулинское перемирие надобно соблюдать, а не строить козни за спиной нашей. Так что великое дело мы под твоим началом, Алексей Семенович, сделали. И преподать эту весть царю надобно прямо в белы ручки.

– А вот главаря-то мы упустили. Эко как неладно вышло, – сокрушенно посетовал князь, стегнув себя по сапогу ольховой веткой.

– Ну, это еще не ясно. Ванюшка тоже не промах. Сообразит, как поступить со шляхтичем.

Тем временем Тукта и шаман, подъехав к самому валу, остановились. Молодой князь, спустившись к ним, представился:

– Я холоп государя, младший воевода князь Кольцов. Споймал тех, кто под личиной царских слуг содеял зло вашему народу. После допроса я отдам их вам. Поступайте с ними как пожелаете.

Шаман, сидя на олени, с каменным лицом слушал Тукту, который переводил слова Алексея. После того, как речь князя была переведена, шаман кивнул головой и, развернув оленя, поехал к своему войску.

Тукта чуть помялся и тихо произнес:

– Шаман пошел говорить с селькупам. Как решат, так и будет.

– Езжай, уши грей, да гляди помни, кто тебя от кола спас, – прикрикнул Макар Савватеевич на самоеда из-за спины воеводы.

ЗАВОДЬ МОРЯ МАНГАЗЕЙСКОГО

Никита, Паршук и Гаджи, выведя второй струг в море, тщетно пытались разглядеть в сумерках мачту второго судна. Кругом были только гребни волн. К тому же снегопад уменьшал видимость. Ведун, не желая верить в гибель своего любимца, заставлял Паршука, сидевшего за потесью, вновь и вновь разворачивать струг и кружить по морю. Но когда и вовсе стемнело, пришлось направить лодку к берегу.

Никитий был в отчаянье. Он казнил себя за то, что подготовил струг к затоплению, не ведая, что в нем окажется и Ваня.

Струг уткнулся в береговой песок. Паршук спрыгнул с носа на берег и закрепил фал за куст низкорослого дерева.

– Никита, прыгай на берег. Будет утро, вновь искать будем, – крикнул он старцу. Но тот даже не покачнулся. Ведун, накрывшись дерюжкой, сгорбившись, отрешенно смотрел в холодную темноту.

– Только огонь и воду не в силах победить мы. Огонь – это путь в мир пращуров, вода – в тартар, потому и топили в Днепре волхвов, дабы сгинула вера предков наших, – вспомнил он наставления Гостомысла.

– Не уберег я, не уберег, – обхватив голову руками и качаясь со стороны в сторону, отчаянно шептал Никитий, – в такой волне и темени, коли за борт вывалишься, и берег-то не разглядеть. Не учел я, что на ночь глядячи в море выйдете. Ой, горе-то какое!

РЕКА ПЫЖМА

Яна, выбившись из сил, опустилась на снег.

Уже второй день она, вырубив две лаги и смастерив из них волокушу, тащила на ней совсем ослабевшего сына.

Перейти с такой ношей обмелевшие к осени многочисленные ручьи, впадающие в реку, она еще могла. Но впереди пред глазами атаманши предстал вид широкой притоки, которую без лодки преодолеть было невозможно.

Прислонившись спиной к стволу дерева, женщина мысленно искала выход из положения. Не раз ей приходилось бороться со смертью, не раз она обходила стороной казнь или погибель.

– Надобно ждать морозов, – решила она. – Токмо по льду можно доржать путь далее, – прошептали ее обветренные губы. – Прости, сыночка, погубила тебя маманька неразумная. Шурпы бы тебе мясной, да где же взять ее. Последних двух короедов доели. Да и много ли проку от них. Так, на один зубок. Коль ты помрешь, и мне жить незачем. На сучке, как векша, вздернусь, – осмотрев ствол соседнего дерева, отчаянно вздохнула ворожея. Ей вдруг захотелось завить волчицей, но остерегаясь напугать и так полуживого сына, Яна сдержалась.

Взгляд ее опустился ниже и остановился на зарубке. Она не поверила своим глазам. Протерла их платком и вновь посмотрела на ствол сосны. Видение не исчезло. На стволе виднелась покрытая плесенью еле приметная зарубка.

Яна знала, что зарубки ставят обычно на хвойных деревьях, чтоб и в сумерки можно было видеть блеск смолы. Ворожея, наступая коленями на подол юбки, подползла ближе. Засек был выполнен человеком, так как еще имелось несколько линий, обозначающих юрту и рыбу. Тут явно были родовые уголья одного из таежных жителей. Внимательно осмотревшись кругом, Яна разглядела присыпанный снегом истлевший каркас рыбацкой лодки-плоскодонки. Но у селькупов и ненцев были долбленки. Значит, тут ранее находилась стоянка или жилье отшельника или охочих людей. Спустившись к берегу, атаманша осмотрелась.

Еле заметная заросшая полынью тропа вела вдоль яра к расщелине между валунов.

Откинув полусгнившую частокольную дверцу, женщина вгляделась в темноту брошенного жилища. Внутри находился чумал, сложенный из камней. Перекрытие оказалось выполненным из стволов лиственки, поверх которых чьими-то умелыми руками был уложен дерн.

Небольшая лежанка из тесаных бревен, покрытая слоем тины, свидетельствовала о затоплении жилища в паводковый период.

Осмотрев жилище, Яна вернулась к сыну, лежащему на волокуше.

– Емелюшка, сынок, очнись, родненький. Не смогу я тебя с яра спустить. Сил моих нет, – хлопая по щекам парубка, взмолилась ворожея, – вставай, кровинушка, ползи за мамкой. Я подсоблю тебе. Ты ножками, ножками-то толкайся хоть. Шевелись, отродье расстрижное! А ну, вставай, гаденыш ты этакий. Подымайся, кому говорю! Очнись, ирод!

Емелька от тряски пришел в себя. То ли угрозы, то ли мольбы матери привели его на некоторое время в чувство. Он, поддерживаемый Яной, спустился с яра на берег.

Ворожея, уложив сына на лежанку, принялась суетиться над розжигом огня в чумале.

– Погодь, погодь, мой хороший, мамка мигом огонь разведет. Лучины разожжем да пошарим по сусекам и по уступам. Глядишь,

и съестного чего мож найдем. У нас ремешки есть на ножнах, отварим в ермачке, будет нам навар купеческий.

МОСКВА

Поднесли перепелов. Федор Никитич, взяв с подноса тушку и переложив себе, улыбнулся званому гостю:

– Ты, Афанасий, не робей. Двумя руками бери. Перепела ныне упитанные, засухи-то не было, жирок добрый нагуляли к морозам.

– Войны ныне нет, большой государь, поля ратями не потоптаны, вот урожай добрый и собрали. Все недоимки покрыли с лихвой. Мир даже Божьим тварям впрок. А уж народ-то как вельми рад, многие лета такое спокойствие не спускалось на нашу землю православную, – принимая перепела, уважительно поклонился губской староста города Курска.

– Коль винца сам подашь, не покичишься путем своим, то давай-ка мы с тобой тогда и служку отпустим, – предложил патриарх Московский и всея Руси и добавил: – Разговор у меня к тебе уж больно сурьезен.

– Да я, ведьм, холоп твой, Федор Никитич, и молодого государя нашего холоп. Мне тебе за великую радость услужить, – поднялся с лавки Афанасий и, приняв у уходившего служки кувшин, прошел к патриарху.

– Собе налей, Афанасий, – распорядился отец государя, – фряжское, сам король Сигизмунд пожаловал. За каждый год заточения по бочонку выдал. Три воза и получилось, – горько рассмеялся Федор Никитич.

– Лучше бы Псков отдал, больше пользы стало, – отставив кубок, вздохнул Афанасий Мезенцев и, поняв что пришло время серьезного разговора, спросил: – Пошто честь мне оказал, Федор Никитич? Повелевай, исполню что надобно. Костью лягу, но вполне волю твою.

– Намерен я вызвать из Тобольска молодого князя Кольцова. Государь наш, Михаил, воеводу желает под рукой иметь сибирского, да такого, чтоб по годам вровень был с ним. Курдас²⁷⁹, стало быть. К тому же, и князь Пожарский за него печется.

²⁷⁹ Курдас (тюрк.) – ровесник.

Федор Никитич поднялся, прошел к столу и, взяв приготовленный загодя свиток, вручил Афанасию.

– Тут грамота. В Тобольск дьяком приказным поедешь за князем. Но соль тут иная. У князя в шуринах некий Иван Сотников. Тот-то нам и нужен. Постарайся, Афанасий Иванович, выведать про бубен шаманский, на тыльной стороне коего вся страна Шыбыр списана. Нет цены тому списку. Там и серебро, и золото указано. А самое главное – соляные озера, запасы которых превосходят крымские во сто крат. Разведаем свои, не нужно будет хана ублажать. Да и соль в разы дешевле станет. Пора нам книгу великого чертежу переписать. А ты на это дело дюже ловок и прилежен. Тобе ее и прavitь, по нашему указу.

– Так, прям, нынче и выступать прикажешь?

– Ступай пока в Курск. Обоз поздней осенью токмо пойдет, с ним и выйдешь. Да пока не бахвалься о том, что со мной чаевичал, и тем паче о деле нашем. Дело сие государственной важности.

– Внял я, большой государь. Чай не зря был правой рукой воеводы столько лет в Курске, чтоб болтать о сём с первым встречным. Мои уста, Федор Никитич, могила.

– Ну, с Богом, – подав руку для поцелуя, отпустил старосту отец государя всея Руси, – ступай с миром. К осени вызову.

МОРЕ МАНГАЗЕЙСКОЕ

Последним видением был Хвома, который теплым языком лизнул мокрое лицо Ванюшки...

Каким чутьем медведь нашел в холодном темном водовороте своего друга, ведомо, наверное, только зверю.

Хвома, схватив пастью за ворот рубахи утопающего, медленно поплыл к невидимому берегу.

Иван, находясь в полусознании, все-таки смог замершими пальцами развязать бечеву на поясе. И мокрые порты сползли с ног, вскоре исчезнув в пучине вместе с Казимиром, вцепившимся мертвой хваткой в одну из штанин.

А медведь, почувствовав, что освободился от лишней ноши, фыркая, довольно ходко поплыл к заводу.

ГЛАВА 22

Связанных разбойников вывели из землянки. Построившись в ряд, они предстали пред взором шамана.

– Тут не все. Я помню скобленные лица, – перевел слова шамана Тукта.

– Один безбородый ушел к морю. Больше никого нет, – развел руками князь.

– Люль! Вуй!²⁸⁰ – показал пальцем на Никишку шаман.

– Он купец.

– Он убил одну из моих жен, – перевел Тукта. – Я видел. Глянь у него ожерелье в семь подвесок из сапфиров. И ты убедишься, во-евода, что он не человек, он вуй!

Никишка отступил назад. Озираясь затравленным взглядом, выкрикнул:

– Брешет, нехристь, оговаривает!

Антип, подойдя сзади Никишки и развернув его к себе лицом, повелел:

– Руки разведи. Осмотрю я тебя.

– Ты в шапке у него глянь, вот она, откинул купчина ее в сторону, – подав малахай Антипу, посоветовал Ваулихан.

Десятник, прощупав головной убор, с треском вырвал подклад. На мох, к ногам казака, посыпались украшения.

²⁸⁰ Люль – плохой, нехороший.

Вуй – зверь.

– Не губи, воевода! Веди меня в Тобольск, там большому воеводе все скажу. И про козни Казимира поведаю, и про измену государю покаюсь, – упав на колени, взмолился Никишка.

– Нет, упырь. Поведаешь все тут, Лексею Семеновичу, – взяв за шкурку купчишку, рявкнул сотник. И потащив его в землянку, попросил: – Писца с бумагой пошли со мной, княже, я его мигом допрошу!

– Мы отдадим вам всех, но для начала их опросим. Так полагается. Утром за ними приходи, – объявил окончательное решение воевода и предложил: – Приглашаю к трапезе тебя и твой народ.

Шаман, когда толмач ему перевел предложение князя, спрыгнул с оленя и, приложив руку к груди, произнес длинную речь.

Тукта тотчас перевел:

– В знак согласия и мира я повелю зарезать двух белых оленей, а воеводе государя желаю поднести в дар две непля²⁸¹ для его жен на сапожки.

– У меня одна жена, – улыбнулся Алексей.

Шаман выпучил глаза и, повернувшись к Тукте, спросил:

– Господарь шибко беден? У него нет серебра, чтоб купить себе еще жен? Я дам ему еще шкур. Мне он нравится.

– Он молод еще, и у орысов совсем нет много жен. Им это запрещает белый бог, – поклонившись, пояснил шаману Тукта.

МОСКВА

Проводив Афанасия, Федор Никитич присел за столешницу. Пригубив вина, патриарх отставил кубок в сторону.

Грусть обуяла его. Вспомнил он богатыря, брата своего, Михаила, что лошадь мог шутя и играючи положить наземь да в борьбе равных себе не имел. Помер братец-силач в яме земляной в Ныроме. Василия и Ивана вспомнил, сосланных Годуновым в Пельым на погибель. Александра как наяву увидел, коего уморили в Усолье-Луде на Белом море. Как сам выжил, одному Богу ведомо. Но натерпелся притеснений и сам. Постригли насильно. Много лет пробыл в заточении у короля польского. К любому шороху каждый миг прислушиваться-то, каково? То ли трапезу несут, то ли палачи идут.

²⁸¹ Непля – шкура оленя, выделанная в августе. Короткий ворс. Замш.

Феофан тяжело вздохнул, отхлебнул из кубка и вновь призадумался:

– Давеча челом били об освобождении из монастыря дочери Бориса. А как запамätовать зло от Годуновых? Как простить этому выводу змеиному смерть братьев? Ведь всех под корень извели, один только сын его Михаил и остался. Выпусти Ксению, вновь бояре недовольные во власть полезут. Опять смута по Руси пойдет. Пусть уж терпит за отца своего богомолица. Еще теснее содержать надобно, чтоб не общалась она с миром. Вот и песнь уже в черном народе ходит. Поют ее бродячие калики. Поют жалобно, а народец слушает, мотает на ус.

– Сплачетца на Москве царевна, ох-те мне молоды горевати, что едет к Москве изменник, ино Гриша Отрепьев Расстрига, что хочет меня полонити, а полонив меня, хочет постритчи, чернеческой чин наложити! – промурлыкал напев Федор Никитич, барабана пальцами по крышке стола в такт песне.

– А чрез кого воду в чистом пруду мутят остатки Борискиных прихвостней? Гусляры да скоморохи. Вот кого нужно извести. Никаких потешек и кашун²⁸² чтоб. Большим собором надобно осудить сию похабщину. Оградить сына Михаила от наветов и посмеши.

Патриарх окликнул писца:

– Ну-ка, разыщи-ка мне, Никодимушка, список грамоты приговорной Сергиевце-Троицкого монастыря.

– Где скоморохов хулят?

– Сметлив ты больно, за то и доржу при себе, – похвалил Федор Никитич писца и ласково предложил: – Возьми-ка пряники с моего стола, детишкам своим снеси. С Покровом Святой Богородицы поздравь.

* * *

Снег и сумерки сводили видимость к нулю.

Но молодой шаман знал. С плохой или хорошей новостью, но Хвома все равно вернется к берегу.

Мамар собрал хворост, вытащил из-за пазухи сухой трут. Накрывшись капюшоном, он высек огонь и принялся раздувать пламень. Вскоре прутики затрещали, и костер разгорелся. Шаман сходил за хворостом и бросил пучок в огонь. Костер запылал, бросая отблески на темные волны, набегающие на берег.

²⁸²

Кашуны – языческие былины.

Заунывная песня предков покатила эхом вдоль берега. Отстукивая ритм на бубне, молодой шаман просил духов отпустить из объятий смерти своего друга.

Много ли времени прошло или мало, неведомо. Мамар уже полностью погрузился в транс, когда в бок ему ткнулся мокрый нос обессиленного медведя. Хвома лег рядом и, вытянув морду по мху, со стоном, как человек, вздохнул.

Немного в стороне от костра, у береговой кромки, безжизненно колыхалось на набегающих волнах тело Ванюшки.

Шаман, отложив бубен, бросился к другу.

* * *

ОСТРОЖОК НА ВОЛОКЕ

Еще не рассеялся утренний туман, а шаман со своими людьми подошли к валу за плененными воеводой разбойниками.

Молча, потупив взгляды в землю, стояли упыри. Каждый знал – пощады не будет. Один только Никишка скулил, как побитая собака:

– Не губи, княже. Не отдавай меня на растерзание язычникам.

Но Алексей махнул плетью, и стража из десятка Антипа, толкая в спины обреченных, погнала их к подъехавшим селькупам.

– Что с ними станет? – поинтересовался Макар Савватеевич у Тукты.

– Их ждет бездонная пропасть. Летом появилась в тундре огромная круглая яма. Это знак духов. И шамана говорит, что надобно принести жертву. Так велят духи. Мы ранее принесли в жертву пять белых оленей, но яма не сомкнулась. Это недобрый знак. Теперь мы отдадим яме пришлых людей.

– Мы пойдем с вами, – объявил Алексей, – мне надобно глянуть. Пряма бездонная, яма-то?

– Нет дна. Камень кидашь, а всплеска не слышать.

– Далёко она, яма-то?

– Нет, князя, совсем близко. Пять ден пути.

Воевода обернулся к десятнику:

– Сбирайся со мной, Антип, да людей покрепче возьми. Пойдем, глянем. Описать надобно это явление. На десять дней продукты возьми, не подьедасть же самоедов.

Шаман в знак согласия кивнул головой.

– На пурлахтых²⁸³ орыса мозна. Айда санами, княся.

* * *

Разведя огонь в чувале, Яна зажгла восковую свечу. Освещая стены полупещеры, полужилья, она остановила свой взгляд на нише. Глиняная крынка, заткнутая деревянным чопом, покрытая толстым слоем тенеты и пыли, явно была не пуста.

Достав ее, женщина вытащила пробку.

– Соль, – разочарованно прошептала она. Надо искать жир. Должен же он быть, должен. Пошарив рукой глубже, Яна потянула на себя тряпичный сверток. Истлевшая материя порвалась, и на землю рассыпались предметы.

Яна наклонилась и, опустив свечу, рассмотрела на земляном полу пожитки неизвестного отшельника.

Пару серканок²⁸⁴ она отодвинула носком сапога. Подняла берестяной туесок²⁸⁵, открыла крышку. Понюхала, потыкала пальцем затвердевшее вещество.

– Жир, лыжи смазывать, – догадалась ворожея.

Емелька застонал. И атаманша, выйдя из оцепенения, подхватив ермачок, бросилась к речке, приговаривая:

– Потерпи, сыночек, мамка тебе шурпу мигом приготовит. Потерпи, родненький. Потерпи, лапушка.

* * *

ЯМА. ПЯТЬ ДНЕЙ СПУСТЯ

Это была даже не яма, а огромная воронка, появившаяся из чрева земли.

Алексей осторожно подошел к краю, но дна так и не разглядел. Внизу клубился туман. Отвесные стены уходили в преисподнюю.

Князь кинул в пропасть кедровую шишку, которую шелушил дорогой, лузгая орехи, коротая время. Шишка, описав дугу и пробив

²⁸³ Пурлатых – обряд принесения в жертву.

²⁸⁴ Серкан – деревянная ловушка для мелкого зверя.

²⁸⁵ Туес – берестяная коробочка.

себе путь в пелене тумана, бесшумно ушла вниз. Ни всплеска падения, ни единого звука воевода так и не дождался. Ему стало не по себе, и он отошел от пропасти, осенив себя крестным знамением.

Шаман под звуки бубна исполнил жертвенный танец. Селькупы, качаясь из стороны в сторону, мычали в такт, стуча древками копий и рогатин оземь.

Жуть нашла на обреченных. Катаясь по мху, они молили о пощаде.

– Уйдем отсель, Лексей Семеныч, – потрогав за рукав замороженного князя, настойчиво предложил Антип, – чтой-то мутно мне от шайтанства ихнего.

– Нет. Буду глядеть. Описать сие явление надобно. Ведъм на край земли мало кто хаживал, и чудо чудное никем, окромя нас, не лицезрелось, а в летописях и преданиях не упоминалось.

Одним за другим сталкивали в пропасть лиходеев. Их отчаянный вопль гасился где-то в безмерной пучине.

Последним подтащили упирающегося и извивающегося Никишку.

– Воевода! Помилуй мя!

К Никишке подбежал шаман и широким махом перерезал горло костяным жертвенным ножом. Кровь, хлынувшая из перерезанной глотки, паря и пузырясь, потекла в пропасть. Подошедшие два самоеда столкнули тело и, поклонившись шаману, почтительно отошли в сторону.

Алексею стало дурно, и он оперся на подставленную руку сотника. Земля заходила под ногами у воеводы, пошла волнами.

Селькупы, воя, упали ниц.

Когда Алексей очнулся от наваждения, он не поверил своим глазам. Пропасти не было. Страшное блюдо сомкнулось. А на месте, где была бездонная яма, стуча в бубен, с пеной на губах, крутился и приплясывал в бешенстве шаман.

Антип, схватив воеводу в охапку и стуча от страха зубами, крикнул своим казакам:

– Уходим, братцы! Богохульство сие! Шайтанство!

Перепуганные казачки, не заставив долго ждать, похватав пищали и пожитки, бросились прочь от ужасного места, приговаривая:

– Да подь он пропадом, край земли ентот! Упаси Господи ашо раз испытать тако!

ГЛАВА 23

МАНГАЗЕЯ

— Ванечка, сынок мой, — шептали пересохшие губы Ксении, — отведи беду, Господи, спаси и сохрани, — вытирая слезы, причитала старая женщина.

— Ты пошто не спишь, матушка? — передав няньке Бориску, присела рядом Полина.

— Сон мне привиделся. Вроде как с небес я гляжу. Будто пучина морская округ подо мной бушует, ветер лютует, волны задирает. Среди круговерти этой Ванюшка наш тонет, ручки ко мне тянет из пены. Хоть и темень, а различаю медведя в волнах. Крутится он, а найти Ванюшку не может.

Полина, прижавшись, обняла мать.

— Ну, будя, будя! Утрись-ка фартуком. Вся рубаха вон мокрая. Разгузынилась посреди ночи. Полно те рюмить. Сама себя изведешь. Нельзя тебе так расстраиваться, сердце-то, чай, не железное. Буш от каждого сновидения себе душу рвать, Ивана точно не дождешься.

— Ой, Полинушка, чую, неладно с Иваном. Как Архип помер, так другой я стала. Нет уж той твердости, какая во мне была в молодые-то годы. Знаю, что слезами горю не поможешь, а всё одно реву белугой.

— Ты, давай-ка, успокойся да про отца мне расскажи. Ведъм совсем я про него мало знаю.

– А я, думаешь, более тебя про него ведаю? Скрытен татка твой был, не любил прошлое ворошить, – утерев слезы рукавом рубахи, улыбнулась Ксения, – порой вспомянет что-то, найдет на него кручина, и сидит полдня, ровно идол каменный. Только жилы на руках вздуваются, будто душит кого. С Волги Архипушка был. Восемнадцать годков в рабстве провел. Бежали они, убив хозяина. Дядька Угор их сюды, на Север, и привел. Обещал вогул им жизнь елейную, да где ж ее найти-то, сладкую-то? Везде, как полынь, она, долюшка наша народная. Меня и Ванюшку выкупил он в Кашире на базаре, пожалел, не дал разлучить нас, когда татарин сыночка моего присмотрел.

Ксения, будто девица, встрепенулась, расправила плечи.

– Любил Архипушка меня шибко, ты в согласии и ласках на свет появилась. Редко какой бабе такое счастье испытать суждено. А я спытала, – кокетливо улыбнулась дочери мать. И лицо ее засияло, преобразилось. Будто и не девяносто годков ей, а всего лишь сорок. И Архип жив, и обнимает ее крепко, щекоча густой бородой щеки и шею.

– Ох!

Ксения, внезапно схватившись за грудь, застонала:

– Ой, щемит-то как, дыхание перехватывает. Ванечка мой, сыночка... Архипушка... Беги, Поля, за батюшкой, чую, исповедаться пора... Укрой меня, доченька, зябко мне...

МОРЕ МАНГАЗЕЙСКОЕ

Как вдохнул воздух с пеной, тотчас потемнело в глазах у Ванюшки. Попытался откашляться, но в лицо ударила новая волна. Глотнул он воды студеной и, безвольно опустив руки, пошел ко дну. Холод, сковывающий тело, прошел, разлилась томная, теплая истома. Поплыли пред очами круги радужные. И увидел Иван врата резные, а под аркой встречают его дядька Архип с дядькой Угором. Хотел было Иван шагнуть к ним, а ноги-то ватные. И как будто не замечают его дядьки. Вроде как и не его они вышли встречать. Обернулся Иван, глядь, а по тропке матушка спускается да мимо проходит, на сына не глянув даже.

Обняли дядьки матушку по очереди да и пошли в сады цветущие. А стража, заперев ворота, тоже ушла.

Раздался скрип колес. Обернулся Ваня, уступая дорогу арбе, которую тянули буйволы. А в клетке, на арбе, лиходеи сидят, а сам Казимир этой упряжью и управляет. Хлещет плетью буйволов, а они шагу не прибавляют, идут себе да идут нехотя.

– Повезло и в этот раз тебе, щенок, не утоп ты, как я, – криво усмехается Казимир, – но я тебя и в другом мире не оставлю. Помни имя мое.

– Забудешь тебя едва ли, – попытался вымолвить Иван, а язык-то ватный.

Тут завертелось все круговертью дивной. Появился медведь. И скачет по небу Ваня на мокрой спине зверя, погоняя его голыми пятками, а тот так и норовит в грозовую тучу нырнуть, дабы Ванюшку скинуть. Сумел-таки, косолапый, в тучу скакнуть, там же темень несусветная, вода кругом да морось. Сшибло Ивана с хребта, и полетел он наземь, кувыркаясь.

* * *

Мамар дотащил тело друга до костра. Бросил Ванюшку лицом вниз на лежащего медведя так, чтобы он переломился, и, упершись руками под ключицы бесчувственного Ивана, принялся резкими толчками выталкивать воду.

Из чрева Вани хлынула фонтаном пенная жидкость.

* * *

Никитий, сидя в струге, прижавшись мокрой спиной к мачте, незаметно для себя задремал.

Пригрезился ему старец Гостомысл.

– Обещал я Ванюшке, что отпущу его с миром опосля того, как он дело сделает, изведя со свету Казимира. Но, видно, судьба ему не стареть. Дай ему два комочка смолы каменной, иначе помрет молодец от горячки. Простыл он шибко, не выдюжит без снадобья нашего. Жар сожжет его изнутри. Большое он дело содеял. Не могу я ему дать помереть. Токмо за одно уличение убийцы Веденея жить ему три веку кряду. Пушай зла на меня не доржит, когда в себя придет.

– Так жив ли Ванюша, отче?

– Жив, жив твой подпестыш, – ласково улыбнулся старец Никитию, – вогул его ужо в чувство приводит. Как проснешься, ступай к своему любимцу. Да смолу каменную немедля дай.

Никитий, очнувшись от дремоты, огляделся. Немного правее по берегу мерцал огонек костра, разведенный Мамаром.

* * *

Едкой вонью тухлого жира заполнилась пещера, когда Яна, вскипятив воду, бросила в котелок затвердевший кусок, взятый из туюска. Добавив соли и листьев брусники, женщина подошла к лежащему сыну. Приподняла ему голову и попросила:

– Ну-ка, раскрой, Емелюшка, уста, я тебе шурпу сварила.

Но сын, чуть отхлебнув, закашлялся и, повернувшись набок, застонал, сплевывая на пол то, что попало ему в рот. Даже голодный организм не мог принять тухлятину.

– Кушай! Помрешь ведь! Кипяченая похлебка, ничего не будет, – отчаянно взмолилась ворожея.

– Не могу я. Мутит меня.

– Да что ж мне с тобой делать-то? Ремешки от ножен навар не дали, попусту токмо варила весь день. Тухлый жир кушать отказываешься. В речке половодье осеннее, один песок, откель рыбе взяться-то?

– Кар! – раздалось снаружи.

Яна с последней надеждой посмотрела под ноги, где валялись оброненные ею ловушки.

– Мож, хоть ворона попадетса? – решила атаманша.

Она, подобрав с пола один серкан и присев на чурбан, служивший отшельнику табуретом, принялась изучать его устройство. Ловушка была для ловли мелких пушных зверей. Но если подумать, то и птицу поймать было возможно.

Яна смочила тухлым отваром кожаный ремешок. Привязала его внутри, так чтоб птица не смогла вырвать наживку, прежде чем захлопнутся на ее шее разведенные планки.

– Кар! – раздалось вновь.

– Учюяла, бестия, запах, теперича тобя палкой отсель не прогнать, – усмехнулась ворожея, проверяя ловушку. Серкан хлопнул, больно придавив Янин палец. – Ох ты! Так тут и медведя споймать

можно, ишь как крепко перст зажало, – разжимая планки и с трудом вытаскивая ушибленный палец, обрадовалась женщина.

Смастерив из других ремешков небольшую веревку, Яна, вбив колышек напротив двери в жилище, привязала к нему ловушку. Теперь ворона не могла утащить серканку вместе с наживкой.

Зайдя в пещеру, Яна, заслонив проем частокольной дверцей, сквозь щель принялась наблюдать за происходящим на берегу.

Ворона долго разглядывала берег, не решаясь подлететь к приманке.

Яна, обессиленная голодом и долгим переходом, уже успела задремать, когда раздался хлопок и хлопанье крыльев.

Ворожея, откинув дверцу, выскочила из пещеры. Опрометью кинувшись на пойманную птицу, она, запнувшись о корягу, упала ничком в суглинок.

* * *

Пришедшие струги из Мангазеи привезли Алексею плохую весть. Скончалась теща.

Сидя на берегу у костра, молодой князь, вороша саблей угольки, грустно вздыхая, думал о Полине, которая с полугодовальным сыном решила ехать в обратный путь до Тобольска. Ничего теперь ее не держало в Мангазее. Ксения умерла, а старший брат Максим, схоронив матушку, распрощавшись с сестрицей да теткой Рамилей, пред ледоставом ушел на Енисей. Вот и решила Полинка на тяжелый поход с мужем, благо что один струг был с малой каютой, где и разместилась княжна с нянькой и дитем.

– Отчаянная у тебя, Лексей Семеныч, женушка, – подсев на бревно рядом, проговорил Макар Савватеевич, – можно слово сказать?

– Молви, Макар Савватеевич, ты ведьм как отец мне.

– Я к тому, – начал разговор сотник, – что грамотку надобно отправить нарочным к государю. А самый лучший гонец – это ханский посол Ваулихан. Не способен он родственнику своего друга напакостить. Доставит грамоту в белы рученьки. Тем более он ханских кровей. Примет его государь лично.

– Ты его одного, с дряхлым индусом отправить хошь? Не дойдут оне. Им стража нужна.

– Так и я о том же! – хлопнув себя ладошками по коленям, воскликнул сотник. – Дай Антипу отставку. Десятник и спроводит их. Давно он вожделеет на землю сесть да семьей обзавестись. Так пушай и идет. Да и грамотку он в дороге сохранит на груди до поры до времени. А уж когда к государю идтить, то тогда и Ваулихану передаст.

– А посол Ваулихан где?

– Он и индус с Никитием от хворого Ивана ни на шаг не отходят. Чум поставили, огонь там топят день и ночь. Заходил туды намедни, жар как в бане. Шаман Мамар песни поет и бубном трясет. А шурин твой в беспамятстве пребывает, мечется сердешный в бреду. Индус его жиром и снадобьями мажет, да в шкуры нагого, ако младенца, пеленает, – сотник вздохнул и добавил: – Никитий-то вчераь молвил, будто жар спадать начал.

– Может, на поправку пойдет, – с надеждой в голосе произнес князь, ткнув саблей в горящее полено, – лишь бы жар его не спек изнутри. Про матушку-то пока не ведает. И Полине я наказал, чтоб не ходила. У нее ведьм дите грудное, еще хворь пристанет. Слезами тут не поможешь, выживет, увидятся еще.

Чуть помолчали.

Макар Савватеевич тронул за плечо воеводу:

– А нам ждать некогда. Утром уходить надобно. Иначе скует реку, а струги-то казенные, не бросишь их. Грамотку-то для государя я за тебя ужо написал. Ты, Лексей Семеныч, токмо тамгу на нее воеводскую поставь, а я Антипа покличу.

– Согласен с тобой. Выдай Антипу серебром на дорогу. Под сопровождение посла спишем, – кивнул молодой князь, глядя на рой искр, поднявшихся к небу из разворошенного им костра.

* * *

На рассвете флотилия младшего воеводы, пользуясь тем, что с Карского моря подул попутный ветер, отошла от берега, и, разгребая шугу носами стругов, караван двинулся в путь к далекому Тобольску.

Никитий, сидя на коряге и глядя вослед веренице судов, вымолвил, тяжело вздохнув:

– Нелегко придется сердешным. Хоть бы до Кодского городища успели до ледостава. Ну, ничего, ветерок хоть и студеный, но

попутный. Попрошу шамана, чтоб песнь божку Борею спел, дабы подольше ветер не менялся.

Подошел Антип.

– Двигайся, язычник, – хлопнул он по плечу старца.

– Коряга большая, присаживайся, мил человек. А двигаться не стану, не для тебя место грел. Видали мы таких хитрецов, на сухое падких, – добродушно усмехнулся в бороду ведун.

– Чтой-то боязно мне, дядько Никитий, в путь неведомый пускаться. Ведьм нехоженой дорогой идтить придется.

– Не бойсь. Шаман молодой не заплутает.

– С его бубном-то и на тот свет не заблудишься, – ухмыльнулся десятник.

– Ты про бубен-то поменьше сказывай. Не ровен час, еще заинтересуется им кто из лазутчиков чужеземных. Оне ако аспиды ползают по Сибири. Все нороят разведать пути во Китай да Индостан. Узбекский хан с каракалпакским не пушают их по степи. А тут парус надул – да дуй реками до стран теплых. Хоть по Оби, хоть по Ыртысу, да и Енисей рядышком, коль на Мангазею пройти. Государь-то наш, Михаил Федорович, хоть и молод, да не глуп, правильно содеял, что проход закрыл чрез моря северные. Пусти, дай слабинку, так оне, инглизы со свеями, махом острожки тут возведут. А как обживутся, поди-ка выкури. Один раз уж оплошку дали, разрешив латинянам на берегах моря обжиться. Так они ливонский орден создали и угрозой нам стали. Не пусти их тогды князь Володимир, и не было бы ни войны вечной с Ливонией, ни духа ихнего. Как в сказке про лису с петухом. Напросилась плутовка пожить, а опосля и избу прибрала, и петушка во щи кинула.

– Жизнь-то она и есть страшная сказка – чем дальше, тем страшнее, – кивнул в знак согласия Антип, – мигом в суп попадешь, коль зазеваешься малость.

ГЛАВА 24

Ворона, зажатая планками серкана, отчаянно пыталась освободить свою голову из ловушки. Птица, махая и хлопая крыльями, подпрыгивала, рвалась из стороны в сторону, билась о берег. Ремешок, привязанный к серкану, натягивался и раскачивал колышек, который с каждым мгновением норовил выскочить из глины.

Яна, запнувшись, упав лицом в прибрежную грязь, наступая коленями на подол и путаясь в нем, отчаянно поползла к пойманной птице.

– Кар! – прокричала ворона и, дернувшись назад, вырвала колышек.

Но шея птицы все еще была зажата. И она, крутясь и барахтаясь, свалилась с берега в воду, а за ней не раздумывая плюхнулась в студеную круговерть и ворожея.

Отчаянно схватив перепуганную дико голосащую ворону обеими руками, Яна почувствовала, как сильное течение потащило ее на глубину.

Не намокшая длинная юбка вспучилась и, поднявшись пузырем на поверхность, закрыла видимость.

Ворожея, отчаянно барахтаясь, но не выпуская из рук пойманную птицу, попыталась понять, в какой стороне берег. Женщина навалилась на спину, изо всей силы толкнула ногами мутную бездну, и тут же ударилась головой о ветви берегового тальника.

Перевернувшись на живот, она ухватилась за ветвь, другой рукой погрузив орущую добычу под воду.

Так, повиснув на ветвях и подождав, пока ворона захлебнется, женщина пробыла в воде приблизительно четверть часа. Холода атаманша уже не чувствовала. Протока гнала шугу, проплывающие холодные льдинки больно царапали лицо и шею. Берег в этом месте был довольно высок, и женщина с ужасом осознала, что в длинной намокшей юбке, да еще с вороной в руке, ей не взобраться по мокрому, вязкому глиняному яру.

Оставалось одно – отпустить ветку и плыть по течению до пологого места, которое должно было быть на повороте протоки. Поворот же заканчивался впадением в основную реку, и женщину могло снести течением на другую сторону, чего и опасалась Яна.

* * *

КУРСК

Афанасий Мезенцев собирался в дальнюю дорогу. Холопы, уложив в сани вещи, нетерпеливо притопывали лаптями около саней, мяся нехитрой обувкой еще толком не застывшую грязь на обочине.

Боярин, оставляя хозяйство под присмотр старшего брата жены и уезжая надолго, наказывал жене, как вести хозяйство, как не залезть в долги.

Кроме обычного дорожного скарба, в сани аккуратнейшим образом были сложены замысловатые и невиданные до сей поры предметы, которые приобрел боярин еще летом у итальянского мастера. Особой гордостью старосты Курска пребывал прибор нониус, для которого, по распоряжению Афанасия, был изготовлен футляр. Еще одними предметами восхищения других картографов была трубка Галилея и гномон.

По тому времени, инструмент, собранный в корзинке саней, стоил не менее двух деревень вместе со смердами и холопами. А судя по скудному достатку старосты, то и его самого в придачу.

Потому и толпились, невзирая на ненастную погодку, зеваки Курска, обсуждая важность государственных дел, доверенных их земляку.

– Ну, с Богом! – вздохнул боярин и, задрав полы шубы, подошел к саням. Кряхтя да вздыхая, уселся он на солому.

Холоп, встав на задний облучок, поверх головы старосты щелкнул кнутом. Запряженная лошадь стронула сани, и полозья заскользили, разбрызгивая на запорошенную первым снежком обочину ледышки грязи.

– Но! Ашла, родимая! – прикрикнул на невзрачную почтовую лошаденку Устин.

– По указу государя, быть тебе, Афанасий, к ледоставу на Москве, – вспомнил боярин наказ отца молодого государя.

* * *

ЯМАА

Гостомысл, присев рядом с Ванюшкой, нежно погладил его по волосам.

– Поправляйся, отрок. Наказал я давеча Никитию смолы тебе дать каменной. Не смог я допустить твоей гибели. Как на ноги твердо станешь, пойдешь с Мамаром провожать посла до Камы. А опосля домой в урман ступайте. До Пелыма доберетесь, а там уже не заплутаете. Проследи, Ванюшка, чтоб ворожея смолу отдала, ничего не утаила. Ты ей серьги передашь за нее. Но возьмет ли она их, ей решать.

– Как же я найду ее, отче? Легче в стогу сена иголку отыскать, – попытался возразить Иван.

– Не перечь старшим, внимай, что тебе сказывают, – перебил его Гостомысл, – ноги сами тебя приведут туды, куды надобно. Это с виду земля большая, а дорог-то на ней – раз-два и обчелся. На стойбище встретишься ты не токмо с ворожеей, будет тебе знакомство и с боярином, что послан государем для составления списка рек и дорог Сибири. Бубен ему не кажите, на платке ворожеи вышивка имеется, а место схрона клада атамана и бабы златой не будет указано. Вот с этого платка пушай список и делает.

– Как же так? Ворожея, да не срисовала сии места важные?

– Срисовала, срисовала, плутовка, – усмехнулся в бороду князь, – да кровью они измажутся до вашего прихода. Найдут ее обмороженную, обессиленную, в урмане вогуличи. Когда вещи сыпать с нее станут да отрывать ткань с кровью запекшейся, порвут они нити вышивки – как раз в нужном месте и порвут. А остальное

пуццай списывает боярин. Надобен такой чертеж людям. Пора крепко в Сибири встать русам и словенам.

– Все-то, ты, отче, предвидишь, – восхитился Ванюшка, – а вот мою судьбу не желаешь мне поведать.

– Ты ее сам испытаешь и познаешь, Ванечка. Времени у тебя теперича предостаточно. Триста лет тебе на роду писано, – ласково улыбнулся князь и растворился в дымке.

* * *

Иван с трудом приоткрыл опухшие веки. От едкого дыма навернулись слезы. Он вытащил руку из-под шкуры и смахнул слезинки.

Разглядев у чувала дремлющего Мамара, больной слабым голосом вымолвил:

– Мамарка, да не топил бы ты рыбой, так чадит, что дышать нечем.

– А чем топить-то ашо, Ваня? Вяленый чебак дюже ладно горит, добрее, чем мокрый хворост. Его ведьм почитай два десятка мешков воевода оставил, все одно прошлогодний, – ответил машинально шаман и тут же, встрепенувшись, подполз по шкурам к Ивану.

– Ванюшка! Братка мой! Очнулся! Радость-то какая!

– Да погодь ты, Мамарка! – прокашлялся Ваня. – Князь Алексей где?

– Ушел он в Тобольск. Ведьм мороз-то крепчает. Им хоть бы до Березовского острожка на стругах успеть добраться. Вон как метет-то, – приоткрыв полу завеси, пояснил другу молодой шаман.

В приоткрытую полу ворвался снежный вихрь. Огонь в чувале заволновался и пустил большое облако едкого дыма.

– Да прикрой ты полог, окаянный, задохнемся же, – взмолился Ваня, залезая с головой под шкуру.

Мамар прикрыл вход, и облако дыма, устремившись под свод, потянулось в макадан²⁸⁶.

* * *

ПУТЬ К ПЕЧОРЕ

Вся мокрая и перепачканная в глине Яна, тяжело дыша, ввалилась в пещеру, бросив перед собой улов.

²⁸⁶

Макодан – дымовое отверстие под сводом чума.

– Сейчас, милай, отдышусь, и будут нам щи, хоть рубахи полощи, – выдавила из себя атаманша и вдруг залилась сумасшедшим смехом. Глаза у нее округлились и выкатились из орбит. – Ну, шельма! Чуть не утопла из-за нее! Ах! Ах! Помала я стерву! Ха-ха!

Емелька, очнувшись, испуганно поджал ноги.

– Ты, часом, не того? – крутанув пальцем у виска, прошептал сын пересохшими губами.

– Того! Того! Ха! Ха! Будет нам уха из петуха!

И, успокоившись, стуча зубами от холода, приказала:

– Ну-ка! Повернись к стенке, мне переодеться в сухую одёжу надобно.

Емелька с усилием отвернулся к стене.

– До ледостава еще далеко, лед крепкий нужен, чтоб в путь нам тронуться. Одной вороны-то нам токмо на седмицу и хватит, и то коли растянуть лакомство. А что дальше кушать бум? Ума не приложу, – вздохнула женщина, выжимая юбку.

Яна, услышав чавканье, резко обернулась. Емелька, спустившись на пол, с обезумевшим видом, даваясь и срыгивая, сплевывая перья на пол, грыз сырую ворону.

* * *

На следующей неделе выпал снег, покрыв Край Земли белой пеленой. Забереги сковало. И только в саженьях полста от берега еще колыхались волны.

Иван окреп. Он сам, без помощи Мамара, уже выходил из чума. Закутавшись в верблюжье одеяло, часами сидел Иван на нартах, наблюдая за застывающим Мангазейским морем. Казалось, никакие земные дела молодого человека больше не интересовали. Рисуя под ногами узоры тростью, он отрешенно смотрел на производимые им же иероглифы.

Молодой шаман, принимая близко к сердцу отрешенность друга, пару раз пытался отвлечь его от мрачных дум. Но Иван, односложно ответив на любой вопрос Мамарки, вновь уходил в себя.

– Триста лет жить, как ворону. Да за что же наказание-то такое? – упрямо твердил любимец Никития и Гостомысла. – С кем останусь-то я? Вот и матушка почила. Мамар, Айша и Ксения уже старее меня выглядят, а ведьм я на дюжину годков всех старше.

– Ты же, Ваня, желаешь найти народу доброго царя? Вот и ищи, на то тебе богами три жизни и дарено, – как-то подсев к своему любимцу и обняв его, молвил Никитий.

– И найду! И помогу ему царем стать!

– Царей хороших не бывает, – усмехнулся волхв, – а вот справедливого государя, может, и сыщешь. Впрочем, они все добрые, пока зубами к стенке. Готовься, Ванюша, в дорогу дальнюю. Индусу смолу добудешь, что ворожея у Казимира умыкнула. Ему ведьм уже давно пора в свой Индостан уйти, а он не может без снадобья возвратиться домой. Инглизы захватывают Дравению, и чтоб выгнать завоевателей, надобны обученные воины. А кто их обучит лучше врага? – улыбнулся Никитий и продолжил: – Вот и задумал Гаджи-Ата каверзу одну, перво-наперво склонить родовых старейшин, чтоб в войско захватчиков молодежь свою отдавали. А как инглизы опорой своей сипаев сделают, дадут им в руки оружие, так и восстанут индусы супротив пришельцев.

– Умно придумал отец Гаджи, – уяснив смысл задуманного, восхитился Иван, – токмо бы поддержали его старейшины, ведьм они-то супротив этого.

– Для того и пойдет индус на землю предков, дабы убедить в обратном. Тут в лоб не ударишь, хитрость нужна. Уж больно силен враг у них.

Глава 25

Старый охотник Елей ходко скользил снегоступами по запорошенному снегом льду. Изредка пробивая лыжню во встречающихся на пути переметах, он знакомой дорогой шел к родовому угодию. Сзади, по пробитому стариком следу, вел в поводу навьюченного оленя подросток.

Неделю бушевала непогода, сильный северный ветер Борей, налетев ураганом, повалил в урмане деревья, разметав вороньи гнезда, сорвал остатки осенней листвы.

Но вчера пурга наконец-то ушла на запад, и к полудню выглянуло солнце.

Пойма реки в неожиданном безветрии замерла, как в сказке. Вот в такой сказке и нашел старый Елей три года тому назад замерзших сына и сноху. И остался старику, на радость иль на горе, один только внук. Помощник. Хотя какая это опора? Мал еще.

– Таль, таль, таль, – мурлыкал под нос грустную песню охотник, размышляя. – Оленя шаману отвел. Таль, таль. За это обещал

колдун, что ныне же найдет Елей новую жену, да не ленивую, а рас-торопную, чтоб и по хозяйству помощницу, и за мальцом присмотр. У шамана-то три бабы, и то по хозяйству не успевают, а у Елейки ни одной. Ни малицу заштопать, ни рубаху пошить. Блох подавить – и то некому. Таль, таль. Купить бы жену, и шкурки на это дело пригото-влены. Да где ж бабу в урмане найти? Все на счету. Молодых всех присмотрели, не отбить, а погодки уже никчемные, старые. Такая баба воды из реки не принесет, шкуру не выделает, саман не натоп-чет. На кой такая обуза? Только еду переводить. Таль, таль, таль.

Парубок, шагая по следам деда, бесцельно рассматривал высо-кий берег протоки. Невольно его взгляд остановился на корневище поваленной бурей сосны, что свисала стволом вниз на лед прото-ки. Мальчик отвел взгляд, но тотчас присмотрелся к корневищу снова. На снегу из сугроба торчал уголок платка, который трепал легкий ветерок.

Олень, громко фыркнув, прынул назад.

– Ай-е! Ай-е! Дедушка! – окликнул мальчик ушедшего вперед охотника.

Но старик, напевая под ритм ходьбы песенку, – таль, таль, таль, – не расслышал внука.

Подросток, продолжая держать в поводу оленя, свернул с троп-ки и подошел к сугробу под корневищем. Он ткнул ногой в снеж-ный бугор и тут же отпрянул в сторону. Олень же, натянув повод, испуганно захрапел. Сугроб шевельнулся.

– Дедушка! – вновь закричал парубок, испуганно пятясь на-зад. – дедушка-а-а!..

* * *

Яна замерзшими скрюченными пальцами потянулась к виде-нию мальчика.

– Люди, люди. Дошли мы, сыночек, дошли...

Трусцой подбежал старик и, присев на корточки, щелкнул языком:

– Вот так чудо! Баба, однако. Не зря ведь оленя шаману дал.

– Под ней еще кто-то есть, – прошептал внук, разгребая рука-ми снег.

– Иди-ка, сруби верхушку сосны с ветками. Надобно волокушу мастерить, – распорядился охотник, указав на поваленное дерево.

Уже зашло солнце, когда у чума шамана остановился олень с волокушей.

– Счастливый ты, Елей, тебе урман сына и жену подарил вместо твоих ушедших в страну духов. Не зря ты в жертву оленя пред охотой принес. Духи благосклонны к тебе, – осмотрев два бездыханных тела в волокуше, произнес шаман и распорядился: – Везика их в свой юрт, я приду, когда разведешь огонь. Они будут жить. Правда, одежду придется кое-где снять с кожей. Но главное, что ноги целы у бабы, нога-то широкая, сильная, и женщина сможет тебе месить глину для чувалов. Да и мальчик ширококостный, помощником будет, коли выживет. Я тебе, Елей, вот что скажу, я ведьм токо одну бабу обещал попросить у духов, так что готовь еще одного оленя за сына.

– Я не просил сына, забирай его себе, у тебя ведь девки одни, – буркнул старик, погладив морду единственного оставшегося у него оленя, – не дам олешку.

– Не артачься, Елей, ступай, разводи огонь. А там поглядим, – сдался шаман, убедившись, что старый охотник не отдаст оленя.

* * *

Небольшой обоз встал на дневной бивак.

Антип, сидя на корточках у разведенного костра, согревая руки над зыбким пламенем, прищурившись, осматривал берег протоки.

– Какую седмицу едем, а все одно безлюдье, сендуха²⁸⁷ да сендуха, – проворчал десятник.

– Потерпи, Антипушка, скоро юрт будет большой, там передохнем и отогреемся, а мож кого и бабой порадуют. У них, у самоеди, закон таков, что гостю завсегда рады, накормят, напоют и бабу свою дадут, лишь бы угодить, баба-то не собака, жалко нет, – присев рядом на корточки, улыбнулся Иван, так же оглядывая нескончаемый берег протоки.

– Уж невтерпеж, Иван, – хмыкнул Антип и, озорно толкнув плечом товарища, пошутил: – Который ден на задницу оленью люблюсь, а она от энтото все краше и краше. Так и до греха недалече.

Путники рассмеялись.

После студеного северного ветра дул легкий Баргузин.

²⁸⁷

Сендуха (устар.) – тундра.

Дед Гаджи, завернувшись в шкуры, разомлев на солнышке, мирно посапывал. Да так мирно, что уставшие олени, щипая ягель, косясь на храпевшего индуса, нервно вздрагивали при каждом его вздохе.

Иван и Антип, приготавливая обед, суетились у костра.

Ваулихан и Мамар верхом решили проехаться вдоль притоки, что примыкала к основному руслу, чтобы поискать следы иль какие приметы обитания человека.

Молодой шаман, понукнув, ловко взобрался на своем олене на невысокий берег приточки и, оглянувшись, крикнул послу хана:

– Нагоняй, не мешкай.

Но олень Ваулихана только со второй попытки одолел подъем. Храпя и косясь на седока, он раз за разом, проявляя неповиновение, норовил освободиться от своей ноши.

Сын степей, сызмальства привыкший к лошадям, видать, с первых мгновений знакомства с животным где-то дал ему слабинку, и теперь олень, всячески сопротивляясь седоку, являл свой норов.

Выбравшись на равнину, путники направили животных к темнеющей вдалеке кромке леса. Ваулихан, на ходу сняв из-за спины пищаль, подсыпал на полку сухой порох, распушил трут, приложенный к ложу.

Неожиданно олень под седоком задрожал всем телом и, не слушаясь хозяина, ринулся к холму с левого края леса. Сын Исатая, чудом удержавшись в седле, одной рукой держа пищаль, другой повод, пригнувшись, покорился воле животного. Обезумевший олень ринулся прочь, унося седока.

За спиной послышался жуткий волчий вой. Стая полярных волков, выскочив из ложбины, пустилась в погоню. Мелькали кусты и поросль. Отчаянный хрип оленя заглушал топот копыт. Ваулихан, не имевший возможности повернуться и оглядеться, каждое мгновение ожидал прыжок хищника на спину.

Перед кромкой леса олень запнулся, седок упал в снег, больно ударившись то ли о изваяние идола, то ли о камень.

Засыпанное снегом древнее капище с поваленным во многих местах частоколом приняло человека, укрыв своей колдовской силой от смерти.

Стая волков, будто столкнувшись с невидимой чертой, ринулась в сторону за убегающим оленем, не обратив внимания на упавшего всадника.

Ваулихан поднялся, отряхнул малицу, продул полку пицали и трут от снега. Посол огляделся. Повсюду чернели столбы с черепами животных. Посередине загадочного места возвышалось сооружение из трех стволов лиственницы в виде чума. Все еще опасаясь волков и озираясь, сын Исатая подошел к камню перед странной пирамидой. Стряхнув верхонкой снег с валуна, путник обнаружил надписи на неизвестном ему языке.

– Эх, Ванюшки нет. Он бы обязательно прочел! – воскликнул он, сокрушаясь, что его друга нет рядом.

Таинственная неведомая сила влекла молодого человека под своды изваяния огромного чума. И, преодолевая робость, Ваулихан нерешительно ступил вовнутрь огромной пирамиды, но, запнувшись о лежащую в снегу корягу, рухнул плашмя, больно ударившись головой о полуразрушенный чувал. В глазах у Ваулихана помутнело, и он на мгновение потерял сознание.

Полежав немного ничком, он, глянув в левый проем, не поверил своим глазам. Там стояло знойное лето. Огромные папоротники, заслоняя солнечный свет, раскинули свои ветви.

Молодой человек поднялся, отряхнул малицу от снега и раздвинул ветви растения. Сказочная картина древнего мира предстала пред его взором.

Огромная ящерица пожирала, видать, только что пойманную птицу, похожую на пеликана, но только без оперения. Птица отчаянно, все еще надеясь спастись, хлопала крыльями и вопила, словно дюжина корнаев²⁸⁸.

Ваулихан, почувствовав себя муравьем по отношению к представителям неизвестного мира, отступил, но заметив волосатых, полуголых человечков с копьями и каменными молотами, остановился наблюдая.

Отряд отважных людей бесстрашно бросился к огромному ящеру, отбивая добычу. Криками и воплями, тыкая костяными наконечниками копий в морду рептилии, они заставили ящера выпустить добычу из пасти.

Пеликан востепенулся и, отчаянно махая переломанным крылом, попытался уйти от очередной опасности, но десяток копий уже вонзились в его голое тело. Птица издала последний вой и затихла.

²⁸⁸ Корнай – духовой узбекский национальный инструмент (длинная труба).

Посол, желая привлечь внимание, кашлянул. Люди обернулись и, схватив копьа, с яростью в глазах бросились на Ваулихана. Самый отважный из них, похожий на маймыла²⁸⁹, точно такого, какого видел сын Исатая на базаре в Самарканде, подбежав ближе всех, запустил маленькое копье.

– Чучуна²⁹⁰! – крикнул он при этом. – Чучуна! Чучуна! – подержали его гортанными воплями сородичи.

Молодой человек испуганно отступил на два шага, видение исчезло. И только воткнувшееся между тисами Ваулихана копье говорило о явстве странного события. Посол хана выдернул копье из земли и осмотрел. Каменный наконечник был отточен до острия сабли. Мощные сухожилия прочно крепили его к древку. Опасаясь появления диких людей, Ваулихан отступил на несколько шагов. И вдруг за его спиной внезапно что-то затарахтело.

Сын Исатая, обернувшись, обомлел от увиденного. В зимнем небе висела ветряная мельница. Махая лопастями, она, зависнув в небе, на веревке спускала на землю большую карету о шести осях. Внизу, под мельницей, в каких-то скоморошских одеждах суетились люди. На головах у всех были надеты белые шеломы.

Скоморохи, сильно ругаясь друг на друга, ярко-желтыми ва-режками пытались поймать спускающуюся с неба карету, которую раскачивал промозглый северный ветер.

– Чучуна! – крикнул один из них, очень похожий на того, что давеча запустил копье, показывая пальцем на Ваулихана.

Посол попятился в спасительный треугольник. Остальные скоморохи бросили свое дело и бросились к Ваулихану, на ходу направляя на него черные табакерки, которые ярко моргали маленькими вспышками.

Посол хана быстро отступил назад, успев увернуться от железного бумеранга, пущенного одним из скоморохов. Бумеранг, ударившись о ствол листовянки, зазвенев, шлепнулся ему под ноги.

Видение в проеме исчезло.

Ваулихан перевел дух и, нагнувшись, поднял незнакомый рогатый предмет. Осмотрев его, он различил под каждым рогом цифры – 22 и 24. Не найдя на бумеранге больше никаких надписей,

²⁸⁹ Маймыл (тюрк.) – обезьяна

²⁹⁰ Чучуна (якут., чукот.) – Дикая собака.

посол хана швырнул предмет обратно в проем. Бумеранг, вылетев из колдовского чума, растворился в воздухе.

* * *

Мамар, прискакавший к биваку, всполошил всех.

– Волки! Беда с Ваулиханом!

Антип, Никита и Иван, схватив пищаля, бросились к упряжкам.

Но от кромки леса, куда они было направились, уже шел навстречу невредимый посол хана. Глаза его пылали безумством, держа в руках копьё, он издавал нечленораздельные звуки. Запнувшись о валун с надписями, Ваулихан рухнул в снег.

Иван, отряхнув с камня снег, разглядел иероглифы с выбитыми стрелками налево, направо и вниз.

– Что тут написано? – поинтересовался Антип.

– Послезавтра, послевчера, ныне, – прочел Ваня.

Мамар долго пел заунывную песню, прося духов вернуть рассудок другу. Ваулихан пришел в себя только вечером. Обведя растерянным взглядом взволнованных попутчиков, посол спросил:

– Что со мной было?

– Ты упал с оленя и ударился о камень, когда за тобой погнались волки. Стая тебя не тронула и погналась за оленькой, – пояснил Мамар.

– А где капище и чум? – оглядываясь вокруг, спросил посол. – Я был в другом мире?

– Шибко, видать, ты головой стукнулся, – улыбнулся Иван, – эго тебя, брат, угораздило-то. Какой чум? Какое капище?

Но Ваулихан, поднявшись, вытянул вперед себя руки с копьём:

– А это тогда откель?

– В снегу нашел, бывает, – подал голос Антип.

Мамарка, отведа в сторону Ивана, прошептал ему на ухо:

– Это заветный камень. Он на бубне отмечен. Я про него от отца слышал – кто чрез него кувыркнется, тот попадет на капище с колдовским чумом. Только кто туда входил, всегда выходил оттуда полоумным, так как духи забирали его разум. Уходить надобно отсель, скоро стемнеет.

– Согласен, надобно вернуться к биваку, там дед Гаджи поди заждался нас, – поежился Ваня. От одной только мысли о соседстве с духами и другими мирами ему стало немножко страшновато.

Когда уже ехали назад, сидя на нартах с Иваном, Ваулихан тронул плечо друга.

– Там были люди, странные люди. Одни, похожие на маймылов, кинули в меня копья. Другие, похожие на скоморохов, кидались камнями и бумерангами. И все кричали на меня – Чучуна! Чучуна!

– Чучуна – это дикий человек, который появляется ниоткуда и крадет женщин и оленей, – пояснил Ванюшка и рассмеялся. – Вытри-ка рукавом лико, все в саже оно, чучуна ты, чучуна и есть вылитый!

– Это я о чувал в чуме колдовском измазался, – попытавшись продолжить разговор, начал было Ваулихан, но друг его перебил:

– Ты об этом никому не сказывай, а то в ереси обвинят, и, не дай Боже, сожгут еще. У нас на Руси суд на руку скор.

ГЛАВА 26

Стойбище, расположенное в пойме реки и окруженное с трех сторон сопками, растянувшееся на полторы версты, напоминало хребет застывшего сказочного дракона, где маленькие и большие чумы, юрты, лабазы, изгороди для оленей, теснившись к артерии жизни – реке, образовывали причудливую ленту на краю лесотундры. На юго-запад простирались непроходимые леса, на северо-восток вплоть до Карского моря – безмолвная тундра.

Когда-то, при падении Булгарии, финно-югорские народы двинулись на восток, вытесняя здешних жителей. Не будучи воинственными, уходя от нашествия монголоидов, эти племена перемешались с местными народностями и, осев, обустроили свою жизнь, создав свою самобытную культуру и быт. Мужчины рыбачили и охотились, женщины управлялись по хозяйству.

Приход русских людей в лесотундру почти не изменил внутренний быт самоеди. Если раньше платили ясак сыну бухарского хана, Кучуму, то теперь платили русскому царю, который изредка присылал своих бояр для сбора податей. Обычно, отдав пять соболиных шкур, охотник до следующей зимы мог весь свой пушной запас расходовать на свое усмотрение.

Власть шаманов ослабла, так как на каждом стойбище появились новокрещены, то есть самоеды, принявшие православие.

Новоприведен освобождался от ясака, но платил оброк, что было послаблением. Впрочем, приняв христианство, самоед

продолжать участвовать в шайтанстве. Перед рыбной путиной, молясь новому богу, он тайно просил у духов хорошего улова, бросая в омут серебряную монету с ликом очередного самодержца. Найденные в зобу убитого глухаря самородки золота и серебра он отдавал в жертву духам леса, прося у них хорошей охоты.

Таким был и Елейка-охотник, которому духи чудным образом послали жену, к тому же, хорошо разговаривающую на его родном языке. Слух о бабе, которая лечит женские болезни, заговаривает грыжи грудным младенцам, вправляет вывихи, быстро разлетелся по округе. И у Елейки появился достаток и прибыль.

Он был стар, чтоб просить от женщины большего, ему хватало вкусной еды и неугасающего огня в чувале.

Тихая и налаженная жизнь самоеди неожиданно была нарушена. Старый шаман пребывал в тревоге и смятении. Наспех надев свою ритуальную одежду, он растерянно топтался у входа в свой чум.

Московский боярин от самого белого государя изъявил желание лично посетить его стойбище.

Прибыв в сопровождении двенадцати стрельцов, Афанасий тяжело поднялся из саней.

– Ты пошто, бесово отродье, женку с парубком укрываш? Ведаешь, нехристь, что сыск на нее объявлен? Ведаешь, упырь, ведаешь, а всё одно супротив воли воевод идешь, колдун? – грозно прорычал Мезенцев, замахнувшись посохом и приговаривая: – Я те щас перья-то из шапки твоей бесовской выбью!

– Та-ка, это самое, в снегу нашлась, баба-то. Елейка нашел. Теперь это его баба, – увернувшись от посоха, промямлил испуганно шаман, расстроившись больше оттого, что придется вернуть старому охотнику обратно оленя, чем оттого, что приезжий боярин заберет женщину.

И, разведя руки, шаман все ж обманул боярина:

– А парубок, что с ней был, замерз, однако. Нету-ка мальчика, совсем замерз.

Отдавать мальчика шаман не собирался, уж больно он оказался смысленый, в отличие от местных ребятишек. Чужал старый колдун, что было у этого парубка в крови что-то колдовское, незаурядное.

– Я сыск устроить направлен! – рявкнул боярин и, повернувшись к стрелецкому десятнику, приказал: – Взять подсторожи во рожею! Из стойбища никого не выпускать, пока я допрос чиню!

Но тут неожиданно заверещали ребяташки. Бросившись со всех ног к другому концу стойбища, они радостно приветствовали въезжающий с северной стороны обоз.

– Это ашо кого нелегкая принесла... – пробурчал Мезенцев, прищурившись, осматривая несколько упряжек и двух верховых на оленях.

– Здравь будь, боярин, – отряхнув от снега полы малицы ма-лахаем, поздоровался Иван.

– Кто такие? – не ответив на приветствие, поинтересовался Афанасий.

– Посол хана Есима, аркар Ваулихан к государю всея Руси со свитой, то бишь, со мной, в числе едином, – улыбнулся Ваня.

– Ты мне поскалься ашо. Ну-ка отвечай ладом, коли тебя боярин спрашивает! – из-за спины Мезенцева подал голос десятник.

– Я Иван Сотников, сын боярский, Тобольского разряда, сопровождаю посла по наказу младшего воеводы Кольцова Лексея Семеныча, – ответил Ваня и, обращаясь к десятнику, во всеуслышание объявил: – А кто рывкнет в мою сторону, тому кнут мой меж лопаток, и не посмотрю кому сей хам служит.

– Так суть... – начал было оправдываться стрелецкий начальник, но Иван его перебил:

– Суть не в том, как стегнуть кнутом, а как прицелиться!

– Не кипятись, Иван Архипыч. А что не признали тебя люди государевы, в этом ты сам виноват. На себя-то глянь. Одет ты как самоед, вот и принял тебя десятник за безродного, – похлопав ладонями по плечам и обнимая Ивана, рассмеялся боярин, – слышивал я о тебе много лестного от государя нашего. А вот теперича и сам тебя лицезрю.

– Неужто и государь обо мне ведает? – удивился Ваня.

– Конечно, ведает. Да и князь Пожарский кланяться велел, а он ныне в большом почете, ведьм недаром на грамоте Земского Собора его подпись десятой числится.

Афанасий взял за рукав Ивана и, отведя чуть в сторону, продолжил:

– Пред отъездом моим Дмитрий Михайлович про пушки мне сказывал, как под Москву были с твоей помощью они доставлены. На словах передал, коли разыщу я тебя, мне список помочь составить путей да земель Сибирских. Хвалил князь, что ако свою хату знаешь ты Сибирь.

– Чем могу, помогу. Но и я всю Сибирь не знаю. Шибко большая, – смутился от похвал сын Архипа.

В сопровождении Гаджи подошел Ваулихан. Надменно, как и полагает послу великого хана, он на родном языке произнес длинную речь.

Иван кратко перевел: к государю в Москву посол путь доржит. И требует сопровождения да охраны с кормлением. Далее вы должны сопровождать его. А мы на Тобольск пойдем.

– Переведи послу, – почесав бороду, недовольно буркнул Мезенцев, – што супроводим мы его, куды надобно. Токмо ведьму допросим – и сопроводим. Пушай с дороги отдохнет посол, а я пока делом займусь.

Афанасий в сопровождении стрельцов пошел в юрт шамана. Вскоре два стрельца под руки проволокли туда сопротивляющуюся женщину, на голову которой был надет мешок.

Ваулихан, Никитий, Гаджи и Иван легли отдыхать в чуме, который предоставили гостям самоеды. Паршук с Мамаром занялись оленями и нартами.

Антип, которому не спалось, бесцельно бродил по берегу, вдоль которого вытянулось стойбище. Какое-то чувство тревоги обуяло казака. Сон не шел. Будто ветерок прошлого шевельнул его седые кудри. Вроде и голос знакомым показался, когда стрельцы волокли на допрос к боярину женщину. Лица-то не видать.

На коряге, замеченной снегом, сидел спиной к нему подросток. Он мурлыкал песенку, и до боли знакомый мотив, словно кипятком, окатил душу Антипу.

– К Белоозеру шли нестяжатели,
По околице путь проходил,
И венки из цветов мать-и-мачехи,
Мне чернец молодой подарил.
А несю я свой крест в глушь далекую,
Вот такой мне сужден приговор,
А любить тебя, черноокою,
Воспрещает Стоглавый Собор...

Десятник кинулся к парубку и, схватив его за плечи, затряс:

– Откель знаш этот песен? У кого слышал?

– У ма, ма, мамки, – вырываясь, взвизгнул Емелька, – не трясси, голову оторвешь!

– Иде твоя мамка? Тута? Яной ее кличут?

– Ага, Яной зовут. Боярин ее допрашивает, а я под шкурами укрылся, когда стрельцы за ней пришли. Спрашивали и про меня, а матушка им солгала, будто замерз я в урмане, покудась к самоеди выходили.

Антип, ойкнув и присев в снег рядом с подростком, прошептал:

– Нашел я тебя, красавна. Сколь лет искал, а все ж сошлись наши пути-дорожки, впрочем, как и нагадала ты мне когда-то, что к старости всё одно свидимся.

– Надобно мамку выручать. А не то повезут ее в Холмогоры, а там и плаха ей, – тронув за рукав казака, напомнил о себе Емелька.

– Надобно. Но ты сам ничего не ладь. Побудь тут, а я до Ивана пойду, покумекаем, как матушку твою вызволить из лап боярских.

* * *

А в чуме шамана, куда приволокли недавно Яну, боярин уже чинил допрос.

– Сказывай, ведьма, какие козни строила государевым делам под началом Севастьяна?

– Никакие я козни не строила, боярин. Грыжи заговаривала да воском отливала. А дьяк при себе доржал, как ведунью, – ответила Яна и взмолилась: – Снял бы ты меня с бердыша, негоже бабу пытаться, как мужика. Бог не простит. А я тебе, боярин, список земли Сибирской покажу, коль ласков буш со мною.

– Бога помянула, ведьма? Ты же отлучница! Нужна ты, безбожница, Господу нашему, как телеге пятое колесо, – усмехнулся Афанасий, но все-таки кивнул головой десятнику, чтоб вставленное древо бердыша, на котором, как на дыбе, висела Яна, вынули из рукавов одежды колдуньи.

Ведунья бессильно опустила наземь.

– На платке я, батюшка, вышила все реки и озера, а также юрты и стойбища. Прикажи, пушай принесут платок-то, он в пай-ве лежит.

* * *

Антип ввалился в чум и, не обращая внимания на недовольные возгласы Мамара и Ваулихана, пополз напрямик по спящим путникам к Ивану.

– Вставай, Иван! Да пробудись ты, соня!

Ваня, открыв глаза, попытался отшутиться:

– Уймись Антип, дай соснуть. Вдруг завтра война, а я уставший.

– Сегодня война затеется, коли не проснешься. Я ж их в капу-сту порублю!

– Кого, Антип? – окончательно прогнав сон, присев, поинтересовался Иван.

– Боярина московского со стрельцами и писарем!

– На кой ляд они тебе сдались! Ложись, Антипушка, поспи с дороги!

– Свою паночку я разыскал, про которую на волоке тебе сказывал. Радость-то кака! Ее ныне боярин пытается.

– То, что пытается, радость, штоль? – улыбнулся Ваня.

– То, что разыскал я ее. А то, что пытаются, то скверно дюже. Замучают ведьм напрочь бабу-то. Выручать ее надобно. Слышь, сын боярский, выручать сердечную нужно, – опять взяв за ворот Ивана, завопил Антип.

– Ты, Антип, не голоси. Я схожу опосля, гляну, что там. А пока давай-ка помыслим, как твою потерю лучезарную вызволить.

Ванюшка поднялся на четвереньки и прополз по спящим путникам к выходу. Следом таким же способом сиганул и Антип. Никита взмолился:

– Да угомонитесь ли вы наконец-то, непоседы, или нет! Топчете нас, будто глину для самана!

– Прости, дядька Никитий, тут дело шибко сурьезное, – крикнул Антип, вылезая за Ваней из юрты.

Иван, прищурившись, стараясь привыкнуть к яркому свету, огляделся. Рядом с юртой топтался подросток, то и дело шмыгая носом, он с надеждой глядел на Антипа.

– А что? Похож вроде, – шутливо толкнул Иван в плечо десятника, показывая на парубка. – Тоже вон сопля до колена.

И уже серьезно наказал Антипу и Емельке:

– Стойте тута. Пойду к боярину, гляну, что там деется.

За спиной раздался голос Никития:

– Погодь-ка. С тобой я схожу, Ванюша.

Старец повернулся к Антипу и распорядился:

– Готовьте упряжки. Чует мое сердце, миром не разойдемся. Пороха подсыпьте сухого. Скарб упакуйте да увяжите ладом на

нарты. На лошадях стрельцам нас не догнать, а вот ежели им шаман упряжки даст, то побегать нам придется.

– А ему-то какая польза боярину помогать? – удивился Антип.

– Не скажи, казак, ему польза угодить, да так, чтоб с выгодой. Баба-то чужая женка. Он самоедов и поднимет в погоню. А те, чай, не стрельцы, следы и на воде читать умеют, так что по снегу запутать их не удастся. Потому и говорю вам, упакуйтесь, запрягите оленей и ждите нас с Ваней.

– А как с Ваулиханом быть? Он посол все ж. Ему бегать не к лицу, – почесав затылок, задумчиво напомнил о друге Иван.

– Посол, наоборот, свяжет погоню. Не бросит же его боярин. Побойтесь гнева государева, – успокоил Никитий своего ученика, – за него не бойся. Буди Мамара и Паршука, пушай оленей запрягут. И пошевеливаются пушай, темнеет ужо.

Антип тронул за плечо спящего Ваулихана:

– Держи грамоту, посол Ваулихан, лично в руки государю отдай. Не поминай лихом. Расходятся у нас с тобой пути-дорожки.

Но все планы нарушил Елейка, который, вернувшись с охоты и не найдя своей жены у чувала, поплелся к шаману.

– Ушел баба! Давай назад оленя!

– Боярин-урус ее забрал. У него оленя и спрашивай, – отмахнулся от него шаман, показывая на гостевую юрту, у которой при входе стояли караульные стрельцы.

– Мой баба! – взревел охотник и бросился к чуму, где чинил дознание Афанасий, по дороге собирая и сплачивая вокруг себя сородичей.

Вскоре нарастающая как снежный ком толпа, покрикивая и пританцовывая, уже окружила место допроса. У многих в руках были гарпуны и копья.

– Выходи, боялина! Не могёшь чужой баба забрать! Он новоприведен, вольный мужа он!

– Бунт боярин! – ворвался в чум десятник, – стрельцов вот-вот сомнут. Вышел бы ты к самоедам, угомонил бы их своей боярской волей. Не ровен час, побьют.

– Разгоните их! Пальните для острастки в воздух из пищалей.

– Куды палить-то? Темень на улице. Только по луне разве что залп дать, – махнув рукой, буркнул десятник, выходя из чума.

Вскоре грянул залп из шести-семи стволов. Видать, стрельцы приберегли несколько зарядов.

Но грохот ружейного залпа не только не остановил толпу, а и разозлил самоедов еще пуще.

В чум ворвался снежный вихрь, задув лучины, а с ним ввалились стрельцы, сдерживающие наплыв людской массы.

В этой толкотне и суете, при отблесках огня из чувала, Яна вдруг ощутила, что огромные и сильные руки схватили ее подмышки и потащили под шкуры на улицу. Чуть живую ворожею, завернув в шкуры, бросили на нарты, и олени, фыркнув, помчались по лунной дорожке.

Буза прекратилась неожиданно. Один из стрельцов разжег факел от огня чувала, при этом осветив помещение.

– А бабы-то нету-ка! – раздался похожий на вой болотной выпи крик Елейки, который, держа за бороду московского боярина, другой рукой показывал на макадан. – Дух огня забрал бабу! Я видел босые ноги!

Боярин заломил руку самоеду и крикнул стрельцам:

– Вяжи смутьяна!

* * *

По лунной дорожке неслась пара оленей. Яна, приходя в себя, ощутила, как в уста ее целовали до боли знакомые губы.

– Эй! Эй! – погонял упряжку стоящий сзади на полозьях Емелька.

– Ой, казачек. Нашелси-таки, – истомно потянулась женщина и, прижавшись к Антипу, крикнула сыну: – Гони, Емельюшка!

Следом шли еще две упряжки. То Иван с Мамаром, Никита и Паршук прикрывали отход простому человеческому счастью...

ГЛАВА 27

Гаджи-Ата медленно водил раскрытыми ладонями в темноте. Индус надеялся, что среди разбросанных стрелъцами пожитков в чуме Елейки он все ж разыщет заветные шарики каменной смолы.

Изредка прислушиваясь к воплям толпы у юрты московского боярина, старец суетливо перебирал и перещупывал вещи, на которые он наткался в полумраке.

Совсем потеряв надежду, Гаджи прислонился спиной к жердине. Очи его, видевшие еще Александра Великого, устало сомкнулись.

– Подними голову, чудо заморское, – раздался насмешливый глас Гостомысла, – на жердину глянь, в ладанке, на сучке смола-то висит. Там же и серьги царевны Сузгун. Да шевелись же, старый олух! Сейчас стрелъцы пожалуйт ворожею искать. Убёгла плутовка. Ну и шельма! Не баба, а лиса рыжая! – восхищенно рассмеялся с небес князь, и голос его постепенно растаял.

Гаджи-Ата, очнувшись от наваждения, протянул руку вверх по жердине и, наткнувшись на ладанку, сорвал ее с сучка.

Только успел индус раствориться в темноте зимней ночи, как к чуму подбежали несколько стрелъцов. Мигом вся пушнина, висевшая на прожилинах жилья охотника-новокрещена, перекечевала в рукава и запазухи стражников. Оставшееся же тряпье и утварь охрана боярина, собрав в мешки, перетащила к чуму, где уже чинил Афанасий допрос Елейке.

В самый разгар пытки в чум вошел посол хана и заявил Мезенцеву:

– Не разводи смуту! Меня охраняй, Афанасий! – и, не обращая внимания на явно выраженное недовольство боярина, Ваулихан важно прошелся по чуму. Взял с чурбака платок ворожеи и, мельком осмотрев, повернулся к боярину: – Это же список Земли Сибирской! Государь будет тобой доволен. Я тоже когда-то помогал рисовать царевичу Федору такой же, когда ходил с великим посольством в Москву. Тебе надобно нынче же ехать с докладом. А замучаешь до смерти охотника, озлобишь местный народец. Убит будешь и не сыщешь славы да почести, которая на века уготовлена тебе потомками за пользу твою.

Боярин привстал и, уперев руки в бока, набрал полную грудь воздуха, чтоб рывкнуть на чужеземного хама. Но не успел.

Неожиданно факел, который держал один из стрельцов, затрепав, погас. И пока стрельцы с писцом суетились, разжигая другой факел от огня из чувала, Гаджи-Ата, стоя около подвешенного на дыбе Елейки, выхватив чакру, ловко разрезал ее веревки.

Охотник сполз на землю, попятился на четвереньках задом и, нырнув под полог, исчез в потемках.

* * *

Шаман вздрогнул, пролив на себя из чаши похлебку из оленины.

На пороге, как привидение, возник полуголый Елейка. Он был похож на ободранного бобра. Все тело охотника, изрисованное плетью, кровоточило. Волосы его, заплетенные в косы, местами подпаленные факелом, слиплись.

Разбитыми и опухшими губами Елейка прошептал:

– Не новокрещен я более, и народу о том поведай. Поеду в святую долину прощения у духов просить, за то, что отрекся от них по глупости своей. И ведьму найду, пущай отдадут духи назад двух оленей, не нужна мне такая жена. С ней хлопот больно много.

– За камень не заходи, там капище шаманов, – предостерег его шаман рода, – ежели оленей на пути встретишь, то и ведьму не ищи, забирай и возвращайся. Я попрошу удачи для тебя.

Елейка снял малицу с жердины и, натягивая ее на голое тело, пообещал:

– Коли вернусь, две малицы отдам весной.

Шаман довольно кивнул головой и добавил, кидая меховую безрукавку охотнику:

– И оленя одного.

– Латна, – согласился Елейка, – жаден ты больно, но нынче перечить тебе не буду.

Вскоре, не замеченный стражей, по лунной дорожке, вслед за ушедшим обозом, поднимая снежную пыль, промчался в тундру одинокий верховой.

Свежий откормленный шаманом и застоявшийся в клетки олень без понуканий всадника сам шел крупной рысью, радостно вдыхая воздух зимней ночи. Фыркающая и чихающая, он иногда одним глазом косился на колено Елейки, которое изредка хлопало ему по лопатке, напоминая о присутствии всадника. Старик вместе с малицей и пешней весил не более трех пудов, а этот вес самцу-пятилетке был практически безразличен, и после толстого и упитанного шамана бежать оленю было легко да вольготно.

К утру Елейка остановил уставшее животное и, рассматривая следы, повел в его поводу.

Внимательно присмотревшись, он нашел место, где обоз сделал остановку. Далее следы разошлись веером. Один след уходил прямо, другой влево, полозья же его нарт повернули в правую сторону к волшебному камню.

Охотник ехидно улыбнулся, повернувшись к оленю:

– Ай баба, ай плутовка, обмануть нас решила. Следы путать хотела, – и погладив оленью морду, подал ему из варежки ягеля. – На-ка, подкрепись.

Елейка достал из-за пазухи торбочку с живицей, набрал пальцем и помазал рубцы на плечах и груди. Спина горела, но достать и смазать там он ее не мог. Тогда самоед, морщась, скинул на снег малицу и безрукавку. Намазал живицей лучку седла и, изловчившись, потерял спиной.

– Ой, карасо, – улыбнулся Елей, – таперь совсем не чешется.

Наклонив голову оленю, он снял с его рогов бубенцы.

– Нам таперь тихо надобно. Хоросо? – проговорил он, похлопав по морде самца. И тот, как бы согласившись, кивнул и фыркнул, потянувшись к варежке с ягелем: ну, мол, надо, значит надо.

– Кушай, кушай, – протягивая корм, затараторил Елейка, – нарты мои найдем, назад рядом побежишь. Другой меня олешка повезет. Латна?

– Фр-р-р-р...

– Не нужна мне более баба, от нее спина шибко зудит, – морщась и натягивая безрукавку, рассмеялся охотник.

– Фр-р-р-р...

Наступал рассвет. На востоке появилась светло-алая полоска.

* * *

Иван, сидя на нартах, задумавшись, глядел на чуть алеющую полоску, растянувшуюся по левую руку по всему небу. Начинался короткий северный день, за который нужно было пройти как можно большее расстояние. За его спиной, стоя на полозьях, погонял хореем оленей Мамар. Четверка маститых оленей ходко бежала строго на юг.

Они остались одни.

Никитий и Паршук, путая следы, увели свою упряжку в тундру на север.

Старец впервые потерял медведя. Хвома отстал. То ли заплутал в сендухе, то ли задержался по своим медвежьим делам.

– Дорогу-то домой найдет, а вот без еды ему зимой тяжело придется. Седые волки могут гурьбой напасть, да и медведь белый шастает, – переживал за своего питомца Никитий. – Куды он запропастился, негодник?

А негодник, обняв сосну лапами, поглядывал вниз на стойбищных собак, которые, унюхав зверя, загнали его на лесину и теперь, карауля по очереди, не давали ему шанса убежать за обозом.

На лай собрались детишки, а потом подошли и взрослые.

Десятник приложился к цевью щекой и прицелился из пищали, но вдруг сильные руки отвели ствол в сторону.

Мезенцев вырвал из рук десятника пищаль и отбросил в снег.

– Не смей. Ручной он. Вишь, ошейник блестит. По его следам белого старца отыщете. На него давно сыск объявлен. Пока мы с ведьмой возились, главного язычника-то и не заметили. Был он с обозом. Теперь ищи ветра в поле. Шаман, мерзавец, поздно донес. А у медведя след теперича приметен. Вишь? Коготь сломал он, когда на лесину взбирался, – показывая обломыш когтя, поднятый под сосной, усмехнулся Афанасий. – Вот по нему и не потеряете его ни зимой, ни летом. Зверюга-то завсегда рядом с ведуном топчется. Теперь у них стёжка меченая. Донесешь воеводе, да и я слово замолвлю, что ты своим рвением вышел на след Никития-смутьяна.

Глядь, и в сотники выйдешь, а то и в младшие воеводы, – похлопав по плечу смущенного десятника, рассмеялся боярин.

– Какой там сотник, как бы по шапке не получить за ведунью. Убёгла ведь.

– Ну, за это не пекись, я сам с воеводой потолкую. Ты, братец, за послом и его слугой пригляд организуй. Сдаётся мне, что передал с ним для государя Кольцов Лешка эпистола-то.

– Так как косолапого с лесины согнать?

– Руби сосну, он с ней и свалится. Уйдет. Собаки его не возьмут, шибко матёр. Токмо прогонят. Да и самоеды нас просят не бить его. Род у них медвежий тоже. Родня вроде как.

Гаджи-Ата, стоя поодаль, наблюдал, как двое стрельцов принялись рубить разлапистую сосну.

Вчерашним вечером, когда на стойбище творилась неразбериха, индус, выйдя из илейкиного чума, неожиданно в потемках наткнулся на Хвому, который, запутавшись в следах, потерял своего наставника.

– Тыпу, шайтан, – вздрогнул дед Гаджи, потрепав медведя по холке, – напугал ты меня.

Гаджи при свете луны высыпал на ладонь из ладанки содержимое. Осмотрев четыре шарика смолы, слизнув три штуки и проглотив, хотел было уже положить серьги обратно в ладанку, как Хвома играючи ткнул мокрым носом под руку.

Серьги, подпрыгнув, опустились на ладонь, а вот четвертый шарик упал на снег.

Не успел индус за ним нагнуться, как медведь, мелькнув языком, запустил эликсир жизни себе в пасть.

– Вот шайтан! Ну, на кой тебе-то три жизни? – возмутился старик, но, смирившись с потерей, предложил: – Давай-ка, милай, ошейник, я тебе ладанку подвяжу с сережками.

И вот сейчас, уверенный, что медведь давно ушел по следу, Гаджи был разочарованно удивлен, увидав утром косолапого на сосне, на окраине селения.

Сосна с треском завалилась с берега, провиснув как раз тем местом, где находился топтыгин, и Хвома упал под обрыв. Пока собаки, с визгом разбежавшиеся от ветвей дерева, опомнились, пока осела снежная пыль, Хвома, прихрамывая на переднюю лапу, уже бежал легкой рысью по бурелому.

ГЛАВА 28

КАПИЩЕ ШАМАНОВ

Елей, дойдя до камня, растерянно остановился: нарты с оленьими стоят, а людей не видеть.

– Пешком они далее пошли, что ли? – рассуждая сам с собой, проворчал старый охотник.

Старик обошел камень и еще раз присмотрелся к следам. Следы трех человек обрывались перед камнем, за валуном же простиралась нетронутая снежная гладь.

– Ну и дела, – прошептал следопыт, еще раз осматривая место вокруг камня.

– За камень не ходи, там капище шаманов, – вспомнил он наставление Юрги.

Но Елейка был упрям. Отойдя на несколько шагов, он разбежался и прыгнул через камень. Отряхнувши малицу, самоед огляделся. Вокруг простиралась та же снежная пустыня. Ничего не произошло. Его олень, подошедший к упряжке, осторожно щипал лежавший на нартах ягель.

Елейка перелез назад. Отошел от валуна и присел на пустые нарты.

– Отдохну и еще раз попробую, – решил он.

Олени, безразлично жуя, косились на странного человека, который то вставал и подходил к камню, то, отходя и разбежавшись, вновь прыгал через него.

В КОЛДОВСКОМ ЧУМЕ

– Вот старый осел, ведьм еще дюжину раз через валун сиганет, и получится у него в колдовской чум попасть-то, – усмехнулся Антип, обнимая Яну.

– Муженек пожаловал, – усмехнулась ворожея, – он за меня белого оленя отдал шаману, так теперь не угомонится, пока свое не вернет.

За спиной десятника раздался жалобный рев. Яна и Антип обернулись. Это Емелька, поймав за хвост маленького ящера, пытался затащить его в чум.

– Да отпусти ж ты его, укусит, – взвизгнула Яна, – вишь, не алчет он на снег из тепла выходить.

Парубок отпустил хвост, и тот исчез в пелене левого проема.

Емелька шмыгнул носом и пробурчал:

– Туды нельзя, сюды нельзя. Айда обратно. Вот уведет дядька Елейка сейчас наших оленей-то. Гля, ужо и сбрую поправляет. Надобно в наш мир нам возвращаться, а то без оленей останемся. Пёхом-то далеко не уйдешь.

– Ну-ка, погодь, – освобождаясь от объятий ворожеи, промолвил казак, – он и впрямь намылился ехать.

Антип, кувыркнувшись через волшебный камень, встал на ноги.

– Это ты пошто, козья морда, к чужим оленям лапы тянешь?

Елейка вздрогнул, обернулся.

– Ты был в стране духов и вернулся?

– Я был и вернулся, – кивнул в ответ десятник.

– Олени там есть? – с надеждой в голосе справился старый охотник.

– Как в колдовской чум войдешь, по левую руку не ходи, тамака ящеры бродют, а вот по правую – гуляй-город из повозок стоит, а рядом оленей видимо-невидимо. Забирай хоть всех. А я жену твою заберу. Лады?

– Латна, – кивнул Елейка, – коли олешки есть, то мне и баба не нужна.

– Ну, тогда по рукам?

– Ага. Не нужна мне жена безухая. Олени лучше.

– Как – безухая? – удивился Антип.

– Отрезала она уши и сыну скормила, когда в урмане заплутала, вот и безухая. Самоедка она.

Выкатившись на снег, из ниоткуда появились Емелька и Яна. А Антип, подведя охотника к камню и поставив его к нему спиной, влепил оплеуху, от которой тот кубарем перелетел через священный камень, исчезнув в морозном воздухе.

– Это тебе за безухую. Неча обзывать. Кувыркаться чрез каменюгу надобно, кувыркаться, тогда все получится, – усмехнулся в бороду десятник, потирая ушибленную кисть.

– Он не обзывался, Антипушка, правда это, не пригодились мне сережки-то царицы Сузгун, о коих всю жизнь мечтала, вдеть-то их некуда, – сняв платок и откинув прядь волос, с горечью в голосе призналась ворожея. – Людоеды мы с сыночком стали. Самоеды.

– Людоеды – князя да бояре, а ты любовь моя, хоть и безухая, – рассмеялся Антип и прижал женщину к себе. – А серьги вещице тебе ни к чему, мы и так знаем, что далее станется.

* * *

Никитий и Паршук нагнали Ивана с Мамаром уже в нагорной Оби. Прошло более полумесяца, как путники находились в дороге.

– Куды ты теперича, Ванюша?

– Царя доброго искать пойду. Не может ведьм вековой гнет быть над народом, должно же когда-то счастье великое наступить на Руси. Пойду на Дон, там добрый царь объявится.

– Царей хороших не бывает, – горько улыбнулся Никитий, обнимая на прощание своего друга, – но ты держай, мож и поможешь народу многострадальному, ведьм у тебя три жизни впереди.

Последнюю, прощальную ночь путники провели у костра. Иван должен был повернуть на Пелым, Никита, Паршук и Мамарка ехать далее к Тобольску.

Языки пламени костра, весело играя, бросали отблески на кору вековых сосен. Сверху светили звезды. Звезды над урманом.

Их россыпь создавала млечный путь, похожий на пройденный путь этих людей.

В звездном небе можно было рассмотреть и улыбку князя Гостомысла, который из мира пращуров с любовью наблюдал за своими любимцами.

Среди ночи Никиту кто-то ткнул меж лопаток. Ведун вздрогнул и рассмеялся:

– А вот и наш блудня явился.

И, теребя Хвонку под подбородок, вдруг насторожился:

– Ну-ка, братец, покажи, что за ладанка у тебя на ошейнике?.. Иван, проснись, серьги сестрицы медведь принес! Сбылось ее пророчество о том, что вернутся они к ней, что бы ни случилось.

* * *

Ваулихан прибыл в Москву только в начале апреля. Грамоту Кольцова принял сам государь Михаил, поручив князю Пожарскому проявить заботу о сыне воеводы.

Книгу «Большого чертежу» боярин Мезенцев завершит к 1634 году и останется в памяти народной как первый картограф Руси. Помог ли ему составить карту Сибири платок ворожеи, нам то неизвестно.

* * *

Елейка от удара, запнувшись о камень, кувырком ввалился в колдовской чум. Встав на ноги, охотник огляделся. Он стоял под сводом стропил. В стороне, в которую он только что ввалился, он увидел отъезжающие упряжки.

Елей встал спиной и, повернувшись по правую руку, смело шагнул в проем. Пред очами старого охотника явилась сказочная картина. Огромные стада оленей паслись в тундре. Невдалеке находился гуляй-город. Повозки на колесах и полозьях стояли ровными рядами. Изредка из повозок выходили люди и, пробегая по морозному воздуху, исчезали в большом тереме с огромной каланчой, где что-то гудело, выло и скрипело.

Сняв с пояса маут, Елейка смело пошел к стаду.

– Олени, олени, – блестя глазами, повторял старик, – мои олени. Теперь я шибко богат. Я остаюсь в этом мире.

– Эй, дед, это твои олени? – раздался за спиной незнакомый голос.

Елейка обернулся и оглядел человека в ярко-белом шлеме.

– Мои, – гордо ответил самоед. – Я новоприведен Елей, мне сам русский царь Михаил разрешил вольно жить!

– Так отгони их от буровой подальше, а то соли буровой с химией налижутся да передохнут, как в прошлое лето. Потом опять чуму бубонную или язву сибирскую придумывать придется, – улыбнулся незнакомец. И, осмотрев странный наряд самоеда, мастер Бубнов вздохнул:

– Твоего-то царя, Михаила Сергеевича, уж нету-ти, убег иуда за границу, да и царь Борис, что опосля его пришел, приказал долго жить, огненная вода сгубила страдальца. Ныне-то у нас новый царь. Владимирская Русь наступила, дедушка, но нам от этого ни жарко, ни холодно. Царь далеко, Бог высоко, – усмехнулся мастер и, покачав головой, добавил: – Однако отстал ты от жизни, дедуля. Давай уж, гони своих оленей, счастливый ты наш. Топай, топай, в свою страну оленью!

– Царь, однако, не солнце, всех не обогреет. А у Бога токмо две руки, и то твои, что ими сrobiшь, так и жить обустроишь, сынок, – усмехнулся Елейка и, хлопая свернутым в кольца маутом, щелкая им, как кнутом, погнал стадо в тундру.

Он был счастлив, богат и свободен.

ЭПИЛОГ

НАШЕ ВРЕМЯ

Старый шаман подбросил хвороста в чувал. Отблески огня осветили его морщины.

Вытащив уголек, он раскурил трубку.

– Совсем прогорела, – посетовал он.

– Дедушка, я шиповник с толстым стволом на берегу Атлымки присмотрел, могу из него тебе новую сделать, – предложил мальчик лет двенадцати.

– Нет, не нужна мне новая. Это память о предках наших, Угорка, что испокон веков хранили тайну Золотой Бабы. И когда я уйду в страну духов, тебе предстоит хранить эту тайну далее. Я научу тебя ведать будущее и возвращаться в прошлое. Ты найдешь верных попутчиков и проживешь долгую, трудную, но прекрасную жизнь.

– Расскажи, дедушка, еще о ведуне Никите, о Ванюшке, маленьком лекаре, о князе Гостомысле, о прапрапрадеде моем, шамане Угоре. Ты так хорошо рассказываешь, я верю, что и на самом деле живут они и здравствуют доселе.

– А то как же. Жительствуют и ныне ведуны. Ибо должен же кто-то наставлять людей на путь истинный. Коль не будет у народа много вожака, превратится он в стадо безмозглых оленей. А коли вожак зазнается, то и его поставить на место надобно. Ибо поведет

он народ на погибель верную. Вожак-то – от слова «вожжи», а вождями управлять кто-то должен.

Старый шаман выпустил несколько колечек дыма и продолжил:

– Много-много лет прошло и еще пройдет, опять-таки, сколько воды утечет, никто не ведает, солнце взойдет и снова сядет множество раз.

Но появляются в трудную годину ведуны и пестуют народ наш.

Вот, к примеру, при народном вожде Степане Разине нежданно-негаданно появился советник по имени Иван. Наш это Ванюшка или нет, никому неизведанно.

Буйного нрава был Степан Тимофеевич, остерегались гнева его даже дружки-атаманы. А Иван, смело входя в походный шатер, тихо перехватывал его руку, которой он замахивался на непокорного станичника, и Атаман утихал, как ребенок. Кое-кто из старых казаков поговаривал, что пришел он по просьбе отца Степана – пестовать смутьяна, оберегая его от упоения властью и гордыни. Якобы показал Иван сломанную деньгу, приставил Разин свою, отцом даденную, и стал Разин Ивану, будто ягненок, послушным.

Ненавидели его молодые казаки, ревновали к атаману, много раз пытались организовать расправу над кацапом пришлым. И убить или прогнать желали.

Но Иван вдруг сам ушел от Степана, когда понял после неудачного штурма Симбирска, что понесла атамана гордыня неумемная. От народа русского отвернулся атаман, казаков поверх всех ставил. Предал он пришлый народ, оставив на стенах на убой, а сам со товарищи сел на струги и удрал. А казаки-то опосля своего атамана и предали, да с братом Федором выдали их царским воеводам. Говорят, странную записку нашел Степан Разин в вещах Ивана, когда тот исчез: «Царей хороших не бывает. Прощай, Ваня».

Жительствуют в урмане ведун языческий Никитий и Иван, жительствуют. Порой видят их. Вот и я помню рассказ деда про то, когда везли князя Меншикова в ссылку вечную, да заплутали в метели обозники у речки Агириш. Тогда-то, будто из-под земли, и явился им старец Никитий да провел к реке Сосьве, спасая от смерти холодной.

– Откель ты про это ведаешь, дедушка?

– Шаман я. Сам по указанию князя, который мне во сне пригрезился, ходил на Тагил-реку.

– Зачем?

– Петь песню предков. Тогда война была большая. Меня не взяли, мол, старый, слепой, сиди в урмане. Но послали вороги птицу железную, чтоб место спалить, где для таких же, токмо уже наших птиц, железо добывали.

– Самолет это, дедушка, нам про него в интернате рассказывали, и не железо это, а алюминий. Его у Кушвы добывают. Слыхал я про него. Учитель сказывал, что в Финляндии упал после бомбежки Берлина наш самолет. Его отремонтировали немцы и пустили бомбить рудник на Урале. Но пропал он, до сей поры найти даже обломки не могут, – блеснул своими познаниями Угорка.

– И не найдут. Я же в бубен стучал. Забрали его духи болотные, – еще раз выпустив дым, самодовольно улыбнулся старый шаман и продолжил: – Твой пращур, великий шаман Угор, в честь которого ты и назван, говорят, заколдовал целый отряд ногайцев, да так, что они токмо перед Ак-Малой и очухались. И даже не помнят, как из нашего урмана выехали. А тут птицу железную в болото направить, да как белку в глаз, раз плюнуть, – ухмыльнулся старый шаман, выбивая об ладошку трубку.

– А медведь Хвома куда делся?

– Да так с ведуном Никитием и бродит. Не берет их время. Их самих не встречал я, а вот следы видел. Когтя у медведя одного нет, вот след и приметен. Никития вечным дедом называют. Молвят, что ведает он про сокровища Ермака, но не могут найти ни золото, ни старца. Только в трудную пору, когда Руси совсем тяжело становится, князь Гостомysl позволяет ему тратить часть сокровищ на благое дело.

P.S.

Ну, вот и всё, дорогой читатель.
Возможно, я продолжу повествование, есть и скелет продолжения.

Пока работал над «Звездами», я так привык к своим героям, что, наверное, уже не смогу без них.

Да я и сам иногда верю в их существование.

Например, как объяснить следующие факты?

В 1872 году молодежавый мужчина, который пожелал остаться неизвестным, сдав в один из банков Англии ювелирные украшения эпохи Александра Македонского, на вырученные деньги на верфи в Гриноке заказал винтовой буксирный пароход, получивший наименование «Скоро». При прибытии в Россию он был переименован и получил имя «Гостомысл».

Во время Первой мировой войны, 2 мая 1918 года, буксир захватили в Севастополе германские войска, 24 ноября – союзники, 29 апреля 1919 года – части РККА, 26 июня 1919 года – Белая армия, а с 15 ноября 1920 года – снова Красная. Почти при каждом захвате его минировали противники, но ни один заряд не сработал или вовремя был обнаружен и обезврежен. Со 2 декабря «Гостомысл» входил в состав судов Морских сил Черного и Азовского морей.

В 1924 году он получил наименование П-4, с 1929 года – «Труженик», а с 1 января 1932 года – СП-10.

С 11 января 1936 года судно числилось в составе Черноморского флота, где с 1939 года эксплуатировалось под наименованием СП-17, а с 1944 года ЧФ-41.

Пароход участвовал в Керченской операции, неоднократно высаживая десант морской пехоты, и ни один немецкий снаряд не упал даже рядом с ним.

11 августа 1941 года на территории Финляндии после бомбометания по Берлину и его окрестностям совершил вынужденную посадку советский бомбардировщик дальнего действия ТБ-7.

Он был отремонтирован. Экипаж немецких асов прошел переподготовку, после чего самолет поднялся в воздух и взял курс на Северный Урал. Скорее всего, он летел разбомбить рудник в районе Уральского города Кушвы, где добывалось сырье для самолетов ИЛ. Но больше о нем сведений нет. Он пропал.

А еще во время Великой Отечественной Войны народы Ханты-Мансийского округа сдали государству собранные деньги и драгоценности на 50 миллионов рублей. Только в 1941 году жителями Самаровского района внесено в фонд обороны 130 тысяч рублей, три килограмма золота, серебра и драгоценностей. В Березовском районе было внесено сто двадцать тысяч рублей, более килограмма золота и драгоценностей.

На 1 миллион 153 тысячи 350 рублей была построена эскадрилья «Самарский Колхозник».

Среди драгоценностей, говорят старожилы, была найдена шкатулка из слоновой кости с сережками старинной работы. На внутренней стороне крышки шкатулки арабской вязью была нанесена гравировка «Любимой Сузгун от любящего Кучум-хана».

В начале семидесятых в деревне Васильевка Черлакского района Омской области, копая колодец, на глубине семь с половиной метров, тракторист Коваленко Николай Иванович и учитель местной школы Быковский Петр Павлович нашли каменную статуэтку лошади, которую сдали в Омский краеведческий музей. Особая примета статуи – отрублена лопатой нога. Статуэтка выполнена искусным древним мастером. А значит, на территории Омской области существовал город «Асгард Ирийский» и обитала великая цивилизация на территории нынешней Сибири, земли моих и ваших предков.

Это прошлое нашей Великой Родины, история страны Шыбыр. И пусть вечно светят звезды над урманом, над землею шаманов и волхвов.

Да, чуть совсем не забыл. Недавно в одной из местных газет Ямала, кажется «Газовик», промелькнуло странное сообщение. «На скважине 345-бис, при проведении строительных работ, бригадой мастера Бубнова Александра Васильевича, был зафиксирован случай встречи с Чучуной (Снежным человеком), который появился ниоткуда на кустовой отсыпке. При попытке снять его на сотовые телефоны изображение не зафиксировалось. Строитель-монтажник, Насыров Салават Шакирьянович, бросил в снежного человека гаечным ключом, который растворился в пространстве вместе с видением. Все происшедшее можно, впрочем, принять за выдумку или массовую галлюцинацию, если бы не странный факт. Когда рабочие уже разошлись, обсуждая происшествие, из ниоткуда вернулся запущенный несколько минут назад Насыровым гаечный ключ 22 на 24, ударив последнего по затылку, набив ему шишку. Сей факт зафиксирован в служебной записке инженера по ТБ Рыжова Владислава Эдуардовича. Насыров С.Ш. лишен премии за нарушение техники безопасности».

(Шутка автора).

Вот и не верь теперь, дорогой друг, что клад атамана Ермака существует, но, как и Золотая Баба, охраняются ценности от алчных и жадных людей волхвами и шаманами.

Прошу не судить меня строго, не ловить на искажениях и неточностях исторических событий. Это просто сказка для взрослых, которую написал я своему внуку Олежке – потомку покорителей Сибири.

*С уважением, Олег Борисенко.
г. Нягань,*

*Ханты-Мансийский автономный округ – Югра.
02 ноября 2013 – 22 сентября 2017 года.*

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
-----------------	---

ЗВЕЗДЫ НАД УРМАНОМ

Пролог.....	7
Глава 1.....	9
Глава 2	15
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5.....	28
Глава 6	31
Глава 7.....	34
Глава 8	37
Глава 9	40
Глава 10.....	43
Глава 11	46
Глава 12.....	49
Глава 13.....	53
Глава 14.....	57
Глава 15.....	60
Глава 16.....	63
Глава 17	65
Глава 18.....	67
Глава 19.....	69
Глава 20	72
Глава 21.....	74
Глава 22	77
Глава 23	80
Глава 24	84
Глава 25	88
Глава 26	93
Глава 27.....	98
Глава 28	102
Глава 29	106

Глава 30	110
Глава 31.....	113
Глава 32	115
Глава 33	118
Глава 34	121
Глава 35	126
Глава 36	130
Глава 37.....	133
Глава 38	138
Глава 39	141
Глава 40	145
Глава 41.....	149
Глава 42	153
Глава 43	157
Глава 44	160
Глава 45	164
Глава 46	167
Глава 47.....	171
Глава 48	174
Глава 49	177
Глава 50	180
Глава 51.....	183
Глава 52	188
Глава 53	191
Глава 54	194
Глава 55.....	197
Глава 56	203
Глава 57.....	208
Глава 58	213
Глава 59	217
Глава 60	222
Глава 61.....	228
Глава 62	233
Глава 63	238
Глава 64	241
Глава 65	247

Глава 66	251
Глава 67.....	255
Глава 68	259
Глава 69	266
Глава 70	269
Глава 71.....	273
Глава 72.....	276
Глава 73.....	281
Глава 74.....	286
Глава 75.....	293
Глава 76.....	299
Глава 77.....	304
Глава 78	308
Глава 79.....	314
Глава 80	319
Глава 81.....	323
Глава 82	328
Глава 83	333
Глава 84	336
Глава 85	340
Глава 86	344
Глава 87	348
Глава 88.....	352
Глава 89	356
Глава 90	361
Глава 91.....	367
Глава 92	372
Глава 93	376
Глава 94	381
Глава 95	386
Глава 96	391
Глава 97.....	395
Глава 98	401
Глава 99	408
Глава 100	411
Глава 101	415

Глава 102.....	420
Глава 103.....	427
Глава 104.....	433
Глава 105.....	440
Глава 106.....	445
Глава 107.....	449
Глава 108	454
Глава 109.....	459
Глава 110	464
Глава 111.....	470
Глава 112	475
Глава 113	479
Глава 114	486
Глава 115	493
Глава 116	500
Глава 117.....	508
Глава 118	515
Глава 119	522
Глава 120.....	529
Глава 121	536
Глава 122.....	542
Глава 123.....	549
Глава 124.....	556
Глава 125.....	565
Глава 126.....	569
Глава 127.....	573
Глава 128.....	576
Глава 129.....	581
Глава 130.....	585
Глава 131	591
Глава 132.....	600
Глава 133.....	606
Глава 134.....	612
Глава 135.....	622
Глава 136.....	629
Глава 137.....	636

Глава 138.....	644
Глава 139.....	652
Глава 140	658
Глава 141.....	665

ЗВЕЗДЫ НАД МАНГАЗЕЙСКИМ МОРЕМ

Глава 1.....	675
Глава 2	687
Глава 3	692
Глава 4	698
Глава 5.....	706
Глава 6	711
Глава 7.....	718
Глава 8	723
Глава 9	728
Глава 10.....	734
Глава 11	742
Глава 12.....	746
Глава 13.....	752
Глава 14.....	760
Глава 15.....	767
Глава 16.....	773
Глава 17	780
Глава 18.....	785
Глава 19.....	795
Глава 20	803
Глава 21.....	810
Глава 22	816
Глава 23	822
Глава 24	829
Глава 26	842
Глава 27.....	850
Глава 28	855
Эпилог.....	860
P.S.	863